

Луи ЖАКОППО

Луи Жакотис

Louis JACCOLLIOT

Собрание
сочинений
в четырех томах

«ТЕРРА» - «TERRA»

МОСКВА

1993

Пуш ЖАКОЛИЧ

Собрание
сочинений

Том 1

«ТЕРРА» - «TERRA»
МОСКВА
1993

ББК 84.4 Фр
Ж 23

Составление *М. Секей*
Внешнее оформление *Ф. Барбышева*
Иллюстрации *Г. Кателли*

Подготовка оригинал-макета и оформления
осуществлены МП ТОО «Астра»

Ж 23 Жаколио Л. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 1. В дебрях Индии/ Пер. с франц. М. Волошиновой. — М.: ТЕРРА, 1993. — 560 с.: ил.

ISBN 5-85255-310-7 (т. 1)

ISBN 5-85255-309-3

В первый том Собрания сочинений известного французского мастера приключенческого жанра Луи Жаколио (1837—1890) входит роман «В дебрях Индии».

Ж 4703010100-066 Подписное
А30(03)-93

ББК 84.4 Фр

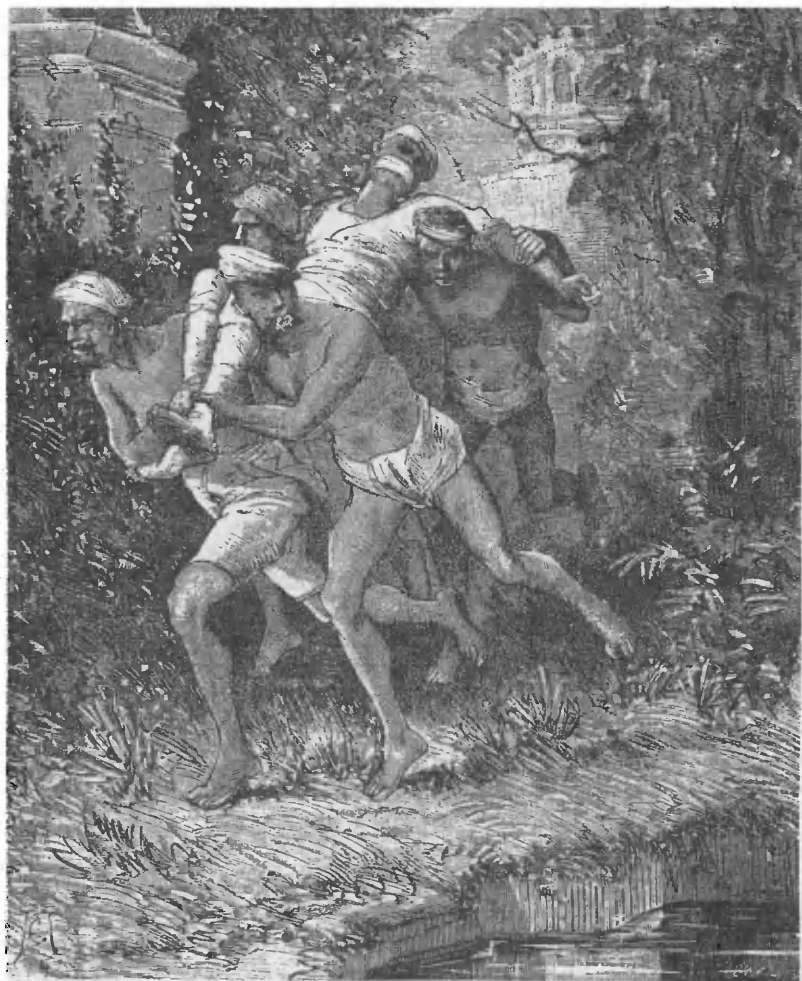
ISBN 5-85255-310-7 (т. 1)

ISBN 5-85255-309-3

© Издательский центр «ТЕРРА», 1993

В ДЕБРЯХ ИНДИИ

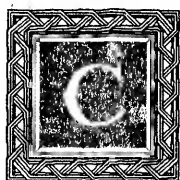

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Озеро Пантер

I

Адамов пик — Прибытие парохода — Озеро Пантер. —
Сердар. — Восстание сипаев.

МУТНО, ЕЩЕ ПРИ ПЕРВЫХ ПРОБЛЕСКАХ начинающегося дня вырисовываются перед нами неясные очертания безбрежной поверхности Индийского океана, тихие и спокойные волны которого еле отливают мелкой зыбью под дуновением свежего утреннего ветерка. Древний Тапробан, Цейлон, волшебный остров, Страна Наслаждений — Тео-Тенассерим, как зовут его бирманцы, — просыпается постепенно, по мере того как дневной свет заливает его гигантские пики, покрытые вечной растительностью, тенистые долины, служащие убежищем крупным хищникам, и берега, изрезанные красивыми бухтами и окаймленные кокосовыми пальмами с огромными, раскрытыми в виде султана листьями.

По всем тропинкам, соединяющим внутреннюю часть острова с городом Пуант-де-Галль, движется толпа сингалов* обоего пола, которые несут на голове фрукты, овощи, циновки, глиняную посуду, шкуры тигров и пантер и другие изделия местного производства, спеша предложить все это многочисленным путешественникам, приезда которых ждут сегодня на прибывающих из Европы судах.

Это было в первых числах мая 1858 года, в самый разгар восстания индусов против британского владычества, а потому три парохода с солдатами, офицерами, чиновниками граждан-

* Сингалы (синхала) — народ, основное население Цейлона.

ского ведомства и иностранными волонтерами, а с ними вместе и «Эриманта», французский корабль почтового ведомства, о прибытии которых было возвещено еще накануне, ждали у входа в фарватер, когда восход солнца позволит им войти в единственный узкий канал, ведущий к порту.

В нескольких милях от берега, на одном из высоких плато Соманта-Кунта, покрытом девственными непроходимыми лесами, на берегу маленького озера с чистой и прозрачной водой, известного у туземцев под названием озера Пантер, стояли два человека, опираясь на карабины, и с живым интересом наблюдали за прибытием пароходов. Поодаль от них стоял здоровенный индус из племени маратхов* с огромными усами и жесткими густыми бровями и с помощью малабарского** метиса, юноши лет двадцати, разводил костер для приготовления завтрака.

Маратх был человеком в расцвете сил, лет около тридцати пяти, высокого роста, красивого сложения, с умным и энергичным лицом; он сохранил все признаки воинственной и победоносной расы, которая три четверти столетия выдерживала натиск Ост-Индской компании. Он унаследовал ненависть предков к притеснителям своего народа и не мог слушать разговоры об англичанах без злобной улыбки и бессильного гнева, что придавало его лицу выражение необыкновенной жестокости.

Можно представить, с каким упоением выслушал он известие о восстании, которое должно было нанести смертельный удар британскому владычеству, восстанию, которому он и сам способствовал всеми своими силами с того самого дня, когда Нана-Сахиб отдал приказание ввести в Дели войска сипаев*** и восстановил затем царское достоинство старого наваба****, потомка Аурангзеба — Великого Могола.

При первом же известии о восстании он поспешил к своему господину и просил у него разрешения присоединиться к армии Нана, осаждавшей Лакхнау, но тот ответил ему:

— Нет, Нариндра! — (так звали маратха). — Мне нужны твои услуги; к тому же тебе и без этого представится много случаев

* М а р а т х и — народность, обитающая в Юго-Западной Индии. Маратхи славились своей воинственностью.

** М а л а б а р — историческая область в Южной Индии.

*** С и п а и — наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся в английскую и французскую колониальные армии из местных жителей.

**** Н а в а б — наместник провинции Могольской империи в XVII в. в Индии.

удовлетворить свою ненависть к англичанам. Мы сами будем скоро под стенами Лакхнау.

Нариндра остался и не раскаялся в своем повиновении.

Молодой малабарец, помогавший ему в кулинарных занятиях, носил имя Ковинда-Сами, но по принятому здесь обычаю это имя сократили, и все называли его Сами или просто «метис». Он исполнял обязанности доверенного слуги своего господина, мы бы сказали лакея, не считайся это звание в джунглях Индостана слишком мало заслуживающим уважения.

Два человека, которые стояли у последних уступов Адамова пика на высоте 2000 метров над уровнем моря и наблюдали за тем, как французские и английские суда, казавшиеся на таком расстоянии лишь малозаметными точками на голубом фоне неба, входили в порт Пуант-де-Галль, заслуживают еще более подробного описания, так как на них-то главным образом и сосредоточивается весь интерес этого повествования.

Несмотря на бронзовый загар, покрывший их лица в результате долгого пребывания под тропическим солнцем и говоривший о жизни, полной всевозможных приключений и треволнений, в них с первого взгляда можно было признать людей, принадлежащих к белой расе. Старший, на вид лет сорока, был значительно выше среднего роста; хорошо сложенный, сильный и мускулистый, он непринужденно и с чисто военной выправкой носил классический костюм охотников и исследователей, путешествующих в беспредельных лесах Азии и Америки или в пустынях Африки: панталоны, штиблеты до колен, охотничью блузу и пояс, за которым торчали револьверы и охотничий нож. На голове у него была надета одна из тех касок «солас», которые делаются из сердцевины алоэ и окружаются волнами из белой кисеи с целью ослабить слишком резкое действие солнечных лучей.

Лицо этого человека с тонкими аристократическими чертами, мягкими шелковистыми усами, закрученными кверху, темносиними глазами и красивым ртом освещалось слегка насмешливой улыбкой. Это лицо, носившее отпечаток редкой решимости, невольно заставляло вспомнить тип французского кавалерийского офицера, ставшего популярным благодаря карандашу Детайля.

Наш герой действительно принадлежал к этой нации и, надо полагать, служил когда-то в армии. Изящные манеры, забота о своей внешности несмотря на жизнь, полную приключений, изысканные выражения, которыми изобиловала его речь, — все указывало на то, что он не принадлежал к числу тех вульгарных авантюристов, которые бегут к чужеземным берегам из-за недоумений с правосудием собственной страны... Но каково было

его прошлое? Что делал он до своего появления в Индии? Никто из нас не бросает свою семью, друзей и отечество, не имея на то серьезных причин и не надеясь вернуться обратно. И когда собственно он появился в этой стране лотоса? Никто не мог бы ответить на эти вопросы, даже его товарищ, с которым мы скоро познакомимся.

Вот уже много лет он бороздит полуостров Индостан, остров Цейлон и мыс Кумари, вершины Гималаев и берега Инда, границы Китая и Тибета вместе со своим верным Нариндрой, в помощь

которому он взял молодого Сами еще в то время, когда его товарищ не явился к нему, чтобы разделить с ним его таинственную жизнь среди джунглей. Даже в часы грусти и уныния, когда человек спешит открыть своему близкому другу все, чем переполнено его сердце, ни единым словом не обмолвился он о том, что относилось к давно прошедшей его жизни и к причинам, побудившим его покинуть свое отечество.

Даже имя его оставалось неизвестным: он не давал себе никакого — ни вымышленного, ни настоящего. Индусы звали его Белатти-Срахдана, буквально — чужеземец, бродящий по джунглям. Для своих слуг он был просто Сахиб или Сердар, то есть Господин или Командир.

Что касается его товарища, с которым он случайно встретился у крепостного вала в Бомбее, где в это время расстреливали сипаев с их женами и детьми, и с которым сошелся благодаря одной и той же жажде мщения англичанам, то он коротко сказал ему, когда они представлялись друг другу:

— В детстве меня звали Фредериком. Зовите меня Фред в память об этом счастливом времени.

— All right! Очень хорошо, мистер Фред! — отвечал ему его собеседник.

Вот и все, что узнал последний от своего нового друга. Зато сам он до мельчайших подробностей рассказал ему свою историю.

Боб Барнет — так звали его — родился в Балтиморе в старинной американской семье и, истый янки, испробовал целый ряд занятий, не стесняя себя при этом никакими предрассудками. В молодости он был пастухом, затем дантистом, школьным учителем, журналистом, адвокатом, политиком и, наконец, поступил волонтером в армию генерала Скотта во время войны с Мексикой в 1846 году, откуда вернулся с эполетами полковника федеральной армии.

Выйдя в отставку после заключения мира, он отправился в Индию и предложил свои услуги радже Ауда*, армия которого была в подчинении у французских генералов Аллжара, Мартена и Вентюра. Раджа, с отменной любезностью принимавший всех иностранных офицеров, назначил его главным начальником артиллерии, наградив его чином генерала, дворцом, именем и рабами. Перед ним уже открывалась перспектива богатства и почестей, когда лорд Гэлузи, вице-король Индии, презрев все законы справедливости и права, конфисковал земли аудского раджи под тем лживым предлогом, что «бедный государь не уме-

* А у д — историческая область в Индии.

ет управлять своим королевством, и неурядицы, царящие в его государстве, служат дурным примером пограничным с ним владениям английской Ост-Индской компании».

Вот подлинные слова наглого и безнравственного декрета, освятившего это возмутительное насилие.

Раджа, не желая напрасно проливать кровь подданных, отказался от своих прав на престол и, выразив с благородным

негодованием протест против грабежа, отправился в Калькутту, где был заключен вместе со своей семьей во дворце на берегу Ганга, причем ему пригрозили, что навсегда лишат его пенсии, если он позволит себе хотя бы малейшую попытку к возвращению своих прав.

Генералу Бобу Барнету приказано было удалиться в двадцать четыре часа не только из дворца и столицы, но и вообще из Ауда под угрозой быть расстрелянным за измену, как ему сказал офицер, доставивший приказ.

С этого дня янки жил одной только надеждой на мщение, а потому восстание сипаев, в котором он играл, как мы увидим позже, весьма выдающуюся роль, явилось как нельзя более кстати, дав ему возможность удовлетворить свою жажду мести.

Боб был как в физическом, так и в нравственном отношении разительной противоположностью своего товарища. Толстый, с громадным туловищем, короткими ногами, головой, не пропорциональной его росту, он был истым представителем того англосаксонского типа, который послужил поводом к названию всей нации общим именем Джона Буля, то есть Джона-быка. Этот вульгарный тип часто встречается среди мясников Лондона; за полтора года лет он мало-помалу сгладился у англо-американских потомков первых пенсильванских колонистов. Но по странному влиянию наследственности он снова и во всем своем совершенстве восстановился у Боба.

Насколько его товарищ, даже в момент самой страшной опасности, был спокоен, хладнокровен и рассудителен, настолько бывший генерал аудского раджи был вспыльчив, жесток и безрассуден. Сколько раз в течение девяти месяцев, когда они как уполномоченные бывшего императора Дели участвовали в партизанской войне против англичан, Боб подвергал их всех опасности быть убитыми! Только благодаря хладнокровию и мужеству Сердара маленький отряд избегал этой опасности.

В момент опасности Боб не отступал ни на один шаг; храбрый до безрассудства, он всегда был сторонником самых отчаянных планов и, надо сказать, иногда добивался полного успеха несмотря на очевидное безумие своих предложений, так как враг не мог представить себе, чтобы кто-либо отважился на такой поступок.

Так, в одну прекрасную ночь Фред, Нариндра и он, переодетые мали и дорванами, то есть слугами, исполняющими самые отталкивающие обязанности, похитили из английской казармы в Читтуру целое сокровище, состоявшее приблизительно из полтора миллиона золотых монет в двадцать шиллингов с изображением ее величества.

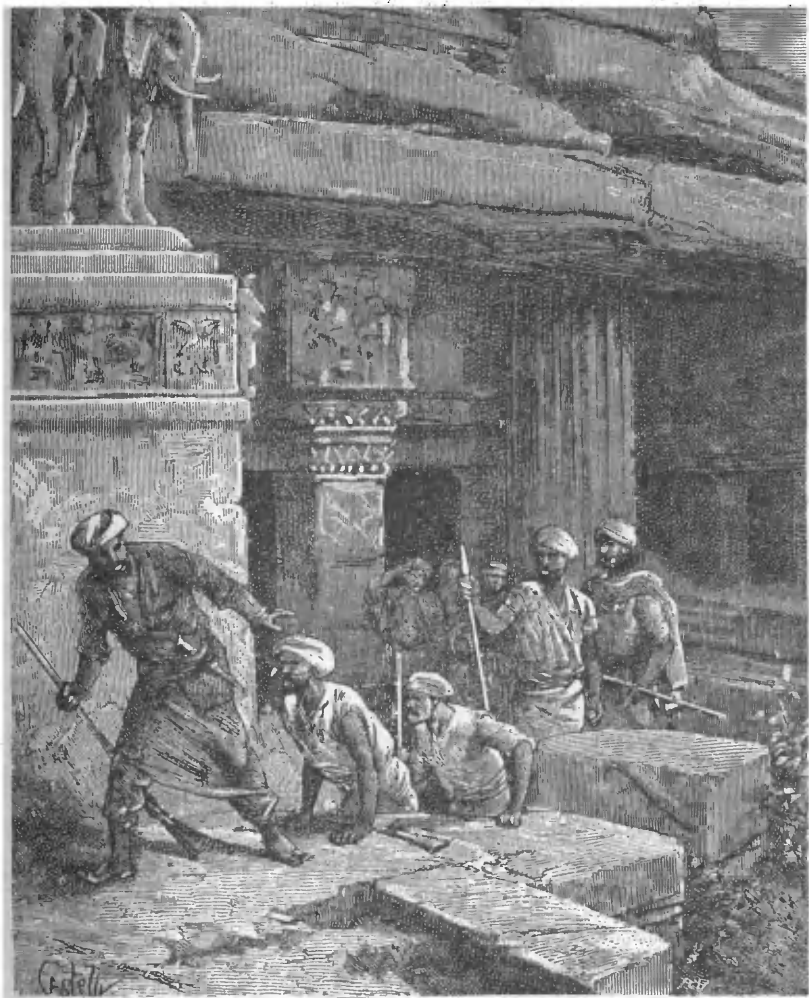
Распределив между собой обязанности, они должны были раз десять пройти взад и вперед мимо часовых, которые приняли их за настоящих слуг в лагере.

Этот поступок, как и сотни других, еще более удивительных, обеспечил им легендарную популярность во всей Индии не только среди англичан, но и среди туземцев. Вот почему губернаторы Калькутты, Бомбея и Мадраса, единственных городов, которые еще признавали британское владычество из-за своего положения морских портов, оценили их головы в двести пятьдесят тысяч франков, что составляло чуть ли не целое озеро рупий на местные деньги; четыре пятых этой суммы предназначалось за поимку одного только Белатти-Срахданы — чужеземца, бродящего по джунглям, тогда как Боб и Нариндра оценивались оба в пятьдесят тысяч франков.

Этот способ, возникший еще во времена варварства и сделавшийся обычным у английских властей, которые отрекались затем от агентов, сослуживших им службу, привлек к поимке авантюристов целую толпу негодяев, которым, однако, не удавалось еще обмануть их бдительности. Индусские воры и грабители, одни только способные согласиться на такое гнусное дело, не отличаются особым мужеством, а потому никто из них не решался встретиться с карабином Сердара, который одним выстрелом убивал ласточку во время полета и никогда не делал промаха на любом расстоянии от предмета, в который он метил.

Но Фреду и его другу предстояло в скором времени иметь дело с врагами более опасными, если не по храбрости, то по численности и ловкости; туземные шпионы донесли им, что полковник Лоуренс, начальник бомбейской полиции, выпустил из тюрьмы целую сотню колодников, осужденных за принадлежность их к касте тхутов, или душителей, поклонников богини Кали; он обещал не только полную свободу, но также и вознаграждение тем, кто доставит живыми или мертвыми Сердара и его постоянных спутников.

Эта угроза, представлявшая опасность несравненно более ужасную, чем все, что угрожало им до сих пор, не особенно испугала, по-видимому, наших храбрых авантюристов, которые даже оставили в лагере, расположенном в известном только им одним месте в Гатских горах Малабара, небольшой отряд в двадцать пять человек, отобранных Нариндрой среди старых его сослуживцев. Сердар расставался с отрядом только в редких случаях, когда отправлялся для совершения одного из тех безумных подвигов, которые приводили в восторг туземцев и вызывали мистический ужас у англичан. Удары наносились внезапно и в тот момент, когда враги ожидали совсем в другом месте. Фреду и его товарищу необходимо было иметь редкую смелость, чтобы ре-

шиться пройти одним всю восточную часть Индостана и проникнуть на Цейлон, не принимавший еще участия в восстании сипаев, где рано или поздно известие об их прибытии должно было дойти до сведения властей Канди.

Проявление такой отваги было относительно легким на столь большой территории, как Индостан, где Срахдана всегда мог рассчитывать на содействие жителей даже в тех редких

округах, которые оставались верными правительству, так как эта революция была борьбой не только «за религию», но и «за национальность», а потому каждый индус более или менее открыто выражал свое сочувствие Нана-Сахибу и бывшему императору Дели. Но здесь, на Цейлоне, жители которого, все буддисты, враждовали со своими братьями-индусами «из-за религиозных предрассудков», Сердар мог быть уверен, что он не только не получит поддержки, но что, напротив, его будут преследовать, как дикого зверя, стоит только губернатору острова указать на него сингалам как на легкую и выгодную добычу.

Одним словом, все заставляло предполагать, что маленький отряд неминуемо станет объектом поисков, и одного этого факта будет уже достаточно для того, чтобы понять важность миссии, которую взял на себя Сердар, готовый без колебаний пожертвовать для нее своей жизнью и жизнью своих товарищей.

Они были под стенами осажденного Нана-Сахибом Лакхнау, этого последнего оплота англичан в Бенгалии, когда однажды вечером в палатку Срахданы вошел сиркар* и передал ему листок высохшего лотоса, на котором были начертаны какие-то знаки, понятые, вероятно, Сердаром, так как он немедленно встал и, не говоря ни слова, вышел вслед за посланным.

Два часа спустя он вернулся обратно, озабоченный и задумчивый, и заперся вместе с Нариндрой, чтобы подготовиться к отъезду. На рассвете он отправился к Бобу, командовавшему отрядом артиллерии, и хотел проститься с ним, однако тот воскликнул: не клялись ли мы друг другу никогда не расставаться и делить вместе горе, тяготы, опасности, радости и удовольствия? И вот Фред нарушает данное слово, хочет один заниматься своим делом, но Боб не понимает этого, он последует за ним против его желания, раз это нужно. К тому же присутствие его у Лакхнау, который Нана решил погубить голодом, не нужно... В туземном лагере и без него есть достаточное количество европейских офицеров, которые с радостью готовы заменить его.

Грубый по натуре, но способный на преданность, доходящую до самозабвения, янки привязался к Фреду всей душой и страдал, видя, что ему не отвечают тем же.

Когда он с разгоревшимся лицом, заикаясь почти на каждом слове под влиянием сильного волнения, закончил бесконечный ряд своих доводов, Фред протянул ему руку и ласково сказал:

— Мой милый Боб, я подвергаю свою жизнь опасности из-за двух весьма важных вещей; на мне лежит две обязанности —

* Сиркар (харкара) — гонец, нарочный, посыльный.

долга и мести, для исполнения которых я ждал благоприятной минуты в течение целых двадцати лет. Я не имею права рисковать в этом случае твоей жизнью.

— Я отдаю ее тебе, — с жаром прервал его янки. — Я привык сражаться рядом с тобой и жить твоей жизнью. Скажи, что я буду делать без тебя?

— Будь по-твоему... Едем вместе и будем по-прежнему делить с тобой плохое и хорошее. Поклянись мне только, что ты ни при каких обстоятельствах не спросишь меня ни о чем до той минуты, когда мне позволено будет открыть тебе тайну, которая принадлежит не одному мне, и объяснить тебе причины, руководящие моими поступками.

Боб хотел лишь сопровождать своего друга и ничего больше не желал. Какое ему было дело до причин, побуждавших его действовать таким образом? Он весело дал Фреду требуемое от него слово и тотчас же побежал готовиться к отъезду.

Это было в то время, когда они расстались с маленьким отрядом маратхов, который форсированным маршем отправился к Гатским горам на Малабарском берегу, чтобы сбить с толку шпионов полковника Лоуренса и ввести англичан в заблуждение относительно своих настоящих намерений.

Маратхи, находившиеся под начальством Будры-Велладжа, назначенного Великим Моголом Дели субадаром* Декана, скрылись в пещерах Карли, близ знаменитых подземелий Эллора, и ждали того часа, когда наступит время играть предназначенную им роль. Маленький же отряд, который мы встретили вблизи озера Пантер на вершине Соманта-Кунта, направился к Цейлону под предводительством Сердара, который повел его через непроходимые леса Траванкора и Малайялама.

Он так искусно управлял своей экспедицией, что они добрались до самого сердца Цейлона, а между тем англичане вовсе не подозревали о приближении своих самых смертельных и ловких врагов.

План Сердара — наше положение повествователя позволяет нам, несмотря на молчание последнего, до некоторой степени открыть его — был в той же мере грандиозен, в какой и патриотичен. Гениальный авантюрист мечтал отомстить от лица Дюплекса** и Франции англичанам за все их измены и, восстановив

* С у б а д а р — один из высших чинов в индийской армии и администрации.

** Жозеф Франсуа Д ю п л е к с (1697—1763) был в 1741—1753 гг. губернатором Французской Индии, чьи владения находились на юго-востоке Индостана, со столицей в г. Пондишери.

французское владычество в Индии, прогнать оттуда ее притеснителей. Восстала пока одна только Бенгалия, но стоило всем южным провинциям, входившим в состав прежнего Декана, последовать примеру их северных братьев — и британскому владычеству наступил бы конец. Ничего не было легче, чем добиться этого, поскольку французы оставили в сердцах всех индусов восточной части полуострова такие воспоминания, что стоило дать малейший знак из Пондишери, и все они как один восстали бы и изменили красным мундирам. Все раджи и потомки царственных семейств, опрошенные втайне, дали слово стать во главе восстания, как только им пришлют несколько французских офицеров с трехцветным знаменем для управления их войсками.

Однако в силу утвердившихся дружеских отношений между Францией и Англией трудно было ожидать, что губернатор Пондишери исполнит желание, выраженное раджами Юга, и примет участие в общей стычке. Но вопрос этот мало смущал Сердара.

Этот удивительный человек — не какой-нибудь выдуманный нами миф, но действительно существовавшая личность. Ему не хватило лишь малого, чтобы вернуть Франции эту чудесную страну; он составил смелый план, по которому власть в Пондишери на сорок восемь часов переходила в его руки. Этого короткого срока было совершенно достаточно для того, чтобы поднять восстание и взорвать корабль, спешивший в Индию с сокровищами Альбиона.

Истоженная войной с Крымом, не имея лишних войск в Европе и располагая всего четырьмя тысячами солдат в Калькутте для подавления восстания в Бенгалии, Англия в течение семимесячной смуты не нашла возможности послать подкрепления горсти солдат, преимущественно ирландцев, которые бились исключительно за честь своего знамени, без всякой надежды победить двести тысяч сипаев старой армии Индии, восставших по одному слову Нана-Сахиба. Союз Юга с Севером должен был нанести окончательное поражение, и было очевидно всем и каждому, что англичане, изгнанные из трех портов — Калькутты, Бомбея и Мадраса, которые одни только еще держались на их стороне, должны были навсегда отказаться от мысли завоевать обратно Индию, на этот раз безусловно потерянную для них.

Три парохода, которые собирались войти сегодня утром в порт Пуант-де-Галль всего на каких-нибудь двадцать четыре часа, чтобы возобновить запас угля и провизии, привезли с собой не более тысячи восьмисот солдат; но англичане в то же время пригласили с ними лучшего своего офицера, генерала Хейвлока, своего крымского героя, который собирался с помощью этого

небольшого отряда снять осаду с Лакхнау и сдерживать натиск бунтовщиков в ожидании более сильных подкреплений.

Нана-Сахиб и Сердар, хорошо осведомленные об этом, проводили между собой очень длинные и секретные совещания; они не скрывали от себя, что английский генерал, прославившийся своей смелостью и искусством, мог с помощью гарнизонов Мадраса и Калькутты выставить около шести тысяч солдат старой линейной армии и что сипай, несмотря на превосходство своих сил, не устоят в открытом поле против мужества и дисциплины европейских солдат.

Нана только сейчас понял, какую ошибку они сделали, не предприняв на другой же день после начавшейся революции осаду Мадраса и Калькутты, как это советовал ему Сердар; но теперь было уже поздно, так как эти города были в настоящее время хорошо укреплены и могли несколько месяцев противостоять осаде. В это самое время Сердар и составил свой смелый план похищения генерала Хейвлока, который один только был в силах вести предполагаемую кампанию.

При мысли о возможности захватить в свои руки английского генерала по лицу Сердара пробегала странная улыбка, в которой опытный наблюдатель сразу уловил бы глубоко скрытое чувство личной ненависти. Однако эта улыбка мелькала, как мимолетная молния, и вряд ли можно было бы основывать какое-либо предположение на этом факте, не появляйся всякий раз, когда произносилось имя Хейвлока, то же самое характерное выражение, которое на несколько секунд искажало его обычно спокойное и серьезное лицо.

Надо полагать, что в прошлом этих двух людей связывало какое-то событие, которое поставило их лицом к лицу и теперь должно было снова натравить друг на друга. Нет ничего удивительного, если невольно вырвавшиеся у Сердара слова о мести, которой он ждал в течение долгих лет, были намеком на это таинственное соперничество.

Абсолютное молчание о придуманном им плане во всяком случае было обязательным, а потому понятно, что Фред, несмотря на всю свою дружбу с Бобом, которого он в хорошем расположении духа называл генералом, не мог доверить ему столь важной тайны, тем более что Боб представлял собой живое олицетворение болтливости.

В его жизни также была своя ненависть, о которой он рассказывал всякому встречному и при всяком удобном случае, и если враг его до сих пор еще ничего не знал об этом, то янки был здесь не виноват. Каждый раз, когда с ним случалось что-нибудь

неприятное, он потрясал в воздухе кулаком и кричал голосом, который казался скорее смешным, чем страшным:

— Проклятый Максвелл, ты поплатишься мне за это!

Максвеллом звали офицера, который по распоряжению высших властей проник во дворец генерала Боба Барнета и сообщил ему о приказании немедленно, не унося с собой ни одной рупии, покинуть дворец под угрозой быть расстрелянным.

И Боб, который вел там праздную жизнь среди благоухания цветов и наслаждений серала, лишь изредка, как начальник артиллерии, осматривая крепостные пушки времен Людовика XIV, поклялся отомстить Максвеллу.

По привычке, свойственной одной из его бесчисленных профессий, поскольку в течение своей полной приключений жизни ему приходилось заниматься также и коммерцией, он мысленно вел нечто вроде двойной бухгалтерии, в которой все свои злоключения списывал на счет Максвелла, обещая подвести баланс в первый же раз, как только случай снова столкнет его с этим офицером.

Солнце тем временем поднималось все выше и выше над горизонтом, заливая своими золотисто-огненными лучами беспредельную равнину Индийского океана и роскошную растительность острова. Вид, открывающийся с вершин Адамова пика на целый ряд плато, капризные волнообразные изменения почвы и долины; покрытые тамариндами, огневиками — растениями с огненно-красными цветами, тюльпанными деревьями с желтыми цветами, баньянами (индийскими фикусами), манговыми и цитрусовыми деревьями, представлял собой такое живописное и восхитительное зрелище, какое трудно встретить еще где-либо в мире. Но нашим авантюристам некогда было просветлять свои души соприкосновением с великим зрелищем природы: суда, величественно проходившие в это время по фарватеру, поглощали все их внимание. Они наблюдали за тем, как суда, осторожно обойдя песчаные мели, направились к Королевскому форту и бросили наконец якорь близ самого форта в двух или трех кабельтовых от берега. После нескольких минут молчаливого наблюдения Сердар положил бинокль обратно в футляр и, обращаясь к своему другу, сказал:

— Пароходы наконец у пристани; через четыре или пять часов должен прибыть наш курьер. Как приятно получать время от времени известия из Европы!

— Говори только за себя, — отвечал Боб, — ты получаешь воистину министерскую корреспонденцию; я же, черт возьми, с тех пор как нахожусь в этой стране, не получил еще ни одного клочка бумаги от своих прежних друзей. Когда я стал генералом

аудского раджи, то написал папаше Барнету и сообщил ему о своем повышении, но старик, всегда предсказывавший мне, что из меня ничего хорошего не выйдет, прислал мне сухой ответ в две строчки, что он не любит мистификаций... Вот единственное известие, полученное мною от моей почтенной семьи.

— Только бы Ауджали встретил Раму-Модели, — продолжал Сердар с задумчивым видом, не обращая внимания на болтовню своего друга.

— Ты напрасно послал его одного, — отвечал Боб, — я предупреждал тебя.

— Я не мог отправить ни Нариндру, ни Самы; они не знают Пуант-де-Галля, а так как тамильский и сингальский — единственные языки, на которых говорят на Цейлоне, — им незнакомы, они не могли бы разузнать о жилище Рамы.

— А Ауджали? — со смехом прервал его Боб.

— Ауджали два года до начала войны прожил у меня вместе с Рамой-Модели и сумеет его найти. Можешь быть уверен в его сообразительности. Я ему, впрочем, вручил письмо, достаточно объясняющее все, на тот случай, если бы Рама не понял по виду курьера, что оно адресовано ему. В том же пакете находится целая серия корреспонденций, адресованных европейским офицерам в армии Нана, которые не могут иначе получить никаких известий во время войны с Англией, ибо у повстанцев не имеется ни одного порта, посредством которого они могли бы сообщаться с границей.

— Достаточно малейшего подозрения, чтобы твой друг Рама был повешен на крепостном валу.

— Рама не боится ни англичан, ни смерти...

— Полно, — сказал Боб несколько ворчливым тоном, — не станешь же ты уверять меня, что ты исключительно из любви к ремеслу сельского почтальона заставил нас пройти форсированным маршем всю Индию, чтобы стоять теперь ради каких-то наблюдений на верхушке Адамова пика?

— Вот ты снова нарушил свою клятву, — грубо ответил ему Сердар, — зачем задаешь такие вопросы, если знаешь, что я не могу и не хочу тебе отвечать?

— Ну, не сердись, — сказал Боб, протягивая ему руку, — я ничего больше не буду спрашивать и с закрытыми глазами буду следовать за тобой... Только не забудь позвать меня, когда понадобится наносить удары или получать их.

— Я знаю, что могу рассчитывать на твою преданность, — с искренним волнением отвечал ему Сердар. — Не бойся, ты понадобись мне, вероятно, раньше, чем я желал бы этого.

Он взял бинокль и вновь занялся наблюдением.

Так всегда кончались эти споры.

Тем временем Нариндра и Сами приготовили кофе и рисовые лепешки — простая и умеренная пища, составлявшая обычно первый завтрак.

— И дрянной же корм! — ворчал Боб Барнет, глотая легкие лепешки, которые на местном наречии назывались аппис и были так же легки, как маленькие крокетки в форме ракушки, которые продают в Париже разносчики. — God bless me!* — любимое выражение генерала — надо по меньшей мере триста семьдесят таких пилюль... я рассчитал... чтобы насытить порядочного человека... и при этом ни одной капельки виски, чтобы согреть желудок. И подумать только, что у меня в подвале моего аудского дворца все было заставлено первосортными винами, старым виски, бутылками двадцатилетнего джина, — и их выпили за мое здоровье, не пригласив даже меня, эти сатанинские красные мундиры!.. Не заберись мы еще на эту сахарную голову, а останься на равнине, мы могли бы найти у туземцев птицу и аррак**!. Еще один день рисовых лепешек и чистой воды, потому что кофе есть не что иное, как вода, подкрашенная цветом «дебета» синьора Максвелла... Не беспокойтесь, капитан, все будет полностью уплачено вам; мы одним ударом подведем баланс наших счетов...

Продолжая таким образом ругаться и проклинать, честный янки поглощал целые горы, пирамиды апписов к великому удивлению Нариндры и Сами, которые не успевали готовить их. Но все в этом мире имеет свои границы, даже аппетит янки, и Боб Барнет кончил тем, что насытился. Он проглотил затем кружку кофе вместимостью четыре-пять литров, подслащенного тростниковым сиропом в сообразном этому количеству размере, и, громко крикнув два-три раза, сказал с видимым удовольствием, что теперь «ему гораздо лучше».

Странная раса эти англо-саксонцы! Еда — это потребность всякого живого существа, которой оно не может лишиться. Но странный феномен! В то время как жители юга — французы, итальянцы, испанцы и так далее — нуждаются в умеренности, чтобы вполне владеть всеми своими умственными способностями, у народов севера — германцев, скандинавов, англо-саксонцев — мозг действует только тогда, когда у них желудок плотно набит несколькими слоями съестных припасов. Знаменитый Боб Барнет был истым представителем этой расы, тяжелой и сонной

* Господи, помилуй! (англ.)

** А р р а к — рисовая водка.

натошак; человек дела просыпался в нем только тогда, когда он успевал удовлетворить свои животные потребности.

Покончив с завтраком, он взял карабин и, обернувшись к своему другу, сказал:

— Пойду на охоту, Фред!

Сердар нахмурил брови при этих словах, которые, видимо, раздражали его.

— Мы окружены врагами, быть может, шпионами! Будет лучше, если ты останешься здесь.

— У тебя много проектов, и они занимают тебя... ну, а мне что делать?

— Ты ведь знаешь, что твоя голова оценена...

— Да, в двадцать пять тысяч, ни больше ни меньше, как и голова Нариндры.

— Дело не в цене, а в том, чтобы сохранить ее в той же мере, как если бы англичане предлагали за нее целый миллион; ты знаешь также, что мы принимаем участие в весьма важном предприятии, от которого зависит судьба восстания, а вместе с тем и миллионов людей. Неужели ты не можешь пожертвовать минутным развлечением ради такого важного предприятия? Обещаю тебе, что мы сегодня же ночью вернемся на материк, а ты знаешь, что там у тебя будет масса возможностей пустить в ход свой карабин...

— Ты всегда прав, — отвечал Боб покорным тоном, — я останусь. Будь у меня удочка и веревочка, я поудил бы в озере.

Генерал произнес эти слова с такой комичной серьезностью, что Фред не мог удержаться от улыбки; он почувствовал некоторое сожаление, что отказывает своему другу в удовольствии, и сказал ему, немного поколебавшись:

— Если ты обещаешь мне не отходить далеко от той маленькой долины, что позади нас, в самой пустынной части горы, то, пожалуйста, ты не подвергнешь нас опасности, поохотившись там часика два; я боюсь только, что ты, увлеченный своею страстью к таким развлечениям...

— Клянусь, что не перейду за указанные тобой границы, — перебил его Барнет, с трудом скрывая свою радость.

— Что же, иди, если тебе так хочется, — отвечал Сердар, уже сожалея о своей слабости, — помни только свое обещание! Будь осторожен и не пропадай больше двух-трех часов... Ты мне понадобишься, когда вернется Ауджали.

Не успел еще Фред закончить своей фразы, как Барнет вне себя от радости скрылся позади плотной стены тамариндов и бурао, цепкие и сильные побеги которых спускались густой чащей в долину, указанную ему другом.

Было, надо полагать, часов одиннадцать утра; яркое солнце золотило верхушки больших лесов, которые шли этажами по капризным, волнообразным уступам Соманта-Кунта; озеро Пантер, прозрачность которого не нарушалась ни малейшим дуновением ветерка, сверкало, как огромное зеркало, под ослепительными лучами солнца; исполинские цветы огневиков и тюльпанных деревьев медленно колыхали свои крепкие черешки, как бы ища под листьями защиты от дневного жара; палящий зной, не смягченный никаким облачком, лился с небесного свода, заставляя птиц прятаться под ветками, а диких зверей — в глубине своих логовищ и призывая к покою все, что жило и дышало под этой тропической широтой.

Нариндра и Сами, не отягощая себя мыслями ни о гремучих змеях, ни о кобрах, вытянулись под карликовыми пальмами и предались всем сладостям отдохновения; тишина нарушалась только ясным серебристым звуком карабина с литым из стали дулом, который время от времени пускал в ход Барнет.

Всякий раз, когда этот звук, приглушенный буйной растительностью, которая преграждала путь воздушным волнам, достигал слуха Сердара, последний не мог удержаться от нетерпеливого движения; сидя под тенью баньянов, он продолжал наблюдать за горой с таким видом, как будто был чем-то серьезно озабочен.

Время от времени он складывал руки и, пользуясь ими, как акустическим рогом, внимательно прислушивался к шуму, который доносился из нижних долин со стороны Пуант-де-Галля. Можно было подумать, что он ждет условного знака, так как, послушав более или менее продолжительное время, он с лихорадочным нетерпением брал бинокль и внимательно изучал каждую складку земли, каждый участок лесной чащи, издавая под конец вздох самого глубокого разочарования.

Оставив свой наблюдательный пост, он задумался, и мысли его блуждали среди грандиозных планов, которые должны были удовлетворить два чувства, наполнявших всю его жизнь, — патриотизм и ненависть к извечным врагам Франции.

Это был один из тех людей, которых природа отлила из чистой бронзы и которые доказывали наглядным образом, что страсть к великим деяниям и героическая преданность не представляют собой всего лишь отвлеченных идей. Даже не зная его прошлого, можно было смело утверждать, что он не был способен на какие-либо низкие и бесчестные поступки, несмотря на то что перенес много испытаний.

Вот уже десять лет как он колесил по всей Индии, возмущаясь на каждом шагу алчностью британцев, которые душили эту

прекрасную страну всякого рода поборами, какие только могут быть придуманы торгашами, облагали бедных индусов податями, превышающими их доход, вытесняли местное хлопчатобумажное и шелкоткацкое производство, издавая деспотические приказы в пользу мануфактур Манчестера и Ливерпуля. С хладнокровием и жестокостью они способствовали исчезновению сотрока миллионов парий* чрезмерным вывозом риса, их единственной пищи, что таким образом периодически вызывало голод, который уносил миллионы жизней. Англичане не исправляли и не очищали в тех местах, где жили эти несчастные, пруды и оросительные каналы, без которых все гибнет во время засухи... И вот он, которого бедные наиры Декана звали Сердаром, а райоты Бенгалии — Сахибом, принял близко к сердцу судьбу этих несчастных и после десяти лет терпеливых страданий сошелся со всеми кастами, завоевал доверие тех и других, пользуясь повсюду религиозными предрассудками, внушив раджама надежду вернуть обратно отнятые троны. Таким образом ему удалось с помощью Нана-Сахиба организовать обширный заговор, в котором несмотря на миллионы заговорщиков не участвовало ни одного изменника. В условленный день по данному знаку восстали сразу двести тысяч сипаев без всякого о том ведома со стороны английского правительства, захваченного врасплох и не подготовившегося к защите. Поразительный пример, единственный в истории целого народа, когда за несколько лет вперед он уже знал условные слова и час, назначенный для свержения ига притеснителей, причем ни один из этих людей не выдал доверенной ему тайны.

Вот почему не без затаенной, но вполне законной гордости вспоминал Сердар свое прошлое. Дели, Агра, Бенарес, Лахор, Хайдарабад были уже взяты; Лакхнау должен был сдаться на днях; последние силы англичан заперлись в Калькутте и не смели выйти оттуда. Теперь ему осталось только закончить свое дело, подняв все племена восточной оконечности Индостана, прежде чем Англия успеет прислать достаточное подкрепление для ведения кампании. И вот для этого важного предприятия, которое должно было привести к окончательному торжеству восстания, прошел он Индию и весь остров Цейлон, избегая проезжих дорог и хоженных тропинок, чуть не каждый день сража-

* Пария (тамилск.) — представитель одной из «неприкасаемых» каст в Южной Индии.

ясь со слонами или дикими зверями, во владения которых он вторгался.

Никогда и никому не понять, сколько нужно было иметь настойчивости, энергии и героического мужества этим четверем человекам, чтобы перейти через Гатские горы Малабарского берега, пробраться сквозь болотистые леса Тринкомали и девственные леса Соманта-Кунта, в буквальном смысле слова кишевшие слонами, носорогами, ягуарами, черными пантерами, не говоря уже об ужасных ящерах, гавиалах и крокодилах, которые населяют озера и пруды сингальских долин.

Придя накануне к месту нынешней своей стоянки, они всю ночь вынуждены были поддерживать огонь костра на берегу озера Пантер, чтобы удержатъ от нападения диких зверей, которые все время бродили вокруг, злобно ворча, и удалялись только с первыми проблесками дня.

Они были уверены, что окончательно сбили с толку английские власти, которые, зная участие, принимаемое Сердаром в восстании, прекрасно понимали, как важно отделаться от такого противника, а потому неминуемо должны были принять все меры, чтобы этого достигнуть.

II

Ауджали. — Серьезные известия. — Боб Барнет. —
Рама-Модели — заклинатель. — Долина Трупов.

ДЕНЬ БЛИЗИЛСЯ К ВЕЧЕРУ, И СОЛНЦЕ клонилось к горизонту, а Боб Барнет, который ушел четыре-пять часов тому назад, все еще не возвращался; он даже не подавал никаких признаков жизни, и давно уже не были слышны выстрелы его карабина. По крайней мере в двенадцатый раз занимал Сердар свой наблюдательный пост, и все так же безуспешно. Он горько упрекал себя, что позволил уйти своему товарищу, который вопреки данному слову зашел, вероятно, гораздо дальше, чем позволяла осторожность; вдруг его мысли были нарушены отдаленным криком, напоминающим звук охотничьей трубы, который донесся к нему из нижних долин, со стороны Пуант-де-Галля.

Обрадовавшись он сделал невольное движение навстречу и стал ждать, затаив дыхание, так как звук этот был настолько слаб, что походил на ропот моря, донесенный только что подувшим ветерком.

Не прошло и минуты, как тот же звук повторился снова.

— Нариндра! — крикнул Сердар вне себя от восторга.

— Что случилось, Сахиб? — спросил поспешно прибежавший к нему маратх.

— Слушай! — сказал Сердар.

Нариндра прислушался в свою очередь. Крики повторялись с равными промежутками, но не становились очень громкими из-за далекого расстояния, на котором находился кричавший.

— Ну? — спросил Сердар с оттенком нетерпения в голосе.

— Это Ауджали, Сахиб, — отвечал маратх, — я прекрасно узнаю его голос, хотя он находится еще очень далеко от нас.

— Ответь ему! Пусть знает, что мы его слышим.

Маратх вынул из-за пояса огромный свисток из чеканного серебра и извлек из него три таких долгих и пронзительных свиста, что их можно было слышать за несколько миль оттуда.

— Ветер дует нам навстречу, — сказал Нариндра, — не знаю, дойдет ли до него этот сигнал, а между тем я был бы удивлен, если бы он не услышал его. Слух у Ауджали тоньше нашего.

В ту же минуту как бы в подтверждение его слов тот же призыв повторился три раза и с такой силой, которая указывала, что крикнувший имел ясное и определенное намерение дать знать друзьям о своем прибытии. Надо полагать, что кричавший несясь с безумной скоростью, так как, судя по большой силе голоса, пространство, отделявшее его от озера Пантер, значительно уменьшилось.

— До чего умен! — сказал про себя Сердар. — Этот Ауджали действительно необыкновенное создание.

Оба стояли и внимательно присматривались к той части долины, откуда легче было взобраться на гору, но густая листва бурао, покрытая ползучими лианами и другими паразитами, была так непроницаема, что не было никакой возможности рассмотреть нового посетителя...

— А что если он ничего не принесет? — осмелился спросить Нариндра, взволнованный в той же степени, что и его господин, почти все тайны которого он знал.

— Невозможно! — отвечал Сердар. — Ты, видно, не знаешь Ауджали, раз так клеветешь на него. Он не вернулся бы, не отыскав Раму-Модели, даже если бы ему пришлось искать его целую неделю.

Скоро оба наблюдателя заметили в двух— или трехстах метрах ниже того места, где они стояли, сильное движение веток и листьев, как будто вновь прибывший насильно пролагал себе дорогу, выбирая более короткий путь среди непроходимых сплетений растительности. Немного погодя из чащи бамбуков, росших на окраине плато, вынырнул великолепный черный слон колоссальных размеров.

Это был тот, кого ждали.

— Ауджали! — воскликнул Сердар.

Благородное животное отвечало тихим и ласковым возгласом, сопровождая его движением ушей, что служило у него знаком величайшего удовольствия. Весело подошел слон к своему господину и поставил на землю у его ног одну из тех корзин из листьев кокосовой пальмы, в которых индусы носят на рынок плоды и овощи. Корзина, принесенная Ауджали, была наполнена свежими плодами манго и бананами.

Сердар, не теряя времени на то, чтобы отвечать на ласки умного животного, высыпал фрукты на траву и не мог удержаться от вскрика радости, заметив на дне корзины толстый пакет, тщательно перевязанный волокнами кокосовой пальмы. Разорвать эти волокна было делом одной секунды; в пакете оказалось значительное количество писем, адресованных на имя иностранных авантюристов, которые предложили свою шпагу Нана-Сахибу. Эти письма были отложены в сторону. Кроме них там находились еще большой конверт, запечатанный несколькими печатями из красного воска, и один поменьше, без марки, но с надписью на тамильском наречии: «Salam Srahdana!», то есть «Привет тебе, скиталец джунглей!», сделанной на скорую руку карандашом.

В последнем находился, вероятно, ответ Рамы-Модели, цейлонского корреспондента Сердара, на письмо, переданное ему от своего господина умным Ауджали. Но Сердар, как ни интересовался последним, поспешно пробежал содержание большого конверта и воскликнул с торжеством:

— Нариндра! Мы можем ехать в Пондишери, успех моего плана обеспечен. Недели через две весь юг Индостана сбросит с себя ненавистное иго британского льва и на всем полушарии не будет ни одного красного мундира.

— Правду ли говоришь, Сахиб? — спросил маратх, голос которого дрожал от волнения. — Да услышит тебя Шива! Да будет благословен день мести! Эти низкие иноземцы сожгли наши дома, изрубили наших жен и детей; ни одного камня не оставили они на могилах предков и землю лотоса превратили в пустыню, чтобы легче было подчинить ее себе. Но из праха мертвых возродятся герои, когда крик смерти, угрожающий англичанам, пронесется от мыса Кумари до берегов Ганга.

Глаза Нариндры горели, ноздри его раздувались, кулак поднялся в знак угрозы, когда он говорил эти слова... он весь преобразился. В еще течение нескольких минут лицо его сохраняло жестокое и мстительное выражение, которое индусы-скульпто-

ры придают своему богу войны в старых пагодах, посвященных служению Шиве.

После этого взрыва чувств, одинаково воодушевлявших обоих, Сердар вскрыл письмо, которое Рама-Модели адресовал ему.

После первых же строчек он вздрогнул. Вот содержание этого интересного письма:

Срахдана-Сахибу

Рама-Модели, сын Чандра-Модели, дает знать следующее:

С большим огненным кораблем франгисов* приехал молодой человек твоего племени и говорит, что у него есть поручение к тебе.

«Ты отправишься, когда приедешь в Страну Цветов, — сказал ему тот, кто его посылает, — в жилище известного всем добродетельным людям Рама-Модели; он один скажет тебе, где ты можешь встретить Сердара».

Сегодня вечером до восхода луны Рама-Модели, чтобы отклонить всякие подозрения, сам приведет к Срахдана-Сахибу молодого француза.

Будь настороже, Сердар! Леопарды почуяли дичь. Они разбежались по равнине, а от равнины недалеко и до горы.

Привет Срахдане-Сахибу.

Рама-Модели

Сын Чандра-Модели сказал все, что полезно.

Письмо это привело Сердара в странное недоумение. Кто был этот молодой человек, нарочно приехавший к нему из Европы с каким-то поручением? Только одно лицо в Париже знало его отношение к Рама-Модели; это лицо вело активную деятельность в Европе по делу о восстании индусов и переписывалось с Нана-Сахибом и Сердаром. Это был Роберваль, бывший консул Франции в Калькутте, где он познакомился с Сердаром и с самого начала был поверенным его планов; восторженный патриот, он ни перед чем не отступал, чтобы помочь их успеху, и мы скоро увидим, какое участие он принимал в деле, которое впоследствии войдет в историю под названием «заговора в Пондишери».

Незнакомец был, по всей вероятности, послан им, но с какой целью? Сердар никак не мог догадаться; но больше всего его удивляло, что в письме, сопровождавшем присылку важных документов, не было сделано ни малейшего намека на это неожиданное посещение.

Как бы там ни было, но до разгадки тайны оставалось несколько часов, и незачем поэтому было ломать себе голову над разрешением вопроса, ответ на который окажется, весьма вероятно, не таким, как он предполагал.

* Т.е. французов. — *Примеч. перев.*

К чувству удовлетворения, которое он испытывал при мысли, что может считать свои планы удавшимися, прибавилось недовольство, превращавшееся постепенно, по мере того как проходили часы, в мучительную тревогу. Что случилось с Бобом Барнетом? Ушел около одиннадцати часов утра и не только не вернулся, но вот уже сколько времени не подает никаких признаков жизни. Карабин его смолк внезапно — обстоятельство, весьма важное для генерала; страстный охотник, неутомимый пешеход, он был не способен поддаваться усталости, хотя бы даже на минуту, в силу опасности, сопряженной с отдыхом в такой стране, где каждый пучок травы скрывал змею, а каждый куст — пантеру или тигра.

С другой стороны, молчание его никак нельзя было объяснить отсутствием дичи: всевозможные животные — зайцы, фазаны, дикие индейки, олени, вепри, буйволы, не говоря уже о хищниках, — буквально кишели в горных долинах, где никто не нарушал их покоя. Сингалы, будучи индуистами, не охотятся; лишь немногие из них ставят ловушки и устраивают засады вблизи источников, куда ходят на водопой черные пантеры, которых на Цейлоне такое множество, что правительство вынуждено было назначить премию за истребление этих хищников. Боб, таким образом, не должен был иметь недостатка в объектах для охоты, и если его карабин молчал, то оставалось предположить одно из двух: или с ним приключилось какое-нибудь несчастье, что было вполне возможно, или увлеченный своей пылкой натурой он все углублялся в чащу, не думая о времени, а затем при виде солнца, склоняющегося к горизонту, оставил свой карабин в покое, чтобы ничто не отвлекло его от намерения вернуться поскорее обратно. Во всяком случае, он не должен был забывать того сильного беспокойства, которое причинил своему другу.

Взволнованный, нечувствительный к безмолвным просьбам честного Ауджали, который грустно ходил за ним, напрасно ожидая благодарности за исполненное им с таким успехом поручение, Сердар шагал по берегу озера, внимательно прислушиваясь к каждому звуку и присматриваясь к каждой неровности почвы в долине в ожидании, что вот сейчас что-нибудь опровергнет его предчувствие и даст ему знать о возвращении друга.

Новый персонаж, который только что появился на сцене и который в этом повествовании играет, пожалуй, даже более важную роль, чем его хозяин, — слон Ауджали — не в первый раз оказывал такие услуги. Сколько раз уже в самых затруднительных случаях Сердар был обязан своим спасением хладнокровию и необыкновенному уму благородного животного.

Редкие качества, которыми природа одарила этого колосса, настоящего царя животных не только по своему росту и силе, но и по развитию умственных способностей, настолько замечательны, что мы не можем не описать его более подробно. Всякий знает, что слоны в Индии используются для таких работ, к которым неспособны другие спутники человека и которые требуют известной степени разума и личной ответственности. Они поливают поля и понимают, когда нужно остановиться, чтобы не залить растения, порученные их попечению. Они валят высокоствольный лес в одиночку или вдвоем, очищают его от веток, переносят по часто непроходимым дорогам и складывают их в самом образцовом порядке. Нет ни одного путешественника, который не видел бы в Коломбо, как они укладывают на набережной огромные стволы тикового дерева, которое идет на постройку судов и без машин не может быть сдвинуто с места. Они помогают грузить и разгружать суда, в совершенстве заменяя подъемные краны и без всякого труда опуская и поднимая самые большие тяжести; они оказывают незаменимые услуги кирпичникам, горшечникам, токарям, кузнецам и другим ремесленникам, заменяя собой недостающую им силу пара. Древние раджи формировали из них полки, которыми командовали туземные начальники, и пользовались ими во время войны. Англичане дрессировали их для артиллерии, и трудно представить себе более странное зрелище, чем вид этих животных, маневрирующих с поразительной точностью и ловкостью.

Они заменяют собой курьеров для передачи депеш, покрывая громадные пространства под управлением карнака*, которого они защищают от любого нападения, и никакая сила не заставит их отдать вверенных им чемоданов.

Однажды у слона, шедшего из Тричинополи в Хайдарабад, которые отстоят друг от друга на расстояние в двести миль, на полпути умер от холеры карнак; не позволяя никому тронуть его, слон взял труп и чемодан с депешами и тридцать шесть часов спустя вручил последний почтмейстеру главной линии, а тело карнака отнес обратно к его жилищу, где передал жене покойного, которая могла таким образом схоронить мужа по обычаю, принятому в ее касте.

Этот факт, как и сотни других, сделался легендарным в Индии и известен всему миру. Столь же кроткий и обходительный, сколь и могущественный, добрый и одновременно сильный, слон

* Карнак — погонщик слонов в Индии.

становится на плантациях самым близким другом детей своих хозяев, с которыми он играет и водит их на прогулку, окружая их самыми ревнивыми и бдительными заботами.

Но что больше всего поражает в этом удивительном животном и больше других существ на земле приближает его к человеку, так это то, что слон не ограничивается одной лишь механической работой, не понимая, что он делает, а, напротив, отдает себе полный отчет в могущих возникнуть случайных затруднениях и до известной степени умеет устранять их.

Привязанность его к хозяину превосходит все, что только можно себе представить; она доходит до того, что этот колосс, для которого не существует принуждения, переносит от него, не жалуясь, самое варварское обращение, самое бесчеловечное и незаслуженное наказание. В индийской литературе встречаются целые поэмы, посвященные восхвалению качеств и подвигов этого животного. Наконец, Пулеар, воплощение Вишну, защитник земледельцев и покровитель полей и наследства, изображается в виде божества с головой слона.

Ауджали был подарен Сердару за оказанную им услугу раджей из Барода. Он был замечательно выдрессирован начальником королевских слонов и уже в течение пяти лет принимал участие во всех событиях полной приключений жизни своего хозяина.

Солнце между тем быстро склонялось к западу и не более как через полчаса должно было исчезнуть за горизонтом, унося с собой свет и тепло к другому полушарию; тени увеличивались с каждой минутой, постепенно покрывая долины и леса теми неопределенными оттенками, которые предшествуют наступлению ночи в этих странах, почти лишенных сумерек...

А Боб Барнет не возвращался! Двадцать раз уже собирался Сердар отправиться на его поиски, но Нариндра всякий раз почтительно напоминал ему, что он несет ответственность за важные события, и эта ответственность не позволяет ему рисковать своей жизнью; к тому же уже не в первый раз случается такая история с Бобом, который исчезал на сорок восемь часов в Гатских горах Малабара и в Траванкоре, а затем преспокойно с улыбкой возвращался назад, тогда как все уже начинали думать, что его растерзали хищные звери или задушили тхуги.

— Мне кажется, — продолжал маратх, и слова эти успокоили Сердара, — что генерал не в силах был выносить дольше отсутствия виски. Обойдя гору, чтобы мы не заметили его, он отправился в Пуант-де-Галль, откуда завтра, свежий и довольный, вернется к нам на рассвете.

— Я, пожалуй, не прочь бы поверить твоим рассуждениям, — сказал Сердар, — потому что порывы такого рода в привычках бедного Боба, не знай он наверняка, что мы уезжаем сегодняшней ночью.

— Он, вероятно, забыл, Сахиб!

— Да хранит тебя небо! Неужели же Барнет мог забыть и то, что пребывание в Пуант-де-Галле опасно для нас? Что-то говорит мне, что о нас уже донесли английским властям Мадраса и Бомбея.

— Возможно, Сахиб! Но тебе известно, что обстоятельства такого рода не очень беспокоят генерала.

— Не нас одних мучают, однако, все эти тяжелые предположения. Взгляни на Ауджали! Вот уже несколько минут как он выказывает все признаки глубочайшего беспокойства: глухо фыркает, шевелит ушами, качает хоботом вверх и вниз, как бы собираясь схватить невидимого врага. И заметь... он не спускает глаз с нижних долин, куда Боб отправился на охоту.

— Ночь приближается, Сахиб! В этот час все хищники выходят из своих логовищ. Сюда, быть может, доходят их испарения, они раздражают и волнуют Ауджали.

— Весьма возможно... но разве ты не замечаешь, что он то и дело порывается броситься вперед и все в одном и том же направлении? Нет, в долине положительно что-то происходит.

— Может быть еще и другая опасность, Сахиб!

— Какая?

— Тебе известно, Сахиб, что английские шпионы, которые шли по нашим пятам через Бунделькханд и Мейвар и которых мы сбили с нашего следа, скрывшись в подземельях Эллора, принадлежат к касте поклонников Кали.

— Да, известно... кончай!

— Насколько мне помнится, в тот вечер, когда они шныряли вокруг нашего лагеря, Ауджали проявлял все признаки того, что он чувствует их присутствие.

— Как? Неужели ты думаешь, что душители напали на наш след?

— Не знаю, Сахиб! Тебе известно так же хорошо, как и мне, что эти люди появляются и действуют только ночью, в тени.

— В безлунные ночи особенно.

— И всегда неожиданно; если это так, то нам незачем искать причин и беспокоиться о волнении Ауджали, мы будем знать, с кем имеем дело.

— Быть может, ты прав, но я слишком хорошо изучил нрав Ауджали, чтобы не заметить разницы в том, как он себя ведет, когда его беспокоят испарения людей, а когда — хищных живо-

тных. Так вот, чем больше я наблюдаю за слоном, тем больше прихожу к заключению, что не хищные животные беспокоят его в эту минуту, а люди...

— В таком случае да хранит Шива Боба Барнета! Весьма возможно, что они устроили ему засаду.

— Если ты так думаешь, Нариндра, то почему мы не спешим к нему на помощь? Я никогда не прошу себе, если оставляю его на произвол судьбы.

— Интересы целых миллионов индусов, которые ждут слова Сердара для своего освобождения и слепо верят в него, выше интересов друга, — мрачно отвечал маратх. — Когда Сердар увидит Раму-Модели, когда он узнает, зачем молодой франгис приехал из Европы, презрев море и англичан, чтобы говорить с ним, тогда Нариндра первый скажет Сердару: теперь идем спасать генерала!

— Луна скоро взойдет, и Рама-Модели, должно быть, уже недалеко.

— Добрые духи, которые заботятся о судьбе людей, внушили мне сейчас одну мысль, и я хочу привести ее в исполнение.

— Говори, Нариндра! Ты знаешь, я люблю слушать твои советы.

— Ауджали уже столько раз доказывал свою сметливость. Не пошлет ли его Сердар на поиски генерала?

Слова эти были настоящим лучом света.

— Как я не подумал об этом раньше! — воскликнул Сердар. — Такая экспедиция, конечно, ему вполне по силам, он столько раз совершал несравненно более удивительные дела.

Подозвав к себе слона, он указал ему на долину, погруженную в ночную тень, и сказал на тамильском языке, все оттенки которого были ему прекрасно знакомы.

— Audjali, ingue po! Aya Barnett conda! (Ауджали, иди и приведи хозяина Барнета!)

Слон издал тихий возглас удовольствия, как бы желая показать, что он понял, и, несмотря на темноту, бросился вперед с такой быстротой, что лошадь даже галопом не могла бы его догнать.

В течение нескольких минут по шуму и треску кустарников, молодых пальм и бурао, которые колосс ломал на своем пути, можно было следить за направлением его хода по ложине. Два или три раза донеслось издали сердитое ворчание ягуаров и пантер, покой которых был нарушен проходившим мимо них гигантом. Мало-помалу все стихло и среди ночного мрака воцарилась прежняя тишина.

Трудно представить себе что-либо более величественное, чем первые часы ночи в джунглях Цейлона; в это время большие хищники из семейства кошачьих, которые весь день спокойно спят в глубине чащи, выходят из своих логовищ на поиски добычи для себя и своих детенышей. Медленно ползут они, затаив дыхание, чтобы захватить врасплох добычу, подбираясь к берлогам вепрей, к кустарникам, где прячутся олени, которые весь день бегали по лесу, а теперь ночью отдыхают и становятся легкой добычей плотоядных; тысячи шакалов, постоянных спутников ужасных хищников, за счет которых они питаются, оглашают воздух своим воем и тем невольно дают знать людям и животным, что им нужно быть настороже.

Нариндра зажег костер из сухого дерева, собранного молодыми Сами в течение дня, что удерживало хищников, бродивших кругом, на почтительном отдалении от лагеря. Погруженный в свои мысли, Сердар сидел у костра вместе со своими товарищами и держал наготове карабин, как вдруг на опушке леса показались очертания какого-то человека.

— Кто там? — крикнул Сердар, прицеливаясь.

— Это я, Рама-Модели, — ответил вновь пришедший.

— В добрый час!

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Ты один?

— Нет! Но я оставил своего молодого спутника внизу, в Башне Раджей... было бы неосторожно вести его сюда. Я встретил, поднимаясь сюда, пять или шесть черных пантер, которые с ворчаньем ползли по той дороге, где я шел. Не очень-то приятно иметь дело с этими животными, когда они голодны.

— Неужели ты не боялся за себя?

— Сердар забывает, что я заговорщик пантер, — с гордостью отвечал Рама-Модели.

— Верно, — сказал Сердар с улыбкой, которая показывала, что он не особенно верит этому.

— И затем, разве я не должен был прийти сюда!

— Ты мог бы в своем письме назначить мне место для свидания; я воспользовался бы ночной тьмой, чтобы спуститься на равнину.

— Ты, я вижу, не знаешь, что происходит.

— Что ты хочешь сказать?

— Английские власти Большой Земли дали знать правительству Цейлона о твоём прибытии сюда, и тхуги ищут тебя. Никто в точности не знает, где ты находишься, знают только, что ты скрываешься в лощинах Соманта-Кунта.

— Быть не может!

— Не имей я даже надобности представить тебе молодого франгиса, я все равно пришел бы.

— Благодарю тебя, Рама-Модели!

— Не друг ли ты наших братьев, не надежда ли старого Индостана!.. Какая неосторожность! Погасите костер!

— Он находится за пригорком и никто не может видеть его из Пуант-де-Галля.

— Гора кишит шпионами. Ты хочешь предупредить их о нашем присутствии?

— Пусть будет по-твоему! Нариндра, погаси!

— Он, кстати, больше и не понадобится, вы все пойдете со мной в Башню Раджей. Лучше и в то же время хуже места нельзя было выбрать; лучше потому, что оно забито черными пантерами — отсюда название озера — и ни один сингалец не рискнет идти сюда; хуже потому, что завтра гора будет оцеплена тремя батальонами сингальских сипаев и нам невозможно будет бежать; склоны здесь так круты, что им достаточно будет охранять только те долины, откуда можно подняться на гору и куда можно спуститься, и у вас будет отрезана всякая возможность к побегу.

— Что ты говоришь?

— То, что мне рассказал сам сиркар губернатора... сегодня вечером он нарочно поспешил ко мне, чтобы сказать об этом.

— А как насчет Башни Раджей? Дорого можно продать в ней свою жизнь?

— Нечего и думать о борьбе! Сегодня же ночью вы отправитесь в леса Анурадхапура, где никто не посмеет преследовать вас. Там такие ущелья, что два решительных человека могут остановить целую армию. Оттуда вы доберетесь до болот Тринкомали!..

— Этим самым путем мы пришли сюда.

— Дорога туда, следовательно, вам известна, и вы легко доберетесь до мыса Кумари на Большой Земле. Только там вы будете в безопасности среди наших. А когда назначен великий день?

— После нашего прибытия в Пондишери, я уже получил все необходимое от нашего корреспондента из Европы.

— Оставаться мне на Цейлоне, следовательно, бесполезно. Я последую за тобой и буду сражаться бок о бок с твоими.

— Итак, ты ничего не добился от бывших принцев этой страны?

— Ничего! Они получают пенсию от англичан и ведут никчемную и праздную жизнь, пользуясь золотом чужеземцев, вернее, жалкими остатками тех богатств, которые были украдены у них завоевателями и часть которых, угодно было оставить в их пользу.

— Как! Даже Синга-Раджа, семейные воспоминания которого так тесно связаны с легендарными преданиями большого острова, что он носит название его предков — Сингала? Он, который боролся до последней минуты...

— Он в таком же унынии, как и другие. Тебе известно, конечно, древнее предание буддистов, что Страна Цветов до тех пор только будет независима, пока гору Курунегала, самую высокую на острове, не прорежет огненная колесница. И вот, когда англичане провели железную дорогу из Коломбо в Канди, они воспользовались этой легендой и провели туннель через гору; предсказание священных книг, таким образом, исполнилось, и последний потомок древней династии Салер-Сурья-Ванса подчинился английскому губернатору. Ты видишь теперь, что нет надежды на то, чтобы народ действовал заодно с нами до тех пор, пока мы не вернемся сюда освободителями. А теперь я поведу вас к Башне Раджей, где нас ждет молодой путешественник вместе с моим братом Шива-Томби-Модели.

— Известно ли тебе, что нужно этому незнакомцу от меня?

— Об этом между нами не было сказано ни одного слова!

— Хорошо... мы следуем за тобой. Еще одно слово! Боб Барнет ушел сегодня утром на охоту в долины востока и еще не вернулся. Я боюсь, что с ним приключилось что-нибудь или что он, поддавшись искушению пройти в Пуант-де-Галль, был там арестован.

— Могу тебе поручиться, что Сахиб не был в Пуант-де-Галле. Тебе известно, что город состоит из набережной и двух параллельных улиц, а потому чужеземец не может остаться там незамеченным.

— В обычное время, но не во время наплыва пассажиров, которых там теперь много...

— Ты ошибаешься. Ни один солдат с трех английских пароходов не сошел еще на землю. Что касается французского пакетбота, то на нем только одна восьмая часть — французы, остальные же все офицеры индийской армии, которым не хватило места на судах с солдатами. Барнет, я уверен, не уходил с горы, а долина, куда он отправился охотиться, не оставляет сомнений в причине его исчезновения.

— Что ты говоришь? — пробормотал Сердар сдавленным от волнения голосом.

— Ее называют «Sava Telam», то есть долина Трупов, по причине того, что там находится множество костей людей и буйволов. Немногие охотники могут похвастаться тем, что вернулись оттуда целыми и невредимыми.

— Неужели мы должны оставить надежду?

— Не знаю... в этом месте обычно собираются все черные пантеры этой горы; они не терпят там ни тигров, ни ягуаров. В противоположность тому, что говорят о жестокости этих животных те, кто их не знает, они трогают человека только в том случае, когда голодны или ранены. Пусть Нариндра и Сами останутся здесь, чтобы предупредить твоего друга, если он вернется, что мы в Башне Раджей. Если же после окончания нашего разговора с молодым путешественником он еще не вернется, то мы отправимся его искать... Мы должны еще до рассвета быть далеко отсюда. С первыми проблесками дня, как я тебе уже говорил, оба склона Соманта-Кунта будут окружены кордоном войска.

— Скорей же! Я сгораю от нетерпения узнать причины странного визита ко мне... Ты не боишься, что с Нариндрой и Сами что-нибудь случится во время нашего отсутствия?

— Взгляни: луна только что вошла... полнолуние, и она светит ярко. Даю слово, что ни одна пантера не посмеет взойти на плато при таком ярком свете.

III

Башня Раджей. — Таинственный посланник. — Эдуард Кемпбелл. — Резня в Хардвар-Сикри. — Просьба о спасении. — Сын Дианы де Монморен.

ОСОВЕТОВАВ ОСТАВШИМСЯ ИНДУСАМ быть осторожными и поспать, Сердар догнал Раму-Модели, который опередил его и уже спускался по лошине, противоположной той, по которой ушел Боб Барнет. Индус шел тем легким и ровным шагом, каким обычно ходили представители его племени,

не оставляя после себя следов.

Менее чем через час они прибыли к Башне Раджей.

На Цейлоне, как и во всей Индии, по распоряжению прежних властителей страны в пустынных местах, населенных хищными зверями, были выстроены кирпичные четырехугольные башни, служившие убежищем для путешественников, которые заблудились или были застигнуты ночью в этих опасных дебрях. Отсюда происходит название Башни Раджей, данное им местными жителями. В прежние времена в этих зданиях всегда можно было найти запас риса, постоянно пополняемый щедротами властителей, а также все необходимые кухонные принадлежности и циновки для спанья; но англичане положили конец подобным филантропическим затеям, и от этих караван-сараяв, где бедня-

ки не только могли отдохнуть от усталости, но и подкрепить свои силы вкусной пищей, не осталось ничего, кроме четырех стен. Так исчезло большинство древних благотворительных учреждений, порожденных законами гостеприимства, столь почитаемыми на Востоке... Брать все и ничего не давать взамен значит, по мнению англичан, дарить народу благоденствия цивилизации.

Первый этаж башни был освещен факелом из дерева буроа, настолько смолистого, что маленькая ветка его могла гореть, не угасая, в течение нескольких часов подряд и давала достаточно света. Посреди единственной комнаты башни стоял молодой человек лет двадцати, в котором по внешнему виду сразу можно было признать англичанина. Он ждал вместе с братом Рамой-Модели прибытия Сердара.

Национальность молодого человека не ускользнула от пронизывающего взора Сердара. Он сразу понял, что предстоит весьма важный и серьезный разговор, который не должен быть известен индусам, сопровождавшим его. Вот почему, не дожидаясь, когда его представят, он поспешил спросить англичанина, говорит ли он по-французски.

— Почти так же хорошо, как и на своем родном языке, — отвечал молодой человек по-французски.

— Мой вопрос может показаться вам странным, — продолжал Сердар, — но Индия ведет в данный момент войну против вашего отечества; обе стороны совершают неслыханные жестокости, которые внушают отвращение всему человечеству, но, к несчастью, я должен признать, что ваши соотечественники первыми подали сигнал к этому, расстреливая картечью женщин, стариков, грудных детей, целые семьи сипаев, которые перешли на сторону восставших. Еще недавно майор Кемпбелл, комендант Хардвар-Сикри, маленькой крепости в Верхней Бенгалии, осада которой близится к концу, сделал вылазку незадолго до блокады войсками Нана-Сахиба и хладнокровно приказал уничтожить всех пленников, захваченных им среди мирных жителей соседних деревень. Вы должны понять, следовательно, почему я не хочу, чтобы ваша национальность была известна моим друзьям индусам, потерявшим своего отца во время этой резни... Но что с вами... Вы бледнеете!..

Сердар не успел больше ничего сказать и бросился к молодому человеку, который был, по-видимому, готов упасть в обморок. Но эта минутная слабость была непродолжительна; англичанин, собрав всю свою силу воли, выпрямился и поблагодарил своего собеседника:

— Ничего, — сказал он... — Долгий путь в гору... Затем зной, к которому я не привык... Все это до того утомило меня, что мне показалось, будто я падаю в обморок.

Рама-Модели принес свежей воды из соседнего источника, и молодой человек с жадностью выпил несколько глотков. Хотя он и говорил, что чувствует себя хорошо, однако растерянный взгляд и разгоревшееся лицо явно свидетельствовали о том, что он еще не оправился от полученного потрясения.

Сказанные молодым человеком слова не ввели Сердара в заблуждение, и он вежливо попросил извинить ему слова, оскорбительные, быть может, для национального самолюбия англичанина, но сказанные им исключительно из желания быть ему полезным.

— Факты, рассказанные мною, известны всем, — сказал он, — они будут принадлежать истории. Я обязан был упомянуть вам о них, чтобы вы поняли необходимость хранить в тайне свою национальность.

— Меня предупреждали об этом, — отвечал молодой англичанин таким горестным тоном, что сердце Сердара дрогнуло. — Не зная еще грустного факта смерти отца Рама-Модели, который губит все мои надежды, я оставил последнего при убеждении, что я француз. Мать моя, впрочем, принадлежит к этой нации.

— Говорите, я слушаю вас, — сказал Сердар, в высшей степени заинтригованный этими словами.

— Увы! Я сильно опасаясь, что преодолел эти две тысячи миль только для того, чтобы убедиться, что вы ничего не можете сделать для меня.

Он остановился на минуту, подавленный охватившим его волнением, но тотчас же продолжал:

— Достаточно одного слова, чтобы вы все поняли: меня зовут Эдуард Кемпбелл, я сын коменданта Хардвара.

Внезапный удар молнии поразил бы Сердара меньше, чем это неожиданное сообщение, и выражение благосклонного интереса, которое было на его лице, мгновенно исчезло.

— Что нужно от меня сыну майора Кемпбелла? — медленно и с расстановкой спросил он.

— Англия отказывается защищать Верхнюю Бенгалию, — пролепетал молодой человек так тихо, что Сердар еле расслышал его. — Крепость Хардвар должна скоро объявить о капитуляции. Я знаю, какая страшная участь ждет гарнизон, и явился поэтому просить вас, как просят милости у Бога, как можно просить единственного человека, который пользуется теперь властью в Индии, спасти моего несчастного отца.

И, с жаром произнеся эти слова, сын майора упал на колени перед Сердаром. И среди тишины, наступившей за этим разговором, раздались надрывающие душу рыдания. Молодой человек плакал... он чувствовал, что его отец осужден.

Сердар едва не ответил громким криком негодования на просьбу спасти человека, который так позорно запятнал себя кровью Индии, что даже наиболее патриотически настроенные газеты Лондона не пытались защищать его. Две тысячи человек, словно стадо баранов пригнанных на эспланаду Хардвара и подставленных под картечь двух артиллерийских батарей, которые стреляли до тех пор, пока не замер последний жалобный вздох, представились ему в эту минуту... Он увидел перед собой кровавые призраки, требующие мести или по крайней мере правосудия, и, вспомнив палача, едва не осыпал жестокими словами его невинного сына.

Страшная это была трагедия в Хардвар-Сикри и, несмотря на безумство, до которого дошли англичане, требовавшие в эти злосчастные дни избиения индусов целыми толпами, многие члены парламента навсегда заслужили себе уважение тем, что добивались наказания виновных. Два селения, в которых жили преимущественно отцы, матери и семьи сипаев, виновных в том, что они прибегли к оружию для поддержания восстановленного трона своего прежнего властителя в Дели, были окружены небольшим гарнизоном Хардвара, и старики, жены, молодые люди, дети были расстреляны за то, что их отцы, сыновья и мужья примкнули к восстанию. Свидетели, присутствовавшие при этом, рассказывают, что в то время как капитан Максвелл командовал расстрелом, гробовое молчание, царившее кругом, нарушалось только плачем грудных детей, лежащих возле своих матерей.

Понятно, что преступление подобного рода не могло не вызывать негодования и жажды мести во всех кастах Индии. Все, у кого кто-либо из родных попал в эту ужасную бойню, дали клятву убивать всякого англичанина, который попадется им в руки. Догадайся только в эту минуту Рама-Модели, что перед ним сын коменданта Хардвара, — и молодого человека не спасли бы ни присутствие Сердара, ни юношеский возраст.

Нана-Сахиб сразу после ужасной трагедии направил главный корпус войска для осады крепости, и теперь с минуты на минуту все ждали, когда голод заставит ее сдаться.

Тронутый молодостью и глубоким горем своего собеседника, Сердар не хотел усугублять его отчаяния лишними жестокими словами.

— Будьте уверены, — сказал он после нескольких минут размышления, — что пожелай я даже удовлетворить вашу просьбу, и тогда мне было бы невозможно избавить коменданта Хардвара от правосудия индусов. Здесь не помогут ни власть, ни влияние самого Нана-Сахиба.

— Ах, если бы вы знали моего отца, — произнес молодой человек, заливаясь слезами, — если бы вы знали, как он добр и человечен, вы не обвинили бы его в таком бессовестном поступке.

— Не я обвиняю его, а вся Индия, все те, кто присутствовал при этой ужасной трагедии. К тому же отец ваш был старшим комендантом, и ничто не могло произойти без его приказа... Факты свидетельствуют против него.

— Я чувствую, что бесполезно убеждать вас и просить.

И, подняв руки к небу, несчастный воскликнул:

— О, бедная Мэри, милая сестра моя!.. Что скажешь ты, когда узнаешь, что наш отец погиб безвозвратно.

Эти слова были произнесены с выражением такого глубокого горя и отчаяния, что Сердар почувствовал себя растроганным до слез; но он не хотел и не мог ничего сделать, а потому ограничился только тем, что пожал плечами.

Рама-Модели не понимал ни одного слова по-французски, но название города Хардвара, несколько раз повторяемое во время разговора, в высшей степени возбудило его любопытство. Он с напряженным вниманием следил за обоими собеседниками, надеясь по лицам узнать тайну их разговора. Он был далек от того, чтобы подозревать об истинном смысле происходящей перед ним сцены, хотя отчаянный вид молодого человека заставлял его догадываться о важном ее значении; настоящий смысл открылся ему гораздо позже, когда Сердар нашел возможным рассказать ему обо всем, не подвергая никого опасности.

Оборот, с самого начала принятый разговором, отдалил ответ на вопрос, который так заинтриговал Сердара. В предыдущем разговоре молодой англичанин никак не мог найти случая сообщить Сердару, как и каким образом он прибыл сюда, а потом, разумеется, должен был вернуться к этому, прощаясь с ним.

— Мне теперь ничего больше не остается, — сказал он, — как передать вам небольшую вещицу, доверенную мне нашим общим другом. Она должна была привести меня к вам в том случае, если бы вы отказались меня принять.

— Вы говорите, вероятно, о господине Робервале, — прервал его Сердар. — Действительно, нет другой рекомендации, которая имела бы равное значение для меня. Надо полагать, вы не объяснили ему цели вашего посещения, иначе он сам понял бы его бесполезность.

— Я не знаю человека, о котором вы говорите. Друга, который посоветовал мне прибегнуть к вам как к единственному лицу, способному спасти моего отца, зовут сэр Джон Ингрэм. Он член английского парламента.

Наступила очередь молодого человека удивляться эффекту, произведенному его словами. Не успел он произнести это имя, как Сердар побледнел и в течение нескольких минут не мог под влиянием сильного волнения произнести ни одного слова. Но жизнь, полная приключений, которую он вел в течение стольких лет, научила его управлять своими чувствами, а потому он вскоре вернул себе обычное хладнокровие.

— Сэр Джон Ингрэм! — повторил он несколько раз. — Да, имя это слишком глубоко запечатлелось в моем сердце, чтобы я забыл его.

Затем на несколько минут он погрузился в далекое прошлое, пробуждавшее в нем, по-видимому, тяжелые воспоминания. Лоб его покрылся каплями пота, и время от времени он вытирал его лихорадочно дрожащей рукой.

Смущенный, испуганный переменой в лице своего собеседника, молодой англичанин не смел говорить и ждал, когда Сердар продолжит начатый разговор.

Скоро последний поднял голову и сказал:

— Простите, пожалуйста! Вы еще слишком молоды и не понимаете, что значит в несколько минут пережить прошлое, полное страданий и тяжелых испытаний... но все прошло, и мы можем продолжать... Вы сказали, что вам поручили передать мне...

— Одну вещь, — отвечал Эдуард Кемпбелл, подавая ему маленький сафьяновый мешочек.

Сердар поспешно открыл его и, внимательно осмотрев то, что в нем было, сказал тихо, как бы про себя:

— Я так и думал!

В ящичке находилась половина лорнета, а внизу под ним пергаментная ленточка и на ней одно слово, написанное знакомой ему рукой «Memento!», что означает «Помни!»

— Эдуард Кемпбелл, — торжественным голосом сказал Сердар, — поблагодарите сэра Джона Ингрэма за то, что ему пришла в голову мысль пробудить священное воспоминание... воспоминание, ради которого я ни в чем не могу ему отказать. Клянусь честью, что я сделаю все, что только в человеческих силах, чтобы спасти вашего отца.

Безумный крик радости был ответом на эти слова, и молодой англичанин бросился к ногам Сердара, смеясь, плача, жестикулируя, как безумный, и целуя его колени.

— Полно, успокойтесь, — сказал Сердар, подымая его, — приберегите вашу благодарность для сэра Джона Ингрэма. Только ему одному вы будете обязаны жизнью своего отца, если мне удастся спасти его. Я возвращаю свой долг и не желаю никакой благодарности от вас. Я, напротив, должен благодарить вас за то, что вы доставили мне случай расплатиться. Позже вы поймете мои слова, теперь же я ничего больше не могу вам сказать. Слушайте меня внимательно. Вы отправитесь со мной, потому что вам в руки я передам свой выкуп, то есть вашего отца.

— Я не один. Моя младшая сестра Мэри была так мужественна, что решилась сопровождать меня и теперь ждет на французском пакетботе.

— Тем лучше... чем больше будет наш караван, тем легче скроем мы наши намерения. Вы должны в точности следовать всем моим инструкциям. Возвращайтесь на «Эриманту», которая завтра продолжит свой путь к Пондишери, подождите меня в этом городе, куда я прибуду самое позднее недели через две. Никто не должен подозревать, что вы родственники коменданта Хардвара, поэтому вы должны назваться именем вашей матери, француженки, — так, кажется, вы сказали?

— Это уже сделано... Сэр Джон, наш покровитель, прекрасно понял, что мы не можем пробраться в Индию в самый разгар восстания ни под видом англичан, ни под видом детей майора Кемпбелла, который благодаря последним событиям приобрел незаслуженную, я в этом уверен, репутацию. Мы записались поэтому в книге для пассажиров «Эриманты» под именем нашей матери.

— Которую зовут?

— Де Монмор-Монморен.

— Вы сын Дианы де Монмор-Монморен! — воскликнул Сердар, прижав руку к груди, как бы опасаясь, что сердце его разорвется.

— Нашу мать действительно зовут Дианой... Откуда вам это известно?

— Не спрашивайте меня, умоляю вас... Я не могу отвечать вам.

Подняв затем руки к небу, он с невыразимым восторгом воскликнул:

— О, провидение! Тот, кто отрицает тебя, никогда не имел случая познать мудрость твоих непостижимых велений.

Повернувшись затем к молодому человеку, он долго и пристально смотрел на него.

— Как он походит на нее, — говорил он себе, — да, это ее черты, ее прелестный рот, большие нежные глаза, открытое и чистое выражение лица, на котором никогда не промелькнуло и тени

дурной мысли... А я ничего не знал!.. Вот уже двадцать лет как я покинул Францию... всеми проклинаемый... изгнанный, как прокляженный... Ах! Я уверен, что она никогда не обвиняла меня.. И у нее уже такие большие дети! Сколько тебе лет, Эдуард?

— Восемнадцать.

— А твоей сестре? — продолжал Сердар, не замечая, что он говорит «ты» молодому человеку. В голосе его теперь было слышно столько нежности, что последнего это не оскорбило.

— Мэри нет еще и четырнадцати лет.

— Да, верно... Ты говорил мне, кажется, что отец не способен на такие вещи, как избиение в Хардваре? Теперь я верю тебе, я слишком хорошо знаю Диану и ее благородные чувства, она не согласилась бы сделаться женой человека, способного на такую жестокость. Я не только спасу твоего отца, но возьму его под свою защиту; я докажу его невиновность перед лицом всех людей, а когда Срахдана говорит: «Это так!», никто не осмелится опровергать его слова... Благодарю Тебя, мой Боже! Твое милосердие и справедливость будут мне наградой за тяжелые часы испытаний.

Только что пережитые волнения слишком сильно подействовали на Сердара; ему необходимо было успокоиться, подышать свежим воздухом, и он вышел, не обращая внимания на зловещие завывания шакалов и рычание пантер, которые время от времени раздавались поблизости от башни, и принялся ходить взад и вперед по небольшому лужку перед самым зданием, погрузившись в воспоминания и совершенно забыв об опасности. Эти размышления были прерваны Рамой-Модели, который подошел к Сердару и, притронувшись к его руке, почтительно, но твердым голосом сказал:

— Сахиб, часы бегут, время не ждет, Боб Барнет нуждается, быть может, в нашей помощи. Здесь, в горах, мы не можем оставаться до утра, иначе нас окружат со всех сторон. Следует немедленно принять какое-то решение, мы не можем терять ни минуты.

— Ты прав, Рама, — отвечал Сердар, — долг прежде всего. Какой у меня сегодня необыкновенный день! Позже ты все узнаешь, я ничего не хочу скрывать от своего лучшего и преданнейшего друга.

Они вошли в башню, и Сердар передал молодому англичанину свои последние инструкции. Но как изменился тон его речи! Это был нежный и любящий голос близкого человека.

Решено было, что молодой Шива-Томби, брат Рамы, должен сопровождать Эдуарда в качестве спутника и проводника и не расставаться с ним. Повторив ему несколько раз, чтобы он самым

тщательным образом заботился о брате и сестре во время переезда с Цейлона в Пондишери, Сердар, поглощенный важными планами, которым он посвятил свою жизнь, объявил мнимому графу Эдуарду де Монмор-Монморену, что им пора расстаться.

Вместо того, чтобы позжать ему руку как человеку, с которым он только что познакомился, Сердар протянул ему обе руки, и молодой человек с жаром бросился в его объятия.

— До свидания, дитя мое! — сказал авантюрист растроганным голосом. — До свидания в Пондишери...

Сердар и Рама-Модели проводили Эдуарда и Шиву-Томби до первых возделанных полей, чтобы защитить их в случае неожиданного нападения. Дойдя до большой дороги из Пуант-де-Галля в Канди, где больше нечего было бояться встреч с хищниками, они простились с ними и поспешно направились к озеру Пантер, чтобы оттуда вместе с Нариндрой и Сами идти на поиски генерала.

IV

Судьба Барнета. — Охота в джунглях. — Грот. — Нападение носорога. — Бесплезные призывы. — Битва Ауджали в джунглях. — Спасен!

ОКА СЕРДАР И РАМА-МОДЕЛИ, НИКОЛЬКО не беспокоясь об опасных гостях, с которыми они могли встретиться, взбираются по крутым склонам Соманта-Кунта, мы вернемся немного назад, чтобы узнать, какие важные обстоятельства могли столь долго удерживать Боба Барнета вдали от его друзей.

Как ни был беззаботен генерал, он все же не мог причинить столько беспокойства другим, и мы вскоре увидим, что без чужой помощи он не сумел бы выйти из того положения, в которое он, сам того не желая, поставил себя.

Получив от Сердара разрешение поохотиться несколько часов, он отправился с твердым намерением не преследовать таких крупных животных, как буйволы, вопри, олени, которые могли завлечь его очень далеко, а убить только пару-другую индюшек, чтобы внести некоторое разнообразие в ежедневное меню, которое, как известно, состояло из рисовых лепешек и кофе, подслащенного тростниковым сиропом. Пища такого рода, говорил генерал, пригодна только для птиц или индусов.

Будучи опытным охотником, которому достаточно войти в джунгли, чтобы по расположению местности, а также качеству и обилию растительности понять, с какой дичью ему придется

иметь дело, он тотчас же обратил внимание на расстилавшийся перед ним ковер водяных мхов и тростников, которые всегда указывают на присутствие болота. Со свойственной ему проницательностью он тотчас же сказал себе, что раз это болото, то здесь, следовательно, не может не обитать водяная дичь; довольный пришедшим ему в голову рассуждением, он мысленно представил себе полдюжины чирков и столько же жирных бекасов, приготовленных на вертеле для ужина.

Этот сладкий гастрономический мираж нетрудно было превратить в действительность, так как среди болот Цейлона живет и питается много всякой крылатой дичи. Никто из туземных жителей не охотится на нее и не ест ее мяса, а потому немудрено, что она очень быстро размножается, так что достаточно нескольких выстрелов, чтобы добыть желаемое ее количество.

Увидев великолепного зайца, имевшего неосторожность вынырнуть из чащи в каких-нибудь тридцати шагах, Боб Барнет уложил его на землю с быстротой молнии и, положив в сумку, продолжал путь к намеченному им месту в глубине долины. В начале пути он то и дело встречал небольшие плато, которые значительно облегчали ему путь, но мало-помалу спуск становился все более и более крутым, и ему пришлось оставить в покое свой карабин, чтобы с помощью веток кустарников и стеблей бамбука удержаться от более быстрого, чем он желал, спуска в глубину долины. Насколько он мог видеть, перед ним расстилались огромные пространства лесов с густой листвой, которые шли волнообразно соответственно волнообразной поверхности почвы. Эти леса тянулись вплоть до прохода к Анурадхапуре, который заканчивался на востоке чем-то вроде цирка, окруженного недоступными лощинами.

Этот бассейн, который образует продолговатый параллелограмм, имеет ширину не более четырех-пяти миль, но тянется в длину на шестнадцать миль от Соманта-Кунта до развалин города Анурадхапуры, выстроенного у самого выхода этого огромного углубления земли, которое представляет собой как бы целое море зелени, окруженное почти вертикальными горами. Выйти из него можно было только через проход, о котором мы говорили, так как лощина, выбранная Барнетом для спуска, проходила по очень крутому склону.

Можно было подумать, будто природа преднамеренно устроила здесь убежище для хищных зверей, чтобы они могли жить и развиваться там, где человек не мог нарушить их покой. Вот почему здесь всегда было любимым местом пребывания тигров, леопардов, черных пантер; отсюда взбирались они ночью по крутым склонам и рассыпались группами по окрестностям, чтобы

взять дань со стад туземцев, когда почему-либо им не благоприятствовала охота на оленей, вепрей и таких мелких животных, как зайцы, дикие козы и так далее. Здесь водились также большие стада диких слонов, владения которых тянулись до озера Кенделле в провинции Тринкомали. Можно было здесь встретить несколько пар больших индийских носорогов, предки которых жили по всей Азии в конце третичной эпохи; в настоящее время они вымирают, но не в результате охоты на них человека, а из-за изменившихся условий жизни. Однако в то время ничто не мешало им свободно жить и размножаться в джунглях и уединенных местах Индии и Цейлона.

Это было то самое место, относительно которого никто не мог похвастаться, что прошел его вдоль и поперек, и откуда, по словам Рамы-Модели, не вернулся ни один охотник; именно сюда отправился Барнет ради своего любимого развлечения. После двух часов невероятных усилий и упражнений, достойных акробата, генерал спустился наконец в глубину долины.

— God bless me! — воскликнул он, подняв голову, чтобы рассмотреть пройденный им путь. — Как же я поднимусь теперь навверх?

Но он недолго думал над этим и поспешил к болоту, которое заметил еще с вершины плато. Болото было окружено ротангом и бамбуком, что давало ему возможность пробраться туда, не обратив на себя внимания болотных жителей.

Первый взгляд, брошенный им сквозь листву растений, привел его в неописуемый восторг... Стаи чирков, ржанок, водяных курочек забавлялись в воде и щипали болотную траву, не подозревая о его присутствии... Но... какая радость для гурмана! В одном из уголков болота спокойно отдыхала довольная своей сытостью стая исполинских уток, которых за их вкусное, сочное мясо прозвали в Индии брахманскими утками.

Дрожа от волнения, как охотник-новичок, Боб Барнет поспешил зарядить свой карабин дробью номер 3, считая ее достаточно ввиду небольшого расстояния, не более тридцати-сорока метров от того места, где находились его жертвы. Примостившись на земле таким образом, чтобы можно было стрелять в горизонтальном направлении, он прицелился в самую гущу стаи. Из воды виднелись только головы и шеи уток, которые были настолько неподвижны, что их можно было принять за верхушки кольев, погруженных в тину.

Он выстрелил и — удивительная вещь! — птицы, никогда, вероятно, не слышавшие ружейного выстрела и принявшие его за гром, который часто бывает на Цейлоне, где редкий день проходит без грозы, ни на секунду не поднялись с болота, чтобы

искать себе убежище в другом месте, а повернули головы сначала в одну, а затем в другую сторону, не выказывая при этом особенного беспокойства.

Совсем по-иному они отреагировали, когда Барнет, раздвинув листву, чтобы посмотреть на результаты своего выстрела, показался вдруг на берегу болота. Оглушительный шум крыльев и разных голосов встретил его появление, и все птицы, как большие, так и малые, мгновенно поднялись в воздух и перелетели за сто метров от того места, где они сидели перед этим.

Боб торжествовал: после их отлета на поверхности воды плавали семь трупов брахманских уток, а три раненых птицы барахтались в траве, куда они еле добрались после тщетных попыток улететь. Добить раненых и поднять убитых было делом нескольких минут, так как болото не было глубоко в этом месте. Заяц и десять исполинских уток представляли порядочный груз для Барнета. Он боялся, что не будет в состоянии подняться на Соманта-Кунта со всей этой дичью, а потому испустил глубокий вздох сожаления при мысли о том, что вынужден будет оставить часть этих прекрасных птиц. Тут у него мелькнула неожиданная мысль: солнце стояло еще очень высоко на горизонте, а гимнастические упражнения, которым он предавался недавно, развили в нем сильный аппетит; желудок его давным-давно уже позабыл об утренних рисовых лепешках. Он сообразил, что, поджарив хотя бы две из этих превосходных уток, он сразу же отправит их в свой желудок и будет избавлен от печальной необходимости или бросить их здесь, или нести на своих плечах.

Не успела у Барнета мелькнуть эта мысль, как он тотчас же принялся за ее исполнение. Прежде всего он занялся выбором места, вполне соответствующего такой деликатной гастрономической операции. Связав с помощью сухой лианы убитую им дичь, он отправился вдоль подошвы горы, пока не увидел наконец нечто вроде грота, который тянулся между двумя скалами, точно выточенными рукой человека. Барнет вошел в грот и сделал несколько шагов вперед, не выпуская из рук карабина, чтобы удостовериться, не служит ли этот грот дневным убежищем какой-нибудь пантере; потолок на протяжении двадцати метров имел одинаковую высоту, а затем сразу опускался, и грот заканчивался узким туннелем высотой в один метр и длиной четыре-пять метров.

Когда глаза привыкли к темноте, он убедился, что в гроте нет ни одного животного; хищные звери обычно предпочитают кусты среди чащи леса и избегают пустынных убежищ в скалах. Он вернулся ко входу в грот и, приготовив костер из сухих веток, разжег его, а затем оципал и выпотрошил уток, которые пока-

зались ему наиболее нежными и молодыми. Проткнув их деревянным прутом, он повесил птиц над огнем на двух палках из буро с вилообразными концами.

Утки, всю жизнь потреблявшие обильную пищу, были покрыты порядочным слоем жира цвета свежего масла, так что на них приятно было смотреть. Они медленно румянились над огнем под наблюдением Барнета, который внимательно следил за ними, облизываясь в ожидании вкусного обеда. В первый раз с тех пор как знаменитый генерал ступил на остров Цейлон, он намеревался есть, как подобает христианину, и забыть на время воздушные лепешки — плоды кулинарного искусства Нариндры.

Но вот наступил важный момент, который искусный повар должен уловить с быстротой молнии, чтобы не дать огню испортить свое произведение, и Барнет, успевший сорвать по дороге несколько лимонов, принялся с наслаждением выжимать сок из них на кожицу уток, которая стала мало-помалу покрываться маленькими пузырьками, без которых, по словам Брилли-Саварена, нет удачного жаркого. Вдруг со стороны леса послышался необычайный шум, который сразу отвлёк внимание Барнета от совершаемой им операции. Было ясно, что сухие ветки и кустарники ломаются и трещат под чьими-то тяжелыми шагами.

Но прежде чем Барнет успел подумать о том, что ему делать, шум послышался еще ближе, и огромный носорог показался между двумя скалами, которые вели ко входу в грот, где генерал устроился с целью избежать сквозного ветра, чтобы тот, раздувая огонь, не мешал ему заниматься своей операцией.

Эта предосторожность, служившая доказательством его редкого кулинарного искусства, погубила его; стоя на краю небольшой площадки, предшествующей гроту, он не мог никуда бежать, когда показалось страшное животное.

Но авантюрист был храбр и уже сотни раз имел случай доказать свою отвагу, а потому, несмотря на дрожь ужаса, пробежавшую по всему его телу при этом внезапном появлении, нисколько не потерял головы. Результатом этого хладнокровия была мысль о том, что его ждет неминуемая гибель.

Он поспешно бросился к карабину, лежавшему в нескольких шагах от него, и, с быстротой молнии заменив заряд дробы конической пулей, кинулся к гроту и в два прыжка очутился внутри него.

Носорог был удивлен не меньше Барнета, увидев незнакомое существо, которое преграждало ему путь в его собственное жилище; он колебался несколько секунд, не зная, на что ему решиться, и вдруг, испустив оглушительный рев и опустив вниз голову, бросился вперед. Но Боб Барнет, заранее предвидевший

эту атаку, поспешил к узкому туннелю, которым заканчивался грот и куда не мог проникнуть его колоссальных размеров враг. Вынужденный, к несчастью, пробираться туда ползком, он уронил свой карабин и не успел поднять его, как враг был уже рядом. Добравшись до глубины туннеля, он обернулся и не смог сдержать крик ужаса: голова свирепого животного, почти целиком проникнувшая в отверстие, находилась всего в пятидесяти сантиметрах от него, а у него не было другого оружия, кроме револьвера, которым он не решался воспользоваться.

Носорог — самое глупое животное в мире. Просунув свою голову в углубление, он никак не мог понять, что его тело не в состоянии туда пройти, и несколько часов подряд оставался в том же положении, пытаясь протиснуться в туннель и беснуясь оттого, что не может ухватить добычу, находящуюся так близко возле него.

Боб мог бы положить конец этому, сделав несколько выстрелов из револьвера, который по своему калибру должен был произвести на носорога известное действие, но не успел он этого подумать, как в ту же минуту снова опустил оружие. Ему сразу пришло в голову, что пуля, безвредная для всех частей тела колосса, могла убить его на месте, проникнув через глаз в область мозга, и как же ужасно тогда будет его положение! Попад в засаду в узкий туннель, где он едва мог повернуться из-за проникшей туда огромной массы в несколько тонн, которую он не в силах будет вытолкнуть обратно, он вынужден будет ждать голодной смерти, окруженный гнилыми испарениями разлагающегося тела. Настоящее же положение давало ему некоторый шанс на спасение, и даже довольно верный: носорог мог устать, да, наконец, и голод, укрощающий самых свирепых животных, должен был рано или поздно выгнать его на пастбище.

Барнет находился в таком положении, когда даже самые храбрые теряют голову. Согнувшийся вдвое в этом каменном убежище, оглушенный ревом бессильной злобы колоссального противника, он задыхался, кроме того, от тошнотворного запаха, который при каждом вздохе животного заполнял узкое пространство.

Надо сознаться, однако, что энергичный янки с редким героизмом переносил постигшую его судьбу. Когда он убедился в том, что стены его тюрьмы настолько прочны, что могут противостоять всем усилиям атакующего, к нему вернулось его обычное присутствие духа, и надежда снова поселилась в его сердце. Он слишком хорошо знал Сердара и других своих спутников и был уверен, что они явятся к нему на помощь.

Случись это происшествие часом позже, когда он, подкрепившись, готовился бы к обратному путешествию, он мог бы по крайней мере воспользоваться приготовленным вкусным обедом, но злему року угодно было лишить его даже этого гастрономического утешения. Он не мог, разумеется, спокойно думать о двух утках, которых он так прекрасно зажарил и не успел съесть.

— Ах, капитан Максвелл! Капитан Максвелл! — бормотал время от времени храбрый генерал. — Еще один пункт на дебете... Боюсь, что при встрече со мной вы никогда не будете в состоянии расплатиться по моему счету.

И он продолжал мысленно подводить итоги своей бухгалтерской книги.

— Плюс... две утки, поджаренные в самый раз — результаты моей охоты, погибшие по вине господина Максвелла... Плюс... несколько часов в глубине этой дыры с носорогом за спиной... по вине того же лица... Что ж, я нисколько не преувеличиваю, — говорил Боб Барнет, продолжая свои рассуждения, которым он мог предаваться на свободе. — Не возьми этот негодяй Максвелл в плен аудского раджу и не выгони он меня при этом из дворца, не было бы и восстания для восстановления раджи; не будь восстания, я не поступил бы на службу к Нана-Сахибу и Сердару из ненависти к англичанам; не поступи я на службу...

Бесполезно приводить дальше это бесконечное сплетение рассуждений относительно случившихся с ним несчастий, в которых великий начальник артиллерии раджи обвинял английского капитана, ненавистного ему человека. Когда он узнал, что в Хардвар-Сикри находится офицер с тем же именем (Максвеллы столь же распространены в Англии, как Дюраны и Бернары во Франции), который командует артиллерией, он воскликнул:

— Это мой молодчик, наверное!.. Только он может совершать такие подлости.

И даже не моргнув глазом, хотя дело совсем не относилось к нему, он прибавил и это к своему счету.

Носорог тем временем устал от принятого им неудобного положения и удалился на середину грота, где, вытянувшись во всю длину и положив морду между передними ногами, продолжал наблюдать за своим пленником.

Это существо, наделенное маленьким мозгом и почти совсем лишенное памяти, отличается удивительно изменчивым нравом, часто переходя от безумного, слепого гнева к полной апатии, а потому не было бы ничего удивительного, если бы он вдруг встал и пошел пастись в джунглях, не думая больше о враге, которого он час тому назад преследовал с таким ожесточением.

Но этой драме не была суждена столь мирная развязка. Наступила ночь, не принеся никаких изменений в положении обоих противников; в гроте царил полная тьма, и хотя Боб Барнет ясно слышал ровный храп колосса, он не смел воспользоваться его сном для побега, ибо в случае неудачи его ждала верная смерть. Он, пожалуй, не прочь был бы рискнуть, не будь уверен, что не пройдет и ночи, как к нему уже явятся на помощь, и что во всяком случае враг его, наделенный значительным аппетитом, как все животные этого рода, выйдет с пробуждением дня на пастбище.

Взошла луна и осветила своими бледными лучами вход в пещеру; в ту же минуту носорог вдруг поднялся, выказывая все признаки страшного беспокойства, и принялся ходить взад и вперед с видимым волнением, стараясь удержать одолевавшую его зевоту, которая у этого животного всегда служит предвестником сильного взрыва гнева. Барнет с удивлением спрашивал себя о причине такой внезапной перемены, когда на довольно близком расстоянии от грота раздался вдруг громкий и звучный крик, на который носорог отвечал злобным ворчанием, не выходя из грота. Кто был этот новый враг, который навел на него такой страх, что он боялся выйти из грота и вступить с ним в бой?

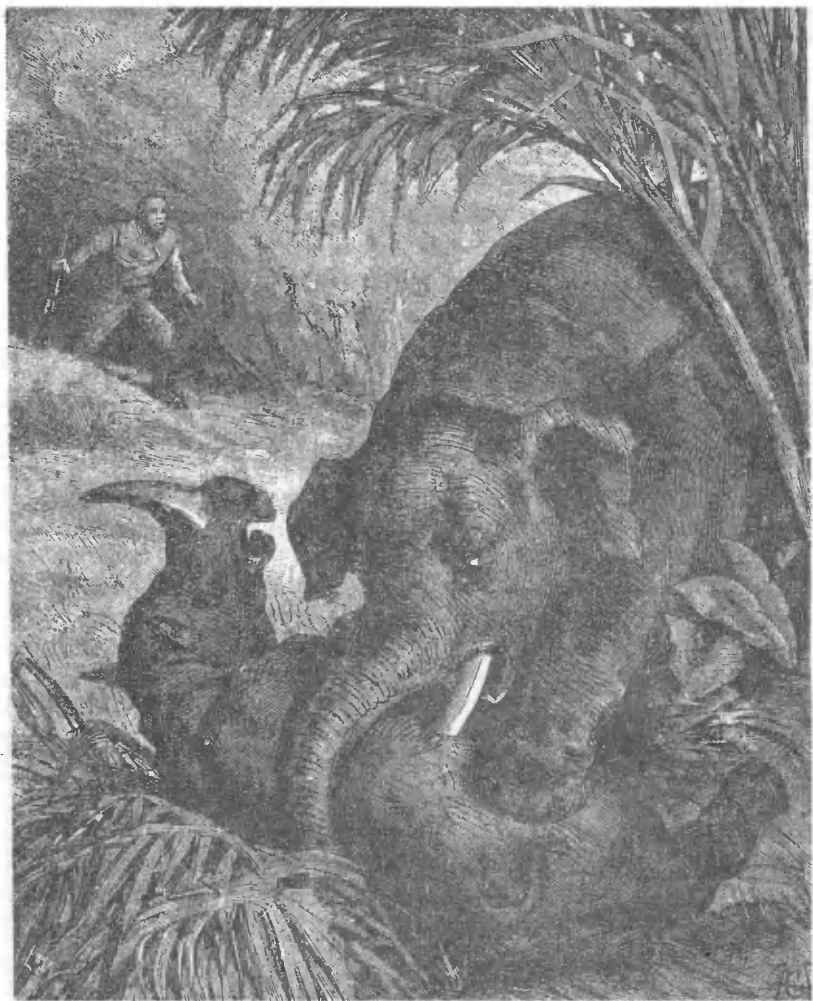
Новый крик, полный гнева, на этот раз раздался почти у самого входа, и в бледных лучах луны, пробивавшихся среди двух скал перед входом в пещеру, показались очертания посланника Сердара.

Барнет, придвинувшийся к самому краю туннеля, который служил ему убежищем, сразу узнал его.

— Ко мне, Ауджали, ко мне! — крикнул он.

Услышав звуки знакомого голоса, слон бросился в грот, подняв кверху хобот и испуская воинственные крики. Он направился прямо к носорогу, который ждал его, съежившись в углу, не вызывая на бой, но и не убегая от него. Страшное зрелище представляли эти животные, полные одинаковой злобы и ярости.

Когда Ауджали подошел к носорогу, последний опустил голову и бросился на сторону, чтобы избежать натиска могущественного противника, но затем с необычайной быстротой повернулся к нему, пробуя всадить ему в живот свой ужасный рог. Слон-новичок попался бы на это, но Ауджали был старый боец, которого начальник королевских дрессировщиков в Майсуре обучил всевозможным видам спорта и борьбы; сколько раз уже на больших празднествах, устраиваемых раджей, мерился он силами с животными такого же рода, как и сегодняшний его враг, а потому ему прекрасно был известен единственный способ, к которому всегда прибегает носорог. Он с такой же быстротой, как и его противник, сделал пол-оборота и повернулся к нему своей неуязвимой грудью, пытаясь схватить его хоботом за рог, но носорог ловко увернулся от него и, повернув направо, попробовал снова нанести ему удар в живот. Это погубило его... Слон, повернув в противоположную сторону и не стараясь больше схватить его за рога, нанес ему такой сильный удар задними ногами, что тот отскочил к скалам и растянулся там. Не успел еще побежденный подняться, как Ауджали подбежал к нему и клыками пригвоздил его к земле. Рассвирепев окончательно, он топтал ногами его тело, ломал кости, разрывал мясо и кожу

своего врага, пока последний не превратился в безжизненную и бесформенную массу.

Боб Барнет, вышедший наконец из своей тюрьмы, пробовал успокоить его ласковыми словами; это удалось ему только после продолжительных усилий, до того было возбуждено битвой это обычно доброе и приветливое животное. Слон совершил новый подвиг, и не из самых ничтожных, который должен был пополнить длинный список услуг, оказанных этим благородным жи-

вотным своим хозяевам или, вернее, друзьям... Последнее выражение мы находим вполне уместным, ибо человек во всем мире не найдет более преданного и верного себе существа, чем слон.

V

Ночное видение. — Ужас Сами. — Засада. — Английский шпион. — Пленники. — Военный суд. — Тайнственное предупреждение. — Приговорены к повешению. — Последние часы Барнета. — Общество Духов Вод. — Завещание янки.

Е ПРОШЛО И ЧАСУ, КАК БОБ БАРНЕТ, сидя на шее Ауджали, для которого взбираться на самые крутые склоны было детской забавой, въезжал на плато озера Пантер в ту самую минуту, когда туда же подходили Сердар и Рама-Модели. У Сердара не хватило духу делать упреки своему другу после того, как он выслушал рассказ Боба; он был слишком счастлив, что вернулся его друг, которого он считал потерянным, и что Ауджали проявил столько смекалки в этом приключении.

— Теперь, когда мы снова вместе, — сказал он своим товарищам, — и нас ничто больше не задерживает здесь, мы должны подумать о том, чтобы не попасть в западню, которую англичане собираются нам расставить, о чем, к счастью, вовремя предупредили Раму.

— Что случилось? — спросил Барнет.

— То, чего мы должны были ждать, — ответил Сердар. — Английские власти Калькутты донесли о нас губернатору Цейлона, и последний собирается оцепить нас завтра на рассвете туземными войсками. Он очень ошибается, надеясь так легко захватить нас.

В эту минуту молодой Сами испустил крик ужаса; он стоял как окаменелый, с испуганным взглядом, протянув руки в сторону кустарников, которые росли по склону лощины, и не мог произнести ни единого слова, а между тем он был храбрый малый, иначе Сердар не принял бы его к себе.

— Что там такое? — спросил Сердар, более удивленный, чем встревоженный.

— Ну же, говори! — сказал Нариндра, тряся его за плечо.

— Там... там... ракшаса... — еле пролепетал бедняга.

В Индии, где вера в привидения и призраки умерших мешает спать ночью людям низкой касты, как правило, очень суеверным, *ракшаса* играет почти такую же роль, какую играл в средние

века волк-оборотень в деревнях Франции. Но так как индусы имеют гораздо более богатое воображение, то ракшаса во много раз превосходит своего западного собрата; он не только бродит каждую ночь, нарушая покой людей, но принимает образы самых фантастических чудовищ и животных и крадет для своего пропитания трупы умерших. Кроме того, он может менять свое тело на тело другого человека, принуждая его бродить по джунглям в образе шакала, волка, змеи, а сам в это время, чтобы отдохнуть от бродячей жизни, принимает вид своей жертвы и селится в жилище несчастного вместе с его женой и детьми.

Верования эти разделяются всеми индусами, и лишь немногие представители высших классов достаточно благоразумны, чтобы отказаться от этого суеверия.

— Ракшаса существует только в твоем бедном мозгу, — отвечал Нариндра, направляясь к чаще кустов и деревьев, указанных Сами.

Маратх, будучи человеком трезвого рассудка и сильной воли, благодаря постоянному общению с Сердаром успел избавиться от глупых суеверий своей страны. Обойдя кусты и тщательно осмотрев все кругом, он вернулся через несколько минут и сказал:

— Там ничего нет... Тебе хочется спать, мой бедный Сами, ты вздремнул, и тебе что-нибудь привиделось во сне.

— Я не спал, Нариндра, — отвечал твердым, уверенным тоном молодой человек. — Сахиб рассказывал мастеру Барнету, что губернатор Цейлона хочет оцепить горы своими сипаями, когда ветки вон того кустарника раздвинулись и чудовищная голова, покрытая белыми полосами, показалась передо мной так же ясно, как я вижу тебя, Нариндра... Я не мог удержать крика, который ты услышал, и голова так же быстро исчезла, как и появилась.

Сердар стоял задумавшись и не произнес ни слова во время этого разговора.

— Не покрывают ли белыми полосами свое лицо в некоторых случаях поклонники Кали, богини крови? — спросил он Раму-Модели, внимательно выслушав объяснение Сами.

— Да, покрывают, — ответил заговорщик пантер дрожащим голосом, потому что он, подобно своим соотечественникам, верил в привидения.

— В таком случае, — продолжал Сердар, не замечая, по-видимому, волнения Рамы, — если Сами видел действительно такую фигуру в кустах, это наверное был один из этих негодяев, которые только одни из всех индусов согласились предать своих братьев и служить англичанам в качестве шпионов.

— Сахиб ошибается. Никто из них не посмеет так близко подойти к Срахдане, особенно в такое время, когда луна освещает это плато, где светло, как днем... Сами видел ракшасу... Вот! Вот! — продолжал Рама сдавленным от страха голосом. — Смотри туда... Вон там!

Все глаза обратились в ту сторону, куда указывал Рама, и вскоре заметили среди группы карликовых пальм, находившихся в пятидесяти метрах от них, на покатоности плато странную фигуру, всю испещренную белыми полосами, выделяющую разные гримасы и как бы с вызовом поглядывающую на авантюристов.

Сердар с быстротой молнии прицелился и, выстрелив, спокойно опустил свой карабин и сказал:

— Человек это или дьявол, но он получил то, что ему следует.

Несмотря на то, что страх приковал его к месту, Рама не мог удержаться от жеста, выражающего недоверие, и шепнул на ухо Сами, который стоял, прижавшись к нему:

— Это ракшаса, и пули не повредят ему.

В это время Нариндра, который бросился посмотреть, в чем дело, крикнул с яростью и в то же время разочарованием:

— Опять ничего!

— Быть не может! — воскликнул Сердар, переставший понимать что-либо. И он в сопровождении Боба Барнета бросился к маратху, который бежал по соседним рощам, забыв об осторожности.

Было полнолуние. Свет луны заливал всю верхушку Соманта-Кунта, и на том склоне, который был обращен к Пуант-де-Галлю, их не могли заметить с Королевского форта, но достаточно было небольшой зрительной трубки, чтобы с точностью определить место, где они находились.

— Плохо кончится все это, — вздохнул Рама, который вместе с молодым Сами предусмотрительно укрылся под Ауджали. — Стрелять в ракшасу! Никто, даже самый могущественный человек в мире не должен шутить со злыми духами.

В ту минуту, когда двое белых и Нариндра собирались уже бросить свои поиски, они заметили вдруг, как из чащи бамбуков в каких-нибудь двадцати шагах от них выскочил голый туземец и побежал по направлению к равнине. Нариндра, увидевший его раньше других, бросился, не спрашивая ничего совета, преследовать беглеца; спутники его пустились в свою очередь ему на помощь.

Это был, очевидно, шпион, а потому, с одной стороны, следовало захватить его и постараться добыть от него необходимые сведения относительно планов англичан; с другой же, пожалуй,

напрасно было терять драгоценное время, чтобы получить лишь подтверждение того, что стало уже известно от Рамы-Модели. Эти мысли сразу пробежали в голове Сердара, но все случилось так быстро, что он, несмотря на свою обычную осторожность, не успел обдумать, какое решение будет более благоразумным.

Из-за этих колебаний он слишком поздно заметил ошибку Нариндры, чтобы исправить ее.

Последний поспешил отрезать путь беглецу и направить его в сторону своих спутников. Внимательный наблюдатель скоро заметил бы, что беглец, по-видимому, сам способствовал успеху этого плана. Он вдруг перестал спускаться по прямой линии, где ничто ему не преграждало путь, и, добежав до одного из нижних плато, описал нечто вроде полукруга, что привело его к тому месту, где множество кустарников, бамбуков и карликовых пальм должны были только мешать его быстрому бегу. Не успел он добежать до центра плато, как споткнулся и тяжело грохнулся на землю.

Нариндра, уже почти настигший туземца, торжествующе вскрикнул и, бросившись к нему, прижал его к земле в ожидании прихода своих спутников... Но в тот момент, когда те подбежали к нему, сцена сразу изменилась: из каждой рощицы, из каждой группы пальм, из-за каждого кустарника по знаку, данному пронзительным свистом, выступил сипай-сингал, вооруженный ружьем со штыком, и наши авантюристы, которые были без оружия — они оставили свои карабины на верхнем плато, — в одну минуту увидели себя окруженными отрядом в триста человек.

— Сдавайтесь, господа! — сказал английский офицер, стоявший посреди железного круга, образованного скрещенными штыками. — Вы сами видите, что сопротивление бесполезно.

Потеряв от удивления дар речи, обескураженные тем, что позволили заманить себя в такую ловушку, Сердар и его товарищи вынуждены были сознаться в своем бессилии.

— Кто из вас двоих тот, которого зовут Сердаром? — продолжал офицер, обращаясь к белым.

Сердару ничего не оставалось делать, как сыграть роль, достойную его, то есть продемонстрировать мужество, равное его репутации. Он сделал несколько шагов к офицеру и просто сказал ему:

— Этим именем меня привыкли звать индусы.

Англичанин несколько минут смотрел на него с любопытством, смешанным с удивлением, так как подвиги этого человека создали ему легендарную славу даже среди врагов.

— Вы мой пленник, — сказал он наконец, — дайте мне слово, что вы, находясь под моим надзором, не будете пытаться бежать, и я постараюсь смягчить данные мне суровые инструкции.

— А в случае отказа?

— Я буду вынужден приказать, чтобы вам связали руки.

— Хорошо, я даю вам слово.

— Прошу того же слова и у вас, — продолжал офицер, обращаясь к Бобу Барнету, — хотя не имею чести вас знать.

— Американский полковник Боб Барнет, — отвечал последний с гордостью, — бывший генерал на службе аудского раджи. Даю вам также слово.

— Хорошо, — сказал офицер, отвешивая поклон, — как и ваш товарищ, вы не будете связаны, находясь среди наших сипаев.

Что касается Нариндры, то по знаку командира отряда к нему подошли четыре человека и, обвязав индуса веревками, как колбасу, прикрепили его к длинной бамбуковой палке и в таком виде подняли его себе на плечи. По данному офицером знаку весь отряд двинулся по направлению к Пуант-де-Галлю, куда прибыл почти перед самым рассветом.

Пленников заключили в тюрьму Королевского форта и объявили им, что через несколько минут должно состояться заседание военного суда, на котором их будут судить. Преступление их очевидно: участие в бунте и измена королевской власти, а потому на основании закона об осадном положении, действующего с самого начала восстания в Индии и на Цейлоне, они подлежали суду, учрежденному для разбора дел, изъятых из общего судопроизводства. Этот закон повелевал судить и приводить в исполнение какой бы то ни было приговор в течение первых двух часов после его вынесения. Кроме того, закон гласил, что в случае необходимости «достаточно трех простых солдат под председательством одного старшего, чтобы состоялось заседание суда, имеющего право решать вопрос жизни или смерти каждого индуса, будь он бунтовщик или соучастник».

Таким-то образом Англия, устроив эту жестокую игру или, вернее, гнусное подобие правосудия, не постыдилась заявить, что ни один индус не был казнен без предварительного суда. Когда позже английские войска одержали победу и солдаты, утомленные резней, останавливались, чтобы сосчитать трупы, они устраивали затем военный суд и произносили приговор, которым узаконивали только что проведенную резню, присуждая к смерти двести или триста несчастных, уже переставших существовать.

Трудно довести до большего совершенства любовь к закону. Не думайте, пожалуйста, что мы преувеличиваем; эти факты и

еще сотни других подтверждены самыми безупречными авторитетами: «в течение двух лет, уже по окончании революции, англичане наводняли кровью всю Индию, избивая стариков, женщин и детей с сознательным намерением оставить такие страшные воспоминания, чтобы раз и навсегда отбить у индусов охоту стремиться к восстановлению своей независимости».

Каким ужасным зверем может сделаться англо-саксонец, когда он боится что-нибудь потерять, — а он боялся на этот раз потерять Индию!

И подумать только, что эти люди в своих газетах осуждали французских солдат за жестокость в Тонкине* и других местах... Никогда французская армия не согласилась бы, даже в течение двадцати четырех часов после подавления восстания, выступать в роли палача, которую английская армия исполняла два года.

Пусть мирно покоится в пыли родной почвы прах сотен тысяч индусов! По ту сторону Афганистана постепенно надвигаются на быстрых лошадках донские и уральские казаки. Киргизские наездники и кочевники Туркестана проходят выучку под знаменами белого царя, и не пройдет и четверти столетия, как правосудие Божие, следующее за нашествием русских, отомстит за мертвых и покарает убийц.

Сердару не решились, однако, нанести оскорбление в лице суда из трех солдат, по уши начиненных виски; военный суд, перед которым он предстал вместе со своими спутниками через четверть часа после своего прибытия в Пуант-де-Галль, состоял из председательствующего генерала и ассистентов-офицеров: приговор был вынесен заранее, их судили только для проформы. Боб Барнет как американец протестовал против суда, учрежденного для дел, изъятых из общего судопроизводства, и потребовал, чтобы его выпустили на поруки. Ему фыркнули в лицо и объяснили, что такое военный суд... Он не впал в уныние и принялся доказывать свою неподсудность, прося отсрочки на две недели, чтобы иметь время...

— Бежать? — перебил его любивший пошутить генерал.

— Не упущу случая! — отвечал Барнет при общем смехе присутствующих.

Он потребовал затем адвоката, ему отказали; потребовал чтения протокола, ему сказали, что нашли бесполезным писать его; напомнил, что он иностранец, потребовал своего консула,

* Т о н к и н — европейское название северных районов Вьетнама в XVI—XIX вв.

испробовал, одним словом, все обходы судейской процедуры, с которыми познакомился в бытность свою ходатаем по делам, заставляя этим судей надрываться от смеха, и достиг лишь того, что его вместе с товарищами присудили к смертной казни через повешение на восходе солнца.

Чтобы не расстреливать, их судили как лиц гражданского ведомства, обвиненных в заговоре против государственного строя. По окончании суда им объявили, что ввиду скорости, с какой солнце восходит в этой стране, им остается всего десять минут для того, чтобы приготовиться дать отчет о своей жизни перед верховным судьей.

Сердар с улыбкой выслушал приговор, как будто это его совсем не касалось.

Когда осужденных привели в тюрьму, Боб Барнет продолжал суетиться по-прежнему. Он потребовал завтрак, который ему тотчас же подали и который он съел со своим обычным аппетитом. Затем он написал пять или шесть писем: одно Барнету-отцу, которого уведомлял, что по случаю восстания он лишился генеральского чина и будет повешен через семь с половиной минут; второе — капитану Максвеллу, сообщая ему, что к великому сожалению ему удастся свести с ним счеты только в долине Иосафата в день Страшного суда; отрезал пять или шесть прядей волос, разложил их по конвертам и передал одному из сторожей, чтобы тот немедленно снес их на почту.

Сердар тем временем спокойно ходил взад и вперед по камере, когда через решетчатое окно к ногам его упала крошечная записка; он поднял ее и быстро пробежал глазами. В ней было всего несколько слов:

Не бойся, мы здесь!

Духи Вод

Радостная улыбка осветила его лицо, но он сейчас же прогнал ее, не желая, чтобы кто-нибудь заметил это.

Название «Духи Вод» присвоили себе члены многочисленного тайного общества, приверженцы которого были рассыпаны по всей Индии и Цейлону и целью которого было стремление к ниспровержению власти чужеземцев в древней стране брахманов. Благодаря деятельности этого общества проявилось то единодушие, с которым в один и тот же день и час перешли индусы на сторону революции. Сердар был душой и руководителем этого общества еще до начала восстания и не переставал возглавлять его даже и теперь, хотя с осуществлением великого заговора узы,

соединявшие всех членов, ослабели, ибо для успеха дела уже больше не нужно было проводить тайные собрания.

У них не было, разумеется, приверженцев среди местного населения — сингалов, так как между ними и членами общества существовала рознь на почве религиозной ненависти, возникшей после проведения буддистских реформ; но на Цейлоне имеется известное количество малабарских колонистов, составляющих третью часть всех жителей. Все они живут в городах, имеют профессии купцов, банкиров, судовладельцев, золотых и серебряных дел мастеров, кузнецов, токарей, резчиков, горшечников и так далее, а потому все города и преимущественно Пуант-де-Галль, Коломбо, Джафна почти исключительно населены индусами Малабарского и Коромандельского берегов.

Все они принадлежали к обществу Духов Вод, и вот что произошло после ареста Сердара и его двух спутников. Молодой Сами и Рама-Модели наблюдали за арестом с верхнего плато Соманта-Кунта, где они притаились в чаще бурао, готовясь каждую минуту бежать на спине Ауджали к долине Анурадхапура, если бы сингальские сипаи вздумали подняться на верхние склоны горы. Но потому ли, что об их присутствии не было известно, или их аресту придавали мало значения, офицер, командующий отрядом, удовольствовался, как мы видели, арестом главных пленников, которых поймали благодаря хитрой уловке шпионов.

Как только отряд скрылся из виду, Рама-Модели взобрался вместе с Сами на спину Ауджали и погнал его со всей скоростью, на какую тот был способен, к Пуант-де-Галлю, держась ложины, которая была известна ему одному и шла по горе, сокращая спуск наполовину.

Он прибыл в город раньше отряда и тотчас же созвал к себе в дом группу друзей; он сообщил им, какой опасности подвергается Сердар, принеший столько неоценимых услуг их общему делу, а затем предложил провести совещание, чтобы выработать основы плана для спасения Сердара и его товарищей.

В Пуант-де-Галле находилось восемьсот членов общества, которых решили немедленно уведомить о случившемся, поручив каждому из присутствующих передать это известие своим знакомым, чтобы те передали следующим. При таком количестве послов достигнуть цели можно было менее чем за полчаса.

План, предложенный Рамой-Модели своим друзьям, был принят ими с восторгом, и все они тотчас же рассыпались по городу, чтобы предупредить всех членов общества и исполнить первую часть плана. Что касается второй, то мы вскоре увидим, каким образом скомбинировал ее заговорщик пантер, чтобы добиться легкого и быстрого успеха. Быстрого особенно, так как

пушки Королевского форта, находившиеся в двадцати пяти шагах от эспланады, где должна была совершиться казнь, всегда стояли с открытым и начиненным картечью жерлом с самого начала восстания сипаев-индусов.

Что касается записки, полученной Сердаром, то ее передал сторож Тхава, приятель Рамы-Модели, бросив в камеру заключенных.

Как только Сердар прочитал ее, первой его мыслью было сообщить об этом генералу, но тот был настолько поглощен исполнением таких классических в данной ситуации обязанностей, как написание писем родным и друзьям, составление завещания, распределение прядей волос и других маленьких подарков на память, — священные обычаи, от которых осужденные на смерть никогда не отступают, — что боялся, помешав ему в этих интересных занятиях, вызвать какое-нибудь восклицание с его стороны и тем внушить подозрение относительно планов, затеваемых для их спасения.

Честный Барнет писал с таким спокойствием, что беспристрастный свидетель этой странной сцены, где комизм так тесно соединялся с драматизмом, что их нельзя было разделить друг от друга, возымел бы самое лестное мнение относительно его мужества. Янки решил пожертвовать своей жизнью и умереть, как джентльмен, не забыв ни одного из обычаев, установленных бесконечным рядом осужденных. Особенно замечательным было его завещание: он не имел решительно никакого имущества, но как уйти из этого мира, не сделав никакого завещания!

Барнет взял последний лист бумаги и написал:

Это мое завещание.

Сегодня я, находясь в здравом уме и твердой памяти, готовясь насильственно умереть по вине негодяя Максвелла — да будет на нем проклятие Божие — завещаю своей семье...

Смущенный, он остановился на этом слове.

— Что мне завещать своей семье, Фред?

— Свои последние мысли, — отвечал, улыбаясь, Сердар.

— Правда ведь, а я не подумал об этом.

И он продолжал:

Завещаю своей семье мои последние мысли и четыре пряди волос, приложенные здесь. Передаю младшему брату моему Уильяму Барнету все мои права на дворцы, рабов и огромные богатства, конфискованные у ме-

ня англичанами в аудском королевстве, и разрешая делать с ними все, что он пожелает.

Я умираю американцем, как и родился им; я прощаю всех, кого ненавидел в этом мире, за исключением этого негодяя Максвелла, без которого я, наверное, достиг бы глубокой старости.

Барнет прочитал завещание вслух.

— Все, не правда ли, Фред?

— Превосходно! — отвечал Сердар, который вопреки всей торжественности этой минуты еле сдерживался, чтобы не засмеяться.

Боб Барнет, довольный его одобрением, подписал завещание и запечатал, а затем встал и позвал одного из стражей, которому и вручил запечатанный конверт.

В эту минуту в камеру вошел офицер, командующий взводом солдат, которые должны были вести осужденных к месту казни, и объявил, что наступила роковая минута.

— Нам забыли дать стаканчик виски и последнюю сигару, господин офицер, — сказал Боб с чувством собственного достоинства. — Неужели вам неизвестны эти традиции?

Офицер немедленно распорядился, чтобы ему дали то, о чем он просил.

Боб залпом выпил стакан виски и закурил сигару.

— Идем, — сказал он, — я готов.

Такое удивительное и истинно американское мужество поразило всех свидетелей этой сцены. Честный Барнет считал, что следует позировать для истории, и он позировал.

VI

Планы побега. — Последняя сигара. — Шествие на казнь. — Сожаление Барнета. — Спасены слонем.

ОНИ ДОЛЖНЫ СКАЗАТЬ, ЧТО СЕРДАР НЕ смотрел на предстоящую трагедию с таким хладнокровием, как Барнет, придававший всему комическую окраску. Накануне Сердар спокойно встретился бы со смертью, хотя и сожалел бы, что не может довести до конца дело, которому он посвятил всю свою жизнь. Да разве его голова не служила ставкой в той игре, которую он играл и проиграл теперь?.. Но после встречи с молодым Эдуардом Кемпбеллом он сделался совсем другим человеком. Что же это были за воспоминания, веселые или грустные, которые заставляли его с таким отчаянием цепляться за жизнь, чего раньше он

не испытывал?.. Какие таинственные узы привязанности, родства, быть может, могли соединить его с матерью молодого англичанина, чтобы в несколько секунд, при одном лишь воспоминании о ней, жгучая ненависть, переполнявшая его сердце, вдруг исчезла под наплывом нежного чувства?

Да, действительно, имя Дианы де Монмор было каким-то могущественным талисманом, если ненавистное ему до сих пор имя Кемпбелла, которое он произносил не иначе как с презрением, до того изменилось в его глазах, что он даже не сомневался в его невинности. «Диана не могла бы соединить свою судьбу с человеком, способным на такие преступления!» — сказал он себе, и этого было достаточно, чтобы усомниться в виновности этого человека, хотя во время избиения он был старшим комендантом крепости Хардвар-Сикри.

И теперь у него не было никакой другой цели, никакой другой мысли, кроме желания бежать при помощи своих друзей, чтобы спасти того, кого еще вчера он готов был расстрелять без всякой пощады.

Дверь тюрьмы раскрылась, и осужденные вышли, высоко подняв голову и не испытывая, по-видимому, ни малейшего волнения. Барнет курил с наслаждением, бормоча про себя:

— Удивительно, право! Последняя сигара всегда кажется самой хорошей!

Сердар окинул быстрым взглядом толпу, и лицо его осветилось едва заметной мимолетной улыбкой. Туземные сингалы, живущие в Пуант-де-Галле, были буквально затоплены волнами малабарцев, которые пришли сюда вместе со своими семьями. Все случилось так быстро, что туземные жители, живущие в деревнях, не успели прибыть в город. Эспланада, на которой выстроили эшафот с тремя виселицами, находилась всего в трехстах метрах от тюрьмы, и два батальона солдат-сипаев, составлявших весь гарнизон города, с трудом удерживали напиравшую к месту казни толпу.

Три английских парохода, прибывших накануне, были сплошь забиты зрителями, а все их реи буквально облеплены человеческими телами. Все это общество, видимо, старалось разместиться таким образом, чтобы ничего не упустить из предстоящего зрелища, тем более что суда стояли на якоре всего в кабельтове от берега. На французском пакетботе было зато совсем пусто, и флаг его был спущен.

— God bless me! — воскликнул Барнет, заметив, какое небольшое пространство отделяет его от места казни. — Я не успею докурить своей сигары.

Пленники не были связаны... но где же было им бежать, когда они со всех сторон были окружены сипаями?.. Им даже разрешили идти вольным шагом.

В ту минуту, когда они выходили из тюрьмы, кто-то шепнул Сердару на ухо:

— Идите медленно, мы готовы.

Он попробовал угадать, кто мог шепнуть ему эти слова, но вокруг никого не было, кроме бесстрастных сипаев.

Двигаясь вперед, Сердар к великому своему удовольствию заметил, что женщины и дети попадают реже и эшафот окружен одними только мужчинами.

Не понимая еще, какой план задуман его друзьями, он все же догадывался, что такое распределение малабарцев должно в значительной степени облегчить его исполнение.

На террасе губернаторского дворца собралось множество офицеров, чиновников и дам в нарядных туалетах, которые, несмотря на ранний утренний час, жаждали видеть смерть знаменитого Сердара, подвиги которого занимали всю Индию.

Генерал Хейвлок, похищение которого было задумано Сердаром и должно было совершиться в Мадрасе, сидел рядом с губернатором и держал бинокль, чтобы лучше рассмотреть противника, с которым он приехал сражаться и который должен был окончить свою жизнь на виселице, как обыкновенный преступник.

Несколько англичан, прибывших из своих вилл, распорядились, чтобы кареты их стояли по возможности ближе к линии сипаев, желая вполне насладиться приятным зрелищем. Великолепный белый слон, покрытый богатой попоной, с охотничьим хаудахом* и карнаком на спине, стоял возле них, подготовленный, разумеется, для охоты на черную пантеру, куда приехавшие англичане собирались отправиться по окончании казни. Такого было, по крайней мере, всеобщее предположение, объясняющее присутствие красивого животного.

Продолжая идти к месту казни, Сердар всматривался в лица и заметил, что большинство смотрят на него с ободряющим видом, а между тем никто не двигается с места, и он начинал уже спрашивать себя, не парализованы ли намерения его друзей воинственной обстановкой, созданной по распоряжению губернатора. Тщетно присматриваясь к расстоянию, отделяющему его от эшафота, он все же не мог понять, почему спасители его медлят

* Хаудах — кабинка на спине слона.

и ждут, пока пленники приблизятся к эспланаде с находящимися на ней двумя батальонами сипаев.

По мере того как уменьшалось расстояние до виселицы, тревога все больше и больше сжимала его сердце, лицо покрывалось каплями холодного пота, лицо начинало судорожно подергиваться, и ему приходилось употреблять всю свою силу воли, чтобы идти спокойно... В мужестве его не могло быть никакого сомнения, но он не хотел умирать теперь... Погибни он во время бесчисленных стычек с англичанами, это было бы естественным явлением войны... Вот уже двадцать лет как завеса прошлого скрывает его воспоминания, но сейчас... не лежит ли на нем обязанность великого долга?... Переживет ли Диана смерть своих детей? Виновен или невиновен этот человек, он должен его спасти. Не налагает ли на него эту законную обязанность прошлое?... И этот железный человек, который во всякое другое время шел бы на казнь, как на последний подвиг, видя теперь свою беспомощность, чувствовал, что ноги его дрожат, а глаза заволакиваются слезами, тогда как Барнет, продолжая курить сигару, посылал в лицо сипаям, пораженным его дерзким видом, душистые клубы дыма.

Нариндра был фаталист; по его мнению, «что должно случиться, то случится»; он даже не упрекал себя в том, что неосторожное преследование его было причиной гибели его друзей: это было написано в книге судеб, и ее предначертание сбылось, а потому он никого не обвинял и не позировал перед смертью, как Барнет.

Еще несколько шагов, и железный круг, образованный штывами сипаев, должен был сомкнуться за пленниками, когда тот же голос снова шелкнул на ухо Сердару:

— Пусть Сердар предупредит своих друзей! Прыгайте на слона и бегите к горе!

Сердар обвел взглядом вокруг... вблизи него не было ни одного малабарца, который мог бы сказать ему это. Неужели кто-нибудь из сипаев был подкуплен? Но он не стал долго останавливаться на этой мысли и поспешно повторил Бобу по-французски только что услышанные слова, уверенный, что никто из присутствующих не поймет его.

Это сообщение произвело страшное впечатление на янки... Лицо его побагровело от внезапного прилива крови к мозгу, и в течение нескольких секунд можно было подумать, что с ним случится апоплексический удар.

— Спокойствие и хладнокровие! — сказал ему Сердар.

Оставалось всего несколько шагов до того места, где стоял слон, мимо которого должны были непременно пройти пленники,

когда тот, как бы по внезапному капризу, стал на дыбы, брыкнул ногами и двинулся назад, а затем, поравнявшись с пленниками, упал вдруг на колени. Пленникам ничего больше не оставалось, как прыгнуть в хаудах, и чтобы облегчить им эту операцию, толпа малабарцев, густо сплотившаяся в этом месте, хлынула влево, как бы испуганная слонем, испуская громкие крики и увлекая за собой пикет сипаев в противоположную от пленников сторону.

— Вперед, Индия и Франция! Ко мне, Нариндра! — крикнул Сердар тем же громовым голосом, каким он призывал к битве, и одним прыжком очутился в хаудах, куда за ним тотчас же последовали Барнет и Нариндра.

— Ложитесь! Ложитесь! — крикнул им карнак, голос которого они сразу узнали.

Это был Рама-Модели, так же ловко переодетый, как и великолепный слон Ауджали, темную кожу которого смазали сначала соком манго, служившим первоначальным грунтом для дальнейшей окраски с помощью извести.

Следуя словам карнака, все трое бросились на дно хаудах. Ауджали не надо было подзадоривать, он сам пустился галопом по направлению к горе. И странная вещь! Толпа, как будто заранее кем-то предупрежденная, расступилась, стараясь не мешать его движению.

Все это случилось так просто и с такой быстротой, что сипаи, оглушенные криками толпы и пробовавшие проложить себе путь сквозь напивавшие на них толпы людей, не заметили исчезновения пленников. Они не могли видеть их, потому что те успели лечь на дно хаудах прежде, чем поднялся слон.

Всем, кто не был предупрежден или не был близким свидетелем этой сцены, казалось, что слон бежит к горе по приказанию своего карнака. Вот почему малабарцы, народ вообще веселого и насмешливого нрава, не могли удержаться от взрыва громкого хохота, когда услышали приказание английского офицера, командовавшего взводом сипаев, вести скорее пленников на эспланаду.

Зато с террасы губернатора были видны все детали замечательного приключения, поэтому можно представить себе гнев губернатора и волнение всех окружающих его.

Под влиянием первого впечатления губернатор хотел немедленно отдать приказ стрелять в толпу, участвовавшую, очевидно, в этом смелом побеге, но тут же понял его бесполезность. Желая, однако, чем-нибудь вознаградить себя, он бросился в свой кабинет, где у него был телеграфный аппарат, соединенный с аппаратом Королевского форта, и отдал приказание стрелять без

передышки по слону, который благодаря особому расположению горы в течение получаса представлял собой прекрасную мишень для пушечных выстрелов.

Единственная лощина, как мы уже видели, прорезанная небольшими плато на известном расстоянии друг от друга, давала возможность подняться по почти отвесному склону Соманта-Кунта, и теперь, когда об их присутствии на Цейлоне должны были, разумеется, дать знать по всему острову и разослать вооруженные отряды по всем его направлениям, в распоряжении беглецов оставалось только одно: поспешно бежать в джунгли Анурадхапура, где Боб едва не погиб при встрече с носорогом.

Спустя несколько минут после отданного губернатором приказа крепостная пушка загрохотала с остервенением, покрывая дальнобойными снарядами склоны горы, так как расстояние до нее было слишком велико, чтобы картечь попадала в цель.

Толпа с жадным любопытством следила за первыми выстрелами: всем было хорошо видно, с какой головокружительной быстротой подымался слон в гору, взбираясь с необыкновенной ловкостью по самым крутым извилинам. Всех интересовал исход этой странной дуэли; но дело в том, что английские артиллеристы, несмотря на всю свою ловкость, не могли попасть в цель, так как у них были старые пушки, которые действовали в Индии еще во времена Дюплекса и затем в течение трех четвертей столетия спокойно спали на укреплениях форта Пуант-де-Галля.

Выстрелы достигали горы, но уклонялись в сторону из-за того, что цель отстояла на расстоянии ста пятидесяти—двухсот метров; это немало способствовало ликованию малабарцев, радующихся побегу своего легендарного героя. С того момента, когда пушка оказалась ненужной, дальнейшее применение ее становилось смешным, и не прошло и четверти часа, как губернатор приказал прекратить стрельбу.

Так закончился смелый побег Сердара, бесспорно «исторический» эпизод великого восстания 1857 года, рассказы о котором переполняли в течение двух месяцев все журналы и газеты Индийского океана, от Пондишери до Маврикия и от Калькутты до Сингапура. Старинные колонисты, — ибо и это приключение теперь уже старо, — вспоминая иногда прошлое, никогда не забывают рассказать вновь приехавшим забавную историю губернатора, который ничего лучшего не придумал, как стрелять из пушки в пленников, спасенных своим слоном и бежавших на нем от подножия самой виселицы.

Часа через два беглецы были в безопасности в обширном бассейне девственных непроходимых лесов и торфяных топких болот, который называется джунглями Анурадхапура. Они мог-

ли быть уверены, что англичане не последуют туда за ними, так как в этих недоступных лабиринтах, кишящих хищниками, чётые решительных человека могли постепенно уничтожить все отряды, высланные на их поимку.

Несмотря на то, что они были спасены в данный момент, положение их ни в коем случае нельзя было назвать блестящим; они не могли вечно оставаться в джунглях, и в тот день, когда вздумали бы выйти оттуда, неминуемо попали бы в руки своих противников, которым достаточно было стоять у двух единственных проходов, чтобы помешать им выйти из этих ужасных дебрей. В этом случае беглецам ничего не оставалось бы, как, забыв всякую осторожность, сделать попытку силой прорваться через отряд неприятеля.

Так действительно и поступил губернатор Цейлона, побуждаемый к этому генералом Хейвлоком и вице-королем Индии, потребовавшими, чтобы он не выпускал из рук человека, который был руководителем всего восстания и приехал на Цейлон с единственной целью доставить новые неприятности своим врагам.

Они рассчитывали на то, что Нана-Сахиб, лишенный поддержки Сердара, не замедлит совершить какую-нибудь важную ошибку, которая будет способствовать подавлению восстания и отдаст его самого в руки англичан.

Поэтому можно смело сказать, что Сердар никогда еще не находился в таком отчаянном положении, как теперь.

VII

Сэр Уильям Браун и Кишная-душитель. — Зловещий союз. — Цена крови. — Тайнственное предостережение. — Два старых врага. — Отъезд в Пондишери Эдуарда и Мэри.

ТО ПРОИСШЕСТВИЕ ДОВОЛО ГУБЕРНАТОРА до невероятного бешенства, так как на радостях он тотчас телеграфировал по всем направлениям, что знаменитый Сердар в его власти, а теперь должен был сознаться, что упустил его. После этого сэр Уильям Браун, правительственный губернатор Цейлона (остров этот не входил в состав владений Ост-Индской компании), шагал взад и вперед по своему кабинету, погруженный в самые неприятные размышления, когда слуга доложил ему, что какой-то индус просит принять его.

Губернатор хотел прогнать его, но сиркар сказал:

— Это тот самый шпион, который сегодня ночью заманил пленников в засаду.

Эти слова заставили губернатора взять свои слова обратно, и он приказал ввести туземца. Войдя в комнату, последний бросился ниц на ковер, отдавая губернатору честь *шактанга*, или «повержения к стопам», которая воздается только раджам и брахманам более высокого чина.

— Что тебе нужно от меня? — спросил сэр Уильям, когда тот поднялся.

— Кишнаия, сын Анандрай, предал уже раз Сердара, — отвечал он, — не его вина, если сипай выпустили его из рук.

— Надеюсь, что ты не только для этого хотел меня видеть?

— Нет, сахиб! Предавший в первый раз врага может предать его и во второй. Но так как дельце на этот раз будет потруднее, то все зависит от...

— От оплаты за твои услуги, — перебил его губернатор с оттенком нетерпения в голосе.

— Сахиб отгадал мою мысль.

— Ты отменный негодяй... Ну-с, посмотрим! Мне некогда терять время на разговоры с тобой. Как скоро доставишь ты нам снова Сердара?

— С товарищами?

— Все равно... мне лично важен один начальник. Имей только в виду! Если я снова соглашусь на сделку с тобой, то лишь для того, чтобы все сразу было покончено... Терпением мы ничего не достигнем.

По лицу индуса пробежала улыбка недоверия, замеченная губернатором.

— Ты не веришь моим словам? — сказал последний.

— Сердара не так просто захватить, — отвечал индус.

— Я приказал как можно тщательнее охранять проходы, и ему нельзя будет выбраться из джунглей. Он будет там так же бессилен, как и у нас в плену; задача состоит в том, чтобы он не смог присоединиться к бунтовщикам на юге Индии до тех пор, пока генерал Хейвлок не подавит восстание. Не знаю, впрочем, зачем я теряю время в разговорах с тобой о вещах, которые тебя не касаются.

— Жду твоих повелений, сахиб!

— Через какое время можешь ты доставить Сердара в Пуант-де-Галль?

— Мертвым или живым?

— О! Я не желаю больше повторения утренней сцены! К тому же с тех пор как военный суд приговорил его к смертной казни, ты только исполнишь этот приговор.

— Понимаю. Мне нужно восемь дней для исполнения такого поручения.

— Срок вполне разумный, и мне, следовательно, недолго придется ждать расплаты. Остается назначить цену, которую ты сочтешь нужным потребовать для возмещения всевозможных затруднений и опасностей, которым ты подвергаешься.

— О! Опасности! — воскликнул негодяй презрительным тоном.

— И ты считаешь себя в силах помериться с таким человеком? Велика у тебя, однако, самонадеянность, нечего сказать! Если хочешь знать мое истинное мнение, то я заключаю с тобой сделку лишь потому, что в случае удачи ты окажешь нам большую услугу; на самом же деле я так мало верю в успех, что и двух пенни не дал бы за твою шкуру. Сегодня утром, например, не будь там моих сипаев, ты не увидел бы восхода солнца. Итак, сколько ты просишь?

— Известна ли сахибу цена, предложенная Бенгальским президентством?

— Да, восемьдесят тысяч рупий... двести тысяч франков. Мы не так богаты, как Индия, и эта премия...

— Пусть сахиб успокоится, я не прошу денег... Я прошу только разрешить мне и моим потомкам носить трость с золотым набалдашником.

— Ты честолюбив, Кишнаия!

Трость с золотым набалдашником имеет в Индии такое же значение, как орден Почетного легиона во Франции; она дается за серьезные заслуги, и лица, получившие ее, очень ею гордятся и не расстаются с этим отличием, как со своей тенью. Это местный орден, и в той же мере, в какой степени ордена Почетного легиона узнаются по банту, степени трости узнаются по ее длине: вместо «кавалер, офицер, командир» и так далее здесь говорят «маленькая трость, средняя трость, большая трость с золотым набалдашником».

В этой стране, где социальные отличия имеют такую силу, нет ни одного индуса, который не согласился бы отдать половину своего состояния за право прогуляться с такой тростью. В сущности, я не нахожу особенного различия между тростью с золотым набалдашником и бантом; и то и другое — не что иное, как пустая погремушка человеческого тщеславия, над которой все смеются и которой все добиваются. Раз мы находим смешным одно, почему не смеяться над другим?

В прежнее время властители Габона на берегу Африки украшали своих заслуженных офицеров крышками от жестянок изпод сардин. Когда об этом узнали в Европе, то там все надрывались со смеху, не замечая, что единственное различие между орденами властителей Габона и украшенными бриллиантами орденами наших властителей Европы заключается в том, что последние можно заложить в ломбард, тогда как за первые ничего не дадут под залог. Если вы, читатель, можете мне указать какое-либо другое различие между этими предметами, я буду очень рад узнать его. А пока вы его найдете, король мыса Лопес будет продолжать в той же степени гордиться своей

крышкой от банки из-под сардин, в какой македонский король — своей бриллиантовой звездой.

Ничего, следовательно, нет удивительного в том, что шпион Кишная предпочел деньгам трость с золотым набалдашником, которая считалась высочайшим отличием, какое только можно было присудить человеку в его стране. Я, быть может, удивлю вас, если скажу, что французские губернаторы в Пондишери, унаследовавшие право прежних раджей давать эту награду, так скупы на этот счет, что при населении в полмиллиона жителей вы найдете только двух-трех индусов, получивших право носить трость с золотым набалдашником, тогда как на то же количество населения во Франции вы найдете более двухсот кавалеров ордена Почетного легиона.

Как видите теперь, Кишная требовал очень высокой награды, такой высокой, что сэр Уильям даже колебался несколько минут, назначить ему ее или нет. Но арест Сердара заслуживал такой награды, и постыдная сделка была заключена.

В последующие за этим восемь дней шпион должен был доставить Сердара живым или мертвым.

— Сколько сипаев дать тебе в твоё распоряжение? — спросил его губернатор.

— Мне никого не нужно — отвечал негодай с гордостью, — я отослал прочь даже людей своей касты, которые сопровождали меня. Я смогу справиться с этим, только если буду один... совершенно один.

— Твое дело. Если ты преуспеешь в этом деле, то, могу тебя заверить, помимо обещанного отличия правительство королевы сумеет вознаградить тебя за твою услугу.

И, сказав это, сэр Уильям встал со своего места, показывая, что аудиенция закончена. Туземец повторил *шактангу*, род приветствия, означающего на индусском языке «повержение к стопам шести», потому что в таком положении прикасаются к полу или земле две ступни ног, два колена и два локтя.

— Еще одно слово, сахиб, — сказал Кишная, поднимаясь, — я могу добиться успеха только в том случае, если оба прохода в долину Трупов будут тщательно оберегаться солдатами, которые не должны выпускать оттуда Сердара и его товарищей.

— Я, кажется, уже говорил тебе, что им не позволят выйти оттуда.

Туземец удалился, опьяненный радостью и гордостью. Предводитель касты душителей в Бунделькханде и Мейваре, он был схвачен однажды в окрестностях Бомбея в ту минуту, когда вместе с членами своей секты приносил кровавую жертву богине Кали, и приговорен со многими из своих товарищей к пожизнен-

ной каторге. Когда началось великое восстание в Бенгалии, он предложил свои услуги губернатору Бомбея, который отказался сначала от них из боязни, что негодяи воспользуются своей свободой и подговорят весь юг Индостана, то есть весь древний Декан, принадлежавший Франции при Дюплексе, перейти на сторону восставших; но скоро подвиги Сердара и быстрые успехи последнего на юге вынудили его прибегнуть к крайним мерам, и он вступил в переговоры с Кишнаей, выпустив его и его приверженцев на свободу. Предводитель душителей бросился по следам авантюриста; день изо дня преследуя его, он донес англичанам об отряде маратхов, оставленном Сердаром в пещерах Эллора, и, наконец, появившись вслед за ним на острове Цейлон, устроил ему засаду, притом настолько удачную, что без энергии Рамы-Модели, так быстро организовавшего побег, англичане навсегда избавились бы от своего самого ловкого и непримиримого врага.

Кишнаей не принадлежал, как видите, к числу обычных преступников, которыми можно пренебрегать; способный на самые отважные поступки, как и большинство людей его касты, он отличался, кроме того, бесспорным мужеством и поразительной ловкостью. Изучивший до тонкости все хитрости, которыми в течение целых столетий пользовались его соплеменники, чтобы завлечь свои жертвы в расставленные ими западни, он был самым ужасным противником, какого только могли придумать для Сердара, особенно после пробудившейся в нем надежды вернуться в свое селение с самым высшим знаком отличия, какой только мог быть дарован туземцу.

Выйдя от губернатора, Кишнаей медленным шагом направился к базару, наводненному в эту минуту огромным количеством солдат и офицеров, прибывших накануне с пароходами, и, проходя мимо малабарца, предлагавшего покупателям меха ягуаров и черных пантер, которые так дорого ценятся на Цейлоне, сделал ему едва заметный знак, после чего как ни в чем не бывало продолжал идти дальше.

Продавец тотчас же подозвал мальчика, стоявшего подле него, и, поручив ему товар, догнал Кишнаю, а затем оба скоро затерялись среди извилистых улиц туземного города.

Веллаен, продавец мехов пантеры, лучше всех сингалов, за исключением Рамы-Модели, знал опасную долину, где Сердар и его товарищи вынуждены были искать себе убежище. Впоследствии мы узнаем, какие узы общих интересов связывали этих двух людей.

В шесть часов вечера, незадолго до захода солнца, сэр Уильям Браун возвращался со своей обычной прогулки по живописной

дороге в Коломбо, окруженный адъютантами и взводом уланов-телохранителей, когда перед его каретой очутился вдруг полутоптый туземец, размахивающий конвертом. Губернатор сделал знак одному из офицеров, чтобы он взял этот конверт, принятый им за петицию. Сломав печать, он быстро пробежал написанное и, поблуднев от гнева, приподнялся в карете и крикнул:

— Догнать этого человека... арестовать его... не дать ему бежать!

Люди, окружавшие его, бросились вперед, рассыпавшись по всем кустам и пытаясь отыскать туземца, который мгновенно скрылся из виду, но вряд ли успел спрятаться где-нибудь. Напрасно, однако, офицеры, солдаты, служители шныряли по окрестностям на расстоянии полумили кругом; все вернулись один за другим, не найдя ни малейших следов таинственного посланника.

Вот что было написано в письме, так поразившем губернатора:

*Сэру Уильяму Брауну,
королевскому губернатору Цейлона,
посвященные члены
Общества Духов Вод
шлют свой привет!*

Когда солнце восемь раз опустится позади горизонта, душа сахиба-губернатора предстанет перед мрачным Судьей мертвых, а тело его будет брошено на съедение вонючим шакалам.

*Пандит Саеб,
Судья Духов Вод*

Год тому назад, почти в тот же день, получил такое же письмо губернатор Бенгалии, который затем в назначенное ему время пал под ударами фанатиков в самый разгар празднества.

Не было еще случая, чтобы приговор, вынесенный знаменитым тайным обществом какому-нибудь английскому чиновнику, не был приведен в исполнение; никакие предосторожности не спасали намеченные жертвы от ожидающей их участи и, что бывает довольно редко, общественное мнение и даже мнение самих европейцев находило приговор этот справедливым. Надо сказать, что таинственное общество, назначавшее для исполнения своих решений фанатиков, которые не отступали даже перед страхом пытки, только в исключительных случаях пользовалось своей ужасной властью. Главная цель этого обще-

ства заключалась в том, чтобы защищать бедных индусов от гнусного произвола некоторых правителей внутри страны, которые пользовались огромным расстоянием, иногда в пятьсот—шестьсот миль, отделявшим их от центрального управления, и эксплуатировали население своей территории самым бессовестным образом, не останавливаясь ни перед каким видом преступлений. Таким образом, когда это общество приговаривало к смерти какого-нибудь чиновника, можно было с достоверностью сказать, что последний не только изменял долгу своей службы и был взяточником, но и совершал такие гнусные поступки, как насилие над женщинами и уничтожение тел своих жертв, за которые в Европе он не избежал бы эшафота.

Одним словом, роль, которую общество играло в течение почти целого столетия, была такова, что честный Колбрук, судья Верховной судебной палаты в Калькутте, сказал о нем: «Правосудие нашло в этом обществе помощника, который способствует тому, чтобы некоторые чиновники не забывали, что они имеют честь быть в Индии представителями цивилизованной нации».

И действительно, оно выносило смертный приговор только в крайних случаях, когда долгий ряд преступлений переполнял чашу всякого терпения.

До сих пор это общество никогда не занималось политикой; стоило ему захотеть, и оно могло поднять весь Декан, но оно желало удержать за собой роль судьи. Один только раз общество изменило своим принципам, приговорив к смерти губернатора Бенгалии, который побудил лорда Гэлуги завладеть аудским королевством, а теперь осудило на смерть сэра Уильяма за его гнусный договор с Кишнаей.

В тот час, когда жизни героя, посвятившего себя борьбе за независимость Индии, грозила измена, общество выступило на его защиту. Сэр Уильям Браун вернулся в свой дворец в состоянии неопишуемого волнения; он немедленно послал за начальником полиции и, объяснив свое положение, просил у него совета, как ему поступить.

— Желаете ли вы, ваше превосходительство, чтобы я говорил с вами без всяких обиняков? — спросил начальник полиции после некоторого размышления.

— Я требую этого.

— В таком случае я должен высказать свое глубокое убеждение, что вашему превосходительству остается жить всего восемь дней.

— Неужели же вы не можете найти никаких средств, чтобы защитить меня от фанатиков?

— Никаких... члены этого общества находятся среди представителей всех классов, и я не поручусь, что тот, которому приказано убить вас, не может оказаться вашим собственным слугой, верно служащим вам в течение долгих лет. У вас, по-моему, остается только два выхода, и они гораздо важнее всех предосторожностей, которые я мог бы посоветовать вам.

— Какие же это выходы?

— Первый заключается в том, чтобы уложить свои вещи и навсегда покинуть Индию, как поступают в настоящее время все чиновники, получившие уведомление о таком приговоре. Последний превратится таким образом в изгнание, и могу заверить вас, что центральное управление со своей стороны много раз уже выражало свое одобрение такого рода предосторожностям.

— Это годится только для чиновников более низкого разряда, имя которых неизвестно, у которых нет ни состояния, ни общественного положения, ни связей, но губернатор Цейлона, один из самых видных сановников королевства, член Королевского совета, не может бежать, как обыкновенный чиновник. Поступив таким образом, я сделаюсь посмешищем всей Англии.

— Можно под предлогом болезни...

— Довольно! Второй выход?

— Он проще... отказаться от договора, заключенного с Кишнаей.

— Чтобы эти люди сказали, что сэр Уильям Браун уступил их угрозам... Никогда, сударь! Бывают случаи, когда человек не может уступить из трусости и должен умереть на своем посту. Я не удерживаю вас больше, сударь!

— Можете быть уверены, ваше превосходительство, что я приму все зависящие от меня меры для вашей безопасности.

— Исполняйте ваш долг, сударь, я буду исполнять свой.

Несколько часов спустя после этого разговора губернатор получил через неизвестного посыльного второе письмо, содержащее в себе всего только одну фразу:

Не может быть бесчестья в том, чтобы отказаться от бесчестной сделки.

Это второе послание довело до крайних границ удивление и волнение сэра Уильяма. Итак, таинственные судьи уже знали о его разговоре с директором полиции; ясно, что они осуждали бесчестную войну с применением всяких засад, измены, захвата врасплох, которую готовились вести с Сердаром, а также низкое сообщничество губернатора Цейлона с негодяем Кишнаей, ка-

торжником, который всего какой-нибудь месяц назад ходил с ядром на ноге в бомбейской тюрьме.

Но сэр Уильям Браун был англичанином; он верил, что никакой поступок, даже самый низкий, не может обесчестить человека, когда дело идет о службе... А так как сохранение владений Индии было вопросом жизни и смерти для Англии, он дал себе клятву не уступать.

И к тому же не в собственных ли его руках были все средства для защиты? Он пользовался безграничной властью. Индусские *сикеры*, наемные убийцы, убивают всегда кинжалом — кто мешал ему надеть кольчугу? Он мог также ввиду исключительных обстоятельств отобрать сотню солдат из тех, которые отправлялись в Калькутту, и поручить им охрану своего дворца.

Генерал Хейвлок со своей стороны советовал ему не уступать и сам отобрал отряд телохранителей среди высадившихся солдат; в тот же вечер все служители-индусы были заменены солдатами шотландского полка.

Отношения обеих сторон начинали обостряться. Получалось нечто вроде дуэли, в которой каждая сторона ставила на карту свою жизнь... Кто же должен был выйти из нее победителем? Сердар или сэр Уильям Браун?

Но эта борьба была бы еще ожесточеннее, имей оба противника возможность встретиться и узнать друг друга, ибо в прошлом у них было нечто такое, что дало повод к жгучей ненависти, которую может погасить лишь кровь одного из противников. Двадцать с лишним лет прошло с тех пор, но жажда мести оставалась по-прежнему неутолимой, как и в тот день, когда один умирающий собрал свои последние силы, чтобы доползти до них и укротить их ярость, когда только клятва, вырванная у них человеком в его предсмертный час, разлучила их... Но они дали слово встретиться друг с другом и разрешить этот спор. Несмотря на то, что в силу обстоятельств они находились вдали друг от друга и почти на целую четверть столетия потеряли один другого из виду, они так хорошо помнили, что принадлежат друг другу, что поклялись никогда не жениться с исключительной целью не причинить кому-либо горе в тот день, когда встретятся в последний раз... Но судьба людей подвержена случайностям. Не отыскивая друг друга, они вдруг очутились под одним и тем же небом и вступили в борьбу, не узнав друг друга... Еще ужаснее будет встреча в тот час, когда она состоится!

Тем временем «Эриманта», простоявшая тридцать шесть часов в гавани Пуант-де-Галля в ожидании почты из Китая, готовилась покинуть Цейлон, чтобы продолжать свой путь по

Бенгальскому заливу. Собравшись на корме, пассажиры в последний раз любовались чудным зрелищем, равного которому нет в мире.

Несколько в стороне от них стояла небольшая группа из трех человек, которые тихо разговаривали между собой, с тревогой поглядывая время от времени на крутые склоны, покрытые роскошной растительностью, где выстрелы из пушек преследовали слона Ауджали. Группу составляли Эдуард Кемпбелл со своей прелестной сестрой Мэри и Шива-Томби-Модели, брат Рамы, который, выполняя данный ему приказ, сопровождал молодых людей в Пондишери.

Все трое говорили, само собой разумеется, об утреннем происшествии и об отчаянии Эдуарда и Мэри, когда они увидели Сердара, идущего на казнь. Напрасно Шива-Томби старался успокоить их, уверяя, что его брат наверняка все уже подготовил для побега пленников; слезы их высохли и они успокоились только тогда, когда увидели, что Ауджали скрылся наконец по ту сторону Соманта-Кунта.

— Не бойтесь, — сказал им молодой индус, — вряд ли кто-нибудь теперь их поймает. Мой брат много лет подряд жил в джунглях, отыскивая берлоги пантер, у которых он отнимал детенышей, а затем дрессировал их и продавал фокусникам. Он знает там все ущелья и проходы, и пока все будут уверены, что Сердар и его товарищи окружены со всех сторон, они успеют перебраться через пролив и присоединятся к нам.

Эти слова успокоили молодых людей, которые в своих мечтах видели уже отца спасенным благодаря Сердару.

Уже отдан был приказ, чтобы все посторонние лица на борту отправлялись по своим лодкам, когда некий Макуа, подъехавший к пакетботу в своей пироге, в три прыжка взобрался на палубу и подал Шива-Томби один из тех пальмовых листьев, которые на тамильском наречии зовутся *олле*. Туземцы царапают на их нежной коже буквы с помощью тоненького шила.

— От твоего брата, — сказал он и затем, так как пакетбот двинулся в путь, по плану спустился в море и вплавь добрался до своей пироги.

На *олле* оказалось несколько слов, на скорую руку написанных Рамой-Модели:

Через две недели будем в Пондишери.

Уверенность, с которой написаны были, по-видимому, эти слова, вселила еще большую радость в молодых людей, которые

были не в состоянии оторвать свои взоры от вершин, где они в последний раз видели того, кого они теперь называли не иначе как спасителем своего отца.

Выйдя из фарватера, пакетбот некоторое время шел вдоль восточной оконечности острова, где течение способствует более быстрому движению судов к берегу Индостана. Скоро глазам путешественников открылся восточный склон Соманта-Кунта, по которому Барнет спустился в долину; судно так близко шло здесь от берега, что невооруженным глазом можно было рассмотреть малейшие уступы скал и прямые, стройные стволы буроа. Повсюду виднелись огневики с ярко-красными цветами, индийские фикусы с толстыми ветками и темной зеленью, тамаринды, покрытые лианами разнообразных оттенков, и вьющиеся розы, самым невообразимым образом перемешавшие в живописном беспорядке свои ветви и цветы. Лощина затем как бы вдруг прерывалась, скрываясь за утесами, которые стояли на первом плане и представляли собой последние укрепления большой долины, куда отправились искать убежища Сердар и его товарищи.

— Они там... за этой высокой цепью скал, — сказал Шива-Томби своим молодым друзьям. Он протянул туда руку и вдруг остановился, охваченный сильным волнением...

На последнем плато, в нижней части которого лощина углублялась в долину Трупов, на фоне одного из утесов вырисовывались четыре человека, размахивавшие белыми накидками своих касок и смотревшие в сторону парохода. А позади них, как бы завершая собой картину и удостоверяя личности находившихся впереди него людей, стоял колоссальный Ауджали, который держал хоботом громадную ветку, сплошь покрытую цветами, и размахивал ею в воздухе.

— Вот они! — сказал Шива-Томби-Модели, успевший наконец побороть свое первое волнение. — Они хотят проститься с нами.

Это было грандиозное и в высшей степени поэтическое зрелище; все пассажиры «Эриманты», столпившиеся вдоль абордажных сеток, смотрели с большим любопытством на эту живописную и странную группу, которая казалась вылитой из бронзы в обрамлении дикой и величественной природы.

Пакетбот шел теперь полным ходом; одни виды с головокружительной быстротой сменялись другими, и четыре действующих лица, оживлявших эти уединенные места, скоро скрылись за уступом горы. Они выстрелили из карабинов и в один голос

крикнули изо всех сил «ура», которое слабым эхом донеслось волнами к трем молодым путешественникам.

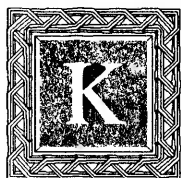
«Эриманта» тем временем повернула в другую сторону и на всех парах пошла в Бенгальский залив. Страна Цветов все больше и больше расплывалась, сливаясь с туманом западного горизонта.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Долина Трупов

I

Отъезд. — Ночи в джунглях. — Грот носорога. — Видение Барнета. — Совет. — Поиски проходов.

ОГДА ПАРОХОД, С КОТОРЫМ ОНИ ПРИШЛИ проститься, исчез из виду, авантюристы поспешили спуститься обратно в джунгли, так как на том плато, где они находились, их легко мог заметить отряд сипаев, которым губернатор приказал оберегать верхний горный проход и которые вот уже несколько часов, как

заняли назначенный им пост.

По миновании грозной опасности первой заботой их было добыть себе пищу, ибо, ввиду быстроты событий, произошедших со вчерашнего дня, они не имели времени пополнить свою провизию и отыскать убежища на ночь, где бы могли быть в безопасности от хищных зверей и с тем вместе обсудить план действий, от которого зависело их существование. На этот раз дело шло не о борьбе с одинаковыми шансами на успех и неудачу и с силами, равными силам противников: они были одни против целого гарнизона и нескольких тысяч туземцев, которых неминуемо должен был поднять против них соблазн награды. В таком неравном бою нечего было надеяться исправить на другой день неудачи, случившиеся накануне: оставалось или победить, или умереть.

На стороне их было, или они думали, что было, одно лишь преимущество, заключавшееся в том, что они могли располагать собой в данный момент, чтобы приготовиться встретить врага, не опасаясь быть захваченными врасплох и окруженными в долине, где они нашли себе убежище, ибо они не могли вступить в борьбу даже с самым маленьким отрядом, не рискуя завязнуть в торфяных топях, или сделаться добычей кайманов в болотах, или ягу-

аров и пантер в чаще лесов, или быть захваченными горстью людей в джунглях.

В беседах о разных опасностях и затруднениях, с которыми им придется бороться, им даже и не пришла в голову самая ужасная, грозившая им опасность; мы говорим о торге, заключенном между Кишнойей и сэром Уильямом Брауном, так как важный факт этот оставался им неизвестным.

Агенты Рамы-Модели успели все-таки предупредить о присутствии в горах значительного количества шпионов, и сам он говорил уже об этом Сердару еще раньше, чем засада на Соманта-Кунта подтвердила их участие в преследовании. Никто из авантюристов не думал, однако, чтобы кто-нибудь из этих шпионов устоял против их карабинов.

Первую заботу их о пище разрешить было не трудно: дичи, как мы уже видели, было здесь такое количество, что им нечего было бояться голода; к тому же в болотах находилось множество иньяма, который мог прекрасно заменить собою хлеб и рисовые лепешки, отсутствие которых знаменитый Барнет совсем не чувствовал. Что касается фруктов, то одних бананов там было столько, что ими можно было бы прокормить целую армию, запертую в этой долине. Манго, эти почти исключительно сингалезские фрукты, попадались на каждом шагу, гуайявы росли там кустарниками. Вообще вы могли встретить там представителей всех тропических фруктов.

Что касается жилья, самой необходимой вещи в этом опасном месте, то Рама-Модели не прочь был указать на грот, свидетеля подвигов Ауджали и генерала, но он боялся, что труп носорога заразил это место. Кроме этого грота ему были известны еще несколько других, хотя менее обширных, но все же удобных для того, чтобы служить временным убежищем.

Важный вопрос о дальнейшем плане действий авантюристы могли спокойно и внимательно обсудить лишь после того, когда им удастся подкрепить свои силы, истощенные последними тревожениями и бессонными ночами.

Маленькая группа шла вдоль подошвы горы, придерживаясь дороги, по которой шел накануне Барнет, и честный янки рассказывал в это время своим друзьям все перипетии своего приключения с носорогом, о котором он не успел даже упомянуть в виду событий, так быстро следовавших друг за другом. Оставаясь без пищи почти целые сутки, он не мог без сокрушения говорить о двух жирных, толстых утках, пожаренных как раз впору, которых ему пришлось бросить, благодаря несчастной встрече; но болото, где жили эти чудные пернатые, было недалеко, и он дал себе слово вознаградить себя за потерю.

— Если только мы найдем их на том же месте, — отвечал Рама, которому он только одному сообщал о своих намерениях, потому что Сердар, погруженный в мысли, шел во главе отряда, как человек, которому некогда терять времени.

— Как ты думаешь? — отвечал Боб, — что я обеспокоил их и заставил изменить свои привычки и переменить место жительства?

— Нет, но тебе должно быть известно, что в джунглях столько же шакалов, сколько веток на бамбуке; труп носорога, убитого Ауджали, привлек их сюда, вероятно, целые тысячи и они целый день наслаждались его мясом. Носорог питается растениями и никогда не беспокоит водяных птиц, ну, а эти хождения шакалов взад и вперед встревожили их. Успокойся, однако, недостатка в этом здесь не будет и завтра на озере Каллоо, которое тянется на несколько миль, мы сделаем порядочный запас чирков и брахманских уток, если только Сердар даст нам на это время.

— Почему так?

— Ты знаешь Сахиба так же хорошо, как и я... достаточно видеть его походку, чтобы предположить, что он не даст нам времени на охоту.

Продолжая идти, Сердар срывал время от времени находившийся ближе к нему банан и тут же на полном ходу съедал его. Нариндра и Сами, следовавшие по его пятам, молча делали то же самое.

— Они ужинают, — сказал Рама, — и нам не худо будет последовать их примеру. Я начинаю думать, что кроме этого мы ничего больше не будем есть сегодня.

— Не понимаю, право, как вы все созданы! С одной горстью риса и двумя-тремя фруктами вы целыми днями при жгучих лучах солнца идете все одним и тем же шагом; мне же для этого необходима более существенная пища.

В эту минуту среди кустарников зашевелился обеспокоенный шумом шагов молодой олень, у которого не выросли еще рога. Барнет мгновенно прицелился и выстрелил, положив животное сразу на месте. Барнет подбежал к нему, связал ему сухой лианой все четыре ноги и передал Ауджали, который охотно взялся за эту легкую ношу.

— Вот мой обед, — сказал генерал, потирая руки, — к черту едоков бананов!

Сердар даже не обернулся. Маленький отряд приближался тем временем к болотистому озеру, где Барнет так счастливо охотился. На всем пространстве, которое было доступно взорам, нигде, ни на поверхности воды, ни в траве на берегу, не было видно ни одной даже головки чирка или утки.

Предположения рамы оправдались. Но маленький отряд ждал еще неожиданный сюрприз другого совсем рода: на расстоянии пятисот метров от грота, где должны были находиться останки носорога, вся земля была истоптана, точно тут в течение многих месяцев подряд толклось стадо баранов.

— Счастлив будешь ты, — сказал Рама-Модели своему путнику, — если найдешь хотя бы только рог твоего носорога... видишь, шакалы были здесь.

— Неужели ты думаешь, что в такое короткое время они сожрали весь труп?

— День и ночь!.. Они за это время могли бы съесть в десять раз больше... можешь быть уверен. Когда ты узнаешь, что по вечерам с захода и до восхода солнца по улицам Пуант-де-Галля разгуливают тысячи шакалов, то поймешь, сколько их здесь.

— Ты прав... я помню, что в Бенгалии, на улице Шандернагора эти животные съели за три часа целую лошадь, сломавшую себе ногу и оставленную там своим хозяином. Но ты сначала думал, как и я, что мы найдем жертву Ауджали в гроте, и сожалею поэтому, что она помешает нам поместиться там на ночь.

— Середины здесь никогда не бывает; шакалы, сколько бы их ни было, всегда все вместе совершают свои экспедиции и могли сегодня попасть случайно на противоположную сторону джунглей. Я и говорил так, потому что хорошо знаю их нравы. Труп животного мог остаться или нетронутым, или его не должно было остаться и следов, и я вижу теперь, что последнее предположение было верным. С другой стороны носорог этот мог жить в паре, и тогда переживший его, самец или самка, защищал бы тело своего спутника. Ты понимаешь, что в таком случае нам было бы опасно, несмотря даже на присутствие Ауджали, сесть в таком соседстве.

— Ты, видно, хорошо знаком с привычками обитателей джунглей?

— Все детство свое провел я в этом месте. Мой отец, принадлежавший подобно мне к касте укротителей пантер, поселился на Цейлоне, привлеченный сюда рассказами о долине Трупов, и здесь мы охотились на тигра, ягуара, пантеру, чтобы получить премию от правительства, или же брали детенышей, которых затем продавали факирам и фокусникам. Бывали годы, когда мы их набирали до двухсот, и все-таки здесь найдутся такие еще места, откуда, если туда проникнет кто-нибудь, вряд ли выйдет живым, — столько там встречается хищников даже днем.

— Какое опасное существование! Как это вас тут не съели еще?

— Мы забирали детенышей во время отсутствия матерей, да иначе и нельзя. Помню, как один раз мы уложили в мешок трех маленьких черных пантер, так недель около двух, и вдруг услышали, что мать самым нежным ворчанием дает знать о своем возвращении. Детеныши отвечали ей из мешка... Времени терять нельзя было, иначе мы погибли бы. Мы стояли у самого баньяна; отец сделал мне знак, — и мы взобрались на дерево. Мы не бросили нашей добычи, но детеныши почуяли мать и принялись мяукать и ворочаться, как чертенята, в мешке; мать услышала их крики и скоро заметила нас, несмотря на то, что нас трудно было рассмотреть среди густой листвы. Она прыгнула к дереву. Мы взобрались на ветки повыше; она за нами, и пропасть бы мне, не успей отец с необыкновенной ловкостью отрубить ей одну из передних лап. Она свалилась сначала с дерева, но у нее хватило силы взобраться опять назад. Подвигалась она, однако, очень медленно и отец отрубил ей вторую лапу. На этот раз у нее не хватило сил лезть наверх, но она стояла на задних лапах, прислонившись к дереву, где были ее малютки, и сердито ворчала. Мы вынуждены были подождать несколько часов, пока потеря крови не сделала ее безвредной, но она по-прежнему упорно держалась у дерева, с которого мы спустились по одной из нижних веток, не смея спуститься по стволу. Когда она увидела, что мы бежим от нее, она собрала последние силы и бросилась за нами, несмотря на искалеченные лапы. Но на полпути к нам она упала и отец ударом топора по голове кончил ее страдания.

— У вас не было ружья?

— Ни один туземец в то время не мог иметь ружья на Цейлоне.

— Как же вы охотились на взрослых?

— Мы рыли ямы в местах, куда ходит много этих животных, и покрывали их ветками, а потом, когда они ловились туда, мы убивали их копьями. Здесь в джунглях найдется тысячи две таких ям, вырытых отцом и мною за эти двадцать лет.

— Вы с ним только одни занимались этим ремеслом на Цейлоне? — спросил Барнет, в высшей степени заинтересованный этим разговором.

— Да, одни, и поэтому нас прозвали раджами джунглей. Почти все сингалы держат у себя поля, живут там и обрабатывают их. Земля плодородная, и они живут счастливо и в полном изобилии. Такая жизнь не делает человека мужественным, и ни один из них не посмеет провести даже одной ночи в этих джунглях, которые они прозвали долиной Трупов, хотя никто из них не подвергал себя здесь смертельной опасности и тут немного найдется человеческих останков... Отец мой уже умер, оставив нам с братом небольшое состояние, и я бросил свое ремесло, которым

опасно заниматься одному, а мой младший брат не в силах вынести лишения и опасности такой жизни.

— Не во время ли избиения в Хардвар-Сикри погиб твой отец?

— Да, — отвечал индус, и глаза его сверкнули мрачной ненавистью, — он хотел окончить свои дни в родном городе и нашел там гнусный конец, ибо что может быть подлее, чем убить старика семидесяти пяти лет? Ни один из его родных не участвовал в восстании, и я примкнул к нему только после этого отвратитель-

ного дела... Ничто не может извинить такого преступления. Есть два человека на свете, которых я поклялся убить; это майор Кемпбелл, старший комендант Хардвара, и капитан Максвелл, который командовал этим ужасным избиением. Если бы Сердар не приехал на Цейлон, где ему нужны были мои услуги, я был бы в эту минуту среди индусов, осаждающих крепость, чтобы сдержать свою клятву, и брат был бы со мной. Как только мы ступим на большую землю, я сейчас же поспешу туда. Сердар обещал замолвить за меня слово Нана-Сахибу, чтобы двух этих людей выдали мне.

— Разделим их между собой, — живо перебил его Барнет, — Максвелла отдай мне; у нас с ним старые счеты, и я хочу предложить ему хорошую дуэль по-американски: карабин в руке, револьвер и охотничий нож у пояса — и вперед!

— Нет! С такими людьми не может быть дуэли, — сказал Рама с мрачным видом, — только медленной смертью среди ужасных мучений могут они искупить свои преступления.

— Постой! Постой, Рама! — запальчиво отвечал Боб, — мои счеты с ним старше твоих и начались за два года до восстания, когда этот негодяй выгнал меня из моего дворца в Ауде, а потому преимущество на моей стороне; впрочем, ты можешь быть уверен, что я не пощажу его, и если случайно, что, по-моему, невозможно, он убьет меня, то у меня останется утешение, что ты отомстишь за меня... Согласен, не правда ли? Уступишь мне Максвелла?

В эту минуту послышался голос Сердара, звавшего Раму, что избавило последнего от ответа на затруднительный для него вопрос генерала.

Ауджали вдруг бросился вперед и исчез за скалой.

— Мы пришли, не так ли? — спросил Сердар охотника за пантерами. — Это, кажется, тот самый грот, о котором ты говорил и откуда наш друг Боб еле выбрался.

— Это он, я узнаю его, — воскликнул генерал.

— Мне кажется, Сахиб, — отвечал Рама, — мы можем там поселиться на все время, какое ты найдешь нужным. Если я не ошибаюсь, шакалы вычистили все наше помещение.

Предположения охотника сбылись во всех отношениях; в гроте не осталось ни малейших следов носорога. Животные стащили в кусты все до последней косточки, до рога включительно; там оставались только следы вчерашней битвы на почве, глубоко взрытой ногами двух колоссов. Ауджали был, видимо, поражен исчезновением своего врага и глухо ворчал, поглядывая на джунгли и как бы воображая, что тот вернется назад и вновь начнет битву.

Сердар решил отдохнуть в гроте до следующего утра с тем, чтобы на рассвете обсудить дальнейший образ действий; он по-

просил каждого из своих спутников обдумать хорошенько за эти несколько часов, как лучше поступить, чтобы терять как можно меньше времени на бесполезные споры.

Ауджали было приказано лечь поперек отверстия грота и оберегать сон своих товарищей, чтобы никому не нужно было дежурить по очереди. Одного присутствия слона было достаточно, чтобы держать хищников на далеком расстоянии. Сделав все эти распоряжения, Сердар собрал охапку сухих листьев, положил их в углу и улегся на них. В течение целой недели с тех пор как он прибыл на остров, этот энергичный человек не спал ни одного часа и если и держался на ногах, то лишь благодаря железной силе воли.

Нариндра и Сами тотчас же последовали его примеру, так как оба эти индуса разделяли с ним все его заботы; спустя несколько минут они уснули, что было слышно по их ровному спокойному дыханию.

У Барнета были свои собственные идеи относительно гигиены; он был убежден, что не следует ложиться спать с пустым желудком, а потому развел костер из сухого дерева и начал ту же операцию, что и накануне, причем ему помогал Рама, поддававшийся его увещаниям. На этот раз уток на примитивном вертеле заменил молодой олень, и наши лакомки признались друг другу, что это еще лучше. «Утки отдают иногда болотом, что не всем может прийти по вкусу», — прибавил Боб, утешая себя.

Какую странную ночь провели авантюристы в джунглях под двойной защитой скал и честного Ауджали! Едва успело зайти солнце, как со всех сторон мрачной долины поднялся странный и дикий концерт: тьяканье шакалов, ворчанье ягуаров и пантер, жалобные крики крокодилов, могучие переключки диких слонов друг с другом раздавались до самого утра, иногда в нескольких шагах от спящих, которые бессознательно воспринимали эти звуки во сне, и им снились фантастические битвы, в которых сипай и шпионы смешались в страшной сумятице со всей дикими зверями в мире.

Всякий раз, когда эти крики раздавались поблизости от грота, слон глухо ворчал, не оставляя, однако, доверенного ему хозяином поста. Незадолго до восхода луны он начал выказывать все признаки сильнейшего гнева; молодой Сами, который только что проснулся, тихонько встал и подошел к нему, чтобы успокоить его. Ему показалось, что между скалами впереди грота проскользнула какая-то тень с очертаниями человеческой фигуры, которая удалялась ползком, и он хотел было сообщить об этом Нариндре, но видение это так быстро промелькнуло мимо него, что он подумал, что ошибся, и решил молчать, опасаясь быть осмеянным... Он стоял так целый час, стараясь проникнуть взо-

ром сквозь густую тьму, которая набрасывала непроницаемый покров на все предметы, и прислушиваясь к каждому шуму, доходившему извне... Но ему не удалось ни увидеть, ни услышать ничего такого, что подтвердило бы его видение, и он занял прежнее место рядом с маратхом.

На рассвете Сердар был уже на ногах и разбудил всех; это был час, назначенный им для совета, и он тотчас же без всяких предисловий открыл его.

— Вам известен, — начал он просто, — тот единственный вопрос, который нам необходимо решить: как выйти из долины, два доступных прохода которой бдительно охраняются силами, настолько превосходящими наши, что мы не можем вступить с ними в открытый бой, а между тем мы во что бы то ни стало должны выйти отсюда! Вчера я большую часть дня думал об этом и в конце концов остановился на одной мысли, которая кажется мне наиболее исполнимой; когда вы все изложите мне свои мнения, тогда и я скажу вам, имеет ли мое предложение преимущество перед вашими. Первое слово предоставляется обыкновенно самому молодому. Твоя очередь, Сами, сообщи же нам результаты своих размышлений.

— Я только бедный слуга, Сахиб, и какой совет могу дать в свои годы? Я взобрался бы на Ауджали и под защитой хаудаха попробовал бы пробраться через северный проход, который ближе всего к берегу Индостана, в одну из следующих ночей, до восхода луны.

— Это было бы недурно, будь оттуда всего несколько миль до Манарского залива, где крейсирует Шейх-Тоффель на своей шхуне и ждет, чтобы свезти нас в Индию. Но по выходе из долины мы должны будем пробежать шестьдесят миль до окочности острова, и это во враждебной стране, вооруженной против нас. Не следует забывать, что все деревенские жители-сингалы — наши заклятые враги, которых англичане уверили, что в случае торжества революции индусы немедленно завладеют Цейлоном, чтобы силой заставить туземцев принять брахманизм... Впрочем, если ничего не придумаем лучше, попробуем и это. Твоя очередь, Нариндра!

— Я думаю, Сахиб, что нам следует расстаться и сегодня же вечером попробовать поодиночке пробраться через южный проход, хорошо всем нам известный, потому что это тот самый, по которому мы спуścались сюда. В темноте мы можем пробраться ползком и тем легче, что местами он покрыт лесом, за которым легко скрыться; сипаи же не будут его особенно сторожить, потому что ждут, что мы выберемся через северный проход. Один за другим мы спустимся в Пуант-де-Галль, где найдем убежище у малабарцев, наших приверженцев, которые предоставят нам

возможность перебраться на большую землю. Сами, которого никто не знает в Пуант-де-Галле, может остаться здесь дня на два-три вместе с Рамой-Модели, которого никто не подозревает в том, что он с нами, поскольку он был переодет. Они оба приведут потом Ауджали, которому тем временем вернется его черный цвет, так что никто из сипаев у прохода не признает его за слона, способствовавшего нашему побегу. Сами и Рама свободно пройдут мимо них как люди, только что охотившиеся в джунглях, чему поверят ввиду прежнего ремесла укротителя пантер, и никто не удивится, что они провели несколько дней в долине... Я сказал.

— Превосходный проект, — сказал Сердар, — и мы решим, быть может, принять его, только с некоторым изменением, о котором я вам скажу, если мы ни на чем другом не остановимся... Тебе слово, Рама!

— Я, собственно, присоединяюсь к плану Нариндры, но я всего лишь обыкновенный укротитель пантер; мне хорошо знакомы все хитрости животных в джунглях, но мозг мой не способен на какие бы то ни было соображения.

— В таком случае никого больше не остается кроме тебя, мой милый Боб, — сказал Сердар, лукаво улыбаясь, так как слишком мало верил в изворотливость ума своего старого товарища.

— Ага! Да, это именно я и говорил, — отвечал Барнет с видом человека, который моментально все соображает, — вот наступит моя очередь... Гм! главное в том... гм! выйти отсюда... и поскорей... гм! гм! ибо ясно, как день, что если нам не удастся выйти отсюда... гм!.. то без сомнения, что... что... вы наконец понимаете меня и... God bless me! Мое мнение, что не тем пятидесяти босоножкам, которые там наверху, черт возьми, помешать нам выйти отсюда... вот мое мнение!

— И ты тысячу раз прав, мой милый генерал, — сказал ему Сердар с невозмутимой важностью, — мы должны выйти и мы выйдем... тысяча чертей! Посмотрим, как это нам помешают.

И он отвернулся, чтобы не рассмеяться в лицо своему другу. Барнет сидел с важным видом, уверенный в том, что он дал самый лучший совет. Впоследствии, когда он рассказывал об этом происшествии, он всегда заканчивал его следующими словами: «наконец благодаря смелому плану, предложенному мною, нам удалось выбраться из этого положения».

Вернув себе снова серьезный вид, Сердар продолжал:

— Лучший проект не тот, который влечет за собой меньше опасностей, а тот, который даст нам возможность скорее попасть в Пондишери.

— Браво! — крикнул Барнет. — Таково и мое мнение.

Сердар продолжал:

— Проект Нариндры будет и моим, если только мы сделаем в нем небольшое изменение; вместо того, чтобы идти ночью в Пуант-де-Галль поодиночке, предположив, что Сами и Рама не вызовут никакого подозрения своим присутствием, мы отправимся днем, под самым носом у сипаев. Нариндра, Боб и я спрячемся на дне хаудаха, тогда как Сами и Рама займут свои обычные места, — Рама на месте господина, Сами на шее как карнак. Нет повода предполагать, что солдаты вздумают осматривать хаудах внутри, и мы найдем, как говорит Нариндра, убежище у малабарцев... Но когда и каким образом уедем мы из Пуант-де-Галля, неторгового города, куда заходят одни пакетботы? Попасть на тот, который возит почту на Индостанский берег, весьма трудно из-за существующего там строгого надзора; попробовать, однако, можно, если уехавший вчера пакетбот вернется через месяц... Между тем необходимо, чтобы на всем юге революция через месяц была в полном разгаре и чтобы мы шли бы по Бенгальской дороге к Лакхнау и Хардвар-Сикри, куда нас зовут важные дела.

Голос Сердара при последних словах слегка понизился и внезапное волнение, которое он не в силах был сразу подавить, овладело им при мысли об антагонизме, который мог возникнуть между ним и Рамой-Модели по поводу майора Кемпбелла, которого индус считал убийцей своего отца. Он прекрасно знал, как велико в Индии почтение к отцу, и был уверен, что индус никогда не откажется от мести, чтобы не опозорить свою семью до третьего поколения. Вскоре, однако, он оправился и продолжал:

— Проект этот лучший из всех, имей мы только возможность предупредить об этом Шейх-Тоффеля, капитана «Дианы», которая крейсирует в Манарском заливе в ожидании нашего возвращения. Тем не менее мы вынуждены будем принять его... Я хотел бы остановиться на нем, если попытка, которую я решил предпринять, не приведет нас ни к какому результату. В этом отношении один только Рама может дать нам необходимые сведения, а потому я обращаюсь специально к нему.

— Я слушаю тебя, Сахиб.

— Все держатся того мнения, будто для выхода из этой долины существует всего только два прохода; мне же кажется невероятным, чтобы здесь не нашлось ни одного места, где бы решительный человек с помощью скал, деревьев, кустарников не мог забраться на самую вершину склонов, которые кончаются на той стороне утесами у самого моря. Что ты скажешь об этом?

— И я раз двадцать говорил себе то же самое, Сахиб, — отвечал Рама. — Я помню, что в детстве я часто карабкался по скалам, отыскивая гнезда горлиц, но не помню, чтобы мне когда-либо удавалось вскарабкаться на самую верхушку.

— Ты считаешь это невозможным?

— Нет! Утверждать ничего не могу, так как никто еще не пробовал этого. Та сторона, что обращена к морю, состоит из крутых и необитаемых утесов, а потому опасный подъем, который можно было бы сделать по уступам со стороны долины, не привел бы ни к чему.

— Да, но для нас это было бы спасением; стоит только выйти из долины, как начинается спуск к морю. Там среди кокосовых и пальмовых лесов, которыми покрыты склоны, мы могли бы, следуя вдоль берега, причем никто не подозревал бы нашего присутствия, добраться до Манарского залива, где нас ждет шхуна, и мы будем уже плыть в Пондишери, тогда как все будут думать, что мы еще в долине Трупов.

— Мысль у тебя чудесная, Сахиб, — сказал Рама после нескольких минут размышления. — Я также согласен с тобой, что нам следует немедленно отправиться на поиски места, откуда нам легче будет взобраться наверх.

— God bless me! Хорошо сказано! Идем сейчас... поднимаемся... карабкаемся... черт возьми!.. Быстрота и натиск!.. Вот мое мнение... следуйте ему, оно превосходно! — воскликнул Барнет.

— Лучший способ действовать быстро, как советует генерал, — продолжал Рама, — это разделить между собой склон горы на участки, чтобы они отстояли на известном расстоянии один от другого. Каждый исследует свой участок, а затем вернется в назначенное для свидания место и сообщит о результате. Бояться заблудиться в этом случае нельзя, ибо все мы будем ходить взад и вперед у подошвы горы.

— Умно придумано, Рама, и нам теперь ничего больше не остается, как отправиться в путь. Но прежде всего, как ты говоришь, мы должны назначить место свидания, куда все должны вернуться сегодня вечером по крайней мере за час до захода солнца. Отдохнув хорошенько ночью, мы завтра утром снова двинемся на поиски.

— Расстояние, которое отделяет нас от склонов в сторону океана, не так велико, чтобы мы не могли оставить за собой этот грот, где мы всегда можем отдохнуть и расположиться поудобнее. Мы можем оставить в нем Ауджали, который будет несколько стеснять нас в наших поисках.

Предложение Рамы было принято единогласно, и Сердар, желая избавить Боба, отличавшегося плотным сложением, от слишком утомительной для него прогулки, которая вряд ли могла привести к какому-либо результату, выразил свое мнение, что Ауджали может сделать какую-нибудь ошибку или заблудиться в джунглях, преследуя, например, тигра, а потому он находит

нужным, чтобы один из них согласился «пожертвовать» собой и остался со слоном.

Мысль эта была принята, и решили бросить жребий... Но как обычно бывает в таких случаях, судьба и здесь была снисходительна: жребий пал на Барнета, который великодушно заявил, что готов принести эту жертву для общего блага.

Но в глубине души он ликовал... Ему предоставлялась возможность целый день заниматься поварским искусством, сколько хочешь... Болото было недалеко, и на его долю наверняка достанется хотя бы несколько из тех чудесных уток, которых он хотел во что бы то ни стало попробовать: это желание упорно преследовало его, превратилось в настоящую болезнь... Недаром же, в самом деле, наслаждался он тогда целый час их чудесным ароматом! Он не был таким уж тонким гурманом, но как и все его соотечественники, отличался пылом и упорством как в больших, так и в малых вещах. Шло ли дело об утке или об игре жизнью в какой-нибудь экспедиции, он и в том, и в другом случае действовал с одинаковым увлечением, чтобы затем, когда его желание было удовлетворено, забыть навсегда даже о том, что его вызвало. В настоящее время, после стольких месяцев жизни, полной приключений, неслыханной усталости и безумного героизма, он чувствовал необходимость хотя бы в течение двадцати часов быть самому себе хозяином, пожить сибаритом в джунглях, ничего не делая, греясь на солнышке и наслаждаясь брахманской уткой... Чего вы хотите? И великие люди имеют свои слабости.

II

Экскурсия в долину Трупов. — Разведка. — Сердар один в лесу. — Мечты о прошлом. — Настороже. — Таинственные звуки. — Тревога. — В западне. — Напрасный призыв. — Кобры. — Ужасное положение. — Рассуждения Барнета. — Опять Ауджали. — Спасение.

ОТВЕТ ДЛИЛСЯ НЕ БОЛЕЕ ДЕСЯТИ МИНУТ, и не успели джунгли проснуться при первых проблесках света, как четыре человека во главе с Сердаром направились по той же дороге, по которой они пришли накануне. Одного часа было достаточно, чтобы добраться до оконечности долины, ширина которой в этом месте не превышала трех километров; они скоро прошли это короткое расстояние и достигли подножия крутого подъема, который по ту сторону переходил в утесы, кончавшиеся у самого моря.

Долина, как мы уже говорили, тянулась с юга на север на протяжении пятнадцати-шестнадцати миль. По мнению Рамы, хорошо знакомого с этой местностью, найти проход можно было только в первой трети этого пространства, ибо две другие трети занимали крутые, почти отвесные скалы, совершенно лишенные растительности.

Сердар, который был лучшим ходоком в Индии, выбрал себе последние пять километров, а его товарищи разделили между собой остальное пространство.

Все снова отправились в путь; и в конце пятого километра Сами остановился и начал свои исследования в обратном порядке. По мере того, как они подвигались в своих изысканиях, они приближались к гроту, где все должны были встретиться вечером. На десятом километре остановился Нариндра, на пятнадцатом Рама, а Сердар продолжал остальной путь.

Этот ловкий способ, придуманный для исследования местности, имел то преимущество, что позволял всем четверем находиться в постоянном общении друг с другом. Прежде чем расстаться, они решили, что первый, кто доберется до верхушки склона, даст знать об этом выстрелом из карабина, что тотчас же повторит ближайший к нему из спутников. Так как выстрел довольно хорошо слышен на расстоянии пяти километров, то все таким образом узнают об успехе их товарища, и немедленно примкнут к нему.

В том случае, если кому-нибудь из них будет угрожать какая-либо опасность он должен выстрелить два раза из карабина; повторенные тем же способом, эти выстрелы призывали остальных к нему на помощь. Мы скоро увидим, какие важные последствия имела такая предосторожность.

Расставшись с Рамой, Сердар продолжал свой путь тем легким и быстрым шагом, который присущ людям, привыкшим проходить большие расстояния. Осматривая нижнюю часть горы, где растительность была еще не так роскошна, как дальше, он вынужден был делать длинные обходы вокруг густой чащи кактусов и алоэ, через которые он не мог пробраться, или болотных топей, дающих о себе знать короткой и тощей травой.

Тишина невольно побуждала к мечтательности. Прошло несколько минут, и Сердар, совершенно забывший, где он находится, перенесся мало-помалу к счастливым дням своего детства, которые протекли в старинном замке в Бургундии, принадлежавшем его роду со времени царствования Карла Смелого... Мысленно он снова видел перед собой феодальные башни, омываемые водой широких рвов, где жили миллионы лягушек, к монотонному кваканью которых он так любил прислушиваться по вечерам;

подъемный мост, цепи которого служили ему трапециями; парадный двор, выложенный каменными плитами; витые лестницы и высокие залы, украшенные портретами предков — богатырей, закованных в железо, одни из которых пали при Азенкуре, где герцог сопровождал короля вместе с баронами, другие при Грансоне или под стенами Иерусалима. С каким благоговением он слушал, как дедушка с седыми волосами рассказывал ему о подвигах предков! Затем — это была следующая эпоха — полковники короля, мушкетеры, маршалы, капитаны, полковники французской гвардии; потом зал, украшенный в современном вкусе, портрет деда, который вместе с историей семьи знакомил его и с историей Франции: он был генерал дивизии, потерял руку при Ватерлоо... Он припоминал далее, что слушал не один... белокурая головка, ангельское и мечтательное личико девочки, моложе его на пять-шесть лет... Девочка говорила нежным голоском, когда дедушка останавливался.

— Еще, дедушка!.. Еще!

Как давно все это было!.. И глаза Сердара наполнились слезами, горькими и сладкими в одно и то же время. Жизнь открывалась перед ним, такая прекрасная и беззаботная! Продолжая делать обзор своей прошлой жизни, он вспомнил, как радовался, надев свои первые эполеты, с каким пылом и отвагой отправлялся в Крым... Но тут лицо его покрылось смертельной бледностью... перед ним предстала катастрофа, разбившая его жизнь. И он едва не разразился рыданиями, как это случалось с ним всякий раз, когда в нем просыпалось это ужасное воспоминание, но тут он вдруг поскользнулся и по самую грудь очутился в тине. Сердар испустил крик отчаяния, считая себя погибшим и чувствуя, что продолжает погружаться в трясину. Падая, он успел удержать карабин в руках, и это спасло его; он почувствовал, держась за него, что два конца карабина, дуло и приклад, лежат на твердой земле и не погружаются вместе с ним. Он выпрямился, поднялся на руках, пользуясь карабином, как точкой опоры, но медленно, постепенно, чтобы не сломать его, и вот наконец после тысячи предосторожностей ему удалось поставить сначала одно колено на твердую землю, затем другое... Своим спасением он был обязан простой случайности: топь начиналась чем-то вроде узкого канала, и карабин его вместо того, чтобы погрузиться с ним, лег поперек отверстия канала. Он понял, что в таком месте, где смерть ждет тебя на каждом шагу, не следует убаюкивать себя мечтами о прошлом, а нужно прислушиваться к каждому звуку и быть всегда наготове.

Часть своей одежды он очистил, вымыв ее в соседнем ручейке; полчаса спустя все высохло на солнце и он снова продолжал свой путь.

В ту минуту, когда Сердар двинулся вперед, вдруг послышался какой-то шум справа от него, в густой роще гуайявы у подношья горы. Он зарядил карабин и стоял несколько минут неподвижно, ожидая, что вот-вот выйдет из чащи тигр, так как пантеры и другие крупные представители кошачьей породы не выходят днем из своих убежищ; никто однако, не показывался, и он ускоренным шагом двинулся дальше, чтобы наверстать потерянное время. Но этот непонятный шум все же заставил его несколько задуматься, а так как он знал, что ягуар, побуждаемый голодом, нападает иногда неожиданно, то как-то невольно обернулся назад, пройдя уже шагов пятьдесят. В эту минуту он находился на небольшой лужайке среди леса, совершенно залитой солнцем; в нескольких шагах от него листва деревьев была так густа, что солнце совсем не проникало сквозь нее; на расстоянии каких-нибудь ста метров все смешивалось среди полутеней, которые придают всем предметам вследствие неясных и неопределенных очертаний самые фантастические образы. Так, на том месте, по которому он шел всего каких-нибудь десять минут тому назад, ему привиделось нечто вроде человеческого силуэта, который стоял у куста и пристально смотрел на него...

Кто мог осмелиться прийти сюда один, в эту опасную долину? Нет, это не что иное, как оптический обман! Он закрыл глаза, как это делаем мы всегда, чтобы убедиться, реально ли то, что мы видим, а когда снова открыл их, то странный образ уже совершенно исчез.

— Обычная игра света и теней! — пробормотал он. — Она часто вызывает такие явления. Если из ярко освещенного места посмотреть сразу в темное, перед глазами проходит как бы облако, которое изменяет вид самых простых предметов. Мне хочется, однако, выяснить, в чем тут дело, никакие предосторожности не могут быть здесь лишними.

И он вернулся назад с целью убедиться, что кустарник, у которого происходила эта игра теней, не заключает в себе ничего подозрительного. Но ему оказалось ненужным идти туда для разрешения своего недоразумения; едва сделал он несколько шагов в том направлении, как из-за группы гуайяв выскочил туземец бронзового цвета (таковы все жители Коромандельского берега) и пустился бежать в самую чашу джунглей. Сердар тотчас же бросился его преследовать; два раза прицеливался он и два раза помешал ему ствол дерева, прикрывший собой него-
дая.

Сердар понял, что, продолжая таким образом, он даст своему противнику возможность убежать; он решил отказаться от карабина и пустить в ход быстроту. Интересы его безопасности его требовали, чтобы он захватил туземца, который, весьма вероятно, был шпионом, предвестником более сильного отряда... Таковы были, по крайней мере, мысли, мелькнувшие в его голове.

Он скоро заметил, что быстро выигрывает пространство: две-три минуты такой скорости — и беглец будет в его власти. Но вот последний сделал легкий крюк в сторону, как бы желая изменить направление, но тотчас же пустился бежать по тому же направлению, по которому бежал до сих пор и которое вело его к большим болотам, сообщаящимся с озером Каллоо... Следовать за ним, не имея необходимых сведений о тех местах, было положительно невозможно. Сердар употреблял сверхчеловеческие усилия, чтобы догнать его: он не бежал больше, а прыгал через кусты и кактусы, как тигр, преследующий свою добычу; в одно мгновение ока расстояние уменьшилось с поразительной быстротой... противник его ослабевал... Он уже совсем настигал его, когда вдруг, добежав до того места, где тот сделал поворот, почувствовал, что почва проваливается под его ногами, и вслед за этим исчез в яме для пантер глубиной в шесть-семь метров.

Сотрясение было так сильно, что он потерял сознание. Кишная, вождь душителей, сдержал слово: жизнь Сердара находилась в его руках, и тот, имя которого заставляло дрожать англичан, был его пленником. Опыренный радостью успеха, шпион три раза падал ниц среди джунглей, благодаря богиню Кали за помощь, оказанную ему; затем он медленно направился к яме, задерживая дыхание и стараясь не делать ни малейшего шума. Время от времени он останавливался, прислушиваясь, не раздастся ли оттуда крик или жалоба, затем продолжал идти с прежней осторожностью.

Но вот он подошел к яме; там царила глубокая тишина, и не будь с одной стороны нарушена симметрия веток, трав и сухих листьев — верный признак, что поимка удалась, Кишная, суеверный, как все индусы, подумал бы, что его пленник был лишь плодом игры воображения.

Большая часть веток и кустов, прикрывавших яму, остались нетронутыми, и это обстоятельство благоприятствовало пленнику, не позволяя видеть снаружи то, что делалось внутри. К тому же яма была вырыта таким образом, что диаметр ее верхней части был меньше диаметра всей ямы, и звери никак не могли добраться до ее краев, вследствие чего еще труднее было видеть, что происходило на ее дне.

Обморок Сердара продолжался недолго, и он, придя в себя, сразу понял адскую хитрость своего противника, а также и то, что он погиб, если не будет отвечать хитростью на хитрость.

Читатель понял, конечно, что Кишнайнэ понадобилось всего лишь подновить и покрыть ветвями одну из старых ям, вырытых Рамой-Модели и его отцом для охоты. На это ему достаточно было одного часа работы, а этот час он сэкономил, пробежав напрямик через джунгли вместе с заклинателем змей Веллаеном, который служил ему проводником. Оба они еще со вчерашнего дня бродили вокруг грота, где ночевали авантюристы, и, спрятавшись в нескольких шагах от него в густой чаще, присутствовали при совете, откуда узнали о намерениях своих противников.

Веллаен, стличающийся поразительной трусостью, боялся карабина и, не желая рисковать собой, в продолжение всей предыдущей сцены отсиживался в соседней чаще. Уверившись в том, что ему нечего бояться, он покинул свое убежище и присоединился к товарищу, но последний сделал ему знак рукой остаться позади и не мешать ему в его наблюдениях.

К счастью, Сердар, падая, не потерял ни револьвера, ни карабина; патронташ и охотничий нож также остались у него за поясом. Придя в себя после падения, он прежде всего забрался в угол ямы, закрытый частью ветвей, которые не свалились под его тяжестью: это моментально скрыло его от врага.

Не тратя время на размышления о чем-нибудь, Сердар поднял карабин и, направив дуло к отверстию, нажал курок: раздался выстрел, разнесшийся гулом по всему лесу, и он с удовольствием прислушивался, как звук громким эхом раскатился по окружающим скалам. Это было явным знаком того, что друзья его услышат и не преминут прийти ему на помощь. За первым последовал второй выстрел — условный, как вы помните, знак на случай опасности.

Кишнайнэ был до того поражен первым выстрелом, что не мог удержаться от крика; он сделал быстрый прыжок в сторону, чтобы спрятаться, забывая при этом, что пленник не мог целиться в него, потому что не видел его; после второго он понял все: негодай был сметлив.

— Это сигнал, — сказал он себе, — через час все трое прибегут сюда; надо подумать, что делать.

Уверенный в том, что пленник не будет в состоянии выбраться из ямы один, он бросился к полумертвому от страха Веллаену, который, забрался ползком в кустарники, как только услышал выстрел, вообразив, что наступил его последний час.

— Эй ты, трус, — крикнул ему Кишная, — вставай; тебе нечего бояться, что пули рикошетом попадут в тебя из ямы. Иди сюда, мне нужны твои услуги; отойдем в сторону, нет никакой надобности, чтобы Срахдана слышал то, что я хочу сказать тебе.

Сообщники удалились на пятьдесят шагов от того места, где они стояли перед этим, и Кишная сказал:

— Два выстрела из карабина, которые ты сейчас слышал, предназначены для того, чтобы предупредить товарищей Сердара, что он нуждается в их помощи. Они скоро будут здесь, и тогда нам не останется ничего другого, как вернуться в Пуант-де-Галль и объявить губернатору, что наше предприятие не удалось. Необходимо, чтобы наш пленник умер раньше, чем придут друзья освободить его. А так как ни ты, ни я не имеем такого роста, чтобы спуститься в яму и вступить в поединок с нашим противником, то следует другим способом убить его, не подвергая себя опасности.

— Нельзя ли воспользоваться принесенными копьями?

— Не будь это Сердар, можно было бы попробовать, особенно если бы мы имели дело с таким трусом, как ты, который дрожал бы всем телом в этой яме и сидел бы там полумертвый от страха... надо придумать что-нибудь другое.

— Нашел! — воскликнул Веллаен, и по лицу его пробежала жестокая улыбка. — Видишь... Вокруг нас десятками насчитываются гнезда карриасов.

— Ты не собираешься, надеюсь, заставить муравьев съесть нашего пленника?

— Нет... но ты знаешь, конечно, что в гнездах красных муравьев всегда можно найти две-три кобры, которые питают пристрастие к извилистым ходам этих гнезд... Что ты скажешь, если мы бросим нашему пленнику с полдюжины этих прекрасных животных?

— Я нахожу, что тебе пришла самая счастливая мысль, какая только может прийти человеку в таких обстоятельствах. Не бойся... Тебе хорошо заплатят... Ведь твое ремесло заговаривать змей, и для тебя пустая игрушка приложить его к делу. Принес ты все, что нужно для этого?

— И вогу, и мешок здесь со мной.

— Начинай же! Никогда еще не было время так дорого, как теперь.

Веллаен вынул свой *вогу* — род маленького свистка из тростника, который употребляется всеми заклинателями, и, приблизившись к гнезду карриасов, встал на колени у одного из бесчисленных отверстий, которые, по его мнению, служили входом и выходом для змей. Но прежде всего он снял с себя всю

одежду, чтобы ничем себя не стеснять. Стоя на коленях и устремив глаза на одно из отверстий, он затянул монотонную и странную песнь, предназначенную для того, чтобы умолить лесных духов быть благосклонными к его заговору.

— Скорее! Не тяни! — крикнул ему Кишнайн, умиравший от нетерпения и страха.

Но Веллаен, увлеченный своим делом, был настолько равнодушен ко всему окружающему, как будто для него ничего больше не существовало, и английский шпион вынужден был выслушать до конца воззвание к духам. Веллаен взял затем свой свисток и извлек из него нечто вроде меланхоличного щебетания, поразительно сходного с щебетанием бенгальского зяблика. Надо полагать, что заклинатели змей обязаны успехом своей странной профессии именно этому совершенному подражанию.

Много раз уже высказывались сомнения по поводу правдивости рассказов путешественников на этот счет; некоторые называли даже шарлатанами таких заклинателей, утверждая, что они всегда держат у себя известное количество прирученных и выдрессированных змей, которые идут на призыв хозяина и которыми они пользуются всякий раз, когда их просят на деле доказать свое искусство заговаривать. Но они поступают несправедливо, смешивая две совершенно различные профессии: в Индии есть факиры и фокусники — часто и то и другое вместе, — которые живут тем, что показывают разные фокусы, особенно с прирученными змеями, и настоящие заклинатели, которые наделены властью привлекать к себе змей, подражая пению некоторых птичек, которыми те любят лакомиться. Мы лично меньше верим влиянию мелодии, чем влиянию желудка, и нет ничего естественнее того факта, что змеи спешат на щебетанье птички, составляющей их любимое кушанье.

Веллаен был действительно опытный и ловкий заклинатель; не прошло и десяти минут, как пять великолепных змей сидели уже у него в мешке, и он мог рассчитывать на все полдюжины.

Прошло уже полчаса с тех пор, как Сердар попал в западню, приготовленную для него Кишнайн; неподвижный, со стесненным от тревоги сердцем, считал он минуты, с нетерпением ожидая, когда к нему придут на помощь, и удивленный в то же время царящей кругом мертвой тишиной; он никак не мог понять, почему противник его остается в бездействии и не покушается на его жизнь. Рассуждая таким образом об опасности своего положения, он пришел к заключению, что негодяй нарочно завлек его в эту западню, чтобы в случае удачи немедленно известить об этом сипаев, которые охраняют южный проход. Затем они явятся сюда, чтобы расстрелять его, не дав ему даже возможности за-

щищаться. Эта страшная перспектива вызвала у него приступ бессильной ярости, выразившейся в нервном припадке, после которого к нему вновь вернулись присущее ему хладнокровие и мужество.

Он принялся через каждые пять минут стрелять из карабина, чтобы указать своим товарищам направление, которого они должны держаться, спеша к нему на помощь. Ничто так не угнетало несчастного, как страшное, грозное молчание, окружавшее его. Особенно беспокоила его одна мысль: если враг захочет прибегнуть к огню, то достаточно будет охапки сухих веток, чтобы погубить его самым жестоким и варварским способом; он и не подозревал, что Кишная уже думал об этом, но вынужден был отказаться от этого плана, так как ни у него, ни у Веллаена не было необходимых материалов. Они так быстро собрались в путь, что забыли взять, что нужно. Что касается первобытного способа добывания огня посредством трения двух сухих кусков дерева, то пришлось отказаться от него; они находились в данный момент на низменном месте, покрытом болотами на протяжении нескольких миль кругом, и все куски дерева, собранные ими, были так пропитаны сыростью, что из них нельзя было извлечь огня.

Время шло, не внося никаких изменений в положение Сердара, когда ему послышались чьи-то шаги, приближавшиеся к его тюрьме; чья-то тень затем на несколько минут преградила доступ света через отверстие, которое он сам сделал, раздвинув ветки во время своего падения... Что случилось? Это не могли быть его друзья, они криком дали бы ему знать о себе! Они позвали бы его! А тут ничего!.. Ничего кроме этой безмолвной и грозной тени. Не наступил ли момент нападения и не решили ли его враги наконец показать ему свою силу?

Он не имел больше времени продолжать свои предположения... Свет показался в отверстии, и в ту же минуту какая-то бесформенная масса, похожая на сверток лиан, переплетающихся между собой, упала на дно ямы.

Волосы его поднялись на голове и кровь застыла в жилах! Широко раскрыв глаза, немой от ужаса, смотрел он на упавший сверток, в котором он узнал десяток кобр. Змеи густо сплелись клубком и издавали уже зловещее шипенье.

Сердар был человек энергичный; он не мог только сразу подавить присущее всем чувство отвращения, но едва проходило у него первое волнение, как он легко и быстро подавлял его и ясный, трезвый ум его тотчас же снова начинал работать, указывая ему наиболее практичный способ действия. Так поступил он и в этом случае; другой на его месте не устоял бы против

искушения ударить карабином в свернувшийся клубок, и ему, действительно, в первый момент пришло было в голову сделать это, но он немедленно отстранил от себя эту мысль: карабин его, заряженный пулей, мог бы насквозь прострелить только одно из этих опасных пресмыкающихся, но остальные, услышав выстрел, немедленно набросились бы на него, а так как человек после одного только укуса кобры погибает через десять минут, то после такого количества укусов смерть наступила бы в одну минуту.

Он остановился на единственно правильном решении, к которому в подобном случае заставляет прибегать опыт: оставаться в полной неподвижности, так как эта змея нападает на человека и животных лишь тогда, когда ее рассердят.

Тогда началась сцена, от которой могли посесть волосы даже у самого храброго: Сердар сидел, забившись в угол и наблюдая за тем, как кобры мало-помалу отделялись друг от друга и, продолжая шипеть, расползались в разные стороны с очевидным намерением отыскать выход. Некоторые направились прямо к нему, и несчастному пришлось призвать на помощь все свое хладнокровие; одно-единственное движение могло указать ужасным животным, что перед ними живое существо, — и он погиб; но этим не кончилась еще пытка, которую ему пришлось вынести. Когда кобра не спит в глубине своей норы под мхом или под кучей листьев, она очень любит обвиваться вокруг древесного ствола и, удерживаясь спиральными кольцами нижней части своего тела, раскачивает верхнюю часть его, открывая широко свою пасть, зевая, шипя и надувая свои липкие щеки, а затем движением, напоминающим жест желающего дать пощечину, выпускает изо рта клубы тошнотворных и зловонных испарений.

Первая из них, приблизившись к Сердару, выказала очевидное намерение внимательно рассмотреть странный предмет, находившийся перед ней; она обвилась вокруг его ног, вползла на колени, скользнула вдоль тела с каким-то зловещим шипением, медленно подобралась к лицу и шее. Теплота последней видимо, понравилась ей; она свернулась там клубком, свесив голову на грудь несчастного, и осталась в таком положении. За ней последовала вторая... третья, и, наконец, все, так как им, по-видимому, не нравилась сырость ямы, и они были счастливы, найдя место, где могли понежиться. Они разместились на ногах, на руках, на теле, превратившись в отвратительные браслеты или пояса; толкая по временам друг друга, они раздражались, шипели, подымая кверху голову, как бы собираясь съесть друг друга, причем изо рта у них капала слюна, падая на лицо, шею и руки их жертвы... Одна из кобр, шаря головой в его одежде, нашла отверстие и забралась к нему на грудь; приятная теплота этого места

ей понравилась, и она расположилась там на покой... Нет, это было слишком! Вся энергия Сердара пропала... он потерял сознание, но к счастью для него остался в таком же положении благодаря стенкам ямы, и кобры, все более и более довольные, продолжали двигаться, шипеть, забавляться на бесчувственном теле Сердара...

Что же делали в это время другие участники описываемой драмы? И неужели несчастный должен был умереть, не дождавшись помощи от своих друзей?

Кишная и его сообщник сидели в кустах и не понимали, почему в яме по-прежнему так тихо; они ждали шума борьбы, криков и проклятий, а между тем там царила такая же тишина, как и до появления туда змей.

Заклинатель Веллаен был уверен в том, что Сердар со своей стороны также воззвал к духам-покровителям, которые защитили его так, что ни он, ни Кишная не заметили этого. Но последний, менее суеверный, поскольку был умнее, пожал плечами в ответ на это и осмелел сначала своего товарища, но затем сам мало-помалу поддался тому же суеверию, и оба стали спрашивать друг друга, не лучше ли будет пойти и снять ветки, прикрывающие отверстие ямы, чтобы убедиться в этом. Но боязнь карабина взяла верх над суеверием, и они решили терпеливо ждать окончания приключения.

Из предосторожности злодеи спрятались в самой густой чаще на тот случай, если спутники Сердара придут к нему на помощь. Они поспешат, само собою разумеется, говорил Кишная, поскорее спасти его, и не станут заниматься поисками виновников покушения на его жизнь.

В молчании спутников Сердара не было ничего необыкновенного; события сложились таким образом, что предосторожности, принятые для общей безопасности, дали совсем не те результаты, на которые они были рассчитаны. Дойдя до участка, предназначенного каждому из них для исследования, Сами, Нариндра и Рама немедленно приступили к поискам, и первый из них вспомнил данное ему поручение еще раньше, чем Сердар добрался до своего участка.

Случаю угодно было дать молодому Сами возможность найти проход почти у самой середины своего участка и именно в таком месте, где с первого взгляда никто и не догадался бы об его существовании. Позади группы почти отвесных скал тянулся целый ряд обломков утесов, похожих на ступеньки лестницы, вытесанные каким-то гигантом; достаточно было небольших усилий, чтобы не утомляясь взобраться по ним до самой вершины. Когда молодой индус, достигнув гребня горы, увидел перед

собой обширную равнину Индийского океана, он не мог удержаться громкого восклицания торжества: здесь был залог не только спасения их всех, но и успеха великих проектов Сердара... Не медля ни минуты, подал он условленный сигнал, и выстрел его карабина, перекатываясь эхом с одной скалы на другую, прогнал мириады птиц, гнездившихся здесь по уступам скал; вслед за своим выстрелом он услышал ответный выстрел Нариндры, который в свою очередь, выполняя условие, дал знать Раме.

Укротитель пантер добросовестно повторил тот же маневр, но Сердар в это время уже попал в приготовленную для него засаду, а так как он, преследуя Кишнаю, пробежал почти милю в глубь долины, то густая листва настолько ослабила движение звуковых волн, что звук выстрела не достиг его. Те же результаты дали и выстрелы из ямы: они тем менее могли достигнуть ушей его товарищей, что последние после данного ими сигнала поспешили, как и было условлено, собраться вместе.

Когда через час после этого события три туземца сошлись снова, они сначала не очень беспокоились о молчании Сердара, зная, что он должен быть на расстояние по крайней мере целого часа пути от них. К тому же этот сигнал он мог получить в то время, когда находился на самом высоком месте горы, и в таком случае не мог ответить раньше чем сойдет оттуда.

Но часы проходили за часами, а Сердар не возвращался к товарищам, беспокойство которых перешло в ужас, когда солнце начало склоняться к горизонту; они стали подозревать, что с их вождем приключилось какое-нибудь несчастье... Но какое? Неужели он сделался добычей диких зверей? Или попал в какое-нибудь топкое болото, которое никогда не возвращает своей добычи? Никто не мог ответить на эти вопросы, и Нариндра предложил наконец Раме вдвоем идти на поиски Сердара, а Сами оставаться на месте.

Оба поспешно отправились на поиски, подымаясь вдоль горы, как они делали это утром. Постепенно они прошли участки, предназначенные для исследования, пока не добрались до того, где должен был находиться Сердар, но ничего не нашли, что могло бы дать им надлежащее указание.

Напрасно кричали они чуть не до потери голоса и стреляли из карабинов через каждые пять минут; им отвечало только эхо. Давно уже наступила ночь, мрачная, непроницаемая, какая бывает под экватором перед восходом луны, а они все еще шарили в джунглях, приходя в отчаяние и отказываясь верить своему несчастью.

Наконец они сказали себе, что Сердар также открыл, вероятно, какой-нибудь проход и, быть может, избрал для обратного

пути вершину гор до участка, предназначенного Сами, и там спустился до того места, где находился последний... Такое предположение было крайне маловероятно, но утопающий хватается и за соломинку. Форсированным маршем вернулись они к тому месту, где их ждал Сами, но и тут ничего не узнали нового. Удрученные, они все трое направились все трое обратно к гроту, откуда с таким воодушевлением выходили на поиски прохода сегодня утром.

Больше не могло быть сомнения: Сердар погиб или от пули шпиона, изменника, подкупленного англичанами, или в зубах одной из тех черных пантер, которые так часто встречаются в этом месте. Один только молодой Сами с непоколебимой верой в звезду своего хозяина качал головой и на все рассуждения своих товарищей отвечал:

— Срахдану Сахиба не так просто убить!

Напрасно доказывал ему Рама, что Сердар не мог оставаться в это время в джунглях.

— Мы же сидим здесь, — отвечал метис с улыбкой непоколебимого убеждения.

— Но мы здесь потому, что ищем его.

— Пусть так! — отвечал Сами, которого никто не мог разубедить, — но тот, кому неизвестно, что нас задерживает здесь, мистер Барнету, например, очевидно, в эту минуту так же объясняет наше отсутствие, как мы отсутствие Сердара. Не правда ли? Ну, а мы не знаем дел Сердара и не можем ничего сказать.

— И в подтверждение этого он снова повторил свою любимую фразу:

— Срахдану Сахиба не так просто убить!

Затем после минутного размышления Сами прибавил:

— Я даже убежден — дружественные духи сказали мне это, — что Сердар вернется к нам.

Сын священника пагод Сами мог по пальцам перечислить всю иерархию *дэвов* — низших духов, которые по поручению богов руководят людьми, и питал абсолютное доверие к тем внушениям, которые он приписывал им.

Что же делал Боб, пока происходили эти драматические сцены в джунглях?

После ухода друзей он начал с того, что комфортабельно позавтракал остатками молодого оленя, убитого им накануне; несколько сорванных им стручков индийского перца придали мясу прекрасный вкус, а большой корень иньяма послужил ему приятной заменой хлеба. Одна или две бутылочных тыквы, наполненных пальмовым соком, который начинал уже бродить, украсили это пиршество, закончившееся фруктами, которые По-

тель и Шаб купили бы на вес золота для в своего магазина; затем он закурил трубку и, развалившись под тенью большого тамаринда, защищавшего его от жгучих лучей солнца, предавался наслаждениям отдыха и мечтаниям, отложив до вечера охоту на уток, о которых он не забывал ни на минуту.

В довершение этого блаженства небо, словно желая сделать этот день полностью счастливым, послало ему самые очаровательные сны. Покончив счеты с Максвеллом посредством американской дуэли, о которой заговорила вся пресса мира, он после торжества революции получил обратно все свои чины и привилегии, а также все богатства, конфискованные англичанами. Он возвратился в свой дворец, куда вошел по телам двух или трех факиров, которые, лежа ниц на земле, служили ему вместо ковра, выражая этим почтение к его могуществу. Этого мало; из рук самого наваба Дели он получил орден великого офицера зонтика и титул субадара Декана, который соответствует маршалу Франции. Заваленный по горло разными почестями, он призвал к себе своего младшего брата Уильяма Барнета, которого очень любил, потому что никогда его не видел, чтобы передать ему свои бесчисленные привилегии. Он уже составлял заговор вместе с начальником черных евнухов, чтобы задушить старого наваба Дели согласно требованию всего населения, которое желало провозгласить императором его, Барнета, когда вдруг проснулся.

Он испустил глубокий вздох удовольствия.

— Какое счастье, что это был сон! — сказал он и снова вздохнул, хотя на этот раз с сожалением. — Слишком канальскую штуку задумал я... Это, правда, по-восточному... Местного, так сказать, оттенка... Затем я приказал сделать чучело из этого дьявольского черного евнуха, чтобы не позволить ему, как он смеет делать чучела из своих владык... И помешать сделать со мной то же самое... Впрочем, если поразмыслить хорошенько, — продолжал он, потягиваясь и зевая во весь рот, — мне собственно, кажется, что я не задушил бы старого наваба вопреки всем традициям и местному колориту, потому что уважаю традиции предков... Жаль все-таки, что в роде Барнетов не было до сих пор ни одного царствующего лица, это, так сказать, дало бы ему известный лоск в Америке... Вот бы удивился папаша Барнет, который всегда предсказывал, что из меня ничего хорошего не выйдет и что я кончу виселицей!.. Да, два дня тому назад я едва не попал на нее... Жаль, что мне не удалось отрезать от нее хоть маленького кусочка веревки, это, говорят, приносит счастье... А я еще уведомил семью о своей смерти... Хорошо еще, что это не будет тяжелым ударом для них... У Барнетов сердце вообще крепкое, и нечего бояться, что кто-нибудь из них умрет, получив утку, кото-

рую я послал им, потому дело было серьезное и без слона Сердара... Кстати об утке!.. Вот если бы убить одну-две... Думаю, что на этот раз мне удастся спокойно съесть их; не всякий же раз насыдет на тебя носорог, да и Ауджали со мной.

Продолжая говорить, с собой, он взял карабин и направился к озеру Каллоо, которое ему утром указал Рама-Модели. Озеро это находилось посреди самой чащи джунглей, напротив грота. Побуждаемый своей страстью к охоте, Боб смело углубился в чащу. Он шел уже около получаса между карликовыми пальмами и кустарниками, переплетенными между собой всевозможными лианами, сквозь которые не мог бы пробраться без помощи Ауджали, вырывавшего хоботом кусты с такой же легкостью, с какой мы срываем пучки травы, когда услышал вдруг издали выстрел, а за ним почти сразу же второй...

— Стой! — сказал он. — Никак это карабин Сердара, только у нас с ним карабины с дулом из литой стали; я слишком хорошо знаю их звонкий и серебристый звук, чтобы ошибиться. Что ему там понадобилось? Впрочем, линия направления, по которому я иду, прорезывает долину вплоть до того места горы, где наши спутники исследуют местность. Надо полагать в таком случае, что долина в этом месте расположена не на особенно низком уровне, если я мог услышать карабин.

Ауджали остановился сразу, как только услышал выстрелы; он поводил хоботом по воздуху, пытался, как кузнечные мехи, и уши его, раскрытые веером, двигались взад и вперед, хлопая его по лбу, а маленькие, умные глазки были вопросительно устремлены в пространство.

— Подумаешь, право, что он также признал карабин своего хозяина, — сказал Барнет, заинтригованный поведением животного. — Что же, удивительного тут ничего нет, он часто слышал этот звук, который так отличается от других, и естественно, что он научился распознавать его...

Прошло несколько минут и оба, не слыша больше выстрелов, продолжали свой путь. Боб, как все охотники и военные, привык определять расстояние по слуху, и рассчитал, что выстрел из карабина был сделан на расстоянии двух или двух с половиной миль от него, т.е. около трех или четырех километров.

Вдали виднелись уже болота, окружавшие озеро со всех сторон, когда те же самые выстрелы послышались пять или шесть раз, по одному разу через минуту; на этот раз они слышались еще ближе, а потому тем более трудно было ошибиться в том, что это был карабин Сердара.

— О! О! — воскликнул Барнет, — тут, по-моему, пахнет битвой! Обычно выстрелы даже в самом разгаре охоты не следуют так

быстро друг за другом... Биться без Боба Барнета! Ну, нет! Этого я не допущу. Инвалидом, что ли, я стал, скажите пожалуйста? Когда вам угодно исполнять обязанности геометров-землемеров, искать проход в горах, это не мое дело, и Барнет предпочитает тогда заняться кухней. Когда же нужно наносить и получать удары, то не предупредить об этом Барнета — значит не соблюдать самые элементарные правила приличия... Посмотрим, что там такое... Ну-с, друг мой Ауджали, вперед!

Выстрелы, послышавшиеся еще несколько раз, указали путникам направление, которого им следовало держаться. Скоро, однако, наступила полная тишина, и Барнет, не имея больше возможности чем-либо руководствоваться, шел наудачу прямо перед собой. Но дорога, и без того уже затруднительная, сделалась совсем непроходимой из-за болот. Теперь это были не огромные лужи, более или менее тинистые, которые попадались ему на дороге и вынуждали его делать большие обходы, но непрерывный ряд лагун, сообщавшихся с озером, в которых вода доходила ему до живота, что очень утомляло его, поскольку он вынужден был держать постоянно на весу свои патронташи и карабин. В то время как он, чувствуя непреодолимое отвращение к такого рода путешествию, спрашивал себя, не взобраться ли ему на шею Ауджали, послышался вдруг еще один выстрел из карабина и на этот раз еще ближе. Не успел он приступить к исполнению своего намерения, как слон, испустив громкий крик беспокойства, смешанного с радостью, бросился вперед, не заботясь о Барнете, который остался в болоте и не знал, идти ли ему вперед или вернуться назад.

— Ауджали! Ауджали! Назад, Ауджали! — кричал бедняга.
— Ах ты, негодяй! Ты заплатишься мне за это.

Но Ауджали, глухой ко всем его мольбам, бежал вперед, подымая вокруг себя целый водоворот брызг и воды. Слон очень любил Барнета, у которого всегда были наготове какие-нибудь лакомства для него, но если благодарность не удержала Ауджали, то тем менее могли удержать его угрозы.

Какие едва уловимые звуки, доступные только одному этому животному, наделенному самым тонким слухом из всех животных существ, донеслись к нему? Какие испарения поразили его обоняние, если он мог остаться глухим к голосу своего друга Боба и оставить его в положении настолько же опасном, насколько и комичном?... В пятистах метрах от Барнета на поверхности озера плавал огромный аллигатор, который немедленно нырнул под воду, как только заметил Ауджали, но затем снова появился в нескольких шагах от генерала... Пропасть бы Барнету, заметь его

аллигатор раньше, чем ему удалось выбраться обратно на твердую землю.

Как бы там ни было, но Ауджали благодаря совершенному развитию своих органов чувств, о которых мы не можем составить себе надлежащего понятия, знал прекрасно, куда идет... Он шел, куда призывал его долг — на помощь своему хозяину... И никакие силы в мире не могли удержать его благородного порыва.

Казалось бы, разветвление Каллоо у конца болот должно было остановить Ауджали, но он, недолго думая, переплыл его и вышел на твердую, сухую землю, где мог бежать быстрее. Он бросился вперед и менее чем в пять минут добрался до той части джунглей, где скрывались Кишнайя и Веллаен, которые пустились бежать во весь дух, выказывая все признаки величайшего страха; они по-прежнему наблюдали за агонией своей жертвы и, увидев Ауджали, приняли его за дикого слона и поспешили скрыться от него.

В ту же минуту слон остановился, пораженный испарениями, которые он почуял в воздухе; он понял, что хозяин его недалеко, и, руководствуясь тонким чутьем, направился прямо к яме.

У этого животного так хорошо развиты обоняние и слух, что в Индии специально проводили опыты, результатам которых, пожалуй, не поверили бы, не будь они подтверждены серьезными авторитетами. Слон отыскивает своего хозяина, который находится на расстоянии двух-трех миль и притом в месте, совершенно ему неизвестном, если только, само собой разумеется, оттуда дует ветер. Он также слышит на неизмеримых расстояниях малейший шум и понимает, откуда он происходит. Подбежав к тому месту, где находился Сердар, в течение пяти или шести часов испытывавший невыразимые муки, Ауджали понял, что пришел к настоящему месту и, подойдя к отверстию ямы, издал целый ряд особых криков, которые входили в его лексикон и в которых слышались нежность, удивление и гнев.

Почему же гнев примешивался к чувству радости, которое он хотел выразить? А потому, что его чутье, дававшее ему знать о присутствии хозяина, доносило до него в то же время испарение змей: это и приводило его в бешенство.

Сердар, давно уже пришедший в сознание после своего обморока, начинал терять всякую надежду, а потому, услышав голос слона, не мог удержаться от крика восторга, забыв даже, как опасно раздражать кобр, — крика дикого, сумасшедшего восторга, вырвавшегося у него со всей силой легких, крика, какой могут испускать только люди, видевшие смерть лицом к лицу и

понявшие вдруг, что жизнь, которую они считали безвозвратно потерянной, снова возвращается к ним.

— Ауджали! Ауджали! Мой честный Ауджали! — воскликнул несчастный.

А слон по-прежнему тихо ворчал, выражая своему хозяину радость, что нашел его.

— Кто тут еще вместе с тобой, мой честный Ауджали? — спрашивал Сердар.

И он по очереди стал звать Барнета, Нариндру и двух остальных туземцев.

В эту минуту слон схватил крышу из ветвей, лежавшую на яме, и сбросил ее вон. Свет моментально залил всю яму, и Сердар тут только понял, увидев Ауджали у краев своей тюрьмы, почему призывы его не получали никакого ответа; он понял также с ужасом, от которого сжалось его сердце, что спасение его, возможное при помощи товарищей, которым оно обошлось бы без большого труда, было невозможно при помощи одного слона.

Главная задача заключалась теперь в том, чтобы помешать последнему сделать какую-нибудь неосторожность, так как вид змей, когда осветилась яма, вызвал у него настоящий приступ гнева. Слон не боится укуса кобры; толщина кожи защищает его от действия яда, о чем он, весьма вероятно, знает. Тем не менее достаточно одного вида самой маленькой змеи, чтобы привести его в бешенство.

А между тем то, чего так боялся Сердар, как раз способствовало его избавлению от неудобных и опасных гостей, которые поселились на нем. Увидев Ауджали, который ходил взад и вперед вокруг ямы, ворча и стуча ногами по земле, кобры заволновались и, осторожно отделившись от тех мест, которые они занимали, тем самым избавили несчастную жертву от ужасного положения, в котором они держали ее в течение нескольких часов. Оставив в покое Сердара, они зашипели, надули щеки воздухом и, свернувшись спиралью, пробовали прыгнуть вон из ямы. Но несмотря на то, что они подымались на воздух с быстротой стрелы, они достигали только половины пространства, отделявшего их от врага, который возбуждал их гнев.

Змея принадлежит к числу созданий, стоящих на одной из самых низких ступеней развития, она положительно глупа, не может оценить препятствия, которые встречаются на ее пути, и не приноравливается к ним. Она целыми часами будет биться о скалу, через которую хочет перейти, или пробовать пролезть в отверстие гнезда карриасов, слишком узкое для нее.

Судьба сжалась на этот раз над долгими страданиями Сердара и объединилась с Ауджали для его спасения. Бегая

вокруг тюрьмы, где был его хозяин, он случайно столкнул в яму одну из бамбуковых палок, которые служили поддержкой для веток и листьев, прикрывавших отверстие ямы; палка, к счастью, упала таким образом, что образовала собой нечто вроде моста, идущего от дна ямы до ее внешних краев.

Не успел конец палки коснуться земли, как одна из кобр ринулась к ней с быстротой молнии и, свернувшись спиралью вокруг нее, так быстро выползла по палке из ямы, что Ауджали при всей своей ловкости не успел схватить ее. Других ждала иная участь: по крайней мере половине этих вредных животных он сломал хоботом позвоночный хребет и швырнул их на землю, где они судорожно извивались, будучи не в силах сдвинуться с места.

Когда последний враг его исчез из ямы, Сердар испустил громкий крик торжества... Он был спасен!

— Спасен! Спасен! — кричал он в экстазе. — Спасен! Благодарю тебя, боже! Ты не допустил, чтобы я умер, не завершив начатого мною дела. Теперь мы померяемся с вами, сэр Уильям Браун! Клянусь, я отплачу вам за те невыразимые муки, которыми я обязан вам, а что касается до орудий вашей мести, они не выйдут живыми отсюда.

Тот же самый бамбук, который помог кобрам выбраться из ямы, сделался и его орудием освобождения. Он вышел, однако, не сразу, а спустя несколько минут; реакция организма была так сильна, что ноги его дрожали и нервные судороги сковали его члены. Проявления такой слабости никогда не продолжались у него долго, а нетерпение быть на свободе побуждало его скорее употребить всевозможные для этого средства. Схватив бамбуковую палку, он почти перпендикулярно установил ее в яме и затем с ловкостью акробата взобрался по ней наверх.

Видя своего хозяина здоровым и невредимым, Ауджали не знал, чем выразить ему свою радость; он старался издавать самые нежные трубные звуки, которыми природа наделила его вместо голоса, шевелил огромными ушами и делал тысячи прыжков, не свойственных его степенной наружности.

— Тише, Ауджали, тише! Надо спешить... нам предстоит трудное дело сегодня ночью.

III

Возвращение Сердара в грот. — Планы мести. — Преследование шпиона. — Ночное бдение в горах. — Покушение. — Кишная и Веллаен. — Месть.

ОЛИНА НАЧИНАЛА ПОКРЫВАТЬСЯ МРАЧНЫМИ тенями заходящего солнца, которое давно уже перешло за уровень высоких гор, окружавших джунгли. Это было именно то время, когда Рама и Нариндра с отчаянием в душе искали своего друга гораздо выше тех мест, где происходили только что описанные события; далекое расстояние, а вместе с тем и густая растительность мешали Сердару слышать их призывы и выстрелы их карабинов.

— Идем, Ауджали! — сказал Сердар, усаживаясь на шею животного. — Скорее к проходу, дитя мое!

И он направил слона в направлении, по которому сам шел сегодня утром, так как у подошвы горы растительность была редкая, низкая и потому не затрудняла движений слона. Трудно описать радость Сердара, наполнявшую его сердце в эту минуту. Полный надежд на будущее и слегка зараженный суеверием, как все люди, долго жившие на Востоке, он смотрел на свое чудесное избавление из приготовленной ловушки как на несомненный знак успеха в своих будущих предприятиях. Прежде всего он хотел совершить акт правосудия и отомстить человеку, согласившемуся быть агентом губернатора Пуант-де-Галля в этой подлой засаде. Вряд ли этот негодяй успел добраться до прохода, и наверное удастся захватить его, что было только вопросом времени и быстроты, после чего Сердар присоединится к друзьям, которые должны быть сильно обеспокоены его участью.

Сердару, как видите, не было известно, что туземец, преследовавший его, был не один, а вместе с сообщником, но решение его нисколько не изменилось бы, будь это даже ему известно; он решил во что бы то ни стало доказать губернатору Цейлона, что Сердаром не так-то легко завладеть, а если он решал что-нибудь, то приводил это в исполнение, даже если его план был так же безумен и отважен, как тот, который он задумал сейчас.

Поезжай Сердар до конца в том направлении, по которому ехал, он встретил бы непременно Сами, дежурившего у подошвы горы, но проход, к которому он направлялся, был не совсем в глубине долины, и к тому же он выигрывал около трех километров, т.е. полутора миль, прорезывая джунгли на расстоянии примерно восьмисот метров, прежде чем повернуть в ту сторону, где находился молодой индус.

— Так! — сказал он, внимательно всматриваясь в свет, видневшийся еще на вершинах гор, чтобы дать себе точный отчет о наступлении ночи. → У меня еще двадцать минут времени — это больше, чем нужно, чтобы добраться до середины горы.

И он погнал вперед Ауджали, который с легкостью, поразительной для его колоссальной туши, взбирался на гору по каменистым и скалистым склонам, скользким от дождя.

Сердар предвидел, что подосланный к нему шпион, посланный против него не останется в долине Трупов после своей неудачи; чтобы не быть застигнутым его товарищами или им самим, он будет, конечно, скрываться в самой густой чаще джунглей, и только ночью решится выйти оттуда, чтобы добраться до прохода и вернуться в Пуант-де-Галль. Дело теперь заключалось в том, чтобы добраться прежде него до того места, где он предполагает скрыться. Эта часть программы Сердара была выполнена им с успехом, и он самым комфортабельным образом расположился на маленьком плато, откуда вместе со своими товарищами посылал последний привет «Эриманте», уносившей молодого Эдуарда Кемпбелла в Пондишери.

Скрытый в тени огромного баньяна, Ауджали стоял напротив прохода таким образом, что никто не мог пройти мимо, не натолкнувшись на этого колосса. Приняв все эти предосторожности, Сердар сел на камень подле самого слона, скрываясь под одной с ним тенью; он знал, что глаза привыкают мало-помалу к темноте, а потому без этой предосторожности шпион может увидеть его раньше, чем он сам его заметит. Как бы ни было незначительно пространство, разделявшее их в тот момент, его было достаточно, чтобы дать индусу возможность пустить в ход быстроту своих ног, а в последнем случае Сердар не был уверен, что одержит победу. Но среди ночной тьмы, сгущенной еще тенью индийского фикуса, этого не надо было бояться.

Довольный тем, что может отвечать на утреннюю западную вечерней западной, и предвкушая наслаждение мести, хозяин Ауджали сидел, ни о чем почти не думая, в ожидании своего врага.

Негодаяи, испуганные появлением Ауджали, бросились бежать, как мы уже сказали, потому что приняли его за дикого слона. Первой их заботой было скорее защититься и они ничего не нашли лучше, как взобраться на дерево, которое скрывало бы их и защищало от опасного животного. Сидя среди густой листвы, они присутствовали при всех перипетиях спасения их жертвы и каково же было их удивление, когда они увидели, что слон, принятый ими за жителя джунглей, способствовал освобождению пленника. После благополучного отбытия последнего на спине Ауджали они решили покинуть свой наблюдательный пост и поделиться друг с другом своими впечатлениями.

— Ну-с! — начал первый Кишная. — Здорово нас одурачили.
— Вот тебе, — отвечал Веллаен, — и тысяча рупий награды, которые ты мне обещал... убежали они теперь на спине этого проклятого слона.

— А я, думаешь, ничего не теряю здесь, не говоря о репутации, которой нанесен будет смертельный удар? Я вижу также, как моя трость с золотым набалдашником догоняет твою тысячу рупий.

— Нельзя ли как-нибудь начать снова? Восемь дней, назначенные тебе сэром Уильямом Брауном для поимки Сердара, еще не прошли, и мы можем быть удачливее во второй раз.

— Простись с этой надеждой, мой бедный Веллаен! Ты знаешь, что говорят обычно в наших деревнях на Малабарском берегу: «Одну и ту же ворону не ловят два раза подряд одним и тем же куском мяса». Так-то, мой милый! Ту же пословицу мы можем применить и здесь.

— Знаю это, Кишная! Но откуда не следует, что одну и ту же ворону нельзя поймать на другой кусок мяса.

— Да, понимаю прекрасно... но признаюсь тебе, мой бедный Веллаен, что в голове у меня совсем пусто. Я воспользовался всем что имел лучшим из того, в своем мешке, и, должен признаться, случаю угодно было, чтобы все довольно хорошо удавалось мне. Теперь же в моем распоряжении остались лишь хитрости, годные только для таких ничтожных людей, как ты, но они не пригодны для Сердара, который будет теперь еще больше прежнего настороже.

— Ты не относился так презрительно к моей помощи сегодня утром, когда я предложил тебе прибегнуть к кобрам.

— Что ж, я не отрицаю того, что каждому из нас может хоть раз в жизни прийти в голову счастливая мысль, — сказал Кишная, смеясь, — но мне кажется, что с тобой этого не случится...

— Можешь смеяться надо мной, сколько тебе угодно. Это не мешает мне сказать, что заключи я договор с губернатором, я не признался бы так скоро в своей неудаче.

— Ну, поступай так, как будто ты на моем месте; придумай что-нибудь хорошее, исполнимое, и я обещаю не только помогать тебе всеми своими силами, но еще удвоить вознаграждение, которое тебе обещал.

Веллаен задумался и спустя несколько минут лицо его просияло.

— Вчера вечером, — отвечал он, — не пробирались ли мы ползком к гроту, где Сердар спал со своими товарищами? Кто помешает нам сделать то же сегодня вечером? Затем мы проскользнем или, вернее, ты проскользнешь ползком в самый грот и уберешь его кинжалом, пока он будет спать.

— Вот видишь, мой бедный Веллаен, ты поступил неверно; вместо того, чтобы закончить свою первую мысль, которая предназначал нам обоим одну и ту же роль — вместе проскользнуть в грот — ты поспешил избавить себя от этого, предоставив мне одному подвергать себя опасности...

— Я не принадлежу к касте душителей, известных своей смелостью. Я, как тебе известно, простой заклинатель змей, продавец тигровых шкур, и мужество не свойственно моему ремеслу.

— Мы душим, но не убиваем кинжалом, — отвечал Кишнайя, находившийся в несколько шутливом расположении духа.

— Не убивай тогда, а задуши, — отвечал Веллаен, опровергая его доводы. Негодяй не мог так легко отказаться от надежды получить тысячу рупий, представлявших целое состояние для него.

— Кончим шутки, — сказал тогда Кишнайя сухим тоном, — и подумаем лучше, куда нам скрыться от опасности. Можешь быть уверен, что Сердар и его товарищи обшарят джунгли по всем направлениям, и если мы по какому-нибудь несчастному случаю не выберемся отсюда сегодня вечером, то завтра наверное будет поздно.

— Пусть будет по-твоему! Если не хочешь попытаться еще раз, то нам ничего, действительно, не остается больше, как вернуться в Пуант-де-Галль.

В эту минуту Рама и Нариндра спускались в долину после бесплодных поисков, оглашая лес своими криками и выстрелами из карабинов.

— Слышал? — сказал Кишнайя своему сообщнику. — Через час они соединятся, и у нас не хватит ловкости убежать от них. Они теперь спешат к гроту, где Сердар, я сам слышал это утром, назначил им собраться. Видишь ли, прежде чем что-нибудь предпринять против нас, им нужно свидеться друг с другом и знать, что мы не только существуем, но и что мы являемся причиной опасности, которой подвергался их друг. Это дает нам всего два часа отсрочки, и мы скорее должны воспользоваться ими.

Не желая попасть в руки товарищей Сердара, которые обходили пешком южную оконечность долины, предатели медленно направились в сторону прохода, чтобы прибыть туда только к ночи. Когда они добрались до первых уступов горы, прошел уже час с тех пор, как Сердар ждал их; подымаясь по склонам, ведущим к верхнему проходу, они старались делать поменьше шума, опасаясь пробудить бдительность своих врагов, если те, паче чаяния, запоздали в джунглях. Веллаен просил сообщника пустить его вперед, потому что в большинстве случаев здесь нельзя было идти рядом.

— Ступай, трус! — отвечал ему Кишная. — Ты боишься, что нас будут преследовать, и хочешь, чтобы первые удары достались мне.

Веллаен оставил без внимания этот новый сарказм своего достойного друга, поспешив воспользоваться данным ему разрешением.

Им понадобилось не более получаса, чтобы добраться до места, где Сердар поджидал того, кого он называл и не иначе, как «английским шпионом».

Ночь была тихая и безмолвная; ни малейшее дуновение ветра не шевелило листья деревьев, и не будь оба сообщника босиком, шум их шагов по камням давно уже предупредил бы Сердара об их приближении. В эту минуту в соседней роще послышался обычный в это время крик гелло, жалобный и заунывный, который всегда наводит таинственный ужас на индусов, потому что эта зловещая птица предвещает близкую смерть тому, кто ее слышит с левой стороны от себя, — а роща, откуда слышался этот крик, находилась по левую сторону от ночных путешественников. Веллаен сразу остановился.

— Что случилось? — шепотом спросил его Кишная. — Почему ты не идешь дальше?

— Ты не слышал?

— Что?

— Крик гелло?

— Неужели нам ложиться посреди горы из-за того только, что этой зловещей птице угодно было нарушить молчание ночи своим отвратительным криком? В таком случае пропусти меня вперед, мне не особенно нравится долго оставаться здесь.

Веллаен, возвращенный к действительности этими словами, не пожелал идти назад, убежденный в том, что в случае нападения им нечего бояться, чтобы на них набросились спереди, и с новым жаром пустился дальше. Можно было подумать, что страх придает ему крылья; моментально опередил он на двадцать-тридцать шагов своего спутника, который продолжал идти все тем же ровным шагом, не замедляя и не ускоряя его.

Сами того не зная, они приближались к роковому месту. Еще несколько шагов, и зловещее пророчество гелло должно исполниться... Сердар уже замечает едва заметную тень, которая увеличивается... удлиняется... Притаившись в своем углу с охотничьим ножом в руке, готовый броситься на врага, ждет он с лихорадочным нетерпением... хотя в честной и великодушной душе этого человека минутами возникает сомнение в том, имеет ли он право убивать человека, притаившись в засаде? Человек этот, правда, искал его смерти, и утром он имел полное и законное право защищаться против него, но теперь, когда все прошло,

имеет ли он право сам, собственной рукой совершить над ним правосудие?

Правосудие! Какая горькая насмешка! Кому же передаст он этого убийцу для заслуженного возмездия?

Правосудие! Какая это случайная, изменчивая и относительная вещь! Не оно ли также преследует и его, не оно ли вооружило против него руку негодяя, избрало для него род смерти, самый ужасный, какой только можно придумать?.. Не это ли правосу-

дие будет петь похвалы человеку, который из тщеславия изменил своим соотечественникам и обещал доставить мертвым или живым первого борца за независимость своей страны, одного из вождей индусской революции? И не на его ли стороне должно быть правосудие? Не английское правосудие, разумеется, но правосудие совести по отношению к каждому человеку, который всегда имеет право защиты, когда находится в такой среде, где правительственное правосудие не защищает его.

И если он пощадит этого человека, кто поручится, что сам он не падет завтра под его ударами, и не только он, но и его товарищи? Полно! Долой эту смешную чувствительность, это ложное великодушие: не должен ли быть в эту минуту настоящим судьей тот, кто едва не погиб от руки приближающегося теперь негодя? Нечего медлить, туземец уже в пяти шагах от него... Пожалуй, прыгнет назад, убежит от него!

Сердар бросился вперед... Раздался страшный крик, один-единственный, потому что охотничий нож по самую рукоятку вошел в тело негодя, который с пронзенным насквозь сердцем упал как бык, убитый на бойне, и остался недвижим... Он был мертв!

Сердар был смущен, поражен... В первый раз убивал он человека при таких обстоятельствах, но безопасность его товарищей требовала этого, и он скоро успокоился. Заставив Ауджали схватить хоботом труп, он взобрался к нему на спину и приказал ему бежать через проход со всей возможной для него скоростью.

А между тем отряд сипаев по-прежнему занимал свой пост. Что же задумал Сердар? Одно из героических безумств, которые сделали его имя популярным на всем Индостанском полуострове. Он хотел бросить к ногам сэра Уильяма Брауна, губернатора Цейлона, труп того, кого он считал шпионом, посланным заманить его в западню, где он едва не погиб. Не зная в лицо Кишнаю, которого он видел ночью, и то мельком, у озера Пантер, он и не подозревал, что принял заклинателя змей за предводителя душителей, тень за добычу, и что несчастный, которого он убил, был только одним из самых ничтожных орудий его врага.

Веллаен, однако, получил давно уже заслуженное им наказание за множество совершенных им преступлений. Он был сообщником Кишнаи и его приверженцев, которые продавали ему шкуры тигров и пантер, убитых ими в лесах Малабарского берега, за что он со своей стороны доставлял им несовершеннолетних девочек и мальчиков, которых в известное время года приносили в жертву на алтарь богини крови и убийства, грозный Кали.

Негодяй похищал их тайком, заманивая сначала к себе, где поил одурманивающим питьем, от которого те засыпали на все время, необходимое ему. В таком виде он прятал их на дно повоз-

ки под шкуры ягуаров или тигров и направлялся в джунгли, где отдавал их тхугам, получая взамен глиняную посуду, сандал, корицу и меха, — все то, чем душители, живущие в лесах, вели торговлю.

Сердар избавил, следовательно, мир от чудовища, такого же опасного и преступного, как и Кишнайня; не принадлежа к касте душителей и не имея даже права, как последние, оправдываться своими религиозными убеждениями, он совершал страшные злодеяния исключительно с корыстными целями.

Как бы там ни было, но Сердар не подозревал, что собирается бросить к ногам губернатора труп человека, которого тот не знает, тогда как Кишнайня, скрывшись в самой густой чаще леса, благословлял небо за ошибку, спасшую ему жизнь.

Доехав до вершины прохода у озера Пантер, где расположился лагерьем отряд сипаев, Сердар пустил слона галопом. Луна еще не всходила, и ночная тьма была так глубока, что ничего нельзя было различить в двух шагах от себя; кроме часовых, весь отряд спал глубоким сном. На призыв часовых, однако, все солдаты вскочили моментально, схватились за оружие и выстроились. Ауджали пустился прямо на них, и Сердар, не отвечая на приказание офицера, который не видел даже, к кому обращается, прорвался сквозь цепь солдат и крикнул на тамильском наречии, на котором он говорил, как туземец:

— Сердар убит! Приказ губернатора! Я везу его труп!

И он пролетел так быстро, что никто из отряда, пораженного его словами, не осмелился остановить его.

IV

Пуант-де-Галль. — Вечер у губернатора. — Смелый визит. — Тайнственное письмо. — Сэр Уильям Браун. — Труп. — Дуэль без свидетелей. — Смертельно раненый.

ПУСТЯ ЧАС ОН БЫЛ В ПУАНТ-ДЕ-ГАЛЛЕ.

В этот вечер было празднество у губернатора. Дворец был освещен, как во время какого-нибудь общественного торжества, и все общество из Канди, Коломбо и разных поселений, обитаемых колонистами, явилось по приглашению сэра Уильяма Брауна, который давал большой обед, а затем бал в честь генерала Хейвлока, собиравшегося принять командование над армией Индии.

Обед уже кончился, и все приглашенные собрались в залах, чтобы присутствовать на приеме в честь туземных вождей и раджей, который назначен был перед началом бала. Площадь

перед самым дворцом была заполнена туземцами обоего пола, привлеченными любопытным зрелищем красных шитых золотом мундиров английских офицеров, а также богатыми костюмами навабов и раджей; музыканты губернаторской гвардии играли время от времени «God save the Queen Rule Britannia»*, а также, к великому удовольствию толпы, пьесы на мотивы из сингальских песен.

Со стороны садов, находившихся напротив крепостных укреплений, не было зато никого. Все службы и большая часть великолепного дворца выходявшая в сад, были совершенно пусты. В этой части здания находились жилые комнаты, а в нижнем этаже — кабинет самого губернатора. С этой-то стороны Сердар и направился к дворцу. Приехав в Пуант-де-Галль, он слегка привязал Ауджали к одной из кокосовых пальм, которых очень много росло на улицах, с единственной целью приказать ему, чтобы он ни на шаг не уходил оттуда. Затем, увидев кули, который спал, завернувшись в парусину, у дверей своей будки, подошел к нему и разбудил его со словами:

— Хочешь заработать рупию?

Кули мгновенно вскочил на ноги.

— Сколько ты хочешь за парусину, в которой ты спал?

— Две рупии! Я заплатил столько.

— Получай!. Заверни тело этого человека в парусину, положи на плечи и следуй за мной!

Кули повиновался, дрожа всем телом; у незнакомца был такой властный голос, что он не посмел противиться ему. Оба окольными улицами направились к дому губернатора.

Пройдя садами, Сердар без всякого затруднения прошел ко дворцу и по нескольким ступенькам поднялся на первый этаж; не встретив никого на дороге, он дошел до комнаты, по мебелировке которой узнал кабинет сэра Уильяма. Все слуги были заняты приемом посетителей и угощением их разного рода напитками. Он приказал положить труп в угол, заставил его двумя креслами и, вырвав листок из записной книжки, наскоро написал на нем несколько слов:

*Сэра Уильяма просят пожаловать в свой кабинет
одного по весьма важному и серьезному делу.*

* «Храни Господь королеву, правительницу Британии» — национальный гимн Англии. — *Примеч. перев.*

Подписи не было.

— Возьми! — сказал он кули. — Взойди на верхний этаж, передай это первому слуге, которого ты встретишь, и скажи, чтобы он немедленно отнес это губернатору. Когда исполнишь свое поручение, вернись получить заработанные рупии, и ты свободен.

Пять минут спустя кули вернулся обратно, получил плату и поспешно скрылся, видимо, испуганный тем, что имел, как ему казалось, дело с каким-то злым духом. Да он и в самом деле был почти убежден в том, что встретил самого проклятого ракшасу, а потому, выйдя на освещенную эспланаду, долго вертел в руках полученные им рупии, сомневаясь в их доброкачественности.

Сердару недолго пришлось ждать сэра Уильяма Брауна. Прием высоких раджей и сингальских вождей был окончен и начинался уже бал, когда один из сиркаров дворца приблизился к своему господину и передал ему маленькую записку, которую он получил от кули. Заинтригованный лаконизмом этого послания и отсутствием подписи, губернатор спросил у слуги, кто передал ему эту записку, но не мог добиться от него объяснения. Предупредив тогда одного из своих адъютантов, что ему необходимо отлучиться на несколько минут и чтобы о нем не беспокоились, он поспешно спустился в свой кабинет и очутился там лицом к лицу с Сердаром, который стоял, небрежно опираясь на свой карабин.

Сэр Уильям Браун не присутствовал на заседании военного суда, который накануне приговорил Сердара к смертной казни; он видел последнего только с террасы своего дворца, когда со своими товарищами шел к месту казни. Этого было слишком мало, чтобы он мог запомнить черты авантюриста.

В душе губернатора поднялось глухое раздражение, когда он увидел бесцеремонное отношение этого незнакомца, который не только осмелился вытребовать его в кабинет, но еще явился к нему в таком небрежном и простом костюме.

Сердар был одет в обычный костюм охотника.

— С кем имею честь говорить? — спросил губернатор тоном, ясно указывающим на его неудовольствие. — Что значит эта шутка?

— Я не имею намерения шутить, сэр Уильям Браун, — холодно ответил ему Сердар, — и когда вы узнаете, кто я, вы поймете, что шутки не в моем вкусе.

Сердар держал себя с достоинством; в нем чувствовался аристократ, несмотря на простую одежду. Врожденное достоинство производит всегда большое впечатление на англичан, которые ценят человека, умеющего занять подобающее ему место, даже в

том случае, если к поступкам его примешивается значительная доза высокомерия. Решительный тон и манеры Сердара оказали на сэра Уильяма Брауна должное действие, и на этот раз он иначе отвечал ему.

— Прошу извинить, это выражение невольно сорвалось у меня; но здесь я представитель ее величества королевы, нашей милостивой повелительницы, и потому вправе требовать уважения к должности, занимаемой мною. Признайтесь поэтому, что ваш способ добиться аудиенции у губернатора Цейлона и представиться ему не соответствует принятому в этом случае этикету.

— Я нисколько не отрицаю, господин губернатор, странности моих поступков, — отвечал Сердар, который в течение уже нескольких минут с зловещим выражением всматривался в своего собеседника, — и я только по необходимости, поверьте мне, избрал наиболее верный и, как видите, наиболее удачный способ пройти к вам. Не осмелюсь я нарушить традиционные обычаи, о которых вы говорите, пожалуй, получился бы результат, несколько иной, чем тот, которого я добился теперь. Одно слово скажет вам больше, чем все другие объяснения: я тот, которого туземцы зовут Срахдана, а англичане, ваши соотечественники..

— Сердар! — воскликнул сэр Уильям вне себя от изумления. — Сердар здесь... у меня!.. А! Вы дорого заплатите мне за эту дерзость..

И он подбежал к ручке звонка, висевшей над письменным столом.

— Он перерезан в передней, — холодно заметил Сердар, — я забавлялся этим в ожидании вашего прихода... и к тому же, — продолжал он, направляя на сэра Уильяма дуло своего револьвера, — у меня здесь есть нечто, чем я могу удержать вас на месте. Если вы вздумаете злоупотребить властью занимаемого вами положения, я со своей стороны злоупотребляю властью, которую мне дает это оружие, а в таком случае наши силы не будут равны.

— Да это засада!..

— Нет, просто объяснение, и в подтверждение этого я разрешаю вам открыть ящик вашего письменного стола, к которому вы, видимо, хотите подойти, и взять оттуда револьвер. Таким образом неравенство сил, о котором я говорил, будет устранено, и вы, быть может, согласитесь поговорить просто и серьезно, как это подобает двум джентльменам. К тому же, чем больше я всматриваюсь в ваше лицо, тем больше нахожу в вас нечто знакомое, что заставляет меня думать, что мы встречались с вами когда-то... О! Это было, вероятно, давно, очень давно... я отличаюсь заме-

чательной памятью на лица и уверен, что видел вас, хотя не могу припомнить место, где мы с вами встречались.

— Удивительный вы человек! — воскликнул сэр Уильям, отходя от письменного стола, откуда он действительно хотел достать оружие. Видя, что его намерение разгадано, он не захотел показывать, что боится своего странного посетителя.

— Вы имеете в виду, конечно, мои поступки? — спросил Сердар. — По-моему, я такой же человек, как и другие... Мое поведение самое обычное, поверьте мне. Вместо того, чтобы вести со мной открытую, честную борьбу, вы два раза устраиваете мне засаду, которой мне удалось избежать благодаря не зависящим от вас обстоятельствам... Так вот, я пришел к вам с целью открыто предупредить вас, что держу вашу жизнь в своих руках, что мне достаточно сделать один знак, произнести одно слово, чтобы через двадцать четыре часа вы перестали существовать... И если вы по-прежнему будете оценивать мою голову на вес золота, натравливать на меня подкупленных убийц, то я, клянусь честью дворянина, сделаю этот знак, произнесу это слово...

— Вы дворянин? — с удивлением воскликнул сэр Уильям.

— Точно так, — отвечал Сердар, — и принадлежу к такому же знатному роду, как и вы, хотя не знаю ваших предков.

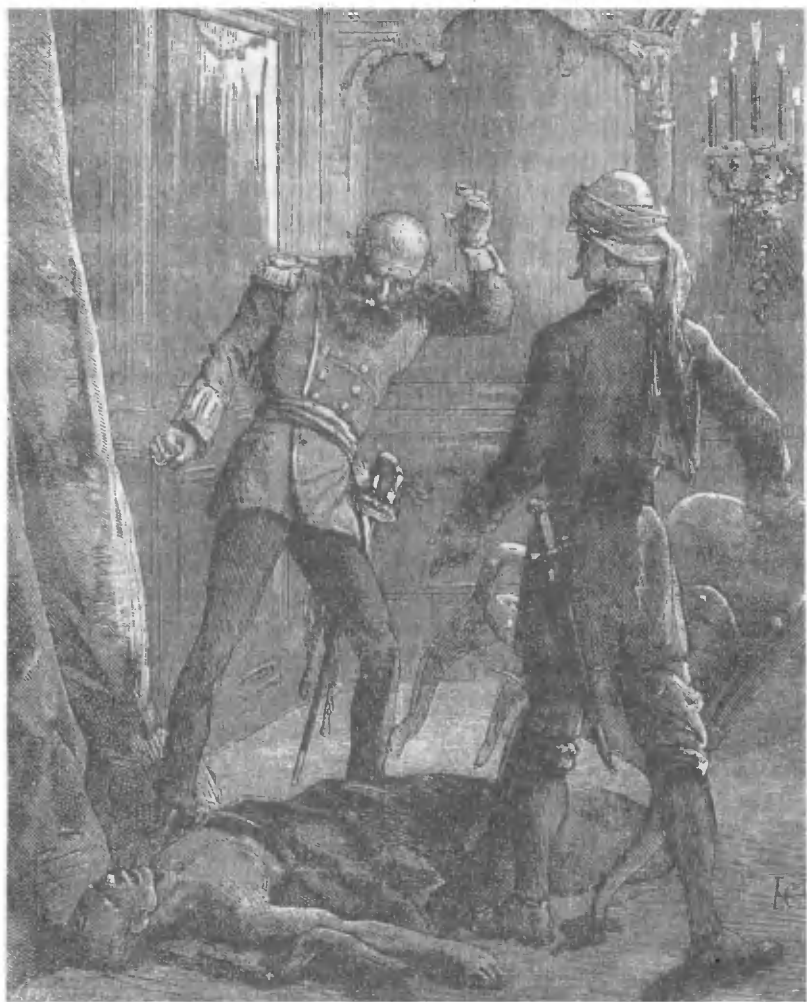
— Мы считали до сих пор, — отвечал губернатор, пораженный этими словами и достоинством, с каким они были сказаны, — что имеем дело с самым обыкновенным авантюристом, с которым мы и поступали сообразно этому, но могу вас заверить, что с сегодняшнего же дня будет отменено приказание — по крайней мере, на Цейлоне, ибо власть моя не распространяется на материк, — которое оценивает вашу голову в известную сумму. Что касается Кишнаи, то ему будет дано знать, что все сказанное между нами не имеет больше значения.

Поступая таким образом, губернатор находился, вероятно, под влиянием приятного впечатления, какое Сердар обычно производил на всех, кто видел его близко и говорил с ним: быть может, он вспомнил приговор, произнесенный над ним членами общества Духов Вод и думал, что его великодушное поведение заставит изменить исполнение приговора, произнесенного над ним.

— Человек, о котором вы говорите, не в состоянии больше получить уведомление о перемене ваших намерений.

— Я имею возможность связаться с ним, когда пожелаю, и сегодня же вечером...

Он не успел закончить, так как Сердар отставил кресла, скрывавшие труп того, кого он все время принимал за предводителя тхугов, и, указав на него, сказал:

— Можете сейчас передать ему свое поручение. Вот он!

Сэр Уильям вскрикнул от ужаса при виде трупа туземца.

— Вот, — продолжал авантюрист, — что делает Сердар с изменниками и негодяями, которых посылают против него.

— Как! Вы осмелились принести сюда тело вашей жертвы, сюда, в мой дворец? Нет, это уж слишком!

— Вашего сообщника, хотите вы сказать, вашей правой руки, почти вашего друга, — сказал Сердар, который начинал выходить из себя при воспоминании о пытках, перенесенных в яме.

— Это поступок, не достойный джентльмена, а вы так хвастались этим званием, — отвечал губернатор, бледнея от злобы и забывая всякую осторожность. — Выйдите вон и благодарите небо за чувство деликатности, побуждающее меня поступить таким образом, ибо из уважения к своим гостям, к дворцу губернатора я не желаю устраивать здесь никакого скандала. Еще раз повторяю: уходите вон отсюда... Уходите поскорее и избавьте меня от этого гнусного зрелища, иначе я не отвечаю за себя.

— Полноте, не разыгрывайте комедию негодования, — продолжал Сердар полным презрения тоном. — Неужели вы думаете, что мне неизвестны условия постыдного договора, заключенного вами. Я только потому принес вам труп вашего сообщника, что вы требовали от него представить вам через неделю мой труп.

— Эй! Кто-нибудь! — крикнул сэр Уильям сдавленным от бешенства голосом.

— Ни слова больше, — сказал авантюрист, делая шаг вперед, — или даю честное слово, что я прострелю вам голову.

Приблизившись к губернатору, Сердар вместе с тем придвинулся к камину, на котором стоял портрет молодого офицера во весь рост, в мундире конной гвардии. Увидев его, он сразу остановился, и глаза, перебежавшие с портрета на губернатора и наоборот, приняли ужасный вид: лицо его покрылось смертельной бледностью; рука судорожно сжимала дуло карабина, а вся фигура выражала признаки такого волнения, что сэр Уильям, пораженный этим, сразу успокоился, несмотря на свое раздражение, достигшее самой высокой степени.

Сердар был, по-видимому, близок к обмороку; крупные капли пота покрыли его лоб, и голосом, сдавленным от волнения, в котором нельзя было бы ясно различить ни гнева, ни бешенства, ни нежности, спросил своего собеседника:

— Не портрет ли это вашего родственника? Вы удивительно походите друг на друга, если не считать разницу лет.

— Нет, это мой портрет... Да какое вам дело до этого?

— Ваш? Ваш!!

— Да, сделанный лет двадцать тому назад, когда я был капитаном конной гвардии... Я слишком добр, однако, что отвечаю на эти вопросы... Я не желаю больше повторения предыдущей смешной сцены, а потому в последний раз прошу вас не выводить меня из терпения и не напоминать мне, что я должен был бы приказом арестовать вас как приговоренного к смертной казни военным судом... Потрудитесь уйти!

— Он! Это он! — бормотал Сердар про себя. — Я нахожу его вдруг здесь!

— Затем он крикнул с неожиданным и таким ужасным взрывом гнева, что губернатор с испугом отскочил от него: — Чарльз Уильям Тревелиян, узнаешь ли ты меня?

Губернатор вздрогнул под влиянием неожиданно мелькнувшей у него догадки.

— Откуда вам известно имя, которое у меня было, когда я был младшим в семье? — спросил он.

— Откуда? — ответил Сердар сквозь зубы и с налитыми кровью глазами, как у тигра, готового броситься на свою жертву. — Откуда? Чарльз Уильям Тревелиян, неужели ты забыл Фредерика де Монмор-Монморена?

— Фредерик де Монморен! — взревел сэр Уильям и, не прибавив больше ни слова, бросился к письменному столу, открыл один из ящиков, вынул револьвер и, повернувшись к своему противнику, сказал ему просто и с хладнокровием, в котором слышалось нечто ужасное:

— Вот уже двадцать лет, как я жду ваших приказаний, господин де Монморен!

— Наконец! — воскликнул Сердар. — Наконец!

И спокойно, не тратя времени на разговоры, они стали лицом друг к другу в двух противоположных концах длинного и громадного кабинета.

— Двадцать шагов! — сказал губернатор.

— Очень хорошо! — отвечал Сердар. — Начинает, кто хочет.

— Принимаю! И стреляет, как хочет.

— Согласен! Обмен в двенадцать пуль.

— Можно еще лучше... Пока не кончится смертью.

— Верю, что лучше... А сигнал?

— Сосчитаем оба до трех и начнем.

И оба начали считать:

— Один! Два! Три!

Едва было произнесено последнее слово, как раздался выстрел. Это выстрелил сэр Уильям, и его пуля пробила каску Сердара, проскользнув над его черепом; полдюйма ниже — и голова его была бы прострелена. Сердар, который стоял неподвижно, держа наготове карабин и не спуская упорного взгляда с противника, ограничился тем, что прицелился в него.

Сэр Уильям выстрелил во второй раз, и пуля, пролетев мимо, задела прядь волос на виске его противника.

Сердар не моргнул даже глазом.

Сэр Уильям замечательно ловко владел боевым пистолетом и попадал в цель восемь раз из десяти; но владение револьвером — вещь более тонкая.

Сердар нашел, что он довольно великодушничал.

— Это суд божий, сэр Уильям! — сказал он своему противнику. — Я уступил вам две пули, чтобы уравнивать наши шансы... Теперь моя очередь!

И в ту же минуту он спустил курок... Раздался выстрел, и губернатор грохнулся на пол, не испустив даже крика. Сердар подбежал к нему... Пуля попала в левую сторону груди, и кровь текла ручьем из раны; он взял его за руку, которая безжизненно упала на пол.

— Умер! — сказал он грустным голосом, в котором не было больше ни капли гнева. — Правосудие свершилось! Я прощаю ему все зло, какое он мне причинил: загубленную молодость, погибшую честь, все! Я все прощаю ему!

В то время, как эта необычная сцена происходила на нижнем этаже, совершенно пустом, на втором музыканты продолжали играть самые веселые танцы, и жена и дочери губернатора веселились и танцевали...

Сердар вспомнил, что пора подумать о безопасности; он взял карабин, поставленный им в угол, вышел поспешно в сад и скоро добрался до Ауджали, который не тронулся с того места, где он его оставил. Два часа спустя, проехав через проход беспрепятственно, так как приказание задерживать касалось только выезжавших из долины, а не въезжавших туда, он в одиннадцать часов вечера прибыл к гроту носорога, где товарищи встретили его с такой радостью, какую трудно себе представить. Никто больше не надеялся его увидеть после такого долгого и необъяснимого отсутствия; один Сами торжествовал и, танцуя от восторга, повторял свою любимую фразу:

— Срахдану-Сахиба не так просто убить!

V

Возвращение Сердара. — Исчезновение Барнета. — Поиски генерала. — Болота Каллоо. — Лес, залитый водой. — Крокодилы. — Преследование. — Прошное Барнета. — Странное убежище. — Ночь на верхушке кокосовой пальмы. — Опять Кишная. — «Диана».

СЕРДАР БЫЛ ОЧЕНЬ ОГОРЧЕН, КОГДА ПО приезде узнал, что Боба Барнета не нашли в гроте. Но Нариндра и товарищи не были сначала так встревожены; не найдя в то же время и Ауджали, они решили, что храбрый генерал отправился вместе со слоном на свои обычные поиски приключений. Когда же они увидели, что Сердар приехал на Ауджали, то после радостных излияний они начали с тревогой спрашивать:

— А Боб Барнет? А генерал? — потому что все любили этого странного чудака, доброго, как ребенок.

Несмотря на усталость и волнения, которые он испытал в течение этого дня, Сердар объявил, что не будет отдыхать ни минуты, пока не найдет своего старого друга. Невозможно предположить, чтобы он ушел из джунглей, а в этой долине, полной неожиданных сюрпризов, он мог быть захвачен ночью, когда охотился в болотах или в лесу, и не решился вернуться, опасаясь заблудиться в чаще и завязнуть в какой-нибудь торфяной топи. Всем же четверем, да еще вместе с Ауджали, нечего бояться опасности, да к тому же скоро взойдет луна, и при ее свете будет так же легко ориентироваться, как днем.

Закусив хорошенько, так как Сердар, который ничего не ел с самого утра, чувствовал в этом непреодолимую потребность, маленький отряд двинулся по направлению к болотам Каллоо.

— Лишь там мы его и найдем, если только он еще в этом мире, — сказал Рама, — еще перед нашим уходом он спрашивал меня, как пройти к большим болотам, где он мог найти большое количество водяной дичи. Там особенно много брахманских уток, с которыми он не имел еще случая познакомиться так близко, как бы ему этого хотелось.

Пока друзья спешат к нему на помощь, мы опередим их и посмотрим, какие обстоятельства способствовали тому, что Барнет, который, правда, не был олицетворением точности, не вернулся еще до часу ночи, хотя он отправился в два часа пополудни, чтобы сделать небольшую прогулку вокруг болота.

Когда Ауджали покинул его и бросился на помощь к своему хозяину, Боб, которому вода доходила уже до плеч, нашел это положение малоудобным и решил не предпринимать больше попыток перебраться на другой берег. То, что было возможно при содействии Ауджали, казалось ему безрассудным, когда он оказался предоставлен собственным силам, и он повернул назад; но вода не оставляет следов, а болото не было похоже на обычное болото: это был скорее лес, подвергшийся наводнению, где, по-видимому, собрались все тропические деревья, которые любят воду. Место, где он находился, было заполнено кокосовыми пальмами с высокими и стройными стволами, верхушки которых, находившиеся на расстоянии двадцати-тридцати метров от земли были украшены огромным султаном из листьев и пучков плодов.

Но если эта растительность, которой нравится принимать ножную ванну в один-два метра глубины, придает живописный вид всему ландшафту, вместе с тем она ограничивает кругозор, не давая зрению точки опоры для распознавания отдаленных предметов. А поскольку ничто так не походит друг на друга, как

одна кокосовая пальма на другую, несчастный кончил тем, что вертелся на одном месте, не смея ни двинуться вперед, ни вернуться назад из боязни встретить глубокое место, где он мог с головой провалиться в воду. Несмотря на все старания, он никак не мог признать берега, с которого пришел сюда.

Здесь было, кроме того, нечто, еще более затрудняющее его положение; он пока не догадывался об этом, но скоро должен был заметить. Вы помните, вероятно, что в тот момент, когда уходил Ауджали, два или три крокодила плавали вдали, отыскивая себе пищу. Они не успели до сих пор заметить добычу, которая так легко могла достаться им, иначе бедному генералу пришлось бы проститься со всеми мечтами о реставрации. Но если крокодил не отличается особенно острым зрением, то обоняние у него до того тонкое, что дает ему возможность на расстоянии нескольких километров узнать о присутствии добычи. Вот почему в то время, как Барнет отыскивал наиболее удобное место, чтобы добраться до твердой земли, три крокодила с длинными мордами старались изо всех сил помешать этому. Крокодилам это стоило также немалых затруднений, потому что ветер, доносивший к ним весьма аппетитные испарения, дул не постоянно, а с промежутками, во время которых они двигались наудачу, что очень благоприятствовало Барнету, ничего не подозревавшему.

Скоро, однако, проклятый ветер задул в одну сторону, так что крокодилы могли теперь идти прямо к своей жертве. К счастью, Боб вовремя заметил их приближение и таким образом имел достаточно времени поразмыслить об угрожавшей ему опасности. Нечего было медлить! Только деревья могли предоставить ему надежное убежище, где он мог укрыться от ужасных преследователей, заранее уже предвкушавших наслаждение полакомиться им. Только теперь генерал понял, какую пользу сослужили ему бесчисленные профессии, которыми он владел до своего поступления на военную службу.

Еще до того, как он стал заниматься благородной профессией адвоката, он увлекался ремеслом паяца, которое также нередко служит началом самой блестящей карьеры. Не выходя за пределы нашего повествования, мы можем привести один факт, который относится к нашему герою и дает еще более полное представление о его жизни, полной тревог и волнений; дело в том, что старинная профессия паяца и была главной причиной всех успехов Барнета при дворе аудского раджи.

Когда он явился туда, гордый своим чином американского полковника, но без пенсии и работы, ибо этот почетный титул дается министром той страны так же легко, как если бы он дарил пару сапог, старый раджа, с утра зевавший от скуки, спросил его:

— Что ты умеешь делать?

— Ваше величество, я командовал артиллерийским полком во время войны с Мексикой.

— И вы били англичан?

— Ваше величество, Мексика не в Англии, и я...

— Если ты не умеешь бить англичан, зачем ты явился сюда?

Несчастный раджа никого не видел в мире, кроме англичан. Дело в том, что его добрые друзья в Калькутте заставили его распустить армию, набранную французскими генералами Алляром, Лафоном, Вентюра и Мартеном, разрешив ему иметь при себе только пятьсот человек гвардии, и посадили ему на шею резидента, который кричал на несчастного раджу всякий раз, когда тот приказывал своим солдатам чистить ружья или менять пуговицы на гетрах.

— Ваше величество, — отвечал Боб с важным видом, — если желаете, то и англичан можно бить точно так же, как и других; назначьте меня генералиссимусом ваших войск, разрешите мне набрать две тысячи человек в вашем государстве и откройте мне неограниченный кредит, чтобы купить обмундирование, пушки...

— Молчи! Если резидент услышит твои слова, он арестует меня на две недели, и мне придется истратить целый миллион рупий, чтобы умиловить его. Не знаешь ли ты чего-нибудь более забавного? Видишь, мне скучно, мой великий визирь высох от тоски, все время играя со мной в шахматы; впрочем, этим только и ограничиваются его обязанности первого министра. Мой великий черный евнух также скучает; профессия его приходит в упадок... Весь двор мой скучает, наконец... Развесели нас — и ты будешь желанным гостем.

Это было лучом света для Барнета, который вспомнил свою старинную профессию и пробормотал сквозь зубы:

— погоди ты, обезьяна, я тебя развеселю, тебя и твоих... Эй! Внимание!

Он попросил одного из присутствующих дать ему на время старый тюрбан, разложил его в виде ковра и, слегка поклонившись радже, галантно положил руку на сердце и сказал:

— Милостивые государыни и милостивые государи, честь имею...

И он завершил свое приветствие тремя ужаснейшими прыжками, которые заслужили ему всеобщее одобрение, а затем развернул перед ними весь свой репертуар.

Откинув голову назад и вытянув шею, он стал подражать разным звукам: крикам животных и звукам кларнета, пению бенгальского зяблика и гармоничным звукам охотничьего рога, пению петуха и хрюканью домашнего вепря, закончив эту первую

часть соло на тромбоне. Когда же Барнет бросился на пол и, скрестив руки и втянув голову в плечи, чтобы придать себе вид лягушки, принялся небольшими скачками прыгать по полу, приговаривая: ква! ква! ква! — никто больше не мог удержаться, и раджа первый подал пример, катаясь по полу и задыхаясь от приступа безумного смеха.

Свое представление Боб закончил эквилибристикой и фигурством, которые завершали его успехи и увеличили его состояние: заняв у присутствующих несколько перстней, украшенных бриллиантами, он показал несколько фокусов и забыл потом отдать их, а так как раджа не потребовал обратно своего бриллианта в двадцать тысяч экю, то никто не осмелился требовать своих. Боб в этот день заработал около полумиллиона... После этого никто больше не надевал перстней во время его представлений.

В тот же вечер он был назначен генералом, командиром артиллерии и т.д. Остальное известно... Но неизвестно только то — я хочу сохранить это для истории, — что Барнет был главной причиной падения раджи, своего благодетеля... Приняв всерьез свое назначение, он каждый день осматривал полдюжины старых пушек, которые уже спали на укреплениях и были опасны только для тех несчастных, которые вздумали бы стрелять из них. Несмотря на это, резидент дал знать лорду Гэлуги в Калькутту, что раджа готовит заговор, приводит в порядок укрепления, усиливает артиллерию и пригласил на службу американского генерала. Предлог был прекрасный, и государство раджи было немедленно конфисковано. Бедный Боб никогда не подозревал, что он был невольной причиной события, разрушившего и его собственные надежды.

Вы понимаете теперь, что для Барнета, имевшего такое прошлое, было пустой забавой взобраться на первую кокосовую пальму, находившуюся возле него. В ту минуту, когда три крокодила, уверенных в своей добыче, уже посматривали исподлобья друг на друга, мысленно измеряя, конечно, ту часть добычи, которая придется на долю каждого из них, Барнет помирил их, грациозно поднявшись по стволу с помощью рук и колен и унося в воздух ужин трех компаньонов; разочарованные неудачей, последние затеяли между собой самую ожесточенную драку, а Барнет тем временем благополучно добрался до безопасного места на верхушке кокосовой пальмы.

Поместившись поудобнее среди листьев и плодов, где у него были готовы и прибор, и съестные припасы, он мог ждать с философским спокойствием, пока товарищи придут к нему на помощь. Ночь застала его в таком положении; но так как он

крепко привязал себя к дереву охотничьим поясом, то ему нечего было опасаться, что во время сна он может упасть со своего ложа. Напротив, ему ничто не мешало устроиться поудобнее и спать; мысли его, перенесшиеся с высот на грешную землю, блуждали по ней некоторое время, пока он по своему обыкновению не переселился в страну мечтаний и самых невероятных приключений. Отправившись к туркам для защиты Босфора от нападения китайцев, наводнивших всю Европу, он достиг высоких почестей, что вполне соответствовало его положению на верхушке кокосовой пальмы, когда зависть врагов, как всегда, подорвала его благополучие. Далее ему приснилось, что его приговорили к посаждению на кол — тоже действие кокосовой пальмы, — когда вдруг он внезапно проснулся и, не будь прикреплен поясом, на этот раз уже точно слетел бы с высоты тридцати метров.

Внезапно вокруг него раздались выстрелы из карабинов, а за ними крики, о происхождении которых он сразу догадался: «Боб!.. Барнет! Генерал! Где вы?»

— Здесь, друзья мои, здесь! — поспешил ответить добродушный Боб.

— Где это? — спросил голос Сердара.

Было полнолуние, и свет луны ясно освещал весь ландшафт.

— Здесь, наверху! — крикнул Барнет. — Третья кокосовая пальма, вправо от Ауджали.

Громкий хохот приветствовал этот оригинальный способ указывать свое местоположение; друзья соединились вместе, и радость снова наполнила их сердца.

Барнет спустился с кокосовой пальмы скорее, чем взобрался на нее, и был принят на спину Ауджали, где его товарищи расположились с того момента, как вошли в болото. Как только слон понял, что все отправляются на поиски Барнета, он сам повел Сердара и его трех товарищей к тому месту, где покинул его, чтобы идти на помощь к своему хозяину.

Теперь друзья вместе возвращались к гроту, рассказывая друг другу все, что случилось в течение дня. Один только Сердар молчал; он дал лишь несколько необходимых объяснений по поводу своего посещения сингальского города. Он не хотел рассказывать о своем приключении и дуэли с губернатором без свидетелей, ибо в таком случае он вынужден был бы посвятить своих товарищей в главные эпизоды своей молодости... А в его жизни была тайна, которую он хотел бы унести с собой в могилу; никто не должен был знать, каким образом Фредерик де Монмор-Монморен, который был родом из знатнейшей бургундской семьи, сделался авантюристом Сердаром. Единственного человека в Индии, которому была известна эта тайна, он убил сегодня

вечером... или по крайней мере думал, что убил. От пули в сердце не воскресают, а он метил туда.

Авантюрист спокойно провел ночь в гроте, не беспокоясь и не заботясь ни о чем: Ауджали охранял их, и его присутствия достаточно было, чтобы не подпустить к ним ни одного врага, будь то животное или человек.

На рассвете Сердар разбудил своих спутников и дал знак к немедленному отъезду. Ему не терпелось видеть поскорее проход, открытый Сами: это давало им возможность покинуть долину Трупов, не вступая ни в какую борьбу; там было спасение и возможность в назначенное время быть в Пондишери, где Сердара ждали новые обязанности; оттуда легче было идти скорее на помощь майору Кемпбеллу, который держался еще в крепости Хардвар-Сикри, вряд ли способной выдержать осаду более двух недель. Необходимо было, чтобы Сердар прибыл в лагерь индусов раньше сдачи города, ибо в противном случае никакая сила не могла бы спасти от руки фанатиков ни одного из осажденных. Ни популярность Сердара, ни престиж Нана-Сахиба не могли бы вырвать из рук солдат и особенно жителей этих людей, запятнавших себя убийством старцев, женщин и детей. Гнусное избиение в Хардваре до того возбудило индусов, что они признали бы изменником любого своего предводителя, который вздумал бы избавить негодяев от справедливой мести.

Сердар, больше других озлобленный против человека, которому приписывали ответственность за это варварское деяние, не мог просить своих людей за того, кого он еще совсем недавно называл мясником Хардвара; он мог лишь содействовать побегу майора и рассчитывать только на слепое подчинение двух людей, Нариндры и Сами, преданность которых не рассуждала; он мог требовать от них какой угодно жертвы, и они не позволили бы себе ни малейшего возражения. Господин сказал — этого для них было довольно, чтобы повиноваться.

Они не знали другой воли, кроме его воли, другой привязанности, кроме его привязанности, другой ненависти, кроме его ненависти. Это была, одним словом, преданность Ауджали — и Сердар решил воспользоваться всеми тремя.

Что касается Рамы, то, как мы уже сказали, Сердар ни на минуту не мог допустить мысли, что здесь можно ожидать хотя бы нейтралитета. Дело шло об убийстве его отца, а по закону индусов тот, кто не мстит за смерть отца, «должен быть изгнан из общества порядочных людей, и душа его после смерти тысячи раз будет возрождаться в теле самых отвратительных животных».

Как видите, полная противоположность христианскому милосердию, тогда как суть учения и там, и здесь состоит в прощении всех обид. Соблюдение этого закона представляет чистую формальность на Востоке, но только ли на Востоке.

Как бы там ни было, но в борьбе, к которой готовился Сердар, он был одинок, а потому недостаток силы ему приходилось пополнять хитростью; ему необходимо было время для того, чтобы распределить свои батареи, придумать способ связаться с майором и, наконец, найти верное убежище для майора после его побега. Вы понимаете теперь, с каким лихорадочным нетерпением спешил он уехать; каждый проходивший день уменьшал шансы на спасение несчастного, за которого он в этот час готов был с радостью отдать свою жизнь, чтобы наполнить благодарностью сердце единственного существа, которое еще напоминало ему счастливые и беззаботные часы детства, навсегда канувшие в вечность.

В ту минуту, когда маленький отряд покидал грот, куда он больше не собирался возвращаться, и направлялся по дороге к проходу, найденному молодым Сами, кусты над гротом тихонько раздвинулись, и между ними показалось существо, безобразное до отвращения, которое долго следило глазами за удаляющимся караваном, как бы выслеживая дорогу, по которой он направлялся.

Когда скрылись из виду Барнет и Рама, как всегда, замыкавшие шествие, поскольку они были соединены узами дружбы, основанной на ненависти к капитану Максвеллу, кусты раздвинулись, и оттуда вышел индус, совершенно голый, благодаря чему его тело сливалось в тени леса с окружающими его предметами. Он поспешно спустился со скалы, за которой прятался, и, скрываясь в джунглях, пошел параллельно той дороге, по которой шли наши авантюристы. Это был Кишнаия, глава душепителей, который накануне каким-то чудом избежал мести Сердара и теперь шел по его следам. Какие планы были у него? Не хотел ли он снова приняться за свое гнусное ремесло в надежде получить награду, обещанную губернатором Цейлона... или поступками его руководило какое-либо более важное побуждение?.. Мы это, вероятно, скоро узнаем, потому что смерть его сообщника Веллаена побудила его перебраться на Большую землю, чтобы присоединиться к своим, ждавшим его в лесах Тривандерама... Быть может он хочет убедиться в том, что и Сердар также покидает Цейлон и отправляется на Коромандельский берег?

Первый час дороги прошел в молчании, как это бывает всегда, когда отряд путешественников отправляется в путь до наступления дня. Тело и душа сливаются с окружающей их

природой; птицы спят еще среди листвы, куда едва начинают проникать смутные проблески рассвета, этих сумерек утра; влажная свежесть исходит от травы и листвы деревьев; легкая дымка, испаряющаяся из ночной росы, придает всему ландшафту неясный оттенок, смешивая предметы, как будто они прикрыты легкой газовой вуалью. Все идет, точно погруженные в сладкую дремоту, которую первый солнечный луч рассеет вместе с утренним туманом.

Мало-помалу все проснулось под теплым дуновением дня; стаи маленьких сингалских попугайчиков крикливыми голосами приветствуют появление солнца и с оглушительными «тира-тира» несутся к полям дикого сахарного тростника в джунглях, рассаживаясь на ветках больших тамариндов; гиббоны прыгают с ветки на ветку, гоняясь друг за другом и выделявая самые изумительные акробатические фокусы, тогда как ара и какаду летают над листвой фикусов и тамариндов. Одним словом, в джунглях начинается жизнь всего их безобидного населения: птиц, мух, бенгальских зябликов, соловьев, разноцветных попугаев, белок и обезьян, тогда как хищники, утомленные своими ночными похождениями и драками, пресыщенные мясом и кровью, прячутся в самую густую чащу, откуда они не выходят раньше сумерек.

Эта полная жизни и одушевленная природа, освещенная золотистыми лучами солнца, с лазурным небом, зеленью, цветами и радостными криками несколько изменила направление мыслей Сердара. Как ни привык он к богатствам природы в джунглях, возвышенная душа его никогда не оставалась бесчувственной к ним, и сердце его начало постепенно успокаиваться, несмотря на тяжелые заботы.

— Ну-с, дитя мое, — сказал он, ласково и дружески обращаясь к Сами, после того как несколько минут прислушивался к пробуждению природы и утреннему концерту обитателей леса, — тебе удалось наконец открыть удобный проход среди уступов склона?

— Да, Сахиб! — отвечал молодой индус, чувствовавший себя необыкновенно счастливым всякий раз, когда господин его говорил с ним таким ласковым тоном, — я без всякого труда прошел его до самого конца. Целая масса скал, которые совершенно закрывают верхнюю часть горы, помешала вам видеть, когда вы стояли у ее подошвы, что туда легко пробраться.

— А ты не заметил, легко ли будет идти вдоль гребня по направлению к северу?

— Да, Сахиб! Верхушки идут там одинаково ровно везде, где я мог видеть.

— Вот это прекрасно, дитя мое, и ты оказал нам большую услугу, за которую я сумею вознаградить тебя. Чего ты желаешь?.. Нет ли чего-нибудь такого, о чем ты хотел бы попросить? Я наперед согласен на все, что в моей власти.

— О, Сахиб! Если бы я смел...

— Говори!

— Я желаю, чтобы Сахиб оставил меня у себя на всю жизнь, как и Нариндру.

— Милый мой Сами! Я только выигрываю от твоей просьбы.. Будь уверен, я хорошо понимаю, чего стоит такая привязанность, как ваша, и никогда не разлучусь с вами.

— Вот и проход, Сахиб! Там, напротив тебя! — сказал Сами, счастливый тем, что первый может указать его своему господину.

Все остановились; Барнет и Рама, немного отставшие, скоро также присоединились к ним. Оба по своему обыкновению были заняты спором относительно изменника и негодая Максвелла, а так как Боб, несмотря на все свое красноречие, никак не мог добиться от Рамы прав на первенство, то вечный спор почти никогда не прекращался.

— Полно, Барнет! Вперед, мой старый товарищ! — сказал Сердар. — Ты должен быть счастлив, что покидаешь наконец долину, которая два раза едва не сделалась роковой для тебя.

— Эх! — отвечал генерал с философским видом. — Жизнь и смерть — это две ступени одного и того же.

Боб примыкал одно время к «армии спасения» и научился говорить там напыщенные фразы.

Менее чем за полчаса взобрались они на гору и могли любоваться чудным зрелищем Индийского океана в ту минуту, когда выходящее солнце рассыпало по волнам золотистые и свои пурпуровые лучи.

Вдруг Сами громко вскрикнул от удивления.

— Сахиб! Смотри, Сахиб! Шхуна Шейх-Тоффеля!

Сердар, бледный от волнения, обернулся в сторону, противоположную той, куда смотрел, привлеченный игрой солнечных лучей на поверхности воды. Он увидел красивую шхуну, которая находилась всего в двух милях от берега и шла к нему с распущенными парусами. Он взял свой морской бинокль и направил его на маленькое судно.

— Барнет! Друзья мои! — воскликнул он. — Какое неожиданное счастье!.. «Диана» крейсирует там для нас.

— Ты уверен в этом? — спросил Боб, внимательно рассматривая судно со своей стороны. — Мне кажется, что очертания «Дианы» должны быть более стройными, элегантными...

— Это происходит оттого, что она слишком близко к нам, и мы смотрим на нее с возвышенного пункта, а потому очертания судна вместо того, чтобы вырисовываться на горизонте, выступают на фоне морских волн. В таком положении любое судно кажется более приземистым и теряет эlegantный вид. Но я готов держать пари, что это «Диана»... Ты забываешь, что я распоряжался ее постройкой и мне знакомы малейшие ее подробности. Видишь там резной бушприт, который кончается лирой, и каюту на задней части? Встречный ветер мешает «Диане» приблизиться к берегу, и она вынуждена лавировать; когда она повернет на другой галс, мы увидим всю ее заднюю часть и надпись золотыми буквами — и тогда всякие сомнения улетучатся.

Предсказание Сердара не замедлило исполниться; шхуна держалась ближе по ветру в трех милях от берега. Находясь уже против уступов скал, где стоял наш отряд, она с необыкновенной грацией и легкостью и в то же время быстро переменила галс, что служило доказательством ловкости капитана и дисциплины экипажа. По прошествии десяти минут задняя часть ее находилась как раз напротив того места, где стоял маленький отряд, наблюдавший за ней с вершины скалы, и все могли свободно прочесть надпись, сделанную готическими буквами: «Диана».

Все пять человек, воодушевленные видом шхуны, три раза крикнули «ура» и замахали шляпами; но на борту судна не было видно никакого движения, которое показывало бы, что их заметили, и шхуна с такой же быстротой понеслась к западу, с какой она совершала свои повороты к берегу.

— Подождем до возвращения, — сказал Сердар, — эти маневры приблизят ее к нам, и на этот раз только несчастный случай может помешать тому, чтобы там не обратили внимание на выстрелы из наших карабинов. В настоящее же время, судя по той кривой, какую она описывает, нам придется ждать самое большее полчаса, и мы недурно сделаем, если употребим это время на поиски более покатого склона, откуда легче было бы спуститься к берегу.

Несмотря на то, что вся эта сторона горы состояла из скалистых уступов и утесов, она представляла меньше затруднений для спуска, чем внутренний склон, и авантюристы нашли то, что им было нужно, гораздо раньше, чем судно закончило свои маневры. Сердар воспользовался этим временем и срезал длинную ветку буроа, к концу которой прикрепил вуаль от каски и тюрбан Нариндры, приготовив нечто вроде знамени для обмена сигналами.

Сделав снова надлежащий поворот по ветру, шхуна повторила тот же маневр, за которым с таким любопытством следили

еще раньше Сердар и его товарищи, и затем двинулись к водам, омывающим остров, с поразительной быстротой, которая увеличивалась постепенно усиливающимся ветром.

Задолго до того, как «Диана» очутилась напротив того места, где находился маленький отряд, Нариндра взобрался по приказанию Сердара на один из более высоких утесов и принялся размахивать импровизированным флагом; минут через десять после этого на борту шхуны стало заметно сильное оживление: люди бегали, суетились, и скоро Сердар, хорошо знакомый со всеми морскими сигналами, увидел на верхушке большой мачты голубой выпмпел с поперечными черными полосами, за которым непосредственно последовал белый, усеянный красными полумесяцами. Сердар понял это так:

— Если вы те, тогда я жду, дайте мне знать тремя выстрелами и покажите флаг.

Три выстрела из карабина были сделаны немедленно, и Нариндра, чтобы дополнить ответ, положил на землю ветку бурао, которой он размахивал в сторону шхуны.

Быстрота, с которой капитан «Дианы» получил ответ на свои сигналы, вполне доказала ему, что он не был жертвой какой-нибудь мистификации и что ему нечего бояться засады, а это было весьма важно при том положении, которое занимала «Диана» как представительница целого флота восставших индусов. Владельцем ее был не кто иной, как Сердар, который несколько месяцев подряд пользовался ею и ездил на ней за военными припасами; он закупал их в голландских колониях на острове Ява, а потому все английские торговые суда, встречавшие ее в Батавии*, прекрасно знали, что она возит военную контрабанду. Один фрегат и три авизо** постоянно крейсировали, отыскивая ее у берегов Короманделя и Малабара.

Но это прекрасная шхуна, построенная в Америке известным инженером, которому Сердар открыл тайну ее назначения, не боялась самых больших судов английского флота. Она не только проходила по двадцать два узла в час, но американский инженер, составивший ее план и следивший за ее постройкой, позаботился о том, чтобы она могла защищаться от любого нападения, каковы бы ни были силы ее противника. Никому не известный

* Б а т а в и я — столица Индонезии, находится на о. Яве, ныне — г. Джакарта.

** А в и з о — небольшой военный корабль, используемый в качестве разведывательного или посыльного судна.

изобретатель, он утверждал, будто ему удалось найти способ парализовать силу самых больших броненосцев и дать маленьким судам возможность в десять минут отправить их ко дну. Не имея, однако, никаких денежных средств на изготовление модели своего изобретения, на которой он мог бы провести необходимые ему опыты, он не смог бороться с апатией, бездеятельностью и завистью разных бюро изобретений, куда его посылали, а потому, посетив напрасно все морские власти Европы, с отчаянием вернулся в свое отечество, истратив все деньги до последнего пенни. Случай столкнул его с Сердаром, который приехал в Нью-Йорк для постройки «Дианы»; инженер предложил ему свое руководство строительством шхуны и пообещал вооружить ее изобретенной им таинственной машиной.

Сердар согласился и поставил условием, чтобы «Диана» могла одинаково хорошо двигаться с помощью как парусов, так и пара и принимать по желанию вид обычного судна, плавающего у берегов.

Когда шхуна была построена, инженер посвятил ее владельца в тайну устройства разрушительной машины. Сердар был поражен: менее чем в десять секунд она могла уничтожить самый могучий броненосец. Вот почему до настоящего времени он отказывался пользоваться ею, предпочитая с помощью необыкновенной быстроты движения скрываться от крейсеров, что было нетрудно при скорости двадцать два узла в час.

Для того чтобы капитан Шейх-Тоффель, который командовал судном в его отсутствие, не вздумал пустить в ход эту машину во время битвы с английским судном, он не открыл ему тайны, хранимой в недрах «Дианы». В ее передней части находилась каюта, обшитая броней снаружи и внутри, ключ от которой хранился у Сердара и куда никто не входил кроме него. Там-то и скрывались машина и механизм, необходимый для ее управления.

Когда маленькое судно было закончено, инженер и Сердар отправились в одно прекрасное утро в пробное путешествие на несколько часов; они вышли в открытое море, и в тот момент, когда судно проходило мимо подводного рифа, который омывался океаном в течение целых столетий и был вдвое больше самого большого из судов, инженер с помощью машины выпустил в него разрывной снаряд. Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, и, когда дым рассеялся, от рифа не осталось больше и следа.

Вот почему Сердар дал клятву никогда не пользоваться этой машиной, даже против английских судов, за исключением разве того случая, когда к этому его побудит необходимость и интересы безопасности. Он не мог допустить вынести мысль о возмож-

ности отправить на верную смерть столько людей, среди которых могли быть и отцы многочисленных семейств.

Он очень строго хранил свою тайну, и Шейх-Тоффель оставался все время при том убеждении, что он управляет обычным, хотя и хорошим судном, быстрым на ходу, но не способным нанести вред кому бы то ни было.

VI

Адмирал флота султана маскатского. — Мариус Барбассон из Марселя, прозванный Шейх-Тоффелем. — Странствования провансальца. — На пути в Пондишери.

ЛЮБОПЫТНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ БЫЛ ЭТОТ Шейх-Тоффель, которого можно принять за мусульманина из Индии, судя по его арабскому имени. Пора нам познакомиться с ним. Мы будем весьма удивлены, когда взойдем на судно и услышим, как он командует им.

Что касается имени, то оно было действительно арабское; что касается религии, то он был и вправду мусульманин. Но тут-то и начинается самое странное в его биографии; хотя он носил арабское имя и был мусульманином, он не был ни арабом, ни индусом, ни турком, так как был сыном покойного Цезаря-Гектора Барбассона, продавца блоков и корабельных канатов на набережной Жоллет в Марселе, и жены его Онорины-Амбаль Данеан, как сказано в официальном акте.

Он получил при рождении имя Проспера-Мариуса Барбассона-Данеана в отличие от потомков другой ветви — Барбассонов-Тука, которые пренебрегали торговлей и предпочитали карьере таможенных чиновников и морских жандармов.

Молодой Мариус Барбассон с самого нежного возраста выказывал абсолютное пренебрежение ко всем мудрым советам своего отца и учителей местной школы. Благодаря стараниям ветви Барбассонов-Тука его определили в Марсельский коллеж, где в течение десяти лет он питался бобами, получал в наказание штрафные уроки и гордо носил титул «короля бездельников», единогласно присужденный ему товарищами. По окончании им курса сей почтенный коллеж, который никогда и никому из местных жителей не отказывал в степени бакалавра, чтобы не бесчестить Прованса, объявил очень вежливо, что должен на этот раз сделать исключение, которое и пало на Мариуса Барбассона. Следствием этого было то, что Барбассон-отец, держа в руке огромный пучок своего товара, предложил сыну выбор меж-

ду морской жандармерией, прибежищем Барбассонов-Тука, и торговлей блоками и канатами, на что Мариус Барбассон отвечал, что, с одной стороны, он хочет сохранить свою свободу, а с другой — не чувствует никакого влечения к торговле своих предков. Барбассон-отец поднял тогда пучок веревок и осыпал целым градом побоев безобидную часть тела Мариуса Барбассона, который немедленно выбежал за дверь и не возвращался больше.

Он отправился в плавание, но не как ученик морской службы, а в качестве поваренка, и постепенно прошел все степени кулинарного искусства, исполняя в то же время обязанности сначала юнги, а затем матроса, внесенного в морские списки. Девять лет служил он государству и получил степень квартирмейстера при штурвале и путевом компасе, т.е. рулевого, что соответствует военному капралу, затем перешел на коммерческое судно и кончил тем, что бежал в Маскат* в тот момент, когда султан страдал ужасной зубной болью и никто не мог вырвать ему зуб. Мариус Барбассон явился к нему и удачно удалил коренной зуб: это была первая проба, ибо до того он ничего не вырывал, кроме гвоздей с помощью обыкновенных клещей, воспользовавшись ими и в этом случае... Вы не найдете провансальца, который не сумеет сразу вырвать зуб щипцами!..

Зуб положил начало карьере Барбассона. — «Сделайся мусульманином, — сказал ему султан, — и я назначу тебя великим адмиралом своего флота». — И Барбассон стал мусульманином.

Мулла, произведя над ним традиционную операцию, необходимую для того, чтобы сделаться последователем пророка, дал ему имя Шейх-Тоффеля — имя, которое с тех пор навсегда осталось за ним.

Когда султан умер, Шейх-Тоффель, не понравившийся его преемнику, вынужден был бежать. Он отправился в Бомбей, где встретился с Сердаром, который дал ему место капитана на «Диане» как очень хорошему моряку, изучившему до тонкости все морские маневры во время службы на военных и коммерческих судах. Вот уже год, как он командовал шхуной, и Сердар не мог нахвалиться его пониманием дела и сметливостью, которую он снова сегодня доказал, покинув Малабарский пролив и явившись к южному берегу острова, тогда как ему приказано было все время крейсировать у северного.

* М а с к а т — государство на Аравийском побережье Оманского залива, ныне — Оман.

Некоторое сходство его жизни, полной приключений, с жизнью Барнета соединило этих двух людей узами тесной дружбы. Вот почему Барбассон-Шейх-Тоффель часто говаривал своему другу Бобу с тем неподражаемым акцентом, от которого он никогда не мог отвыкнуть:

— Ах, Барнет! Как бы я желал иметь сына, чтобы женить его на дочери, которую тебе следовало бы иметь. Моя мечта — соединить наши семьи.

Оба были холостяки, но это не мешало Бобу отвечать:

— God bless me! Какая счастливая мысль! Это можно устроить.

Любопытные типы, как видите. Когда они бывали вместе на шхуне, то только очень и очень серьезные заботы могли помешать Сердару забыть в их обществе все тревоги и печали.

Вернувшись после вторичных маневров к острову, «Диана» остановилась и выслала к берегу шлюпку, где тотчас же заняли места все пять спутников. Ауджали последовал за ними в плывь. Когда шлюпка пристала к шхуне, колосс сам поместился под тали, на которых его с помощью крепкого каната подняли на борт. По окончании этой операции Сердар обменялся приветствиями со всем экипажем и затем попросил Шейх-Тоффеля объяснить ему неожиданное прибытие «Дианы», которое так сильно заинтриговало его.

— Каким образом случилось, что вы вместо того, чтобы крейсировать у северной части острова, очутились у южной и как раз в ту минуту, когда мы прибыли к берегу?

— Очень просто, командир, — он всегда называл этим титулом Сердара, — очень просто. Вы должны помнить, что на ваше путешествие на Цейлон я всегда смотрел как на величайшее безумие, и никогда не одобрял его, простите меня за откровенность. И вот я сказал себе: так же верно, как дважды два четыре, что на их следы нападут и будут травить, как диких зверей.

— Так все действительно и случилось.

— Гм! Я был прав... а так как мне прекрасно известно топографическое расположение острова, то я сказал себе: смотри в оба, Шейх-Тоффель! Невозможно, чтобы друзья сели на шхуну в Манарском заливе. Им нет другого способа бежать, как скрыться в горах и джунглях на юге, где никто не осмелится их преследовать. Я и решил полавировать с южной стороны острова, надеясь мимоходом захватить вас.

— Что и случилось.

— И что доказывает, что я всегда прав. Не так ли, Барнет?

— Вы прямо-таки спасли нас, любезный капитан, — сказал Сердар. — Меня, признаться, мучили сомнения относительно

удачи нашего путешествия по северным деревням, которые населены сингалами, нашими смертельными врагами.

— Главное, чтобы вы были здоровы и невредимы. Теперь, когда мы снова все вместе, в какую сторону поворачивать «Диану»?

— Вы знаете... на Коромандельский берег. Мы едем в Пондишери.

Огонь был уже разведен, чтобы идти под парами, так как дул встречный ветер.

— Готовься! Вперед!... — крикнул Шейх-Тоффель. — Держи против ветра!

И «Диана», сделав оборот, отклонилась от первоначального курса, повернув против ветра, и на всех парах понеслась по направлению к индо-французскому городу.

Сердар готовился разыграть там великую партию, результатом которой в случае удачи должно было быть изгнание англичан из Индии и восстановление во всем его величии владычества Франции в этой стране. Голова его, само собой разумеется, была залогом этого предприятия, которое должно было закончиться похищением генерала Хейблока; но он ни минуты не задумывался над этим, к жизни его привязывали лишь те обязанности, которые он дал себе слово исполнить. Из всех спутников его только Нариндра и Рама были посвящены в тайну; он боялся, что Барнет может проболтаться, и решил сообщить ему об этом в самую последнюю минуту, когда ему придется исполнять предназначенную ему роль. Что касается Шейха-Тоффеля-Барбассона, то он не так давно знал этого провансальца, чтобы иметь возможность составить себе правильное суждение об его внутренних качествах. Он мог не устоять против сильного искушения быть озолоченным с головы до ног англичанами, и так как все участие его в этом деле ограничивалось только тем, что он согласно приказанию Сердара должен был крейсировать на «Диане» в водах Пондишери, то Сердар не находил нужным подвергать его бесполезному испытанию. Никогда не следует без особо серьезных причин ставить человека в затруднительное положение, заставляя его выбирать между совестью и золотом; в большинстве случаев совесть стушевывается...

Погода стояла великолепная; поверхность моря была гладкая, как зеркало; все показывало, что «Диана» будет в Пондишери на другой день вечером, перед заходом солнца.

VII

Франция в Индии и восстание сипаев. — План Сердара. — Распределение ролей. — На рейде в Пондишери. — Прием. — Комическое положение. — Узнали. — Страшная неудача. — Покушение на самоубийство. — Поддельная депеша. — Королевский отъезд.

ОСЛЕ ТОГО КАК ФРАНЦИЯ ВЛАДЕЛА положительно всем Деканом со всем его населением в восемьдесят миллионов человек, тогда как Англия не имела в Индии ни одного дюйма земли, у нее в настоящее время остались в этой стране, живущей еще подвигами Дюплекса, Лабурдонне, маркиза Бюсси, Лалли-

Толландаля, лишь второстепенные владения, которые греются на солнышке под отеческим покровительством ее знамени. Владения эти следующие: Пондишери и Карикал на Коромандельском берегу, Янам в Ориссе, Маэ на Малабарском берегу и несколько незначительных колоний в Бенгалии. Но по договору 1815 года французы не имеют права заниматься приготовлением опия, добычей соли и воздвигать укрепления в Пондишери; словом, французы живут во владениях у англичан, и дают им это чувствовать.

С самого начала великого восстания сипаев весь юг Индостана ждал с нетерпением сигнала Франции, чтобы примкнуть к этому восстанию; жители Пондишери поддерживали связи со всеми раджами, лишенными трона, и со всеми теми, кому англичане, назначив резидента, оставили лишь призрак власти. Все было готово. Губернатору достаточно было сказать одно-единственное слово: «Вперед!» — и все восемьдесят миллионов человек взялись бы за оружие с криком: «Да здравствует Франция!»

Полк морской пехоты, составлявший в то время гарнизон Пондишери, мог снабдить туземные войска достаточным количеством офицеров; офицеры высших чинов заняли места главнокомандующих, капитаны — бригадных генералов, поручики и подпоручики — полковников, прапорщики, командиры и все солдаты — капитанов. Не подумайте, что я повествую вам о вымышленном заговоре; он действительно существовал, если не удался, то по самым ничтожным причинам.

Но прошло семь месяцев со времени начала революции, а губернатор все еще не давал сигнала, ожидаемого с таким нетерпением. Де Рив-Нуармон, как звали губернатора, был человеком необыкновенной доброты и безупречной честности, но слабым, нерешительным. Он не мог своим авторитетом способствовать такому грандиозному плану, успех которого покрыл

бы его неуязвимой славой, а неудача привела бы к расстрелу. В делах подобного рода не ждут ничьей поддержки и одобрения, а довольствуются в случае удачи одним успехом задуманного плана.

Нет сомнения в том, что французский губернатор, ставший во главе восстания в Декане и прогнавший англичан из Индии в ту минуту, когда Англия, истощенная войной в Крыму, не была в состоянии собрать даже двух тысяч солдат для отсылки их в Индию, получил бы во Франции всеобщую поддержку за свою смелость; правительство последней вынуждено было бы подчиниться ему и не только простить его, но выразить ему свое одобрение, поддержать его... Но для этого надо было добиться успеха, и без разрешения — да что я говорю? — несмотря на строгое запрещение со стороны своего правительства очертя голову принять участие в общей смуте.

Не таков был де Рив-Нуармон, чтобы исполнить подобную роль, зато человек более энергичный ни минуты не задумался бы на его месте. А между тем внешне простой, но весьма важный по существу факт должен был указать ему, как следует поступить и каким образом в случае успеха отнесется к нему высшая инстанция.

Когда все раджи и другие влиятельные лица обратились к честному де Нуармону с просьбой разрешить им начать восстание от имени Франции, он немедленно сообщил об этом в Париж, прибавив от себя лично, что он был бы очень рад исполнить просьбу раджей и всех индусов, ибо Франции трудно будет найти другой более удобный случай, чтобы отомстить англичанам.

Всякое правительство, желающее избежать конфликта, отзывало бы обратно губернатора за выражение такого мнения и вынесло бы ему порицание. Но господина де Рив-Нуармона не отзывали и даже не высказали ему ни одного слова упрека. Все дело ограничилось официальным письмом, в котором его уведомили, что в данный момент не могут дать хода его просьбе ввиду мирных отношений между нациями, которые вместе проливали кровь в Крыму.

Человек энергичный истолковал бы на его месте значение этого письма следующим образом: «вы сделали нам официальный запрос, и мы отвечаем вам официально; но если вам удастся вернуть нам Индию без всякого вмешательства с нашей стороны, мы будем очень этому рады».

Но де Нуармон, повторяю, не был человеком энергичным; он буквально понял письмо и, не дав себе труда вникнуть в смысл, заключенный между строк, успокоился и бездействовал, не обращая внимания на мольбы французов Пондишери, которые ни-

как не могли понять, почему они не решаются взять обратно присвоенное себе англичанами. Эти обстоятельства послужили Сердару основой для его плана, который был задуман очень ловко и не удался только по чистой случайности.

Пора, однако, посвятить читателя в тот смелый проект, к исполнению которого наш герой должен приступить через несколько часов. Сердар не ошибся и понял истинный смысл письма, о котором мы говорили выше и о котором он узнал благодаря своим связям в городе.

Он понял, что в этом письме этом скрывается безмолвное одобрение и, уверенный в том, что де Нуармон не двинется с места, возымел смелую мысль заменить его на двадцать четыре часа и сделать то, на что не решался боязливый губернатор. С этой целью он сообщил обо всем бывшему консулу, своему корреспонденту в Париже, который в равной мере ненавидел англичан; тот пришел в неистовый восторг от блестящей идеи своего друга и немедленно прислал ему все необходимое для исполнения его плана. Благодаря своим связям в морском министерстве ему удалось похитить один из бланков с напечатанным текстом и печатями из пергамента и воска; ему оставалось только поставить имя лица, на чье имя дан этот документ, и заполнить пропущенные места. Получив этот официальный документ, где стояло вымышленное имя, Сердар мог приступить к своей роли, для чего требовалась смелость, а в последней у него недостатка не было. Он заказал у хорошего мусульманского портного два французских генеральских мундира: один мундир дивизионного генерала для себя и мундир генерала артиллерийской бригады для Барнета, который должен был исполнять роль его адъютанта.

Теперь вы сами видите, какое значение имело для Сердара его путешествие на Цейлон, где он должен был получить все необходимое для исполнения своей роли, привезенное на французском пакетботе и присланное на имя Рамы-Модели. Другого пути в Индию у него не было. Англичане держали в своих руках все приморские порты, а со времени восстания все письма, присылаемые на Индостанский полуостров и адресованные не на имя англичан, распечатывались по приказанию вице-короля Калькутты прежде, чем достигали своего назначения. Так же обстояло дело и в Пондишери; достаточно было малейшей осторожности, чтобы провалить задуманный заговор.

У Сердара сильно билось сердце в тот вечер, когда «Диана» вступала в воды Пондишери. Он приказал Барбассону бросить якорь позади Колеронской отмели, где он хотел провести ночь, чтобы затем выйти на берег при полном свете дня и благодаря

энтузиазму, который неминуемо вызовет его приезд среди туземного и французского населения, избежать слишком тщательного осмотра привезенных им с собой вещей.

Еще несколько дней тому назад он дал знать через доверенных лазутчиков всем раджам на юге, чтобы они явились в Пондшери к назначенному им числу; он дал им понять, что к этому времени из Франции будут получены очень важные известия, которые должны изменить весь ход событий и повернуть их навстречу желаниям индусов. В самую последнюю минуту Сердар задумался над тем, хорошо ли он поступает относительно Шейх-Тоффеля-Барбассона, оставляя его в полном неведении о предстоящих событиях, и не оттолкнет ли он этим его от себя. К тому же в данный момент нечего было опасаться измены. Даже в том случае, если капитан «Дианы» способен был продать тайну англичанам, он не успел бы еще подумать об этом, а следовательно, и привести в исполнение.

Мы считаем нужным, однако, сказать, что знаменитый представитель ветви Барбассон-Данеанов не был способен на такую подлость: он имел все качества и все недостатки своих земляков, но никогда не согласился бы съесть кусок хлеба, добытый изменой, и в той же мере любил свое отечество, как ненавидел англичан. Поведение его во время описанного выше происшествия служит достаточным доказательством, что на него всегда и во всем можно было положиться.

Когда наступила ночь и кончился обед, Сердар просил его остаться с ним, так как он имеет нечто очень важное сообщить ему.

— Минуточку для небольшой ревизии, командир! — отвечал Барбассон. — Ночь уже наступила, и мне необходимо лично самому убедиться, зажжены ли сигнальные огни во избежание столкновения с другими судами. Я очень мало доверяю своим негодьям: у них, как у бешеных лошадей, всегда надо крепко держать вожжи.

Своими негодьями Барбассон называл экипаж шхуны, состоящий из пятнадцати человек разных национальностей; суровый моряк управлял ими с помощью пучка веревок, памятуя принципы воспитания, насажденные Барбассоном-отцом. Экипаж «Дианы» представлял собой сборище пиратов и самых отчаянных мошенников, взятых с берегов Аравии: здесь были арабы, негры из Массауа, малайцы с острова Явы, два или три малабарца и один китаец — настоящие висельники, с которыми он расправлялся с помощью кулаков за малейшую провинность, говоря, что «так следует!»

Оба машиниста, истые американцы, когда не находились на службе, всегда были пьяны.

Все на подбор, как видите. Барбассон не считал нужным иметь помощника, говоря, что при свойственной ему горячности никогда не поладит с ним.

Он обошел палубу, изрыгая проклятия и ругаясь напропалую, что составляло у него непрменный ритуал, особенно после обеда, — он утверждал, что это помогает пищеварению, — и, раздав направо и налево достаточное количество ударов ногой и кулаком, объявил, что он доволен состоянием шхуны, после чего сошел вниз, чтобы присоединиться к Сердару.

— Командир, я к вашим услугам. Три сторожевых огня горят блистательно, машина отдыхает, но стоит под парами на всякий случай. Один только американец пьян и на всем мостике нет ни одного кусочка троса... образцовое судно, право!

Он налил себе большой стакан коньяку и сел. Индусы сидели по своему обычаю на циновках, постланных на полу, а Барнет глубокомысленно занимался приготовлением грога из рома, который он предпочитал всем другим напиткам. Перед Сердаром стоял стакан чистой воды; он никогда не пил ничего кроме этого.

Находясь в каком-либо обществе, обратите внимание на человека, пьющего воду: это всегда знак превосходства. Потребители алкоголя не потому пьют его, что он приятно раздражает их вкус, — некоторым вода нравится не меньше других напитков — они просто стремятся к возбуждению своего мозга, что ускоряет его работу и дает их духовной жизни такой подъем, какого она не достигла бы без него. Потребитель воды не нуждается в возбудителях, мозг его работает сам по себе. Наполеон пил только подкрашенную воду, Бисмарк же пил, как ландскнехт. Первый был великим человеком и не нуждался в возбудителях для работы своей всеобъемлющей мысли; второму необходим был алкоголь для пробуждения своих умственных способностей.

Потребитель алкоголя часто бывает только пьяницей, потребитель воды почти всегда представляет собой значительную личность.

Когда Сердар кончил изложение своего плана с той горячностью и жаром, которая характеризовала все его поступки, капитан «Дианы» стукнул изо всей силы по столу и произнес свою любимую семейную поговорку:

— Клянусь бородой Барбассонов! Как говорил мой почтенный отец, вот идея, достойная Цезаря, который, как вам известно, был почти провансальцем!.. Провели на этот раз англичан! Ага, мошенники! Отберем теперь сразу у них все денежки, украденные у нас. Ах, командир! — продолжал он, все более и более

разгорячаясь, — позвольте мне поцеловать вас. Клянусь честью, я никого еще не целовал под наплывом такого энтузиазма.

И Барбассон-Шейх-Тоффель бросился обнимать Сердара, который весьма благосклонно отнесся к этому выражению чисто южного восторга.

— Я был несправедливо к нему, — думал он, обнимая провансальца.

Барнет был также в восторге, но держал себя сосредоточенно; чем больше он бывал возбужден, тем меньше говорил. В голове генерала мысли всегда находились в хаотичном движении; теперь они с такой быстротой следовали друг за другом, что он не в состоянии был ухватить ни одной из них.

— Слушайте теперь внимательно, господа, — сказал Сердар, — мне необходимо распределить ваши роли. Завтра мы оставим нашу стоянку в десять часов утра. Вы, Шейх-Тоффель, проведете шхуну к Пондишери, чтобы она стояла напротив города и по возможности ближе к берегу, туда, где открытый рейд. Затем с помощью различных цветов на вымпеле вы дадите следующий сигнал:

«Новый губернатор Пондишери, прибывший вместе с артиллерийским генералом».

Затем мы подождем, чтобы узнать, какой эффект это произведет. По общепринятому правилу губернатор должен явиться с приветственным визитом к своему преемнику; мы увидим тогда, будет ли иметь успех эта комедия. Все заставляет меня думать, что успех будет на моей стороне и что двадцать четыре часа спустя вся французская территория и весь Декан восстанут. Мы с Барнетом отправимся для организации индусских армий, одну из которых отправим в Калькутту, а другую в Мадрас; тем временем Бомбей мы поручим полковнику, командующему французскими войсками в Пондишери, и назначим его генералом. «Диана» же сегодня вечером снимется с якоря, чтобы отвезти господина де Рив-Нуармона со всей его семьей в Пуант-де-Галль, где он займет место на китайском пакетботе, который отправляется в Суэц, и прибудет в Цейлон дня через три. Исполнив это важное поручение, вы вернетесь обратно, Барбассон, чтобы принять командование над Пондишери, которое я передам вам на время нашего отсутствия. Что касается тебя, мой милый Барнет, не забывай, что для полного успеха нашего плана ты не должен произносить ни единого слова перед французскими властями, ибо твой ужасный американский акцент немедленно возбудит у них подозрение, а от подозрения до уверенности всего только один шаг.

— Не бойтесь, командир, генерал не будет говорить; я буду подле него и даю честное слово Барбассона, что заставлю его проглотить даже свой язык. Если ему предложат какой-нибудь вопрос, я скажу, что он оглох при взятии Севастополя и буду отвечать за него.

— Мысль недурна... к тому же принудительная мера, которой подвергнется наш друг, будет непродолжительна. Что касается наших друзей индусов, то мы нарядим их в богатые костюмы, которыми я уже снабдил их, и выдадим их перед населением Пондишери за богатых навабов с Малабарского берега, севших к нам в Цейлоне вместо почетной свиты. Наш приезд на этой шхуне легко объяснить: по независящим от нас обстоятельствам мы пропустили отъезд французского пакетбота и сели на английское судно из Индокитая, а так из-за этого нам пришлось бы недели три ждать возвращения «Эриманты», отправившейся сюда по делам службы, мы воспользовались шхуной капитана Барбассона, который случайно находился в Пуант-де-Галле. Я, кажется, ничего не упустил из виду, и мы можем отправиться на отдых, чтобы завтра быть бодрыми и прилично сыграть эту важную и сложную партию.

После этих слов все разошлись, но Сердар, говоривший об отдыхе только для других, взошел на мостик и, облокотившись на планшир, долго стоял в задумчивости... Накануне битвы он не мог спать.

На следующий день все его предписания были исполнены буквально. В десять часов утра «Диана» снялась с якоря и двинулась вперед; в одиннадцать часов она была на рейде в Пондишери, где остановилась и, сделав выстрел, из пушки, выкинула французский флаг. Затем она произвела салют в одиннадцать выстрелов, которые привели в волнение все население города. Кого приветствовали с таким почетом? После одиннадцатого выстрела — Барбассон позаботился о том, чтобы салют длился несколько минут, — весь город был уже на Шаброльской набережной, с тревогой ожидая выяснения этой тайны.

И вот на большой мачте показался вымпел с разноцветными рисунками, которые должны были означать фразу, сказанную Барбассону накануне Сердаром: «Новый губернатор Пондишери... и т.д.».

Еще не был поднят последний вымпел, заканчивающий фразу, как капитан порта, которого все узнали по костюму, — «Диана» находилась всего в трехстах метрах от берега — пустился бежать ко дворцу губернатора.

Толпа увеличивалась с минуты на минуту с такой быстротой, что абсолютно негде было повернуться; среди европейцев нахо-

дились и туземцы в пестрых костюмах, из которых одни блестели золотом и серебром, другие сверкали на солнце бриллиантами и разноцветными драгоценными камнями.

Не прошло и четверти часа, как показался губернатор в парадном мундире и в карете, запряженной парой лошадей, в сопровождении адъютантов, военного комиссара и генерального прокурора. Сойдя на землю, все они заняли места в *шеллинге*, большой шлюпке губернатора с двадцатью гребцами. Вслед за этим загремела единственная в порте пушка, служившая для разных сигналов, возвращая салют в одиннадцать выстрелов, которые были сделаны шхуной в честь губернатора де Рив-Нуармона. Судно без всяких затруднений вышло из порта; погода была прекрасная, и море было так же спокойно и лазурно, как и небо, которое отражалось в нем.

Сердар в мундире генерала, сопровождаемый Барнетом, который гордо выступал в своем новом одеянии, стоял почти у самого входа на борт в ожидании визита своего предшественника. Между тем *шеллинг*, искусно управляемая гребцами *макуа*, быстро неслась по воде, и не прошло еще и пяти минут, как она уже пристала к лестнице, спущенной с борта «Дианы». Господин де Нуармон легко и быстро поднялся по ее ступенькам, а за ним вся его свита. Сердар ждал его, спустившись на несколько ступенек. Оба пожали друг другу руку.

— Де Лавуенан, дивизионный генерал. Прошу извинить, что представляюсь сам, — сказал Сердар, — но вы не дали мне времени послать вам визитную карточку.

— Очень рады видеть вас, любезный генерал. Я поспешил позвать вам руку и вместе с тем заверить вас, что я с большим удовольствием встречаю ваш приезд в Пондишери на мое место. Я ждал нового назначения; последняя почта, полученная мной пять-шесть дней тому назад, уже дала это почувствовать; и все же, повторяю, я очень рад. Положение мое становится здесь очень трудным, и я каждую минуту опасаюсь, как бы не свершилось что-нибудь безрассудное и непоправимое.

— Мне все это прекрасно известно; министр очень долго беседовал со мной. Положение ваше очень щекотливое, и там думают, что военный человек скорее сумеет успокоить нетерпеливых.

Они вошли в гостиную и продолжали разговаривать, оставив свиту на палубе.

— Вполне разделяю ваше мнение, любезный генерал, и министерство, если оно действительно хотело сделать огласку неизбежной, ничего лучше не могло придумать, чем назначить на мое место военного человека. Все подумают, как и я, что этим оно хочет поощрить восстание в Декане. Но у вас, разумеется, есть

тайные инструкции, и вы должны лучше меня знать, как поступить.

— Мне нечего скрывать от вас, мой любезный губернатор, — отвечал Сердар, решив вдруг сразу нанести удар. — Когда я говорил об успокоении нетерпеливых, я подразумевал удовлетворение того, о чем они просят: мне приказано сегодня же разослать прокламации, призывающие к оружию весь юг Индии.

— Но ведь это война с Англией!

— Правительство решилось на это. Вы сами говорите в вашем последнем донесении, которое я прочел целиком, что мы никогда больше не найдем такого удобного случая, чтобы снова завоевать в Индии положение, которое мы потеряли из-за вероломства Англии. Эта смелая попытка должна увенчаться успехом, потому что на нашей стороне все раджи, лишённые трона.

— На вас возложена прекрасная миссия, и можете быть вполне уверены, я без малейшей зависти смотрю на нее. Я человек не военный, и мне не могли поручить такое важное предприятие; я сейчас же немедленно передам вам свои полномочия и уеду отсюда. Раз война объявлена, английские крейсера тотчас же примутся преследовать наши пакетботы, и тогда нелегко будет вернуться во Францию. Французский пароход из Индокитая прибудет в Пуант-де-Галль дня через два, но я уеду сегодня же вечером, если только меня с семьей примут на шхуну, на которой вы приехали. Событие это не так скоро станет всем известным, а дней через десять мы будем в Красном море и без всяких затруднений прибудем в Египет. Тогда, если я даже проеду через Сирию, я уверен, что вернусь во Францию, не попав в руки англичан.

— Могу заверить вас, что хозяин этой шхуны будет счастлив предложить вам свои услуги.

— Поспешим же на берег, генерал! Ваше сообщение так важно, что мне нельзя терять ни минуты, если я не желаю оставаться в Пондишери в роли частного лица все время, пока будет длиться война Франции с Англией, а я должен признаться вам, что мое здоровье, пошатнувшееся от здешнего климата, требует воздуха родины.

В то время, как этот разговор происходил в гостиной, на палубе разыгрывалась презабавная сцена. Военный комиссар, считавший, что долг вежливости требует от него вступить в разговор с артиллерийским генералом из свиты нового губернатора, подошел к Барнету, который в своем застегнутом на все пуговицы и затянутом мундире походил на бульдога из-за своей короткой шеи и крупной головы, и спросил его:

— А что, генерал, вы очень страдали от морской болезни?

— Гм! Гм! — отвечал Барнет, хорошо помнивший, что ему сказал Сердар.

Но Барбассон, бывший настороже, быстро приблизился к военному комиссару и обратился к нему, стараясь говорить как можно более вежливо:

— Э... видите ли, вы можете из пушек стрелять вокруг него, он ничего не услышит, потому что глух, как котел.

Молодые офицеры и адъютанты, стоявших на палубе, с трудом удерживались от смеха; не имея, однако, никакого желания следовать за губернатором в отставку и заметив, кроме того, что незнакомый генерал как будто недоволен, они успели кое-как овладеть собой. Возвращение обоих губернаторов на палубу окончательно избавило офицеров от пытки смотреть на Барнета, который бешено вращал глазами, желая придать себе важный вид перед лицом подчиненных, вынужденных из уважения к нему стоять неподвижно на своем месте. Обратный переезд к берегу совершился так же легко, и шествие направилось к дворцу губернатора, где тотчас же начался официальный прием, так как новый губернатор объявил, что не чувствует никакой усталости.

Депутация всех раджей юга явилась поздравить его с приездом и заявить о своей преданности Франции.

— Принимаю ваши поздравления как представитель своей страны, — твердым голосом отвечал Сердар, — мне скоро придется обратиться не только к вашей преданности, но и к вашему мужеству: наступает время освобождения всей Индии.

При этих словах трепет пробежал по телу присутствующих и из их груди вырвались громкие, продолжительные крики: «Да здравствует Франция! Да здравствует губернатор!»

— Смерть англичанам! — крикнул один из офицеров туземного отряда телохранителей при дворце.

Казалось, будто все только и ждали этого сигнала, ибо крик этот, повторенный несколько раз со страшным взрывом энтузиазма, слышали снаружи, и в ту же минуту десять тысяч человек на площади, на улицах, даже на набережной подхватили: «Смерть англичанам!» И по всему городу с быстротой молнии разнеслась весть, что война объявлена.

Минута, действительно полная величия! Присутствующие на приеме раджи и офицеры обнажили свои шпаги и, потрясая ими перед обоими губернаторами, клялись умереть за независимость Индии и славу отечества. Сердце в груди Сердара билось так, что, казалось, готово было разорваться на части. Наконец наступил тот момент, которого он так жаждал в течение долгих дней: план его удался благодаря его смелости, в руках его были Пондишери

и полк морской пехоты, командиры которого во главе с полковником Лурдоне только что представились ему... им овладело такое сильное волнение в этот торжественный час, что он едва не упал в обморок; перед ним, как во сне, быстро мелькнуло трехцветное знамя Франции, за которое он раз двадцать уже жертвовал своей жизнью... И это знамя победоносно развевалось над всем Индостаном. Он один отомстил за всех героев, ставших жертвой английского золота, от Дюплекса до Лалли, часть ко-

торых умерла в Бастилии, а часть на эшафоте только за то, что они слишком любили свое отечество.

Увы! Бедный Сердар! Торжество его было непродолжительно; он не заметил, что в ту минуту, когда ему представили полковника Лурдоне, последний не мог сдержать выражение сильного удивления, которое еще больше возросло, когда глаза его обратились на Барнета, одетого в мундир артиллерийского покроя.

По окончании представления полковник немедленно удалился на огромную веранду дворца, чтобы там на свободе подумать о том, что он видел, и о том, что повелевал ему свершить долга чести. Дело в том, что он всего пять дней тому назад приехал из Франции на пакетботе «Эриманта» и был в Пуант-де-Галле, когда пароход останавливался там в день осуждения и побега Сердара и его товарищей. Он слышал рассказы о подвигах Сердара и почувствовал необычайное влечение к этой легендарной личности, а потому поспешил на берег, чтобы видеть его, желая втайне способствовать его побегу, если бы для этого представился благоприятный случай.

Ему удалось попасть на то место, мимо которого Сердар, Барнет и Нариндра шли на смертную казнь, и это дало ему возможность вполне рассмотреть их... Можете вообразить себе его удивление, когда он очутился перед героем восстания в Индии, одетым в мундир французского генерала и играющим роль нового губернатора Пондишери. Сначала он подумал, что это один из тех странных случаев сходства, которые встречаются иногда и весьма возможны; когда же вслед за этим он узнал Барнета, а затем и Нариндру, сомнения его окончательно рассеялись.

Полковник сразу понял, какие патриотические побуждения заставили этих людей прибегнуть к такому способу действий, но он чувствовал, что не вправе потворствовать этой аванюре. Он вполне разумно рассуждал, что эти люди не имеют права бросать Францию на тот путь, к которому правительство ее не подготовилось, а потому ввиду тех непредвиденных осложнений, которые подобное событие должно было вызвать во всей Европе, он, французский полковник, не имеет права не выполнить того, чего требуют от него честь и долг его службы.

Он решил действовать спокойно и без всякого скандала; он знал, что полк никому не будет повиноваться кроме него и у него будет еще время действовать, когда это окажется необходимым.

В эту минуту Барнет, совсем задыхавшийся в своем мундире, вышел на веранду, чтобы подышать на свободе. Полковник поспешил воспользоваться этим случаем, чтобы рассеять свои со-

мнения и прибавить последнее доказательство к тем, которые он уже имел. Он подошел к Барнету и сказал ему:

— Что, любезный генерал, видимо, в гостиных очень гостиных?

Барнет смутился; ему так хотелось ответить, поговорить о чем-нибудь, ибо невольное безмолвие угнетало его; но в то же время он понимал, что дьявольский акцент его совсем неприличен для французского генерала, а потому, вспомнив придуманный Барбассоном предлог, он кивнул и показал полковнику на свои уши, желая этим дать понять, что он не слышит. Но Лурдоне не так-то легко поверил этому и продолжал, смеясь:

— Держу пари, генерал, что несмотря на страшную жару здесь, вам было, пожалуй, еще жарче в тот день, когда в Пуант-де-Галле вы с веревкой на шее и в сопровождении ваших товарищей шли на виселицу.

Услышав эти слова, Барнет едва не упал от апоплексического удара и в течение нескольких секунд не мог произнести ни слова; ничего нет удивительного, если на этот раз у него все пересохло в горле и язык отказывался служить ему. Когда наконец он мало-помалу почувствовал себя в силах говорить, он отвечал:

— Что вы хотите сказать, полковник?... Повешена... веревка на шее... я не понимаю.

— Полноте! Вот и глухота ваша прошла, и мне кажется, что мы сейчас поймем друг друга. Я стоял подле того места, где вели на казнь вас, Сердара и еще одного туземца; я узнал всех вас троих, и вы понимаете, конечно, что с одной стороны вы не можете разуверить меня, а с другой стороны я не имею права позволить вам разыграть эту комедию до конца.

— Неужели вы думаете, черт возьми, что она очень забавляет меня!

— Хорошо, по крайней мере, что вы не желаете унижаться до лжи.

— Я во сто раз больше предпочитаю свой охотничий костюм этой шерстяной кирасе, в которой я задыхаюсь, а так как вы угадали нашу тайну, то я сейчас же предупрежу об этом своего, друга и мы не будем долго надоедать вам своим обществом... Вам лучше было бы молчать; во всяком случае, вы таким способом возвратили бы Индию Франции и при этом вас никто не обвинил бы в обмане.

— Вы, быть может, правы, но мне, видите ли, придется идти во главе своего полка, а это налагает на меня ответственность и не позволяет поэтому молчать. Идите и скажите вашему другу — я сам не хочу его видеть, так как питаю слишком большое

уважение к его характеру и героическому поведению в Индии с самых первых дней революции и не в силах одним ударом разбить хладнокровно все его иллюзии — скажите, что я даю ему до вечера десять часов времени, чтобы удалиться с французской территории, и что по истечении этого срока я расскажу губернатору о комедии, жертвой которой он едва не сделался... До свидания! Это мое последнее слово, но не забудьте засвидетельствовать ему мое уважение.

Барнет вырвал листок из записной книжки и написал на нем несколько слов:

Найди какой-нибудь предлог, чтобы поскорее закончить эту бесполезную комедию... все открыто... приходи ко мне, ты все узнаешь.

Пять минут спустя испуганный Сердар прибежал к своему другу:

— Что случилось? — спросил он.

— А случилось то, что полковник морской пехоты, которого тебе представили, был в Пуант-де-Галле в день нашего побега и узнал всех нас троих.

— Роковая случайность!

— Видишь ли, у одного человека может встретиться двойник, но у троих сразу — это уж слишком.

— Ты не пытался отрицать этого?

— Отрицать! Ты, кажется, с ума сошел. Тебе следовало оставить на шхуне меня и Нариндру и твое дело пошло бы, как по маслу. Но все мы трое здесь, а пять дней тому назад нас видели вместе и при таких обстоятельствах, когда лицо человека легко запоминается!..

— Послушай, Барнет, я решился на все. Потерпеть крушение у самой цели, когда все предвещало успех, это невозможно, я теряю голову! Все здесь верят моему назначению... Я прикажу арестовать полковника, ссылаясь на тайное предписание, и...

— Полно! Ты не только теряешь голову, ты ее уже потерял... Кто же исполнит твое приказание?

— Правда твоя, — сказал Сердар с отчаянием, — но видеть, как рушатся мечты о мести и славе отечества!.. О, Барнет! Я проклят судьбой и не знаю, что удерживает меня от того, чтобы не покончить сейчас же с жизнью...

Сердар схватил револьвер и рука его поднялась... Поднялась к голове. Барнет вскрикнул, бросился к нему и вырвал у него из рук смертоносное оружие: минута промедления — и Сердар перестал бы существовать.

— Что нам делать теперь? Как выйти из этого положения, не сделавшись предметом насмешек?

— Хочешь выслушать совет?

— Умоляю тебя.

— Полковник принадлежит к числу твоих поклонников и только долг мешает ему принять участие в этом заговоре; но он дает тебе возможность выпутаться из него с честью и срок в десять часов для устройства наших дел. Знаешь, что ты должен сделать? Продолжай играть роль губернатора, а вечером мы тихо и незаметно скроемся отсюда, а я предупрежу Шейх-Тоффеля, чтобы он держал «Диану» под парами.

— Пусть так, раз это нужно! Пошли ко мне Раму и Нариндру, мне необходимо поговорить с ними прежде, чем я выйду в приемный зал.

Барнет отправился исполнить поручение друга.

Сердар остался один и в ту же минуту на веранду вышел полковник Лурдоне с листком голубой бумаги в руке.

— Я не хотел сначала видеть вас, — сказал он Сердару, — но нашел средство выручить вас из смешного положения. Вот оно.

И он подал листок Сердару. Последний колебался сначала, но кончил тем, что взял его; крупные капли слез покатались у него из глаз. Растроганный полковник протянул ему руку, и Сердар, судорожно пожимая ее, сказал ему:

— Я ничего не имею против вас, я хорошо понимаю требования военной службы...

И с подавленным вздохом он продолжал:

— И я поступил бы, как вы... прощайте!

— Прощайте и всякого вам успеха! — отвечал полковник, уходя с веранды.

Сердар развернул бумагу, которую тот передал ему. Это была поддельная депеша, написанная печатными буквами и на настоящем телеграфном бланке. Полковник воспользовался для этого телеграфным походным аппаратом.

Депеша гласила:

Серьезные осложнения в Европе, передайте управление обратно губернатору де Рив-Нуармону, возвращающемуся в Европу.

Это действительно избавляло Сердара от насмешек. Когда Нариндра и Рама вышли на веранду вместе с Барнетом, он сейчас же сообщил им содержание депешы и сказал:

— Мы едем через два часа.

Затем он приказал Раме немедленно отправиться к своему брату Шива-Томби-Модели и тотчас же привести его на шхуну вместе с Эдуардом и Мэри, которых он проводил сюда.

Влетев затем, как бомба, в приемный зал, он протянул депешу губернатору:

— Прочтите, пожалуйста, — сказал он, — меня зовут обратно во Францию, а вы остаетесь в Пондишери. События так же непостоянны, как ветер и волны; я сохраню вечное воспоминание о вашей любезности и величии вашего характера... позвольте же мне проститься с вами...

В Пондишери до сих пор еще уверены в том, что французское правительство готовилось уже объявить войну Англии во время восстания сипаев и только интриги и золото Англии были виной тому, что оно отозвало два часа спустя после приезда генералов, которые по распоряжению министра должны были стать во главе франко-индийской армии.

Незадолго до захода солнца Сердара вместе с Барнетом проводили на борт с торжеством все власти Пондишери во главе с губернатором. На Шаброльской набережной был выстроен в боевом порядке весь полк морской пехоты. Когда показался Сердар, полковник отдал приказ играть походный марш и салютовать оружием.

Когда Сердар и его друг поравнялись со знаменем, полковник приказал приветствовать его склонением знамени. Видя, что оба задыхаются от волнения, честный полковник проговорил тихо, но так, чтобы они слышали:

— Да здравствует Сердар!

Спустя несколько минут «Диана» неслась на всех парах к острову Цейлону.

VIII

Потерянные надежды. — Отъезд в Хардвар-Сикри.

— Воспоминания детства. — Английская эскадра. —

Преследование. — Подвиги «Дианы». — Ко дну.

АДЕЖДА ПРИВЛЕЧЬ ВЕСЬ ЮГ К ВОССТАНИЮ была навсегда потеряна для Сердара. Раджи, более простого народа понимавшие истинную силу европейских государств, знали, что Англия готова будет идти на самые неслыханные жертвы, чтобы подавить восстание.

Неуверенные в его успехе и опасаясь в таком случае всевозможных репрессий, они объявили, что согласны восстать только во имя Франции, и то с ее согласия, и Сердар

знал, что они сдержат свое слово. С горечью в душе решил он поэтому отказаться от всех своих грандиозных планов в Декане и заняться одним только спасением несчастного Кемпбелла; Хардвар-Сикри был накануне сдачи, и если бы ему удалось вырвать мужа Дианы из рук людей, поклявшихся убить его, этот успех вознаграждал бы его за неудачу в Пондишери.

Но сколько затруднений придется преодолеть для достижения результата! Удрученный гибелью самых дорогих ему иллюзий, он чувствовал необходимость по возвращении на борт увидеться с молодым Эдуардом, которого он полюбил с истинно отцовской нежностью; один вид этого юноши делал его моложе на двадцать лет благодаря воспоминаниям, относившимся к самому счастливому периоду его жизни. Но еще большее потрясение он испытал, когда увидел его сестру, прелестную Мэри. Он остановился, как громом пораженный и даже потерял на минуту способность говорить. Никогда еще природа не передавала такого разительного сходства от матери к дочери: это были те же самые черты лица, те же ласковые глаза, в которых отражалась вся девственная чистота ее души, то же ясное и приветливое выражение лица, те же прелестные очертания рта, те же мягкие и волнистые волосы такого же красивого цвета, как и у белокурой красавицы венецианских художников.

А когда прелестное дитя обратилось к нему — и тот же голос возник в его воспоминании — умоляя его со слезами спасти отца, он от всего сердца отвечал:

— Клянусь, что ваш отец будет жив, хотя бы для этого мне пришлось поджечь Индию со всех четырех концов.

Затем он напомнил им, чтобы они совершенно забыли здесь фамилию Кемпбелла, которая вызовет осложнение при исполнении данной им клятвы.

— Если, по несчастью, — сказал он им, — здесь на борту узнают, что вы дети коменданта Хардвар-Сикри, я не буду в силах защитить вас, несмотря на то, что я здесь хозяин; сохраните же за собой до новых распоряжений имя вашей матери. Я уверен, что оно принесет вам счастье, — добавил он с нежной улыбкой.

Крепость Хардвар находилась на равнинах Верхней Бенгалии на берегу реки Ганг, у выхода ее из верхних долин Гималаев. Ее трудно было бы взять, потому что она подобно орлиному гнезду была построена на вершине скалы, но гарнизон ее, не ожидавший восстания, был так быстро захвачен врасплох армией Нана-Сахиба, что не успел сделать необходимого запаса провизии, которой у него оставалось всего только на три месяца, тогда как осада длилась уже четыре месяца. Правда, все тотчас

же согласились на половинную порцию, но тем не менее никто не верил, чтобы несчастные выдержали даже пятый месяц осады. Поэтому надо было спешить чтобы попасть туда вовремя.

В ту минуту, когда Коромандельский берег исчезал из виду, сливаясь с вечерним туманом, Барбассон постучался в дверь каюты, где Сердар сидел уже несколько часов.

— Командир, — сказал он, — вы забыли указать мне маршрут.

— Обогните остров Цейлон, избегая английской эскадры, которая здесь крейсирует, и держите затем путь на Гоа; это единственный порт, где мы можем высадиться... Сколько по-вашему, времени нужно «Диане», чтобы добраться до португальского порта?

— Если мы разведем все топки, то разовьем скорость в двадцать два узла и через пять дней будем в Гоа.

— Разводите все! — отвечал Сердар.

— Если ветер будет попутный и вы разрешите мне поднять паруса, то с парусами и паром мы выиграем целый день.

— Выигрывай день, выигрывай час... выигрывай все, что можешь... знай, что достаточно пяти минут промедления... чтобы произошло величайшее несчастье.

— Довольно, командир! «Диана» покажет вам сегодня, на что она способна.

В новом предприятии, задуманном Сердаром, у него не только не было союзников, но даже среди окружающих его людей он мог встретить врагов. Это повергло его в такое отчаяние, что он решил во всем открыться Нариндре. Последний если даже и откажется помочь ему в спасении человека, опозоренного во всем мире убийствами в Хардваре, не сделается во всяком случае его противником, а потом, кто знает? Привязанность и слепая преданность, какие маратх питал к Сердару, смягчат, быть может, ненависть к чужеземцу, и тогда он решится оказать Сердару помощь, незаменимую в этом случае.

В Сами он был уверен; юноша жил и дышал только своим господином, которого он почитал, как бога, а втроем спасение майора становилось возможным. Но чтобы привлечь Нариндру на свою сторону, необходимо было открыть ему всю свою прошлую жизнь, свои страдания, свои испытания, надо было сообщить ему о том несчастном событии, которое разбило всю его жизнь; он обязан был все сказать, чтобы индус мог понять причины, побуждающие его спасти майора, прав он или виноват.

Не зная, что предпринять, он долго ходил взад и вперед по своей гостиной, примыкающей к каюте, куда удалялся обычно, когда ему становилось грустно. Взвесив по зрелом размышлении все обстоятельства, которые обязывали его довериться маратху,

чтобы не остаться одному и не потерпеть неудачи в этом предприятии, он все еще не мог побороть своей нерешительности, своей стыдливости, когда на палубе послышался вдруг чей-то нежный и чистый голосок.

Это пела Мэри. Сердар остановился, взволнованный и дрожащий, и стал прислушиваться. Она пела старинный бургундский романс, трогательная мелодия которого так часто убаюкивала его в старинном замке Морвен, где он родился.

О, нежная сестра кустарников цветущих,
Боярышник чистейшей белизны,
Вдыхая аромат твоих цветов душистых,
Склоняюсь пред тобой... Мой трепет слышишь ты?

Мелодичный голос девушки разносился по морю среди ночной тишины, каплю за каплей вливая в душу Сердара волнующие воспоминания.

Последний звук замер уже давно, а Сердар все еще слушал. Этот голос был голосом Дианы, он рассеял его последние сомнения. Он подошел к колокольчику и позвонил... вошел слуга.

— Скажи Нариндре, что я прошу его сойти ко мне вниз.

Пять минут спустя тяжелая портьера, скрывавшая дверь, откинулась, и вошел маратх; приложив руку к сердцу, он склонил голову, как это делают обычно туземцы, приветствуя своих близких друзей.

— Сахиб желал меня видеть? — спросил он.

— Да, мой честный Нариндра! Ты нужен мне для выполнения одного из самых важных дел моей жизни... Садись и давай поговорим с тобой.

Маратх сел на циновке против своего друга. Долго, несколько часов подряд говорили они между собой, говорили тихо, хотя знали, что никто не услышит их, но в таких торжественных случаях голос действует заодно с мыслями, которые он передает...

Когда Нариндра вышел из каюты Сердара, его красные, сверкающие глаза показывали, что он был взволнован и плакал, а нужно было, я думаю, сильное волнение, чтобы заставить плакать сурового маратхского воина. Выходя, он судорожно пожал руку своему другу и сказал:

— Брат, будь уверен... мы его спасем!

Все крепко спали на борту «Дианы», кроме первой вахты. Барбассон-Шейх-Тоффель держал маленькое судно на военном положении, и араб, исполнявший обязанности старшего офицера, спокойно прохаживался по юту, когда часовой на мачте крикнул:

— Парус направо впереди!

Барбассон, спавший всегда только одним глазом в своей каюте на палубе, мгновенно соскочил с койки... но не успел он переступить порог двери, как послышался вторичный крик:

— Парус слева сзади!

— Клянусь бородой Барбассонов! — воскликнул капитан, — вот мы и влопались! Пари держу, что попали в самую середину английского флота.

— Парус слева впереди! — продолжал бесстрастный голос матроса.

Барбассон бросился на ют с биноклем в руке и принялся считать: один... два... три... четыре... пять.

А матрос продолжал снова:

— Парус направо позади!

— Пять... — говорил Барбассон, — пять... посмотрим! Будет наверное и шестой, надо пополнить полдюжины... Вот он и есть направо... из всех шести... он меньше других, это авизо... Он вместо шпиона у эскадры. Вот они, мои голубчики, всего шесть английских судов и мы посреди них. Чем не игра в шары! И все будут метить в нас. Пусть пятьсот девятнадцать дьяволов разорвут меня на части, если на этот раз все мы еще до следующего восхода солнца не будем болтаться на реях адмиральского судна... что вы скажете, генерал? — обратился Барбассон к своему другу Барнету, который случайно не спал и вышел на палубу подышать свежим воздухом.

— Тебе это лучше знать, чем мне, — отвечал Барнет, — профессия моряка единственная, которой я так мало занимался, что положительно не имею никаких сведений по науке мореплавания, чтобы в достаточной мере оценить шансы, которые дают нам возможность скрыться.

— Шансов никаких, дядюшка! — сказал капитан, — с теми разбойниками, из которых состоит наш экипаж, без документов, с Сердаром на борту дело наше ясно.

— Как! Без документов?

— О, нет! У нас есть разрешение султана маскатского, нашего, так сказать, патрона, но шхуна из Маската пахнет ведь пиратами, корсарами, невольничьим судном, всем чем хочешь, а потому лучше это разрешение не показывать нас только скорее повесят, и притом без всяких объяснений... Видишь, они еще не заметили нас, так как наши мачты ниже, чем у них, да и паруса у нас не распушены, а ночью наши мачты показались бы им спичками, даже и в их подзорные трубы... Они идут эскадрой в две линии, по направлению к Бенгальскому заливу... первые суда прошли мимо нас, не обратив на нас внимания, но скоро наступит день, и

тогда берегись!.. Надо будет показать наш флаг, а если у них мелькнет какое-нибудь сомнение, тотчас шлюпку в море и выстрел из пушки... это чтобы мы остановились — и с полдюжины этих английских омаров обыщут все у нас с палубы и до трюма... Ну, а там дальше дело наше ясно, говорю тебе, товарищ!

— Я американский гражданин и хотелось бы мне посмотреть...

— Ба-а! Американец ли, поляк, кохинхинец* — англичане на море смеются над всеми и знать никого не хотят... А что если разбудить Сердара, мой милый Барнет, дело-то стоит этого... Смотри туда! Вон первый луч солнца окрасил уже горизонт... минут через десять они насядут на нас.

Когда Сердар вышел на палубу, солнце начало уже показываться, и огненный диск его выплывал из-за волн. Английская эскадра заметила шхуну, сомкнула ряды и подняла флаг, приглашая этим авантюристов поднять и свой.

— Что делать? — спросил Барбассон.

— Ничего, — отвечал Сердар, всматриваясь вдаль.

— И скорее делу конец, — отвечал Барбассон, сопровождая свои слова громким хохотом.

Сердар продолжал всматриваться в море и тихо бормотал про себя:

— Они сами захотели этого, тем хуже для них... не я искал их.

Затем резким голосом добавил:

— Оставьте нас одних с капитаном. Все на нижнюю палубу!

Англичане, видя, что их приглашение остается без ответа, выстрелили из пушки холостым зарядом.

— Барбассон! — сказал Сердар с волнением, — я беру на себя командование судном... вы честный малый и умеете повиноваться так же, как и приказывать.

— Это большое облегчение для меня, я не знал, что делать.

— Мне некогда заниматься теперь объяснениями, каждая минута дорога. Достаточно сказать вам, что менее чем через полчаса не останется ни одной доски, ни одного кусочка паруса от этой великолепной эскадры.

Барбассон пристально взглянул на него и подумал, что он сошел с ума.

— Мне придется сразу передать вам свои приказания, — продолжал Сердар, — минуты через две нам нельзя будет сооб-

* К о х и н х и н а — название Южного Вьетнама в европейской литературе в период господства французских колонизаторов.

щаться с вами иначе, как по телеграфу, который находится в машинном отделении. Поклянитесь мне, что вы, каковы бы ни были мои приказания, исполните их буквально.

— Клянусь!

— Вы опустите все мачты таким образом, чтобы над водой оставался только корпус «Дианы», а он так хорошо обит броней, что устоит против ядер; эта операция производится за тридцать секунд при помощи некоего механизма.

Англичане послали из пушки ядро; оно перелетело через судно и упало в море.

— Начинается пляска.

— Поднимите черный флаг! — крикнул Сердар, мигом преобразившийся; глаза его сверкали мрачным огнем, движения сделались нервными и порывистыми.

— Если через десять минут мы не пойдем ко дну... — бормотал Барбассон. — Ба! Лучше погибнуть в море, чем быть повешенным. И черный флаг медленно поднялся в воздух.

Этот смелый вызов произвел страшное волнение среди английского флота, и все шесть судов, соединившись вместе, двинулись прямо к «Диане».

— Убрать мачты! — крикнул Сердар, волнение которого все усиливалось.

Приказание его было немедленно исполнено, и «Диана» приняла вид огромной черепахи, спящей на волнах.

— Сойдем вниз... закройте плотно все люки, чтобы никто не мог выйти наверх.

— Ладно! — подумал Барбассон, — он хочет утопить нас вместе с судном.

— Вот мой приказ: — продолжал Сердар с лихорадочным возбуждением, — становитесь у машины и всякий раз, когда я по телеграфу дам вам команду «Вперед!», держите курс, не уклоняясь никуда в сторону, прямо на адмиральский корабль, пока я не отдам другой приказ: «Назад! Стоп!», а затем и с другими судами проделайте то же самое, по рангу! Не трогайте только авизо... пусть несет в ближайший порт известие о гибели английской эскадры... Поняли?

— Как нельзя лучше, командир!

— Итак, к делу!

Барбассон на минуту задумался над тем, не лучше ли будет привязать Сердара к постели, как это делают с людьми, заболевшими горячкой, но ему, собственно говоря, было безразлично, как умирать, а потому он решил повиноваться. Он стал у телеграфа таким образом, чтобы рефлектор, находившийся над ним, давал

ему возможность следить за английским флотом. В ту же почти минуту появился сигнал: «Вперед!»

— Вперед!.. На всех парах! — крикнул Барбассон машинисту через рупор и затем с помощью руля, находившегося подле аппарата, направил шхуну на адмиральское судно. Ядра градом сыпались со всех сторон, но, не причиняя вреда «Диане», скользили по ее покрытой броней поверхности. Маленькое судно несло вперед с головокружительной быстротой, ни на один дюйм не уклоняясь в сторону, прямо на колосса, который по-видимому, ждал его приближения, бесстрашный в своем величии и могуществе.

«Диана» находилась всего в ста метрах от адмиральского судна, когда был дан сигнал: «Назад! Стоп!». Едва успел Барбассон передать это приказание машинисту, как раздался взрыв, равный залпу десяти батарей в крепости. Воздух всколыхнулся, а весь остов шхуны задрожал.

Барбассон закрыл инстинктивно глаза, а когда открыл их, адмиральского корабля уже больше не существовало. Описать волнение капитана просто невозможно. Сердар представился ему теперь сверхъестественным существом, которое по своему желанию управляет громом и молнией.

Но вот снова появился сигнал: «Вперед!» Барбассон повиновался, и шхуна на всех парах понеслась ко второму броненосцу, которого секунд через двадцать пять постигла та же судьба, что и первого.

Среди английских судов поднялся страшный переполох: никто не хотел подчиняться дисциплине, не хотел слушать приказаний контр-адмирала, принявшего на себя командование; суда бежали, как попало, стараясь скрыться от опасности, которая была тем ужаснее, что никому не была известна.

Напрасно, однако, спешили они искать спасение в бегстве; шхуна, превосходившая их своей быстротой, отправила ко дну и остальные три корабля английской эскадры. Когда же авизо как последнюю надежду на спасение поднял перевязанный флаг в знак того, что сдается, он увидел, что враг с презрением удаляется от него, как бы находя недостойным себя мериться с ним силами.

Повсюду на поверхность моря постепенно всплывало такое количество обломков, досок, кусков мачт, бочек, разбитых ящиков, что их можно было принять за остатки целого города, разрушенного наводнением.

Когда Сердар вышел из своей каюты, он был страшно бледен и едва держался на ногах, тогда как Барбассон, к которому мгновенно вернулась вся его самоуверенность, был в страшно

экзальтированном состоянии; он готов был петь и танцевать, если бы это было возможно, на этих человеческих останках.

— Они сами захотели этого, — говорил Сердар. — Бог мне свидетель, что я никогда не желал пользоваться этим ужасным оружием, и даю себе клятву, что уничтожу все принадлежности этого смертоносного механизма, как только спасу мужа Дианы. Человечество и без того уже имеет достаточное количество изобретательных орудий, зачем же еще давать и этот снаряд в руки убийц.

— Командир! Командир! — кричал Барбассон, который во что бы то ни стало хотел обнять Сердара. — Мы теперь владыки моря, мы можем завоевать всю Англию, если захотим.

Сердар поспешно вырвался из его объятий, говоря:

— Восстановите поскорее все снасти «Дианы», ветер крепнет, надо этим воспользоваться, чтобы наверстать потерянное время.

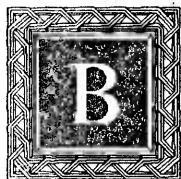
И он поспешил в каюту, чтобы уснокоить Эдуарда и Мэри, которые сидели, прижавшись друг к другу, и чуть не умирали от страха.

Две тысячи человек погибло во время этого ужасного приключения. Американский инженер был, таким образом, первым изобретателем торпеды, которая тридцать лет спустя произвела переворот в морском искусстве всего мира.

Дней через пять «Диана» прибыла в Гоа, и отряд авантюристов (к которым присоединились теперь Эдуард и Мэри) сидевших по распоряжению Сердара в хаудахе на спине Ауджали, двинулся форсированным шагом по направлению к Хардвар-Сикри.

IX

Осада Хардвар-Сикри. — Окруженные со всех сторон. — Майор Кемпбелл. — Все средства исчерпаны. — Надо сдаваться. — Похищение майора. — На рейде Бомбея. — Отъезд парохода. — Фредерик де Монморен. — Брат Дианы.

ОТ УЖЕ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ, КАК КРЕПОСТЬ Хардвар, защищаемая майором Лайонелом Кемпбеллом, который командовал батальоном в пятьсот шотландцев, выдерживала осаду двадцати тысяч сипаев, снаряженных полной амуницией и осадными пушками.

Управляемые старыми артиллеристами англо-индусской армии, пушки в течение шестидесяти дней пробивали бреши в укреплениях, забрасывая всю крепость бомбами и ядра-

ми. Осаждающие предприняли восемнадцать атак, которые были отражены и не дали никаких результатов кроме гибели нескольких тысяч людей.

Днем осажденные рыли казематы и рвы для своей защиты, а ночью заделывали бреши, пробитые пушками в укреплениях. Майор постоянно находился во главе работающих, ободряя их своим примером и поддерживая их мужество уверениями, что скоро к ним на помощь прибудет армия.

Майор знал, что помощь не придет, а если и придет, то лишь когда от крепости не останется и камня на камне и не будет в живых ни одного из ее защитников; надо было прежде всего снять осаду с Чинсуры и Лакхнау, взяты обратно Дели. Только после окончательного подавления можно было добраться до Хардвара, крайнего поста Англии на границах Бутана и верхних долин Гималаев, принадлежащих султану Куавера, который был на стороне восставших. Он знал также, что разные стратегические соображения и малочисленность войск, находившихся в распоряжении Англии, не позволяли ей послать для спасения крепости специальный отряд, который неминуемо потерял бы тысячи человек во время перехода. Майор не мог быть уверен, что ему удастся спасти пятьсот человек, находящихся под его началом; он был твердо убежден в том, что гарнизон Хардвара заранее принесен в жертву и предоставлен своей несчастной судьбе.

Какую же силу воли нужно было ему иметь, чтобы держаться в течение пяти месяцев, будучи при этом абсолютно убежденным в том, что все труды и старания его бесполезны! Можно с уверенностью сказать, что открой он всю истину своим подчиненным, эти грубые люди поступили бы совсем иначе. Они с первых же дней осады потребовали бы от него, чтобы он сдался с условием, что их всех оставят в живых; эту капитуляцию начальники туземцев подписали бы обеими руками, а затем, обезоружив весь гарнизон, предоставили бы своим солдатам внемщать на нем всю свою ярость.

Без героического молчания майора всех защитников Хардвара, включая коменданта и офицеров, давно бы уже не было в живых. Уже двадцать раз собирался этот воин-герой сделать отчаянную вылазку и искать смерти в битве, вместо того чтобы ждать целые месяцы с душевной мукой неизбежного конца и самых ужасных пыток, которым индусы не замедлили бы подвергнуть пленников; избиения, опозорившие гарнизон и принятые по распоряжению капитана Максвелла, не позволяли надеяться ни на малейшее смягчение ожидающей их участи.

Майор Кемпбелл, как вы уже, вероятно, поняли, не принимал никакого участия в этом гнусном и бесполезном деле. Он нахо-

дился в Дели в то время, когда город был взят бунтовщиками, и только благодаря быстроте и силе своей лошади удалось ему бежать и добраться до Хардвара. Когда он прибыл туда вечером, весь покрытый пылью и еле держась в седле — он сделал пятьдесят миль за восемнадцать часов — беспощадная бойня, устроенная по распоряжению капитана Максвелла, была уже окончена утром того же дня, а так как он сразу же, в соответствии со своим чином, принял командование крепостью, то на него взвалили ответственность за эту дикую расправу не только во всей Индии, но и в цивилизованных странах, где с единодушным отвращением и негодованием отнеслись к этому преступлению.

Свои силы бороться до конца майор черпал именно в том, что лишило бы всякого мужества его солдат. Считая себя обреченным на смерть, он хотел жить по возможности дольше, чтобы мысленно представлять себе образ жены и детей, которых он никогда больше не надеялся увидеть. Человек великой души и выдающихся способностей, он все свободное время, когда не бывал на траншеях, писал историю своей жизни в Хардваре, излагал свои мысли, свои заботы изо дня в день, из часа в час, говоря себе, что позже, когда время несколько смягчит горе, причиненное его смертью, жена его и дети, которых он любил больше самого себя, с нежным волнением прочтут все его сокровенные мысли, видя на каждой странице, в каждой строчке, как он любил их. Воспоминание о нем вместо того, чтобы слабеть, будет напротив все больше и больше крепнуть; пройдет много времени со дня его смерти, а милая его Диана и дети все еще будут разговаривать с ним, читая его рукопись и руководствуясь его мыслями и советами.

Кроме того, сопротивляясь с таким упорством, он все же, хотя и не сознавался в этом, хранил в душе смутную надежду, которая не покидает человека даже при самых отчаянных обстоятельствах, даже у подножия эшафота; а между тем им приходилось сдаваться, или погибать на поле битвы, несмотря на самопожертвование, с которым все делили между собой съестные припасы. Осада длилась уже пять месяцев, все припасы истощились; риса оставалось только на один раз, да при том и количество его, которое приходилось на долю каждого человека, могло утолить голод лишь на несколько минут: еще двадцать четыре часа — и все будет кончено. Благодаря перебежчикам-индусам, бывшим слугам офицеров, бежавшим один за другим из крепости, осаждающие все это знали прекрасно; вот почему они с некоторого времени, чтобы ускорить сдачу Хардвара, не давали покоя ни днем, ни ночью несчастным шотландцам, которые превратились

в настоящие скелеты и еле волочили ноги, отправляясь к укреплениям, чтобы отразить нападение осаждающих.

Стоило поэтому показаться коменданту, как отовсюду неслись крики: «Надо вступить в переговоры!»

Да, вступить в переговоры! Капитулировать! Других средств не оставалось больше. И несчастный майор, сидя в своем кабинете, подперев голову руками, думал о той ужасной участи, которая скоро ждет его, когда к нему явился капитан Максвелл и доложил, что из съестных припасов осталось всего только несколько мешков риса, по одной горсти на каждого человека.

— На этот раз все кончено, комендант, — сказал капитан, — мы вынуждены сдаться.

— Сдаться! Я только это и слышу кругом, но никто не говорит о вылазке и о том, чтобы с честью погибнуть в бою.

— Вы хотите вести трупы на врага, комендант? Люди не в силах больше держать оружие в руках, и вздумай более отважный враг серьезно атаковать крепость вместо того, чтобы забавляться ложными атаками, ему некого было бы арестовать.

— Это было бы лучше того, что нас ждет, потому что в пылу битвы индусы не оставляли бы своих жертв живыми и каждый мог бы умереть на своем посту... смертью солдата, сударь! В противном же случае, вы знаете, что нас ждет?... Медленная, постыдная смерть среди пыток, ужаса которых нельзя даже представить себе.

Капитан молчал, и майор продолжал с горечью:

— Мы могли бы еще рассчитывать на то, что нам и нашим солдатам даруют жизнь, не будь того неслыханного зверства с вашей стороны, которое делает несбыточной всякую надежду на более почетный компромисс...

— Но, комендант...

— Довольно, сударь, я знаю, что вы мне ответите: в ваших людей стреляли в деревне, некоторые из них пали смертельно раненные, а военные законы допускают в таких случаях всякие репрессии. Вы повторяли мне это раз двадцать, и я раз двадцать не уставал говорить вам, что если мы прощаем солдат, напавших на деревню, где они гибнут жертвой измены, то ничто не может извинить их командира, который забирает всех жителей, невзирая на пол и возраст, и на другой день приказывает артиллерийской батарее расстрелять их картечью... Вы опозорили ваш мундир, сударь, вы опозорили Англию.

— Сударь!

— Вы здесь на службе, сударь, не забывайте этого; вы должны звать меня комендантом и воздавать мне должное уважение; я имею еще достаточно силы и власти, чтобы напомнить вам об

этом... Да, сударь, я хотел сказать вам перед смертью: если весь гарнизон Хардвара будет уничтожен завтра, претерпев перед этим самые утонченные пытки, какие только может придумать человек, этим он будет обязан вам, одним вам... Я не удерживаю вас более...

— Офицеры, мои товарищи, поручили мне узнать ваши намерения; они не отвечают больше за своих людей, которые настоятельно требуют, чтобы прекратили их страдания.

— Передайте им, что я хочу пригласить их на совещание, пусть все соберутся через час.

— Должен предупредить вас, что этот проклятый француз, который наделал нам столько зла...

— Сердар?

— Он самый... находится в лагере индусов с сегодняшнего утра; как ни велика его ненависть ко всему, что носит английское имя, он все же человек нашей расы, европеец, и можно попытаться при его посредничестве добиться помилования для всего гарнизона.

— Если верны слухи о его жестокости, которую ему приписывают, то нам нечего рассчитывать на его поддержку... Опыт научил меня не доверять легендам, а потому я затрудняюсь определить, чему можно верить в сказках об этом авантюристе... Хорошо, сударь, я подумаю о ваших словах... через час... здесь... с вашими товарищами.

Результатом совещания было решение сдать, стараясь добиться более или менее почетных условий капитуляции. Никто не говорил о вылазке так как физическое состояние людей не давало им возможности взяться за оружие.

— Итак, — сказал майор, — жребий брошен, мы должны подготовиться умереть.

Решено было, что те из офицеров, которые желают написать свою последнюю волю или письмо родным, займутся этим ночью, так как на рассвете следующего утра уже будет поднят парламентский флаг.

Улицы маленькой крепости представляли душераздирающее зрелище; несчастные солдаты лежали на верандах своих жилищ, умирая от голода и жажды, и с нетерпением ждали наступления ночи, прохлады которой хоть сколько-нибудь облегчит их страдания... Некоторые из них, окончательно потеряв силы, лизали сухими языками плиты на улицах, которые не были раскалены солнцем; другие, растянувшись во всю длину на укреплениях, жадными глазами пожирали воды Ганга, которые текли всего в нескольких метрах от них.

Офицеры отдали приказание не стрелять в индусов, чтобы не раздражать их. Последние, видя бездействие пушек и ружей, стали до того смелыми, что ели и пили у самых укреплений, наслаждаясь страданиями несчастных.

Безнаказанность сделала их дерзкими, и сипаи забавлялись тем, что навешивали на концы палок, сделанных нарочно короткими, бананы, арбузы, лимоны, кокосовые орехи, делая вид, что стараются поднять их на укрепления, а несчастные осажденные в это время с мольбой протягивали к ним руки.

Один из них так сильно перегнулся, что не смог удержаться и, соскользнув, упал у подножия крепостных стен. Сипаи подбежали к нему и подняли его. Он не разбился, и они со всеми признаками самого искреннего сочувствия свели его осторожно по откосу и принесли ему есть. Бедняга с жадностью пожирал все, что ему давали, пока не стал задыхаться.

— Он хочет пить! Он хочет пить! — крикнули некоторые из присутствующих; его тотчас же схватили и бросили в воды Ганга, особенно быстрые в этом месте, приговаривая в то же время «Пей! Пей! Да оставь и другим!»

Толпа солдат, видя, как хорошо угощали их товарища, готовилась в свою очередь соскользнуть с укрепления, рискуя даже убитись при этом.

Эти факты и еще множество других, которыми ознаменовалась осада Хардвар-Сикри, представляют неоспоримую истину. В течение этого долгого дня страданий сипаи жестоко играли с несчастными осажденными; но вы найдете извинение их бесчеловечности, если вспомните, что три тысячи шестьсот (официальная цифра) стариков, женщин и детей, расстрелянных по приказанию Максвелла, были родителями, женами, сыновьями большинства сипаев, которые участвовали в осаде и просили Нана-Сахиба отомстить за них.

Рама-Модели и его брат не принимали участия в этих жестоких забавах, но они пустили на площадь крепости стрелу, запачканную кровью со следующей надписью:

Майору Кемпбеллу и капитану Максвеллу — Рама-Модели и Шива-Томби-Модели, сыновья Чандра-Модели, убитого палачами Хардвар.

Вечером индусы устроили иллюминацию в своем лагере и провели всю ночь, предаваясь пиршеству; решение, принятое совещанием, проникло к ним, и все они, узнав, что капитуляция назначена на завтра утром, готовились к мести. Только Нариндра и Сами, сидевшие вместе с Рамой и его братом, не присоеди-

нялись к диким выражениям злобы, но чтобы товарищи не обвинили их в слабости, они под предлогом усталости легли спать рядом с двумя маратхскими солдатами, которые оставались перед этим в подземельях Эллора. Сердар не считал нужным брать с собой весь отряд, который остался охранять Эдуарда и Мэри; он не взял с собой последних, считая неосторожным приводить их в лагерь индусов, где достаточно было малейшей неосторожности, чтобы их узнали, а тогда он даже ценой собственной жизни не мог бы спасти их от ярости сипаев. Что мог бы отвечать он индусам, если бы они сказали ему:

— Более пятисот детей убито на груди их матерей, отдай же нам сына и дочь палача, который запятнал себя этими преступлениями.

Спасение майора само по себе уже представляло слишком затруднительное дело, чтобы осложнять его еще другими обстоятельствами; прощаясь с молодыми людьми, которых он оставил на расстоянии двух недель пути от Хардвара, он поклялся им, что привезет их отца живым и невредимым. Нариндра, который играл самую важную роль в этом похищении, просил Сердара дать ему в помощь двух маратхов, его родственников, которые вернулись тогда с караваном.

Сердар потратил целый месяц на путешествие из Гоа в Хардвар-Сикри. Вы поймете, что он не особенно приятно провел время в дороге, когда узнаете, что расстояние между двумя городами составляет восемьсот миль и что все оно покрыто обширными лесами и бесконечными джунглями. Во время этого продолжительного путешествия к нему постепенно приходили весьма серьезные известия, которые подтвердились по прибытии его в лагерь. Молниеносный поход Хейвлока через Бенгалию, снятие осады Чинсуры, д'Айрака, Бенареса, Ауда и всех промежуточных постов; победа над армией Нана во всех стычках с ней, неизбежное снятие осады Лакхнау — все это окончательно развеяло его иллюзии и нанесло сильный удар его сердцу. Не оставалось никаких сомнений, что восстание подавлено, это было вопросом времени, и следовало ожидать, что и Дели сдастся через два месяца. С этим городом рушился последний оплот независимости индусов, и британский лев снова сжимал своими хищными когтями землю лотоса.

Итак, напрасны были десять лет невероятных усилий, тяжелых и полных приключений переходов, заговоров, борьбы и сражений за то, чтобы водрузить знамя Франции в этой чудной стране, где оно когда-то развевалось с таким почетом! И все это по вине Нана-Сахиба и его генералов, которые вместо того, чтобы на другой же день восстания идти на Калькутту, где одного

присутствия их достаточно было, чтобы отнять у англичан последнее, еще удерживающееся за ними место, тратили напрасно время на празднества и манифестации при дворе в Дели.

Разочарованный всеми неудачами, не надеясь больше ни на что, Сердар спешил спасти майора, чтобы затем вернуться вместе с преданными ему людьми и Ауджали в непроходимые леса Малабарского берега и вести там свободную и независимую жизнь, которую он так любил.

В лагере его встретили со всем подобающим его заслугам уважением, но он испугался, увидев возбуждение, в котором находились все индусы. Вместо того чтобы чувствовать угнетение и вести себя по возможности осторожно ввиду известий, которые они получали о походе Хейблока и его успехах, сипаи еще больше жаждали мести. Мысль о том, что Англия потопит все восстание в крови и заставит их заплатить за жестокое обращение, которое они собирались применить к своим пленникам, нисколько не сдерживала их жажду мести. Напрасно Сердар, не смея все-таки быть откровенным, пытался внушить им, что для них несравненно полезнее пощадить осажденных, что это спасет головы вождей восстания, когда последнее будет подавлено. Ему на это ответили, что души жертв носятся каждую ночь с жалобными криками над разрушенной деревней и что только кровь может успокоить их.

Прислушиваясь ко всем этим ответам, Сердар впервые понял, что все силы его и преданность делу пали на сухую бесплодную почву и что этот народ, который он надеялся пробудить к жизни словами «отечество и свобода», погряз в бездне невежества и суеверия и не по плечу ему бороться с англосаксами. Мечтавший в течение стольких лет о восстановлении Индии с помощью Франции, которая, чтобы там ни говорили, всегда была носителем идей прогресса и свободы, он вдруг понял, что здесь окончательно и на многие столетия восторжествует открытая эксплуатация коренных жителей жестокими англосаксами... И, как Ахилл, он удалился в свою палатку и поклялся отказаться от бесполезной борьбы.

На рассвете следующего дня на укреплениях Хардвара поднялся парламентарский флаг. Индусские вожди подошли к крепости и выразили желание, чтобы к ним в лагерь прислали для переговоров о сдаче английского офицера, но так как последние соглашались идти только в том случае, если вместо них будет послан заложник-индус, то Сердар вызвался сам пойти в крепость, чтобы узнать условия англичан и передать им условия осаждающих. Посредничество его было принято, и Сердар один, без всякого оружия, прошел в крепость, где его тотчас же прове-

ли к коменданту, с которым он просил разрешения говорить без свидетелей.

Сильное волнение овладело им, когда он входил в кабинет полковника.

— Муж Дианы, — прошептал он про себя и несколько минут молча смотрел на него.

— Очень благодарен вам, что вы согласились взять на себя такое тяжелое поручение, но мне кажется, что нам легче было бы договориться, если бы они прислали мне одного из туземных вождей.

— Увы, майор! — отвечал Сердар. — Я не могу и не желаю убаюкивать вас надеждами; немного погодя я сообщу личные побуждения, заставившие меня принять на себя это поручение. В настоящее же время, чтобы скорее покончить с этим делом, я в кратких словах передам вам условия туземных вождей. Весь гарнизон со всем оружием и имуществом должен сдаться на волю осажденных.

— Мы не можем на это согласиться, если нам не будет гарантирована жизнь.

— Вы слишком хорошо знакомы с индусами и знаете, что они всегда готовы согласиться на всевозможные условия, а затем не собираются выполнять их. На этот раз они даже обманывать вас не желают, они прямо отказываются гарантировать жизнь кого бы то ни было из вас.

— В таком случае мы будем защищаться до самой смерти.

— Вас даже атаковать не будут, и дня через три вы умрете от голода.

— Лучше это, чем мучительная смерть, как это видно из предлагаемых условий.

— Вам не избежать пыток: сипаи возьмут крепость, когда ни один человек не в состоянии будет держать оружия.

— И вы, цивилизованный человек, европеец, вы согласились передать нам эти предложения?

— Я сделал все возможное, чтобы смягчить их, но страшное избиение в Хардваре, когда погибли тысячи женщин и детей, сделало бесполезным все мои старания.

— Увы! Никто больше моего не оплакивает этого варварского распоряжения, и, командуя я в то время Хардваром, я не допустил бы такого гнусного злодеяния.

— А! — воскликнул с радостью Сердар. — Я знал, что вы не способны на такой низкий поступок.

— На каком же основании вы могли подозревать меня или оправдывать? Вы ведь не знаете меня.

— Это моя тайна, но я был уверен, что вы честный и благородный человек, а потому я с величайшей радостью говорю вам: майор Кемпбелл, Сердар для того лишь согласился взять на себя это поручение, чтобы иметь возможность сказать вам, что он явился в лагерь с целью спасти вас.

— Что вы говорите! Как! Жизнь наша будет спасена благодаря вам... верьте моей признательности...

— К сожалению, я должен рассеять ваше заблуждение... Вы меня не поняли; я пришел спасти только вас и никого больше спасти не могу.

— В таком случае мне остается ответить вам только одно, и вы, конечно, не удивитесь этому после того, как сами сказали, что я честный и благородный человек. Я отказываюсь от спасения, предлагаемого вами: или спасение, или смерть, но вместе со всеми.

— Но ведь то, что вы говорите, невозможно.

— Это мое последнее слово.

— Однако, — продолжал Сердар нерешительно, — у вас должны быть жена, дети...

— Ах, не говорите мне о них, не лишайте меня мужества... Имею ли право я сохранить им мужа... отца... обесчещенного! ;

— Ах! — подумал Сердар. — Какого мужа избрала себе моя Диана! Но я спасу этого благородного человека против его воли...

И он продолжал громко:

— Утро вечера мудренее, майор, и завтра...

— Завтра, как и сегодня, вы не получите другого ответа от меня.

— Я не то хотел сказать.

— Объяснитесь тогда, я не понимаю вас.

— Я так тронут величием вашей души, что хочу употребить весь этот день и затем ночь на то, чтобы отговорить индусских вождей от принятого ими решения.

— О, если вы это сделаете...

— Постарайтесь только, чтобы ваши люди, несмотря на свои страдания, не совершили какой-нибудь неосторожности и терпеливо ждали до утра.

— За это я отвечаю вам.

— До завтра в таком случае... я буду у вас в этот же самый час.

— Дай Бог вам успеха!

— Я надеюсь на успех сегодня ночью.

Сердар поспешно вышел из Хардвара. Отказ майора вынуждал его изменить все сделанные им приготовления. Передав индусским вождям ответ майора, несколько измененный им, что «гарнизон просил разрешения подумать до завтра», он поспешил

в свою палатку, где заперся с Нариндрой, Сами и двумя маратхами. Совещание между ними длилось долго. Они говорили на телингском наречии, которое в Декане было понятно одним только бенгальским сипаям, а потому были уверены, что никто не поймет ни одного слова из их разговора.

День прошел, как и накануне, в похвальбах со стороны индусов и жалобах со стороны англичан. Обильный дождь, который шел в течение нескольких часов, настолько наполнил цистерны, что люди в крепости могли удовлетворить жажду, и с этой минуты с большим мужеством переносили свои страдания.

Наступила ночь, последняя для гарнизона Хардвар-Сикри. Густые черные тучи, собравшиеся сначала на горизонте, покрыли теперь весь небесный свод; на нем не было видно ни единой звездочки, точно ночь эта была нарочно создана для предсмертного бдения. Лагерь индусов, которым надоело играть и забавляться, был погружен в темноту; стаи шакалов бродили взад и вперед перед укреплениями города, как бы предчувствуя обилие мяса, и их зловещее твяканье смешивалось порой с жалобными воплями умирающих от голода.

Сидя один в своем кабинете, майор приводил все дела в порядок и запечатывал конверты с духовным завещанием и семейными бумагами. Затем он снял с шеи медальон, в котором находилось изображение прелестного личика, и, покрывая его поцелуями, говорил:

— Ты, конечно, одобришь мой поступок, милая и благородная женщина? Разве ты не краснела бы за меня, узнав, что я способен покинуть своих солдат ради спасения собственной жизни? Я завещаю своим детям неизгладимое воспоминание о том, что я поступил честно.

Не успел он закрыть медальон, как послышался легкий шум. Он обернулся и, несмотря на все свое хладнокровие, не мог удержаться от крика: четыре совершенно голых индуса вошли в комнату и с быстротой молнии набросились на него. В одну минуту они повалили его на пол, заткнули рот и обмотали веревками, чтобы он не мог ни кричать, ни выбиваться из рук, затем двое из них взвалили его себе на плечи и бегом вынесли вон.

Глаза у него не были завязаны, и он мог, несмотря на темноту, видеть, что его пронесли через город, а затем через укрепления. Скоро они очутились на равнине; четыре индуса скользили, как тени, мимо индусского лагеря. На расстоянии мили оттуда он увидел какую-то движущуюся черную массу и затем услышал голос, заставивший его вздрогнуть. Это был голос Сердара, который говорил носильщикам:

— Положите его осторожно на дно хаудаха Ауджали.

— Сделано, господин, — отвечали носильщики.

— Хорошо! В путь к Эллору! Живей!

И говоривший сел в хаудах, где был майор, который понял по движению, что они едут на спине слона.

Месяц спустя майор вместе со своими детьми находился на пакетботе, который из Бомбея направлялся в Европу, а рядом с ними стоял Сердар; он пришел проститься с ними и был очень растроган.

Раздался звук колокола, приглашавший посторонних удалиться в свои лодки.

— В последний раз прошу вас, мой спаситель, — сказал майор, — назвать ваше имя! Что я скажу своей милой жене, когда она спросит, кого ей благословлять за то, что детям ее сохранили отца, а ей — мужа?

Сердар, переходивший уже за борт, обернулся и голосом, в который он, казалось, вложил все свои воспоминания и всю свою душу, сказал:

— Вы скажете моей милой Диане, что вас спас Фредерик де Монмор-Монморен.

— Праведное небо! Ее брат! — воскликнул майор.

И он хотел броситься за ним... но пароход закачался на волнах, и лодка Сердара очутилась в двадцати метрах от него.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Нухурмурские леса

I

Гатские горы Малабарского берега. — Жители девственного леса: тхуги, хищные звери и тотаведды. — Английские шпионы. — Исчезновение На-на-Сахиба. — Сердар и Барбассон. — На озере Нухурмур. — Сюрприз.

ВСЯ ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ ИНДОСТАНА, ИЗВЕСТНАЯ под названием Малабарского берега, окаймлена длинной цепью гор разной высоты, которая тянется на семьсот-восемьсот миль от мыса Кумари, где она начинается едва заметными уступами, до диких и суровых провинций Мейвара и Бунделькханда. Здесь она разделяется на несколько отрогов, главные из которых, продолжая свой путь к северу, сливаются с первыми уступами Гималаев, пройдя сначала по границе Афганистана; другие же, разбежавшись в стороны подобно жилкам пальмового листа или пластинкам веера, понижаются постепенно, направляясь к равнинам Бенгалии, и сходят на нет на берегу Ганга подобно тому, как умирают благочестивые индусы, которые, чувствуя приближение смерти, приходят испустить последний вздох на берегу священной реки.

Эти горы носят разные названия — Тривандрамские, Гатские, Нильгерийские, Беар; все они покрыты непроходимыми девственными лесами, которые тянутся капризными извилинами то по глубоким долинам, покрытым пятью или шестью поясами растительности, куда с трудом проникает луч солнца, то по крутым склонам, которые поднимают до 2500 метров свои зеленые вершины среди небесной лазури, то по обширным плато, покрытым дикими скалами и лощинами, где ревут потоки, шумят и пенятся каскады и сверкают озера неизведанной глубины.

Несколько проходов, которые известны только проводникам, ведут отсюда в Тривандрам, Гоа, Мирпур и другие города, но они так опасны и так редко посещаются, что большинство путешественников предпочитают ехать к месту назначения на маленьких пароходах, которые еженедельно ходят между Коромандельским и Малабарским берегами.

Густые и мрачные леса, покрывающие долины и склоны гор, до такой степени заселены дикими слонами и разного рода хищниками, что сами проводники откажутся вести вас через них, если вы не наймете слона, специально дрессированного для такого опасного путешествия и способного защитить вас. На концах всех тропинок, которые извиваются по равнине и соединяют между собой деревни индусов, в тех местах, где они приближаются к уступам, поставлены столбы с надписью на пяти или шести языках — тамильском, телингском, английском и других, которая гласит: «Не ходите дальше во избежание встречи с хищниками». Можно было бы прибавить «и тхугами», потому что ужасная каста душителей, которых преследует и травит европейская полиция, нашла себе убежище в самых неприступных местах этой дикой страны, где никто не осмелится ни преследовать их, ни мешать в исполнении мрачных таинств Кали, богини крови.

Несмотря, однако, на бесчисленные опасности, несчастные изгнанники, известные под именем *тота-ведды*, скрываются там в течение многих столетий после приказа Дахир-Раджи, властителя Декана, который за какую-то провинность, всеми уже забытую, объявил их нечистыми тварями, и запретил им употребление воды, риса и огня. Когда проклятие такого рода постигало какую-нибудь касту во времена брахманского владычества, убийство члена этой касты становилось заслугой, и несчастные, над которыми тяготел гражданский закон и религиозный предрассудок, не имея никаких средств для защиты, вынуждены были скрываться в чаще девственных лесов Малабарского берега. Потомки несчастных *тота-ведд*, приговоренных к такой печальной участи в течение целых семи или восьми столетий, постепенно дошли до настоящего отупения и в настоящее время не имеют почти ничего общего с людьми. Чтобы избежать преследования людей и диких зверей, они строят себе жилища на верхушках самых высоких деревьев; они потеряли даже привычку ходить по земле, зато умеют необыкновенно искусно и ловко лазить по деревьям и перепрыгивать с ветки на ветку. Из-за потребления пищи, которая состоит у них, как и у обезьян, из плодов и нежных листьев, рост их уменьшился

и они стали до того худыми, что больше походят на шимпанзе, чем на человека.

Жилье, которое они обычно устраивают на верхушках исполинских баньянов, настолько велико, что свободно может вместить в себя пять-шесть человек. Оно состоит из пола, который искусно сделан из бамбуковых палок и поддерживается вилообразными ветками; вокруг него возведены стены из тростниковых циновок вышиной два метра, а сверху уложена крыша из листьев кокосового дерева.

Несчастные потеряли всякую способность к членораздельной речи и говорят между собой с помощью целого ряда односложных междометий, применимых только к простейшим жизненным потребностям. Они боятся других индусов больше, чем тигров, потому что традиции, обрекшие их на изгнание и смерть, еще не ослабели у народа, и всякий наир или райот, который случайно встретит одного из этих проклятых, не задумываясь, убьет его, как змею или шакала. Тота-ведды поэтому почти не выходят из леса и путешествуют обычно среди листвы деревьев, никогда не спускаясь на землю без крайней необходимости. Такое передвижение детская забава для них, и они так ловко действуют при этом ногами и руками, что одерживают победу над обезьянами в этом воздушном путешествии.

Эти жертвы человеческого невежества встречаются обычно между Гоа, столицей португальских владений в Индии, и Бомбеом именно в той местности, где горы, о которых мы говорили, достигают наибольшего развития в ширину и высоту. Они носят название Нухурмурских гор ширину пятьдесят-шестьдесят миль, а длину — в пять-шесть раз больше. Эти горы находятся в полном распоряжении тигров, ягуаров, пантер, слонов, которые живут там стадами в несколько тысяч голов, не считая аллигаторов, которые населяют озера высоких плато, сервалов*, которыми из-за их хищных наклонностей не следует пренебрегать, и громадных стад буйволов, дикий рев которых разносится по долинам. Одним словом, там вы найдете массу всевозможных животных, которых хватило бы, чтобы заселить весь мир, если бы цивилизация истребила их в других частях земного шара.

Мы не без основания сделали общий обзор этой дикой местности, а также тех странных, живущих там существ, которые находят соседство диких зверей менее опасным, чем соседство

* Сервал — хищник семейства кошачьих.

себе подобных. Здесь именно произошли главные события, о которых мы теперь повествуем.

Несколько слов об общем положении Индии в тот момент, когда начинается наш рассказ, дополняют картину места действия.

Мы начинаем повествование со следующего дня после обратного взятия Дели англичанами по окончании восстания сипаев: великое и патриотическое восстание было потоплено в море крови генералом Хейвлоком и его офицерами; избиение гарнизонов Шивераха, Бенареса, Хардвар-Сикри, ставшее только справедливым возмездием со стороны индусов, было во сто крат отомщено массовым уничтожением, которое продолжалось целый год.

Общий лозунг гласил — терроризировать Индию, чтобы раз и навсегда отбить у нее охоту возратить свою независимость. Старый император Дели умер от ужаснейших пыток, но несмотря на все поиски и обещанную премию в сорок тысяч фунтов стерлингов, т.е. миллион франков, тому, кто доставит Нана-Сахиба и главных членов его европейского штаба, которым удалось скрыться от ярости англичан, их не могли найти.

Головы этого принца и трех европейцев, которые помогали ему защищать Дели, а затем способствовали его побегу, были оценены в эту сумму сэром Джоном Лоуренсом, генерал-губернатором Индии. Узнав об этом, все авантюристы, находившиеся в это время в Индии, соблазнились столь высокой наградой и бросились выслеживать беглецов, которым удалось скрыться среди дымящихся развалин Дели. Напрасно, однако, все эти случайные сыщики вступали в союз с самыми искусными туземными ищейками — они не могли найти ничего, что навело бы их на след тех, кого они искали.

Мало-помалу и тем и другим надоели бесплодные поиски, а так как при этом распространился слух, что Нана и его маленький отряд успели скрыться в Тибете, то большинство отказалось от своих проектов.

Из Лондона тем не менее постоянно присылали официальные приказы во что бы то ни стало захватить главного вождя восстания. Это было необходимо для полного усмирения Индии, так как надо было или отнять насильно, или получить добровольно скипетр могольских императоров, ибо никто кроме Нана-Сахиба не имел права, по верованию народа, передать его своему преемнику.

Два человека, которым высшие власти специально поручили это преследование, упорно продолжали поиски беглецов, и чем больше встречали затруднений, тем ожесточеннее преследовали свою цель. Первый был Кишнаия, главарь шайки душителей на

Малабарском берегу; что касается второго, то это был капитан Максвелл, который, как мы видели, стяжал себе печальную известность своей жестокостью во время восстания. Во главе целого батальона шотландцев и артиллерийской батареи негодяй напал на безобидные деревни, сжег их дотла и расстрелял тех, кто пытался бежать, не разбирая при этом ни пола, ни возраста. Несколько раз попадался он в руки индусов, в том числе и во время осады Хардвар-Сикри, но каждый раз каким-то чудом избегал участи, ожидавшей его и вполне заслуженной им, после чего еще более жестоким образом мстил за испытанный им страх.

В случае успеха кроме награды, обещанной вице-королем, капитана Максвелла ждало еще производство в чин полковника сингальских сипаев, но не за захват Нана, а за поимку авантюриста Сердара. Обещая такое быстрое повышение этому офицеру, который занимал второстепенный пост в индийской армии, сэр Уильям Браун, коронный губернатор Цейлона, сказал ему:

— Помните, что мне надо доставить Сердара живым, это единственное условие для исполнения моего вам обещания. Арест Нана-Сахиба меня не касается.

На острове Цейлон, который находился исключительно в подчинении у королевы, считаясь принадлежностью королевства Англии, сэр Уильям Браун ни в чем не зависел от вице-короля Индии; он пользовался почти безграничной и бесконтрольной властью, назначая по своему усмотрению чины в армии туземцев и всем гражданским чиновникам колонии.

Мы уже знаем, что Кишнайн за то же самое обещали высокое отличие, которое давалось только принцам королевского происхождения, а именно, право носить трость с золотым набалдашником не только ему, но и его потомкам мужского пола. Это единственное туземное отличие в Индии ценится главным образом потому, что его основание относится к баснословному периоду первой национальной династии Сурья-Ванса, т.е. солнечной династии.

Служа высшим политическим интересам, капитан Максвелл и Кишнайн были в то же время бессознательными орудиями личной злобы, которые ни перед чем не должны были останавливаться, чтобы завладеть Сердаром.

К счастью для Нана-Сахиба и Сердара им удалось благодаря неожиданному стечению обстоятельств успешно скрыть свои следы от озлобленных и могущественных противников. Последние тем временем удвоили энергию ввиду того, что в скором времени предполагалось устроить празднество в честь королевы Виктории, которое вице-король хотел обставить таким торже-

ством и блеском, каких никогда еще не видели в Калькутте. Он решил, что в том случае, если к этому времени будет пойман Нана-Сахиб, знаменитого вождя революции поставят на возвышении прикованным за ногу к статуе королевы, а в двух шагах от него на эстраде будут венчать лаврами генерала Хейвлока, залившего страну морем крови.

Сэр Джон Лоуренс посылал к капитану Максвеллу и к Кишнайте курьера за курьером, приказывая пустить в ход все возможное, чтобы привести в исполнение такую прекрасную и истинно английскую идею.

Таково было на другой день после взятия Дели положение обеих партий в Индии — побежденных и победителей, положение, описание которого служит, необходимым прологом к изложению последующих любопытных событий.

Двадцать пятого октября 1859 года солнце уже начинало спускаться к поверхности Индийского океана, освещая последними пурпурными и золотистыми лучами верхушки столетних лесов, которые покрывают вершины Нухурмурских гор на Малабарском берегу, а с противоположной стороны в то же время медленно расстилались сумеречные тени, шаг за шагом вытесняя свет и постепенно окутывая тьмой и безмолвием обширные равнины Декана и величественную массу гор, которая служит им укреплениями.

Почти на самой вершине этих громад по обширному озеру, окруженному первобытными девственными лесами, быстро неслась по направлению к правому берегу небольшая шлюпка особенного устройства, планшир которой всего только на несколько сантиметров подымался над водой. На палубе никого не было, и не будь ее в задней части заметно легкого сотрясения, указывающего на присутствие винта, трудно было бы составить себе понятие о таинственной силе, которая управляла этим судном; как бы внимательно мы ни всматривались в этот феномен, мы не могли бы решить этой сложной проблемы, если бы разговор двух человек, только что вышедших на палубу, не разрешил наших сомнений.

Один из них с обросшим, как у шимпанзе, лицом — одни только глаза и нос выглядывали из-за черных лохматых волос, — похожий своими чертами и несколько грубыми манерами на матросов с берегов Прованса, крикнул, вылезая из люка и присоединяясь к своему товарищу, вышедшему раньше него:

— Клянусь бородой Барбассонов, я начинаю думать, Сердар, что вы тонкую штуку придумали, перетасив «Эдуарда-Мэри» в эту чертовскую трущобу.

— Как видите, Барбассон, — сказал, улыбаясь, тот, которого называли Сердаром, — во всем надо всегда ждать конца.

— Мы, клянусь Богом, прекрасно делаем наши двадцать два узла с этой механикой, как вы ее там называете! Никак не могу удержать в памяти это дрянное название.

— Электромотор, мой милый Барбассон!

— В открытом море при сильном ветре не очень-то она расходится, ну а здесь, в этой утиной луже, она окажет нам большие услуги.

Нам, я думаю, нет необходимости представлять: вы и без того узнали знаменитого адмирала флота маскатского султана, Шейх-Тоффеля, как гласит его мусульманское имя.

— Очень важные услуги, верно, — продолжал Сердар, — благодаря своей быстроте и запасу ящиков с картечью в трюме мы можем несколько месяцев пренебрегать силами, которые вице-король вздумал бы выслать против нас, если только его шпионы сумеют открыть наше убежище.

— Не считая того, Сердар, что я буду водить их до Страшного суда по всему озеру, прежде чем они найдут вход в подземелья Нухурмура.

— И если это им удастся, — а мы решили, что не отдадимся живыми в руки англичан, — то обещаю вам, что ни один из наших противников не принесет вице-королю известие о нашем последнем подвиге.

— Как и об его исполнении... Мы даем им проникнуть в подземелье, подносим огонь к пороху — и прости-прощай вся компания... Мы прыгаем на три тысячи футов вверх над поверхностью моря... Вот род смерти, которого не предвидел Барбассон-отец, а это был человек, который предвидел далеко вперед. Я помню, что с самого моего нежного возраста он всегда предсказывал, что я найду смерть на виселице или буду расстрелян... Бедный человек, он был бы доволен, увидев, что предсказание его должно исполниться... Если англичане схватят меня...

— Только неосторожность или измена могут выдать нас, а так как между нами нет изменников...

Сердар произнес последние слова и вдруг остановился: едва заметная дрожь пробежала по его телу, и глаза его пристально устремились в чащу леса, как бы желая проникнуть в самую ее глубину. Лес в этом месте так близко подходил к озеру, что ветки баньянов и тамариндов тянулись сводом над поверхностью воды.

— Что случилось? — спросил Барбассон, удивленный видом своего спутника.

— Спуститесь в каюту и остановите шлюпку! — отвечал шепотом последний.

Моряк выпустил руль, который он держал рукой, выйдя на палубу, и поспешил вниз исполнить приказание Сердара. Последний тем временем, пользуясь быстротой судна, поставил его параллельно берегу, но слегка наискось, чтобы удобнее было пристать, а затем в ту минуту, когда шлюпка собиралась остановиться, направил ее таким образом, чтобы она стояла левым бортом к берегу.

Последние содрогания легкого судна не прекратились еще, когда Сердар с карабином в руке прыгнул на берег, говоря Барбассону:

— Ждите меня и будьте готовы ехать по первому моему сигналу.

И, согнувшись вдвое, чтобы не зацепиться за низкие ветки, он проскользнул в лес.

II

Раненый. — Тота-ведда. — Открытие Нухурмура. —
Таинственные подземелья. — Покинут на берегу. —
Преследование на озере. — Ури! Ури! — Возвращение
в подземелья.

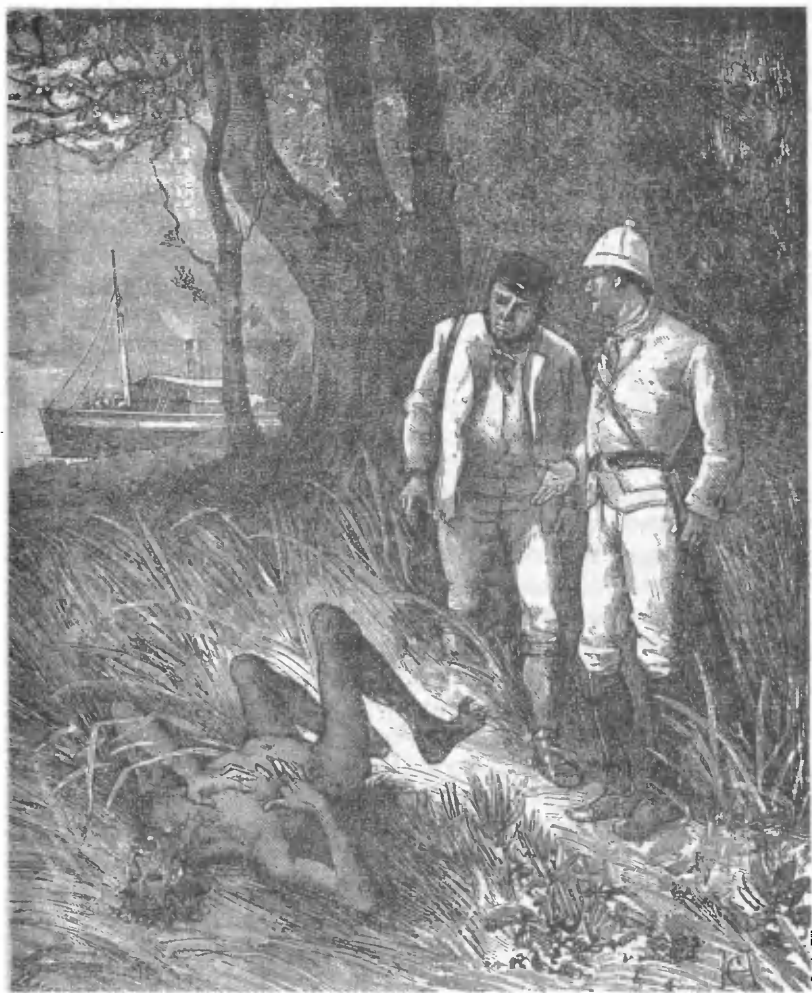
ОРЯК ЕЩЕ НЕ УСПЕЛ ОПОМНИТЬСЯ ОТ удивления, как на недалеком расстоянии послышался выстрел, а вслед за ним крик боли и испуга.

— Ко мне! — послышался в ту же минуту голос Сердара.

Барбассон исполнил приказ и в несколько прыжков очутился возле Сердара.

Там, барахтаясь и испуская жалобные стоны, лежало на лесном мху тощее и безобразное существо с руками и ногами невероятной худобы, почти без мяса, на которых нервы и мускулы были натянуты, как сухожилия. Цвет его кожи был черный, как сажа, а пальцы на ногах, худые и длинные, были такие же подвижные, как и на руках, и загибались внутрь, как у обезьян. С первого взгляда его можно было принять за одну из них, если бы не довольно большая, курчавая голова и не отсутствие шерсти на всем его теле. Из раны в правом боку сочилась яркая пенистая кровь; это заставило Сердара думать, что пуля попала в легкое.

Бедное создание смотрело на него с выражением такого ужаса, который одержал, по-видимому, верх даже над его страданиями. Барбассон, взглянув на него, сначала ошибся относительно его происхождения.

— Ба-а! — воскликнул он довольно равнодушно. — Вы убили обезьяну! Бедному животному, черт возьми, недолго осталось жить.

— Вы ошибаетесь, Барбассон, — грустно отвечал ему Сердар, — это один из несчастных тотта-ведд, живущих в здешних уединенных местах, где они скрываются от людей, которые относятся к ним более жестоко, чем дикие звери, и я тем более огорчен этим случаем, что это вполне безобидные существа. Но что делать? В

нашем положении мы то и дело должны быть настороже; малейший недосмотр может погубить нас. Я принял его за шпиона этого проклятого Кишнаи, который, по словам Рама-Модели, несколько дней уже шныряет по равнине.

— Вы тут не виноваты, Сердар.

— Я заметил какое-то странное движение среди листвы в то время, когда мы приближались к берегу озера, и подозрительность понудила меня найти причину этого движения; несчастный вместо того, чтобы скрыться среди листвы баньянов подальше от меня, как поступают обычно люди его племени, попробовал притаиться, чтобы не обратить на себя моего внимания, как настоящий шпион. От этого-то и произошло все зло.

— Вы говорите, что Кишнаи шныряет по окрестностям? — спросил Барбассон, которого новость эта взволновала больше раны туземца. — Вы не говорили нам об этом.

— К чему нарушать спокойствие Нана-Сахиба? Несчастный принц считает себя в безопасности в этих подземельях, да и времени всегда хватит, чтобы предупредить его, когда опасность станет более острой. Рама-Модели вернулся вчера вечером в Нухурмур.

— Знаю... его очередь была следить за равниной. Он утверждал, что не встретил ничего угрожающего нашему спокойствию.

— Он выполнял мой приказ. Вы знаете, что Нана, мужественный на поле битвы, дрожит, как лист, при одной мысли о возможности попасть в руки англичан. Я предупредил поэтому Нариндру и Раму, которые одни только могут выходить оттуда, так как наши враги не знают их, чтобы все, собранные ими известия они поверяли мне, — не потому, чтобы я хотел сделать из этого тайну от вас и Барнета, но из желания избавить принца от преждевременной и бесполезной тревоги. Смерть он сто раз предпочитает позорному выставлению напоказ, которое ему угрожает и которое лишит его престижа, — англичане это знают, — в глазах туземных народов.

— По мне так все равно! Убиваться из-за такого пустяка!

— Вы, мой милый Барбассон, не принц и не индус, вы не понимаете всей силы предрассудков у этого детски наивного и суеверного народа. Я говорил уже, что Рама предупредил меня о присутствии Кишнаи в Декане, но в этом нет ничего необыкновенного, потому что люди его касты живут среди отрогов этих гор, которые тянутся между Бомбеем и Эллором. Что мешает ему отправиться к ним? Приближается великая пуджа, праздник Кали, и он захотел присутствовать на кровавых и таинственных церемониях, которые всегда бывают в это время года. Успокойтесь, впрочем! Если даже он обещет эти горы на протяжении

всех семисот-восьмисот миль, начиная от Кумари до Гималаев, то и тогда еще останется довольно места для его поисков. Повторяю, опасаться мы можем только собственной неосторожности, ибо измена здесь немислима. Нариндра и Рама пожертвуют жизнью по одному моему знаку, а что касается молодого Сами, то никакие самые жестокие пытки не вырвут у него ни единого слова.

— А так как сами мы не отдадимся им в руки, то я начинаю думать, что веревка, обещанная Барбассоном-отцом своему на следнику, еще не скручена...

— Мы, однако, болтаем с вами, — сказал Сердар с видом глубокого сожаления, — и не думаем помочь этому несчастному, который, быть может, смертельно ранен. Помогите мне, Барбассон! Перенесем его в шлюпку... день склоняется к вечеру и здесь становится слишком темно.

Оба нагнулись и общими усилиями подняли осторожно тотта-ведду, который принялся стонать, употребляя отчаянные усилия, чтобы вырваться от них. Напрасно старался Сердар успокоить его ласковыми словами на разных местных наречиях — несчастный не знал ни одного из них. В конце концов он понял, однако, бесполезность своего сопротивления и подчинился беспрекословно, только изредка издавая глухие стоны, вырывающиеся у него неосторожными движениями, которые увеличивали его страдания.

Взобравшись в шлюпку, Сердар и его спутник осторожно положили свою ношу на палубу и поспешили отплыть дальше из-под тени, бросаемой на воду деревьями, чтобы воспользоваться последними минутами дня. Сердар приказал снова остановиться и занялся осмотром раны тотта-ведды; он осторожно обмыл ее свежей водой и к удовольствию своему увидел, что пуля, скользнувшая по ребру, сделала нечто вроде царапины, весьма неглубокой, поскольку бедняга состоял из кожи да костей; таким образом, не только жизнь его не была в опасности, но достаточно было нескольких часов, чтобы он стал на ноги.

Барбассон тем временем принес ящик с медикаментами; Сердар еще раз обмыл рану, на этот раз бальзамом, разведенным водой, и положил на нее компресс из той же смеси, а затем закрепил его бинтом. Туземец, умственные способности которого были чрезвычайно слабо развиты, не в состоянии был оценить уход, которым его окружали; самые фантастические мысли вертелись в этом примитивном мозгу, который под влиянием многовековых страданий, дошел до уровня обыкновенного животного. Но как только он почувствовал, что боль в его ране утихает, он успокоился и уже с меньшим ужасом смотрел на белых людей.

Кончив перевязку, Сердар уложил своего пациента на матрас, набитый водорослями, затем приготовил укрепляющий напиток из рома, сахара и воды и предложил ему. Удивленный тотаведда взглянул на него нерешительно, не понимая, чего он хочет от него и принимаясь снова дрожать. Чтобы дать ему понять, что он должен делать с предлагаемым напитком, Сердар поднес к губам серебряный бокал и, отпив из него глоток, подал ему снова.

Бедный дикарь не заставил себя просить на этот раз, хотя все же попробовал напиток сначала с некоторым беспокойством, зато потом с жадностью поднес бокал к губам и выпил все одним залпом. Затем он взял руку Сердара, прижал ее несколько раз ко лбу в знак благодарности и зарыдал, как ребенок.

— Мне очень больно видеть такое наивное горе, — сказал Сердар своему спутнику; — я не могу не подумать при этом, до какого животного состояния может довести человека злоба ему подобных... Что нам с ним делать теперь?

— Не можем же мы тащить его с собой в Нухурмур? — сказал Барбассон.

— Ни одно существо в мире, — отвечал ему Сердар; — не должно знать тайны нашего убежища. Это недоступное место, которому нет подобного, быть может, на всем земном шаре, было открыто случайно нашим другом Рамой-Модели, заклинателем пантер. Эта история стоит того, чтобы ее рассказать, если только вы не слышали уже ее от него самого.

— Вы забываете, Сердар, что в течение всей войны за независимость я управлял вашей шхуной «Диана», которая ждет меня теперь в порту Гоа. Бедная «Диана», увижу ли я ее когда-нибудь? Затем я был с вами во время осады Дели, где я командовал артиллерийским отрядом в крепости, а потому почти не имел случая видеть Раму. Со времени нашего приезда сюда я постоянно нахожусь на борту «Эдуарда-Мэри» и не мог ни часочка поболтать с заклинателем.

— Он мог бы рассказать это в нескольких словах, если бы только вспомнил; эта история так же коротка, как и трогательна. Однажды, когда Рама вместе со своим отцом охотился на этих вершинах за пантерами, он спустился и полетел через край пропасти, стены которой были почти вертикальны, но, к счастью, оказались сплошь покрытыми кустарниками, достаточно крепкими, чтобы выдержать тяжесть его тела. Он инстинктивно схватился за один из них, но уже на расстоянии двадцати метров от верхнего края. Прежде всего Рама крикнул своему отцу, чтобы успокоить его, затем попробовал, держась руками за ветки, взобраться наверх, но напрасно; он мог ухватить их только за концы,

они были слишком хрупки, чтобы довериться им. Гораздо проще ему было бы спуститься, перевешиваясь с одного куста на другой и держась рукой за ствол у самого корня, т.е. за самую прочную часть кустарника. Поскольку другого пути спасения ему не оставалось, он, уведомив об этом отца, склонился над пропастью и, задыхаясь от волнения, начал опасный спуск. К счастью, Рама встречал на своем пути целые группы пальм и молодых бамбуков, которые так близко стояли друг от друга, что ему удалось наконец добраться до дна после того, как он раз двадцать едва не сломал себе шею. Он думал, что теперь спасен, когда перед ним возникло новое затруднение: он находился на дне обширной воронки в форме конуса, самую широкую часть которой представляла почва, до которой он добрался благодаря своей смелости и ловкости. Напрасно ходил он кругом — стена со всех сторон подымалась на высоту двухсот или двухсот пятидесяти метров, образуя с дном довольно острый угол; чтобы выйти из этой тюрьмы, где вместо крыши виднелось небо, ему нужно было подняться по такой же стене, по какой он спустился. Это то самое место, которое находится в конце подземелий и названо нами колодцем Нухурмура.

— Я так и думал.

— Вы понимаете остальное, потому что мы каждый день проходим тот лабиринт. Маленький ручеек, протекавший на дне этой огромной пропасти, терялся под одной из скал и, казалось, направлялся в самые недра земли. Рама-Модели не побоялся растянуться на дне ручья, который был, к счастью, неглубок, и в таком положении стал ползти под скалой, придерживаясь извилин ручейка. Так прополз он метров около пятидесяти, когда почувствовал, что туннель над ним становится выше, и очутился наконец среди целого ряда обширных пещер, откуда он, несмотря на все свое мужество, мог и не выйти. Только на второй день своего подземного заключения, чуть не умирая от голода и усталости, заметил он вдали луч света, который послужил ему проводником и дал возможность дойти до конца другого прохода, выходившего на озеро.

— Так вы, значит, эти два туннеля, — один из колодца Нухурмура, другой со стороны озера, — расширили, чтобы легче было проходить по ним, и устроили там убежище для себя и Нана-Сахиба?..

— Совершенно верно, мой милый Барбассон! И как вам уже известно, мы закрыли с помощью камня, вращающегося на стержне, единственный вход со стороны озера, который легко мог кто-нибудь увидеть, несмотря на густую растительность, прикрывающую его. Нам никак нельзя открыть тайну нашего убе-

жища этому туземцу; он может заметить его и затем, из-за отсутствия сообразительности, поддаться на подарки и обещания хитрого Кишнаи, если тот проследит за нами вплоть до этих гор. А это вполне может случиться, так как во избежание этого нужно, чтобы никто из нас не выходил из подземелий Нухурмура.

— Они так великолепны, Сердар, что в них можно жить до конца своих дней. Вы ведь и сад устроили там?

— Да... а между тем, судя по наружному виду, ни за что не скажешь, что дно этой пропасти занимает поверхность в двадцать тысяч квадратных метров. Еще задолго до подавления восстания, когда Хейвлок шел на Дели и полное поражение было вопросом только одного месяца, я думал уже об этом убежище, о котором мне сказал Рама-Модели, как о месте, весьма пригодном для Нана-Сахиба и тех из наших товарищей, которые останутся нам верными. Я поручил тогда же нашему заклинателю пантер перевезти туда с помощью Ауджали всякую утварь и припасы; он так хорошо исполнил все мои приказания, что мы можем жить там роскошно и в полном изобилии в течение нескольких лет. Чтобы там ни было, но ввиду того, что на наши следы могут напасть совершенно случайно во время охоты в горах или рыбной ловли в озере, — две несчастные страсти, от которых невозможно отучить Барнета, — нельзя ни под каким видом и ни единой душе открывать тайну нашей крепости.

— Я с вами согласен, Сердар! Но я возвращаюсь к вопросу, поставленному вами в начале этого разговора. Что мы сделаем с этим беднягой?

— Мы можем сделать только одно, тем более, что я совершенно успокоился относительно последствий его раны. Я уверен, что она зарубцуется самое большее дня три-четыре. Мы высадим его на том месте, где он находился, когда я выстрелил в него, и он сам найдет свое жилье.

Приняв это решение, Сердар пощупал пульс раненого и нашел его спокойным. На борту хранилась провизия, и Сердар решил накормить туземца, чтобы подкрепить его силы; он употребил тот же способ, как и ранее для напитка и прежде чем предложить ему кушанье, сам отведал его. Туземец в ту же минуту набросился на то, что ему предлагали, и принялся пожирать с жадностью, выражая при этом на своем языке явные признаки удовольствия. Барбассон не мог удержаться, чтобы не сказать:

— Нет, право, мы сделали доброе дело... Бедняга, черт возьми, умирал с голоду.

Шлюпку направили к берегу и сделали знак тот-ведде прыгнуть на землю, но бедняга, по-видимому не понимал, тогда

они без всякой церемонии взяли его и положили на траву, потому что им некогда было тратить время на бесполезную мимику. Думая, что теперь отделались от него, Сердар со спутником поспешили отчалить от берега, но не отплыли они и десяти метров, как услышали шум тела, нырнувшего в воду, и невольно обернулись. Каково же было их удивление, когда они увидели над водой голову тотта-ведды, который плыл, стараясь догнать их!

Ночь быстро последовала за днем, как это всегда бывает под тропиками, где почти нет сумерек, а потому несмотря на небольшое расстояние, разделявшее их, туземец казался обоим французам маленькой черной точкой на поверхности воды.

— Надо ускорить ход! — сказал Сердар. — Когда он потеряет нас из виду, он вынужден будет вернуться на землю.

Барбассон ускорил ход, и шлюпка понеслась по спокойным водам озера, но в ту же минуту до слуха Сердара донеслись жалобные крики.

— У него может открыться кровотечение из раны; в воде оно бывает еще сильнее; несчастный потеряет силы и утонет, — сказал Сердар, как бы говоря сам с собой.

Затем под влиянием невыразимой жалости он воскликнул:

— Я не могу допустить, чтобы человек этот умер таким образом.

Крики усиливались и голос становился все более жалобным и похожим на голос плачущего ребенка.

Сердар колебался... на карте стояли такие важные интересы, что он не считал себя вправе подвергать их опасности ради жизни этого несчастного дикаря. Но тут у него в голове блеснула мысль и положила конец всем его колебаниям.

— Что ж, — сказал он себе, — можно попытаться. Спасем его сначала, а там увидим.

И, наклонившись к люку, он крикнул

— Задний ход, Барбассон! Я не хочу, чтобы на совести у меня оставалась смерть этого несчастного.

Провансалец, служивший несколько лет на государственной службе, выучился образцовой дисциплине, которая ставит французских моряков на первое место во всем мире. Он всегда повиновался и только потом высказывался, если находил нужным сделать какое-нибудь замечание. Шлюпка слегка задрожала и с минуту казалось, будто в ней происходит борьба между выработанной скоростью и движением в противоположную сторону, но в следующую за этим минуту она уже с прежней скоростью неслась по направлению к берегу. Прислушиваясь к жалобным крикам, Сердар по направлению звука понял, что шлюпка теперь в том районе озера, где находился туземец.

— Слабее, Барбассон, слабее! — сказал он. И шлюпка, сразу изменив ход, медленно заскользила по воде.

Крики прекратились... Ночная тьма была столь непроницаема, что положительно ничего нельзя было видеть вокруг себя.

— У него, вероятно, иссякли все силы, бормотал Сердар с искренним огорчением. — Бедняга! Мы сделали все, что могли.

Не успел он произнести эти слова, как шлюпка ощутила легкий толчок и черная масса, одним прыжком выскочившая из воды, упала вдруг на палубу. Это был тотта-ведда; туземец молчал, видя, что к нему спешат на помощь. Он мог бы провести всю ночь в воде, несмотря на свою рану. То, что люди его племени потеряли в своем умственном развитии, восполнилось их необычайным физическим развитием: привыкшие жить в чаще лесов и двигаться среди глубокой тьмы, они видят ночью почти так же хорошо, как и днем, и положительно не знают усталости; они перегоняют самых быстрых животных; некоторые видели, как они перебирались вплавь через морские заливы в пятнадцать-двадцать миль и плыли два дня, направляясь к прибрежным островам, чтобы отыскать себе там убежище среди гор, которые синеватой линией выделялись вдали на горизонте.

Тотта-ведда, очутившись в шлюпке, тотчас же бросился к ногам Сердара и, подымая поочередно одну его ногу за другой, ставил их себе на голову в знак почтения и подчинения; затем, ударяя себя в грудь, он горловым голосом произнес в несколько приемов: Ури! Ури!

В эту минуту луна, вырвавшись из чащи лесов, покрывавших верхушки гор, залила всю поверхность озера серебристым светом. В Индии луна светит настолько ярко, что туземцы называют период, когда спутница нашей Земли достигает полнолуния, «лунными днями».

— Ури! Ури! — продолжал тотта-ведда, снова повергаясь ниц перед Сердаром.

— Что он там говорит? — сказал Барбассон, вышедший в эту минуту на палубу.

— На тамильском наречии, на котором говорят у подошвы этих гор, «ури» означает «собака», — отвечал Сердар. — Нет ничего особенного, если он запомнил это слово и, вероятно, хочет дать нам понять, что он будет нам предан, как собака; с другой же стороны он, быть может, хочет сказать нам, как его зовут. Будь здесь Рама-Модели, он объяснил бы нам все это; он провел свое детство здесь в этих горах и говорит на языке этих бедных людей так же хорошо, как и они сами... Пора, однако, возвращаться домой; в Нухурмуре, вероятно, беспокоятся, мы никогда еще...

Он не закончил начатой им мысли; меланхолический и пронзительный звук рога нарушил ночную тишину, и его жалобные нотки три раза скользнули по водам озера, принесенные легким ветерком, который в этих обширных долинах дует каждый вечер после захода солнца, когда в раскаленной атмосфере восстанавливается равновесие воздушных течений.

— Это Рама зовет нас, — сказал Сердар. — Вперед, Барбассон, и поскорее. Нам достаточно и двадцати минут, чтобы пролететь шесть миль, отделяющих нас от друзей.

— А тот-ведда? — спросил Барбассон.

— Я беру его на себя.

— All right, как говорит Барнет, — отвечал моряк.

И шлюпка снова понеслась по волнам. Туземец заснул, скорчившись в уголке. Менее чем через полчаса вдали показался противоположный берег озера. Сердар, который не мог отвечать на сигнал, посланный ему из Нухурмура, потому что ветер дул ему навстречу, взял теперь в каюте висевший там буйволоковый рог и извлек из него три звучных ноты, которые друг за другом и с различными изменениями разнеслись эхом по долинам.

— Теперь, когда мы предупредили наших товарищей, — сказал он своему спутнику, — остановитесь на минуту и помогите мне. Я должен принять небольшую предосторожность, чтобы этот туземец никогда не смог открыть тайны нашего убежища.

— Я не любопытен, — отвечал моряк, — это наше семейное качество, но клянусь бородой всех Барбассонов — прошлых, настоящих и будущих, поскольку предполагаю, что эта знаменитая ветвь не угаснет со мной, — я все же с нетерпением жду, что вы сделаете, чтобы скрыть вход в подземелье от этого «комка сажки».

Сердар не мог удержаться от смеха, выслушав эту тираду, прелесть которой усиливалась акцентом, от которого наш марселец никак не мог отделаться.

— Очень просто, — отвечал он, — я употреблю тот же способ, который так успешно заставил его есть; он, как ребенок, подчинится всему, что мы ему скажем. Одолжите мне свою голову, Барбассон!

— Обещаете отдать мне ее обратно?

— В полной сохранности.

— Получайте же! Это самое драгоценное, что я имею в этом мире, хотя Барбассон-отец всегда утверждал, что Бог забыл наполнить ее мозгами.

— Я сделаю вид, что завязываю вам глаза, и уверен, что тот-а безропотно позволит сделать и себе то же самое.

— Вот об этом я не смог бы догадаться. А как это просто! Как и все гениальные мысли, Сердар! Но я всегда говорил, что в вашем мизинце гораздо больше ума, чем у всех нас вместе взятых.

Хочоха от души над многословием своего спутника, Сердар приступил к исполнению своего проекта, который удался вполне. Разбуженный тотта с любопытством следил за тем, что он делает с Барбассоном, и позволил завязать себе глаза, нисколько не сопротивляясь.

В ту минуту, когда шлюпка пристала к берегу, авантюристов приветствовали Рама-Модели и Сами, которые с самого захода солнца с тревогой ждали их возвращения. Рама собирался уже рассказать своему другу о тревоживших его заботах, но слова замерли у него на губах, когда он увидел третье незнакомое ему лицо; удивленный таким сюрпризом, он не мог определить, к какой касте принадлежит неведомое существо.

— Это несчастный тотта-ведда, которого я ранил, приняв его за шпиона, — поспешил Сердар, предупреждая его вопросы. — Я все подробно расскажу тебе потом; помоги мне сначала провести его в подземелье. Я завязал ему глаза, чтобы он не догадался, куда мы привели его.

Влияние Сердара на всех окружающих было так велико, что Рама-Модели не позволил себе сделать ни малейшего замечания. Он взял одну руку Тотты, тогда как друг его взял другую, чтобы помешать ему снять повязку, и оба вынесли его из шлюпки. Несчастный туземец снова принялся дрожать всем телом.

— Скажи ему, что ему незачем бояться нас, — сказал Сердар, обращаясь к Раме.

— Не знаю, поймет ли он меня, — отвечал последний, — некоторые из этих дикарей, заброшенные своими родителями с детства, доходят до такого состояния, что только кричат и от радости, и от горя, и от удивления и не в состоянии запомнить те выражения, из которых состоит язык их братьев, хотя и в нем всего только тридцать слов, не более.

Заклинатель пантер был прав; он никак не мог добиться, чтобы тотта-ведда его понял. Несчастный был, вероятно, покинут матерью с самого раннего детства, и совершенно непонятно, каким образом он мог существовать среди всякого рода окружающих его опасностей.

В нескольких шагах от озера среди чащи пальм, бамбуков и гуайявы находился целый ряд утесов, нагроможденных друг на друга и достигающих до пятидесяти-шестидесяти метров высоты. Сердар притронулся к одному из них, и часть его тотчас же повернулась, открывая вход, устроенный самой природой и только с одной стороны несколько расширенный рукой человека.

Маленький отряд спустя минуту скрылся внутри этого входа; Сами толкнул камень, закрывавший вход, и он принял свое прежнее положение, так естественно прикрывавшее отверстие, что даже самый опытный глаз не мог бы ничего заметить.

Снаружи оставался один только Барбассон, который должен был по своему обыкновению отвезти шлюпку в небольшой залив наподобие гавани, хорошо скрытый за ветвями деревьев, густо переплетенных лианами и ползучими растениями и образующих нечто вроде свода, где она была скрыта от всякого нескромного взгляда.

Пройдя двадцать метров среди полной темноты, Сердар и его спутники повернули вправо и очутились в обширном гроте, великолепно освещенном старой индийской лампой из массивного серебра с шестью рожками, которая висела под потолком пещеры, прикрепленная к нему посредством металлической цепи.

Сердар говорил правду, рассказывая Барбассону, что он еще несколько месяцев назад приготовил это убежище для последнего наследника древней империи Великих Моголов. Весь пол был устлан мягкими коврами из Кашмира и Непала, а вдоль стен, покрытых шелковой бенгальской материей, затканной серебром и золотом, стояли широкие роскошные диваны с подушками всевозможной формы и величины. Мебель и разные вещи, дорогие Нана-Сахибу по воспоминаниям, были перенесены сюда из его дворца в Биджапуре, в Декане, который находился всего в пятидесяти милях от Нухурмура. Благодаря почти полному уединению этой местности, совершенно опустошенной последними войнами маратхов, верный Нариндра и Рама-Модели, перелетные разносчиками, могли в несколько приемов перевезти эти вещи на спине слона, прикрыв их парусиной.

Вот почему принц, очутившись в этом месте после своего побега, полного тревожений, не верил своим глазам, увидев себя в роскошном помещении, напоминающем одно из помещений его дворца. Целый ряд других гротов, обставленных более скромно, были заняты спутниками изгнанного принца. Отсюда через коридор, расширенный беглецами, можно было пройти в глубокую долину с отвесными стенами, которую Рама-Модели открыл с опасностью жизни и которую называли колодцем Нухурмура.

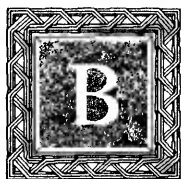
Нана-Сахиб жил здесь уже почти шесть месяцев с небольшим числом людей, оставшихся ему верными, а англичане до сих пор еще не могли напасть на его след.

Но напрасно долина была превращена в прелестный сад, напрасно принц был окружен здесь всем, чего только желал, напрасно спутники, полные уважения к его несчастью, обращались к нему, как к царственному лицу, — жизнь, которую он вел

в подземельях Нухурмура, так тяготила его, что он готов был отдать все спасенное им золото и драгоценные камни, чтобы вести свободную жизнь самого последнего из кули, ибо свобода есть первое благо в жизни, хотя ее ценят только тогда, когда потеряют. С некоторого времени он жил только одной надеждой: Сердар обещал ему отправиться на «Диане» вместе с Барбассоном на поиски какого-нибудь пустынного острова среди бесчисленных групп островов в Зондском проливе и на Тихом океане, куда все они собирались переселиться вместе с ним, вдали от мстительной Англии. С этого дня он то и дело побуждал его к исполнению своего обещания; но Сердар не хотел отправляться в такое далекое путешествие раньше, чем будет уверен в том, что утомленные войной англичане и целая армия их шпионов прекратят всякое преследование. В настоящее же время нечего было и думать о том, чтобы не только Нана-Сахиб, но и еще более Сердар, который своими подвигами прославился по всей Индии, покинули это убежище, не рискуя быть немедленно узванными и преданными в руки врагов.

III

Нана-Сахиб и Сердар. — Серьезный разговор. — Жизнь Барнета в Нухурмуре. — Барбассон-Орест и Барнет-Пилад. — Честолюбивые планы. — Слава Барнета не дает спать обоим друзьям. — Отсутствие Нариндры. — Грустные мысли. — Барбассон-лингвист.

ТУ МИНУТУ, КОГДА СЕРДАР ВХОДИЛ В грот, Нана-Сахиб сидел на диване и курил свой *гука*; шум шагов вывел его из глубокой задумчивости, и он бросился к входившему.

— Как я рад твоему возвращению, Сахиб! — принц никогда не звал его иначе, — ты запоздал сегодня, и я боялся, не случилось ли с то-

бой какого-нибудь несчастья.

— Нас задержало маленькое приключение, принц, в котором мы, к счастью, не подвергались никакой опасности. Но мы вынуждены были взять с собой нового сожителя, который, пожалуй, будет несколько стеснять нас.

И Сердар в нескольких словах рассказал Нана-Сахибу о том, что произошло. Тот-ведда, которому сняли повязку с глаз, тотчас же упал к ногам Сердара, которого он, по-видимому, признавал своим господином.

— Дай Бог, чтобы тебе не пришлось раскаиваться в том, что ты спас его, — сказал Рама. — Я знаю людей этого племени — у них нет середины: или они бывают злы и дики, как хищные звери, с которыми они живут, или кротки и привязчивы, как собаки, и бывают столь же верными, как и они, если только привязываются к кому-нибудь.

— Ты знаешь, что говорит наш божественный Ману, — отвечал Нана-Сахиб. — «Каждому доброму делу назначена своя награда владыкой всех вещей».

После нескольких минут разговора Сердар попросил имени-того изгнанника позволить ему удалиться вместе со своими товарищами, потому что всем им необходимо подкрепить себя пищей и затем ввиду позднего часа отправиться спать.

— Всегда один! — грустно прошептал принц, склоняя голову в знак согласия.

Предрассудки его касты абсолютно запрещали ему есть вместе с Нариндрой и Рамой-Модели, которые не принадлежали к его касте, и с европейцами, которые не принадлежали к его племени.

Гастроном Барнет, целый день охотившийся в верхних долинах, где никто не мог побеспокоить его, ибо ни один шпион не рискнул бы туда отправиться, вернулся домой с двумя молодыми оленятами и поджарил их на вертеле, следя за их приготовлением со всем вниманием гурмана. Мясо было поджарено в самый раз, и он начал уже браниться из-за промедления, когда приход друзей вернул ему снова хорошее расположение духа.

Сибарит вел здесь жизнь, как нельзя более соответствующую его вкусам; он охотился, ловил рыбу, готовил самые изысканные кушанья, которые он придумывал как для собственного удовольствия, так и для удовольствия своего друга Барбассона. Он почти не сожалел теперь о своем великолепном дворце в Ауде, откуда его без всякой церемонии выгнал некий капитан Максвелл после конфискации этого королевства лордом Гэлузи, генерал-губернатором Индии. Ненависть его к вышеупомянутому капитану даже ослабевала со дня на день, не потому, что он отказался покончить счеты со старинным врагом, а просто в описываемый нами период он ничего не желал в этом мире; свежая дичь каждый день, великолепная форель из озера, полное изобилие всевозможных тропических плодов, паштеты из гусиной печенки, норвежские анчоусы, оренбургская икра, копченая лососина из Сакраменто, окорока из Йорка и т.д. — всего не перечислить. Прибавьте ко всему этому лучшие вина Франции, Германии, Венгрии, вино из Кейптауна, бесчисленное количество ящиков с портером и индийским элем, шкаф с ликерами, и вы поймете, как

должен был наслаждаться Барнет среди такого изобилия, которого он нигде больше не надеялся найти.

Он ни в чем не терпел недостатка, даже в дружбе, этой усадле жизни, на которую так скупы боги, что она встречается на земле лишь в виде исключения. Барнет встретил Барбассона, как и Барбассон встретил Барнета; они дополняли друг друга. Посмотрите, сколько сходства между ними! Один родился в Марселе, другой в Нью-Йорке, в двух морских портах; когда один говорил

о Канебьере, другой говорил о Бродвее. Оба почти в одно и то же время были выгнаны своими отцами; оба получили от почтенных виновников их появления на свет одно и то же предсказание, что их или расстреляют, или повесят; заметьте, что в данный момент они находились на дороге к тому или другому и остановка была только за выбором; для окончательного решения вопроса им достаточно было прогуляться на равнину к англичанам. Оба бродили по всему свету и практиковались в разных ремеслах; если один вырывал зубы в тридцать пять секунд, то другой подшивал новые подметки к сапогам в двадцать пять минут; если Барбассон был адмиралом без флота у его высочества султана маскатского, то Барнет был артиллерийским генералом без пушек у экс-раджи Ауда. Мы никогда не закончили бы, если бы захотели перечислить все черты сходства, существующего у этих знаменитых особ. Ко всем их качествам можно прибавить еще одно — быть верными в несчастье: правда, они находили это для себя выгодным и не могли выйти отсюда, не рискуя испытать на себе справедливости предсказания своих отцов, но совершенства нет на земле; во всяком случае, отличались безусловной храбростью, которую никто не мог отрицать. Они, конечно, не бежали сами навстречу опасности, предпочитали даже не встречаться с нею, но если к этому их вынуждали обстоятельства — сражались отчаянно. Чего же больше спрашивать с них?

Они были связаны узами такой тесной дружбы, что Барбассон-Орест не мог обойтись без Барнета-Пилада, а Пилад-Барнет не мог обойтись без Ореста-Барбассона. Они наслаждались жизнью, не заботясь о завтрашнем дне. Два этих существа были самыми счастливыми из всех людей, окружающих Нана-Сахиба; подчиняясь абсолютному влиянию Сердара, они были всей душой преданы ему и готовы идти за ним в огонь и воду, в том случае, конечно, если огонь этот был недалеко.

Одна только мысль мешала им быть совершенно счастливыми: англичане могли в один прекрасный день схватить Нана-Сахиба, несмотря на охрану и преданность, окружающих его людей. Друзья не сомневались в том, что они найдут способ скрыться, но что будет тогда с ними, привыкшими к наслаждениям спокойной, свободной от угрызений совести жизни? Начинать снова бродячую жизнь вокруг света было им не по вкусу; Барбассон мог вернуться в Маскат, но, во-первых, казначей султана всегда забывал платить ему жалованье в течение двух лет его службы, что вынуждало его вознаграждать себя, увеличивая в свою пользу сбор таможенных пошлин, а во-вторых, он мог найти свое место занятым, ибо благодарность государя — вещь ненадежная: «настроение государя меняется, и безумец тот, кто

ему доверяет», — сказал поэт. Правда, Мариус Барбассон исполнял обязанности адмирала и дантиста его величества, но так как он вырвал у него последний зуб за неделю до своего отъезда в Индию, то не мог больше рассчитывать на зубную боль, чтобы вернуть все свое прежнее влияние. Друзья много раз ломали себе голову над решением этой трудной задачи; уже несколько месяцев думали они об этом, когда в одно прекрасное утро Барбассон в костюме Архимеда ворвался в грот, где спал Барнет.

— Нашел! Нашел! — крикнул он, как сумасшедший.

— Что такое? — спросил янки.

— Нашел средство устроить наши дела в тот день, когда бедный принц...

— Понял, покороче!

— Не ты ли рассказывал мне, что твои соотечественники отличались страшным легковерием и какой-то Барнум нажил себе целые миллионы, показывая им кормилицу великого Вашингтона.

— Ничего нет более верного, я сам стоял у дверей и зазывал публику...

— Побоку Барнума! Мы соблазним какого-нибудь индуса.

— Золотом!

— Где ты его возьмешь? Обещаниями... в этом отношении мы достаточно богаты.

— Догадываюсь...

— Дай мне кончить. Мы наденем на него старый ковер, тюрбан и саблю и перевезем его в твою страну.

— Барбассон, ты поражаешь меня!

— Мы будем брать один шиллинг за вход и показывать индуса под именем великого, несравненного Нана-Сахиба, о которого в течение двух лет разбивались все силы Англии.

— Барбассон, ты велик, как мир!

— Это не твои слова, но все равно, я принимаю их, — они вполне к месту. Мы скопим денег, купим виллу в окрестностях Марселя и будем проводить дни, имея золото, вино из Бордо, трюфели и шелка.

Друзья упали в объятия друг друга и с тех пор больше не беспокоились о будущем.

Простившись с Нана-Сахибом, наши авантюристы отправились в свой грот, который выходил на внутреннюю долину, и сели ужинать. Нариндра не занимал сегодня своего обычного места; вот уже неделя, как он уехал в Бомбей за европейской почтой, приехавшей туда для Сердара на имя преданного члена тайного общества Духов Вод, к которому принадлежали также он и Рама.

В этот вечер Барнет и Барбассон были особенно веселы и воодушевлены, но их оригинальные выходки не веселили сегодня Сердара, который ел с рассеянным видом и все время после своего возвращения в Нухурмур был мрачен и озабочен; он не обращал внимания даже на тот-ведду, который, сидя на корточках, ловил на лету, как собака, все, что ему бросали. Отсутствие маратха, который был всегда олицетворением точности и должен был вернуться еще сутки тому назад, внушало ему дурные предчувствие. Он не мог определить свои ощущения, но ему казалось, что в воздухе висит какая-то опасность, против которой он чувствовал себя бессильным, а между тем в последних известиях, принесенных Рамой-Модели, не было ничего, что указывало на неминуемую гибель, — он сам это сказал Барбассону.

Может быть, дело заключалось в том, что этот чуткий и деликатный, несколько нервный человек внешность которого указывала на высокое происхождение и которого какое-то странное, таинственное приключение выбросило из привычной ему среды, должен был по временам страдать, находясь среди авантюристов, не имевших с ним ничего общего.

Рыцарь в душе, он мечтал о независимости Индии, как о мести Франции и Дюплекса своим вечным врагам; десять лет своей жизни он потратил на то, чтобы соединить и держать в своих руках все нити обширного заговора, который должен был навсегда уничтожить английское владычество на берегах Ганга. И вот на другой день после достижения успеха, когда во власти притеснителей этой древней страны оставалось всего только три города, почти без всякого укрепления, — Калькутта, Бомбей и Мадрас, он не мог заставить вождей восстания выступить против этих оплотов чужеземца, а затем уже приняться за восстановление трона Дели. Он никак не мог заставить их понять, что реставрация империи Великих Монголов, показав индусам, что они, сбросив иго одного господина, принимают на себя иго другого, должна была парализовать общее воодушевление и придать восстанию характер обыкновенного бунта, а не народного движения. Юг Индии, не желавший владычества мусульман, отказался принять участие в восстании, и Сердар в тот же день понял, что победа англичан — вопрос времени. Но он поклялся отнять у них трофеей этой победы и спасти Нана-Сахиба; проявив настоящие чудеса отваги и хитрости, он добился своей цели, но сколько еще времени удастся ему скрывать принца от врагов? Бывали дни, когда он совсем отчаивался в этом, а сегодня вечером будущее казалось ему еще более мрачным и покрытым черными тучами. Если его схватят, то ему не окажут чести умереть от двенадцати пуль, как солдату, с ним поступят, как с разбой-

ником с большой дороги, и повесят в Калькутте напоказ индусам, которых он хотел освободить.

Какой грустный конец для него... и какое горе для Дианы, его милой сестры! Она должна знать теперь, что ее брат, которого она еще лет двадцать тому назад считала умершим, еще жив... Но почему она не пишет ему? Неужели ее воспитали в уверенности, что брат обесславил ее?... Да, он покинул Францию обесчещенным, разжалованным... Он носил уже эполеты и шпагу... Богу известно, виновен ли он? Что ж из этого? Жизнь отца ее детей стоила нескольких строчек благодарности... И ни одного слова, ни одного воспоминания по крайней мере, от имени жены и матери, если сестра не захотела признать брата... Нет, она не пишет! Фредерик де Монмор-Монморен не существует больше, есть только авантюрист, которого англичане повесят при первом удобном случае...

Таковы были размышления, волновавшие Сердара, в то время как другие два его товарища пили, смеялись и забавлялись с тотаведдой, как с животным, которого дрессируют. Последний, не бывавший никогда на таком празднестве, пожирал со страшной жадностью все, что ему давали, повторяя после каждого куска тот странный крик, который он издавал раньше на шлюпке: Ури! Ури! Ури! Так как это слово следовало за питьем, предложенным ему Сердаром, а теперь за каждым куском, который ему давали, то Барбассон решил, что это восклицание служит дикарю для выражения удовольствия и должно соответствовать тем словам в других языках, которые применяются ко всем предметам, употребляемым в пищу и доставляющим наслаждение.

— Я не знал, что вы такой лингвист, Барбассон, — сказал Сердар, который поборол мало-помалу свои мрачные мысли и с любопытством следил за упражнениями своего питомца, забывшего, по-видимому, о своей ране.

— О! — воскликнул провансалец с комическим увлечением. — Это явилось у меня по вдохновению.

— Он, быть может, останется с нами, ему здесь нравится, — продолжал Сердар. — Я того мнения, что его следует назвать Ури — первым словом, которое он произнес.

Услышав знакомое слово, произнесенное тем, который нравился ему больше других, тотаведд взял его руки и несколько раз приложил их к своему лбу.

— Это знак приветия у этих несчастных, — сказал Рама-Модели, — он хочет дать тебе понять, Сердар, что любит тебя и будет предан тебе до смерти.

— И ты думаешь, Рама, что у него могут быть такие высокие мысли?

— Все же у него мозг человеческий, Сердар, но, живя среди листвы деревьев, как обезьяна, он не общался с другими людьми и не научился думать.

— И не имеет понятия о цивилизации, Рама, которая представляет совокупность всех человеческих традиций. В этом отношении досталось на его долю немного. Ты сам говорил, что у людей его племени всего тридцать-сорок слов для обозначения тех физических потребностей, которые они вынуждены удовлетворять. Если же предположить, что привезенный нами бедный тот, как это видно по отсутствию у него членораздельной речи, был брошен в детстве своими родителями, то в мозгу его не могли возникнуть понятия о привязанности, благодарности и т.д. и мы имеем перед собой существо, способное поддаться некоторому воспитанию, но не превосходящее в данный момент своим духовным развитием тех обезьян, с которыми он жил. Я думаю даже, что он никогда не научится говорить, потому что мозговые центры, управляющие членораздельной речью, атрофируются при отсутствии упражнения. Когда человек в таком виде достигает зрелого возраста, зло уже непоправимо и орган мышления не поддается развитию.

— Вы говорите, как по книге, Сердар, — вмешался Барбассон. — Вы думаете, следовательно, что это выродившееся существо не способно усвоить никакого языка?

— Нам удастся, конечно, внушить ему кое-какие понятия, он будет даже понимать смысл наших выражений, я думаю только, что теперь слишком поздно развивать его мозговой центр речи, т.е. учить говорить. Это своего рода опыт; за ним будет очень интересно следить, и он предоставит нам некоторое развлечение в нашей уединенной жизни, если только Богу угодно, чтобы она была такой же мирной, как раньше, и если этот дикарь, дитя леса, согласится остаться с нами, потому что воля его должна быть в той же мере изменчива, в какой мозг его мало развит.

Время за этими разговорами прошло быстро и наступил час отдыха. Каждый из обитателей Нухурмура удалился в ту часть пещеры, которая ему была предназначена; Сердар, уходя, поручил Сами непременно разбудить его, как только вернется Нариндра.

Когда тот-ведда, которого мы впредь будем называть данным ему именем Ури, увидел, что все готовятся ко сну, он стал выказывать явные признаки беспокойства, и Рама-Модели догадался, что он по своей привычке проводить ночи на деревьях ищет, где бы ему примоститься для сна. Сердар приказал открыть дверь, сообщавшуюся с долиной, где находилось несколько вековых баньянов, на широких внутренних разветвлениях которых туземец мог удобно устроиться сообразно своим при-

вычкам. Увидев их, Ури вскрикнул от радости и бросился к первому из деревьев; вскоре послышался треск ломаемых веток и шум срываемых листьев. Тота готовил себе постель на ночь.

Европейцы и туземцы вернулись в свои пещеры; мало-помалу все стихло в Нухурмуре, и молчание нарушалось только криком диких зверей, вышедших на поиски добычи, или мычанием буйволов, спешащих на водопой, в ответ на которые раздавался по временам раздраженный голос Ауджали, стоявшего недалеко оттуда в помещении, устроенном исключительно для него. Но авантюристы привыкли к этим крикам; лесные голоса вполне гармонировали своей суровой и дикой поэзией с их чувствами.

IV

Ночь в Нухурмуре. — Странное рычание. — Танец пантер. — Ури — заклинатель. — Минута страха. — Заслуженное наказание. — Ури — спаситель. — Попытка бежать. — Бегство Ури. — Сон Нана-Сахиба. — Крик силена. — Ночная экскурсия по озеру. — Сигнал Нариндры. — Почта из Франции. — Душевное волнение. — Приезд Дианы. — Новости извне.

АШИ ГЕРОИ СПАЛИ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ, когда их внезапно разбудил странный концерт, раздававшийся, по-видимому, из внутренней долины. Это было нечто вроде смягченного рычания, сопровождаемого мяуканьем, похожим на мяуканье кошки, но более громкое и резкое; в ответ на это раздавалось

другое, более нежное, но очевидно того же самого происхождения.

Сердар, Рама-Модели и Сами мгновенно вскочили на ноги, но Барнет и Барбассон продолжали спать спокойным сном людей, переваривающих пищу и не желающих беспокоить себя из-за пустяков.

— Ты слышишь эту дикую музыку, Рама? Что случилось? — спросил Сердар.

— Это рычание, Сахиб, походит на рычание пантеры, когда она в хорошем расположении духа и играет со своими детенышами и когда ничто не нарушает ее веселья. Слушайте... Это более нежное мяуканье издают ее детеныши, отвечая матери.

— Все это происходит в нашей внутренней долине, не правда ли?

— Да, крики идут оттуда.

— И ты думаешь, что это забавляются пантеры, а не сервалы... Это было бы менее удивительно.

— Это пантеры, Сахиб, — настаивал Рама-Модели.

— Странно! — прошептал Сердар.

— Пантеры так же ловки, как дикие кошки, и им ничего не стоит спуститься вниз, цепляясь за бамбук и кусты. Я же сделал это.

— Да, но детеныши?

— Они последовали за матерью.

— Удивительно! Сколько месяцев мы уже здесь, и только первый раз дикие звери осмеливаются проникнуть в эту долину.

— Верно, Сахиб! Но также первый раз в долине спит человеческое существо, то есть добыча.

— Твоя правда, но в таком случае, если эти животные привлечены запахом Ури, они съедят его.

Заклинатель пантер кивнул в знак согласия.

— О, нет, этого не будет, — сказал Сердар. Идем к нему на помощь, нашего присутствия достаточно, чтобы обратить их в бегство.

— Благоразумнее посмотреть сначала, что там происходит. Нам это будет тем легче, что луна освещает теперь всю долину, а слишком веселое настроение пантер не говорит о том, чтобы они ловили добычу.

— Ты уверен в этом?

— Тебе известно, Сахиб, что я всю свою молодость вместе с моим несчастным отцом, убитым в Хардваре, провел в изучении нрава молодых пантер, которых мы дрессировали для продажи фокусникам. Этих животных, особенно больших полосатых пантер из Малабара, которые достигают роста королевского тигра, легче всего укротить и приручить. Я очень хорошо изучил все особенности их голоса и могу уверить тебя, что те пантеры, которые находятся теперь в долине, думают только об игре, а не об утолении своего голода. Когда пантера преследует или подстерегает добычу, она молчит, поэтому-то она так опасна для охотника.

— Полагаюсь на тебя, Рама! Будем действовать осторожно и захватим на всякий случай карабины; мы должны быть наготове, чтобы помочь бедному тоту. Сами останется здесь, он не вооружен и будет стеснять нас.

Оба дошли до конца узкого коридора, осторожно толкнули камень, служивший вместо двери, но открыли его не совсем, а лишь настолько, чтобы в случае надобности его можно было сразу закрыть. Они старались не производить шума, чтобы не встревожить пантер, и стали на пороге, задерживая дыхание и

по возможности смягчая свои шаги. Перед ними открылось самое странное, самое оригинальное и в то же время самое прелестное в мире зрелище. На некотором расстоянии от того места, где они находились, Ури спокойно играл с двумя прекрасными полосатыми пантерами той породы, о которой говорил Рама-Модели. Они то катались по земле, причем все трое так сплетались между собой, что превращались в бесформенную массу, напоминающую одно из фантастических животных, придуманных воображением китайских живописцев, то принимались бегать друг за другом, перепрыгивая один через другого и принимая самые грациозные кошачьи позы. Зрители этой трогательной сцены сразу поняли значение криков, которые так заинтриговали их. Пантеры, играя со своим другом, нежно и шаловливо ворчали, а тот подражал им с таким совершенством, хотя и не мог придать той же звучности своему голосу, что даже Рама-Модели ошибся и приписал его крики детенышам пантеры.

— Я никогда не видел ничего более любопытного и необыкновенного, — шепнул Сердар на ухо Рама.

— Это случается не так редко, как думают, — отвечал последний таким же шепотом. — Тота-ведды берут пантер еще детенышами, кормят, постепенно приручают их и так привязывают к себе, что те никогда не расстаются с ними и ведут вместе один и тот же образ жизни. Когда тот поймает лань или дикую козу, он часть отдает пантере, и животное терпеливо ждет возле него, пока тот делит дичь на куски. Если, напротив, пантера задушит вепря или теленка буйвола, то животное предоставляет дележку своему хозяину и получает тот кусок, который тому вздумается дать ей. Тота-ведда старается всегда приучить пантеру брать пищу только из его рук, чтобы ей и в голову не приходило, что она может сама распоряжаться ею. Большая часть этих животных, которых мы обучали, была продана нам жителями леса. И всегда это были детеныши, взятые в логовище во время отсутствия матери, но никогда ни один тот не соглашался отдать нам взрослую пантеру, спутницу своей жизни.

Пока они шепотом разговаривали между собой, Ури и пантеры, все еще продолжая играть, удалились на другую сторону долины, и Сердар, не видя их больше, потому что они скрылись за деревьями, машинально продолжал двигаться в том же направлении, а за ним Рама, по-прежнему дававший свои объяснения.

Ни тот, ни другой не думали о том, как неосторожно они поступают, особенно если учесть что, увлеченные грациозной игрой, они оставили свои ружья у входа в пещеры, чтобы ничто не мешало им любоваться зрелищем, столь же любопытным,

сколь и трогательным. Вдруг одна из пантер, прыжками возвращавшаяся назад, заметила двух неожиданных посетителей, которые осмелились нарушить их дружеские забавы. Она сразу остановилась и, положив морду на передние лапы, приняла кошачью позу, собираясь броситься на добычу и громко рыча... Сердар и Рама хотели бежать, но было уже поздно... они не успели бы преодолеть пространство, отделявшее их от входа, и были бы настигнуты пантерой... Вторая пантера, продолжавшая играть с Тотой, присоединилась к ней в четыре-пять громадных прыжков и приняла выжидательную позу.

Сердар и Рама почувствовали себя на краю смерти. Стоило им повернуться как кошки были бы у них на плечах; им ничего больше не оставалось, как стоять неподвижно и пытаться испытывать действие человеческого глаза на этих животных, чего нельзя отрицать, хотя подобное средство удастся не всегда. Посмотрите на укротителя, умиротворяющего своего льва или тигра: он ни на секунду не упускает их из виду, держа их все время под воздействием своего взгляда. Но ночью сила этого воздействия уменьшается; прошло несколько секунд — и обе кошки, как бы по обоюдному согласию, испустили еще более грозное рычание, чем в первый раз, съезжились и, ударяя себя хвостами по бокам, приготовились прыгнуть, когда вдруг вся сцена мгновенно изменилась.

Тота подбежал к ним почти в одно время с пантерами, но, не понимая еще опасности, которой подвергались люди, остановился возле животных и скорее с любопытством, чем со страхом, наблюдал за представшим перед ним зрелищем. Прошло несколько секунд самого невероятного напряжения, в течение которых Сердар и его товарищ считали себя уже погибшими. К счастью, у людей, закаленных среди всевозможного рода опасностей, ум работает тем яснее, чем сильнее угрожающая опасность.

— Неужели это грубое создание допустит, чтобы нас разорвали на куски? — подумал Сердар.

И в ту же минуту в голове его мелькнула мысль, заставившая его похолодеть от ужаса. Вдруг тот думает, что и они также будут играть с пантерами? Тогда они действительно погибли. И он с отчаянием крикнул:

— Ури!

Это слово было произнесено с выражением такого ужасного отчаяния, что в неподвижном мозгу дикаря что-то шевельнулось... У него, без сомнения, мелькнуло вдруг осознание опасности, угрожавшей его другу... тому, кого он два раза признал своим господином, упав к его ногам... Он моментально схватил висевшую подле него ветку дерева, сломал ее с такой силой, какой у

него и подозревать нельзя было, и, бросившись на пантер, принялся бить их, как попало, издавая с выражением необычайного гнева при этом целый ряд восклицаний и странных криков, не встречающихся ни в одном языке мира.

И удивительная вещь! Пантеры, вместо того чтобы разозлиться за такое обращение, сразу успокоились и подползли к ногам своего хозяина, прося у него прощения, как это делают молодые щенята, когда их наказывают. Но дикарь не удовольствовался этим; он погнал их перед собой, как бы приказывая им воздать должную дань и его новым друзьям. Затем он передал Сердару ветку и сделал ему знак, чтобы и он в свою очередь хорошенько наказал пантер. Когда последний отрицательно покачал головой, Ури принялся жестикулировать с необыкновенным жаром, указывая ему то на животных, то на свои зубы, и, чтобы дать лучше понять себя, открывал и закрывал рот, делая вид, что хочет укусить и разорвать что-нибудь.

— Повинуйся ему, Сахиб! — сказал Рама-Модели. — Тота хочет тебе сказать, что если ты не желаешь, чтобы эти животные съели тебя когда-нибудь, ты сегодня же должен дать им почувствовать свою силу... Он прав, поверь моей опытности, и бей по сильнее!

Сердар не колебался больше, и пантеры покорно приняли от него наказание. Он протянул затем ветку Рама, чтобы тот исполнил ту же экзекуцию, но индус тихонько отстранил его руку.

— Нет, — сказал он. — Я не пользуюсь такими средствами, а так как животные теперь успокоились, то хочу посмотреть, не забыл ли я своего прежнего ремесла... Оставьте меня одного с ними, на четверть часа только.

— Разве эта последняя формальность необходима? — спросил Сердар, улыбаясь.

— Непременно, Сахиб! Я, вы знаете, принадлежу к касте заклинателей, которая состоит из небольшого числа членов; перед тем, как нас обучают этому искусству, мы должны поклясться Питре, т.е. душами наших предков, что никому не откроем тайны, доверенной нам. Кто нарушает эту клятву, тот сразу теряет свою власть, вот почему я не решился прибегнуть к заговору, когда эти ужасные животные набросились на нас.

Сердар не настаивал; он давно уже знал, что невозможно бороться с предрассудками даже самых развитых и умных индусов. Он сделал знак Ури следовать за собой и, взяв его тихонько за руку, заставил его войти в пещеру. Влияние его на этого дикаря было так велико, что последний не выказал ни малейшего знака удивления по поводу поступка, которого он не понимал.

Когда спустя несколько минут Рама позвал Сердара, он лежал, небрежно развалившись на обеих пантерах, которые нежно лизали ему руки. Не успел, однако, показаться тот, как пантеры оставили Раму и бросились к своему хозяину, осыпая его ласками с нежным прерывистым ворчанием, чтобы показать, вероятно, как они рады снова видеть его. Сердар не пытался даже скрыть свое удивление при виде такого быстрого результата, потому что друг его в первый раз показывал ему свое искусство.

— Действительно чудеса! — сказал он Раме, поздравляя его. — Ты также быстро можешь усмирить и пантер из джунглей?

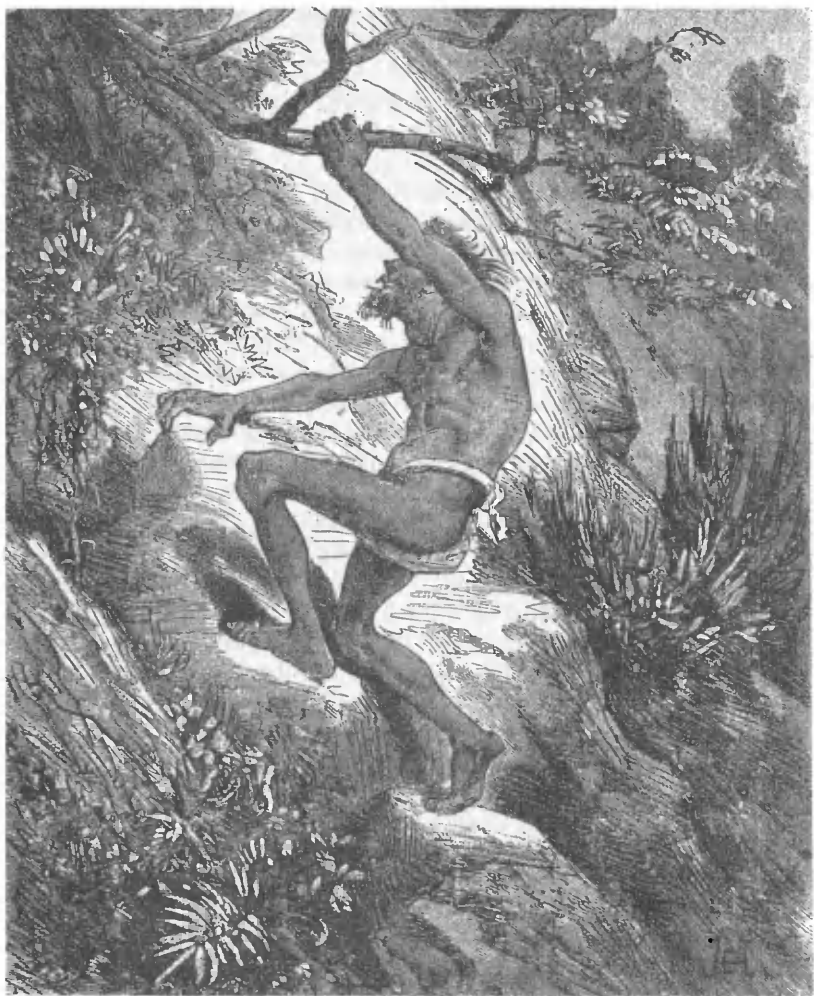
— Это будет немножечко подольше, Сахиб, — отвечал заклинатель. — Я уверен, однако...

Он не кончил начатой им фразы. Хорошо знакомые всем обитателям Нухурмура звуки рога, которыми они давали друг другу знать о себе, послышались вдруг где-то вдаль, но так слабо, что не будь ночной тишины, никто не услышал бы их.

— Это Нариндра, — сказал Сердар с невыразимой радостью. — Это он, я узнаю его сигнал; слушайте! Ауджали отвечает ему. Умное животное поняло призыв своего карнака.

Это был действительно Нариндра, к числу обязанностей которого принадлежали и заботы о слоне. Вмешательство последнего произвело поразительное действие. Испуганные криками колосса, которого боятся все жители леса, пантеры мгновенно вскочили на ноги и пустились бежать вдоль по долине; достигнув противоположной ее оконечности, они, нисколько не колеблясь и не уменьшая быстроты бега, начали карабкаться вверх по вертикальной почти стене, цепляясь за карликовые пальмы и бамбук, пока не добрались до плато, где исчезли из виду в одну минуту. Присутствующие не успели еще опомниться от удивления, как тот, следуя данному примеру, пустился с поразительной быстротой по долине и начал в свою очередь опасный подъем, хватаясь руками за ветки и кусты. Присутствующие были поражены; они не считали его способным на такой подвиг, особенно с его раной.

Не сказав друг другу ни слова, Сердар и его товарищ бросились его преследовать — у них мелькнула одна и та же мысль. Их собственная безопасность требовала не выпускать из рук этого туземца, который знал теперь тайну их убежища и мог со дня на день, сам быть может не желая и не понимая важности такого поступка, выдать их врагам. Ему захочется, быть может, вернуться в долину, и тогда достаточно будет какому-нибудь шпиону увидеть его спуск, чтобы заинтересоваться, куда и для чего он спустился. Оттуда до открытия Нухурмура один шаг... Несмотря на быстроту бега, Сердар и Рама добежали до конца

долины только для того, чтобы увидеть бесполезность своей попытки... Тота-ведда был уже почти наверху.

— Это бегство, Рама, большое несчастье, — сказал Сердар тоном полного уныния. — Ты знаешь, суверен я или нет. Так вот, у меня предчувствие, что этот бедный идиот, будет причиной нашей гибели.

— Ты напрасно так беспокоишься, Сахиб! Необходимо невероятное, можно сказать, невозможное сочетание обстоятельств,

— отвечал Рама, — чтобы этот дикарь, который лишь чуть поумнее двух пантер и не говорит ни на одном понятном языке, мог выдать тайну нашего убежища. Ты знаешь, что одного вида людей достаточно, чтобы заставить его бежать.

— Я желал бы ошибиться, Рама! Будущее покажет, кто из нас двоих прав.

Все произошло так быстро и Сердар придавал такое важное значение этому происшествию, что оба забыли на минуту о сигнале Нариндры, который, изнемогая, без сомнения, от усталости не хотел обходить вокруг озера и просил, чтобы за ним выслали шлюпку. Повторные крики Ауджали напомнили им об этом. Слон очень любил своего карнака, у которого всегда были наготове какие-нибудь лакомства для него; вот почему он не переставал волноваться с первых же звуков рога.

— Не стоит никого будить, — сказал Сердар, — мы одни переедем на ту сторону озера, а Сами прикажем не спать до нашего возвращения. Я с нетерпением жду новостей от друзей и, — прибавил он со вздохом, — если бы еще получить почту из Франции!.. Прогоним, впрочем, эту тщетную надежду... Так горько бывает разочарование.

Они молча направились в пещеры, закрыли за собой скалу и, отдав необходимые распоряжения Сами, направились к выходу. Все спокойно спали в гротах, куда не проникал никакой шум извне. Проходя через комнату Нана, они остановились на минуту; принц ворочался на диване, который служил ему вместо постели; ему что-то не спалось, и он говорил бессвязные слова. Вдруг он приподнялся и, протянув руку, ясно произнес на индусском наречии: «За веру и отечество, вперед!», а потом снова лег, продолжая бормотать невнятные слова.

— Бедный принц! — воскликнул Сердар, проходя мимо. — Это те самые слова, которыми он вдохновлял сипаев идти на англичан. Будь у него столько же ума, сколько мужества, ни он, ни мы не были бы здесь.

Придя на берег озера, Сердар взял свой буйволоковый рог, чтобы отвечать Нариндре, который то и дело повторял свои сигналы, не зная, слышат его или нет. Он извлек из него сначала звучную и продолжительную ноту, которая на условном языке означала: «мы слышали»; затем вторую отрывистую, быструю: «мы поняли», и, наконец, две, одну за другой: «мы сейчас будем в шлюпке».

Он остановился и ждал.

В ту же минуту из-за озера послышался целый ряд условных звуков — ответ Нариндры: «Это я, Нариндра, я вас жду».

Осторожность требовала, чтобы они имели в своем распоряжении целый ряд всевозможных сигналов; без этого они могли,

ни о чем не подозревая, попасть в засаду, тогда как малейшего изменения не только количества нот, но и известной интонации, было достаточно, чтобы предупредить друг друга об опасности.

Пять минут спустя шлюпка быстро и безмолвно неслась по поверхности воды. Луна скрылась в это время по другую сторону гор и на озере, которое было окружено со всех сторон высокими вершинами Нухурмурских гор царила полная темнота. Озеро, не освещенное ни одним лучом света, казалось черным, как чернила. Темное беззвездное небо нависло над утрюмым пейзажем, точно мраморная крышка над гробом.

Это зрелище было предназначено не для того, чтобы прогонять мрачные и грустные предчувствия, угнетавшие Сердара в течение всего вечера. Друзья проехали уже две трети пути, не обменявшись между собой ни единым словом, когда пронзительный крик, похожий на свист макаки-силена (род обезьян, весьма многочисленных в лесах Малабарского берега), прервал вдруг их молчание.

— Что это значит? — воскликнул Сердар, вскочив на ноги. — Не сигнал ли это?

— Это значит, что мы приближаемся к берегу, — ответил Рама, — потому что леса, окаймляющие берега, дают убежище огромному количеству обезьян этого рода, и их крик не может представлять для нас ничего особенного.

— Да, но тебе должно быть известно также, что в тех случаях, когда звук рога может выдать наше присутствие врагу, мы замечаем последний криками животных, которых так много в этих лесах, что это никому не может внушить подозрения. Так, например, крик макаки-силена, повторенный два раза, означает...

Слова замерли на губах Сердара... тот же крик повторился вторично среди ночной тишины.

— А! На этот раз я не ошибаюсь, это сигнал, — воскликнул Сердар с еще большим волнением и, не дожидаясь ответа Рамы, бросился к машине. В ту же минуту шлюпка уменьшила ход, сотрясения винта мало-помалу сократились, и судно остановилось на некотором расстоянии от берега, близость которого невозможно было определить в темноте.

— Я повиновался сигналу, — сказал Сердар Раме, который в этот вечер был очень оптимистически настроен. — Он означает остановку, в какой бы точке земли или воды мы не находились! Там происходит что-то необыкновенное.

— В том случае, конечно, Сахиб, — отвечал Рама, — если сигнал этот подал Нариндра. Я, например, ничего не нахожу удивительного, если второй макака отвечает первому или один и тот же крикнул два раза.

— Во всяком случае я должен был повиноваться из осторожности, — продолжал Сердар с оттенком нетерпения в голосе.

— Я не порицаю того, что ты счел нужным сделать, Сахиб, я ищу только естественного объяснения фактов, в которых нет ничего удивительного в таких местах, как эти.

— Я желал бы, Рама, чтобы ты был прав... Во всяком случае мы скоро узнаем, в чем тут дело. Третий крик, продолженный с намерением указать его происхождение, будет означать: «вернуться обратно». Тогда уж никаких сомнений не будет.

Прошло четверть часа томительного ожидания, но третьего сигнала не было... напротив, тихий звук рога, придерживаясь условных правил, дал знать людям в шлюпке, чтобы они продолжали свой путь. Вскоре после этого они без всяких затруднений пристали к берегу.

— Это ты, Нариндра, мой верный друг? — крикнул Сердар, не выходя даже из шлюпки.

— Да, Сахиб, — отвечал звучный голос, — это я.

И Нариндра тотчас же прибавил:

— Почта из Франции, Сахиб!

Услышав эти простые слова, Сердар почувствовал, что у него подкашиваются ноги и кружится голова. Известие, которого он ждал целые месяцы и которое должно было показать ему, остались ли у него еще семейные связи, привязывающие его к жизни, или он всего лишь пария для своих и авантюрист для общества, — это известие Нариндра наконец привез. Оно здесь, в двух шагах от него; через десять секунд он прочтет его; жизнь его стояла на карте, решалась судьба... если ему некого больше любить, не на что надеяться... но нет, это невозможно. Его милая Диана, обожаемая сестра, не могла изгнать его из своего сердца... Естественно, что в тот момент, когда мысли роем теснились у него в голове, сплетаясь одна с другой, ноги не могли его больше держать, руки дрожали, голос был сдавлен... Вот уже двадцать лет, как он бродит по миру, склонив голову, удрученную презрением родных и проклятием своего отца!.. И ничего этого он не заслужил... Бог тому свидетель! Людское правосудие ошибается, но Божье никогда!

Вы не можете не понять теперь жгучей скорби человека, так несправедливо опозоренного... Скорби авантюриста, известного под именем Сердар, при воспоминании об этой прелестной белокурой головке, о сестре, которую он покинул ребенком и затем в один прекрасный день нашел ее сына и дочь, явившихся к нему с просьбой спасти их отца от мести сипаев... Он спас их всех троих, послав им свое имя вместо привета, когда пакетбот уносил их с Бомбейского рейда. При воспоминании сестре, ставшей жен-

щиной, женой и матерью в семье, которая могла быть и его семьей, он чувствовал ненависть к тем, которые изгнали его, не пожелав даже выслушать, и в то же время у него появлялось безумное желание вернуться во Францию с гордо поднятой головой и доказательствами своей невинности в руках, чтобы понудить людское правосудие, осудившее его, признать свое заблуждение и возратить ему честное имя, украденное негодьями... Он знал теперь, где ему достать эти доказательства, и то, чего он не сделал для тех, которые проклинали его кровь от своей крови, плоть от своей плоти, не желая принять, выслушать и снова разобрать дело, он сделает во имя воспоминаний своего детства, во имя сестры, которую он так любил, а для этого было достаточно, чтобы она написала ему: «Брат, вернись... я никогда не обвиняла тебя, я никогда не проклинала тебя... брат, вернись, я люблю тебя».

И если этот человек через две минуты... через две секунды узнает, написала ли ему это сестра, — неужели вы думаете, что он не имеет права волноваться?

И он даже не спросил Нариндру, почему он дал ему сигнал остановиться посреди озера, не следили ли за ним шпионы, занимаются ли до сих пор английские газеты Нана-Сахибом и им, Сердаром, подозревают ли о том, где они скрываются... Ее письмо... он думал только о ее письме, и когда Нариндра в тот момент, как ступил на землю, протянул ему пакет, он схватил это письмо, как скупец, хватающий потерянное им и снова найденное сокровище, прижал его к своему бьющемуся сердцу и, вернувшись немедленно на борт шлюпки, бросился в каюту, закрыл двери и люки, зажег лампу и положил драгоценное послание на стол. Писем оказалось пять; почему пять, когда только три человека знали, куда ему писать: лорд Ингрэм, верный друг, всегда веривший в его невинность и давший совет Эдуарду и Мэри обратиться к нему с просьбой спасти отца, бывший консул Калькутты, уполномоченный восстания в Париже, и сестра, которой он писал?

Он взял наудачу одно из них, желая испытать, поможет ли ему слепой случай найти именно то, которое он желал, и случай не обманул его — он взял письмо, которое бросилось ему в глаза своим изящным видом. Заметили ли вы, что наружный вид писем почти всегда отображает характер тех, кто их пишет, особенно женщин; а на этом, кроме изящества, была еще печать с гербом Монморов и Кемпбеллов. Дрожащей рукой сломал он печать, пробежал первые строчки и остановился, задыхаясь от волнения.

Да, это было письмо сестры, которое начиналось так:

*Дорогой брат!
Я никогда не обвиняла тебя, а следовательно, никогда
не судила, но я много плакала о тебе и люблю тебя, как
любила всегда...*

У него не хватило сил читать дальше, он опустил голову на руки и заплакал... Вот уже двадцать лет, как он не плакал... с того дня, когда военный совет лишил его чинов, когда с груди его сорвали орден Почетного легиона... он плакал теперь второй раз.

Плачь, бедный мученик чести! День оправдания наступит. Какова же будет твоя радость, когда ты, увидев свою любимую сестру, протянешь ей доказательства твоей невинности, говоря:

«Читай... уже оправданный в твоём сердце, я хочу быть оправданным и твоим умом, прежде чем ты поцелуешь меня в ответ на мой поцелуй».

Фредерик-Эдуард де Монмор-Монморен действительно дал себе клятву, что он увидится с сестрой только в тот день, когда ему удастся вырвать доказательство своей невинности у него-дедов, которые погубили его. Говорят, что слезы успокаивают; во всяком случае, они оказывают благотворное действие на нервы, и Сердар мало-помалу почувствовал это... Он мог продолжать чтение письма.

Письмо было полно благодарности за спасение мужа и отца. Она уже знала о насилии, применённом для спасения майора, которого честь обязывала умереть на своём посту; она была ему благодарна за то, что таким способом он спас честь офицера, спасая жизнь мужа; она знала, что он открыл свое имя Лайонелу Кемпбеллу, Эдуарду и Мэри только в тот момент, когда лодка, увозившая его обратно на берег, отчалила от парохода, шедшего в Англию, и ласково упрекала его за это.

Вдруг Сердара снова охватило сильное волнение. Что он прочел? Почему вскочил весь бледный, дрожащий?.. Диана писала ему, что Лайонел назначен полковником 4-го шотландского полка, стоящего гарнизоном в Бомбее, а Эдуард — прапорщиком того же полка. Могла ли она после этого оставаться в Англии с Мэри, когда ее муж, сын и брат, все, что для нее дорого в этом мире, будут вдали? Нет, сердце ее не могло устоять, а потому все они едут вместе на следующем военном судне, отправляющемся в Бомбей, и судно это называется «Принц Уэльский». Этот первоклассный броненосец этот находится под командой лорда Ингрэма, который всегда защищал его, всегда был искренним другом Фредерика де Монмора, т.е. Сердара... Через три недели или через месяц после того, как он получит это письмо, «Принц Уэльский»

будет в Бомбее.. Она знала об его участии в восстании, но все теперь кончилось, наступило полное умиротворение, и ее муж, поддерживаемый лордом Ингрэмом, получил от королевы приказ даровать амнистию Фредерику де Монмор-Монморену, признать его невиновным в участии, принимаемом им в восстании, запрещая кому бы то ни было преследовать упомянутого Фредерика де Монмор-Монморена, за исключением того случая, если он будет по-прежнему упорствовать и с оружием в руках препятствовать восстановлению власти ее величества в принадлежавших ей индо-азиатских владениях... И Диана надеялась, что брат ее уже давно сложил оружие и не нарушает королевского благоволения, продолжая служить идее, без сомнения, великодушной, но эфемерной... Не может быть, чтобы он пожелал иметь своими противниками зятя и племянника, которые как солдаты вынуждены будут повиноваться данному им приказу! Диана не думает этого, она убеждена в противном...

— Бедная Диана, если бы она знала! — сказал Сердар, дочитав длинное письмо до этого места. — Ах! Рок преследует меня, несчастья не перестают сыпаться на мою голову. Я не могу изменить своим клятвам и предоставить этого несчастного принца на волю англичан, которые в виде трофея повезут его из города в город, отдав его на поношение первым встречным... А с другой стороны, могу ли я отказаться от свидания, назначенного мне сестрой, не рискуя ослабить ее любовь к себе?.. И эта амнистия, которая дается только мне, могу ли я воспользоваться ею, не рискуя прослыть изменником в глазах моих товарищей?.. Что делать, боже мой? Что делать? Просвети меня лучом твоей бесконечной мудрости... Ты не допустишь торжествовать злу, разве только с той целью, чтобы заметнее было твое правосудие... Неужели я мало еще страдал и не имею право надеяться на мир и покой?

В конце письма Диана сообщала брату, что отец, умирая, простил его, убежденный в его невинности благодаря стараниям и доказательствам лорда Ингрэма. Остальные письма были от его зятя, племянника и Мэри; в них говорилось только о любви к нему и подтверждалось все, написанное в письме Дианы; пятое ему прислал его корреспондент из Парижа — оно не содержало ничего важного.

Прочитав несколько раз письмо своей сестры и покрыв его поцелуями, Сердар долго думал о том странном положении, в которое его поставили. Напрасно ломал он себе голову, придумывая план, который мог бы удовлетворить всем его требованиям, и наконец остановился на одной всеприменяющей мысли, а

именно, предоставить решение этого вопроса своим товарищам и затем поступить так, как будет предложено большинством.

Это решение вернуло спокойствие его измученному сердцу; в первый раз после долгих лет он почувствовал, что оживает; любовь сестры и ее семьи вернула ему надежду — это великое благо, без которого человечество давно уже впало бы в уныние. Когда к нему снова вернулось обычное самообладание, он вспомнил, что совсем забыл о своих товарищах за эти долгие часы размышлений. Было, вероятно, четыре часа утра; ночь все еще была темная, но мрачные тучи, заволакивавшие небо, теперь уже рассеялись, и мириады звезд, мерцавших на небе, достаточно ярко освещали поверхность озера.

Сердар вышел на палубу. Нариндра и Рама-Модели спали, завернувшись в одеяла. Он решил, что их незачем будить, так как маратх перед этим почти падал от усталости. Он пустил машину самым умеренным ходом. Ему было все равно, когда вернуться в Нухурмур — раньше или позже; он совсем не хотел спать, а приятная свежесть ночи окончательно успокоила его кровь, как огонь бурлившую в его жилах под наплывом испытанных им недавно волнений. Он установил румпель по направлению к пещерам, чтобы не отягощать свои мысли заботами об управлении шлюпкой, и сел на переднем планшире, откуда удобнее было следить за ходом судна. Это плавание, впрочем, не представляло ни малейшей опасности. Недолго оставался он предоставленным самому себе. Пробужденный дрожанием винта, Нариндра встал и, увидев Сердара, сел подле него.

— Сон не хочет знать меня, — сказал Нариндра тем мелодичным голосом, который поражал всех, кто в первый раз слышал его.

— Я и не поблагодарил тебя, как ты того заслуживаешь, — отвечал ему Сердар. — Тебе обязан я самыми великими радостями в моей жизни с тех пор, как я приехал в эту страну.

— Очень жаль, если я омрачу твою радость, — сказал маратх, — но я должен передать весьма важные известия своему другу.

— Говори!.. Я готов ко всему; после радости бывает грусть, после счастья — горькие разочарования. Такова участь всех человеческих существ и моя особенно, больше чем кого-либо другого, мой друг.

— Известия, привезенные мною, могут быть приятными и неприятными, смотря по тому, как ты на них посмотришь, Сердар! Английское правительство издало декрет о всеобщей амнистии относительно всех лиц, скомпрометированных последним восстанием; оно дает слово оставить жизнь Нана-Сахибу и платить ему пенсию, сообразную его сану. С ним, одним словом, будут

обращаться, как со всеми принцами, лишенными трона; к тем же, которые в течение месячного срока не сложат оружия, отнесутся как к разбойникам с большой дороги и повесят. Этот случай мне кажется весьма благоприятным, чтобы положить конец жизни, которую мы ведем, потому что рано или поздно...

— О! Я знаю англичан, — прервал его Сердар, — они нарочно притворяются ласковыми, чтобы захватить Нана-Сахиба и привязать его к триумфальной колеснице Хейвлока. Нет! Мы не можем допустить, чтобы зная независимости топтали в грязь и унижали его в глазах индусов!

— Однако, Сердар...

— Продолжай свой рассказ, увидим потом, как лучше поступить.

— Англичане узнали самым странным образом, что Нана не покидал Индии.

— Каким же образом?

— Боюсь причинить неприятность своему другу.

— Говори, не бойся... Я сказал тебе, что готов ко всему.

— Да, я буду говорить, потому что должен сказать правду. В газетах Бомбея пишут, что правительство из Лондона прислало депешу вице-королю Калькутты, предупреждая его, что из рассказов твоей семьи...

При этих словах Сердар так вздрогнул, что Нариндра остановился, не решаясь говорить дальше.

— Продолжай! Продолжай! — сказал Сердар дрожащим голосом.

— От твоих родных в Европе узнали, что ты остался в Индии, а так как всем известно, что Нана-Сахиб мог бежать только благодаря твоей помощи, то все уверены, что он не расстался с тобой. Вот почему отдано приказание обследовать по всем направлениям окрестности Ганга и большую цепь гор на Малабарском берегу — единственные места, где благодаря джунглям можно долго скрываться от самых тщательных поисков.

— А затем...

— А затем, не доверяя туземцам, вице-король отправил батальон 4-го полка шотландцев из Бомбея, чтобы осмотреть Гатские горы от Бомбея до мыса Кумари, тогда как другой батальон делает то же самое между Бомбеем и границами Кашемира.

— Прекрасно, нагуляются вдоволь, — холодно отвечал Сердар.

— Надеюсь... Сердара не так просто поймать. Не будет ли, однако, более благоразумным вместо того, чтобы противиться без всякой патриотической цели...

— Все? — перебил его Сердар.

— Я должен еще предупредить тебя, что большое количество индусов и иностранных авантюристов, соблазнившись суммой обещанной премии...

— Да, миллион, ни больше ни меньше... Англичане хорошо платят изменникам...

— ...готовятся идти вслед за войсками.

— Что касается этих, то мы заставим их раскаться в своей смелости. У солдат же не тронем ни одного волоска на голове; они повинуются тому, что им приказывают.

— Их начальник тоже получит снисхождение?

— Кто он?

— Капитан Максвелл.

— Мясник Хардвара, Лакхнау, Агры, Бенареса и сотни других мест?

— Он самый.

— Война закончена, и он не нападет на меня, у нас с ним нет ничего личного, но у него старые счеты с Барнетом и Рамой-Модели — вот случай для них свести баланс. Я думал, что этот убийца женщин и детей служит в туземной артиллерии?

— Да, но вице-король послал его в Бомбей с приказом губернатору назначить его командиром экспедиции.

— Этот человек счастлив только среди крови и слез.

— Мне осталось сказать еще одно слово, и Сердар будет знать все.

В эту минуту перед Нариндрой и Сердаром выросла тень и сказала, пожимая им руки:

— Спасибо, Нариндра, спасибо за хорошую новость.

Это был Рама-Модели, привлеченный разговором.

— Ты слышал? — спросил Сердар.

— Я никогда не сплю, когда говорят об убийце моего отца, — мрачно ответил заклинатель, — продолжай, Нариндра.

— У нас есть еще более опасный враг.

— Мы его знаем — это Кишнаия.

— А что вы о нем узнали?

Рама-Модели был недавно на равнине; ему сказали там, что Кишнаию видели в окрестностях.

— Говорят, правительство следит за всеми душителями в провинции, чтобы помешать им совершить празднество пуджа в честь Кали, а потому все они скрываются в горах на расстоянии десяти миль от Нухурмура. Закрывать глаза на это празднество обещали только с условием, взять в плен Нана-Сахиба; в таком случае им разрешат кровавые таинства, лишь бы только человеческие жертвы были взяты из их собственного племени.

— Это вещь серьезная, и надо быть настороже, — задумчиво сказал Сердар. — Один из этих демонов для меня страшнее всех шотландцев. Мы с Нариндрой кое что знаем об этом.

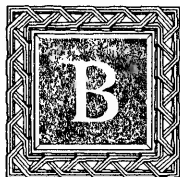
— Да, благодаря Кишнайн нас едва не повесили в Пуант-де-Галле.

— И если бы не хватило присутствия духа у нашего друга заклинателя, мы не разговаривали бы так спокойно на Нухур-мурском озере.

При этом воспоминании оба с чувством пожали руку Раме-Модели.

V

Торжественный час. — Совещание. — Комическое появление Барнета и Барбассона. — Клятва. — Планы защиты. — Донесение Барбассона. — Уриговорит. — Шпион Кишнайн, предводителя тхугов. — Факир попал в свою западню. — Ловкая защита. — Рам-Шудор. — Разговор между Рамой и Нариндрой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВСЕГО ЭТОГО РАЗГОВОРА
шлюпка спокойно продолжала свой путь, и наша авантюристы скоро уже должны были пристать к тому месту, которое находилось недалеко от входа в пещеры.

— Кстати, — сказал Сердар Нариндре, — наш разговор был так интересен, что мы забыли спросить тебя о причине твоего сигнала, который ты послал нам на озеро незадолго до нашего приезда к тебе.

— О, ложная тревога, — отвечал маратх, — мне послышался шум в кустах, и я на всякий случай, не узнав даже в чем дело, хотел предупредить вас, чтобы вы были настороже...

Шлюпка приближалась к берегу, и обязанности Сердара и Рамы-Модели, заключающиеся в том, чтобы уменьшить быстроту хода и направить шлюпку к месту остановки, не позволили Нариндре дать им более полное объяснение. К тому же факт, который так сильно взволновал обоих, когда они были посреди озера, потерял свое значение с той минуты, как Нариндра назвал его ложной тревогой.

День еще не начинался, когда шлюпка была уже поставлена на местов укромный угол в заливе, скрытом деревьями, и все трое вернулись в Нухурмур. Все еще спали, за исключением Сами, раба своей обязанности. Сердар приказал ему немедленно разбудить принца и двух других своих товарищей, — положение

было настолько серьезно, что требовало немедленного совещания.

Нана-Сахиб уже встал и приказал передать своим друзьям, что готов принять их.

— Что-то новое, кажется, — сказал он с тем покорным судьбе видом, который не покидал его со дня его несчастья.

— Да, принц, — отвечал Сердар, — обстоятельства исключительной важности... Нам необходимо собраться, чтобы составить план поведения и защиты, возлагающий на каждого известные обязанности и долю ответственности. Я подожду говорить, пока не явятся на зов два других наших товарища.

В ту же минуту в помещение принца ворвались с растерянным видом и вооруженные с головы до ног Барнет и Барбассон.

— Что случилось? — спросил Барбассон. — Нас атакуют?

Сердар, догадавшийся, что Сами подшутил над ними, не мог удержаться от улыбки, несмотря на всю серьезность положения.

Молодой Сами, на обязанности которого лежала тяжелая задача будить каждое утро неразлучных друзей, знал, с чем было сопряжено это удовольствие, когда он являлся, чтобы заставить их покинуть свои гамаки: направо и налево сыпались толчки и тумачи, которыми они щедро сопровождали свое вставание. Но это нисколько не беспокоило Сами, и он всегда добивался своего. Заметьте при этом, что адмирал и генерал сами назначали ему час, в который он должен был разбудить их в те дни, когда они не были дежурными. Молодой индус, видя своего господина озабоченным, хотел сократить три четверти церемоний, включая сюда и тумачи, а потому сразу вбежал в грот Ореста и Пилада, крича во все горло:

— Тревога, тревога! Атака на Нухурмур!

И в одну секунду оба были готовы.

— Извините за эту маленькую шутку, — сказал Сердар вошедшим друзьям, которые не знали, сердиться им или смеяться. — Мальчик виноват только наполовину; вы приглашены на военный совет, а такого рода совещания бывают только накануне битвы.

Эти серьезные слова сразу успокоили Барнета и Барбассона; они поставили свои карабины и заняли места на диване, где уже сидели их друзья. По приглашению принца, занимавшего место председателя, Сердар обратился ко всем с речью и изложил, ничего не опуская, все факты, уже известные читателю.

Он рассказал о письме своей сестры, о предстоящем приезде ее со всей семьей в Индию, об амнистии для себя, не снимая, однако, покрова, скрывающего таинственное происшествие, разбившее всю его жизнь, рассказал также своим слушателям о том,

что по странной и необыкновенной случайности доказательства его невинности почти находятся у него в руках, в самой Индии, и что благодаря содействию своих друзей он надеялся даже одно время завладеть ими, несмотря на трудность этого предприятия. В первую минуту у него под влиянием воспоминаний мелькнула мысль сделать их всех судьями своего положения и сообразно советам своих великодушных друзей оставить на некоторое время пещеры Нухурмура, но не одному, а с двумя из них, чтобы добыть доказательства несправедливости, допущенной по отношению к нему, и принести их сестре, когда она ступит на почву Индии. Это было бы для него величайшим счастьем, о каком только может мечтать человек! Когда он составлял этот план, в Нухурмуре уже шесть месяцев было совершенно спокойно; ему было известно, что все считают принца и его приверженцев бежавшими в Тибет или куда-нибудь в другое место и что преследование почти прекращено... Но вслед за этим он узнал один факт и его чести заставил его отказаться от взлелеянной им мечты.

Здесь голос Сердара понизился и дрогнул от волнения, но он тотчас же продолжал с твердостью.

— Я отказался от этого проекта или, вернее, отложил его до лучших времен, ибо мне тяжело думать, что все кончено для меня. Сделал я это потому, что положение вещей изменилось. Эти горы собираются прочесывать на днях и тхуги, и отряд английской армии, не говоря уже о бесчисленном множестве авантюристов, состоящих из отбросов всех наций и алчущих премии, обещанной за нашу поимку. Наши следы будут скоро открыты, мы вынуждены будем запереться в пещерах, выдерживать осаду, сражаться... И все это потому, что члены моей семьи, прося королеву о помиловании для меня, имели неосторожность сказать, что я остался в Индии. Это тотчас же навело наших врагов на мысль, и весьма логичную, что только в этих горах мы могли найти себе убежище, потому что в течение шести месяцев нигде в другом месте не обнаружено наших следов. Но ошибка моих родных должна тяготеть на мне одном, и если я говорю о ней, то лишь потому, что хорошо знаю, к чему меня обязывает долг и уважение к данному слову, и не допущу обсуждения этого факта. Мы все клялись защищать принца до самой смерти и все мы, я уверен, готовы сдержать эту клятву.

— Да, да! — крикнули Барнет и Барбассон, протягивая руки в сторону Нана-Сахиба. — Мы клянемся защищать его против англичан до самой смерти и скорее схоронить себя под развалинами Нухурмура, чем допустить, чтобы они взяли его в свои руки.

Странная вещь! Ни Нариндра, ни Рама-Модели не приняли участия в этой манифестации. Сердар не заметил этого, но слег-

ка нахмуренные брови Нана-Сахиба показывали, что он обратил на это внимание.

— Благодарю вас, друзья мои! — отвечал Нана-Сахиб, с жаром пожимая протянутые ему руки. — Я и не ожидал другого от великодушных сердец, оставшихся мне верными.

Когда волнение улеглось, Сердар продолжал:

— Что мы теперь должны делать? Подумайте и изложите каждый свой план. Я же со своей стороны предлагаю одно из двух: во-первых, увидев, что нас окружают, мы можем покинуть Нухурмур и, переодевшись в разные костюмы, добраться по вершинам гор до самого Бомбея. Там мы должны сесть на «Диану» и отправимся на поиски какого-либо неведомого острова в Зондском проливе или на Тихом океане, где принц, спасший свои богатства, может жить спокойно и счастливо.

— И вы все со мною, — прервал его Нана-Сахиб, — я захватил с собой одних драгоценных камней на десять миллионов, не считая золота.

— Мой второй проект, — продолжал Сердар, — запереться в Нухурмуре, где, мне кажется, нас очень трудно обнаружить. Два подвижных камня, которые закрывают входы, так хорошо подобраны к другим, что составляют с нами как бы одно целое; толщина их такова, что они не издают никакого подозрительного звука при исследовании, да к тому же мы окончательно можем заглушить их. Съестных припасов у нас на два года, и мне кажется, что мы можем считать себя в полной безопасности. Все заставляет меня думать, что это их последняя атака против нас; через два-три месяца никто не будет больше думать об этом приключении, и если какой-нибудь случай не откроет нашего убежища, нам легко будет тогда сесть на «Диану», не возбуждая ничьих подозрений, и отправиться, как мы и хотели, на поиски более гостеприимной страны. Первый проект весьма опасен для исполнения, потому что над всеми портами учрежден самый тщательный надзор и ни одного судна не выпускают, не узнав имен пассажиров и места их отправления, а если кого-либо арестуют, то тут же и повесят. Второй проект имеет то преимущество, что без всякой опасности приведет нас к первому и во всяком случае, если нас захватят, мы взорвем себя, но не дадим повесить. Я кончил; ваша очередь говорить, друзья мои! Я готов присоединиться к тому из этих планов, который вам больше нравится и ко всякому другому, который вы найдете лучшим.

— Ей-богу, Сердар, — сказал Барбассон, — невозможно найти что-нибудь лучшее и, говоря это, я уверен, что передаю мнение всех присутствующих. Что касается меня, я принимаю ваш последний проект, во-первых, потому, что он не исключает первого,

во-вторых, я считаю, что Нухурмур легко защитить и мне здесь нравится; наконец, потому, что предсказание Барбассона-отца относительно повешения его наследника становится ложью. Я сказал.

— Что касается меня, — заявил Барнет, желавший показать, что он не забыл прежнего ремесла ходатая по делам, — я принимаю все заявления, оговорки, доводы и заключения своего товарища. Барнет-отец, который еще жив, — не знаю, впрочем, наверное, — был бы слишком счастлив, что младший из Барнетов сделал с помощью веревки свой последний жизненный прыжок.

Нариндра и Рама заявили, что не имеют собственного мнения и привыкли всегда и во всем следовать за Сердаром. Нана, заинтригованный этим новым уклонением от прямого ответа, устремил на них долгий и проницательный взгляд. Сердар был так озабочен, что мало обращал внимания на происходящее вокруг него. Ввиду того, что никто не возразил ему открыто, он решил, что они во всяком случае остаются в Нухурмуре.

— Вы не боитесь, — сказал Барбассон, — что присутствие вашего слона может указать шпионам, что хозяева находятся недалеко?

— По всему видно, что вы не знаете Ауджали, — живо отвечал Нариндра. — Тот, кто подойдет к нему, не будет в состоянии никому рассказать, что видел его.

— Так... Извините, пожалуйста, за мое замечание, но теперь я получил объяснение и чувствую себя спокойным.

— Вы совершенно правы, Барбассон, — продолжал Сердар, — советую всем друзьям брать с вас пример. Не имеете ли еще чего-нибудь?

— Еще небольшое замечание, — отвечал провансалец. — Я готов отдать свою жизнь, но для меня было бы величайшим утешением, если бы я имел возможность сказать в последний час, что я все обдумал, все предусмотрел и что, ей-богу, не было возможности поступить иначе. Что думает об этом генерал?

— All is well, that ends well, господин адмирал.

— Я не понимаю твоей тарабарщины.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — перевел, улыбаясь, Сердар.

— Видишь, это значит, что я всегда одного с тобой мнения.

— Ты мог бы сделать хуже, черт возьми! Говори ты на провансальском наречии — ты был бы самым умным из американцев... Теперь я перехожу к своему замечанию.

Разговор с Сердаром, обычно серьезный, становился, несмотря на важность обсуждаемых предметов, комичным, когда в него вмешивался Барбассон.

— Мы слушаем вас, Барбассон, — сказал Сердар с оттенком нетерпения в голосе.

— Вот что пришло мне в голову. Вы сами сказали, Сердар, что только какой-нибудь случай может выдать наше убежище. Так вот, я думаю, что тот-ведда, которого нам не следовало, быть может, приводить сюда вчера вечером, и есть один из этих случаев. Тоту не следует допускать до побега, чтобы нам не пришлось раскаиваться. Иначе говоря, надо задержать этого дикаря в Нухурмуре на все время, пока мы будем оставаться здесь.

— Как! Вы не знаете... Впрочем, вы спали, и только мы с Рамой присутствовали при всем этом приключении. Мы действительно совершили из человеколюбия некоторую неосторожность, но теперь нет времени исправлять ее.

— О каком тот-ведде вы говорите? — живо перебил их Нариндра.

Сердар поспешил удовлетворить любопытство маратха и в нескольких словах рассказал ему о том, что случилось накануне, начиная с того, как тот-ведда был ранен в присутствии Барбассона и до появления пантер на зов своего хозяина и их бегства, о котором провансалец не знал.

По мере того как рассказ его продвигался вперед, Нариндра выказывал все большие признаки волнения; бронзовый цвет его лица принял синеватый оттенок, и крупные капли пота выступили у него на лбу.

Сердар, весь поглощенный своим рассказом, не замечал этого, а другие свидетели этой немой сцены были так поражены внезапной переменой лица Нариндры, что не смели прервать его, думая в то же время, что Сердар сам прекрасно замечает, что происходит. Но вот Сердар взглянул на маратха, и у него невольно вырвалось восклицание самого горестного изумления.

— Бог мой, что с тобой, Нариндра?

— Мы погибли, — пробормотал Нариндра, еле держась на ногах, — так сильно было овладевшее им волнение. — Сигнал, посланный мною вам с берега...

— Ну?... Успокойся и говори!

— Я слышал... шум... в кустах вдоль озера... И я спрятался, крикнув два раза, как макака... чтобы на всякий случай предупредить вас... А минут через пять мимо меня прошел знакомый мне факир, друг Кишнаи, предводителя душителей. Своей ужасной худобой он так походит на тот-ведду, что можно ошибиться; за ним шли две ручных пантеры, которых он показывает любопытным жителям деревень. Они весело прыгали вокруг него, а он говорил им: «Тише, Нера! Тише, Сита! Добрые мои животные, надо

спешить. Мы сегодня хорошо поработали». И он шел дальше по направлению к равнине.

Нариндра, к которому мало-помалу вернулось его хладнокровие, закончил рассказ без всяких остановок.

— Одурачены! Одурачены этим подлым негодяем Кишнаей; он один в мире способен задумать, подготовить и выполнить такой ловкий маневр!..

— В таком случае ничего больше не остается, как бежать из Нухурмура. Шансы Барбассона-отца возрастают... Берегись веревки, мой бедный Барнет! — жалобным тоном сказал марселец.

Он был способен шутить даже на эшафоте.

— Нет, — сказал Сердар, ударив себя по лбу, — я думаю, напротив, что мы спасены. Слушайте! Не подлежит никакому сомнению, что ложный тот-ведда был подослан Кишнаей. Эти люди, как вы знаете, готовы за несколько су нанести себе самые ужасные раны, изуродовать себя и броситься под колесницу, на которой во время празднеств возят Шиву и Вишну; они, питают абсолютное презрение к жизни и страданиям. Однако следует обратить внимание на тот важный факт, что факир не знает и не может указать вход в пещеру со стороны озера; я, к счастью, сам завязывал ему глаза и отвечаю за то, что он ничего не видел. Будьте уверены, что Кишная и его приверженцы никогда не посмеют спуститься в долину под огнем наших карабинов и захватить нас. Шотландцы могут, конечно, сделать это с помощью крепостных лестниц, если им прикажут спуститься, но главарь душителей пожелает сохранить для себя честь поимки и не скажет им о своем открытии...

— Клянусь бородой Барбассонов, — воскликнул провансалец, — Сердар, вы выше всех нас... Вы все растете в моих глазах! Сюда к нам, дети юга!

— Я желал бы знать...

— Что я отгадал?

— Верно... И если вы отгадали, то можно держать какое угодно пари, что наши предположения сбудутся.

— Так вот, Сердар, нет ничего легче, чем дополнить ваше рассуждение. Кишная, не считая возможным спуститься в долину, пожурит факира за то, что он не остался подольше с нами, чтобы узнать, где находится таинственный вход, через который его провели с завязанными глазами; тогда весьма возможно, что мнимый тот-ведда осмелится вернуться той же дорогой, какой вышел, как будто он уходил только погулять со своими пантерами. Я вполне уверен, что так все и произойдет. Разве только Кишная дурак и не пожелает воспользоваться неожиданным случаем, давшим ему возможность провести шпиона в самые

пещеры... Вы сами сказали, Сердар, что мы спасены, а потому бьюсь об заклад, что ни один из душителей в мире не найдет среди сотни долин на вершине гор ту, в которой находится вход в пещеры.

Сердар просиял... Его мысль Барбассон передал так ясно и точно, что он хотел уже выразить ему свое удивление его проницательности, как вдруг появился Сами, совсем испуганный и расстроенный.

— Сахиб, — сказал он Сердару, — я не знаю, что там происходит, но мне кажется, что кто-то стучит по стене со стороны долины, и Ауджали несколько минут уже кричит, как сумасшедший.

— Это тот, черт возьми! — воскликнул торжествующий Барбассон. — Кто же кроме него мог пробраться в долину... Ловкий парень этот Кишнаия, он хочет воспользоваться случаем... Большой ум вредит, говорят в моей стране.

— Открыть? — спросил Сами.

— Отчего же нет! Чем мы рискуем? — воскликнул провансалец.

Все присутствующие окаменели от удивления при таком быстром обороте дела, хотя все случившееся было вполне естественно. Ничего не могло быть логичнее предположения, что тот, поспешил за своими пантерами, испуганными криком слона, и Кишнаия не удовольствовался теми неполными сведениями, которые он ему принёс, зная хорошо противников, с которыми ему приходилось бороться. В последнем случае немедленное возвращение тот-ведды было лучшим средством для устранения всяких подозрений. Предводитель тхугов тем менее должен был быть уверенным, отправляя его обратно, что лично он ничем не рискует в этом деле, а в случае успеха выигрывает все. Он не мог даже сомневаться в успехе ввиду дружеского приема, оказанного туземцу, тем более что не знал, как изменилось положение после сообщения, сделанного Нариндрой. Во всем этом не было даже какого-либо странного стечения обстоятельств; факты всегда совмещаются и вытекают один из другого, как и понятия. Сердар и Барбассон рассуждали сообразно логике событий.

После минутного колебания Сердар сделал знак Сами, и последний, поспешив в коридор, повернул камень не без некоторого волнения, охватившего и всех жителей Нухурмура. В ту же минуту тот-ведда — это был он — бросился большими прыжками через отверстие и, добежав до Сердара, упал к его ногам. Его пантеры не посмели следовать за ним и остались снаружи. Сами закрыл на всякий случай вход; он не хотел, чтобы эти животные явились на помощь своему хозяину. Сердар дал понять друзьям

едва заметным знаком, как важно, чтобы они предоставили вести разговор ему одному.

— Ну, мой милый Ури, вот ты и вернулся, — сказал он туземцу, глядя его ласково по руке, как это он делал накануне. И он нарочно обратился к нему на канарском наречии, на котором тот, как слышал Нариндра, говорил со своими пантерами.

— Ури! Ури! — повторял тот с таким невинным видом, что все невольно любовались совершенством, с каким он исполнял свою роль.

— Нехорошо, — продолжал Сердар, — оставлять своих друзей, не предупредив их об этом! Неужели тебе не понравилась кухня Барнета? А ведь он вчера превзошел самого себя.

— Ури! Ури! Ури! — отвечал факир с полным равнодушием животного.

Сердар подумал, что, разговаривая таким образом, они не продвинутся ни на шаг вперед; он чувствовал, как в жилах у него начинает закипать кровь, и сдерживал себя, чтобы не слишком резко перейти к делу. С другой стороны, он ждал, когда какое-нибудь судорожное, едва заметное движение на лице хитрого мошенника покажет, что он не ошибается. Слова, слышанные Нариндрой, были, само собой разумеется, самым убедительным доказательством, но во всей наружности этого тощего существа было столько естественного, неподдельного, все черты лица его дышали такой наивной радостью, когда он снова увидел своего вчерашнего друга, что Сердар невольно спрашивал себя, не был ли Нариндра жертвой заблуждения.

Он хотел испробовать еще одну попытку, прежде чем прибегать к принудительным мерам, к которым он не питал особого доверия. Принуждение мало действует на факиров, привыкших считать пустяком физическую боль и лишения, и не было случая, чтобы таким путем добились чего-нибудь от этих людей, если они дали клятву молчать.

Самое лучшее было поразить его чем-нибудь, получить хотя бы самое ничтожное доказательство, а затем подействовать на него с помощью одного из тех кастовых или религиозных пред-рассудков, которые оказывают такое сильное влияние на индусов. Сердар остановился на этом решении с тем, чтобы в случае неудачи лишить ложного тот-ведду свободы и тем самым обез-вредить его. Сделав вид, что он без особого внимания смотрит на него, чтобы не вызвать у него подозрения, но в то же время не теряя из виду его лица, Сердар продолжал по-прежнему дружески говорить с ним.

— Ты хорошо сделал, вернувшись к нам, бедное заброшенное создание, — сказал он. — Ты ни в чем не будешь терпеть недостаток у нас, так же как и пантеры, которых ты так любишь.

Взглянув затем ему в лицо, он быстро, как молнию, бросил ему фразу, слышанную Нариндрой:

— Тише, Нера! Тише, Сита! Надо спешить, мы сегодня хорошо поработали.

Как ни был факир подготовлен к своей роли, удар был слишком сильным и непредвиденным, чтобы ложный тот отнесся к нему с обычным своим самообладанием. Глаза его загорелись, брови сдвинулись, и он бросил быстрый взгляд в сторону коридора, по которому пришел, как бы спрашивая себя, есть ли у него какие-нибудь шансы для побега. Но это продолжалось одно лишь мгновение; больше он ничем не выдал своих мыслей. Лицо его сохранило детски-наивное выражение, и он третий раз повторил слово, служившее ему для передачи всех впечатлений: «Ури! Ури!», сопровождая его веселым взрывом хохота, чтобы скрыть охвативший его ужас, потому что в эту минуту он должен был считать себя погибшим.

Как ни мимолетно было выражение, пробежавшее по лицу факира, оно не ускользнуло от Сердара, который дождался окончания припадка веселости и сказал ложному Тоте тоном, исключавшим всякую попытку прибегнуть к дальнейшим фокусам:

— Ты прекрасно играешь свою роль, малабарец, но комедия продолжается слишком долго... Встань, и если дорожишь жизнью, отвечай на предлагаемые тебе вопросы.

Это было сказано так твердо и внушительно, что факир понял, что ничего не выиграет притворством. Повинуясь данному приказанию, он встал, прислонился к стене и ждал, что ему скажут, с выражением глубокого презрения и полнейшего равнодушия. Это был уже не тот тщедушный идиот-недоносок, которого присутствующие видели перед собой всего каких-нибудь пять минут тому назад: перед ними было существо мужественное, целиком состоящее из нервов и мускулов, с энергичными чертами лица.

Этому человеку нужна была большая сила воли и необыкновенное искусство, чтобы исполнить роль с таким совершенством, что все были обмануты и даже какое-то время сомневались в правдивости показаний Нариндры.

— Хорошо, — сказал Сердар, когда тот повиновался его приказанию. — Ты признаешься, следовательно, что понимаешь канарское наречие; продолжай в том же духе и, надеюсь, мы сговоримся с тобой. Главное, не лги.

— Рам-Шудор отвечает, когда хочет, молчит, когда хочет, но Рам-Шудор никогда не лжет, — отвечал индус с достоинством.

— Кто прислал тебя, чтобы шпионить за нами и выдать нас?

Факир покачал головой и не сказал ни слова.

— Напрасно ты скрываешь его имя, — сказал Сердар, — мы его знаем: это Кишнайя, предводитель касты тхутов в Мейваре.

Пораженный индус с любопытством взглянул на своего собеседника. Из этого следовало, что Кишнайя по своему обыкновению действовал в тени и не думал, что его присутствие в этой местности будет замечено.

— Посмотри на нас хорошенько, — сказал Сердар, продолжая свой допрос, — знаешь ты всех, кто находится здесь?

— Нет, — отвечал факир, с большим вниманием рассматривая по очереди присутствующих.

— Можешь поклясться?

— Клянусь Шивой, который наказывает за ложную клятву.

— Так ты не знаешь нас и соглашаешься служить человеку, который принадлежит к касте, презираемой всеми нами в Индии, чтобы предать нас ему.

Индус не отвечал, но всем было ясно, что в эту минуту он боролся с каким-то сильным волнением.

— Я думал, — продолжал Сердар, — что факиры посвящают свою жизнь богам и что между ними не найдется ни одного, который согласился бы служить шпионом разбойников и убийц.

— Рам-Шудор не был шпионом, Рам-Шудор никогда не делал зла, — мрачно отвечал индус, — но у Рам-Шудора есть дочь, которая была радостью его дома, а теперь старая Парвади оплакивает свою дочь Анниаму, которую тхути похитили, чтобы принести ее в жертву на следующую пуджу... И Рам-Шудор стал малодушен, когда Кишнайя сказал ему: «Сделай это, и твоя дочь будет тебе возвращена». И Рам-Шудор сделал, как ему сказал Кишнайя, чтобы старая Парвади не плакала дома и чтобы ему отдали Анниаму.

И по мере того, как он говорил, его голос все больше и больше прерывался и крупные слезы текли по его лицу. Глубокое молчание царило в гроте; все эти закаленные в боях люди, которые сотни раз жертвовали своей жизнью на поле битвы, чувствовали, что ими овладевает волнение и чувство глубокого сострадания к этому человеку, отцу, оплакивающему свою дочь, забыв, что он хотел предать их самому жестокому врагу. Спустя несколько минут Сердар снова заговорил с ним, стараясь придать строгий тон своему голосу.

— Итак, ты признаешься, что нашей жизнью ты хотел выкупить жизнь твоей дочери. Какое наказание заслужил ты за это?

— Смерть, — отвечал индус совершенно уверенным на этот раз голосом.

— Хорошо, ты сам произнес свой приговор.

Бросив многозначительный взгляд на своих товарищей, Сердар продолжал:

— Даю тебе пять минут, чтобы подготовиться к смерти.

— Благодарю, Сахиб, — сказал факир без всякого бахвальства, — я хотел бы только проститься со своими бедными животными... Они всегда были мне верны и так любили Анниаму.

— Ага, вот оно! — воскликнул Барбассон по-французски, полагая что индус не понимал этого языка. — Это своего рода маленький фокус, чтобы пантеры защищали его, а самому дать тем временем тягу. Ах, черт возьми! Это слишком трогательно, честное слово... Я готов расплакаться.

— Ошибаешься, Барбассон, — сказал Рама-Модели, — ты не знаешь людей нашей страны. Этот человек приготовился к смерти и не сделает попытки бежать.

— Эх! Эх! Я готов провести опыт, не будь только опасно прибегать к нему.

— Что ты скажешь на это, Рама? — спросил Сердар, несколько колебавшийся в своем намерении.

— Я отвечаю за него, — отвечал заклинатель.

— И я также, — прибавил Нариндра.

Нана-Сахиб склонил голову в знак согласия.

Сердар подчинился этому единодушному заявлению.

— Если все удастся, как я думаю, — сказал он, — мы сделали хорошее приобретение.

Он сделал знак факиру следовать за собой и направился к выходу во внутреннюю долину, где оставались пантеры, приказав Сами стоять наготове с карабином в руках, ибо не имел никакого желания стать жертвой своего великодушия.

Тут произошла сцена действительно необыкновенная. Переступив порог входа в пещеру, Рам-Шудор окликнул животных, весело прыгавших по долине. Пантеры бросились к нему и осыпали его ласками; они лизали ему руки, лицо, весело вскрикивая и мурлыча с невыразимой нежностью, затем сворачивались у его ног, подымались и одним прыжком перепрыгивали через его голову, делая вид, что хотят убежать от него, затем возвращались, ложась у его ног и взглядом вымаливали ласки, которыми он щедро осыпал их.

— Я взял их к себе совсем маленькими, — сказал он Сердару, — всех из одной берлоги; в то время они почти ничего не видели, а когда они стали ходить и играть, то принимали меня за мать и кричали, если я уходил от них. Они никогда и никому худого не

сделали, возьми их в награду за то зло, которое я хотел всем вам причинить... Ну, теперь кончено, я готов.

— Хорошо, — сказал Сердар, заряжая револьвер.

— О, только не здесь, они разорвут тебя, как только увидят, что я падаю.

— Войдем в пещеру, они ничего не увидят тогда.

Они вошли в пещеру, и камень тотчас же закрылся за ними. Конечно! Пантеры не могли защитить своего хозяина.

— Ну-с, Барбассон, убедились вы теперь? — спросил Сердар.

— Это выше моего понимания, ей-богу! И мне, как говорят, надо было видеть, чтобы поверить.

Рам-Шудор ждал...

— Итак, жизнь твоя принадлежит нам.

— Да, принадлежит, — просто отвечал индус.

— Ну, так мы сохраним ее тебе, а так как ты нам более полезен живым, чем мертвым, то мы предлагаем тебе служить нам, пока ты нам будешь нужен.

Факир, ожидавший получить роковую пулю, не верил своим ушам; он, который до сих пор и бровью не повел, вынужден был прислониться к стене, чтобы не упасть.

— Ты даришь мне жизнь?

— С условием, что ты будешь верно служить нам.

— Я буду твоим рабом.

— Знай, что мы сумеем вознаградить тебя; пуджа Кали совершится только через пять недель, мы успеем за это время наказать Кишнаю и вернуть тебе твою дочь.

— Сахиб! Сахиб! Если ты сделаешь это... Рам-Шудор будет твоей тенью, будет смотреть твоими глазами и думать твоей головой... Я буду почитать тебя, как Питре, ибо наш божественный Ману говорит: «Кто умеет прощать, тот близок Богам».

И Рам-Шудор, подняв руку к небу, произнес страшную клятву, которую ни один индус, будь он сто раз изменником, вором и убийцей, ни за что не нарушит, раз она сорвалась у него с языка:

«Во имя великого Брахмы Сваямбхувы, вечная мысль которого живет в золотом яйце, во имя Брахмы, Вишну и Шивы, святой троицы, явленной в Вирадже, вечным сыне, пусть я умру далеко от своих, в самых ужасных мучениях, пусть ни один из моих родных не согласится исполнить на моей могиле погребальных церемоний, которые открывают врата Сварги*, пусть тело мое

* С в а р г а — в индуистской мифологии рай Индры, расположенный на горе Меру.

будет брошено на съедение нечистым животным, пусть душа моя возродится в теле ястребов с желтыми ногами и вонючих шакалов в тысяче тысяч поколений людей, если я нарушу клятву служить всем вам и быть преданным до последнего издыхания. Я сказал; пусть дух Индры запишет в книге судеб, чтобы боги-мстители помнили это».

И, закончив эту клятву, Рама-Шудор обошел всех присутствующих, брал у каждого руку и прикладывал ее к своей груди и голове; подойдя к Сердару, он три раза повторил эту формальность, чтобы показать, что своим господином он признает исключительно его и в случае каких-либо разногласий будет повиноваться исключительно ему одному.

— Теперь, — сказал Рама-Модели Сердару, — в какой бы час дня или ночи ты ни нуждался в этом человеке, какова бы ни была вещь, которую ты прикажешь ему, он твой телом и душой и никогда, будь уверен, не изменит этой клятве. Чтобы ты понял всю ее важность... Ты знаешь, Сердар, я люблю тебя и предан тебе, но я не дал бы тебе такой клятвы, потому что в том случае, если я нарушу ее, даже не намеренно, боги-мстители не простят мне этого.

— Тебе этого не нужно, Рама, — сказал Сердар, — чтобы быть преданным и поступать хорошо.

Сердар и Рама обменялись крепким рукопожатием, в котором выразилось все, что они пережили за эти десять лет совместных опасностей и страданий.

— А я? — сказал Нариндра, также подходя к Сердару.

— Ты, — отвечал Сердар, — не есть ли ты, как показывает твое имя (Нара — Дух, Индра — Бог), что ты дух, соединяющий две наши души.

Трудно было, действительно, встретить еще трех таких людей, столь различных по происхождению, традициям и нравам и так тесно соединенных душой и сердцем. Скоро должен пробить час, когда оба индуса дадут своему другу новое доказательство любви и преданности.

Видя, как Сердар, чтобы остаться с Нана-Сахибом, мгновенно отказался от давно лелеемой им мечты восстановить свою репутацию, Рама и Нариндра, которым их друг открылся в тяжелую минуту, были сильно огорчены этим. Сколько раз видели они, как этот гордый и чувствительный человек чуть не падал под тяжестью грустных воспоминаний и готов был покончить с жизнью, чтобы найти покой в вечном сне... Когда окончилась трогательная сцена, прибавившая новое лицо к маленькому об-

шеству Нухурмура, и в ту минуту, когда все прощались с Нана-Сахибом, Нариндра быстро шепнул на ухо Рама:

— Мне нужно по секрету поговорить с тобой, зайди ко мне через минуту.

— Я то же самое хотел сказать тебе, — отвечал заклинатель.

— Смотри только, чтобы никто не догадался о нашем разговоре!

— Даже Сердар?

— Сердар в особенности.

И они расстались. Нариндра под предлогом усталости (он, действительно, после того, как покинул Бомбей, шел сорок восемь часов, день и ночь, не переставая) попросил разрешения уйти на покой и удалился в тот грот, где он располагался вместе с заклинателем.

Несколько минут спустя Рама уже подымал циновку, служившую вместо двери, и входил к своему другу.

— Вот и я, Нариндра, — сказал он.

— Будем говорить шепотом, — сказал маратх, — Сердар не должен знать о нашем плане, который мы осуществим, если ты согласишься. Я знаю его, он не согласится на это.

— Я тоже имею нечто предложить тебе, но ты говори сначала, ты первый подал мысль об этом разговоре.

— Весьма возможно, что у нас с тобой одна и та же мысль... Выслушай меня и отвечай мне откровенно. Что ты думаешь об эгоизме и равнодушии, с какими Нана-Сахиб принимает в жертву привязанности самую дорогую мечту Сердара?

— Я думаю, как и ты, Нариндра, что принцы смотрят на людей как на орудие своей воли и считают важным лишь то, что касается их самих.

— Очень хорошо, я уверен теперь в твоём содействии. Когда я увидел сегодня, как Сердар жертвует собой, забывая даже о восстановлении своей чести, о любви сестры, которая едет в Индию, чтобы вырвать брата из этой полной тяжких испытаний жизни, которую он ведет так давно, — мне показалось на один миг, что мы будем свидетелями одного из тех чудных зрелищ, какие, мой бедный Рама, встречаются только в «Парнасе» или «Састрасе», ибо века героев прошли. Я думал, что Нана-Сахиб не захочет уступить в великодушии и величии души тому, кто столько раз жертвовал собой для него; но мечта моя была непродолжительна, и отвращение наполнило мое сердце, когда я увидел, с какой легкостью он принимает все от других, ничего не давая им взамен. Чем Нана-Сахиб рискует? Он окончит свои дни во дворце, получит изрядную пенсию от англичан, после того, правда, как послужит трофеем во время празднества в честь

подавления восстания, тогда как нам угрожает позорная смерть, ибо, будь уверен, если прощают вождю, то лишь для того, чтобы сильнее поразить его приверженцев. Сердара же тем более не пощадят за то, что он пренебрег амнистией королевы, дарованной ему по просьбе его семьи. Ах! Скажи только Нана: «Сердар, я принимаю в жертву твою жизнь, но не могу допустить, чтобы ты жертвовал своей честью. Иди и исполни то, что ты хотел, восстанови свое доброе имя, верни себе всеобщее уважение и любовь семьи, я здесь в безопасности, как при тебе, так и без тебя. Когда ты все это исполнишь и затем пожелаешь устроить мой побег, чтобы доставить меня в свободную страну, где потомку Великих Моголов не грозит никакое унижение, я буду счастлив, если ты именно меня обяжешь такой услугой»... Да! Скажи он это, как бы это было прекрасно, как достойно потомка двадцати царей, которые, продолжая спать в пыли веков, почувствовали бы, что последний их отпрыск далек от малодушия... Нет, он удостоил лишь благодарности людей, которые жертвуют своей честью и жизнью, чтобы гордость его не страдала и на гербе не было ни одного пятна... Так не будет же этого, Рама! Довольно! Я не хочу, чтобы истинный борец за независимость умер, обещенный этой куклой, которая играла в цари вместо того, чтобы с мечом в руке гнать англичан до самого океана и закончить начатое дело. Нет, этого не будет, потому что я, воин маратхского племени, т.е. чистой индусской расы, не обязан преклоняться перед этим мусульманином монгольской расы, предки которого еще за шестьсот лет до владычества англичан поработили мою страну. Этого не будет, потому что Сердар ошибается, восхищаясь героизмом принца, бессильного при встрече лицом к лицу с противником и не умеющего добиться успеха. Мы охраняем его, а он все время занят тем, что курит гуку на диване или спит. Да, в лице Нана-Сахиба Сердар чтит знамя независимости, тогда как только он сам может быть символом последней и останется навсегда надеждой и образцом чести для таких патриотов, как мы с тобой. Я не хочу поэтому, чтобы Сердар жертвовал для него собой и выходил с оружием в руках против полка, которым через месяц будет командовать его зять, а знамя нести племянник. Мы, Рама, должны спасти нашего друга помимо его воли, при этом так, чтобы он не подозревал ничего, ибо сам он не согласится на это.

— Я слушал, не перебивая тебя, Нариндра, — отвечал заклинатель, — и каждое твое слово совпадало с моими мыслями. Но к какому средству мы прибегнем, чтобы добиться своей цели? Ты знаешь характер Сердара и непоколебимость его убеждений.

— Я нашел это средство, Рама!

— Какое?

— Сам Нана-Сахиб должен содействовать нам, без него мы ничего не сделаем.

— Он никогда не согласится.

— Ошибаешься, Рама, — холодно отвечал Нариндра, — я решился на все, чтобы устранить непоправимое несчастье.

— Даже изменить Нана-Сахибу? — спросил заклинатель.

— Ты забываешь, Рама, что я королевского происхождения; я также потомок древних королей, последний представитель династии маратхов, которая царствовала в Декане и никогда не подчинялась могольским владыкам Дели. Сама Англия признала право моего отца на титул раджи, но я не хотел быть пенсионером англичан и войти в стадо навабов без королевства, которое украшает собой зал вице-короля Калькутты. Я никогда не склонял головы перед Нана-Сахибом и не связывал себя клятвой с его судьбой. Но не бойся, я не изменю ему, я хочу только принудить этого малодушного человека действовать, хотя бы раз в жизни, как подобает царственному лицу... И я хотел просить тебя сегодня же вечером присутствовать при нашем разговоре, в тот именно час, когда Сердар совершает свой обычный объезд вокруг озера... Мне будет необходимо твое присутствие, Рама!

— Хорошо, я пойду с тобой.

— Я хочу попросить тебя дать мне одно обещание.

— Какое?

— Что бы ты ни видел и ни слышал — не вмешивайся.

— Это так важно?

— Я хочу спасти Сердара.

— Даю тебе слово.

— А что ты хотел мне сказать?

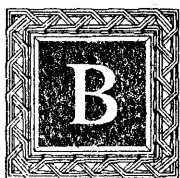
— Мне ничего не остается, как удалиться, Нариндра, у нас с тобой одинаковые мысли. Как и ты, я считал, что Сердар губит себя навсегда, не принося никакой пользы нашему делу, которое так неумело защищал Нана-Сахиб; но напрасно я ломал себе голову. Я не находил выхода.

— До вечера! Если я не проснусь сам, так как с самого своего ухода из Бомбея я ни минуты не отдыхал, то дай мне знать, едва только Сердар выйдет.

— Хорошо... Да хранит твой сон Индра, твой покровитель, и да пошлет он тебе во сне счастливое предзнаменование.

VI

Свидание Нариндры и Рамы с Нана-Сахибом. — Бурный разговор. — Страшная клятва. — Нана освобождает Сердара от данного им слова. — Приготовление к отъезду. — Появление Кишнайн.

ТОТ ЧАС, КОГДА СЕРДАР ОТПРАВЛЯЛСЯ на обычный осмотр озера, — мера предосторожности, которой он никогда не пренебрегал, — он послал предупредить Барнета и Барбассона, чтобы они готовились сопровождать его. Еще накануне он пришел к убеждению, что на шлюпке недостаточно иметь двух человек, из

которых одному приходится следить за машиной, а другому управлять рулем, а потому в случае какой-либо тревоги ему с одним спутником трудно располагать свободой действий.

Он был печальнее и мрачнее обыкновенного. Увлеченный великодушным порывом, он дал утром клятву, что не покинет Нана-Сахиба, пока не водворит его в безопасном месте. Он не сожалел об этом, потому что приписывал неосторожности своих родных новые меры, принятые вице-королем, чтобы завладеть изгнанником; он не мог только побороть горьких душевных мук, исполняя то, что считал своим долгом. Он не скрывал от себя, что погубил планы своего счастья, которые он составлял в течение стольких месяцев, видя в будущем свое восстановленное честное имя, свой собственный очаг, любовь близких, счастливую жизнь, наконец... свою сестру, которая спешила в Индию, чтобы обнять его. Она с большим огорчением узнает, что он вопреки ее призыву продолжает безрассудную борьбу, сделавшуюся преступной после амнистии правительства, которое поступило в этом случае очень умно, выказав себя великодушным. Каково же будет горе этой дорогой сестры, когда она увидит, что он остался глух к голосу сердца и рассудка? А между тем не исполнил он разве своего долга, приготовив это убежище в Нухурмуре, куда он привез принца после побега, и неужели он до конца своей жизни должен находиться в зависимости от капризов изгнанника? Эти мысли теснились в его голове и мучили его. Увы, еще накануне он был свободен... Свободен ехать, куда хочет, и Нана только одного просил у него: отыскать какой-нибудь отдаленный остров и свезти его туда на «Диане», но позже... Увлеченный своей рыцарской натурой, он связал себя клятвой, которая не позволяла ему даже встретить свою сестру, потому что для этого он должен был выказать покорность... Обезоружить себя... А он не мог этого сделать.

Но ведь в таком подчинении нет ничего бесчестного... Когда борьба кончена, когда нет армии, нет регулярных войск, закон победителя есть закон страны... А когда не сражаются, особенно за свою страну, это дает право обращаться с тобой, как с разбойником с большой дороги... Жизнь Нана-Сахиба в полной безопасности, его одного пощадят, а остальных повесят... Не безумие ли это, безумие, которого никто не поймет, упорствовать и не сложить оружия?

Странно, что Сердар пришел мало-помалу к тому же рассуждению, какое Нариндра изложил Рама, но у логики есть свои несокрушимые законы. Нана отказался сдаться, пусть так, это его дело, и пока борьба продолжалась на обычных условиях, честь требовала оставаться ему верным; но с того дня, как англичане объявили, что они не лишат жизни вождя восстания, а повесят всех, кто не сложит оружия, было низостью со стороны Нана держать при себе горстку верных ему людей, которые из-за этого должны были кончить свою жизнь на веревке, тогда как он, по словам Нариндры, рисковал только тем, что становился пенсионером Англии.

Сердар, конечно, не доходил до таких крайних заключений, чувство чести было у него слишком сильно, чтобы рассуждать таким образом, но в глубине души он понимал, сам не признаваясь себе в этом, что на месте Нана не поступил бы таким, по выражению Нариндры, эгоистичным образом. Долго прогуливался он по долине, предаваясь мучительным думам, но в конце концов, как и всегда, переборол себя и свои бесполезные сожаления.

— Жребий брошен, — сказал он, — слишком поздно; я поклялся и сдержу свою клятву.

И он послал сказать Барнету и Барбассону, чтобы они отправлялись к шлюпке.

Не успели они отъехать от берега, как Нариндра и Рама отправились к Нана-Сахибу.

— Что вам нужно? — спросил принц, приподнимаясь на диване, удивленный тем, что они вошли к нему без всякого доклада.

— Нам нужно поговорить с тобой, Нана, — отвечал Нариндра, — а так как все это должно остаться тайной между тобой, Рамой и мной, мы ждали отъезда Сердара, чтобы прийти к тебе.

— Что случилось? — спросил принц, заинтригованный торжественным тоном маратха.

— Я прямо приступлю к делу, Нана, — продолжал Нариндра. — Мы пришли просить тебя освободить Сердара от клятвы, которую он дал тебе сегодня утром под влиянием великодушия, ибо

этим он подписал свой смертный приговор, а твоя, — он хотел сказать «особа», но поправился, — твоя свобода не стоит жизни такого человека.

— По какому праву явились вы сюда? — надменно спросил принц.

— По какому праву? — перебил его Нариндра. — Приступим же сейчас к решению нашего вопроса, нам некогда терять время. Вот оно, мое право.

И он навел револьвер на Нана-Сахиба.

— Ты хочешь убить меня?

— Нет, но убью, если ты будешь упорствовать. Я спасу тогда жизнь шести человек, а это чего-нибудь да стоит.

— Как смеешь ты обращаться так со мной, потомком Великих Моголов?

— Во мне также течет королевская кровь, Нана, и еще более древняя, чем твоя. Не будем спорить, я держу тебя в своей власти и пользуюсь этим.

— Чего ты хочешь от меня?

— Я говорил уже, но могу объяснить еще раз, чтобы ты меня лучше понял. До амнистии, объявленной англичанами, известие о которой я принес сегодня утром, мы все могли одинаково биться за твою жизнь и, конечно, до самой смерти защищали бы тебя. Сегодня положение изменилось: англичане дали слово пощадить твою жизнь и назначить тебе пенсию, сообразную твоему сану, тогда как нам, если мы не воспользуемся амнистией, обещают три сажени веревки, т.е. позорную смерть воров. Ты заметил, вероятно, что ни я, ни Рама не присоединились к клятве, данной тебе европейцами?

— Да, заметил.

— Но этого нам мало; ты можешь поступить с другими двумя, как хочешь, но что касается Сердара, то мы дали себе слово спасти его против его и твоей воли. С твоей стороны, Нана, будет беспримерной подлостью, если ты, как это и случится рано или поздно, будешь жить во дворце в Калькутте и пользоваться английским золотом после того, как повесят настоящего героя войны за независимость, человека, которого мы почитаем, как Бога. Вот почему сегодня же вечером, когда он вернется, ты позовешь его и, освободив от клятвы, прикажешь ему ответить на зов сестры и сделать все необходимое для восстановления своей чести и возвращения на родину. Ты можешь прибавить, что когда он выполнит задуманные им планы, ты попросишь его помощи, но не для того, чтобы защищать тебя и сражаться с английскими войсками, а чтобы отвезти тебя на «Диане» в какую-нибудь отда-

ленную страну, где ты будешь жить в покое с твоими богатствами.

— Я вижу, в чем дело, — сказал Нана-Сахиб с горькой улыбкой. — Под предлогом спасения Сердара вы хотите обеспечить собственную безопасность.

— Ах, как ты нас мало знаешь, Нана! Слушай! Рама, произнеси следующие слова вместе со мной.

«Я, Нариндра, клянусь Питре, моими предками и «страшной клятвой», что если Нана-Сахиб исполнит то, о чем я его прошу, то я буду защищать его до самой смерти в том случае, если он предпочтет славный конец английскому плену».

— И вы это сделаете? — с удивлением воскликнул Нана-Сахиб.

— Мы поклялись... Твоя очередь.

— А если я откажусь?

— Я прострелю тебе голову сию минуту. — И маратх приставил дуло револьвера ко лбу принца.

— Остановись! — крикнул последний в ужасе. — Остановись! Я согласен на все, но вы не покинете меня?

— Мы поклялись тебе.

— Хорошо, я сегодня же вечером сделаю то, о чем вы меня просите.

— Поклянись священной клятвой.

Принц колебался, и Нариндра снова поднял револьвер. Пришлось покориться ужасной необходимости, и Нана-Сахиб произнес клятву.

— Этого было бы довольно минуту тому назад, — продолжал Нариндра, — но теперь мы требуем, чтобы ты написал эту клятву и подписал ее своим именем.

Несчастный был побежден и без малейшего возражения покорился новому требованию.

— Все, — сказал Нариндра, пряча на груди листок пальмы, на котором писал принц. — Мне остается только дать тебе совет. Сделай это с величием, подобающим царственному лицу, и Сердар, ни о чем не подозревая, сохранит еще более сильную привязанность к тебе.

— Вы оставите мне, по крайней мере, тех двух чужеземцев?

— О! Тех-то! Так как они рано или поздно будут повешены в Индии или где-нибудь в другом месте, то нам это решительно все равно. К тому же у тебя достаточно золота, чтобы выкупить их.

— А вы?

— Не беспокойся, мы будем биться в первом ряду подле тебя, мы тебе не подданные, не друзья, не наемники на твоём жалованье.

С этими словами Нариндра и Рама удалились. Да и пора было, так как Сердар вернулся, объехав только ближайшие к Нухурмуру берега.

Нана-Сахиб по совету Нариндры поступил по-царски. Трудно описать удовольствие Сердара, когда его не только освободили от клятвы, но он услышал еще полные достоинства слова Нана:

— Я не могу после того, как англичане объявили, что пощадят мою жизнь, требовать от тебя, чтобы ты жертвовал мне своей. Что скажет история, которая фиксирует малейшие поступки принцев, если я соглашусь принять твою жертву, когда мне не угрожает больше никакой опасности? Ты приготовил мне убежище в Нухурмуре, которое трудно отыскать, и я подожду здесь лучших дней. Если позже, когда ты кончишь свои дела, ты вспомнишь меня, я приму твоё гостеприимство на «Диане», и мы отправимся вместе на поиски земли, где потомок Аурангзеба и Надир-шаха может жить и умереть, не испрашивая милости у англичан.

Сердар ушел от него со слезами на глазах и с сердцем, переполненным восторженным удивлением к своему герою, слабостей которого он никогда не хотел замечать.

— Какая жалость, что нам не удалось освободить Индию! — сказал он своим друзьям. — Какой великий государь был бы у нее!

— Так вот всегда и пишут историю! — шепнул Нариндра на ухо Рама-Модели.

Всю ночь Сердар не мог сомкнуть глаз; он не помнил, чтобы испытывал хотя бы раз такую радость с того дня, когда двадцать два года тому назад вечером во время битвы при Исли маршал Бужо приколот ему на грудь крест Почетного легиона, сорванный потом, из-за того негодяя... Он был свободен... Свободен наконец... А виновник всех его несчастий по прихоти судьбы находился в Индии. Этот человек, который добился того, что военный суд лишил Сердара чина и ордера, который был причиной того что, отец его проклял, вся семья оттолкнула от себя, а сам он вот уже двадцать лет бродит по всему миру, чтобы заглушить свое отчаяние непрерывным передвижением с места на место, заговорами, битвами, — этот человек назывался Уильямом Брауном и был губернатором Цейлона. Год тому назад он встретился с ним лицом к лицу и думал, что убил его во время дуэли

без свидетелей, но Богу угодно было, чтобы он остался жив, дабы дать возможность бывшей его жертве вырвать у него признание в совершении им подлого поступка и получив из его рук соответствующие доказательства. Вот куда без промедления хотел отправиться Сердар, теперь снова Фредерик де Монмор-Монморен; ему не терпелось привезти эти доказательства своей сестре, чтобы первые слова, услышанные ею от него, были: «Твой брат всегда был достоин тебя».

За час до восхода солнца на берегу озера стоял Ауджали с хаудахом на спине и ждал, когда маленький караван закончит свои последние приготовления. Сердар брал с собой только Нариндру и Раму, которым Нана-Сахиб разрешил сопровождать его. Беспечный принц, помня слова индусов: «Мы будем биться в первом ряду, но с тобой», предпочитал оставить у себя чужестранцев, которые не станут каждую минуту тревожить его покой и будут хорошо служить ему за его золото. Не странно ли, что этот человек, выказавший столько мужества, выступая во главе восставших сипаев, впал после поражения в полную апатию, присущую всем восточным принцам? Не будь у него той беспредельной гордости, которая заставляла его больше смерти бояться публичного выставления перед народом, что в соответствии с индусскими предрассудками должно было низвести его на один уровень с париями, он бы давно уже сдался англичанам и поселился в одном из дворцов на берегах Ганга, чтобы вести там созерцательную жизнь, какую ведут лишённые трона раджи.

В ту минуту, когда маленький отряд готовился отправиться в далекий путь к Гоа, чтобы сесть там на шхуну «Диана» и направиться в Пуант-де-Галль, к Сердару подошел Рам-Шудор со своими пантерами и начал просить его, как милости, позволения сопровождать его. Сердар хотел сначала отклонить его просьбу, когда в голове у него мелькнула одна мысль.

— Кто знает, что может случиться? — пробормотал он.

Пантеры, привыкшие уже к слону, которому Нариндра преподавал урок, как он должен вести себя с ними, весело прыгали вокруг него. Сердар указал факиру на них и сказал:

— Можешь ты заставить их сидеть в хаудахе?

— Если желаешь, сахиб, — отвечал факир, — это дрессированные животные, которых я показываю на праздниках в деревне; они привыкли повиноваться мне по одному моему знаку.

И, чтобы доказать это, он приказал пантерам прыгнуть на спину колосса. Ауджали, успокоенный присутствием своего карнака, довольно хорошо принял этих новых еще для него путешественников.

— Закрыць хаудах и в путь! — громким и звучным голосом скомандовал Сердар.

Кто может описать неизмеримую радость, наполнявшую его груди! Двадцать лет ждал он этого сладостного часа!.. Да, его ждет борьба с могущественным врагом, в распоряжении которого находились все средства для защиты, но мысль эта не могла удержать его ни на одну минуту. План его давно уже созрел... Он был уверен в успехе, да и чего нельзя было сделать с такими отважными людьми, как Нариндра и Рама-Модели! Когда маленький отряд перешел гору Нухурмур, Сердар остановился. У его ног лежали свежие и тихие воды озера, сверкавшие под первыми лучами восходящего солнца; со всех сторон тянулись друг за другом пригорки и долины, покрытые непроходимыми лесами, среди которых трудно было различить именно тот, где шел путь к таинственному жилищу в Нухурмуре.

— Нет, — сказал он после нескольких минут глубокого размышления, — только измена может открыть это убежище... Я спокойно могу ехать.

Повернувшись затем к склону, высившемуся над обширным Индийским океаном, волны которого слегка отливали лазурью под первыми лучами пробуждающегося дня, он протянул руку в сторону острова Цейлон и воскликнул:

— Теперь наша с вами очередь, сэр Уильям Браун!

Путешественники и не заметили, спускаясь к берегу, вдоль которого они должны были ехать вплоть до самого Гоа, как из-за группы пальм выглянула чья-то голова и долго со зловещей улыбкой следила за ними. Это был Кишнаия, предводитель тхугов.

Спустя некоторое время после того как его противники потерялись среди зарослей леса, он вышел из-за деревьев, где скрывался.

— Хорошо, — сказал он, — Рам-Шудор с ними, они скоро узнают, что значит доверяться Рам-Шудору... Ха-ха! Славную историю придумал он им... Его дочь, прекрасная Анниама, у тхугов!.. И «страшная клятва»... Безумцы, они не знают, что тхуги признают одну только Кали, мрачную богиню, и что для них не существует никаких клятв, кроме тех, которые они произносят над трепещущими внутренностями жертв...

Уверенный в том, что никто его не услышит, он со злорадным хохотом воскликнул:

— Ступайте, спешите в пасть волка; Уильям Браун уже предупрежден, что Рам-Шудор везет ему друзей... Вы будете довольны приемом.

И он повернул в сторону озера Нухурмур.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Развалины храмов Карли

I

Идеи Барбассона и мечты Барнета. — Рыбная ловля. — Таинственное движение шлюпки. — Зловещие предчувствия. — Отпечаток человеческой ноги. — Непонятный арест. — Неизбежная смерть. — Заколдованная шлюпка.

ЭТО УТРО БАРБАССОН БЫЛ В ПРЕКРАСНОМ расположении духа, а Барнет видел все в розовом свете; отъезд Сердара ничем не нарушал безмятежного существования двух друзей. Мы даже не поручимся за то, что этот отъезд не способствовал в сильной степени их спокойствию и жизнерадостности.

Этот человек, по-видимому, знатного происхождения, с изысканными манерами, приветливый, но сдержанный, внушал им почтение; они чувствовали себя неловко в его присутствии: нельзя было похлопать его по плечу или обратиться к нему с бесперомными шуточками, допускаемыми между друзьями. Он не был, одним словом, из их общества, и хотя и позволял им обращаться с собой просто, что было вполне естественно при их образе жизни и положении, они никогда не могли решиться на это. А между тем нет никого более фамильярного по своей натуре, чем провансалец, а тем более янки. Вот вам пример — одолжите провансальцу раз-другой лошадь, а на третий раз он скажет: «Доброе животное эта наша лошадь». Янки же со второго раза вообще вам ее больше не отдаст.

Несмотря на то, что в Нухурмуре пользовались полной свободой, руки у Барбассона и Барнета были не так развязаны, как они того хотели бы; присутствие Сердара сдерживало их, что происходило более от сознания собственного ничтожества, чем от его отношения к ним. Теперь, когда он уехал, они становились хозяевами пещер, потому что о Нана-Сахибе бесполезно и гово-

рить; принц жил один в той части пещер, где Сердар приготовил для него помещение, пил только воду, курил все время гуку и не мог стеснять наших двух авантюристов, которые дали себе слово в отсутствие Сердара кататься, как сыр в масле. В тот же день они принялись исполнять свое намерение. Было уже двенадцать часов, а на столе все еще красовались остатки десерта.

— Скажи мне, Барнет, — начал Барбассон после вкусного завтрака, который привел его в прекрасное расположение духа, потому что оба несколько злоупотребили отличным бургундским, — скажи мне... У меня накопилось множество идей, и мне хочется, чтобы ты одобрил их.

И он налил себе вторую чашку душистого мокко, отливавшего золотистыми искрами.

— Как и у меня, Барбассон.

— Зови меня Мариусом, хочешь? Так как-то приветливее... Ты мой друг, не правда ли?

— Идет, пусть будет Мариус, — отвечал Барнет с сияющим лицом, — с одним условием.

— С каким?

— Чтобы ты звал меня Бобом, это нежнее; ты мой друг, как и я твой, не так ли?

— И получается два друга.

И приятели расхохотались с тем глупым видом, какой бывает у людей, дошедших до предела опьянения.

— Условие принято, — сказал Барбассон, — ты будешь меня звать Мариусом, а я тебя Бобом.

— Я говорил тебе, мой милый Мариус, что и у меня в голове скопилось куча проектов, относительно которых мне хотелось бы знать твое мнение.

— Ах, милый Боб, — отвечал марселец, — если бы ты мог видеть все мысли, которые шевелятся у меня в мозгу, их... Их, как звезд на небе... Как ты находишь, однако, удобно ли нам здесь разговаривать. Эта лампа прожигает мне череп, а с меня довольно и моих идей, которые толкутся в моей голове... К тому же я не нахожу нужным, чтобы Сами присутствовал при нашем конфиденциальном разговоре... Не пройтись ли вокруг озера? Беседуя о своих делах, мы можем употребить с пользой время и наловить превосходных форелей... Недурное блюдо к ужину.

— Bravo, Мариус! Не считая того, что мы подыши свежим воздухом, насладимся прекрасной природой, голубыми волнами, обширным горизонтом, листьями деревьев, мелодичным пением птиц...

— Я не знал, что ты поэт, Боб...

- Чего ты хочешь? Разве может прийти вдохновение, когда живешь в норе?
- Идем...
- Возьму только карабин и сейчас к тебе...
- Вот еще, Боб... Никакого оружия, кроме наших удочек.
- С ума ты сошел, Мариус? Или на тебя действует это превосходное бургундское...

— Ни слова больше, не то пожалеешь... Слушай и удивляйся моей проницательности. Что сказал маратх, вернувшись из Бомбея?

— Ей-богу, не помню.

— Он сказал, — продолжал Барбассон, отчеканивая каждое слово, — что англичане даровали полную амнистию всем иностранцам, участвовавшим в восстании, с условием, что эти иностранцы сложат оружие.

— Так что ж, мы ведь не можем сложить его, мы... Мы клялись защищать до самой смерти...

— И наивен же ты, мой бедный Боб! Дай я кончу...

И он продолжал поучительным тоном:

— Видишь ли, Боб, надо уметь жить, иначе ты сделаешься жалкой игрушкой в руках судьбы, с которой сильный человек должен уметь справляться. Ясно, что пока Нана-Сахиб платит нам и мы не вынуждены бежать, мы не складываем и не сложим оружия; что касается англичан... Представь себе, что мы в одно прекрасное утро попадем, — ведь они тут как тут, — попадем в руки хиглендеров*.

— Хайлендеров!

— Что ты говоришь?

— Хайлендеров!

— Хайлендеров, хайлендеров, мне-то что до этого? В Марселе мы говорим «хиглендер». Ну, предположим, что они захватили нас. «Что вы делаете?» — говорит нам их командир. — Мы дышим свежим воздухом. — А так как у нас не будет другого оружия, кроме удочек, нас не имеют права повесить, мой добрый Боб!.. Если нас обвинят в том, что мы участвовали в восстании, мы ответим: «Очень может быть, но мы сложили оружие». Что они скажут на это, раз мы выполнили условие амнистии? Если же у нас найдут револьвер, даже простой кинжал, мы погибли; первое попавшееся дерево, три метра веревки — и предсказание Барбассонов-Барнетов-старших исполнится... Понимаешь теперь?

— Мариус, ты великий человек.

— Понимаешь, таким способом мы сохраним наше положение у Нана-Сахиба и удовлетворим требованиям англичан.

— Понимаю... понимаю, что я ребенок в сравнении с тобой.

* Highlander — горный житель, шотландец, Барбассон выговаривает неправильно: вместо «хай» он говорит «хиг». — *Примеч. авт.*

— И потом, разве ты не видишь, что при настоящем положении вещей всякая попытка к сопротивлению была бы абсурдом... Нет, клянусь честью, занятная штука: Барнет и Барбассон вошли в соглашение и объявили войну Англии. Надо быть экзальтированными, как Сердар, чтобы мечтать о подобных вещах.

— Но ты кричал еще громче меня: «Умрем до последнего! Взорвем себя и схороним вместе с собой наших врагов под дымящимися развалинами Нухурмура!»

— Ну да, мы люди южные, мы всегда такие, мы горячимся и кричим сильнее других... К счастью, скоро наступает отрезвление, и мы останавливаемся как раз в ту минуту, когда другие начинают в свою очередь глупить... Ну так как же? Одобряешь ты мою идею?

— Превосходная... берем удочки.

После этого достопамятного разговора друзья вышли и направились к заливу, где находилась шлюпка.

— Стой, — сказал Барбассон, который первым взошел на борт, — люки закрыты! Черт бы побрал этого Сердара, он не доверяет нам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Неужели ты не помнишь, что он предупреждал нас, чтобы мы не плавали в шлюпке по озеру, поскольку поблизости могут быть шпионы. На тот же случай, если мы не устоим против искушения, он и запер люки.

— Это неблагоприятно с его стороны.

— Ага, вспомнил! Там, в задней части шлюпки, подле винта и компаса есть рукоятка, с помощью которой можно привести шлюпку в движение, если только не прерван электрический ток. Вот посмотрим сейчас.

При первой же попытке, сделанной Барбассоном, шлюпка немедленно повиновалась толчку... Ток не был прерван.

— Мы спасены! — воскликнул провансалец, — у нас будет форель!

Шлюпка скоро вышла из залива, и друзья двинулись прямо к середине озера; там на каменистой мели, среди валунов ледникового периода обычно водились эта чудная рыба, которую они так жаждали поймать. Они двигались вперед умеренным ходом и готовили свои удочки, урывками продолжая начатый разговор.

— Чем больше я рассуждаю, тем меньше понимаю поступок Сердара, — сказал Барбассон, хлопая себя по лбу, как бы думая этим породить в голове объяснение факта, так занимавшего его, — такое недоверие у человека, который всегда думает, как не задеть чьей-нибудь щепетильности, совсем не согласуется с ры-

царским великодушием, доказательство которого столько раз уже проявлялось даже в самых ничтожных вещах.

— Он, быть может, без всякого намерения закрыл вчера эти люки.

— Мы были с ним, Барнет, и я прекрасно помню, что он не запирает их на ключ. Задвинь он просто двери, мы могли бы открыть их, а между тем они не поддаются моим усилиям.

— Ба! Чего ты так беспокоишься? Ключ может быть только у Сердара, не так ли, а сегодня утром ему пришла какая-нибудь фантазия в голову. Он мог, например, бояться, что Сами вздумается совершить экскурсию по озеру...

— Сами не умеет управлять шлюпкой.

— Хитро, ей-богу, нечего сказать? Нажать рукоятку, проводника и шлюпка повинуется. Да всякому ребенку достаточно будет пяти минут, чтобы найти этот замечательный секрет.

— И что же с того? Сердар сделал это не из-за Сами; он знает, что молодой индус не способен нарушить его приказ, ему достаточно выразить свое желание на этот счет.

— Ты становишься скучным... день так хорошо начался, а ты портишь мне все удовольствие.

— Что делать! Я нахожу это до того необычным, что против воли говорю об этом... Не моя вина, если все складывается так, чтобы указать мне на странность нашего положения.

Барбассон не шутил; чем больше он размышлял, тем сумрачнее становилось его лицо, и он с беспокойством начинал всматриваться в окружающий берег, точно опасаясь, что вот-вот кто-нибудь вынырнет из лесу. Зато Боб продолжал по-прежнему подшучивать над ним, желая затронуть его самолюбие и тем изменить направление его мыслей.

— Можешь говорить что хочешь, — сказал ему Барбассон, — в жизни бывают предчувствия неизвестной опасности, основанные на едва уловимых признаках, и как горько сожалеешь потом, когда не слушаешь их. Побудь серьезным хотя бы пять минут, и если ты найдешь какое-либо возражение на то, что я скажу тебе, обещаю, что сам первый жестоко осмею все мои, как ты называешь, нелепые предубеждения.

— Хорошо, я слушаю, Мариус, но только пять минут, не больше.

— Я допущу на одну минуту, как и ты, что Сердар, рекомендуя нам по возможности меньше пользоваться шлюпкой, — это его собственное выражение, — раздумал потом и вместо того, чтобы довериться нашей осторожности, решил лишить нас возможности пользоваться ею. Неужели в таком случае рассуди-

тельный человек оставил бы снаружи рукоятку проводника машины?

Барнет был поражен таким веским аргументом, но решил упорствовать, не желая быть побежденным. Он отвечал, стараясь говорить бодрым голосом:

— Так это ты называешь, неопровержимым доказательством? Простая забывчивость Сердара, и в этой забывчивости нет ничего необыкновенного, если учесть поспешность, с которой он готовился к отъезду.

Но веселость Барнета не была на этот раз так естественна, как раньше; он был сражен логикой товарища и шутил без всякого убеждения. Барбассон заметил это; но вместо того, чтобы торжествовать, сообразно естественному складу своего темперамента, он удовольствовался только тем, что ответил:

— Хорошо, пусть будет так! Ничто не доказывает, конечно, что эта опасность угрожает непосредственно нам, а если бы и так, то обнаруженный нами факт не может еще служить доказательством... Вот мы и на середине озера, я остановлю шлюпку, и мы закинем удочки... Какую сторону ты предпочитаешь? Невозможно вдвоем удить рыбу в одном и том же месте, не рискуя перепутать лески.

— Я нахожусь на задней части шлюпки и остаюсь на ней, — отвечал Барнет.

— Хорошо, я стану на передней части; теперь, хочешь ты или нет, но мы удольствуемся первой попавшейся кому-нибудь из нас рыбой и вернемся в пещеры.

— Клянусь честью, я тебя не узнаю.

— Слушай, Барнет, ты видел меня при осаде Дели и знаешь, что я не отступаю перед опасностью, но ничто так не действует на меня, как неизвестное, таинственное, непонятное. Скажи, может ли озеро быть спокойнее, вода прозрачнее, небо чище, лес веселее и берег безмолвнее? Не правда ли?... И, однако; я боюсь чего-то, Барнет. Чего? Не знаю, но боюсь... Я не знаю, чего только не дал бы, чтобы вернуться в Нухурмур, под защиту наших скалистых стен.

— Полно тебе, лови рыбу и прогони от себя эти мысли, ты и меня заразишь в конце концов.

— Барнет, — важным тоном отвечал ему Барбассон, — я уверен, что в природе существуют жидкие флюиды, которые ускользают от научного анализа, но помимо нашего сознания поражают наши чувства и предупреждают иногда об опасностях и катастрофах, совершенно нами непредвиденных. Тот, кто подвергается влиянию этих флюидов, чувствует себя беспокойным, взволнованным, нервным, не будучи в состоянии объяснить

это, и только когда опасность настигает его, он понимает таинственное предупреждение, которые неведомые силы почерпнули извне и передали ему без всякого указания на источник этих ощущений. Ты удивляешься, Барнет, что я так рассуждаю, я, всегда такой спокойный и веселый, но я в двух словах объясню тебе сейчас эту аномалию. Мой дедушка умер от ран, нанесенных ему вором, который за четыре часа до того, как он лег спать, спрятался под кроватью, выжидая, пока в доме все успокоится. Бедный старик, который жил еще два дня после этого, рассказывал, что в это злосчастный вечер он никак не мог уснуть и раз двадцать, если бы не опасался показаться смешным, собирался положить кого-нибудь спать в своей комнате, так он боялся... Почему же это именно в тот вечер, если нет таинственных эманаций? Сегодня я, как мой дедушка, Барнет, боюсь не знаю чего, и вот этот инстинктивный страх, с которым я не могу бороться, больше всего действует на меня, тем более, что по моей вине мы не взяли оружия.

— Полно, успокойся, Барбассон, — отвечал Барнет, сильно взволнованный этими словами, — забросим раз-два удочку и вернемся домой.

Направляясь к передней части шлюпки, Барбассон вдруг остановился и пронзительно вскрикнул.

— В чем дело? — спросил Барнет, оставляя удочку и подбегая к нему.

— Смотри! — отвечал ему товарищ, бледный, как смерть. И он пальцем указал на палубу. Янки наклонился, чтобы лучше видеть, и в свою очередь вскрикнул от ужаса.

У самого края на досках спардека он увидел ясный отпечаток человеческой ноги, еще мокрый и покрытый песком.

— Видишь, — продолжал Барбассон, — кто-то приходил сюда, уже довольно много времени спустя после отъезда Сердара и за несколько минут до нашего прихода; это песок мелкий, из залива, я узнаю его, и несмотря на то, что солнце вот уже полчаса с тех пор, как мы плывем, жжет палубу, след еще не высох. Кто мог оставить этот отпечаток? Не Сами... Он не выходил с утра, а на отпечатке нога вдвое больше, чем у него.

— Едем домой! — оборвал его Барнет, побледневший вдруг, как и его товарищ, — я не беспокоился бы так, будь с нами револьверы и карабины! Впрочем, если на нас нападут, то не здесь на озере, а потому — скорее в Нухурмур! Кто знает, быть может, мы там нужны.

— Едем! Лучшее этого мы ничего не можем сделать в том состоянии духа, в каком мы находимся теперь. Все наши страхи

были бы основаны на пустяках, не будь у нас перед глазами этого недавнего и необъяснимого следа.

— Особенно, мой милый Барбассон, если мы поставим его в связь с другим фактом, — закрытием люков, — с которым он как будто ничего общего не имеет.

— Кто знает? — сказал провансалец, — дай Бог, чтобы не на нашей шкуре это было доказано!

Но друзьям сегодня пришлось переходить от одного сюрприза к другому. Не успел Барбассон взяться за рукоятку, в то время как Барнет держал руль, поворачивая вправо, как лицо его из бледного превратилось вдруг в сине-багровое и он едва не упал навзничь, как будто под влиянием апоплексического удара. Барнет, ничего не понимавший, бросился к нему на помощь и поддерживал его, говоря:

— Ради Бога, что с тобой?.. Полно, Барбассон, я не узнаю тебя, верни себе обычное хладнокровие!

Несчастный, который под влиянием сильного волнения не в состоянии был произнести ни слова, напрасно делал ему умоляющие жесты, приглашая его помолчать. Но Барнет продолжал его пилить до тех пор, пока Барбассон, к которому вернулся дар слова, не сказал ему глухим голосом:

— Молчи ты, ради Бога! Ты не понимаешь, что мы погибли, и твои проповеди раздражают меня, вместо того чтобы успокаивать.

— Погибли! — пролепетал Барнет. — Погибли! Что ты хочешь сказать?

— Вот смотри! — сказал Барбассон, успевший вернуть себе силы. — И он одним пальцем ударил по рукоятке, которая тотчас же завертелась, не останавливаясь.

— Ну? — спросил, все еще ничего не понимая, Барнет.

— Ну! Рукоятка соскочила с крючка внутри, как только я дотронулся до нее, и теперь она не имеет никакого сообщения с машиной, а раз последняя не действует, нельзя управлять винтом. Мы находимся в десяти километрах от берега, не имея возможности, а потому достигнуть его обречены на смерть от голода посреди озера.

На этот раз дрожь неподдельного ужаса пробежала по телу Барнета, который еле мог пролепетать:

— Неужели это правда?

— Убедись сам.

Американец взял рукоятку; она без всякого сопротивления повернулась вправо и влево, как это бывает с колесами механизма, которые не соединены между собой. С отчаянием выпустил он ее из рук, и бессильные слезы заструились по его лицу.

Что касается Барбассона, то он сразу изменился и сделался другим человеком. Неведомая опасность, указанная предчувствием, теперь (так он, по крайней мере, думал) открылась ему, и к нему в ту же минуту вернулись его обычные хладнокровие и энергия.

— Полно, Барнет! — сказал он своему товарищу. — Будем мужчинами, не отчаивайся! Теперь моя очередь уговаривать тебя не падать духом. Обсудим все вместе, придумаем, как выпутаться отсюда, должно же быть какое-нибудь средство... Мы не можем умереть, покинутые всеми.

— А между тем нас ждет смерть, неизбежная, роковая, потому что никто не может помочь нам. Быть может, поднимется буря и погонит шлюпку к берегу, но это будет по прошествии нескольких месяцев, когда ястребы и другие хищные птицы склюют наши тела!..

Самой ужасной в их положении была мысль о возможности умереть с голоду всего в нескольких километрах от берега; видеть этот берег, покрытый зелеными лесами, и не иметь возможности преодолеть это короткое пространство, ничтожное само по себе для хорошего пловца! Как горько сожалели они теперь, что в молодости не упражнялись в этом искусстве!.. И ничего кругом, что могло бы помочь им держаться на воде; шлюпка целиком была сделана из железных пластин, которые носил Ауджали, а два искусных индуса, принадлежавших к знаменитому тайному обществу Духов Вод, работали над ней в тайне. Поэтому не было абсолютно никакой возможности снять без всяких инструментов болты с люка, чтобы проникнуть во внутренности шлюпки и исправить случившееся. Оба в один голос вскрикнули:

— Если бы только Сердар был здесь!

— О, да! — сказал Барбассон. — Будь он по крайней мере в пещерах... стоило бы ему заметить, что мы не возвращаемся, он навел бы свой морской бинокль на озеро; одного взгляда было бы ему достаточно, чтобы понять наше положение, в два часа соорудить плот и к нам на помощь... Тогда как Сами, привыкший к тому, что то одни, то другие отправляются в какую-нибудь экспедицию, не будет обеспокоен нашим отсутствием.

— Да, — вздохнул Барнет, — он уехал недели на две по крайней мере... будь у нас еще провизия на время ожидания его приезда.

Последние слова заставили Барбассона задуматься. — Правда, — бормотал он про себя, — провизия, будь у нас только провизия!..

Внезапная мысль, как молния, осветила его лицо... В несколько секунд оно преобразилось, и он принялся смеяться, хлопая в ладоши. Барнет подумал, что он помешался.

— Бедный друг!.. Бедный Мариус!.. — сказал он с состраданием. — Такой ум!

— Ты что это там говоришь?.. Не думаешь ли, что я потерял рассудок?

— Не следует противоречить, — подумал Барнет. — Я много раз слышал, что «их» не следует раздражать.

Последние слова он против воли произнес громко.

— Кого «их»? — спросил Барбассон. — Объяснишь ты мне или нет?.. Сумасшедших, не так ли? Ага! Ты считаешь меня сумасшедшим.

— Нет, нет, мой друг! — прервал его испуганный Барнет. — Успокойся, взгляни, как все мирно вокруг нас, природа, кажется, спит под покровом голубого неба.

— К черту этого болвана! — воскликнул Барбассон, хохоча во все горло. — Он воображает, будто я не понимаю, что говорю... Да выслушай ты меня! Я нашел возможность жить до возвращения Сердара.

— Ты нашел... ты?

— Ну, разумеется! Это так просто, что даже глупо... Воды не хватает нам, что ли?

— Нам и не выпить всей, — вздохнул Барнет.

— Ну! Озеро утолит нашу жажду, оно и прокормит нас! А прекрасная форель, о которой мы мечтали? Приманок хватит нам на несколько месяцев... Слава Богу! Мы спасены...

— Придется есть сырыми...

— Советую тебе быть благоразумнее... Ты собираешься умереть от голода, а я спасаю тебя одной гениальной идеей.

— Хитро, нечего сказать...

— Хитро-нехитро, а придумать надо было, ты же только одно твердишь мне: «Придется есть сырыми!»... Другой пришел бы в экстаз, целовал бы мои руки, восклицая: «Спасен! Слава Богу!», вот это дело. Нет, видите ли, форели надо ему еще уложить на постель из свежего масла, обложить их разными приправами, полить лимонным соком, по-поварски, да-с!.. Ты, Барнет, честное слово, внушаешь мне отвращение... и не будь ты моим другом...

— Полно, не сердись, я только констатировал факт.

— Так! Начинается спор.

— Нет! Нет! Сдаюсь, сознаюсь, что сказал глупость.

— Твое счастье! Не будем терять времени... Я чувствую уже пустоту в желудке... Что если мы займемся обедом?

— Лучше этого мы ничего не можем сделать.

И оба принялись хохотать, сами не зная над чем.

— Мы будем знамениты, Барнет! — воскликнул Барбассон. — Подумай только, мы будем жить за счет собственных средств в течение двух недель или месяца в этой ореховой скорлупе. Нас назовут «Робинзонами шлюпки». Ты будешь моим Пятницей, и в один прекрасный день я опишу нашу историю.

К провансальцу вернулась его обычная веселость, а вместе с ней и неистощимая шутливость. Барнет, не считавший обжорство одним из семи смертных грехов и не приходивший сначала в восторг от такой примитивной пищи, заразился, однако, веселостью своего товарища... Но разнообразные сюрпризы на этом не закончились, и этот день готовил им еще более ужасные и непредвиденные... Одному из двух — увы! — не суждено было на следующий день видеть восход солнца.

Друзья снова опустили свои удочки и, устремив взор на поплавок, с тревогой и нетерпением ждали, кому из них первому будет благоприятствовать судьба.

— Скажи, Барбассон, — заговорил Барнет спустя минуту, — что если не клонет?

— Ты шутишь... приманки, приготовленные мной по всем правилам искусства... *secundum arte!*

— Если ты будешь говорить на провансальском наречии, я заговорю по-английски, и тогда...

— Как ты глуп! Это из воспоминаний о коллеже.

— Так ты учился в коллеже?

— Да, до шестнадцати лет; мне отказали в степени бакалавра; там был факультет, устроенный специально для приема провансальцев. Это было целое событие. За все тридцать лет отказали только одному парижанину, который хотел выдать себя за провансальца, но понимаешь, у него не было акцента, и это выдало его. Но я был уроженец Марселя... Это было слишком и едва не вызвало целую революцию на Канебьере. Хотели идти целой толпой на коллеж... Но дело уладилось, экзаменаторы обещали не повторять этого.

— И тебя приняли?

— Нет!.. Папаша Барбассон якобы нечаянным образом уронил на мои чресла целый пук веревок, я бежал из отцовского дома и с тех пор не возвращался туда.

— Ну, а я, — отвечал Барнет, — никогда не посещал коллеж и не умел ни читать, ни писать, когда дебютировал в роли преподавателя.

— Скажи, пожалуйста! Да вы там еще учение, чем мы в Марселе!

— Нет, видишь ли... Надо было жить чем-нибудь, я и занял место директора сельской школы в Арканзасе.

— Как же ты справился?

— Я заставил больших учить маленьких, а сам слушал и учился; недели через три я умел читать и писать. Месяца через два я с помощью книг давал уроки, как и другие учителя.

— Ах, Барнет, как освежается сердце воспоминаниями старины! Я чувствую себя растроганным. Ничто не вызывает так на откровенность, как ловля удочкой. Мне кажется, этот шнурочек — проводник, по которому... Стой, клюет!.. Внимание, Барнет, полно болтать.

Ловким движением руки, как настоящий знаток, Барбассон придержал удочку и затем вытащил ее не сразу, как это сделал бы новичок, а потянул ее медленно, еле заметно, и не мог удержаться от крика торжества, когда на поверхности воды показалась чудная форель в пять-шесть фунтов. Спустить ее в сетку и поднять на борт было делом одной секунды. Это была превосходная рыба, с розоватой чешуей, темно-красной кожей, того нежного цвета, который напоминает луч солнца и так ценится гурманами.

Барнет вздохнул с сожалением.

— Вспомнил масло и приправы... Дьявольский обжора! — сказал Барбассон и вслед за этим крикнул своему другу:

— Обрати же внимание на свою удочку... Рыба уже клюнула и тащит поплавок под шлюпку.

Но заблуждение его продолжалось недолго; он остановился, выпучил глаза, раскрыл рот, и все лицо его приняло глупое выражение, как бы под влиянием какого-то непредвиденного удара...

Шлюпка двигалась медленно, почти незаметно, но двигалась — и это движение, придвинув ее к поплавку, заставило Барбассона подумать, будто поплавок, наоборот, двигался к ней, увлекаемый рыбой.

— Не шути только, Барнет, пожалуйста... Она действительно двигается? — пролепетал несчастный, близкий на этот раз к сумасшествию.

Барнет был не в состоянии отвечать; он хотел крикнуть, но крик застрял у него в горле... Замахав руками по воздуху, он тяжело рухнул на палубу. Падение друга привело Барбассона в себя; он инстинктивно бросился Барнету на помощь и, не соображая, что делает, окатил его водой; внезапное ощущение холода принесло обычные результаты, и Барнет, придя в сознание, начал с безумными видом бормотать:

— Это дьявол... Барбассон... дьявол преследует нас!

Эти слова во всех других случаях заставили бы провансальца расхохотаться, но в эту минуту он делал напрасные усилия, чтобы хоть как-нибудь собрать свои мысли... Перед его глазами совершался неопровержимый факт: шлюпка двигалась. Скорость ее постепенно увеличивалась, и винт все сильнее шумел в воде, оставляя позади себя длинную полосу пены... И действительно, мозг его в данную минуту не был способен дать какое бы то ни было объяснение. Только по прошествии нескольких минут Барбассон почувствовал, что кровь не так сильно приливает к его вискам и он может хоть немного привести свои мысли в порядок.

— Слушай, Барнет, — сказал он, — мы живем, однако, не в стране фей... будем рассуждать просто, как будто мы с тобой не на шлюпке, а видим ее, стоя на берегу.

— Будем рассуждать, хорошо, — пробормотал Барнет, который не совсем еще не оправился.

— Что бы мы сказали?

— Да, что бы мы сказали?

— Мы сказали бы, Барнет: если она движется, то ее кто-то двигает.

— Ты думаешь, мы это сказали бы?

— Да, думаю... Намочи себе еще голову холодной водой, это тебе необходимо... так... лучше тебе?

— Да, как будто начинает отпускать...

— Так вот, почему здесь, на борту, мы не можем прийти к тому же заключению, что и на земле? И смотри, как все теперь ясно и легко объяснится. Один или два человека забрались в шлюпку, и отпечаток ноги одного из них мы видели с тобой на палубе; они заметили, что мы идем, и не имея возможности или не желая выйти оттуда, закрыли люк. Теперь же, так как им не нравится долгое пребывание в трюме, раз мы наверху, они двигают шлюпку к берегу, чтобы мы могли сойти на землю и уйти, потому что мы без оружия, а затем и сами они сделают то же самое, если пожелают.

— Да, если пожелают, а если не пожелают?

— Что же им делать иначе, не могут же они унести шлюпку в кармане... мы всегда найдем ее.

— А если это англичане?

— Ну, мы сложили оружие, поступили по правилам и моя предосторожность спасет нас.

— Ты, быть может, прав...

— Впрочем, мы скоро узнаем, в чем дело; шлюпка приближается к берегу, будь готов следовать за мной и действовать ногами.

— О! Я был профессором гимнастики в Цинциннати.

— Ты изучил все ремесла?
— И много чего еще другого, — отвечал янки, которому эти объяснения вернули обычную самоуверенность.
— Внимание, наступает время прыгать! — воскликнул Барбассон, становясь ногой на планшир и готовясь к прыжку.
Шлюпка пристала; друзья с математической точностью прыгнули одновременно вперед и упали на землю.
— Теперь удирать и поскорее, — крикнул провансалец, быстро вскакивая на ноги.

Не успел он произнести эти слова, как из кустов выскочило человек двадцать индусов, которые окружили их, повалили на песок, связали веревками из волокон кокосовой пальмы и, привязав их к бамбуковой палке, понесли бегом, как носильщики несут паланкины.

Все это случилось так быстро, что они не успели даже заметить, как из люка шлюпки вылез ужасный Кишнайя и бегом последовал за уносившими их индусами...

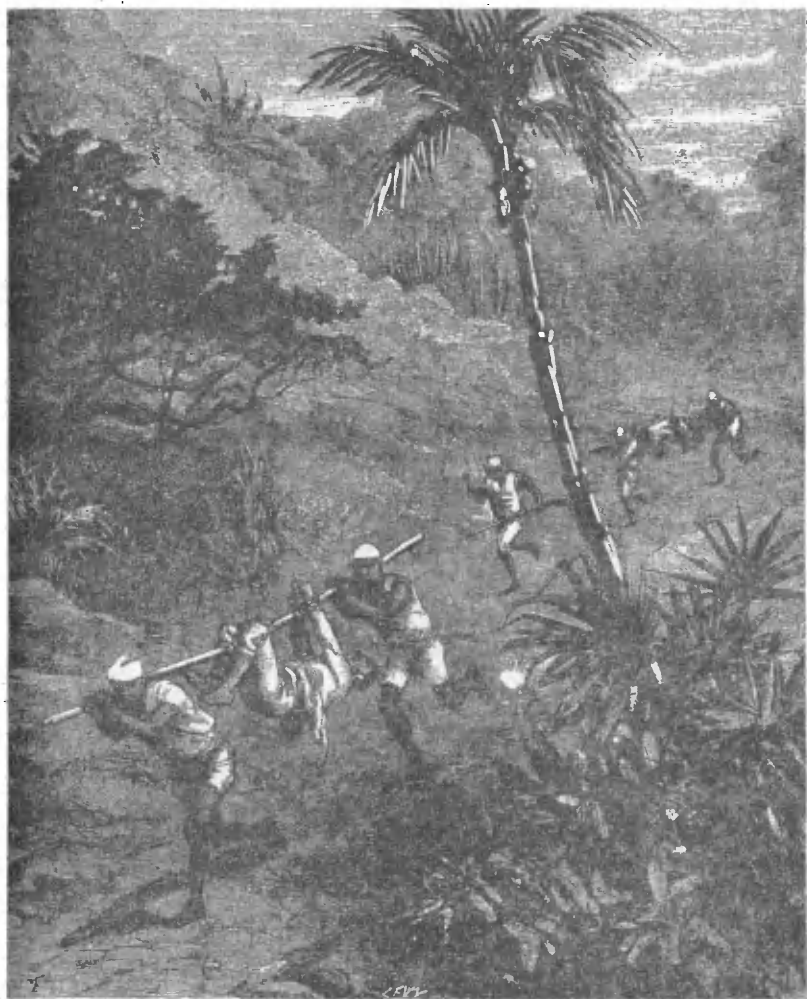
II

Пленники тхугов. — Развалины Карли. — Предложение Кишнайя. — Попытки к бегству. — Подземный ход. — Невозможность двинуться вперед и вернуться назад. — Безнадежно погибшие. — Барнет съеден шакалами. — Бегство Барбассона. — Отъезд на Цейлон.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА было неистощимо в изобретении разных хитростей. Вот уже сорок восемь часов, как он скрывался на берегах озера, поджидая случая, чтобы похитить хотя бы одного из жителей Нухурмура; несмотря на самые тщательные поиски, он никак не мог найти вход в таинственное жилище, который был скрыт среди чащи кустов и карликовых пальм. Все исполнилось, как он желал, и будь он даже главным руководителем всех событий, он и тогда не мог бы лучше управлять ими.

Он добился успеха там, где все шпионы и полиция вице-короля и губернатора Цейлона вынуждены были признать свое бессилие. Рам-Шудор, его зять, скоро должен был предать сэру Уильяму Брауну его смертельного врага, Сердара, которого он без всякого труда и без какой-либо попытки к сопротивлению завлек в ловкую западню: «Диана» сама станет под пушки броненосца первого разряда, ожидающего ее на рейде Пуант-де-Галля. Он же сам дня через два-три захватит Нана-Сахиба, не

подвергаясь ни малейшей опасности. В Нухурмуре никого не оставалось больше, чтобы защищать принца, а от своих двух пленников он узнает, как пробраться к Нана и захватить его там раньше, чем тот догадается о присутствии врагов. Для этого достаточно действовать, когда он будет спать. Предводитель душителей надеялся не добром, так силой получить все необходимые ему сведения. Таким образом он отбивал у капитана Максвелла почет и богатство, звание раджи и миллионную премию.

В двадцати километрах оттуда, в одном из горных отрогов находились знаменитые подземные храмы Карли, высеченные в скалах в эпоху, которая теряется во тьме доисторических времен. Бесчисленное множество подвалов, проходов и пещер, высеченных руками человека, окружают развалины храмов и в прежние время служили убежищем кающимся и факирам; последние в течение долгих лет готовились в одиночестве к разным фокусам, которые они потом показывали толпе в дни религиозных торжеств.

Эти места, окруженные джунглями и девственными лесами, посещаются, по словам индусов, духами мертвых, которые, не найдя помилования на суде Индры, судьи ада, ждут в этих уединенных местах того часа, когда им разрешено будет начать в теле самых низких животных целый ряд переселений, предшествующих человеческому образу, который они потеряли за свои преступления. Здесь же блуждали каждую ночь ракшасы, наги, супарны, вампиры, которые заманивали путешественников в засад и пожирали их.

Здесь, изгнанные из всех обитаемых центров, поселились тхуги, живя под защитой суеверия, изгонявшего туземцев из этих проклятых мест. Они надеялись, что здесь никто не помешает им совершать их кровавые и таинственные мистерии приближающегося праздника пуджа.

Вот сюда-то и принесли Барбассона и Барнета. С них сняли веревки и бросили их в одно из подземелий, куда можно было проникнуть через длинный коридор, высеченный в камне, такой узкий, что в нем можно было двигаться только гуськом; в конце он закладывался деревянными столбами, которые можно было снимать и класть по желанию в особые прилаженные к ним выемки в скале. В других подземельях находились молодые жертвы, украденные тхугами и предназначенные для жертвоприношения на алтаре богини. Обычно это были юноши и девочки от двенадцати до четырнадцати лет; взрослых мужчин и женщин они приносили в жертву только в тех случаях, когда не находили более молодых.

В продолжение всей дороги, пока носильщики несли их, Барбассон и Барнет не имели возможности обменяться ни единым словом, зато имели достаточно времени, чтобы оправиться от внезапного потрясения. С ними по приказанию Кишнаи должны были обращаться не как с пленниками, а потому им сейчас же принесли рис, курицу, разные фрукты, сладости малабарские пирожки, свежую воду, пальмовое вино и старый аррак, т.е. рисовую водку, которой не следует пренебрегать, когда она хорошо приготовлена и стоит нетронутой в течение многих лет

подряд. Настоящее туземное пиршество! Предводитель тхугов был себе на уме, поступая таким образом; он хотел их подкупить хорошим обращением. Их прежде всего освободили от веревок, что доставило им немалое удовольствие, потому что туземцы так крепко стянули им руки и ноги, что они у них совершенно онемели.

— Ну-с, Барнет, — сказал Барбассон, когда они остались одни, — как ты находишь наше положение?

— Я нахожу, что наша идея идти удить рыбу в озере была превосходна.

— Ты, пожалуй, найдешь, что я послужил причиной всего этого?

— Нет, я только констатирую факт.

— Ты всегда констатируешь, ты... Если ты будешь говорить со мной таким тоном, то черт меня возьми, — чего он не замедлит, конечно, сделать, если я еще раз заговорю с тобой... Выворачивайся тогда сам, как можешь.

— А ты?

— О! Меня не будет здесь завтра утром.

— Барбассон! Слушай Барбассон! Ты вспыхиваешь, как порох. Тебе ничего нельзя сказать, ты сейчас начинаешь сердиться.

— Нет, я только констатирую.

— Ты сердишься... Полно, Барбассончик!

— Ага! Теперь Барбассончик.

— Что же я тебе сказал наконец?

— Ладно, не будем говорить об этом, если ты сожалеешь; какая польза в твоих объяснениях? Ты знаешь, в чьих руках мы находимся?

— Да, нас похитили проклятые тхуги.

— Ты догадываешься об их намерениях?

— Это вполне ясно, они хотят отдать нас англичанам.

— Нас? У тебя достаточно тщеславия для янки.

— Но миллион...

— Предложен за поимку Сердара и Нана-Сахиба; что касается нас, мой бедный Боб, то англичане не дадут и тридцати пяти су за нашу шкуру.

— Ты прав, быть может.

— Тут нет никаких «быть может»... Я прав.

— Зачем же они взяли нас, а не их?

— Но, прусская ты голова...

— Благодарю.

— Не за что, я хотел сказать «глупая голова»... Так вот, Боб: потому, что двумя защитниками в Нухурмуре будет меньше и

затем потому, что этот негодяй Кишная хочет узнать, каким образом туда попадают. Вот тебе и все хитрости.

— Должен сознаться, что твой ум гибче моего и...

— Тс-с! Идут! Если это Кишная, то ты, ради Бога, молчи, дай мне самому хорошенько повертеть его, ты ведь натворишь одних только глупостей. Если ты будешь слушать меня, мы сегодня же ночью удерем отсюда.

Он не успел больше прибавить ни слова; в отверстии коридора показался индус и тотчас же вошел в подземелье. Пленники не сразу узнали Кишную при слабом мерцающем свете коптившей лампы.

— Привет вам, чужестранные властители, — сказал он слабым голосом, приближаясь к ним.

— Властители! Властители! — пробормотал про себя Барнет. — Болтай, лицемер! Не знаю, что удерживает меня, чтобы раздавить тебя, как клопа.

— Что говорит твой друг? — спросил индус Барбассона.

— Он говорит: да пошлет небо долгие дни, заполненные миром, счастьем и благоденствием, сыну твоего отца.

— Да низведет то же Кали и на тебя, — отвечал Кишная. — Догадываются ли чужестранные властители, зачем я пригласил их посетить меня здесь?

— Пригласил... Пригласил! — проворчал Барнет, еле переваривший это слово.

— Твой друг снова сказал что-то? — спросил тхуг.

— Он говорит, что давно уже желал познакомиться с тобой.

— Мы виделись уже на Цейлоне.

— Да, но не так коротко... Тем не менее он сохранил воспоминание о тебе.

Барнет задыхался, но он обещал молчать, а потому воздерживался, так как и без того уже много сказал.

— Раз вы так настроены, мы, значит, сговоримся с вами. Я немного буду просить у вас. Я хотел бы лишь посетить Нана-Сахиба в Нухурмуре, а так как принц меня не знает, мне пришла в голову счастливая мысль, что вы проведете меня к нему.

— Лучшего ты не мог придумать, мы — его друзья, — отвечал ему в тон провансалец. — Не желаешь ли, чтобы мы представили тебя Сердару?

— Сердара нет в Нухурмуре, он уехал на Цейлон.

— А, ты знаешь...

— Да, я знаю, что он отправился с приветствием к сэру Уильяму Брауну. Я сегодня же ночью послал дать ему знать об этом через курьера, который на шесть часов опередит его, чтобы его превосходительство мог приготовить достойный прием для него.

Я так заинтересован в этом, что приказал своему зятю, Рам-Шудору, сопровождать Сердара.

— О, негодай! — подумали Барнет и Барбассон, понявшие, какая ужасная истина скрывалась под этой холодной насмешкой.

— Сердар погиб! — прошептал Барнет с глубоким огорчением.

— Пока еще нет, — сказал ему Барбассон. — Сердара не так просто погубить.

— Вы что там говорите? — спросил Кишняйя.

— Мы советуемся с моим другом, можем ли мы взять на себя обязанность представить тебя Нана.

— И вы решили?

— Что мы настолько близки с принцем, что можем взять это на себя.

— Я ничего другого и не ожидал от вас.

— Эти люди смеются надо мной, — думал Кишняйя, — но я сейчас дам им понять, до чего могут довести их шутки, если они найдут слишком далеко. И он продолжал:

— Я должен сообщить вам то, что сказал сегодня утром, среди тишины храма, оракул, говоривший от имени богини Кали:

«Если Нана-Сахиб откажется принять посланника, которого я посылаю к нему, я приказываю, чтобы двух охотников, избранных тобой проводниками к принцу, в ту же ночь принесли мне в жертву на моем алтаре».

— Хитра она, эта богиня, — сказал Барбассон Барнету.

— Не задушить ли нам этого старого мошенника? — отвечал Барнет.

— К чему это приведет? Нас изрубят его товарищи.

— Смерть за смерть, но я буду счастлив собственными руками помять хорошенько шею этому мерзавцу.

— Но мы еще не умерли, Барнет! Предоставь мне действовать.

— Поняли? — спросил Кишняйя.

— Великолепно! Я сейчас передал своему другу слова оракула великой богини... он не совсем хорошо понял их.

— Я должен отложить это посещение до завтрашнего вечера, мы всю ночь сегодня проводим в молитвах. Итак, реглено: вы проводите меня в Нухурмур, пройдете со мной к тому месту, где принц спит, — будить его не надо, я беру это на себя. — и только на этом условии вам разрешено будет или остаться в подземелье, или идти, куда хотите. До завтра... Не сердитесь, что я продолжаю еще предлагать вам свое гостеприимство.

— Мы согласны, — ответил Барбассон.

— Очень счастлив, что у вас такие добрые намерения. Если вам нужно что-нибудь на сегодняшнюю ночь, скажите.

— Благодарю, мы падаем от усталости и желаем, чтобы нам не мешали отдохнуть.

— Все будет по вашему желанию. Да пошлет Сомы, Бог сна, хорошие предзнаменования в ваших сновидениях.

Не успел он выйти, как Барбассон поспешил ближе придвинуться к своему товарищу.

— Барнет, — сказал он, — шутки в сторону. Люди смотрят на нас, как на авантюристов и висельников, мы не стоим, пожалуй, многого, но у нас свои понятия о чести, и мы сохранили их нетронутыми. Мы, одним словом, сражались направо и налево за тех, кто нам платил, мы играли в Азии роль кондотьеров* средних веков, но мы никогда не изменяли тем, кому клялись служить. Мы солдаты не без упрека, но мы не рыцари больших дорог, а потому ты понял, что я просто посмеялся над этим самохвалом Кишнаей и что мы с тобой никогда не проведем тхугов в Нухурмур.

— Никогда! Смерть лучше в двадцать раз.

— Хорошо, Барнет, дай мне руку, мы понимаем друг друга.

— Я перерезал бы тебе горло, если бы ты был способен провести Кишнаю к Нана-Сахибу.

— Неужели ты сомневался во мне?

— Нет, я только сказал, что бы я сделал, сомневайся я в тебе.

— Но это не все... Ты слышал, что этот мошенник говорил относительно Сердара. Засада так хорошо устроена, что он попадет в нее еще вернее нашего, а потому понимаешь, что он погиб.

— Как не знать, god bless me! Мы вместе были присуждены к смерти на Цейлоне и без Рамы-Модели были бы казнены. Заклинатель вовремя явился со своим Ауджали, чтобы спасти нас... Мы шли уже на виселицу.

— Я знаю... я на другой же день принял вас на борт «Дианы». Вот на основании этого приговора губернатор Цейлона и прикажет повесить Сердара, если мы до тех пор не найдем средства спасти его.

— Ты забываешь, что мы пленники и что нам прежде всего надо самим найти средство выйти отсюда.

— В нашем распоряжении целая ночь. Если нам удастся бежать, мы тогда возьмем двух лошадей и во весь карьер понесем к Гоа, чтобы прибыть туда до того, как Сердар покинет порт.

* Кондотьеры — в Италии в XIV-XVI вв. предводители наемных военных отрядов.

— Сомневаюсь... Ты знаешь, как быстро он действует когда решает что-нибудь.

— Да, но я сомневаюсь, чтобы «Диана» была готова сразу отплыть в открытое море. Шива-Томби-Модели, брат заклинателя, выполнявший у меня обязанности второго офицера и командующий в мое отсутствие шхуной, просил у меня несколько дней тому назад разрешения исправить котлы. Будем надеяться, что эта работа не окончена и задержит Сердара на двадцать четыре часа; это все, что нам нужно, чтобы поспеть вовремя. Ты знаешь, что у Анандраена из Велура всегда стоит четыре лошади наготове.

— Я готов на все, когда дело идет о Сердаре, но мне кажется, что нам будет трудно выйти отсюда до завтрашнего вечера. Может быть, притворившись, будто мы согласны проводить Кишнаю, нам удастся улучшить счастливую минутку и бежать... И все-таки будет поздно.

— Вот почему нам надо удрать ночью.

— Ты говоришь так, как будто нам достаточно открыть дверь и сказать: «До свидания, господа!» Будь у нас еще оружие, мы могли бы попытаться выйти силой, но у нас ничего нет.

— У тебя сегодня мрачные, отчаянные мысли.

— Будут поневоле... а затем, вот что я тебе скажу: я, как и ты сегодня утром, нахожусь под влиянием мрачных предчувствий. Мне кажется, что сегодня вечером мое последнее ночное бдение — древнее бдение осужденных на смерть, когда их клали в гроб, окруженный свечами... Как и они, я не увижу завтра восход солнца.

— Но во всем этом нет здравого смысла; что заставляет тебя предполагать это?

— Ничего! Должен сознаться, что сейчас непосредственно ничего. Кишнаия сдержит свое слово, если мы не сдержим своего, которое ты дал ему шутя. Ты же сам говорил, что у нас есть неведомые чувства, которые воспринимают и передают нам эманации опасности. Ну, так вот, я чувствую в себе предсмертные вибрации... Больше всего меня поражает то, что я никогда и ни при каких опасностях, с которыми встречался лицом к лицу, не чувствовал того, что чувствую теперь.

— Ты не отдаешь себе в этом отчета, а между тем виной всему наш смешной разговор мистико-философского направления.

— Нет, нет! Я понимаю, что я чувствую, и сознательно отношусь ко всему этому... Представь себе, Барбассон, — тут Барнет понизил голос, точно боялся его звука, — представь, у меня бывают по временам галлюцинации; я вижу себя в таком же точно месте, со всех сторон на меня набрасываются нечистые живо-

тные и пожирают меня живьем. Это продолжается всего только несколько секунд, но это ужасно... как я не стараюсь прогнать от себя это видение, стоит только мне пробыть минуту без движения или ничего не говорить, как глаза мои закрываются против воли и страшный кошмар начинается снова.

— Полно! Ты назвал все это настоящим словом. Твои галлюцинации эти являются следствием волнений сегодняшнего дня и физической усталости. Эти скоты так крепко стянули веревки, что руки и ноги у нас стали, как парализованных. Полно! Вставай, осмотрим хорошенько нашу тюрьму, это развеет твои мысли и ты не будешь больше думать о глупых видениях.

Место, где были заключены друзья, походило на склеп, высеченный в скале; с правой стороны он был выложен кирпичом, который местами потрескался от времени и отвалился. Корни деревьев, которые пробились сюда сквозь трещины и были видны в тех местах, где обрушилась внутренняя стена, указывали на то, что это место находилось недалеко от наружной почвы; но нужны были инструменты, чтобы прорыть себе путь, да и то было неизвестно, каков будет результат. Они продолжали свои исследования. В самой глубине подземелья обвал был сильнее, чем в других местах, и когда наши друзья приблизились к нему, они увидели, как какое-то животное, промелькнув мимо них с быстротой молнии, скрылось позади этого обвала. Барбассон признал в нем шакала.

— Как он попал сюда? — пробормотал провансалец. — Если он шел не по тому коридору, по которому мы пришли сюда, то пробрался через какую-нибудь дыру, выходящую наружу. Если бы только она была достаточно велика, чтобы мы могли выбраться через нее! — прибавил он с легким трепетом радости.

Они прошли по другую сторону обвала и увидели позади кучи кирпича нечто в роде четырехугольного отверстия, какие бывают в подземных ходах для воды; часть его была закрыта обломками кирпича из обвалившейся стены, поэтому они не могли точно определить ее ширины. Вид ее, однако, усилил проблески надежды, закравшейся к ним в душу, и они принялись удалять кирпичи, мешавшие им полностью оценить значение сделанного ими открытия.

— Была бы она только достаточно широка! — сказал Барбассон своему другу. — Вышина ее, судя по отверстию, должна отвечать нашим желаниям.

По мере того как продвигалась их работа, волнение все сильнее овладевало ими, и они вынуждены были останавливаться вследствие нервно-судорожного подергивания рук.

— После тех странных событий, жертвами которых мы были сегодня, — сказал провансалец, — я не думал уже, что способен еще на такое сильное волнение. Дай Бог, чтобы судьба на этот раз была на нашей стороне.

И они с лихорадочной деятельностью снова принялись за работу. Когда отверстие подземного хода было полностью освобождено, они увидели, к своему счастью, что он одинакового размера в ширину и высоту, а потому человеку их роста легко было ползком пробираться по нему. Вопрос же о том, есть ли из него выход наружу, мог быть решен только опытным путем; бегство шакала было для них весьма важным показателем. Они не колебались ни минуты и решили попытаться счастья. Лампа, поставленная на пороге для осмотра входа, сразу погасла от сильного тока воздуха, и друзья остались в полной темноте. Но это маленькое неудобство вознаграждалось удовольствием, какое им доставляла уверенность в существовании наружного выхода.

Несколько минут они еще спорили, решая вопрос, кому из них лезть первому. Барбассон находил этот вопрос несущественным, но Барнет заметил, что он должен лезть первый, потому что он толще, и если случайно попадет в более узкую часть, так что не будет в состоянии двинуться ни вперед, ни назад, то Барбассон, находясь позади него, будет в состоянии его вытащить, тогда как это положительно невозможно, если он будет впереди. Поэтому Барнет полез первый на четвереньках, а за уже ним — его товарищ.

Трудно изобразить чувства, волновавшие их в этот торжественный час среди тишины узкого прохода... Каждый слышал биение своего сердца, так сильно оно колотилось. Оба подвигались медленно, не произнося ни единого слова.

Так проползли оно пространство, которое Барбассон оценил в пятьдесят метров, при этом без всякого затруднения, потому что размеры хода несколько не изменились и весь он со всех четырех сторон был выложен плитами и покрыт цементом. Затем он поворачивал влево под прямым углом, и Барнет нашел, что в этой второй части он менее широк. Однако Барнет полез в него, сгибаясь и сжимаясь сообразно его очертаниям, и наконец, после бесчисленных усилий, которые угрожали остаться бесплодными, протиснулся в него и смог принять более удобное положение. Не прополз он и одного метра, как услышал глухой шум и вслед за этим два кирпича и несколько комков земли упали ему на ноги. Эта часть прохода, подточенная сыростью и расшатанная усилиями Барнета, обвалилась таким образом, что лишила друзей всякой надежды вернуться обратно. Барбассон прополз назад на расстояние метра, чтобы убедиться, так ли это, и

наткнулся на плотную массу земли и кирпичей, что указывало ему на серьезность их положения. Оставалось теперь употребить все усилия и во что бы то ни стало добраться до выхода, не то их ждала ужасная смерть без всякой надежды на помощь. Кто мог услышать их на таком расстоянии, какое они уже проползли!

Провансалец почувствовал, что волосы его становятся дыбом. Предчувствия Барнета пришли ему вдруг в голову, и он, похолодев от ужаса, несколько минут не в состоянии был сделать ни одного движения. Но авантюрист отличался энергичным характером, он понял, что нельзя допускать себя до обморока в том ужасном положении, в котором он находился, а потому, собрав все свои силы, поспешно двинулся вперед и скоро догнал Барнета. Он решил не сообщать ему о том, что случилось, зная, как легко тот поддается унынию, а в такую минуту опасно было отнимать даже малейшую дозу мужества.

Стены, выложенные кирпичом и цементом, скоро кончились, и проход, служивший для приема воды во время периодических дождей, состоял теперь из земляных стен с неровностями на каждом шагу. Они ползли по каким-то ямам, местами расширенным и изрытым водами, или, наоборот попадали в такие узкие пространства, что им приходилось протискиваться с невероятными усилиями, причем несчастный Барнет изо всех сил работал руками и ногами, царапая их до крови. Но это было еще не все; с изменением устройства прохода изменилось и положение друзей. Каждую минуту Барнет слышал впереди какое-то странное шуршание, сопровождавшееся писклявыми вскрикиваниями; все это заставляло его вздрагивать и приводило в неопикуемый ужас, которого он никак не мог побороть. Целые толпы несчастных животных избрали своим убежищем эту сырую землю, где они могли легко рыть себе норы и устраивать гнезда. Толстые крысы и вонючие мангусты выскакивали, захваченные врасплох, из своих нор и, пробегаая мимо, притрагивались к его лицу своей тошнотворной шерстью. Несчастный двигался вперед, хлопая руками то направо, то налево, чтобы испугать зловонных обитателей этого места и заставить их бежать подальше от себя. Отовсюду из всех нор, из всех ям неслись зараженные испарения, которые застревали у него в горле и вызывали невыносимое отвращение. Воспользовавшись тем, что попал наконец в такое место, где можно было свободно двигаться, он остановился и сказал Барбассону, что хочет немного отдохнуть.

— Мужайся, мой бедный друг, мы приближаемся к концу, — отвечал ему Барбассон. — Я вполне отдаю себе отчет о том направлении, по которому мы следуем; верь мне, нам осталось недолго ползти.

— Да услышит тебя Бог, Барбассон! Твое положение ничто в сравнении с моим; клянусь тебе, что я ни за что не согласился бы начать снова, если бы это понадобилось... я выбился из сил.

— Не поддавайся унынию в тот момент, когда мы приближаемся к цели.

— Из чего ты это заключаешь?

— Очень просто... пока путь пролегал под храмами, для прочности всего сооружения и особенно для его оздоровления необходимо было обеспечить, чтобы этот ход, предназначенный для стока воды, мог противостоять сильному давлению, — отсюда кирпичи и цемент на всем протяжении его первой части. Раз храм кончился, достаточно было обыкновенного рва; ты хорошо знаком с равнодушием и ленью индусов, а потому должен быть уверен, что они не продолжили его больше, чем нужно для удаления вод из под фундамента храма.

— Возможно, но мне кажется, что мы никогда не выйдем отсюда.

Барбассон понял, что во что бы то ни стало надо помешать своему другу предаваться зловещим предчувствиям.

— Полно, — сказал он, — подумай о том, что Сердар погибнет без нас... еще одно усилие, последнее.

И они снова принялись ползти... Ход шел теперь наклонно и с каждой минутой становился круче; провансалец поспешил заметить своему другу, что это говорит о приближении их к выходу... Зловещие обитатели галереи становились еще более многочисленными, и их испарения делались положительно невыносимыми. Вдруг голова Барбассона стукнулась о ноги товарища, которые судорожно ерзали по земле, но ни на шаг не подвигались вперед.

— Что случилось? — спросил провансалец.

Несчастный Барнет отвечал сдавленным голосом, который еле достиг слуха Барбассона.

— Я застрял... здесь слишком тесно, я не могу двинуться вперед.

Наступила очередь Барбассона прийти в отчаяние.

— Мужайся! — крикнул он. — Соберись с силами!

— Я сделал все, что только в человеческих силах... я только сильнее застрял между стенами... я попробую двинуться назад... вернемся обратно.

Неужели придется умереть здесь? Кровь Барбассона застыла в жилах — он один осознавал весь ужас их положения. Барнет был еще относительно спокоен, он воображал, что возврат возможен. На это, конечно, потребуется время, потому что ползти назад не так удобно, как вперед, но во всяком случае там, где они

прошли, они пройдут еще раз. Но он, Барбассон! Он знал, что узкая галерея сделалась непроходимой... О! Что он чувствовал!

— Барнет, — крикнул он в приступе бессильного бешенства, — копай землю ногтями, зубами, но ради всего, что у тебя есть святого на свете, двигайся вперед, несчастный, вперед! Это необходимо... галерея сзади нас обрушилась!

При этих словах Барнет испустил крик ужаса и, почти обезумев от страха, собрал остаток всех своих сил, уперся ногами в стены и сверхчеловеческим усилием двинул свое тело вперед... ему удалось втиснуть себя всего на несколько сантиметров дальше, и он остановился неподвижный, разбитый, задыхающийся... ничего не оставалось теперь, как ждать смерти...

Тут произошла потрясающая сцена.

— Вперед! Вперед! — ревел Барбассон, который от страха дошел до безумия, — я не хочу умирать здесь... Вперед! Вперед, несчастный, или я тебя убью!

И подкрепляя слова действием, он принялся колотить своего друга кулаками и царапать его ногтями.

— Ты мне делаешь больно, — простонал янки умирающим голосом.

Эти слова, сказанные голосом ребенка, которого мучают, сразу привели в себя провансальца. Ему стало стыдно, и он заплакал.

В ту же минуту он услышал голос своего друга, в котором ничего больше не было человеческого.

— Тащи меня, Барбассон! Спаси меня! Спаси меня! Змея!

Змея! Как не подумали об этом несчастные прежде, чем отправиться сюда, в галерею? В Индии все решительно колей на дорогах и полях служат убежищем этим нечистым животным, а здесь, среди развалин... Достаточно было самого простого размышления, чтобы понять, как безумна была их попытка. Миллионы змей были впереди Барнета; они бежали от него, пораженные непривычным шумом, а в углу, которого янки не мог видеть, в нескольких футах от его головы, сидела в гнезде кобра вместе со своими детенышами... Разбуженная шумом, она вылезла из своей грязной дыры, где спала, и бросилась к нему, шипя от злобы... На этот раз все было кончено, и бедный Барнет погиб; по его собственному предсказанию ему не суждено было видеть восход солнца на следующий день.

Одним прыжком бросилась кобра на несчастного; она обви-лась вокруг его шеи и с бешенством принялась кусать ему щеки, нос, губы — все, к чему только могла притронуться ее слюнявая, зловонная пасть... А несчастный ревел в ее ужасных объятиях, открывая рот и пробуя в свою очередь разорвать чудовище; но

усилия его продолжались недолго; крики становились постепенно слабее, яд производил свое страшное, неотразимое действие... Всего три минуты продолжалась эта ужасная сцена... и все стихло... Барнет был мертв.

Барбассон потерял сознание.

Когда после продолжительного обморока он пришел в себя — обморок длился два часа, — ему показалось, что он в Нухур-муре и лежит в своем гамаке. Но это заблуждение продолжалось недолго. Подземелье было полно каких-то странных криков, глухих ворчаний, тьявканий, прерываемых пронзительными криками и страшным щелканьем зубов; можно было подумать, что здесь собрались хищники и стучат челюстями, раздробляя кости.

Ошибиться было невозможно — шакалы пожирали труп умершего... Барбассон опять едва не потерял сознание, но страх вернул ему силы. Он знал, что шакалы не нападают на живых, затем — разве не было у него мускулистых рук, чтобы задушить первого, который вздумал бы сунуться к нему? Он осторожно протянул руку вперед... Но ничего не нащупал перед собой, а между тем он притрагивался к своему бедному другу перед тем, как потерял сознание. Он прислушался... Теперь он лучше отдавал себе отчет в своих чувствах и, судя по крикам шакалов, догадался, что последние должны быть далеко от него. Закончили ли они свое страшное дело?... На свежем воздухе они менее чем за два часа могут съесть человека, но там, в этом узком пространстве, им не так легко было бы справиться. Отрывая, однако, мясо кусок за куском, им удалось освободить из тисков свою жертву и вытащить ее на воздух.

Барбассон установил этот факт, постепенно и осторожно подвигаясь вперед; узкий проход, через который не мог протиснуться Барнет ввиду своей тучности, для него, сухоощавого и мускулистого, не представлял никакого затруднения, и он пополз со всей быстротой, на какую был способен. Менее чем через двадцать метров он увидел мерцающие на небе звезды, и перед ним открылось свободное пространство... Несчастный Барнет погиб у самого выхода.

В один миг вскочил Барбассон на ноги, и испуганные шакалы с громким тьявканьем разбежались по кустам. Первым движением его было бежать к тому месту, где перед этим была стоя шакалов, в надежде отнять у прожорливых животных останки своего бедного друга, но он ничего не нашел там — беглецы унесли с собой в джунгли все до последнего куска.

Он стал осторожно пробираться в чащу, время от времени оглядываясь, чтобы проверить, не заметили ли его побега в лаге-

ре тхугов. К счастью, выход из галереи находился в совершенно противоположной стороне, а в шалашах, устроенных среди развалин, все спали мирным сном. Как безумный бросился он в сторону Велура, находившегося в десяти милях оттуда, на окраине равнины, где начинались первые уступы Нухурмура. Было часа три утра, и свежий ночной воздух действовал успокоительно на его разгоряченную кровь; два часа он потратил на то, чтобы пробежать это пространство, — настоящий подвиг, которому позавидовали бы древние состязатели в беге.

Солнце не показывалось еще, когда он постучался в дверь Анандраена, члена общества Духов Вод, который втайне исполнял все поручения обитателей Нухурмура.

— Кто там? — спросил индус, не выходя из дверей.

— Отвори скорее, это я, Барбассон.

— Пароль?

— Ах, да, — воскликнул авантюрист, — я и позабыл: «Мысль Нары (божественный дух) носится над водами».

— Войди! — сказал индус, отворяя дверь.

— Скорее, скорее! Лошады! — крикнул Барбассон. — Дело идет о жизни Сердара.

Индус спокойно вынул серебряный свисток и извлек из него пронзительный свист, на который тотчас же явился молодой метис.

— Куда ты хочешь ехать? — спросил Анандраен.

— В Гоа.

— Через сколько времени ты хочешь быть там?

— По возможности скорее.

— Оседлай Нагура, — приказал индус метису.

Затем он обратился к провансальцу, называя его тем именем, которое было известно туземцам:

— Что случилось, Шейх-Тоффель?

— Сердар уехал на Цейлон.

— Знаю. Сами приходил вчера вечером из Нухурмура и спрашивал меня, не видел ли я тебя с Барнетом.

— Барнет умер.

Индус не повел даже бровью и спросил только:

— А Сердар?

— Сердара ждет ничуть не лучшая участь, если я не попаду в Гоа раньше его отъезда. Уильям Браун, губернатор, предупрежден об его приезде, и наш друг рискует угодить прямо в засаду.

— Надо присоединиться к нему раньше, чем он прибудет в Пуант-де-Галль, если ты не застанешь его в Гоа.

— Как же догнать «Диану»?

— Найми яхту.

- Найду ли я ее в Гоа?
- Найдешь.
- Где? Я никого не знаю.

Анандраен тотчас начертал чье-то имя на пальмовом листе. Барбассон прочитал:

- Ковинда-Шетти.
- Это туземный судовладелец, — продолжал индус, — член нашего общества на португальской территории.

В эту минуту привели Нагура, чудную лошадь с острова Суматра, которая могла занять достойное место в конюшнях раджи.

— Обыкновенной лошади нужно два дня, чтобы добежать до Гоа, — сказал Анандраен, трепля лошадь по шее, — с Нагуром ты будешь сегодня вечером.

— Салам, Анандраен, — сказал провансалец, вскакивая в седло.

— Салам, Шейх-Тоффель!

— Чуть не забыл! — воскликнул Барбассон. — Предупреди в Нухурмуре, что их ждет посещение тхутов; пусть ни Сами, ни принц не отворяют никому, каков бы ни был сигнал или пароль, данный им, до нашего возвращения.

— Хорошо! Поезжай с миром, это уже сделано.

— Как ты узнал?

— Я знаю все... для Духов Вод не бывает тайн.

— Хорошо, я ничего не боюсь, раз ты заботишься о них. До свидания, Анандраен, да благословят тебя Боги.

— До свидания и да хранят тебя боги, Шейх-Тоффель!

Барбассон слегка щелкнул языком и понесся, как стрела... Час спустя он проезжал мимо Нухурмура, но не останавливался там, чтобы не терять времени. Взобравшись на гору, он пустил Нагура во всю прыть по крутым склонам Малабарского берега, чтобы выбраться таким образом на дорогу, по которой следовал Сердар.

К вечеру он был уже в Гоа и поспел как раз к тому времени, чтобы видеть «Диану», выходящую из порта с французским флагом и на всех парах спешившую в открытое море.

— На двадцать четыре часа опередил меня! — с отчаянием воскликнул он. — Да, Сердар не имеет привычки забавляться в дороге. Догоню ли я его теперь? Я не знаю судна, которое могло бы соперничать с «Дианой»... Что ж! Пойдем до конца... Если час его наступил, ничто не убережет его от судьбы.

Он тем же аллюром помчался через Гоа и, встретив сиркара, просил указать жилище Ковинды-Шетти; Барбассон прибыл к индусскому судовладельцу в тот момент, когда тот стоял с под-

зорной трубой в руке, следя за всеми передвижениями «Дианы», которая скоро скрылась на горизонте. Барбассон тотчас же передал ему послание Анандраена и приготовился отвечать на его вопросы, когда богатый купец, окинув его пристальным и холодным взглядом, сказал ему прямо и без всяких предисловий:

— Я дам тебе свою собственную яхту; ночью будет попутный ветер, и ты с парусами и паром догонишь «Диану» за пять часов до прихода ее в Пуант-де-Галль.

Барбассон был, ошеломлен. Как мог этот человек с такой точностью знать о цели его посещения? Ничего не было проще, чем объяснить это. Под именем, начертанным большими буквами, Анандраен поставил целый ряд линий, напоминающих собой клинообразные письма, которые провансалец принял за обыкновенные штрихи. Между тем эти линии говорили следующее:

Податель сего должен во что бы то ни стало догнать «Диану» до ее прихода в гавань.

Члены общества Духов Вод всегда переписывались между собой с помощью таких шифрованных знаков.

Ковинда-Шетти попросил Барбассона следовать за собой, и оба направились к порту, где на воде грациозно покачивался «Раджа», — название, данное купцом своей яхте; она вполне заслуживала этого названия красотой своих форм и быстротой. Маленькое судно, которое будет играть важную роль в этом эпизоде нашей истории, было целиком выполнено из тикового дерева. Длинное и узкое, оно было оснащено, как бриг, несмотря на вместимость всего в пятьдесят тонн; свинцовая обшивка на всем киле делала его необыкновенно прочным. Оно было снабжено машиной в сто лошадиных сил — огромная мощность для его размеров, а потому развивало скорость в двадцать два узла, тогда как «Диана» делала всего восемнадцать-двадцать.

Барбассон сразу понял, что при такой скорости, вдобавок увеличенной попутным ветром, на его стороне все шансы, чтобы догнать Сердара, несмотря на короткий срок. Полчаса было совершенно достаточно, чтобы развести пары на «Радже». Провансалец пришел в восторг при виде порядка и дисциплины, с какими машинисты, кочегары и матросы исполняли свои обязанности и приказания своего капитана. Подобное ему приходилось видеть только на военных судах, где он раньше служил.

— Я даю тебе превосходное судно, — сказал Ковинда-Шетти, — каких мало найдешь. Если ты не достигнешь своей цели, то лишь потому, что боги не пожелают изменить того, что написано в книге судеб.

Вот от какого маленького судна зависела жизнь Сердара... Да, она действительно зависела от нескольких часов неверного управления, от уклонения от курса или ошибки при определении места по карте, от небрежности рулевого...

Барбассону поэтому пришлось не только призвать на помощь все свои качества превосходного моряка, но и следить за тем, чтобы никто на борту не совершил ни малейшей оплошности.

Когда он объяснил судовладельцу необходимость встретить Сердара до его прибытия на Цейлон, тот отвечал ему:

— В таком случае тебе незачем гоняться за «Дианой», держи курс прямо на остров, а так как ты наверняка придешь в Пуант-де-Галль раньше ее, то крейсируй у входа, пока не заметишь ее. Раз тебе не нужно будет искать подвижной точки в пространстве, тебе нечего бояться ошибки, тем более что отсюда до Пуант-де-Галля самый короткий путь вдоль берега.

— Ты прав, — сказал Барбассон, пораженный верностью этого суждения, — успех моего предприятия теперь обеспечен.

— Желаю тебе этого, — отвечал индус, — но помни, что на море никогда нельзя быть уверенным в следующем часе, а тем более в следующем дне.

Спустя несколько минут «Раджа» выходил из порта, легкий, как чайка, и несся к морю. Провансалец, стоя на мостике вахтенного офицера с развевающимися по ветру волосами, чувствовал, как им овладевает то жгучее удовольствие, которое истинные моряки испытывают всякий раз, когда выходят в открытое море после долгого пребывания на земле. И он, обратившись к грациозному судну, указал ему движением руки на обширное пространство воды, сверкавшее тысячами огней, и воскликнул, пародируя древнее изречение:

— Вперед! Ты везешь Барбассона и счастье Сердара!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Тайны подземелий

I

Последние уловки Рам-Шудора. — Прибытие «Дианы» на Цейлон. — Барбассон замечен на яхте. — Хитрость факира. — Уильям Браун предупрежден. — План Барбассона. — Смертный приговор факиру. — Заклинатель и пантеры. — Повешен.

ИАНА» ОЧЕНЬ БЫСТРО СОВЕРШИЛА СВОЙ переезд. По прошествии сорока восьми часов, — а даже самые лучшие суда тратят на это от пятидесяти шести до шестидесяти часов, — она к заходу солнца была уже вблизи Пуант-де-Галля, т.е. на другой день после своего отъезда из Гоа. Прибудь она получасом раньше, она

могла бы войти в порт, теперь же ей предстояло провести ночь на море; после шестичасовой пушки фарватер становится недоступным из-за множества песчаных мелей, которыми он был усеян.

Тот, кому приходилось раньше общаться с Сердаром, не узнал бы его теперь; веселый, довольный, неистощимый говорун, он как будто начинал вести новую жизнь, и его друзья Нариндра и Рама, всегда видевшие его мрачным и сосредоточенным, удивлялись бы, конечно, такой радикальной перемене в его характере, если бы не знали горькой тайны его жизни, бывшей причиной его мрачного настроения, а также не были осведомлены о событиях, которые возвращали их другу его семью и объясняли его хорошее настроение.

Но не все еще было кончено и, как ни основательно был очищен горизонт, преданные люди видели на нем много черных точек, которые вполне оправдывали их беспокойство относительно последнего задуманного Сердаром предприятия. Они не испытывали ни малейшей боязни за себя; преданность их человеку, который пожертвовал собой ради борьбы за независимость

их страны, доходила до полного забвения их собственных интересов и даже жизни, а потому личные моменты не имели ничего общего с той тревогой, которое внушало им будущее. Достаточно было какого-нибудь непредвиденного препятствия, чтобы случай отдал Сердара во власть его жестокого и беспощадного врага, ненависть которого еще более возросла после трагической дуэли, едва не стоившей ему жизни.

Как бы усилились их опасения, если бы они подозревали о той роли, которую негодяй Рам-Шудор согласился играть в этих событиях! Из-за великодушия своего характера и ловкости, с какой презренный играл свою роль, они приняли его сторону, когда скептик Барбассон выразил недоверие к этой комедии. Но всякий мог бы тут ошибиться: ни один факир, ни один индус, каким бы негодяем он ни был, не осмелится нарушить «страшную» клятву и тем самым погрязнуть не только религиозные верования, но и все кастовые традиции, все понятия о чести своей страны. Один только тхуг способен на подобную вещь, а они не знали, что мнимый факир принадлежал к этой всеми презираемой касте. Власть клятвы над индусами всех каст такова, что Рам-Шудор наотрез отказался бы, если бы от него потребовали поклясться именем богини Кали, а если бы он произнес требуемую клятву, то ничто в мире, даже месть родных, не заставило бы его нарушить ее.

За некоторыми весьма редкими исключениями, примерами которых могут служить Рама и Нариндра, вопрос о чести в Индии является всего лишь формальностью; человек может быть честным или бесчестным в зависимости от клятвы, которую он произнес. Несмотря, однако, на то, что присущая им наблюдательность была усыплена, они чувствовали инстинктивное отвращение к Рам-Шудору, а потому были очень довольны, когда Сердар согласился взять его с собой вместо того, чтобы оставить в Нухурмуре, где он мог поддаться искушению (по их мнению, по крайней мере) и воспользоваться известной ему тайной, чтобы получить от англичан обещанную премию за поимку Сердара и Нана-Сахиба. Теперь же они могли следить за всеми его поступками и при малейшем подозрении обезвредить его.

Но оказалось, что в этом случае они столь же ошибались, сколь и были правы, ибо задуманный Кишнаей план был так ловко составлен, что представлял собой обоюдоострое оружие. Оставшись в Нухурмуре, Рам-Шудор предавал Нана-Сахиба, отправившись же на «Диане», он готовился предать Сердара. Нариндра и Рама не предвидели возможности первого факта; что касается второго, то, почувствовав недоверие, они выискивали доказательства его справедливости.

С тех пор как они покинули Гоа, недоверие их все более усиливалось. Кроме тощего тела ничто в Рам-Шудоре не напоминало факира. Люди этого сорта, воспитанные в походах, привыкшие к общению с брахманами, приобретают известного рода привычки, чего они не замечали в нем. Факиры совершают утром и вечером известные обряды, которые предписываются им религией; утром при восходе солнца и вечером при его заходе они prostираются ниц, преклоняясь перед Индрой, богом света и огня; три раза в день они читают гимны Веды в честь своих предков, а всякое дело и всякий поступок в своей жизни сопровождают чтением мантр — заклинаний, призывающих на помощь добрых духов и отгоняющих злых. Ничего этого не исполнял Рам-Шудор; он был, по-видимому, так далек от всех перечисленных обычаев, что это на второй же день бросилось в глаза Рама и Нариндре, и они тотчас сообщили друг другу о своих подозрениях.

Одним словом, Рам-Шудор имел так мало общего с факирами, что не знал даже самых простых правил для исполнения взятой им на себя роли. Друзья пришли к этому заключению после двадцати четырех часов пребывания на борту, где все так тесно соприкасались друг с другом, что не имели возможности уединиться.

Но если Рам-Шудор — не факир, в чем нельзя было сомневаться, если он только выдал себя за такового, чтобы лучше скрыть свои намерения, то кого хотел он обмануть и в чью пользу совершал этот обман?

Эти вопросы Нариндра и Рама поставили друг другу на второй вечер, когда они, удалившись в каюту, делились своими впечатлениями. Первый вопрос был ясен: Рам-Шудор никого не мог иметь в виду кроме Сердара, по крайней мере на борту «Дианы». Только этот человек, который играл такую выдающуюся роль в войне за независимость и прославился своими подвигами, который приобрел множество врагов, с ожесточением преследовавших его, мог представлять интерес для предателя. Что касается второго — в чью пользу действует мнимый факир, то они также пришли к весьма точному логическому заключению, как показывают уже нам известные события.

Рам-Шудор, пойманный врасплох в Нухурмуре, еще тогда сознался, что он агент Кишнайи, а потому нетрудно было догадаться, в чью пользу действовал предводитель тхугов. Это мог быть только сэр Уильям Браун, губернатор Цейлона, который еще раньше пользовался услугами Кишнайи, чтобы завладеть Сердаром, когда последний был приговорен к смерти вместе с Нариндрой спасен Рамой-Модели и Ауджали.

Настойчивость, с которой Рам-Шудор просил Сердара взять его с собой, также указывала на его намерения. Накануне отъезда он мог незаметно пройти ночью через внутреннюю долину и явиться к предводителю тхутов, который, выбирая между Нана-Сахибом и Сердаром, поручил своему верному шпиону предать Сердара Уильяму Брауну, а сам намеревался воспользоваться отсутствием защитников и завладеть принцем.

Придя к такому заключению, друзья решили посвятить весь следующий день неустанному наблюдению за Рам-Шудором, не привлекая к себе его внимания. Решено было также предупредить Сердара и употребить все свое влияние на него, чтобы заставить его запереть мнимого факира на все время, пока не закончится экспедиция на Цейлон.

К уверенности в измене Рам-Шудора они пришли на основании своих рассуждений и близкого знакомства с нравами и обычаями настоящих факиров. Тем не менее они не скрывали от себя, что не так просто будет убедить великодушного Сердара, особенно если учесть, что сорок восемь часов тому назад они сами подтвердили правдивость слов Рам-Шудора, а с тех пор не случилось ни одного события, которое опровергло бы это мнение.

Надо было, следовательно, во что бы то ни стало добыть очевидный факт, указывающий на измену; без этого Сердар им не поверит. Между тем Рам-Шудору достаточно было перебраться двумя-тремя словами с одним из тех макуа, которые на своих пирогах окружают вновь приходящие суда, чтобы предупредить сэра Уильяма Брауна. Они были индусами и знали, как ловко, несмотря ни на какой надзор, переговариваются между собой туземцы.

Но как добыть этот факт? Они решили употребить для этого все силы своего ума. В их распоряжении был еще целый день, а за один день многое можно сделать.

Счастливая звезда Сердара снова восходила на горизонте, несмотря на то, что Барбассон мог опоздать и не приехать вовремя. Проницательности и чутья Нариндры и Рамы было достаточно, чтобы и на этот раз спасти его.

На следующий день вечером, когда с «Дианы» можно было различать вершины Курунегала и Адамова пика, Нариндра, прогуливаясь по палубе, обратился к Раме со словами:

— Я нашел средство сорвать маску с Рам-Шудора; но для того, чтобы я мог привести в исполнение свой план, необходимо устроить так, чтобы мы сегодня вечером не попали в порт.

— Я это возьму на себя, — отвечал Рама, — мне достаточно сказать одно слово своему брату. Уменьшив скорость движения винта так, чтобы Сердар этого не заметил, мы опоздаем и не

попадем в проходной канал, а потому вынуждены будем провести ночь на море.

— Иди же и скажи ему... И давай лучше говорить о других, совершенно посторонних вещах; мне кажется, что Рам-Шудор о чем-то догадывается... Он не спускает с нас глаз.

Шпион тхугов, действительно, продолжая забавляться со своими пантерами, которые, касающихся Сердара, должны были играть весьма важную роль, был, видимо, чем-то встревожен. Неужели он заметил, что за ним следят? Догадаться об этом было невозможно, а между тем он время от времени бросал злобные взгляды на двух индусов, и лицо его как-то странно передергивалось. Не опасался ли он, что предприятие его рухнет в последнюю минуту? В первый раз, когда негодяй был пойман врасплох, он вывернулся благодаря своему хладнокровию и хорошо разыгранной комедии, которую он раз двадцать разучивал под руководством хитрого Кишнаи, никогда ничего не делавшего наобум; но он чувствовал, что на этот раз, если его поймут, ничто не спасет его от заслуженной им участи.

Одна вещь встревожила его в высшей степени. Со времени отъезда из Гоа Рама-Модели под предлогом, что ему нужно развлечься и припомнить прежнее ремесло заклинателя, пользовался всяким удобным случаем, чтобы испытать свое влияние на пантер и, как это ни странно, в течение двух дней приобрел такую власть над этими животными, что всякий раз, когда он устремлял на них пристальный взгляд и обращался к ним коротко и повелительно, они переставали заниматься своим хозяйном и повиновались только человеку, который положительно очаровал их.

Негодяй, однако, принял все предосторожности, чтобы никто до последней минуты ни о чем не догадался и чтобы сам он казался непричастным к тому, что произойдет в назначенный час. Он должен был передать губернатору Цейлона олле, который был написан Кишнаей и на котором самый опытный глаз не мог бы разобрать ни одного знака. Поэтому ему нечего было беспокоиться в том случае, если бы у него нашли этот пальмовый лист. Что касается его передачи, то ничего не было проще.

Когда суда ждут посещения санитарной комиссии, которая должна выдать им свидетельство о пропуске, задолго до официального сигнала появляется целая толпа туземцев, которые подъезжают к ним на пирогах и предлагают пассажирам разные съестные припасы, местные редкости, попугаев, обезьян. Достаточно было передать одному из них олле и произнести при этом магические слова «для губернатора!», чтобы послание минут через десять было доставлено по назначению.

Рам-Шудор и не подозревал, что такой простой способ не ускользнул от проницательности двух индусов, и считал себя с этой стороны огражденным от всякой неожиданности.

Он был очень раздосадован, узнав, что «Диана» вынуждена провести ночь в открытом море. С той минуты как в душу его закрались смутные опасения, они с каждым часом все усиливались и превращались в невыносимую пытку. С трудом пересилил он овладевший им ужас, когда увидел, что должен еще одну ночь провести на борту «Дианы»... Он инстинктивно чувствовал, что во всем этом скрывается нечто для него неведомое и ничего хорошего не предвещающее.

Когда «Диана», обойдя восточную оконечность острова, направилась к Пуант-де-Галлю, то оказалось, что официальная пушка еще минут на двадцать перед этим объявила о закрытии проходного канала. Поэтому бесполезно было идти к порту, и шхуна остановилась примерно в семистах саженях от небольшой, красивой яхты, бросившей там якорь всего за каких-нибудь четверть часа до ее прихода.

Вдали виднелся китайский пакетбот, который приближался, изрыгая наподобие водяного чудовища целые потоки дыма. Он прошел мимо двух стоявших на якоре судов и стал совсем почти поперек прохода, чтобы на следующий день первым пройти в канал. Пакетботы имеют то преимущество, что у них всегда есть собственные лоцманы, которые избавляют их таким образом от необходимости ждать очереди, а это весьма важно для коммерческих судов. На этот раз опоздание приходилось на долю «Дианы», которая, не имея собственного лоцмана, не могла пройти в порт раньше пакетбота и раньше яхты, пришедшей до нее. Это означало три-четыре часа ожидания, включая сюда и все необходимые формальности. Рам-Шудор перечислил про себя все эти неблагоприятные для него обстоятельства и был готов отдать десять лет своей жизни только за то, чтобы очутиться в тени великолепных кокосовых пальм, окаймляющих берега острова.

Будь подле него Барбассон, он наверняка произнес бы небольшую речь относительно предчувствий, которая вряд ли способствовала бы уменьшению его тревоги. Несчастный мог рассчитывать только на защиту своих пантер в случае какого-нибудь непредвиденного происшествия; много лет подряд он готовил их к этому, и был уверен, что они не изменят ему в минуту опасности. Мысль эта успокоила его, и он с покорностью судьбе ждал дальнейшего хода событий.

Когда были закончены все операции, необходимые для того, чтобы стать на якорь в Индийском океане, где очень часто нале-

тают циклоны, Сердар и его два друга, стоя на задней части судна, с любопытством рассматривали маленькую яхту, вблизи которой они бросили якорь. Никогда еще не видели они такого красивого и изящного судна, которое осмелилось бы на путешествие в таких опасных местах и с такими высокими мачтами, какие были на нем.

— Это чья-то увеселительная яхта, — подумал Сердар, — она принадлежит, вероятно, какому-нибудь богатому англичанину, которому вздумалось объехать вокруг света на такой ореховой скорлупе. Только у этого народа и могут быть подобные фантазии.

Он взял подзорную трубу и навел ее на маленькое судно... Однако, едва он бросил на него взгляд, как вскрикнул от удивления, но тотчас же из предосторожности поспешил скрыть свои чувства.

— Что такое? — с беспокойством спросили в один голос Нариндра и Рама.

— Но ведь это невозможно, — проговорил Сердар. И он снова взглянул в ту сторону, продолжая бормотать про себя: — Странно... Какое сходство! Но нет, это он! Нет, я сплю, вероятно... это физически невозможно... Он был там с нами.

— Ради Бога, Сердар, что все это значит? — спросил Рама.

— Смотри сам! — отвечал Сердар, передавая ему подзорную трубу.

— Барбассон! — воскликнул заклинатель.

— Как Барбассон? — рассмеялся Нариндра. — Не на воздушном же шаре он сюда прилетел?

— Тише! — сказал Рама. — Надо полагать, в Нухурмуре произошло что-нибудь особенное, быть может трагическое... Будем говорить тише, мы не одни здесь.

Заклинатель долго смотрел в подзорную трубу.

— Да, это Барбассон, — подтвердил он, — взгляни сам.

И он подал подзорную трубу Нариндре, сгоравшему от нетерпения. То же имя сорвалось и у Нариндры с губ...

— Барбассон! Да, это Барбассон!

Все трое молча переглянулись друг с другом; они были так поражены, что не знали, что и подумать. Сердар хотел еще раз проверить себя, но на палубе яхты не оказалось больше того человека, которого он искал.

— Ну! — сказал он своим друзьям. — Это не более чем обман наших чувств вследствие случайного сходства, которым мы не должны увлекаться ввиду физической невозможности подобного факта.

— Это Барбассон, Сердар, — отвечал ему Рама. — Я узнал его шляпу, его обычную одежду... Каково бы ни было сходство, оно не может доходить до таких мельчайших подробностей.

— Но рассуди сам, — сказал Сердар, — мы ведь ни единой минуты не теряли в дороге. «Диана» занимает первое место по скорости хода среди судов на этом море и обгонит какой угодно пакетбот. И вот мы приезжаем сюда, а Барбассон, которого мы оставили в постели, благодушный Барбассон, который так дорожит своими удобствами, спит чуть не до полудня, очутился вдруг здесь на судне, бросившем якорь прежде нас!.. Полно! Это такие факты, против которых нельзя ничего возразить.

— Как хочешь, Сердар, но глаза мои говорят, что это сам Барбассон, а рассудок прибавляет: там произошла какая-то драма, и наш товарищ бросился за нами вдогонку, чтобы сообщить нам об этом. В Гоа он нашел эту красивую яхту и перегнал нас.

— Чистейший самообман, мой бедный Рама!

— Смотри, вот он опять на палубе, не спускай с него подозрительной трубы; если это он, то ты сейчас же увидишь с его стороны какой-нибудь знак.

— Но неисправимый ты спорщик, если Барбассон догонял нас с целью сообщить что-нибудь важное, почему же он до сих пор не явился сюда? Он двадцать раз мог подплыть сюда на своей лодке.

— Это, по-моему, неопровержимое доказательство, — нерешительно поддержал его Нариндра.

— Это Барбассон! — упорствовал Рама. — И я прекрасно понимаю, почему он ждет ночи, чтобы явиться сюда.

Сердар для очистки совести навел еще раз на яхту подозрительную трубу. В ту же минуту индусы увидели, как он побледнел... Не успели они еще обратиться к нему с вопросом, как Сердар с совершенно расстроенным лицом и сказал шепотом:

— Это Барбассон! Он также смотрел в подозрительную трубу и, узнав меня, три раза притронулся указательным пальцем к губам, как бы в знак молчания. Затем он протянул руку к западу, что я понимаю так: как только наступит ночь, я буду у вас. Ты был прав, Рама, — в Нухурмуре случилось что-нибудь особенное.

— Или только готовится еще!

— Что ты хочешь сказать?

— Подождем до вечера; объяснение будет слишком долгим и не обойдется без восклицаний, жестов удивления, компрометирующих выражений лица... и без этого уже довольно... Нариндра меня понимает.

— Если ты все время будешь говорить загадками...

— Нет! Ты знаешь, Сердар, как мы тебе преданы, так вот, одолжи нам еще несколько секунд, ну, несколько минут, солнце уже скоро сядет... Мы хотим объясниться непременно в присутствии Барбассона; сердце говорит мне, что нам при нем легче будет объяснить то, что мы хотим тебе сообщить.

— Однако...

— Ты желаешь... пусть будет по-твоему! Мы скажем тебе, но предварительно дай слово исполнить то, о чем мы тебя попросим.

— О чем же это?

— Мы вынуждены сказать, что нарушим молчание только с этим условием.

— Как торжественно! — сказал Сердар, невольно улыбаясь, несмотря на все свое волнение. — Ну! Говори же!

— Прикажи немедленно, не спрашивая у нас объяснения, заковать Рам-Шудора и посадить его в трюм.

— Я не могу сделать это, не зная, на каком основании вы требуете такого приказа, — отвечал Сердар с удивлением.

— Хорошо, тогда подождем Барбассона.

Сердар не настаивал, так как знал, что друзья не будут говорить, а потому оставил их, чтобы отдать необходимые приказания на ночь и распорядиться относительно сигнальных огней, — необходимая предосторожность при стоянке на якоре во избежание столкновения с другими проходящими мимо судами. Затем он поднялся на мостик, чтобы как-нибудь убить время и поразмышлять на свободе... Он не мог понять, на каком основании обратились к нему друзья с такой просьбой... Она так мало согласовывалась с тем, как они недавно защищали Рам-Шудора, что он принял ее за самую обыкновенную уловку, за желание прекратить всякий дальнейший спор... Рам-Шудор со времени своего отъезда не сделал ничего, чем можно было бы оправдать такую суровую меру; к тому же он предназначал ему весьма деятельную роль в последующих событиях, а если бы факир исчез со сцены, то он вынужден был бы радикально изменить весь свой план... впрочем, он посмотрит! И это необъяснимое появление Барбассона, таинственный способ действия... все это до такой степени заинтриговало его, что все личные заботы отошли у него на задний план. Он не выпускал из виду маленькой яхты, и когда стало совершенно темно, заметил, как от нее отделилась черная точка и направилась в сторону «Дианы»; минут пять спустя к шхуне пристала лодка — и Барбассон, плотно запахнутый в матросский бушлат, чтобы никто не мог его узнать, моментально выскочил на борт.

— Пойдем в вашу каюту, — поспешно сказал он Сердару, — никто, кроме Нариндры и Рамы, не должен знать, что я здесь на

судне, а в особенности никто не должен слышать того, что я скажу.

Дрожа от волнения, Сердар провел его в свою комнату, находившуюся в междупалубном пространстве, где никто не мог их подслушать, не попав на глаза рулевому. Нариндра и Рама последовали за ними. Закрыв дверь каюты, Сердар бросился к провансальцу и схватил его за руки, говоря:

— Ради Бога, мой милый Барбассон, что случилось? Не скрывайте от меня ничего.

— В Нухурмуре произошли ужасные вещи, а еще ужаснее то, что должно случиться здесь. Но прежде чем сказать хотя одно слово, прошу не спорить — речь идет о жизни всех нас — и не спрашивать никаких объяснений, вы узнаете все... прежде всего обезопасьте себя от Рам-Шудора.

Услышав эти слова Барбассона, произнесенные им с необыкновенной быстротой, почти без всякой передышки, Рама и Нариндра вскрикнули и бросились к двери... Но в эту минуту они вспомнили, что только Сердар вправе распоряжаться, и остановились, еле переводя дыхание...

— Да идите же, — крикнул им Барбассон, — не допускайте, чтобы он говорил с кем-нибудь.

— Идите, — сказал Сердар, который понял деликатность своих друзей, побудившую их остановиться. — Скажите, что действуете по моему приказанию.

Рама и Нариндра поспешили на переднюю часть судна, уверенные, что найдут там мнимого факира.

— Спокойно и без борьбы, Нариндра, — сказал Рама, — будем действовать лучше хитростью.

— Рам-Шудор, — сказал Рама индусу, который курил, спокойно облокотившись на планшир, — командир требует, чтобы сегодня вечером все сидели у себя в каюте.

— Хорошо, я пойду, — ответил туземец.

Не успел он войти в каюту, как Нариндра поспешно закрыл задвижку и поставил настороже одного из матросов, поручив ему не выпускать оттуда пленника. Исполнив эту обязанность, оба поспешили к Сердару и рассказали ему, с каким хладнокровием позволил Рам-Шудор запереть себя.

Бесполезная предосторожность! Поручение Рам-Шудора было уже на пути к исполнению. Они опоздали! Барбассон должен был распорядиться об этом еще на палубе в самый момент своего прибытия.

Не успела дверь запереться за Сердаром и его спутниками, как какой-то человек, скрывавшийся позади грот-мачты, по-

спешно спустился по лестнице в лодку Барбассона и передал олле одному из малабарских матросов, сказав ему при этом:

— Греби изо всей мочи, проезжай канал... это губернатору Цейлона... речь идет о твоей жизни... приказ капитана.

Человек этот был Рам-Шудор. В два прыжка, как кошка, вернулся он обратно на борт и встал у планшира, где его нашли потом Нариндра и Рама. В то время как последние сопровождали его вниз, лодка отчалила от «Дианы» и понеслась среди ночной тьмы, унося с собой ужасный пальмовый лист, предназначенный для губернатора сэра Уильяма Брауна.

Собравшиеся в каюте Сердара долго обсуждали события в Нухурмуре... Печальный конец Барнета вызвал у всех слезы на глазах, и бедный Барбассон, рассказывая все подробности этой ужасной драмы, смешал свои слезы со слезами своих товарищей.

Когда улеглось первое волнение, все приступили к обсуждению дальнейших действий. Решено было сегодня же ночью подвергнуть Рам-Шудора наказанию, которое он заслужил за свои бесчисленные преступления. Сердар предлагал просто-напросто застрелить его, но Барбассон настаивал на более тяжелом, хотя почти столь же быстром наказании.

— Привязать ему ядро к ногам и бросить живым в воду! — сказал провансалец.

— Во имя человеколюбия и ради нас самих, — отвечал Сердар, — не будем поступать, как дикари.

— Очень он заботился бы о человеколюбии, этот негодяй, если бы добился успеха в своих коварных кознях!

Нариндра и Рама присоединились к Барбассону, и Сердар не возражал больше, рассчитывая на то, что в самую последнюю минуту он вмешается как командир судна.

Разговор продолжался очень долго; прошло два часа, прежде чем Сердар стал объяснять Барбассону неизвестный последнему план, который должен был предать им в руки сэра Уильяма Брауна без всякого шума и борьбы, потому что это открыто, силой его нельзя было похитить на глазах всего гарнизона Пуант-де-Галля... Вдруг послышался легкий стук в дверь. Это был брат Рамы, явившийся предупредить Барбассона, что хозяин лодки желает его видеть.

— Пусть войдет! — сказал провансалец.

Шива-Томби вышел из скромности, пропустив в каюту матроса.

— Капитан, — сказал матрос, — губернатор Цейлона приказал мне передать это вам.

Если бы молния влетела внезапно в каюту, то и она не произвела бы такого действия, как эти слова... Только быстрый и про-

нищательный ум провансальца вывел всех из затруднительного положения.

— Давай сюда и можешь идти! — скомандовал он коротко, и тот немедленно повиновался.

— Вы в переписке с губернатором? — удивленно спросил Сердар.

Нариндра и Рама были поражены и с недоверием смотрели на Барбассона. Последний, прочитав письмо, побледнел от бешенства и воскликнул:

— О, я задушу тебя своими собственными руками! Никогда в мире не было видано таких негодяев!

— Что все это означает? — повелительным тоном спросил его Рама.

— Это означает, тысяча чертей, — отвечал провансалец, — что мы болваны... мы никуда не годны... мы... мы разбиты наголову, разбиты этими негодяями!.. Вот, читайте... нам ничего больше не остается, как сняться с якоря и спастись... благо, мы еще можем это сделать.

Рама взялся прочитав письмо. Губернатор не позаботился даже о том, чтобы замаскировать свое сообщение. Письмо было написано на тамильском наречии одним из его секретарей:

Сэр Уильям Браун горячо благодарит Кишнайю и хвалит его за ловкость. Завтра все будет готово, чтобы оказать достойный прием. Как было ранее условлено, в порту ждет броненосец, который обстреляет шхуну из своих батарей. Для через два Кишнайя может явиться в загородный дом губернатора в Канди и получить там, по случаю дня рождения его превосходительства, обещанную ему награду.

— Итак, негодяй предупрежден! — воскликнул Сердар, сжимая кулаки. — Но кем? Ради Бога, кем?

— Не ищи долго, Сердар, — прервал его Рама. — Все объясняется теперь само собой. Пока Барбассон просил тебя арестовать Рам-Шудора, негодяй не терял времени и отправил письмо Кишнайю губернатору Цейлона через хозяина лодки, на которой приехал наш друг.

— Быть не может!..

— И сомнений никаких нет... сам хозяин привез ответ.

— Ах! Как эти люди хитры и как досадно, когда они тебя одурачат, — сказал Барбассон, но уже более спокойным голосом.

— Какой демон преследует меня по пятам, разрушая все мои планы?.. Нет, не стоит бороться против своей судьбы, я проклят

с самого дня своего рождения! А недели через две приезжает моя сестра!.. И как я радовался при мысли, что предъявлю ей доказательства своей невиновности!

— Она никогда не сомневалась в ней, как и мы, — сказал Рама, — не был ли ты всегда в наших глазах самым честным и великодушным из людей?

— Знаю, и мне всегда служило большой поддержкой в жизни уважение людей, которых я люблю... Но ты должен понять мое отчаяние, Рама, что от меня, как неуловимый мираж, все время убегает час восстановления моей чести. С того самого дня как я нашел свою нежно любимую сестру, которая, как я думал, росла с презрением в душе к несчастному изгнаннику, когда я издали почувствовал, что сердце ее бьется в унисон с моим, — я захотел сделаться в глазах всех достойным ее. Я был опозорен приговором военного суда и только приговором того же суда могу занять снова надлежащее место. И подумать только, что доказательства здесь, в двух шагах от меня, а я не могу заставить негодяя дать мне их!..

— А ты никогда не пробовал действовать на него убеждением? — спросил Нариндра.

— Это невозможно... доказательства, восстанавливающие мою честь, должны погубить его. Генеральский чин, место в палате лордов, губернаторство Цейлона, бесчисленные ордена... все будет у него отнято. Приговор суда, оправдывая меня, в свою очередь опозорит его, потому что меня судили за преступление против чести, совершенное им и возведенное им же на меня с помощью его сообщника. Друзья мои! Друзья мои! Я слишком несчастен!..

И бедный изгнанник не выдержал и громко зарыдал. Это раздирающее душу горе тронуло до глубины души Нариндру и Раму, и слезы показались у них на глазах.

— Ах, как я страдаю когда вижу слезы этого прекрасного человека, — пробормотал провансалец сквозь зубы. — Ну-ка, сын мой, Барбассон! Вот тебе случай плыть на всех парусах и прибегнуть к неисчерпаемым источникам твоего воображения... Подумаем-ка немножечко... Так... так!.. Мне кажется, это было бы неглупо... Не будем, однако, увлекаться... возможно ли это? А почему нет? Нет, ей-богу, изложим-ка наше дело, — и Барбассон обратился к Сердару.

— Полноте, мой добрый Сердар, клянусь Барбассоном, вы предаетесь отчаянию из-за пустяков... Я, напротив, нахожу, что положение наше несравненно лучше, чем было раньше.

При этих словах все подняли голову и с жгучим любопытством устремили глаза на своего собеседника; зная гибкость и

изворотливость его ума, они с удвоенным вниманием приготовились слушать, что он им скажет.

— Да, мои добрые друзья, — продолжал Барбассон, польщенный интересом, который возбудили его слова, — мы отчаиваемся, тогда как, напротив, должны были бы радоваться. Проследите внимательно придуманный мной план.

Сердар с напряженным вниманием приготовился слушать его.

— Я не знаю плана нашего друга Сердара, — продолжал Барбассон, — но думаю, что он не имел никакого намерения вступать в борьбу с флотом и гарнизоном, которым командует этот Уильям Браун, а потому силу, которой у нас нет, приходится заменить хитростью. Сейчас можете судить, имеют ли сходство ваши планы с моими. Ваш враг теперь настороже, говорите вы? Но ведь он настороже против открытой атаки, я же думаю, что вы не имели никакого решительно намерения пойти к нему еще до измены этого мошенника Рам-Шудора и сказать: «Здравствуйте, господин губернатор, придите-ка поболтать немножко со мной на моей шхуне «Диана», я ваш заклятый враг и вы, конечно, узнаете меня!». Я предполагаю, что вы имели намерение перодеться и затем, захватив его, скрутить хорошенько и доставить сюда на борт со всем почетом, подобающим его сану. Спрашивается, кто мешает вам сделать то же самое и теперь?.. Прибытие «Дианы» известно, и она не может войти в порт... Дайте в таком случае необходимые приказания Шива-Томби, который управляет ею, пусть она два или три раза продефилирует мимо прохода с Рам-Шудором, повешенным на реях. Когда губернатор, приняв его за Кишнайю, увидит, что его провели, более того, одурачили, он прикажет своему броненосцу отправиться в погоню за шхуной, которая, будучи хорошим ходоком, будет лишь посмеиваться над ним да и затащит его к мысу Горн. А в то время как любезный Уильям Браун будет пребывать в приятной уверенности, что все мы находимся на борту «Дианы», мы преспокойно войдем в порт на нашем «Радже», куда переберемся сегодня же ночью. Это португальское судно, все бумаги у меня в порядке, есть также и документ на право владения, в котором на всякий случай оставлено свободное место. Там значится, что яхта принадлежит дону Хосе-Эммануэлю — у них там всегда много имен подряд — Энрике-Хоакино-Васко де Барбассонто Карвахалу, богатому дворянину, который путешествует для собственного удовольствия... Вот! Если мой план хорош, Сердар, мы исполним его; если же он не годится...

Он не смог продолжать... Сердар бросился к нему и крепко обнял его, называя своим спасителем.

— Да, — сказал он, когда прошла первая минута волнения, — вы спасаете мне жизнь, давая мне возможность вернуть себе честное имя. С некоторыми изменениями вызванными устранением одного из действующих лиц, т.е. Рам-Шудора, мой план целиком тот же, а потому его легко будет исполнить.

Рама и Нариндра рассыпались в похвалах и поздравлениях Барбассону.

— Все устроилось к лучшему, — прервал их провансалец, — не будем же терять времени в бесполезных разговорах... Надо действовать по возможности скорее, нам осталось всего каких-нибудь два часа до утра. Если вы намерены слушать меня, то надо сейчас же и без всяких допросов повесить Рам-Шудора.

— Следовало бы выслушать его, — отвечал Сердар.

— К чему! В делах подобного рода я на стороне англичан, которые, поймав какого-нибудь разбойника или даже неудобного для них честного человека, тут же отправляют его танцевать на верхушку талей, и все кончено... К чему слушать целую кучу лжи... Послушали бы меня тогда в Нухурмуре — и мой бедный Барнет был бы еще жив... Не будь Рам-Шудора, вы взяли бы с собой Сами, а так как нам тогда нельзя было бы оставить пещеру без сторожа, мы не пошли бы на рыбную ловлю... Вот оно, соотношение причин и следствий. Если вам не хватает духу, позвольте мне самому заняться этим маленьким дельцем, я все беру на себя.

Сердар хотел протестовать, но Нариндра и Рама энергично восстали против него. Индусы знали, что негодяю достаточно будет затронуть чувствительную струнку Сердара — и последний дарует ему жизнь, не дав ему только возможность вредить им.

— Нет, Сердар, — решительно отвечал ему Рама, — мы знаем, что вы закуете его в цепи и посадите в трюм, где он не будет в состоянии мешать вашим планам, но кто может поручиться, что он благодаря своей дьявольской хитрости не удерет оттуда? Согласитесь, что не приди губернатору в голову глупая мысль отвечать нам, мы погибли бы безвозвратно; милосердие не всегда бывает источником человеколюбия, а является иногда следствием слабости характера.

Бедный Сердар все еще колебался... Он принадлежал к числу тех избранных душ, которым жизнь представляется настолько великой тайной, что не в пылу битвы они ни за что не решатся хладнокровно отнять ее у кого бы то ни стало.

— Сердар, — торжественным тоном обратился к нему Барбассон, — в Гоа живет честный человек, который доверил мне жизнь двенадцати матросов. Если вам нужна моя жизнь, скажите мне, но я не считаю себя вправе жертвовать их жизнью... А

потому, и это так же верно, как то, что меня зовут Мариус Барбассон, если через пять минут тхут не будет повешен, я снимаюсь с якоря и везу их обратно...

— Делайте что хотите! — отвечал побежденный Сердар. — Но не будьте слишком жестоки.

— Будьте спокойны, — сказал провансалец, — я мастерски делаю мертвые петли.

Он дал индусам знак следовать за собой, и все трое поспешили вон из комнаты. Две минуты спустя Рам-Шудора привели на палубу с крепко связанными позади спины руками. Негодяй был бледен, как мертвец, но старался держать себя непринужденно и бросал кругом злобные взгляды. Было решено не говорить ему ни одного слова. Четыре матроса, окружавшие его, держали штыки наготове.

— Зачем меня связали, что вам нужно от меня? — спросил он с мрачным видом.

Никто не отвечал ему.

Взглянув тогда на Барбассона, приготовлявшего мертвую петлю, тхут сказал ему, едва сдерживая свое бешенство:

— Вы хотите убить меня, но и вас всех повесят.

Барбассон не проронил ни слова.

— Ты слышишь, — крикнул ему пленник, — повесят! Повесят! Повесят!

Провансалец не выдержал.

— Ошибаешься, мой Шудорчик! Я не желаю, чтобы ты унес с собой сладкую надежду, что будешь отомщен. Ты хочешь что-то сказать о твоём друге губернаторе? Знай же, что он сделал большую глупость, ответив тебе... Хозяин лодки принес письмо мне... из этого следует, мой Шудорчик, что за ученого двух неученых дают, и дня через два твой друг будет в нашей власти... и если он вздумает хитрить... видишь, как я мастерски делаю галстуки из конопли... я и ему надену такой же. Посмотрим, как этот придет-ся тебе...

В ту минуту, когда Барбассон, желая подтвердить свои слова действием, собирался накинуть петлю на шею Рам-Шудора, последний ударом головы опрокинул одного из матросов и одним громадным прыжком очутился вне сомкнутых штыков.

— Ко мне, Нера! Ко мне, Сита! — крикнул он.

Услышав этот призыв, обе пантеры, спавшие в междупалубном пространстве, выскочили оттуда, дрожа всем телом, и бросились к своему хозяину.

— Защитите меня, добрые мои животные! — крикнул им негодяй. — Защитите меня!

Страшные кошки с вытянутыми вперед лапами, сверкая глазами и раздувая ноздри, готовились вцепиться в первого, который вздумал бы приблизиться к Рам-Шудору. Все это произошло с такой быстротой, что никто и не подумал вовремя о том, чтобы запереть люк в помещении, где были пантеры.

— Ну-ка, подойди теперь, храбрец! — ревел тхуг. — Подойдите, нас всего трое против вас всех.

Весь экипаж моментально схватился за оружие, и двадцать карабинов направились на пантер.

— Стойте! Не стреляйте! — крикнул Рама, храбро выступая вперед.

— Нера, Сита! Чужой, чужой! Берите его! — ревел на тамильском наречии Рам-Шудор.

Пантеры присели, вытянувшись на гибких лапах и готовясь броситься по первому знаку.

Рама стоял, склонившись вперед, смотрел на них в упор и, вытянув вперед руки, не делал ни малейшего движения, чтобы избежать их прыжка. Все присутствующие затаили дыхание и ждали, что будет; Сердар, привлеченный шумом, вышел на палубу и с лихорадочным волнением смотрел на всю эту сцену.

Слушая приказания своего хозяина, пантеры ворчали, волновались, но не трогались с места.

Кто восторгествует, заклинатель или человек, который их воспитал?

С одной стороны их осыпал проклятиями и бессильными криками Рам-Шудор, а с другой перед ними стоял Рама, неподвижный, со сверкающими глазами, в которых сосредоточились, казалось, все его силы и откуда вылетали огненные искры, прожигающие насквозь мозг хищников и парализующие их волю.

Мало-помалу раздражение животных улеглось под действием этого взора и, к великому удивлению свидетелей этой сцены и самого Рам-Шудора, они ползком, с легким визгом приблизились к Рама и легли у его ног.

Заклинатель победил укротителя.

Прошло еще несколько минут — и тхуг искупил свои преступления.

II

Вход яхты в порт Пуант-де-Галль. — «Королева Виктория» преследует «Диану». — Дон Хосе-Эммануэль-Энрике-Хоакино-Васко де Барбассонто Карвахал, герцог де Лас Мартигас. — Ловкая мистификация. — Приглашение на праздник. Приезд заговорщиков в Канди. — Ужин. — Барбассон играет роль джентльмена.

РЕМЯ БЛИЗИЛОСЬ К РАССВЕТУ, И НАШИ авантюристы, дав все необходимые инструкции Шива-Томби, которому они могли слепо довериться, поспешили на борт «Раджи». На заре маленькое судно вошло в порт вслед за китайским пакетботом. После посещения санитарной комиссии ему был выдан следующий пропуск:

«Раджа», яхта водоизмещением в пятьдесят тонн, принадлежащая дону Васко де Барбассонто Карвахалу, который путешествует для собственного удовольствия с тремя офицерами — одним европейцем, двумя туземцами — и двенадцатью матросами, прибыла из Гоа. Больных на борту нет.

Сердар и его товарищи числились среди экипажа. Бросив якорь почти у самой набережной, так как яхта неглубоко сидела в воде, они заметили необычайное оживление на борту «Королевы Виктории», первоклассного броненосца, который готовился выйти в море. Да и весь город Пуант-де-Галль находился в сильном волнении по небывалому еще поводу: какое-то неизвестное судно крейсировало, начиная с самого восхода солнца, у входа в канал; на конце талей, соединенных с брам-реей, висел труп, и губернатор отдал приказание, чтобы «Королева Виктория» отправилась за ним в погоню. Броненосец случайно развел пары еще накануне, а потом ему достаточно было нескольких минут, чтобы приготовиться в путь.

Все жители, солдаты и офицеры гарнизона собрались на террасах домов и на возвышенных местах вблизи берега с целью полюбоваться этой погоней.

Как и в тот день, когда Сердар и Нариндра шли на казнь вместе с бедным Барнетом, вся огромная терраса во дворе губернатора была заполнена дамами и высшими сановниками, включая многочисленный штаб во главе с сэром Уильямом Брауном.

Поимка морских разбойников и наказание, которое должно было их постигнуть, были настоящим праздником для всех присутствующих, слышавших, как губернатор сказал командиру «Королевы Виктории»:

— Вы знаете, что на море имеете полное право вершить правосудие, а потому, надеюсь, избавите наши судебные органы от разбирательства дела этих негодяев.

— Через час, господин губернатор, они как четки повиснут на моих реях!

Час спустя оба судна исчезли из виду на западе. День прошел, и солнце уже заходило, а «Королева Виктория» все еще не возвращалась.

По прибытии в город Барбассон отправился передать свою визитную карточку губернатору, как это принято делать у знатных иностранцев. Туземный художник выгравировал ему эти карточки на великолепном картоне длиной десять сантиметров и украсил их герцогской короной... Барбассон не задумался бы выдать себя и за принца.

Дон Хосе-Эммануэль-Энрике-Хоакино-Васко де Барбассон-то Карвахал, герцог де Лас Мартигас, пэр королевства, — так представился он губернатору.

— Ле-Мартиг, — объяснил Барбассон своим друзьям, — маленькая деревушка в окрестностях Марселя, где я воспитывался у кормилицы. Титул мой, как видите, относится к воспоминаниям моего детства.

В ответ на визитную карточку губернатор пригласил благородного герцога де Лас Мартигаса на празднество в Канди, которое должно было состояться дня через два.

— Передайте его превосходительству, что я принимаю его любезное приглашение, — отвечал Барбассон дежурному адъютанту, который явился с визитом от имени сэра Уильяма Брауна и передал ему приглашение на празднество.

— Разве вы забыли, — сказал Сердар после отъезда офицера, — что именно сегодня ночью, на исходе празднества... Вы, быть может, отказываетесь от участия в нашем деле?

— Напротив, Сердар!.. Но так и быть, признаюсь вам... Хотя я и не такой гурман, как бедный Барнет, но не прочь присутствовать на обеде его превосходительства. Англичане хорошо устривают эти вещи, а с паршивой овцы хоть шерсти клок — и то хорошо... Что касается нашего дела, то не беспокойтесь, я успею улизнуть и присоединиться в нужное время.

«Королева Виктория» не вернулась и на следующий день, но это происшествие было не настолько важно, чтобы из-за него откладывать празднество, которое сэр Уильям устраивал по слу-

чаю дня своего рождения для сингальских принцев и выдающихся лиц английской колонии.

Авантюристы использовали время, отделявшее их от великого дня, на то, чтобы разучить к свои роли и вжиться в них; малейшая ошибка, малейшая неосмотрительность могли стоить жизни им всем, ибо было ясно, что в случае сэр Уильям не пощадит никого из них.

Сердар всю последнюю ночь был занят тем, что писал своей сестре полный отчет о своей жизни; он изложил ей, как в предсмертной исповеди, каким образом произошло то роковое событие, которое сгубило всю его карьеру и принудило, как отверженного парию, скитаться двадцать два года по всему миру. И он клялся ей, что в этот торжественный час, накануне того дня, когда он предстанет, быть может, перед всевышним судьей, ни одна недостойная ложь не осквернила его предсмертного рассказа. Свое письмо он заканчивал подробным изложением попытки, которую он предпринял вместе с избранными друзьями не для того, чтобы отомстить, а чтобы вырвать у негодя, сгубившего его ради собственного спасения, бумаги, необходимые для восстановления его чести. Он говорил ей, что в том случае, если это письмо дойдет до нее, это будет служить доказательством того, что план его не удался, и она никогда больше не увидит его, ибо неудача — это смерть.

Одновременно с этим он послал ей свое завещание, в котором передавал ей все свое значительное состояние, доставшееся ему по разделу имуществом после смерти отца, точный список которого она найдет у его нотариуса в Париже, честно управлявшего имением за все время отсутствия хозяина.

Закончив письмо, он вложил в него прядь своих волос и кольцо, доставшееся ему от матери, с которым он никогда не расставался; все это он положил в конверт, запечатал его, написал адрес, передал одному из членов общества Духов Вод, к которому он питал полное доверие, и просил его доставить по назначению в Бомбей, если по прошествии недели он не потребует его назад.

Когда солнце взошло в этот великий для него день, он был готов ко всему. Волнение бесследно исчезло из его сердца; он готовился совершить в высшей степени правое дело, хотя люди, вероятно, осудят способ, которым он пользовался для этого. Но совесть заранее оправдывала его, потому что правосудие было бессильно помочь ему исправить свою ошибку. Кончив все эти приготовления, он призвал к себе своих друзей, выказавших желание помочь ему в его предпринятии.

— Обнимем друг друга, — сказал он им, — сегодня, быть может, последний день, когда все мы вместе; для меня, для меня

одного вы жертвуете, — тут голос его дрогнул, — я не прав, быть может, соглашась...

Ему не дали кончить. Нариндра и Рама протестовали против его слов, прижав его крепко к своей груди, а Барбассон в это время клялся и божился, говоря, что он имеет право распоряжаться своей жизнью, как ему нравится, что он никого не оставляет после себя и что, наконец, это вовсе не такой уж драгоценный подарок, чтобы Сердар так высоко ценил его!

Настаивать было больше невозможно, и Сердар, предполагавший в последнюю минуту возвратить данное слово тому из трех, кто выскажет сожаление о своем решении, удовольствовался тем, что крепко пожал всем руки, говоря:

— Итак, до вечера!

Обед, предшествовавший балу в загородном доме сэра Уильяма Брауна, был великолепен; его смело можно было сервировать на царском столе в торжественный день. Никогда еще не присутствовал Барбассон на подобном празднестве; он заказал себе на скорую руку фрачную пару у одного из портных Пуантде-Галля и украсил его большим бантом ордена Христа. Можете представить себе нашего провансальца в этих доспехах с его простым лицом, покрытым целым лесом взъерошенных бакенбард, черных, как смоль, и шапкой волос на голове, доходивших чуть ли не до самых бровей и остриженных теперь «под ежика», с кирпичным цветом лица и огромными руками, сутуловатого, с шатающейся морской походкой из-за морской качки... Тип истинного матроса с берегов Прованса.

Однако происхождение имеет такое значение в глазах англичан, что одного его титула — его считали герцогом и пэром — достаточно было для того, чтобы его находили в своем роде изысканным и, главное, оригинальным. К счастью для него, никто из приглашенных не знал португальского языка. Но если бы случайно и нашелся такой, то Барбассона нисколько бы не смутило: он просто-напросто заговорил бы с ним на провансальском наречии.

За столом он сидел по правую сторону от жены губернатора, ибо среди присутствующих, за исключением сэра Уильяма, не было никого равного ему по своему происхождению и положению, занимаемому в обществе. Всякий на его месте чувствовал бы себя неловко от несоответствия между почетом, который ему оказывали, и его настоящим положением, но Барбассон принимал это как должное. Поведение его в продолжение всего вечера

отличалось поразительной смелостью и фамильярностью, присущей морякам; англичане находили это весьма оригинальным и приписывали все эти вольности португальским обычаям. Понадобился бы целый том для подробного описания этого забавного вечера.

Когда доложили, что обед подан, Барбассон встал с торжественным видом, поправил свой орденский бант, провел рукой по волосам и, выделяя ногами танцевальные па, подошел к жене губернатора и предложил ей руку. Привыкнув по установленному этикету сама выбирать себе кавалера, она была сначала очень удивлена этим, но затем по знаку своего мужа встала и приняла его предложение. Он повел ее к столу, отставляя в сторону ноги, чтобы не наступить ей на платье, и держа руки калачиком с таким видом, что будь здесь французы, они задохнулись бы от смеха. Проведя ее к столу, он отвесил ей великолепный реверанс... какой делал обычно, провожая танцовщиц в кабаках Тулона.

Она грациозно отвечала ему тем же, подумав про себя: «Это один из португальских обычаев». Остальные приглашенные, подражая знатному иностранцу, сделали то же самое — ведь вельможа, привыкший стоять с покрытой головой в присутствии короля и называющий его кузеном...

— Мы с ним немного родственники, — говорил он во время обеда.

— Я не знаю португальского языка, — сказала леди Браун, занимая свое место.

— И я также, — отвечал легкомысленный Барбассон, но к счастью на провансальском наречии.

— Но если вы говорите по-французски...

— Немножко говорю, — отвечал Барбассон, улыбаясь, — прошу только извинить мои *pataques*, прекрасная дама.

Англичанка улыбнулась и слегка покраснела. «Это, надо полагать, португальское выражение», — подумала она.

— Очень рада, это дает нам возможность немного поболтать, — продолжала она.

— Да! Да! — отвечал Барбассон. — Мы можем маленько покалякать.

И в таком роде прошел весь обед.

— Он не так плохо говорит по-французски, — шепотом сказала леди Браун своему мужу, — только примешивает много португальских слов.

Постепенно «герцог» дошел до непозволительного состояния; он пил все время крепкие вина, и притом полными стаканами, говоря своей соседке:

— Не дурно оно, ваше винцо... кто вам его поставляет?

По мере опустошения бутылок разговор Барбассона становился все более и более пикантным. Пробуя стакан кейптаунского, он конфиденциально заявил своей соседке:

— Ну, этого голубенького не выхлещешь шесть бутылок подряд... Здоровую затычку забудешь себе им в голову.

На этот раз англичанка подумала, что он говорит по-португальски.

Желая показаться еще более интересным и припомнив фокусы, которыми щеголяют приказчики, сидя за обедом, он клал бисквит на нос и затем легким щелчком отправлял его в стакан, или, положив его на стакан, тем же манером отправлял себе в рот. Затем он жонглировал предметами, которые попадались ему под руку, — ножами, вилками, бутылками, тарелками, — к великому удивлению всех присутствовавших, громко выражавших свой восторг.

— Very nice, indeed! (Право, это очень мило!).

Пример его заразил мало-помалу всех, и каждый в свою очередь пробовал проделать то же самое, но, конечно, безрезультатно, а так как англичане всегда преклоняются перед чьим-либо превосходством, то благородный герцог имел поразительный успех. Ободренный единодушными аплодисментами, Барбассон вдруг встал, схватил стул и, поставив его одной ножкой на нос, обошел таким образом вокруг стола, рискуя убить кого-нибудь из гостей в случае нарушения равновесия.

Англичане приветствовали этот фокус восторженными криками «браво» и «ура», разными тостами; но что творилось, когда, после подражания крикам животных, он, чтобы закончить свой сеанс, принялся ходить на руках! Крики дошли до полного неистовства, все принялось поздравлять его, и каждый пожелал выпить бокал шампанского за его здоровье. Барбассон со всеми чокался, отвечал на все тосты и говорил:

— Да! Да! Вы хотите спить меня, но это вам не удастся! — и он пил, как бездонная бочка, и это совсем не было заметно.

Степенные люди говорили:

— Удивительно оригинальны эти португальские обычаи.

Молодые люди устраивали ему овации, а губернатор говорил с восторгом, что никогда еще у него не было так весело.

Вот вам прямое доказательство того, что этикет — вещь условная, выдуманная людьми для того, чтобы наскучить друг другу.

Одна знатная старуха-англичанка сказала нашему провансальцу:

— Мосью Барбассонто, неужели у вас все герцоги и пэры такие же веселые, как вы?

Барбассон отвечал:

— Все, прекрасная дама, и король первый подает нам пример. Все пришли к заключению, что придворная жизнь португальского короля самая оригинальная и самая веселая в мире.

Но наибольшей популярности достиг Барбассон во время бала, когда успех его превратился в настоящий триумф. Вместо чопорного танца, состоящего из церемонных прохаживаний взад и вперед, как это было принято в то время в официальных салонах, наш провансалец познакомил англо-сингалцев со всеми красотами хореографического искусства самого сомнительного свойства и, по его собственному выражению, «задал им такого танца, что самому Шикару не утнаться за ним». Это было вечер, о котором долго помнили на Цейлоне; англичане до сих пор еще говорят о знаменитом португальском герцоге, а в семьях высшего общества, когда подается десерт, все джентльмены и леди забавляются тем, что поддерживают в равновесии бисквиты на носу, и многими другими фокусами, которым их научил лузитанский вельможа... Вот что значит сила традиции!

Развеселив таким образом все общество, Барбассон и не подозревал, какую большую услугу оказал он делу Сердара. Для успеха последнего необходимо было, чтобы друзья его могли, не внушая никому подозрения, пробраться во дворец сэра Уильяма; это было отнюдь не просто, ибо после своей дуэли с Фредериком де Монмореном губернатор удвоил число караулов, отдав приказ, чтобы часовые без колебаний стреляли беспощадно во всякого, кто попытается пробраться во дворец или его службы. Вот почему, когда в полночь, в самый разгар бала, губернатору доложили, что три индуса-фокусника просят разрешения показать ему двух пантер, специально выдрессированных ко дню рождения его превосходительства, эти фокусники были поражены количеством военных караулов, мимо которых их вели во дворец.

— Милорд герцог, — сказала леди Браун, обращаясь к Барбассону, — вы познакомили нас с любопытными обычаями Португалии, позвольте же и нам в свою очередь показать вам зрелище, которое нечасто встречается в вашей стране.

— Какое зрелище, прекрасная дама? — спросил провансалец, который называл так всех дам и тем приобрел репутацию обворожительного мужчины.

— Мы покажем вам хищников, дрессированных туземцами.

Барбассон вздрогнул, услышав эти слова, указывавшие на приход его друзей во дворец. До сих пор он только забавлялся от души, как и в те времена, когда, будучи матросом флота, выходил

на берег, чтобы проесть и пропить все свое жалование, но теперь на сцену выступало настоящее действие, когда после поднятия занавеса должна была начаться драма, в которой он сам соби-
рался участвовать по прошествии нескольких часов.

Одного этого напоминания было достаточно, чтобы из головы его испарились все винные пары, которыми он так злоупотреблял, и вернулось его обычное хладнокровие.

III

Фокусники. — Танец хищников. — Барбассон-дипломат. — Покупка пантер. — Блестящая мысль. — Ночь праздника во дворце Канди. — Похищение губернатора. — Отъезд из Цейлона.

ЗВЕСТИЕ О НОВОМ ЗРЕЛИЩЕ, УСТРОЕНОМ, по словам губернатора, в честь его гостя, благородного герцога, заставило всех перейти в одну часть зала, тогда как в другой его части слуги разостлали циновки для предстоящих упражнений.

Когда в зал вошли три туземца в сопровождении двух пантер, которые покорно, как собаки, следовали за ними, Барбассон сразу узнал Нариндру и Раму, переодетых фокусниками, зато он раза два-три присматривался, прежде чем узнал третье лицо, — так искусно загримировался Сердар. Не было никакой возможности принять за европейца человека с бронзовым цветом лица и заплетенными в косы волосами, уложенными на макушке, как это делают обычно фокусники. Чтобы убедиться в этом тождестве, провансальцу пришлось напомнить себе, что никто кроме Сердара не мог быть с маратхом и заклинателем.

Костюм Сердара, более богатый, чем у его спутников, свидетельствовал о его положении директора труппы и позволял ему в то же время играть второстепенную, наблюдательную роль, не привлекая исключительного внимания публики. Он принял эту предосторожность, чтобы не быть узнанным своим врагом, хотя и был так искусно загримирован, что ему нечего было этого опасаться.

Пантеры выступали великолепно и по приказанию Рамы-Модели исполнили большую часть тех упражнений, которым их обучают фокусники. Изысканное общество, собравшееся в зале, показало своими аплодисментами и количеством рупий, брошенных туземцам, с каким удовольствием оно присутствовало при этом зрелище, главная прелесть которого заключалась в том,

что хищные животные столь покорно и беспрекословно подчинялись человеку.

Сердар прекрасно знал, что по окончании представления туземцам прикажут удалиться из дворца, а потому как можно внимательнее присматривался к его расположению, чтобы без всяких затруднений вернуться сюда ночью. Он понял, с какими затруднениями будет сопряжена эта операция, которая может подвергнуть их обстрелу со стороны часовых, так искусно расставленных вокруг дворца, что им легко было следить за всем, что происходило вблизи него. Вот тут Барбассону снова пришлось пустить в ход новое доказательство своего гения, всю важность которого Сердар оценил сразу, так как эта выдумка устраняла самую трудную часть опасного предприятия. В ту минуту, когда ложные фокусники собирались удалиться, провансалец вернул их обратно:

— Позвольте, господин губернатор, — сказал он, — маленький каприз пришел мне в голову...

— Пожалуйста, мой милый герцог, распоряжайтесь, как у себя дома.

Туземцы приблизились к ним.

— Скажите мне, добрые люди, не согласитесь ли вы уступить мне за хорошую цену ваших умных животных?

— Ты смеешься над нами, бедными людьми, — отвечал Сердар, радуясь в душе; он сразу понял, как мы уже сказали, к чему ведет этот вопрос.

— Клянусь Бар... нет, честью, я говорю серьезно; в моем Коимбрском парке есть нечто вроде зверинца, выстроенного еще моим отцом. Я обогащаю его мало-помалу новыми экземплярами, которых встречаю во время своих путешествий, но беру только хорошо дрессированных и спокойных животных. Герцогиня моя настолько боязлива, что я до сих пор еще не нашел для нее подходящих пантер, а ваши как раз мне подходят.

В другое время Сердар от души поохотал бы над герцогиней, рожденной воображением Барбассона, но в данный момент положение дел было слишком серьезным, чтобы забавляться оригинальными выдумками своего друга.

— Полно же! — продолжал Барбассон с величайшим апломбом, — пользуйтесь моим хорошим расположением духа; это моя фантазия, и я заранее согласен на ту цену, которую вы назначите.

— Но эти животные — наш единственный заработок.

— Ба! Выдрессируйте других.

— Целые годы приходится тратить на то, чтобы довести их до того совершенства, которого они теперь достигли.

— А если я дам столько, что вам хватит на несколько лет?
— О, тогда другое дело.
— Прекрасно! Цена?
— Это как вашему превосходительству будет угодно.
— Нет, я не люблю такую неопределенность, она всегда стоит дорого.

— Две тысячи рупий за пару.
— То есть пять тысяч франков?
— Если ваше превосходительство находит, что это много...
— Нет... нет! Всякому жить хочется, пусть будет пять тысяч франков; пантеры мои, и я теперь же оставляю их у себя, чтобы вы не вздумали отказаться. Явитесь завтра на борт «Раджи»... впрочем... да, так будет лучше... есть у вас клетка, в которой вы возите этих животных?

— Да, есть... Нельзя же вести по городу пантер на свободе?
— В таком случае с вашего позволения, сэр...
— Позвольте мне прервать вас, мой милый гость, я вам уже сказал, что вы можете распоряжаться, как вам угодно.

— Пользуюсь вашей любезностью и прошу приказать перенести моих пантер на веранду помещения, отданного в мое распоряжение.

— Нет ничего легче, милорд герцог! Пусть даже эти люди остаются подле них, чтобы смотреть за ними до тех пор — надеюсь, это будет не так скоро — пока ваше сиятельство не пожелает покинуть нас.

— Ваша любезность неисчерпаема, мой милый губернатор. Итак, решено: следуйте за моими людьми, они укажут вам место, где вы будете помещаться.

— Ваше помещение рядом с моим, милый герцог, — отвечал, смеясь, губернатор. — Позаботьтесь о том, чтобы ваши новые пенсионеры не съели нас сегодня ночью.

— Во избежание этой маленькой неприятности, потому что они могут начать с меня, — отвечал Барбассон тем же тоном, — я и позаботился, чтобы их сразу заперли в клетке. Я боюсь, впрочем, как бы они не стеснили здесь всех, а потому, как только слуги мои отдохнут, я прикажу им свезти их рано утром на борт, а может быть даже и ночью. Убедительно прошу сделать распоряжение, чтобы тогда открыли двери и часовые не беспокоили их.

— Все будет исполнено. Слышите, О'Келли, — сказал сэр Уильям, обращаясь к стоявшему подле него адъютанту, — предупредите часовых, чтобы они пропустили в какой бы то ни было час людей герцога.

Адъютант почтительно поклонился и тотчас же отправился исполнять данное ему поручение.

Сердар смотрел на Барбассона глазами, в которых выражались и удивление необыкновенной изворотливости его ума, и благодарность к нему, которую он, до конца своей жизни. Только теперь он понял, как трудно было бы ему преодолеть затруднения, которые по милости провансальца устранялись, как по волшебству; весьма возможно, что сам он и не справился бы с ними.

Все было исполнено согласно данному распоряжению, и спустя несколько минут Барбассон, спешивший присоединиться к своим друзьям, спросил у жены губернатора разрешения удалиться к себе.

— Я не замедлю последовать вашему примеру, — сказал сэр Уильям, — я не хочу присутствовать на ужине. Леди Браун займет мое место, а гости извинят меня, потому что я не отличаюсь крепким здоровьем.

— Вы были жертвой какого-нибудь несчастного случая? — спросил провансалец, которому все было прекрасно известно.

— Да, было покушение на убийство, и презренный виновник его, который до сих пор ускользал от преследования, в этот час получил уже, вероятно, заслуженное им наказание... Он находился на судне, за которым отправился броненосец «Королева Виктория»... Зачем, впрочем, я рассказываю вам о таких вещах, которые вас мало интересуют, и мешаю вам отправиться на отдых?

Оба крепко пожали друг другу руки, и Барбассон не спеша направился в свои комнаты, находившиеся на первом этаже правого флигеля дворца. Ему одному из всех приглашенных на бал было отведено помещение во дворце; те же из остальных, которые не желали возвращаться ночью в Пуант-де-Галль, заняли номера в гостиницах Канди. Таким образом, никто из посторонних не мог помешать своим присутствием исполнению планов Сердара.

Загородный дом губернатора Цейлона, выстроенный в изысканном вкусе, представляет собой настоящий дворец по своим размерам и величине различных служб и пристроек. Он расположен в прелестной долине с богатой растительностью, тенистыми и благоухающими рощами, большим количеством ручейков и потоков, которые журчат по склонам гор, окружающих ее со всех сторон. Непосредственно над ней громоздится целый ряд крупных уступов, которые постепенно переходят в знаменитый Адамов пик, где по преданию появился в первый раз праотец человеческого рода. Путешественникам до сих пор еще показывают на верхушке знаменитого пика след ноги, оставленный там

Буддой, когда он перед восхождением на небеса извлек из своего мозга первую человеческую чету.

Этот загородный дом, в котором губернаторы живут обычно в течение всего жаркого времени года, начиная с мая и до октября, устроен со всем комфортом, какого только можно желать и о котором самые роскошные дома Европы дадут лишь весьма слабое представление. Он состоит из главного корпуса, где находятся гостиная, праздничные залы, приемная, рабочий кабинет губернатора, столовая и зал совета, в котором по желанию главы колонии собираются официальные лица. К главному корпусу примыкают два боковых флигеля, где расположены жилые помещения. В левом находились комнаты «леди губернаторши», как называют на Цейлоне жену губернатора, а в правом — комнаты сэра Уильяма Брауна. Дети и прислуга европейского происхождения занимали соседний павильон.

Обширная веранда окружает весь второй этаж, соединяя между собой все комнаты и давая таким образом возможность не проходить через внутреннюю часть дворца. Комнаты, отведенные сэром Уильямом для Барбассона, примыкали, как уже сказано, к его собственному помещению. Они оставались всегда пустыми за исключением тех редких случаев, когда губернатор Цейлона принимал у себя своих коллег из Мадраса и Бомбея или вице-короля Калькутты.

Заблуждение сэра Уильяма Брауна относительно настоящего происхождения человека, выдававшего себя за благородного португальского пэра, не так уж неправдоподобно, как кажется с первого взгляда, если принять во внимание богатство и красоту хиты стоимостью в несколько миллионов, — воистину королевская прихоть, возможная только при известном богатстве и высоком социальном положении.

За исключением адъютанта, друга и поверенного губернатора, никто больше не спал в этой части дворца, где кроме спальни находились курительная, ванная, библиотека, семейная гостиная, бильярдная, частный кабинет — все, что требуется для джентльмена, любящего удобства; это был частный «home» сэра Уильяма, куда могли входить только его жена, дети и близкие друзья. В Индии, где температура воздуха требует постоянного проветривания, двери в комнатах существуют только для виду; их никогда не закрывают, и обычные портьеры всегда приподняты с одной стороны — единственный известный там способ изолирования. Прислуга поэтому никогда туда не допускается и появляется только тогда, когда раздается электрический звонок и на табло появляется номер комнаты и имя слуги, которого вызывают.

Поднявшись на второй этаж, Барбассон немедленно воспользовался удобством расположения комнат и отсутствием прислуги, чтобы ознакомиться с помещением и наметить направление, которого должны будут держаться его друзья, чтобы проникнуть в спальню губернатора. Он нигде не останавливался, чтобы полюбоваться неслыханным богатством внутреннего убранства, из боязни быть застигнутым врасплох сэром Уильямом, который говорил ему, что желает раньше удалиться на покой.

Он застал на веранде трех своих друзей, которые по обычаю туземцев сидели на полу у дверей его комнаты; подле них стояла клетка, предназначенная, по-видимому, для пантер, но тот, кто знал это ее назначение, очень удивился бы, открыв дверцу и найдя ее пустой. Внизу у веранды спали на циновках четыре матроса из свиты донна Васко Барбассонто... Вернее, им приказано было казаться спящими. Друзья из осторожности не сопровождали Барбассона во время осмотра им комнат. И хорошо сделали, ибо не прошло и пяти минут после его возвращения из этой экскурсии, как появился губернатор, предшествуемый двумя слугами с факелами в руках.

— Как ведут себя ваши новые пансионеры? — спросил сэр Уильям мимоходом.

— С мудростью, достойной высших похвал, милый губернатор, — отвечал Барбассон со своей обычной находчивостью, — не желает ли ваше превосходительство взглянуть на них?

— Не стоит беспокоить их, мой милый герцог.

И он прошел мимо, приветственно помахав ему рукой. Спустя несколько минут он сказал своим слугам, отправляя их:

— Передайте господину О'Келли, — это был его любимый адъютант, — что я прошу его не перекладывать всю тяжесть приема на одну миледи; пусть остается с ней до конца бала.

Губернатор сам таким образом устранил последнее препятствие, которое могло помешать его похищению. Слуги скромно удалились, и Барбассон остался со своими друзьями.

Было два часа утра. Ночь принадлежала к числу тех чудесных ночей, о которых имеют понятие только люди, бывавшие под тропиками. Луна серебрила верхушки лесов, расположенных этажами по уступам долины. Тишину прорывалась одними только звуки оркестра, которые смешивались с звонким шумом ручьев, каскадами низвергавшихся с высоких скалистых утесов. Прохладный ветерок, наполненный приятным запахом гвоздичных деревьев, корицы и злаков полей, освежал атмосферу, раскаленную дневным зноем. Все покоилось мирным сном среди этой тихой и мечтательной природы: туземцы в своих шалашах из ветвей, усталые птицы среди густой листвы и насытившиеся

хищники, загнанные утренней свежестью в свои логовища. Одна только неутомимая молодежь, опьяненная аккордами вальса, все еще носилась по залам дворца, тогда как заспанные слуги, завернувшись в свои одежды, ожидали выхода господ.

Не спали также на веранде и четыре человека, готовые по условному знаку одного из них осуществить самый отважный, самый необыкновенный, самый неслыханный план, на какой решались когда-либо авантюристы, похитить из собственных покоев, в самый разгар бала, в присутствии многочисленных гостей и слуг, стражи, караульных, офицеров и целой толпы любопытных за решеткой двора первого сановника в стране, сэра Уильяма Брауна, коронного губернатора Цейлона. О, как бились у них сердца, у этих людей, особенно у старшего, управлявшего остальными тремя.

Сэр Уильям давно уже спал глубоким сном; двадцать раз уже Барбассон пробирался к дверям его комнаты и, возвращаясь обратно, объявлял, что он ясно слышал спокойное дыхание спящего... Приступая, однако, к задуманному им плану, который был справедливым воздаянием за двадцать лет страданий и нравственных пыток, Сердар колебался... В данный момент он боялся не неудачи, но успеха... Этот великодушный человек не думал в этот час о неоспоримой законности своего поступка, нет! Он говорил себе: этот человек погубил меня, это правда; он поступил хуже, чем если бы отнял у меня жизнь, он лишил меня честного имени, изгнал из общества, к которому я принадлежал, из армии, мундир которой я носил... Но с тех пор прошло двадцать лет; теперь он генерал, член палаты лордов, он занимает один из самых высоких постов в своей стране... Будь только это, моя ненависть еще более возросла бы, ибо и я мог бы достигнуть такого положения, чина и почестей... Но он женат, у него пятеро детей, которые, насколько я заметил, одарены всем, что может наполнить сердце отца гордостью и любовью к ним. Пять молодых девушек, которых я видел, когда мы ждали у решетки, раздавали несчастным щедрое подавание и обращались к ним с кроткими словами утешения... Сердар спрашивал себя, имеет ли он право разбить в свою очередь эти пять жизней, повергнуть в отчаяние ни в чем неповинных девушек, поразить двойным ударом сердце жены и матери. Бог заповедал людям прощать грехи ближним, и само общество учредило юридическую давность для самых ужасных преступлений, а потому не будет ли с его стороны великодушнее простить?

А пока он размышлял, время быстро несло вперед... Барбассон начинал терять терпение, а Сердар не смел сообщить друзьям своих мыслей... Он знал, что они ответят ему: твой отец умер от

отчаяния, твоя мать с горя последовала за ним в могилу. Наконец, твоя сестра Диана, которая скоро должна приехать...

— Полно! — сказал Барбассон, вернувшись еще раз после своей рекогносцировки, — будете вы действовать сегодня или же хотите дожидаться восхода солнца, чтобы нас легче было схватить еще до прибытия в Пуант-де-Галль?.. Сердар, если вы опять ломаете себе голову над какой-нибудь сентиментальностью, то я сейчас же отправляюсь спать и остаюсь по-прежнему Васко Барбассонто... разбирайтесь там сами как хотите.

— Полно колебаться, — в свою очередь шепнул Сердару Рама, — подумайте о вашей сестре, племянниках, о нас, наконец, которых вы затащили сюда.

Отступать было поздно. Сердар сделал над собой последнее усилие и отогнал осаждавшие его мысли. Затем, чтобы отрезать себе все пути к отступлению, он сказал друзьям:

— Вперед!

— Давно пора, — отвечал провансалец. — Следуйте за мной! У меня с собой кляп, веревки, платок и... тысяча чертей! Никаких колебаний.

Все четверо медленно, скользя по веранде, как тени, двинулись вперед и с этой минуты не произносили ни единого слова. Роли были распределены между всеми: Рама и Сердар должны были схватить губернатора за руки, Нариндре, как человеку обладающему геркулесовской силой, достались ноги, а Барбассон должен был заложить кляп в рот и обвязать голову платком, чтобы губернатор не мог видеть своих похитителей.

Все живущие в Индии имеют обыкновение, ложась в постель, надевать короткие до колен панталоны из легкого сырцового шелка и курточку из такого же материала, так как комнаты в домах, открыты для всех сквозняков.

Заговорщики скоро добрались до гостиной, которую они прошли, стараясь по возможности не производить никакого шума. Барбассон приподнял портьеру и сделал друзьям знак, что губернатор здесь. Все четверо остановились; при свете ночника — *веррин* — они увидели, что лица их бледны, как у алебастровых статуй. Барбассон заглянул в комнату.

— Он спит! — сказал он еле слышным шепотом.

Отступать было поздно, надо было действовать быстро... сэр Уильям мог проснуться каждую минуту и нажать электрическую кнопку, находившуюся у него под рукой. Они вошли... восемь рук опустились сразу на несчастного; он не успел еще проснуться, как во рту у него был кляп, а на голове платок, и вслед за этим руки и ноги его были так крепко связаны веревками, что он не в состоянии был шевельнуть ими. Нариндра в одно мгновение под-

хватил сэра Уильяма на руки и как перышко вынес его на веранду, где его уложили в клетку для пантер, снабженную матрацем.

— Возьмите его одежду, чтобы он мог одеться завтра, — командовал Барбассон Рама в тот момент, когда Нариндра уносил свою ношу... С той минуты, когда сэр Уильям был связан, Сердар не притронулся к нему.

Едва слышное «гм!» предупредило матросов, спавших в саду, что пора отправляться. Четыре малабарца вскочили все сразу и мгновенно исчезли из виду. Приближался момент, требовавший наибольшего хладнокровия, чтобы на виду у всех уйти спокойно, не внушив никому ни малейшего подозрения.

— Я беру все на себя, — сказал торжествующий Барбассон.

Клетку несли на палках, прикрепленных с двух сторон; Рама и Нариндра подняли ее и двинулись вперед с Сердаром во главе. Провансалец заключал шествие. Все шло хорошо, пока они двигались по веранде и спускались с лестниц; это была наименее опасная часть пути и — хорошее предзнаменование — пленник не делал ни малейшего движения. А между тем, хотя он был крепко связан веревками, он ничем не был прикреплен внутри клетки и потому ничто не могло помешать ему стучать локтями и ногами по ее стенкам. Наши авантюристы поступили таким образом крайне неосторожно, оставив ему свободу движений. В ту минуту, когда они приблизились к самому опасному месту своего пути, т.е. к веранде перед парадной гостиной, которой никак нельзя было миновать, внутри клетки послышался сильный стук и клетка так покачнулась, что Рама и Нариндра еле удержали равновесие. Они были моментально окружены гуляющими, которых было очень много, так как танцующие вышли немного отдохнуть и подышать чистым воздухом в промежутке между двумя кадрилиями.

— Мы погибли! — подумали авантюристы.

Сердар и оба носильщика страшно побледнели. К счастью для них провансалец не растерялся.

— Предоставьте мне свободу действий, а сами идите вперед, — шепнул он своим друзьям.

— Ах, гадкие животные, им там, по-видимому, не очень-то нравится! — сказал он громко, чтобы все могли его слышать.

К нему подошел адъютант О'Келли.

— Значит, милорд герцог, вы решили отослать их на борт?

— Да! Они подняли там такой шум, что я боялся, как бы они не разбудили сэра Уильяма.

Не успел Барбассон произнести эти слова, как в клетке началось такое движение и она так сильно раскачалась, что Раму

едва не отбросило к одной из ближайших колонн; но он, по счастью, не выпустил из рук своей ноши.

— Странно, — слышался женский голос, — почему они не рычат? Можно подумать, что там внутри сидит человек, а не животное.

Сердар и оба носильщика замерли от ужаса; они подумали, что все погибло...

— Прекрасная дама, — сказал Барбассон, — да будет вам известно, что пантеры рычат только на свободе!.. Ну, вы там, вперед! — грубо крикнул он на носильщиков. — Вы обманули меня, говоря, что ваши пантеры привыкли к клетке... А если двери откроются под их толчками, — кто поручится мне, что обезумевшие животные не бросятся на толпу? — И он прибавил еще громче, чтобы слова его были слышны: — Со мной, к счастью, револьвер, и прежде чем они успеют выскочить, я разможжу им голову!

Он нарочно сделал ударение на последних словах: «я разможжу им голову!»

Несчастный губернатор, несмотря на состояние, в котором находился, вероятно, понял это, так как толчки сразу прекратились. Благородный герцог продолжал, умышленно делая ударение на своих словах:

— Имей возможность бедные животные понять, как хорошо будут с ними обращаться, они не тратили бы напрасно свои силы...

Так или иначе, но веранда осталась позади. Адъютант, сам провожавший их до дверей, снова предупредил стоявший у входа караул, и авантюристы скоро очутились на улице. Карета, запряженная четверкой лошадей, которая привезла Барбассона и его людей и своим наружным видом напоминала охотничий экипаж, стояла уже наготове, и лошади от нетерпения фыркали и раздували ноздри.

— Вы также нас покидаете, господин герцог? — спросил удивленный адъютант.

— О нет, — отвечал Барбассон с невозмутимым хладнокровием, — мне необходимо только отдать кое-какие приказания.

Адъютант из скромности удалился и направился в танцевальный зал.

— А теперь, друзья мои, — шепотом сказал провансалец, — во весь дух, вперед! Счастливо же мы отделались, клянусь Богом! На «Радже» пары разведены... часа через два мы выйдем из форта.

— Нет, — отвечал Сердар, — вы сказали, что не уезжаете, и часовой, слышавший ваши слова, может удивиться.

— Вы правы, чуть не сделал промаха! Садитесь все в экипаж и поезжайте шагом до того места, где нас не будет больше видно. — И затем он громко добавил — Сойди сюда, Рама, мне нужно поговорить с тобой... я хочу прогуляться и не прочь пройти сотню метров.

Заклинатель понял и поспешил к нему. Экипаж медленно, шагом проехал расстояние в четверть мили, а затем, когда дворцовый караул не мог больше никого ни видеть, ни слышать, Барбассон и Рама заняли места возле своих друзей. Лошади, почувствовав, что поводья опущены, понеслись, как стрела, по направлению к Пуант-де-Галлю.

— Спасены! Спасены! — кричал с торжеством Барбассон.

— Пока еще нет! — отвечал Сердар.

— Эх, милейший! Хотел бы я знать, кто догонит нас теперь.

— А телеграф? Не слишком-то хвастайте победой, мой милый! Вы разве не знаете, что кабинет губернатора в Канди соединен проводом с Пуант-де-Галлем и его береговыми фортами? А потому, если это происшествие заметят раньше, чем через два часа после того, как мы выйдем в открытое море, нас не только арестуют по нашему приезду в Пуант-де-Галль, но еще пошлют ко дну ядрами из форта: ведь туда дадут знать в тот момент, когда мы сядем в лодку.

— Верно, вы ничего не забываете, Сердар! — сказал разочарованный Барбассон. — Ба! Надо иметь больше доверия к своей звезде.

Легко понять после этого, с каким тяжелым сердцем проезжали наши авантюристы пространство, отделявшее их от Пуант-де-Галля, куда они все же прибыли без всяких препятствий. На «Радже» действительно были уже разведены пары и из предосторожности даже поднят якорь, а потому ничего больше не оставалось, как взойти на борт вместе с ящиком, в котором находился несчастный губернатор. Луна только что зашла как нельзя более кстати, так как это давало возможность пройти канал, не будучи замеченными. Что касается опасности наскочить на берег, то на борту находились прекрасная карта и компас, а провансалец, как опытный моряк, брался вывести яхту в море без всяких приключений. Он сам встал у руля и взял к себе двух матросов, чтобы те помогли ему в случае надобности. Машинисту он дал только один приказ:

— Вперед! На всех парах!

И как раз вовремя! Не успели они выйти из узкого входа в канал, как два потока электрического света, пущенных из фортов, скрестились друг с другом и осветили порт, канал и часть океана, ясно указывая на то, что похищение и побег уже обнару-

жены. В ту же минуту раздался выстрел из пушки, и ядро, скользя по поверхности воды, пролетело в нескольких метрах от борта.

— Да, как раз вовремя! — сказал Сердар, вздохнув с облегчением. — Только теперь мы вправе сказать, что спасены.

Он приказал двум матросам поскорее освободить сэра Уильяма от связывающих его пут и затем запереть его в комфортабельной каюте в междупалубном пространстве, не обращая внимания на его протесты и не отвечая на его вопросы. Прежде чем вступить в разговор, для которого он только что рисковал своей жизнью, он хотел убедиться в том, что «Раджа» окончательно вышел из цейлонских вод. Сэр Уильям, против всякого ожидания, увидев, с кем он имеет дело, замкнулся в презрительном молчании. Когда матросы собрались уходить от него, он сказал им с величественным видом:

— Скажите вашему хозяину, что я прошу только одного: я желаю, чтобы меня расстреляли, как солдата, а не вешали, как вора.

— Тоже еще фантазия! — сказал Барбассон. — Знаем мы этих героев, подкупающих негодяев вроде Кишнаи для убийства!

— Он вспомнил, что хотел нас повесить, — вмешался Нариндра — и сам боится той же участи.

— Так же верно, как то, что я сын своего отца, он хочет показать себя стойким, чтобы затронуть чувствительную струнку Сердара и тем спасти свою жизнь... Увидим, увидим, но, по моему, он в сто раз больше Рам-Шудора заслуживает веревки.

Из форта послали вдогонку еще несколько ядер, но, убедившись в своей бессилии перед быстрым ходом «Раджи», который находился теперь вне досягаемости выстрелов, решили прекратить стрельбу.

Так как во всем порту Пуант-де-Галль не оказалось больше ни одного судна, которое можно было бы отправить по их следам, наши авантюристы решили не ждать «Дианы» и направились в Гоа.

Они буквально падали от усталости после целого ряда ночей, проведенных без сна, а потому Сердар, несмотря на все свое желание тотчас же вступить в решительный разговор со своим врагом, вынужден был уступить просьбе своих товарищей и дать им несколько часов отдыха. Решено было поэтому отложить до вечера торжественное заседание, на котором все они должны были присутствовать.

IV

Суд чести. — Сэр Уильям Браун перед судом. — Обвинительный акт. — Ловкая защита. — Важное показание. — Хитрость Барбассона. — Бумажник сэра Уильяма Брауна.

ЕНЬ ПРОШЕЛ БЕЗ ВСЯКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, и в условленный час, после того как Барбассон отдал нужные распоряжения, Сердар и его товарищи собрались в большой гостиной яхты, приготовленной для этого случая.

— Друзья мои, — сказал Сердар, — вы представляете настоящий суд, и я приглашаю вас быть моими судьями; я хочу, чтобы вы могли взвесить все, что произошло с той и с другой стороны, и решить, на какой из них право и справедливость. Все, что вы по зрелом и спокойном размышлении найдете справедливым, я исполню без страха и колебаний, клянусь в том своей честью. Забудьте все, что я говорил вам в часы душевных излияний, потому что ради Барбассона, который ничего или почти ничего не знает, я должен рассказать все с самого начала.

Барбассон был избран двумя своими коллегами президентом военного суда как наиболее способный дать отпор сэру Уильяму. Все трое сели вокруг стола, и тогда по их приказу привели сэра Уильяма. Последний с презрением окинул взглядом собравшееся общество и, узнав Барбассона, тотчас же бросился в атаку, воскликнув:

— Вот и вы, благородный герцог! Вы забыли познакомить меня со всеми вашими титулами и не прибавили к ним титулы атамана разбойников и президента комитета убийц.

— Эти господа не ваши судьи, сэр Уильям Браун, — вмешался Сердар, — и вы напрасно оскорбляете их. Они мои судьи... Я просил их оценить мое прошлое и сказать мне, не злоупотребил ли я своими правами, поступая известным образом по отношению к вам. Вы будете иметь дело только со мной, и если я приказал доставить вас сюда, то лишь для того, чтобы вы присутствовали при моих объяснениях и могли уличить меня в том случае, если какая-нибудь ложь сорвется у меня с языка.

— По какому праву вы себе позволяете...

— Никаких споров на эту тему, сэр Уильям, — прервал его Сердар, голос которого начинал дрожать от гнева при виде чело- века, столько лет заставлявшего его страдать. — Говорить о праве не смеет тот, кто еще вчера подкупал тхугов, чтобы убить меня... Ради Бога, замолчите, не смейте оскорблять этих честных

людей, которые не способны на подлый поступок, иначе я прикажу бросить вас в воду, как собаку!

Барбассон не узнавал Сердара, который по его собственному выражению был «мокрой курицей». Он никогда не видел Сердара в момент, когда тот вставал на защиту справедливости, а в данном случае речь шла о том, чтобы не позволить низкому негодяю, сгубившему его, оскорблять близких ему друзей. Выслушав это обращение, сэр Уильям опустил голову и ничего не отвечал.

— Итак, вы меня поняли, сударь, — продолжал Сердар, — собственные поступки я предаю на суд своих честных товарищей... Будьте покойны, мы с вами поговорим потом лицом к лицу. Двадцать лет ждал я этого великого часа, вы можете подождать десять минут и затем узнаете, чего я, собственно, от вас хочу.

И он начал:

— Друзья мои, вследствие обстоятельств, быть может более благоприятных, чем того заслуживали мои личные достоинства, я уже в двадцать два года был капитаном, имел орден и был причислен к французскому посольству в Лондоне. Как и все мои коллеги, я часто посещал «Military and navy Club», т.е. военный и морской клуб. Там я познакомился со многими английскими офицерами и в том числе с поручиком «horse's guards», конной гвардии, Уильямом Пирсом, который после смерти своего отца и старшего брата унаследовал титул лорда Брауна и место в палате лордов. Человек этот был моим близким другом.

Я работал в то время над изучением береговых укреплений и защиты портов. Мне разрешили для получения необходимых сведений поработать в архивах адмиралтейства, где находится множество драгоценных документов по этому предмету; я часто встречался там с поручиком Пирсом, который был тогда адъютантом герцога Кембриджского, главнокомандующего армией и флотом и президента совета в адмиралтействе. Как-то раз, придя в библиотеку, я застал там всех чиновников в страшном отчаянии; мне объявили, что иностранным офицерам навсегда запрещена работа в архивах: накануне кто-то открыл потайной шкаф и похитил оттуда все секретные бумаги, в том числе план защиты Лондона на случай, если бы он был осажден двумя или тремя союзными державами.

Я ушел оттуда сильно взволнованный. Вечером ко мне зашел Уильям Пирс с одним из своих молодых товарищей, которого звали Бёрнсом; мы долго разговаривали о происшествии, так сильно волновавшем меня главным образом из-за того, что я не мог кончить начатой мной весьма важной работы. Молодые люди сообщили мне, что между украденными бумагами находились настолько важные документы, что будь виновником этого похи-

щения английский офицер, его расстреляли бы, как изменника; затем они удалились. Не знаю почему, только это посещение произвело на меня тяжелое впечатление. Оба показались мне крайне смущенными, сдержанными, что вообще не было свойственно им; затем, странная вещь, они попросили меня вдруг показать им планы, рисунки и разные наброски, которыми я сопровождал свои письменные занятия, тогда как раньше никогда этим не интересовались. Они их переворачивали, складывали в картон, снова вынимали оттуда... Одним словом, вели себя крайне непонятным образом.

Каково же было мое удивление, когда на следующий день рано утром ко мне явился старший секретарь посольства в сопровождении английского адмирала и двух незнакомых мне, одетых в черные костюмы мужчин, принадлежавших, по-видимому, к высшим чинам полиции.

— Любезный друг, — сказал мне секретарь, — посещение наше исключительно формальное и делается по распоряжению посланника с целью положить конец неблагоприятным толкам по случаю похищения в адмиралтействе.

— Меня! Меня! — пробормотал я, совсем уничтоженный. — Меня обвиняют!

Посетители с любопытством следили за моим смущением, и я уверен, что оно произвело на них дурное впечатление. Ах! Друзья мои, правосудие придает слишком большое значение внешним проявлениям. Верьте мне, никто так худо не защищается в подобных случаях, как люди невинные.

Секретарь отвел меня в сторону и сказал:

— Успокойтесь, мой милый, я понимаю ваше удивление, но дело в том, что среди исчезнувших бумаг находится переписка английского посланника по поводу смерти Павла I, бросающая странный свет на это происшествие, в котором русские обвиняли англичан, к тому же правительство делает все возможное, чтобы помешать этой переписке выйти за пределы государства. Вы работали в адмиралтействе в двух шагах от потайного шкафа, а потому весьма естественно, что находитесь в списке тех лиц, которых желают допросить.

— Хорошо, — отвечал я, — пусть меня допрашивают, но предупреждаю вас, что я ничего не знаю; о происшествии я узнал от чиновников адмиралтейства, которые сообщили мне также о мерах, принятых после похищения.

— Вам придется также, — продолжал секретарь со смущенным видом, — допустить нас к осмотру ваших бумаг...

— Только-то? — воскликнул я, уверенный в своей невинности. — Все, что у меня здесь, в вашем распоряжении.

— Я был в этом уверен, — заметил секретарь. — Господа, мой товарищ, — и он сделал ударение на этом слове, — не противится исполнению вашего дела.

Ах, друзья мои, как мало был я опытен тогда! Мне следовало прибегнуть к дипломатическим тонкостям, против которых сам посланник не мог бы ничего поделать. Прежде чем министр иностранных дел и военный министр во Франции пришли бы к какому-нибудь решению, а оно во всех случаях было бы благоприятно для меня, я имел бы достаточно времени, чтобы разрушить коварные сети, опутавшие меня... Уверенный же в своей честности, я погубил сам себя.

Что было дальше? Между моими рисунками чиновники нашли два самых важных письма из знаменитой похищенной переписки. Вся сцена моментально изменилась...

— Вы нас опозорили! — воскликнул секретарь с презрительным видом.

Уничтоженный этим непредвиденным ударом, я упал, как громом пораженный.

Напрасно, когда я поднялся, я негодовал и протестовал, рассказывая о посещении накануне.

— Этого еще не доставало, — прервал меня секретарь, — обвинить людей, принадлежащих к самым старинным дворянским семьям Англии.

Я понял, какая глубокая пропасть разверзается подо мной... я должен туда упасть — и ничто не может спасти меня... Я сокращаю свой рассказ... Двадцать лет прошло со времени этих событий, но я до сих пор при одной мысли о них испытываю самые ужасные страдания... Я был отправлен во Францию на усмотрение военного министра вместе с материалами дознания и отношением английского правительства, настоятельно требовавшего моего наказания, а потом меня судили военным судом.

Там я сумел защищаться... я рассказал все подробности посещения двух английских офицеров и их необъяснимого поведения; я сообщил о том факте, что тот из двух офицеров, который сделался впоследствии лордом Брауном, уплатил неожиданно более полутора миллионов. Я закончил свою речь следующими словами: «Это дело, господа, стоило, вероятно, несколько миллионов и могло соблазнить младшего сына знатной семьи, не имеющего никакого состояния. Но чего мог желать французский офицер, капитан двадцати двух лет, награжденный орденом и имеющий ежегодный доход в триста тысяч франков... Офицер, который, как я уже доказал вам, не играл в карты, не держал пари, не участвовал в скачках и расходовал только десятую

часть своих доходов? На что мне было золото России, которая будто бы купила эти нужные ей бумаги...»

Я говорил два часа, говорил, внушительно, с негодованием — и меня выслушали... Но была одна существенная улика два найденных у меня письма. Я убедил своих судей, но они не могли оправдать меня. Они сделали все, что могли: устранили обвинение в краже со взломом и в простой краже, но так как обвинение было необходимо во избежание серьезных столкновений с Англией, то меня обвинили в злоупотреблении доверенными мне документами, содержание которых будто бы было мне сообщено, что являлось крайней нелепостью и в нравственном отношении было равносильно оправданию. Последствия этого были для меня ужасны; я избежал тюрьмы, но меня разжаловали и отняли орден Почетного легиона.

Не буду говорить вам о страданиях моей семьи, я много раз рассказывал вам об этом в минуты своего отчаяния... Я хотел умереть, но мать заклинала меня жить и искать доказательств своей невинности для восстановления своего честного имени. Я поклялся ей, что ни при каких обстоятельствах не буду покушаться на свою жизнь. Я отправился в Лондон и, как призрак, как тень, преследовал двух негодяев, которые погубили меня, надеясь рано или поздно найти что-нибудь для уличения их в подлости. Я был богат и мог бросать золото покупать преданных себе людей; я добился того, что завел свою собственную полицию, которая день и ночь преследовала их. Горе тому из них, который совершил бы какую-нибудь неосторожность, чей разговор подслушали бы, ибо даже у стен были глаза и уши. Негодяи, чувствуя себя окруженными непроницаемой сетью шпионов, обратились к влиянию своих родных и добились, чтобы их отправили в армию Ост-Индской компании. Но об этом я узнал только, когда потерял их из виду и не мог найти их следов.

Был однако, один человек, который знал, что я невиновен, но не мог исправить ошибку правосудия. Лорд Ингрэм, бывший в то время английским посланником в России, услышал во время частной беседы с одним из тамошних высоких сановников, когда они заговорили о пропаже знаменитой корреспонденции, следующее заявление:

— Клянусь честью, капитан де Монмор-Монморен неповинен в том, в чем его упрекают.

Да будет благословенно имя благородного лорда! Он всегда при всяком удобном случае защищал меня, и мой отец благодаря ему мог перед смертью закрыть глаза, сняв с меня проклятие, которое он призвал на мою голову; он был в отчаянии, что ему не удастся дожить до дня моего оправдания.

Я мог бы кончить на этом, друзья мои, но я хочу познакомить вас еще с одним фактом, который является главной побудительной причиной, заставивший меня просить вас помочь мне в сегодняшнем акте правосудия. Один из двух негодяев, которые похитили переписку и затем, чтобы отвлечь от себя подозрение, подложили мне два письма в мои папки, а именно, поручик Бёрнс, получивший затем чин полковника и смертельно раненый в крымской кампании, не хотел умереть, имея такое преступление на своей совести. Он написал подробный отчет о случившемся, указал своего сообщника, способ, с помощью которого они открыли потайной шкаф, и рассказал о том, как они погубили меня; в конце он просил у меня прощения, чтобы, говорил он, получить прощение верховного судьи, перед которым он готовился предстать... Он просил католического священника, который присутствовал при этом в качестве свидетеля, подписать этот отчет.

Уильям Пирс, бывший в то время генералом, командующим бригадой, в которой служил Бёрнс, был свидетелем его раскаяния. Он боялся его признаний, а потому поручил следить за ним и в решительную минуту дать ему знать обо всем. В ночь, следовавшую за смертью полковника, это важное признание, отданное на хранение священнику, было украдено из палатки последнего в то время, как он спал. Кем? Вы должны догадаться... Генералом Пирсом, теперешним лордом Брауном.

— Это ложь! — прервал его последний, не произнесший ни единого слова во время этого длинного рассказа.

— О! Только на это вы нашли возможность возразить мне? — спросил Сердар с презрительной улыбкой. — Вот что уличит вас: сообщение священника, который, негодуя на совершенную у него кражу, написал обо всем этом моей семье.

И Сердар вынул из своего портфеля письмо и передал его Барбассону.

— Клянусь честью, — продолжал сэр Уильям, — я не похищал признание Бёрнса, о котором вы говорите.

И он сделал инстинктивное движение рукой, как бы собираясь достать какую-то бумагу. Жест этот поразил Барбассона.

— Надо будет посмотреть! — подумал он про себя.

— Честь сэра Брауна! — воскликнул Сердар с нервным смехом. — Не играйте такими словами! Кому же другому, кроме вас, интересно было завладеть этим письмом? Если бы не сами взяли его, то поручили украсть кому-нибудь из ваших уполномоченных. Я кончил, друзья мои! Вы знаете, что он с тех пор, опасаясь моей мести, преследовал меня, как дикого зверя, унижаясь до союза с тхугами, лишь бы убить меня. Мне только одно остается

спросить у вас: неужели двадцати лет моих страданий и преступлений этого человека недостаточно для того, чтобы оправдать мое поведение, и не есть ли право присуждать к жизни или смерти, которое я присвоил себе, самое естественное право законной защиты?

После нескольких минут совещания Барбассон отвечал торжественным голосом:

— По единодушному нашему согласию и по чистой совести этот человек принадлежит вам, Сердар.

— Благодарю, друзья мои, — отвечал Сердар, — это все, чего я хотел от вас.

И, обернувшись к сэру Уильяму Брауну, он сказал ему:

— Вы сейчас узнаете мое решение. Я не могу просить вас возвратить мне признание Бёрнса, которое вы, конечно, уничтожили; но я имею право требовать, чтобы вы написали это признание в том виде, как оно было сделано, чтобы не оставалось никакого сомнения в моей невинности и в вашей виновности и чтобы я имел возможность представить его военному суду для отмены приговора, позорящего меня. Только на этом условии и ради вашей жены и детей я могу даровать вам жизнь... Напишите то, о чем я вас прошу, и когда мы приблизимся к берегу Цейлона, лодка сvezet вас на берег.

— Следовательно, — возразил сэр Уильям, — вы хотите отправить к моей жене и моим детям опозоренного мужа и отца?.. Никогда!.. Скорее смерть!

— Не выводите меня из терпения, сэр Уильям; бывают минуты, когда самый стойкий человек становится беспощадным, немолчимым... и забывает даже законы человеколюбия.

— Я в вашей власти... мучайте меня, убейте меня, делайте со мной, что хотите, мое решение непреложно... Я совершил в молодости преступление, большое преступление, и не отрицаю этого... я горько сожалею об этом и не хочу, сославшись даже на Бёрнса, игравшего главную роль во всем этом деле, умалить значение этого преступления. Но так постыдно отказаться от положения, которое я занимал, потерять чин генерала и место в палате лордов, вернуться к жене и детям, чтобы они с встретили меня презрением, — здесь он не мог побороть своего волнения и со слезами, которые вдруг залили все его лицо, задыхаясь от рыданий, закончил свой монолог, — на это я не могу согласиться, никогда не соглашусь... Вы не знаете, что значит быть отцом, Фредерик де Монморен.

— Бесчестье сына было причиной смерти моего отца, сэр Уильям!

— Не будьте же на меня в претензии, если я хочу умереть, чтобы не опозорить своих детей! Выслушайте меня, и вы не будете настаивать и возьмете мою жизнь, которую я отдаю, чтобы искупить свой грех. Да, я был негодяем, но мне было двадцать лет, мы проиграли огромную сумму, Бёрнс и я; я не хочу, поверьте мне, оскорблять его память, уменьшая свою вину против вас, но должен сказать все, как было. Он один взломал шкаф в адмиралтействе, он против моего желания согласился на постыдный торг, толкнувший его на преступление; я виновен только в том, что согласился его сопровождать к вам, чтобы разделить с ним плоды его преступления. Вы почти не были знакомы с ним, и его посещение показалось бы вам странным... Это, конечно, не уменьшает вины, и преступление не заслуживает извинения, но искупление, которого вы требуете от меня, выше моих сил... Неужели вы думаете, что и я не страдаю? Двадцать лет живу я с угрызаниями совести; я пытался преданностью своей стране, честным исполнением своих обязанностей войти в соглашение со своей совестью, но это не удалось мне... И с тех пор как вы блуждаете по всему миру, мои беспокойные мысли следуют за вами, и я дрожу каждую минуту, что вот наступит час возмездия. Ибо этого часа, часа правосудия Божьего, я жду также двадцать лет, уверенный, что он наступит, роковой, неумолимый! Какая пытка!

Лоб несчастного покрылся крупными каплями пота, лицо его судорожно подергивалось. Невольное чувство сострадания начинало овладевать Сердаром; будучи великодушным, он в эту минуту тем легче поддался этому чувству, что не мог предположить, чтобы пленник играл комедию, заранее придуманную им.

— Вы говорите о вашей семье, пораженной вашим несчастьем! — продолжал, рыдая, губернатор. — Чем больше вы правы, тем больше я думаю о своей... Помимо моих детей и всего рода Браунов, мой позор падет еще на четыре ветви... многочисленный род Кемпбеллов из Шотландии, Канарвонов из графства Уэльского...

— Кемпбеллов из Шотландии, говорите вы... Вы в родстве с Кемпбеллами из Шотландии? — прервал его Сердар с горячностью, которая удивила всех свидетелей этой сцены.

— Леди Браун, — бормотал пленник, выбившийся из сил, — урожденная Кемпбелл, сестра милорда д'Аржилль, главы рода, и полковника Лайонела Кемпбелла из Четвертого шотландского полка, прославившегося во время осады Хардвар-Сикри.

Услышав эти слова, Сердар судорожно поднес руку ко лбу... Можно было подумать, что он боится потерять рассудок; глаза его с безумным выражением устремились в пространство... Тысячи самых несообразных мыслей зашевелились в мозгу... Жена

лорда Брауна — урожденная Кемпбелл? Но если это правда, то прелестные молодые девушки, которых он видел, племянницы его сестры, его милой Дианы!.. И месть должна поразить их... Вдруг точно черный покров заслонил ему глаза; он сделал несколько шагов вперед, размахивая руками... Кровь прилила ему к сердцу, к вискам, он задыхался... Наконец под влиянием какой-то высшей силы он хрипло вскрикнул и упал на руки Рамы, который бросился, чтобы поддержать его. Барбассон вне себя хотел броситься на пленника, но Нариндра удержал его знаком.

— Сэр Уильям Браун, — прокричал маратх громовым голосом, — знаете вы, кто этот человек, которого вы поразили в самое сердце... знаете ли?

Последний, подавленный всем происшедшим, не знал, что ему отвечать, а потому Нариндра с ожесточением бросил ему в лицо следующие слова:

— Этот человек, молодость которого вы загубили, зять Лайонела Кемпбелла, брата леди Уильям Браун.

Черты лица несчастного сразу изменились; он всплеснул руками и, рыдая, упал на колени около Сердара, лежавшего без сознания.

— Плачь, — пробормотал Барбассон сквозь зубы, — плачь крокодиловыми слезами, ты можешь поставить пудовую свечу этому случайному родству, ибо клянусь Магометом, моим также случайным пророком, не будь этого, ничто не помешало бы мне надеть на тебя конопляный галстук и отправить в гости к твоему другу Рам-Шудору.

Сэр Уильям Браун схватил руки Сердара, все еще лежавшие неподвижно, и с выражением глубокого горя воскликнул:

— Боже Великий, да поразит твое правосудие виновного, но пощади этого человека, так много страдавшего! Клянусь перед всеми вами, что честь его будет восстановлена!

— Неужели он говорит искренне? — сказал Барбассон, начиная колебаться... Ба! Не будем терять его из виду!

Придя в себя, Сердар долго смотрел на сэра Уильяма, все еще стоявшего на коленях возле него и орошавшего слезами его руку.

— О, оставьте ее мне, — говорил сэр Уильям с выражением отчаяния, казавшегося на этот раз глубоким и искренним, — не отнимайте ее у меня в знак прощения, я сделаю все, что вы потребуете от меня. Я дал клятву в этом, когда вы лежали без сознания, и каковы бы ни были для меня последствия этого, ваша честь будет восстановлена.

Сердар не отнимал руки, но и не отвечал; по всему было видно, что в нем происходит та героическая борьба, из которой благо-

родные и великодушные люди всегда выходят победителями. Рама и Нариндра, хорошо знавшие характер своего друга, ни одной минуты не сомневались в том решении, которое он примет, а также в том, что на этот раз они не должны мешать Барбассону. Говоря языком матросов, последний был «опрокинут вверх дном» оборотом, какой принимали события, и чтобы не присутствовать при том, что он называл слабостью характера, отправился на капитанский мостик, чтобы бросить взгляд на маневры, как сказал он Раме. Уходя, он бормотал про себя:

— Все это притворство!.. Видал я уже это в Большом театре Марселя, когда давали «Два брата-поляка»... Павловский хотел убить Павловского, который украл у него документы... Там тоже были украденные бумаги, и был также болван, исполнявший комическую роль, тоже Барбассон. В ту минуту, когда Павловский хочет помиловать Павловского, который не хочет отдавать ему бумаг, вот как Уильям Браун, они вдруг узнают друг друга и проливают слезы друг другу на жилет: «Мой брат! Мой брат! Прости меня!» А Женневаль, который играл Павловского, бросается на колени, как Браун, восклицая: «Прости! Прости!» и Павловский простил Павловского, как Сердар простил Уильяма Брауна. Все это было красиво, черт возьми! Но тогда я заплатил всего двадцать пять су, а сегодня я раз десять чуть не потерял свою шкуру... Хватит с меня и одного раза, я уйду.

И, довольный своим монологом, провансалец отправился на мостик; но чтобы там он ни говорил, как ни старался придать всему смешной вид, он был гораздо больше взволнован, чем хотел показать. Несомненно, некоторые чувства, особенно родственные, всегда находят отголосок в сердце человека, наименее всего расположенного чувствовать их, даже в тот момент, когда их изображает искусный актер.

Сердар, как и предвидел Барбассон, не замедлил произнести это слово прощения, которое хотело сорваться с его языка еще накануне, когда он увидел хорошеньких дочерей губернатора. Поэтому нет ничего удивительного, если открытое им родство положило конец его колебаниям.

— Да, я прощаю вас, — сказал он с глубоким вздохом, — я останусь проклятым людьми, авантюристом, Сердаром... Зачем обрушивать и несчастье на голову молодых девушек, которые еще только начинают жить, имеют все, чтобы быть счастливыми и первые серьезные мысли которых будут осквернены презрением к отцу?

— Нет, Сердар! В настоящую минуту дело обстоит так, что я не приму этой жертвы, хотя бы вся моя семья погибла от этого... Но могу вам сообщить, что... жертва ваша не нужна.

— Что вы хотите сказать?

— Бёрнс в своем признании не говорит о сообщнике; перед смертью он обвинял только себя и в воровстве, и в том, что подбросил письма в вашу папку, не считая себя, вероятно, вправе подвергать меня правосудию людей, когда сам готовился предстать перед правосудием Бога. Вы можете оправдать себя, насколько не вмешивая меня в это дело... Я все время хранил это признание.

— Быть не может! — воскликнул Сердар с невыразимым восторгом. Затем он с грустью прибавил, взглянув на своего прежнего врага: — Вы, должно быть, очень ненавидите меня, если не хотите отдать мне...

— Нет! Нет! — прервал его сэр Уильям. — Но после того, что вы выстрадали, я не верил вашему прощению, и хотя признание Бёрнса не могло служить основанием для обвинения меня, я хотел избежать скандала, который должен был неминуемо разразиться, если бы вздумали привлечь меня к ответственности...

— А признание это? — живо спросил его Сердар.

— Оно заперто в моем собственном письменном столе в Пуант-де-Галле... Стоит нам только вернуться, и завтра же оно будет в вашем распоряжении.

Сердар устремил на него продолжительный взгляд, который хотел, казалось, проникнуть в самую душу его собеседника.

— Вы не доверяете мне? — спросил сэр Уильям, заметив это колебание.

— Моя сестра приезжает через пять-шесть дней, — отвечал Сердар, не умевший лгать, а потому избегавший прямого ответа, — мне некогда больше сворачивать в сторону, если я хочу вовремя встретить ее... Но раз слово прощения сорвалось у меня с языка, я не буду больше удерживать вас здесь!

Точно молния сверкнула в глазах негодая, который все еще не верил своему спасению. Сердар это заметил, но чувство радости было так естественно в этом случае, что он продолжал.

— Сегодня вечером, когда пробьет полночь, мы проедем мимо Джафны, последнего сингальского порта; я прикажу высадить вас на землю. И если вы действительно заслуживаете прощения... вы немедленно перешлете мне это признание по каналу через Ковинда-Шетти, хорошо известного судовладельца из Гоа. Клянусь вам, сэр Уильям Браун, что имя ваше не будет упомянуто при разборе дела, возбужденного мною по приезде во Францию.

— Через сорок восемь часов после моего приезда в Пуант-де-Галль признание Бёрнса будет у Ковинды, — отвечал сэр Уильям, который не мог скрыть свои чувства, несмотря на всю свою хитрость.

В эту минуту Барбассон открыл дверь.

— Парус! — сказал он. — Я думаю, это «Диана», которая, порядком помотав «Королеву Викторию», преспокойно посеяла ее по дороге и бежит теперь на всех парах в Гоа.

Все поспешили на мостик, чтобы удостовериться в этом. Да, это была «Диана», которая виднелась вдали на севере и со своими белыми парусами казалась огромным альбатросом, несущимся над волнами.

— Держитесь ближе к берегу, Барбассон! — сказал Сердар. — Мы высадим сэра Уильяма в Джафне.

— А! — отвечал провансалец, кланяясь губернатору. — Вы лишаете нас своего присутствия?

— Я очень тронут выражением такого сожаления, — отвечал ему в тон сэр Уильям.

Сердар удалился со своими друзьями... Барбассон подошел к англичанину и, глядя на него в упор, сказал:

— Смотрите прямо на меня! Вы посмеялись над всеми здесь, но есть человек, которого вам не удалось провести, и это я! — и он ударил себя в грудь. — Если бы это зависело от меня, вы бы еще два часа тому назад танцевали шотландскую джигу у меня на реях. — И он повернулся к нему спиной.

— Попадись только мне на Цейлоне!.. — мрачно пробормотал сэр Уильям.

Спасен! Он был спасен! Негодяй не мог верить своему счастью; но как хорошо играл он свою роль... сожаление, угрызения совести, нежность, слезы, все было там... Он отправился к себе в каюту, чтобы на свободе предаться радости, овладевшей всем его существом; он сел на край койки, скрестил руки и, склонив голову, предался размышлениям... Никогда еще не подвергался он такой опасности! Приходилось играть вовсе... малейшая неосторожность, и он погиб... Как ловко затронул он чувствительную струну! И как кстати открылось это родство, о котором он не знал... Так сидел он и размышлял, а глаза его и голова все более и более тяжелели... Он очень устал после ночи, проведенной в клетке для пантер, и мало-помалу склонился на койку и заснул.

Провансалец не терял из виду ни одного его движения и все ходил взад и вперед мимо полуоткрытой каюты, как это делают вахтенные офицеры, которые пользуются часами службы, чтобы прогуляться, приучая слух сэра Уильяма к равномерному звуку

своих шагов. Последнему не могло прийти в голову никакое познание, потому что он занимал единственную каюту на палубе маленькой яхты. Барбассон был себе на уме! Отличаясь необыкновенно изворотливым умом, как это мы не раз уже видели, он в ту минуту, когда сэр Уильямс горячо клялся, что не похищал признания Бёрнса, заметил один из тех инстинктивных жестов, в которых сознательная воля не принимает никакого участия. Психолог на свой манер, Барбассон старался доискаться причины такого бессознательного движения сэра Уильяма и занялся целым рядом своеобразных выводов одного из тех «*maistres en revasseries*»*, которых Рабле называет «*des attracteurs de quintessence*»**. Он также пытался найти квинтэссенцию мысли, управлявшей рукой сэра Уильяма, и задал себе вопрос, не находилось ли признание, о котором говорил Сердар, в бумажнике самого губернатора.

— Бумаги такого рода, — говорил он себе, — не доверяют мебели, которую можно взломать или которая может сгореть. К тому же это такого рода вещи, что их уничтожают рано или поздно, и с этой целью их держат при себе, вследствие чего они забываются, долго залеживаются в карманах. У меня и до сих пор торчит в кармане старого пальто письмо Барбассона-отца, в котором он на мою просьбу о деньгах отвечает мне проклятием, а это было лет четырнадцать тому назад...

В ту минуту, когда сэр Уильям заснул, поддаваясь страшной усталости, ловкая рука осторожно вытащила из его кармана кожаный бумажник такой величины, что он нисколько не мог затруднить того, кто его носил. Это была рука Барбассона; поддаваясь непреодолимому желанию проверить свои психологические умозаключения, он решил прибегнуть для этого к некоторому опыту. В бумажнике находилось одно только письмо, написанное по-английски; Барбассон не знал этого языка, но он увидел имя Фредерика де Монмор-Монморена, повторенное несколько раз рядом с именем сэра Уильяма. С волнением пробежал он последние строчки... там оказалась подпись: полковник Бёрнс.

Провансальцу этого было достаточно; он заглушил крик радости, сложил письмо и спрятал его в карман, а бумажник поло-

* Опытных, упорных мыслителей (фр.). — Примеч. перев.

** Буквально: извлекатели квинтэссенции (фр.). — Примеч. перев.

жил обратно туда, откуда взял; затем он продолжал свою прогулку, потирая руки от удовольствия, к которому не примешивалось ни малейших угрызений совести... Не взял ли он украденный предмет просто-напросто для того, чтобы возвратить его законному владельцу? Он колебался минуту, не зная, что ему предпринять: не воспользоваться ли своим открытием, чтобы заставить Сердара прибегнуть к крутым мерам? Напрасный труд; последний никогда не согласится отправить зятя своей сестры качаться в десяти футах от земли... Что касается того, чтобы оставить его пленником, нечего было и думать... Ну что с ним делать по приезде в Гоа? Посадить в клетку и отвезти в Нухурмур? Нет, Сердар не сделает этого, родство спасало негодая. Да, наконец, не у него ли, у Барбассона, это оправдание, которого добивались в течение двадцати лет; нет, он лучше отправит Уильяма Брауна искать другое место, где его повесят, и Сердар будет ему благодарен за то, что он избавил его от новой мучительной сцены и от необходимости принять последнее решение. И он предпочел предоставить событиям идти своим порядком.

Приближалась полночь; маленькая яхта бежала по направлению к земле; вдали виднелся уже маяк и огни дамбы Джафны. Барбассон разбудил Сердара и его друзей, и все вышли на мостик; затем он отправился к сэру Уильяму и обратился к нему тем же шутливым тоном, каким обычно говорил с ним:

— Ваше превосходительство прибыли к месту своего назначения.

— Благодарю, господин герцог, — отвечал англичанин тем же тоном. — Верьте мне, я никогда не забуду тех кратких минут, которые я провел на вашем судне.

— Ба! — отвечал Барбассон, — людская благодарность — такая редкая вещь!.. Только позже ваше превосходительство поймет всю важность услуги, которую я ему оказываю сегодня!

Яхта входила на рейд, и он быстро крикнул:

— Слушай! Спусти лодку! Готовься! Руль направо! Стоп!

Все приказания исполнялись с поразительной точностью, и «Раджа», сделав полукруг, сразу остановился по направлению руля, который поставил судно кормой к берегу, чтобы оно было готово немедленно двинуться в открытое море. Яхта остановилась в двадцати метрах от берега; в десять секунд была спущена лодка, и Барбассон, пожелавший сам доставить на берег благородного лорда, сказал ему, отвесив глубокий поклон:

— Лодка вашего превосходительства готова!

— Не забудьте моих слов, Сердар, — сказал сэр Уильям, — через два дня... У Ковинда-Шетти.

— Если вы сдержите ваше слово, я постараюсь позабыть все зло, совершенное вами.

— Не хотите ли дать мне руку в знак забвения прошлого, Фредерик де Монморен?

Сердар колебался.

— Ну, это уж нет, вот еще! — воскликнул Барбассон, становясь между ними, — спускайтесь в лодку, да поживее, не то, клянусь Магометом, я отправлю вас вплавь на берег!

Барбассон призывал Магомета только в минуту величайшего гнева; губернатор понял по его голосу, что опасно и, не сказав ни единого слова, поспешил в лодку.

— Вот так-то лучше! — вздохнул Барбассон, в свою очередь занимая место в лодке. — Гребите! — крикнул он матросам.

В несколько ударов весел лодка была у набережной, и сэр Уильям поспешно прыгнул на землю.

Таможня находилась от него в десяти шагах, и губернатору нечего было бояться больше; приложив руки ко рту вместо рупора, он крикнул:

— Фредерик де Монморен, я уже один раз держал тебя в своей власти, но ты бежал; ты держал меня в своих руках, но я ускользнул из них, значит мы квиты!.. Чья возьмет? До свидания, Фредерик де Монморен!

— Негодяй! — донесся с яхты звучный и громкий голос.

Тогда Барбассон привстал в лодке и величественным жестом послал ему в свою очередь приветствие, сказав насмешливым тоном:

— Уильям Браун, предсмертное завещание полковника Бёрнса достигло своего назначения.

И, потрясая в воздухе бумагой, которую он так ловко похитил, Барбассон крикнул своим матросам:

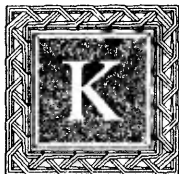
— Налегай на весла, ребята! Дружней!

Сэр Уильям поднял дрожащую руку к груди и вытащил бумажник... он оказался пустым. Негодяй испустил крик бешенства, в котором ничего не было человеческого, и тяжело рухнул на песок.

Он солгал, чтобы провести Сердара: это признание Бёрнса было страшной уликой для него... Оно сообщало факт, который ставил не только его честь, но даже жизнь в зависимость от доброй воли тех, кого он оскорбил.

Дня четыре спустя авантюристы прибыли в Нухурмур, где их ждало ужасное известие.

Приезд в Нухурмур. — Зловещее предчувствие. —
Анандраен. — Что случилось? — Исчезновение Дианы и ее семьи. — Пленники тхугов.

ОГДА СЕРДАР И ЕГО СПУТНИКИ ВОЗБРАЛИСЬ на верхушку большого пика Велур, господствовавшего над отрогами всех окружающих гор, солнце находилось в зените, освещая во всем своем великолепии открывающийся перед ними ландшафт. Природа, залитая потоками солнца, казалась преисполненной такого величия и такой необыкновенной красоты, что при взгляде на нее даже человек с весьма прозаической натурой останавливался пораженный восторгом и ослепленный. Он чувствовал, как вокруг него звучат аккорды чудного гимна, который поэты называют гармонией природы. Когда перед вами открывается подобное зрелище, вы невольно испытываете жалость к некоторым художникам, которые стремятся идеализировать природу, как будто может существовать идеал красоты вне живой природы.

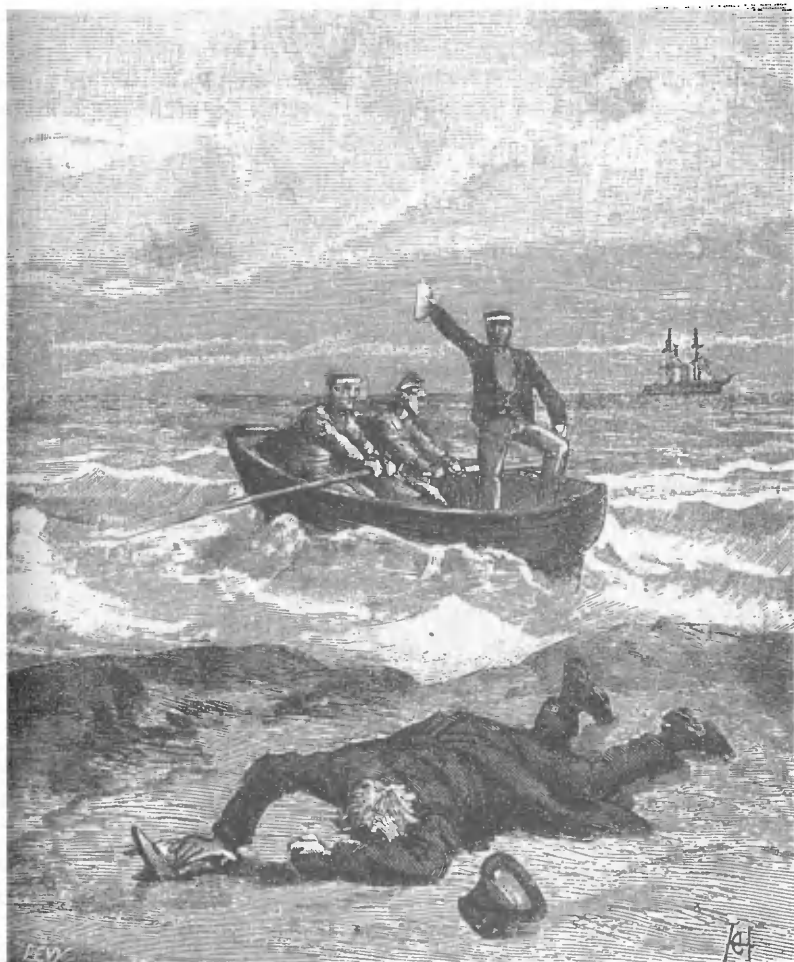
— Какой чудный день! — сказал Барбассон после нескольких минут молчаливого созерцания дивного пейзажа, выражая таким образом чувства всех своих спутников.

В ту же минуту Ауджали три раза воздал «salam» солнцу, став одним коленом на землю и протянув вперед хобот; затем, узнав издали озеро и очертания Нухурмура, он от радости испустил два довольно негромких, тихих для него крика, напоминающих звуки тромбона.

— Ну уж это, мой толстый дяденька, совсем не подходит ко всему окружающему, — сказал провансалец, — тебе следовало бы взять несколько уроков гармонии у твоего маленького соловья.

Все тотчас же двинулись в путь после шутки Барбассона, который никогда еще не был в таком хорошем настроении.

Сердар, имея на руках признание полковника Бёрнса, испытывал величайшую радость, потому что восстановление его чести умирающим избавляло его от несчастья всей его жизни. Ужасное обвинение полковника против Уильяма Брауна доказывало самым неоспоримым образом, что адъютант герцога Кембриджского не ограничился одним только преступлением, в котором обвинял Сердара, но торговал в течение многих лет, злоупотребляя своим положением, секретными бумагами, планами защиты и атаки адмиралтейства. Это на несколько минут

омрачило радость авантюриста — всегда великодушный, он не мог не думать о детях и жене негодяя. Но решив, что все преступления Брауна не подлежат наказанию за давностью лет и что на этом основании он легко убедит заседание военного совета, чтобы в приговоре не было упомянуто имя виновного, Сердар успокоился, и ничто больше не смущало его.

Тем не менее, приближаясь к Нухурмуру, он, как бы по контрасту с красотой окружающей природы, почувствовал, что им

снова овладевают мрачные мысли. Что случилось в пещерах? Какие новые сюрпризы ожидают его там? Затем он вспоминал, что найдет пустым обычное место бедного Барнета, так ужасно погибшего при столь ужасных обстоятельствах. Все это наполняло его душу самыми грустными предчувствиями.

— Что с вами, Сердар? Вот уже несколько часов, как веселое расположение духа покинуло вас.

— Я очень беспокоюсь, не случилось ли чего-нибудь во время нашего отсутствия, мой милый Барбассон!

— Ничего худого, Сердар, поверьте мне, а вы знаете, что предчувствия мои всегда сбываются. Смерть Барнета, например, — я могу сказать, что предвидел ее. А маневры Рам-Шудора — кто первый разгадал их? А Уильям Браун? Видите ли, когда я говорю, что есть что-то в воздухе, надо быть настороже, когда же я говорю, как сегодня, что ничего, положительно ничего нет! То можно плыть без боязни! Мы приедем и увидим, что Сами просто-напросто занимается приготовлением «*porotte*»*, а Нана-Сахиб тянет свою вечную гуку. Вот субъект, который поистине ведет жизнь ракушки.

— Хотелось бы, чтобы была твоя правда, — отвечал Сердар, который не мог сдерживать улыбки, слушая тираду провансальца.

— Кстати о Нана, — продолжал последний, — надеюсь, он будет очень доволен предложением Ковинда-Шетти, который взялся свезти его на «Диане» на маленький остров около Пуло-Кондора, где у него, кажется, есть табачная плантация. Нана может там курить в свое удовольствие.

— Вряд ли принц согласится на это.

— А между тем придется. Надеюсь, он не претендует чтобы мы вечно охраняли его? При бедном Барнете жизнь во время вашего отсутствия была вполне сносной. Мы так хорошо понимали друг друга: две половины одного и того же лица, да! Но теперь, когда нет Пилада, не останется и Орест. Сколько слов я наговорил; вот посмеялся бы он, правда только двадцать четыре часа спустя... понимал-то он туго, не сразу. Но раз, бывало, поймет, так уж не остановится.

— Вы слишком веселы сегодня, Барбассон, — сказал Сердар, которого очень забавляло это южное многословие, — а это, знаете, приносит несчастье.

— Нечего бояться, говорю вам... Мои предчувствия, видите ли, Сердар, непогрешимы... Я только им и верю.

* Суп на языке французских детей. — *Примеч. перев.*

Рама и Нариндра шли молча; они знали Кишнаю и были уверены, что он не упустит случая воспользоваться их отсутствием, чтобы устроить какой-нибудь фокус. Оба так хорошо понимали друг друга, что не находили нужным делиться своими мыслями.

Путешественники приближались к месту назначения. Еще несколько шагов, и они увидят таинственную долину, которая служила садом для жителей пещер; у каждого из них сердце билось от волнения. Даже Барбассон молчал, чувствуя, что на нем отражается общее настроение. На повороте, скалистом и очень крутом, который Барбассон в своем «курсе» географии Нухурмура окрестил «Дорогой в рай», Сердар остановился. Часть этой дороги, которая затем сразу поворачивала в сторону, шла на расстоянии нескольких метров вдоль пропасти, где находилась долина, дно которой нельзя было видеть из-за ее необычной глубины; но зато листва деревьев подымалась так высоко, что сразу бросалась в глаза. Сердар слегка наклонился и заглянул туда; затем он бросился на землю и свесился над пропастью, держась руками за кусты.

— Берегитесь, — крикнул ему Рама-Модели, — я как раз так упал в тот день, когда нашел наше убежище.

— Держите меня крепче, чтобы я мог высунуться еще дальше, — отвечал Сердар, — мне кажется, я что-то вижу на верхушке одного из фикусов.

Нариндра, отличающийся необыкновенной силой, взялся держать Сердара, и последний, совсем почти повиснув над пропастью, мог наконец удостовериться в том, что он видит. На одной из самых верхних ветвей неподвижно сидел какой-то туземец.

— Кто этот человек, сидящий в такой выжидательной позе? — спросил Сердар, в высшей степени заинтригованный этим. Как только он замолчал, из глубины долины послышался слабый голос, точно шепот, едва доносившийся до слуха присутствующих.

— Он говорит, — обратился Сердар к своим друзьям, — но не настолько громко, чтобы я мог понять; замолчите, я хочу слушать.

На этот раз голос с видимым усилием крикнул громче:

— Это я, Сами, эхо доносит ко мне сюда каждое ваше слово, а также малейший шум в горах.

— Зачем ты забрался туда? — с тревогой спросил Сердар.

— Чтобы первому узнать о твоём приезде. Тебя здесь ждут на пике Велур; я со вчерашнего дня то и дело прихожу сюда... Анандраен в пещерах, он имеет сообщить тебе нечто важное.

— Хорошо, мы сейчас спустимся.

Сердар встал с помощью Нариндры и передал товарищам все, что слышал, потому что только он один мог настолько ясно слышать слова Сами, чтобы понять их. Странная вещь! Звук передавался только вниз, но не вверх. Сердар был очень бледен, и легкое дрожание голоса указывало на беспокойство, причиненное ему словами молодого метиса.

— Вы видите, Барбассон, — грустно сказал ему Сердар, — что сегодня мои предчувствия вернее ваших.

Они двинулись вперед со всей скоростью, какую только позволял уклон горы; до входа в пещеры со стороны озера оказалось добрых полчаса ходьбы.

— Что может быть нужно от нас Анандраену? — говорил Сердар, спускаясь с горы. — Здесь должно быть что-нибудь не терпящее отлагательства, если он решился оставить свой дом и поселиться в Нухурмуре.

Но вот они достигли входа и вбежали в пещеру, где их ждал Анандраен. Им не понадобилось даже спрашивать его.

— Вот, наконец, и вы, — сказал он, как только заметил их. — Я еще со вчерашнего дня жду вас и не ушел бы до вашего приезда.

— Что случилось? Говори скорее, — сказал Сердар с невыразимым волнением.

— Пароход, который привез твою сестру, ее мужа и детей, приехал шесть дней тому назад, когда ты уезжал на Цейлон. Мне дал знать об этом член нашего общества в Бомбее; в то же время он сказал мне, что на настоятельные вопросы твоей сестры, удивленной, что ты не встретил ее, он нашел нужным открыть ей тайну твоего убежища и сообщить о том, какой долг чести удерживает тебя вдали от нее. «Не я, само собой разумеется, буду порицать брата за то, что он остался верен другу в несчастье», — сказала она.

— Милая и благородная сестра! — воскликнул Сердар. — Продолжай, Анандраен!

— Она попросила провести ее к вам Нухурмур.

— Так она здесь!.. У тебя, быть может? — прервал его Сердар с криком радости.

— Мужайся, Сердар!

— Ну говори же, не томи меня.

— Ты прерываешь меня и замедляешь мой рассказ, — спокойно отвечал ему индус.

Сердар понял и замолчал. Анандраен продолжал:

— Меня уведомил твой корреспондент, что он отправил ко мне маленький караван, который я должен провести в Нухурмур; леди Кемпбелл, ее муж и дети выехали дня четыре тому назад на повозках, запряженных буйволицами...

— Ну? Ради Бога!
— Ну... с этой минуты о них ничего больше неизвестно.
— Но это невозможно! — воскликнул Сердар, — они должны были приехать к тебе еще вчера.

— Нет! Иначе мой сын проводил бы их сюда.

— Но...

— Спокойствие, Сердар, спокойствие! Выслушай меня сначала, а затем будешь возражать, хотя несравненно лучше, если ты вместо возражений подумаешь, что тебе предпринять. Я сказал, что о них никто и ничего больше не слышал, потому что они не явились в назначенный день. Обеспокоенный их отсутствием, я пошел им навстречу и дошел до самого Бомбея, но нигде не встретил их. Тогда я поспешил назад с несколькими членами общества Духов Вод; мы обыскиали дорогу по всем направлениям, расспрашивали жителей, с которыми встречались, но не смогли узнать, что с ними случилось. Я разделил все пространство между своими товарищами, чтобы они продолжали поиски, а сам поспешил сюда.

Несчастный Сердар ломал руки от отчаяния и то и дело повторял:

— А я-то, я уехал! Ах! Будь проклято это путешествие!.. Да буду я проклят за то, что не был там, чтобы помочь им, защитить!..

— Успокойся, Сердар, — сказал Анандраен и повелительным тоном. — Теперь некогда горевать, надо действовать.

— Ты прав, извини меня! Я не могу рассуждать, я действую, как сумасшедший! Я успокоюсь... Да, я... О! Горе тому, кто вздумал поставить им западню!.. Нет такой ужасной пытки, нет такой медленной смерти...

— Сердар, все мы твои друзья — мы просим тебя не допускай таких взрывов гнева, которые лишают тебя способности рассуждать и мешают нам хладнокровно обсудить дело и найти средство выйти из трудного положения.

— Да, вы мои друзья... Я вас слушаю; видите, я спокоен теперь...

Однако поступки несчастного не согласовывались с его словами; он, как безумный, вцепился ногтями в свое тело и рвал на себе волосы... Но это был кризис, и надо было дать ему пройти. После целого потока слез, рыданий, вскрикиваний он снова стал тем энергичным человеком, каким его знали.

— Довольно. Теперь поговорим, — сказал он мрачным тоном.

— Если они погибли, я буду жить, чтобы отомстить за них.

— И мы с тобой, Сердар! — крикнули хором присутствующие.

Анандраен принадлежал к числу самых важных членов тайного общества Духов Вод. Это — не выдумка романиста; оно действительно существует в Индии и существовало в течение

многих веков подряд. Оно ведет свое начало с первых времен мусульманского владычества и было создано с целью защиты народа от лихоимства завоевателей. Только благодаря этому обществу Нана-Сахиб и Сердар могли подготовить великое восстание, которое едва не положило конец английскому владычеству; также благодаря ему Нана-Сахиб мог до сих пор еще укрываться от поисков англичан. Всем известен тот бесспорный исторический факт, что принца нигде не могли найти, что он бежал, унеся с собой скипетр императоров Дели, и живет в никому неведомом уголке далекого Востока под покровительством этого могущественного общества.

Анандраен был спокойным, хладнокровным человеком по праву давнего знакомства с Сердаром он мог говорить с ним так, как не осмелился бы говорить никто из окружающих.

— Сердар, — сказал индус, видя, что тот успокоился, — я исполнил свой долг и должен вернуться к моему посту, но сначала хочу высказать тебе свое мнение об этом печальном для нас происшествии. Твои родные похищены тхугами, в этом не может быть никакого сомнения; тебе, я думаю, только чудом удастся найти их и явиться туда вовремя, чтобы спасти их. Я говорю это не для того, чтобы лишить тебя мужества, а чтобы ты употребил все свои усилия и собрал все силы своего ума, всю свою энергию, так как великая пуджа, или праздник душителей, будет через три дня, и все пленники, которых они забрали несколько месяцев тому назад, будут зарезаны на алтаре богини Кали по случаю этого торжества. На этот раз они так сумели скрыть свои следы, что мы никак не могли найти место, назначенное для исполнения их кровавых таинств, а между тем я пустил в ход своих самых искусных людей. Мне остается одна только надежда. Если Рудра приехал из Бихара, где он живет и куда я специально послал за ним, он, может быть, преуспеет там, где другие потерпели неудачу. Это самый удивительный человек на свете; ты знал его во время войны за независимость и видел его в деле. Если он у меня, я сейчас пришлю его к тебе.

— Благодарю тебя, Анандраен, — отвечал Сердар, который слушал последнего, не прерывая, — благодарю, что ты не скрыл от меня ужасной истины. Мы с друзьями постараемся по возможности скорее составить план кампании; нельзя же ехать наудачу, несмотря на неотложную спешность дела, но через час мы будем во всяком случае в дороге.

— Спускайтесь по Слоновой горе, это самый долгий, может быть, зато самый легкий путь сюда; я указал его Рудре на тот случай, если бы он вздумал явиться сюда в Нухурмур. Я очень

удивлен, что его нет до сих пор. Салам, Сердар, и да хранят тебя боги!

— Салам, Анандраен! Доверяю тебе принца на все время нашего отсутствия... У меня не так много людей, и я вынужден взять с собой Сами.

— Я пришлю кого-нибудь на его место. Не беспокойся, впрочем, одни только тхуги могут задумать что-нибудь против него, но они не посмеют сунуться сюда.

— Не беспокойся обо мне, — сказал принц, присутствовавший при этом разговоре, — я слишком многим обязан тебе, мой друг, чтобы не сочувствовать твоему горю. Иди спасай своих родных, со мной может случиться лишь то, что угодно небу.

VI

Последнее совещание. — Где тхуги. — Совет Барбассона. — Каста душителей. — Жертвы, предназначенные для великой пуджи. — Следы похитителей. — Подвиги Рудры. — Барбассон и изменник Максвелл. — Засада. — Поимка тхугов. — Диана спасена. — Правосудие и месть. — Съеден пантерами. — Восстановление чести.

Е УСПЕЛ АНАНДРАЕН УЙТИ, КАК ТОТЧАС же началось совещание, — проходившее без излишних праздных споров; все находилось в крайне лихорадочном возбуждении, каждый понимал трудность предприятия после серьезных слов, сказанных начальником поста Велура.

— Тхуги должны были иметь какое-нибудь основание, — начал Сердар, — чтобы оставить развалины Карли, где они могли выдержать продолжительную атаку, но где их легко было открыть. В то время, как все думали, что они находятся там, они были в другом месте, в каком-нибудь мрачном убежище среди чащи леса, и занимались там приготовлениями к празднеству, куда затем из предосторожности и отправились в последнюю минуту.

— Да ушли ли они из этих развалин? — сказал Барбассон. — Они тянутся на громадном расстоянии, с самыми разнообразными разветвлениями; тхуги могли вернуться обратно через какое-нибудь место, выходящее в лес, сделав предварительно вид, что совсем покидают развалины.

— Это необходимо проверить, — отвечал Сердар. — Не думаю во всяком случае, чтобы они ушли далеко. Их более двухсот человек, не считая женщин и детей, а такая толпа не может ведь не оставить после себя следов. Если бы Анандраен не заверил

меня, что он послал на поиски своих самых ловких ищеек, я бы ни за что не поверил, чтобы их не могли найти в течение целых четырех дней.

— Позвольте мне сказать слово, Сердар! — вмешался снова Барбассон.

— Говори, мой друг! Мы научились ценить справедливость ваших слов.

— Я буду по возможности краток, — отвечал провансалец, — позвольте мне только высказать несколько соображений, поскольку я всегда придерживаюсь логических выводов. В нашем распоряжении три дня: это мало и в то же время много. Вы сейчас увидите, почему. Я утверждаю, что время, потраченное на обсуждение, не только не потеряно, но, напротив, будет употреблено с величайшей пользой, ибо от нашего решения, принятого твердо и быстро исполненного, зависит успех нашего предприятия. Ваши родные покинули Бомбей четыре дня тому назад, ровно через двадцать четыре часа после того, как корреспондент из этого города уведомил Анандраена об их отъезде. Последний тотчас же отправился к ним навстречу, следовательно, уехал из Велура в то время, как путешественники двинулись в путь; он должен был встретить их почти на половине дороги, то есть у развалин Карли. Но он никого не встретил и дошел до самого Бомбея. Это указывает яснее ясного, что ваши родные исчезли в первый же день своего отъезда и что тхуги, совершив это похищение, не выказывают больше признаков жизни. Подумайте: в этом случае им оставалось всего несколько часов, чтобы оставить эту местность и перекочевать в другую. Если же они действительно уехали, как же случилось, что Анандраен и его люди не встретили их, несмотря на то, что два раза в один и тот же день избороздили одну и ту же дорогу, а после них исколесили всю местность посланцы общества Духов Вод? Я считаю физически невозможным, чтобы Кишнайя и его приверженцы могли сделать хоть один шаг и не быть замеченными, если вспомнить при этом, что местность заселена как с одной, так и с другой стороны развалин. Ручаюсь собственной головой и головой почтенного Барбассона-отца, — провансалец ни при каких обстоятельствах не мог отказаться от шутки и всегда разнообразил ими свою речь, — да, я ручаюсь двумя этими благородными головами, что тхуги набросились на караван, затащили его в подземелье Карли и затем уничтожили свои шалаши, избышки и палатки, устроенные вокруг храмов, чтобы заставить всех думать, будто они ушли. Это самое простое, что они могли сделать, потому что жить постоянно в уединенной местности они не могут и должны вернуться в деревню после исполнения своих мистерий... Я сказал и не при-

бавлю больше ни единого слова, потому что, видите ли, логика — вот главное!

По лицу Сердара, несмотря на его горе, проскользнула слабая улыбка удовольствия.

— Барбассон, — сказал он, — вы избавили нас от целого часа споров и хождений ощупью. Ваше рассуждение так ясно, так точно, что нет возможности не согласиться с ним. Тхуги, действительно, не имели времени удалиться в другое убежище, если бы даже оно было у них приготовлено, как я думал сначала. Остается направить поиски в Карли, и это подает мне некоторую надежду; нам ни при каких обстоятельствах не может хватить трех дней на то, чтобы тщательно осмотреть двадцать миль, покрытых лесами, горами, долинами и ущельями, которые отделяют нас от Бомбея.

— Это не уменьшает предстоящих нам затруднений, — заметил Нариндра. — Я слыхал, что подвалы и подземелья Карли так обширны и многочисленны, что в первые годы мусульманского завоевания в них несколько месяцев подряд скрывалась часть жителей целой провинции.

Факт, приведенный маратхом, неоспоримо верен. В Индии, а именно в Эллоре, Элефанте, Сальсете и Карли, встречается огромное количество пещер, подземелий и храмов, высеченных из цельного гранита; они относятся к первобытным временам троподитов, когда человек не умел еще строить и рыл себе жилье прямо в земле вокруг храмов, посвященных богам. С тех пор, как англичане стали преследовать касту тхугов, последние воспользовались этими местами, пустынными и покрытыми густыми лесами, для совершения своих ужасных мистерий.

В Европе рассказывали множество самых нелепых басен относительно этой мрачной касты, которая в настоящее время насчитывает очень мало приверженцев. Изложим в нескольких словах суть их верований. Тхуги составляют собственно не касту, а религиозную секту, в которую принимают людей всех каст Индии, начиная от последнего шудры до брахмана, за исключением парий, которые принадлежат к касте «неприкасаемых» и считаются отбросами человечества. В этой стране различных пережитков данная секта является последним остатком эпохи, когда на всем Индостане совершались человеческие жертвоприношения. Со времени смягчения нравов, естественного явления цивилизации, эти жертвоприношения перестали быть общей принадлежностью культа всей нации и сохранились только среди небольшого количества фанатиков, которых не смели преследовать, пока длилось владычество брахманов, на том основании,

что они представляли собой первобытные традиции предков, а ни в какой стране не уважают так традиции, как в Индии.

Мусульманское нашествие хотя и не могло совершенно уничтожить их, все же принудило поклонников Кали приносить свои кровавые жертвы втайне среди пустынных мест. Ужас, который они внушали всем, был так велик, и они так ловко умели скрывать свое местопребывание, что англичане в течение ста лет своего владычества не подозревали даже о существовании такой секты. С тех пор они делали все возможное, чтобы уничтожить ее, и воображают, из-за полного и непроницаемого молчания, воцарившегося вокруг них, что тхугов в Индии больше не существует или, по крайней мере, что их кровавые жертвоприношения представляют собой что-то исключительно редкое. На самом же деле тхуги научились прятаться более тщательно и по-прежнему продолжают праздновать каждый год знаменитую пуджу, или великий праздник Кали, который является в настоящее время единственной церемонией культа, отправлявшегося в течение столетий.

Тхуга нельзя отличить ни по каким признакам; он может быть вашим соседом, другом, родственником, и вы не будете этого знать. В один прекрасный день он вступает в секту и затем каждый год с помощью знаков, понятных только ему, получает таинственное уведомление о том, что в такой-то час, а такую-то ночь и в таком-то месте будет совершено кровавое жертвоприношение. Место для этого выбирается всегда в каком-нибудь мрачном лесу, на пустынном песчаном берегу, в развалинах древнего храма, в древних пещерах троглодитов или же в уединенном доме, принадлежащем одному из их вождей.

Это место никогда не освещается ярко, чтобы посвященные, мужчины и женщины, не могли узнать друг друга; одна только коптящая лампочка бросает зловещий свет на алтарь, где приносятся жертвы. Обычно их бывает восемь-десять и более; предпочитается четное число. Обнаженные, они привязаны к столбу и ждут своей очереди. Жрец вскрывает тело одним ударом огромного ножа, вытесанного из камня, ибо металлический нож считается непригодным, а затем погружает руки в дымящиеся внутренности, как это делали древние гаруспики* и волхвы, и начинает целый ряд предсказаний. Каждый зритель мог подойти и задать оракулу свой вопрос; сердце и внутренности сжига-

* Гаруспики — в Древнем Риме жрецы, гадавшие по внутренностям жертвенных животных.

лись потом на тренажнике. Когда последняя жертва будет убита, когда последний крик прозвучит под мрачными сводами развалин, в уединенных подвалах или на пустынных песчаных берегах, тогда лампа гаснет и начинается оргия, описать которую не решится ни одно пристойное перо. Затем участники этих отвратительных собраний уходят крадучись домой и не думают о них до будущего года.

На западе, вблизи гор и джунглей Малабарского берега, некоторые деревни, целиком населенные тхугами, оставались нетронутыми до последнего восстания сипаев; но англичане воспользовались присоединением Индии к королевским владениям вследствие этой войны, которая показала неспособность Ост-Индской компании, и разослали повсюду до того строгие приказы, что тхуги рассеялись и слились с остальным населением, как и их собратья из других провинций.

Такова была участь, ожидавшая родных несчастного Сердара, если бы он не поспел вовремя спасти их. Какое сверхчеловеческое мужество надо было иметь этому человеку, чтобы не пасть под тяжестью горя и смертельного беспокойства, удручающих его!

Была минута, когда он думал воспользоваться амнистией и отправиться в Бомбей, чтобы, захватив там с собой 4-й шотландский полк, командир которого находился в плену у тхугов, напасть с ним на развалины, не оставив в живых ни одного из скрывающихся там негодяев. Но Рама остановил его:

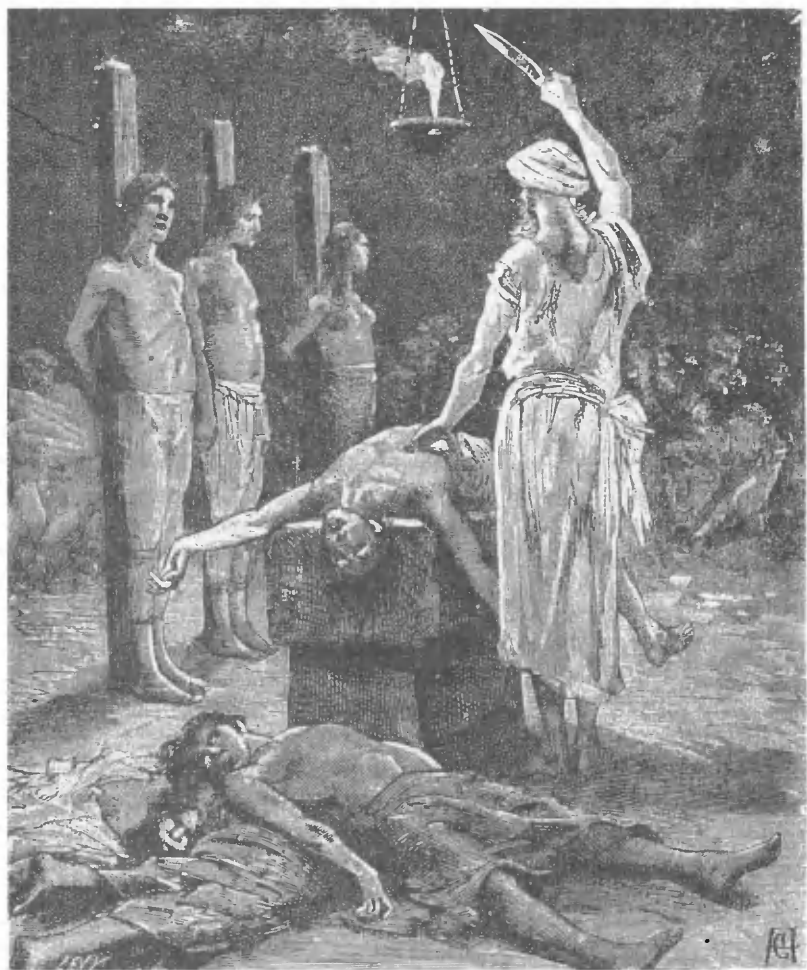
— Не делай этого! Ты хорошо знаешь Кишнаю, и потому должен знать, что при первом шуме, при первой твоей попытке все жертвы будут безжалостно убиты.

Увы, он был прав! Надо было спасать осторожно, пробраться в это логово ползком, схватить за горло палачей и, воспользовавшись общим смятением, вырвать у них добычу... Какую страшную нравственную пытку испытывал Сердар, думая о своей сестре Диане, о прелестной, юной Мэри, доставшихся этим диким зверям!

— Скорее, друзья мои, — сказал он, — каждая лишняя минута усиливает мою душевную тревогу... Я чувствую, что только тогда успокоюсь, когда мы доберемся до места, где укрываются эти проклятые.

— Отправляемся, — отвечал Барбассон, — вы сами увидите, Сердар, что я был прав.

Это был уже не тот Барбассон, который так любил удобства и ничего больше не желал, как окончить свои дни в Нухурмуре. Как хорошая охотничья собака, почуявшая дичь, провансалец, дорвавшийся до дела, жаждал приключений и опасностей.

В ту минуту, когда все приготовились следовать за Сердаром, вдруг послышался сигнал, хорошо известный всем посвященным. Нариндра побежал отворить вход; не успел повернуться камень, как в пещеры вбежали два человека и крикнули:

— Закройте, закройте скорее! Нас преследуют!

Это был Анандраен и с ним какой-то неизвестный авантюри-
стам туземец.

— Сердар, положение усложняется, — сказал он, входя в пещеру, где заседало совещание. — Я встретил по дороге Рудру и первые его слова были: «За мной по пятам гонятся два тхуга и английский офицер». Мы бросились с ним в хорошо знакомую мне ложину, думая, что преследователи будут продолжать свой путь по склону Слоновой горы. Но, огибая озеро, мы увидели вдруг, что они быстро карабкаются по горе, направляясь в нашу сторону. Этот офицер — известный негодяй Максвелл.

— Убийца моего отца! — прервал его Рама-Модели с выражением необыкновенной радости. — Да будет благословен Шива, посылающий его мне, — на этот раз он не убежит от меня.

Анандраен продолжал:

— Спутники офицера — это проклятые души Кишнаи, его правые руки во всех экспедициях; все трое идут сюда для осмотра местности, так как главарь тхугов узнал от Рам-Шудора, что тот нашел убежище Нана-Сахиба, хотя не мог указать ему, где находится вход в пещеры, потому что сам этого не знал.

— Мы все же отправимся, — отвечал Сердар, энергию которого ничто больше не могло сокрушить, — и тем хуже для препятствий, которые мы встретим по дороге: мы их устраним.

— Худое известие вознаграждается хорошим, — отвечал Анандраен. — Рудра — я представляю его тебе — пришел вчера и, узнав от моего сына, чего я хочу от него, тотчас же направился прямо к развалинам Карли, чтобы отыскать следы тхугов и... Впрочем он здесь, а потому сам лучше меня расскажет, что с ним случилось.

— Охотно, — отвечал вновь пришедший. — Мне сказали, будто Кишная и его шайка покинули развалины, и — странная вещь! — я нигде кругом не видел их следов, а между тем у развалин были заметны признаки поспешного бегства... Тогда я стал еще внимательнее присматриваться ко всему, но с тем же неуспехом, тогда как несколько выше я нашел следы европейцев, двух женщин, из них одна совсем молодая, и двух мужчин, тоже разного возраста.

— Ты видел их? — прервал его Сердар.

— Нет... Следы, найденные мной, останавливались у развалин.

— Откуда же ты знаешь...

— О! Это так просто, даже ребенок не ошибется; следы бывают разные, в зависимости от пола и возраста. С европейцами были два туземца; они сходили с повозок у самых развалин, чтобы осмотреть их, потому что еще выше я нашел на песке следы колес и ног буйволиц.

— О! Неосторожные! Сами предали себя этим негодьям!

— Не найдя обратных следов, я сделал заключение, что они попали в руки тхугов, но по отсутствию следов последних я заключил, что они скрываются в подземельях, одно из которых тянется на семь-восемь миль и соединяется с подземельями Эл-лора. Это сообщение устроено было еще древними буддистами, которые скрывались там от преследования брахманистов. Я решил тогда провести ночь в развалинах, чтобы удостовериться в этом факте. Я спрятался в одном из передних подвалов и стал ждать. Только что село солнце, как подъехал английский офицер верхом на лошади и с ним два сипая. Офицер слез с лошади и, войдя в первый подвал, вынул свисток и свистнул три раза; несколько минут спустя я увидел, как к нему явился тхуг, личность которого я сразу установил по первым же словам офицера.

— Ну, Кишнайя, — сказал он, — я сдержал свое слово; благодаря мне никто не будет тебя беспокоить, и вы спокойно можете отпраздновать в этом году великую пуджу. Настало время исполнить твое слово и передать мне по твоему выбору Сердара или Нана-Сахиба: ты ведь утверждал, что можешь это сделать.

Кишнайя отвечал, что не может оставить подземелий раньше окончания праздника, потому что за ним следят члены общества Духов Вод; потом же он передаст ему Сердара... того самого, который был в плену на Цейлоне и который будет, вероятно, скоро казнен...

— Сердар — это я, — прервал его Сердар, которому слова Рудры вернули надежду.

Рудра поклонился и продолжал рассказ.

— Я знал, что Кишнайя не мог поймать Сердара, зато он серьезно рассчитывал предать в руки офицера Нана-Сахиба. Офицер с презрением взглянул на него и отвечал: «Ты все тот же, Кишнайя, но ты напрасно пробуешь обмануть меня; если завтра вечером после захода солнца Нана-Сахиб не будет в моей власти, я нападу на развалины с целым батальоном шотландцев, который по моему приказанию расположился в полумиле отсюда с единственной целью помешать вам удрать отсюда. Ты видишь, я принял свои меры. Если ты не доставишь мне Нана-Сахиба, я прикажу всех вас перевешать на крепких деревьях. Это так же верно, как то, что я зовусь Максвеллом, а ты знаешь, сумею ли я привести эту угрозу в исполнение». Значит, у меня перед глазами был знаменитый Максвелл, который залил Индию кровью женщин и детей. Но далее будет еще интереснее. «Ты понимаешь, — говорил он Кишнайе, — что меня всегда оправдают за то, что я повесил двести-триста негодяев, подобных тебе, так как вы похитили полковника того же полка, батальон которого находится поблизости, и всю его семью».

— О, негодяи! — воскликнул Сердар.

— Часы его сочтены, — мрачно сказал Рама.

— Кишнайя, — продолжал Рудра, — видя, что шутки плохи, дал офицеру все сведения, какие имел, чтобы найти Нана-Сахиба. Он указал ему долину, которая сообщается с пещерами, и объяснил ему, что достаточно взорвать камень, который находится напротив последнего баобаба, чтобы проникнуть во внутренность пещер, прибавив при этом, что необходимо запастись лестницами для спуска вниз. Довольный этими указаниями, Максвелл просил его дать ему двух человек для осмотра местности, а затем уже собирался провести шотландцев и предпринять окончательную атаку. Кишнайя обещал дать ему их сегодня. Я решил тогда дожидаться их, чтобы предупредить вас об их присутствии; я узнал от сына Анандраена, что отец его был в Нухур-муре. Я сидел притаившись в соседних кустах, готовый каждую минуту опередить их, как только они двинутся в путь. Ты знаешь остальное.

— Рудра, — сказал Сердар, — ты даже не подозреваешь, какую услугу ты оказываешь всем нам и особенно мне. Достаточно сказать, что европейские пленники тхугов связаны со мной самыми дорогими узами... Ты можешь просить у меня любую награду, какую пожелаешь. Я заранее обещаю тебе ее, если только она в моей власти.

— И в моей, — прибавил принц.

— Так это твои родные, — сказал Рудра, — очень хорошо; нет ничего легче, чем спасти их...

— Неужели ты нашел средство... и их не убьют при первой же нашей попытке проникнуть в развалины?

— Нет ничего проще, — настаивал индус.

— Он скромненький, наш друг, — сказал Барбассон, которому не удавалось до сих пор вставить ни словечка, — устраивает всякие чудеса одним мановением руки, успевает там, где такие старые, опытные люди, как Анандраен, терпят неудачу, а он, видите ли, говорит... не поморщившись даже... что это очень просто.

— На свете есть только один Рудра! — с гордостью воскликнул индус.

— В таком случае довольно, — сказал Барбассон, — единственный экземпляр, можно сказать... беру назад свой комплимент.

— Какое же средство? — с нетерпением прервал его Сердар.

— Очень простое, повторяю, — продолжал индус, пристально всматриваясь в Барбассона (индусы мало понимают шутки), — вооружитесь хорошенько и отправляйтесь туда сегодня же вечером; спрячьтесь в развалинах... Надеюсь, вы не дадите уйти Максвеллу и его двум спутникам... Я свистну три раза, и когда

появится Кишная, думая, что это свисток офицера, мы схватим его и, приставив ему нож к горлу, прикажем провести нас к пленникам, которых немедленно освободим.

Только утопающий, который внезапно обнаруживает спасительную руку, испытывает радость, равную той, какая наполнила вдруг сердце Сердара; реакция была так сильна, так неожиданна, что глаза его наполнились слезами и он несколько минут не мог произнести ни одного слова. Однако все поняли, что это были слезы радости.

— Не само ли небо послало тебе внушение, мой милый Анандраен, — сказал Сердар, пожимая последнему руку, — и ты привел нам такого союзника?

— Черт возьми! — воскликнул Барбассон с некоторым оттенком зависти. — Говорил же я вам, что эти мерзавцы тхуги не ушли из развалин!

В эту минуту вбежал Сами, еле переводя дыхание.

— Господин, — сказал он Сердару, — я был сейчас на верхушке баобаба и слышал целый разговор. Англичанин говорил тхугу: «God bless me! Настоящая чертова дыра эта долина, но ба! Мы спустим лестницы». И потом он стал говорить, что заставит сто человек спуститься вниз, а весь остальной батальон разместить со стороны озера и заставить охранять выход...

— Хорошо, Сами! Очень хорошо, кончай!

— Я не слушал больше, я думал, что важнее дать знать сюда... но если хочешь, я вернусь туда.

— Бесплезно, дитя мое! — отвечал Сердар. — Мы знаем уже достаточно, а теперь, господа, берите карабины и постараемся не выпустить их. Мы спрячемся в небольшом пальмовом лесу, который находится у лощины, и если сами они не заставят нас принять крутые меры, то приведем их целыми и невредимыми в Нухурмур. Надо оставить их всех пока в живых, если только окажется возможным. Я хочу передать этих негодяев нашему судебному трибуналу в Нухурмуре.

Сердар произнес эти слова со странной и несвойственной ему улыбкой; глаза его, обычно добрые, блеснули при этом металлическим блеском, придав его лицу выражение ненависти и жестокости, которое никогда еще не видели у него.

Когда маленький отряд вышел из пещеры, направляясь под руководством Сердара к тому месту, где он должен был сесть в засаду, последний заметил, что Рудра безоружен, и спросил его, не забыл ли он взять с собой карабин.

— У меня его нет, — отвечал индус со вздохом, — оружие белых слишком дорого для нас, туземцев.

— Позвольте мне, Сердар, предложить ему вот это, — сказал Барбассон, передавая индусу прекрасный американский карабин Кольта. — Это мой, и я прошу принять его в память о неоценимых услугах, оказанных нам.

— Все это хорошо, Барбассон, но как же вы...

— Я возьму себе карабин бедного Барнета; он будет напоминать мне о превосходном друге, которого я потерял.

Получив подарок, представлявший для него необыкновенную ценность, индус запрыгал от радости, как ребенок. Никогда за всю бытность свою следопытом и собирателем корицы, — два ремесла, доставлявшие ему пропитание, — не смел он даже и во сне мечтать о таком оружии.

В ожидании врагов они разместились по три с каждой стороны дороги, на расстоянии четырех метров друг от друга, чтобы иметь возможность задержать Максвелла и его двух тхугов, преградив им путь своими карабинами. Не успели они занять свои места, как выше над ними послышался разговор; это был Максвелл, который излагал своим спутникам план на завтрашний день.

— Слушайте! — сказал Сердар шепотом.

Все поспешно скрылись за пальмами. Барбассон взял на себя руководящую роль, мотивируя свой смелый план желанием избежать напрасной траты зарядов. Все с удовольствием согласилось на его предложение. Когда Максвелл и оба тхуга дошли до середины группы, все карабины моментально опустили по команде Барбассона — гоп! — и окружили их железным кругом, готовым каждую минуту осыпать их выстрелами.

Вслед за этим на дорогу выступил Барбассон. Максвелл и его спутники едва не опрокинулись навзничь, так были они поражены непредвиденным нападением.

— Добрый день, джентльмен! — начал провансалец, обращаясь к офицеру. — Рад видеть вас в моем государстве. Ни шагу назад! Оставляйтесь там, где стоите. Вы видите эти маленькие жестяные трубочки, которые так походят на трубки органа... Они могут сами по себе двинуться на вас, к великому моему сожалению.

Максвелл, столь же трусливый, сколь и жестокий, дрожал всем телом, как лист, колеблемый ветром, и был бледен, как лондонское солнце в самый разгар лета.

— Что значит эта шутка? — спросил презренный трус.

— Шутка, синьор Максвелл? Как мало вы знакомы с моим характером! Спросите джентльменов, которые наслаждаются свежим воздухом позади этих пальм; они знают, что я никогда не шучу.

Услышав, что его называют настоящим его именем, убийца женщин задрожал еще сильнее, придя к заключению, что засада эта сделана ради него, и поняв, что он погиб.

— Взгляните на мое лицо, любезный лорд, — продолжал Барбассон. — Может быть, у меня нет одного глаза? Ну же, отвечайте, любезнейший милорд, или мы начнем серьезно сердиться.

Несчастный, не понимая, к чему ведет эта матросская шутка, отвечал «нет» сдавленным от ужаса голосом, стуча зубами.

— Так вот-с, — продолжал провансалец торжествующим голосом, — вы видите, что я никогда не шучу, ибо всякий раз, когда это со мной случается, я теряю один глаз.

И, довольный своей морской остротой, он прибавил:

— Давно, мой друг, горю я желанием познакомиться с вами. Когда вы избивали жителей Чинсуры, я говорил себе: «Хорошо он работает, мой милый Максвелл! Поставят перед ним две-три тысячи мужчин, женщин и детей, и не успеешь слова сказать никого уж и нет!» Когда мне рассказали о ваших удачных подвигах в Лакхнау, о двухстах женщинах, утопленных в озере вместе с детьми, я воскликнул: «Черт возьми! Что за хитрая bestия этот Максвелл моего сердца; другой на его месте оставил бы детей, а он поди ж ты! В воду карапузов!» Наконец, когда мой друг Рама-Модели — он здесь, слева, большого роста, всмотритесь в него хорошенько, вам еще ближе придется познакомиться — сообщил мне, что ты расстрелял его отца в числе пяти-шестисот других стариков и такого же количества женщин, не считая детей... О! Тогда я не выдержал и сказал: «Да неужели я никогда не увижу его этого душку Максвелла? Божественного Максвелла! Милого Максвелла! Нет, Барбассон, тебе необходимо познакомиться с ним!» Барбассон — это мое имя. Мариус Барбассон, законный и единственный сын Цезаря-Гектора Барбассона, родившийся в Марселе, Буш-дю-Рон; нос не орлиный, средний рост, как утверждают эти шутники парижане... Итак, мой любезный, остроумный капитан Максвелл, отрада души моей...

— Сократите, пожалуйста, вашу речь, Барбассон, — сказал ему Сердар, — вы видите, что этот презренный трус сейчас упадет в обморок, и нам придется нести его на руках!

Что касается тхугов, то оба хладнокровно уселись на корточках и выглядели несравненно приличнее английского офицера.

— Вы этого непременно хотите, Сердар?.. Пусть будет по-вашему! Я просто желал доставить вам удовольствие, — отвечал провансалец. — Если бы вы знали, какое счастье я испытываю, видя, как этот негодяй трясется точно обрывок соломы, закрученный вихрем. Итак, мой ненаглядный Максвелл, в своем великом желании познакомиться с тобой я просил нескольких друзей сопутствовать мне — я знал, что ты собираешься в наши места, — чтобы они помогли мне пригласить тебя посетить владения Мариуса Барбассона, владельца Нухурмура и других окрестностей по соседству. Я уверен, что ты с удовольствием примешь это приглашение.

— Чего вы хотите от меня? — спросил негодяй; совершенно уничтоженный этими словами.

— Предложить на несколько минут гостеприимство у себя... О! Это будет ненадолго, — продолжал Барбассон с жестоким смехом. — Ты пробудешь столько, сколько потребуется для сведения счетов с присутствующим здесь Рамой-Модели и со мной как с исполнителем завещания моего друга Барнета, должником которого ты состоишь после того, как обокрал его и выгнал из дворца в Ауде. Но это пустячки, тебе предстоит выдержать несравненно более серьезные счета... Желаешь взять меня под руку?... Ну же, кроткий мой лорд!

— Нет, я не желаю идти с вами. По какому праву вы мешаете гулять английскому офицеру? — пролепетал несчастный, собрав остатки своих сил.

— По какому праву, мой добрый Максвелл? По какому праву? И ты еще спрашиваешь, неблагодарный, ты не видишь, что по своему расположению к тебе я желаю избавить тебя от опасности быть расстрелянным за то, что ты предал тхугам своего полковника со всей семьей, так как хотел занять его место.

Максвелл понял, что никакие увертки не помогут ему больше и дал увести себя, как бык, не сознающий, что его ведут на бойню.

— Полно, мой друг, мужайся! — сказал ему Барбассон, передавая его в руки Рамы и Нариндры.

Затем провансалец обратился к Сердару и указал ему на тхугов, сидевших на корточках.

— Не стоит вести этих в Нухурмур, не правда ли?

Сердар наклонил голову в знак согласия. «Две проклятые души Кишнайн», по выражению Анандраена, который захватил его Диану, и Мэри, и молодого Эдуарда, и благородного Лайонела Кемпбелла... У него не было для них жалости в сердце.

— Не беспокойтесь, мои ягнятки, — сказал им Барбассон, — вы и так хороши, как есть.

Он взял револьвер и пулей разmozжил голову тхугу, сидевшему ближе к нему. Второй тхуг моментально вскочил на ноги.

— Получай и ты! — крикнул Барбассон.

Раздался выстрел, и тхуг с разmozженной головой упал рядом со своим товарищем. Зловещий исполнитель правосудия одним ударом ноги отправил в пропасть обоих негодяев.

Максвелл при виде такой быстрой казни упал без сил на руки своих проводников. Поблизости протекал ручеек; Барбассон наполнил свою шляпу водой и брызнул ему в лицо. Ощущение холода сразу привело капитана в себя.

— Полно, мужайся! — сказал ему Барбассон. — Это ничего, свежей водицы тут немного... В озере у Лакхнау несравненно больше... Не дрожи так, твой черед еще не наступил. Офицер ее величества заслуживает большего... К тому же надо сначала

объясниться и свести счеты, которые ты забыл. Ты знаешь пословицу: «счет дружбы не портит». Ты и сам ведь не захочешь уйти, не подведя итогов?

Маленький отряд вошел в Нухурмур.

— Ну-с, что мы сделаем с ним? — спросил Сердар. — Бесплезно разыгрывать комедию правосудия с этим презренным. Существа такого рода стоят вне закона и даже вне человеколюбия. Я, по крайней мере, отказываюсь от этого. Как подумаю только, что он уведомил Кишнаю о прибытии моей сестры и ее семьи в Бомбей, а также о поездке их в Нухурмур!.. Вся кровь закипает в моих жилах, и я нахожу, что смерть — слишком легкое наказание для этого чудовища.

— Сердар, — отвечал Рама-Модели, — в один прекрасный день он велел расстрелять под стенами Хардвар-Сикри две тысячи людей, и в то время, когда он командовал расстрелом, слышны были крики грудных детей, лежавших у груди своих матерей*; после четвертого выстрела артиллерийской батареи, изрыгавшей картечь на толпу людей, все крики прекратились, но в первом ряду среди трупов находился старик, который был только ранен; он встал и просил помилования... Только он избежал смерти. Среди солдат послышались взволнованные крики «Помиловать! Помиловать!» Но человек, который командовал, повернулся к ним и спросил: «Кто смеет говорить здесь о помиловании?» С ним была одна из тех собак, которые водятся в Англии. Он сказал этой собаке, указывая на старика: «Пиль, Том! Пиль!» — и собака прикончила старика. Этот старик, — продолжал Рама глухим от волнения и гнева голосом, — этот старик был мой отец, Сердар! Отдай же мне убийцу моего отца для достойной мести!

— Человек этот принадлежит тебе, — отвечал Сердар. — Я не чувствую никаких угрызений совести из-за того, что не защищаю его от твоей мести. Совершай правосудие за Чинсуру, Хардвар-Сикри, Лакхнау!

И, обернувшись к своим спутникам, Сердар сказал им:

— Друзья мои, солнце сядет через час, нам пора к развалинам Карли. Разрушим логово разбойников. Мы можем не поспеть туда, чтобы спасти жизнь и честь несчастных, которые так много пострадали и так близки мне.

— Если я не нужен тебе, Сердар... — начал Рама-Модели с мрачным видом.

* Исторический факт. — *Примеч. авт.*

Сердар понял. С минуту он колебался, но чувство великодушия скоро отошло на задний план... Что мог ответить он старинному спутнику своих трудов, своих страданий, своего изгнания в тот час, которого тот с таким нетерпением ждал, чтобы отомстить за своего отца и тысячи невинных жертв, окончивших свою жизнь в ужасных пытках?.. Максвелл оставил за собой целое море крови... Сердар отказался от него, но все же, желая снять с себя нравственную ответственность, ответил:

— Я увожу Сами, ты будешь охранять Нухурмур.

Сердар и его спутники удалились... В пещерах остались На-на-Сахив в своих апартаментах и Рама-Модели со своим пленником. Тишина, наступившая после ухода авантюристов, производила мрачное, зловещее, ужасное впечатление... Тишина, которую не нарушал ни единый звук извне... Тишина погребального склепа!

Максвелл, почувствовавший себя несколько более уверенным, когда увидел, что остался один на один с индусом, тоже поддался влиянию этой ужасной тишины... Он стоял под каменным сводом, в узком проходе, слабо освещенном тусклым светом закоптевшей лампы, которая стояла на земле, загоняя все тени на потолок и придавая им самые причудливые формы... Тени эти двигались при мелькающем свете лампы, точно мстительные призраки.

Сидя в углу на корточках, Рама-Модели смотрел на Максвелла глазами хищника, который наслаждается видом жертвы, прежде чем ее пожрать... Он не спешил покончить с ним; перед ним впереди целые часы, даже дни, чтобы наслаждаться своей местью и выбрать для этого лучший способ, потому что он не еще решил, что ему делать с этим человеком... Убийца был в его власти, и этого было пока достаточно.

Он зажег гуку и, окружив себя густыми облаками дыма, погрузился в безумный бред курителей гашиша... Взгляд его понимался и опускался от хрустального кальяна к пленнику и от пленника к кальяну... Страх Максвелла переходил постепенно в безумный ужас; он знал, что дым индийской конопли имеет страшное свойство возбуждать мозг в голове курильщика и доводить до безумного экстаза мысль, овладевшую им. В ту минуту, когда начнется это возбуждение, когда наступит час безумия, что сделает с ним индус?.. О, он знал, что позавидует тогда быстротой и легкой смерти своих спутников на склонах Нухурмура... ибо для него не оставалось больше надежды. Нельзя смягчить этого человека, отца которого он приказал разорвать своей собаке! И нигде нет выхода, чтобы попытаться совершить отчаянный побег... Крутом толстый и безмолвный камень, заглушающий

призывы о помощи и крики жертв, да и кто услышит его, чтобы прийти к нему и освободить?..

Попробовать бороться? Нечего было и думать о борьбе с таким сильным противником с револьвером и индийским кинжалом за поясом... Нет, надо покориться смерти.

Но какой род варварской, небывалой казни придумает этот мозг, когда он дойдет постепенно до ярости, до бешенства, которое не рассуждает?

Крупные капли пота струились по лбу несчастного, и только инстинктивный страх ожидающих его ужасных пыток поддерживал его силы и мешал ему упасть в обморок...

Ах! Имей он только возможность довести гнев индуса до такой степени, чтобы тот сразу нанес ему смертельный удар... Надо было спешить, еще несколько минут — и палач перестанет понимать его; глаза индуса отливали странным блеском, то сверкая ярким огнем и зверской злобой, то становясь тусклыми и мрачными... А едкий густой дым гуки, наполненный запахом роз и жасмина, пропитанный соком индийской конопли, по-прежнему вырывался густыми облаками изо рта курильщика... И Рама-Модели начал как-то странно посмеиваться; ему, вероятно, представлялась уже его жертва, корчившаяся среди пыток, и несвязные слова срывались у него с языка: «Пиль, Том! Пиль, моя добрая собака!» Нет, перед глазами его проходила смерть отца, вызванная в его памяти влиянием ужасного гашиша, который придает видениям ощущение полной реальности.

Похолодев от ужаса и чувствуя, что пора кончить под страхом вскорости иметь перед собой безумца, способного грызть его, как Уголино грыз Руджери в ужасном видении Данте, Максвелл бросился вперед. Одним ударом ноги он опрокинул гуку и, схватив за горло индуса, повалил его на землю; это удалось ему потому, что он не дал Рама-Модели времени вскочить на ноги; обняв его затем рукой за шею, он принялся его душиить. Но как быстро ни набросился он на него, Рама все-таки успел крикнуть:

— Ко мне, Нана!

Пораженный этим душераздирающим криком, Нана-Сахиб поспешил на него и, сразу поняв, в чем дело, набросился на Максвелла, опрокинул его в свою очередь и освободил Раму-Модели, который одним прыжком опять очутился на ногах.

Пары гашиша не успели сделать свое дело, и к индусу мгновенно вернулось его хладнокровие.

— Благодарю, Нана, — сказал он принцу, — ты спас мне жизнь, и я не забуду этого!

Взглянув на Максвелла с выражением дикого гнева, он сказал:

— Тебе мало было отца, негодяй, ты захотел еще и сына... Слышишь ты крики женщин и грудных детей, — продолжал он с возрастающим возбуждением, — они кричат о мести... Ага! Посмотрим, умеешь ли ты умирать... Закури-ка свою сигару и покажи, как презирает смерть капитан Максвелл... В таком виде ты бахвалился тогда в Хардвар-сикри... Кто просит здесь о помиловании? Пиль! Пиль, мой добрый Том! Ха, ха! Ты и не подозревал, что в тот день ты сам избрал себе род смерти. Зубы за зубы... Раны за раны... Кости за кости, ха! Ура! Ура! Капитан Максвелл!

И он в экстазе толкал его и гнал перед собой по коридору.

Вдруг камень повернулся, и лучи солнца залили вход в пещеру... Максвелл подумал, что спасен... Испустив крик удивления и безумной радости, в котором соединились все, оставшиеся еще у него силы, он выскочил из пещеры и бросился вперед, не видя того, куда он попал... Сзади него раздался взрыв зловещего хохота, и он услышал, как звучный голос Рамы-Модели произнес следующие слова:

— Пиль, Нера! Пиль, Сита! Живо, мои добрые животные!

И в ту же минуту, несмотря на быстроту своего бега, Максвелл услышал треск веток, сначала слабый, затем все более сильный, а затем глухой, поспешный топот по земле... Он смутно почувствовал, что его преследуют...

Кто мог бежать по его следам? Он слегка повернул голову назад... О! Ужасное видение!.. Две пантеры с открытой пастью, высунутым языком, горящими глазами догоняли его... Все последующее произошло с быстротой молнии... Он мгновенно был опрокинут на землю... С первого же нападения затрещали кости и брызнула кровь, и, испытывая невыразимую боль, в ту великую минуту, когда слабое дыхание, оживляющее тело, готовится улететь в неведомые пространства, последнее, что он еще слышал, были слова Рамы, продолжавшего кричать:

— Пиль, Нера! Пиль, Сита! Живей, мои добрые пантеры!

Так погиб Максвелл...

Наступила ночь, теплая, благоуханная, молчаливая, и в рощах тамариндов, розовых акаций и мастиковых деревьев, окружавших развалины храмов Карли, засверкали среди листвы тысячи беловатых блестящих точек. Это были шотландцы, предупрежденные Сердаром о захвате в плен их полковника; они окружили со всех сторон древнее убежище буддистов, чтобы ни один из негодяев, собравшихся там для свершения кровавых мистерий, не мог убежать оттуда.

Внезапно от группы пальмовых деревьев отделился небольшой отряд, который вошел в пещеру, и вслед за этим раздались три пронзительных свистка, раскатившись звучным эхом под мрачными сводами. Это был Рудра, а с ним Сердар со своими спутниками, на которых блестели мундиры английских офицеров.

Через несколько минут к ним вышел Кишнаия; не успел он сделать какой-либо жест или позвать на помощь, как был уже схвачен и крепко-накрепко скручен веревками...

Вслед за тем Сердар, его товарищи, офицеры и солдаты шотландского полка тихо, не производя ни малейшего шума, проскользнули друг за другом в подземелья храмов, где и застали тхутов, занимавшихся приготовлениями к ужину.

И в то время, как английские офицеры приказывали связывать их попарно, из соседнего подземелья донеслись крики радости и счастья, каких эти своды никогда еще не слышали:

— Диана! Фредерик!

Брат и сестра были в объятиях друг друга... Двадцать лет ждали они этого торжественного часа!

Между рыданиями было слышно, как Барбассон говорил:

— Черт возьми! Какая жалость, что у меня нет сестры!

Провансалец не плакал уже двадцать лет.

Два месяца спустя «Диана» на всех парах неслась к берегам Франции, унося с собой Фредерика де Монмор-Монморена и его семью. Сердар спешил подать просьбу об оправдании.

После получения окончательного оправдания он решил вернуться обратно в Индию, где должна была жить вся семья его сестры; он дал себе слово жить и умереть в этой прекрасной стране, колыбели наших древних предков индоевропейцев, которая стала вторым отечеством этого благородного человека.

Мы еще встретимся с ним там когда-нибудь.

Нана-Сахиб, который не мог без отвращения подумать о возможности сделаться пленником-пенсионером англичан, остался в Нухурмуре ждать возвращения Сердара, чтобы окончательно решить, какой остров выбрать для своего местопребывания.

Капитан Максвелл умер, Кишнаию вместе с его мрачными приверженцами повесили вокруг развалин Карли; никто, следовательно, не мог больше тревожить принца в тишине его таинственного и поэтического убежища, в подземельях Нухурмура.

Барбассон был назначен комендантом Нухурмура, а Нариндра, заклинатель и Сами — его помощниками. Провансалец на-

писал Барбассону-отцу, что его предсказание не исполнилось, и как добрый сын послал ему сто тысяч франков из того миллиона, который Нана-Сахиб дал ему в награду за его услуги.

Сэра Уильяма Брауна все забыли.

Но он не забыл никого.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ДУХИ ВОД

I

Ночной сторож. — Тайнственный дворец. — Шпион англичан. — Фантастические видения. — Посланец от губернатора.

ТАРИННЫЙ ГОРОД БИДЖАПУР, СТОЛИЦА древней династии Омра, низвергнутой великим Аурангзебом, тихо покоился, окруженный историческими развалинами и целым лесом тамариндов, гранатов и олеандров, которые мало-помалу заполнили все внутренние дворы, сады дворцов и памятников, превратив в почти недоступное убежище эти места — свидетелей былой роскоши и великолепия раджей Декана.

Было, вероятно, часа два утра. Полный диск луны, медленно плывший среди золотистой пыли беспредельных пространств, освещал серебристыми лучами этот океан зелени и цветов, откуда подобно островам выглядывали четырехугольные башни, террасы из белого мрамора, полуразрушенные купола, колонны и портики — остатки роскошных зданий этого города, который современные ему поэты называли «городом чудес». История его походит на главу из «Тысячи и одной ночи».

Историк рассказывает, что Феришта-Магомет, сын Мурада II, низвергнув с трона своего отца, приказал по обычаю всех стамбульских халифов той эпохи убить всех своих братьев, дабы не иметь ни одного соперника. Но вместо младшего из них, Юсуфа, палачи убили, сами этого не подозревая, черкесского пленника, которым мать принца подменила последнего.

Юсуф жил, никому не известный, лет до шестнадцати, когда болтливость кормилицы, открывшей тайну его рождения, принудила его удалиться в Персию, где он получил от наваба Дели, с которым очень подружился, разрешение собрать войско, чтобы затем, по совету того же наваба, низвергнуть брахманское вла-

дычество, всесильное в Декане. В тот час, когда он во главе своих войск отдавал приказание двинуться в путь, над его головой несколько минут парил гума, род коршуна, появление которого в таких случаях считается предзнаменованием великой судьбы; это вызвало взрыв энтузиазма у его приверженцев. Юсуф завоевал весь Декан и провозгласил себя императором под именем Адил-шаха. В ознаменование своего царствования, он основал город, развалинами которого мы теперь любимемся...

Ни малейшее дуновение ветерка не шевелило листья деревьев и не давало даже тени движения всем этим остаткам прошлого. Среди величественного безмолвия ночи казалось, что жизнь навсегда покинула эти места и что перед вашими глазами одно из тех обширных кладбищ, где в тишине веков спят и воспоминания, и люди, и памятники, и боги. Но это впечатление скоро рассеивается, так как заглянув внутрь Мульк-Медана, развалин на равнине, вы замечаете разбросанные повсюду без всякого порядка дома, хижины и шалаши, указывающие, что еще не все люди покинули древний Биджапур.

День был невыносимо знойный и душный, поэтому индусы с наслаждением сидели теперь на пороге своих жилищ, курили и разговаривали, вдыхая полной грудью свежий и ароматный воздух, охладивший накаленную атмосферу. Шум разговоров, однако, постепенно смолкал, и вместе с тем гасли на верандах лампы из чеканной меди или черной глины; а когда на верхушке гопа-рама (род минарета) великой пагоды падиал — ночной сторож — с помощью ударов священного гонга дал знать, который час, все удалились в свои жилища, и тишина ночи с этих пор нарушалась только пронзительным тьявканьем шакалов, к которым примешивалось сердитое ворчание домашних слонов... Биджапур спал.

Невозможно представить себе всю поэтическую и сказочную прелесть этих громадных развалин, величественно возвышающихся над роскошной растительностью. У их подножия прилепившись к колоннадам из порфира, портикам из мрамора, цоколям из яшмы и розового гранита, выстроены в разном стиле, сообразно касте и состоянию, дома и хижины нынешних жителей.

Одного факта будет достаточно, чтобы дать вам представление о великолепии, волшебном зрелище, которое еще и поныне представляют собой эти развалины. Там и теперь насчитывают до семисот мечетей и столько же дворцов и мавзолеев из мрамора, в которых вы найдете все виды архитектуры: византийские купола, готические шпицы, греческие полукруги, чудеса арабского искусства перемежаются друг с другом, доказывая лучше

всех историков правдивость легенды, которая утверждает, что Адил-шах призвал к себе лучших художников и искусных рабочих со всего мира, чтобы они выстроили ему город, равного которому не было во всей вселенной.

При воспоминании об этих развалинах в воображении невольно возникают песчаные и пустынные равнины Пальмиры, Ниневии, Фив, Мемфиса. Постепенное истощение почвы было одной из самых главных причин, поразивших в самое сердце такие древние цивилизации, как Ассирия и Египет. Но ничего подобного не было в плодородных странах Декана: развалины Биджапура находятся среди редкой по своему великолепию природы, и мы напрасно доискивались бы причин такого разрушения, не будь нам известно, что из зависти Аурангзеб приказал разрушить «город чудес», чтобы ни один город Индии не мог соперничать с надменной пышностью Дели, столицы империи Моголов.

В Биджапуре, насчитывающем в свое время более пятисот тысяч жителей, обитает теперь всего четыре-пять тысяч душ, разбросанных по всему огромному пространству, которое он когда-то занимал. Это немало способствовало прелести живописных развалин, так как индус, устраивая себе дом, выбирал наудачу место и лепил его у памятника, который больше ему нравился. В результате такого своеобразного распределения получился город без улиц, жилища которого раскинуты среди исполинских развалин, украшенных всеми богатствами растительного царства.

Все это придает ландшафту поистине волшебный вид, особенно если смотреть на него в тихие, благоуханные ночи Индии, при ярком свете месяца, блеск которого усиливается несравненной чистотой неба Малабарского берега.

Самый любопытный среди этих памятников древности — не с точки зрения архитектуры, но по своему особенному расположению — дворец Семи Этажей. Представьте себе огромную башню с семью этажами и семью сторонами, а на каждой стороне семиугольника — обширный висячий сад, украшенный самыми красивыми растениями и редкими деревьями. Каждый этаж и каждый сад не соединены друг с другом; пройти в них можно при помощи разных лестниц, вход на которые доступен только с помощью особой системы подъемных мостов. Даже пушка бессилна против этих плотных масс земли, поддерживаемых стенами толщиной десять метров.

Аурангзеб, несмотря на всю свою жажду разрушения, пощадил это великолепное здание, истинное чудо архитектуры, которое стоило жизни его строителю. Кималь-Хан, опекун молодого

короля, сына Адил-шаха, приказал умертвить строителя, чтобы он не разгласил тайны устройства этой башни, превращавшей ее в недоступную крепость. Этот Кималь-Хан, жаждавший трона, хотел таким образом приготовить для себя надежное убежище на тот случай, если бы народ вздумал мстить за смерть Измаил-шаха, которого он предполагал задушить; но королева-мать, подзревавшая о его намерениях, предупредила его и приказала своему слуге заколоть его кинжалом.

Маратхские воины, докончившие затем дело Аурангзеба, не посмели, как и он, тронуть таинственный дворец, охраняемый легендой, согласно которой этот памятник должен был принести несчастье всякому, кто осмелится поднять на него руку. Следующий факт немало способствовал тому, чтобы это верование укоренилось в народных массах.

Мосты каждого этажа, когда они были подняты, так плотно примыкали к стене, что составляли с ней как бы одно целое, и раджи, одни только знавшие, как управлять ими, сообщали эту тайну своему наследнику только на смертном одре. Дора-Адил-шах, последний властитель этой династии, сошел в могилу скоропостижно, не успев никому открыть ее, и с тех пор в течение трех столетий никто не поднимался выше первого этажа, подъемный мост которого был опущен в момент смерти монарха. Аурангзев хотел силой проникнуть в это странное здание, но при первом же ударе по камню мотыгой она отскочила назад и убила работника, исполнявшего приказание своего повелителя. Последний, увидев в этом небесную кару, бежал оттуда в страхе, и это происшествие, раздутое воображением народа, защищало дворец несравненно лучше многочисленного и хорошо вооруженного войска.

Повсюду ходили слухи, что в известные периоды года все Омра, умершие от кинжала или яда, — а таких было много, — составляли адский хоровод, и тогда на верхних этажах дворца, куда никто еще не проникал после смерти Дора-Адил-шаха, мелькали в окнах призраки и огни. Так как эти зловещие сборища не отличались пунктуальностью, а жители Биджапура избегали после заката солнца подходить к таинственному зданию, то мало кто мог похвастаться тем, что видел, хотя бы издали, похоронные собрания ночных призраков. Но те, кому случайно удавалось быть свидетелями этих странных фактов, подтверждали их; эти басни так гармонировали с суеверным характером индусов, что никому из них никогда не приходила в голову мысль сомневаться в них.

Итак, в эту ночь жители Биджапура спокойно спали, не предчувствуя тех таинственных и странных событий, местом действия которых будет древний замок Адил-шаха.

Падиал, согласно древнему азиатскому обычаю, только что прокричал на все четыре стороны горизонта размеренным монотонным голосом следующую фразу: «Два часа утра! Люди высшей и низшей касты, спите мирным сном, нового нет ничего!» Он готовился уже растянуться на своей ротанговой циновке до следующего часа, когда, взглянув случайно в сторону дворца Адил-шаха, невольно вздрогнул. Из узких верхних этажей, величественно подымавшихся над верхушками больших деревьев, тянулись легкие полосы света, которые, отражаясь на темной зелени окружающей листвы, пестрели их желтоватыми пятнами. Луна начинала уже спускаться на восток, а тени, увеличивающиеся все больше и больше, окружали тьмой все здание.

— Питри, мертвые! — пробормотал падиал с суеверным ужасом.

Он стал шепотом читать мантры — заклинания, которые способствуют удалению призраков и злых духов... Парализованный страхом, бедняга не мог оторвать глаз от этого странного зрелища... В первый раз ночному сторожу довелось видеть подобное, и впечатление, произведенное на него, было тем сильнее, что он до сих пор принадлежал к числу скептиков, которые с сомнением качали головой всякий раз, когда во время продолжительных вечерних бдений подымался вопрос о странных явлениях во дворце Омра. Вот уже двадцать лет, как он после своей смерти отца исполнял обязанности падиала, с незапамятных времен переходившие по наследству в его роду, и никогда еще не замечал ничего особенного в старом здании, которое каждый вечер предстало перед его взором, мрачное и безмолвное. Но ужас его еще более усилился, когда он заметил тени, мелькавшие взад и вперед мимо окон и затемнявшие по временам свет; бедняга, бывший трусом не меньше других и осознававший свою беспомощность против этих, по его мнению, сверхъестественных явлений, чувствовал, что волосы его становятся дыбом, а ноги подкашиваются... Несколько минут он стоял, прислонившись к балюстраде минарета, чтобы не упасть, повторяя с необыкновенным жаром все известные ему формулы заклинаний.

Народная мифология индусов населяет небеса, землю, леса и воды целым сонмом духов, призраков, гномов, вампиров и т.д.; все это — души умерших, грехи которых преградили им доступ в Сваргу, или жилище блаженных. Все образование низшей касты ограничивается поэтому изучением с самого детства множества мантр, которые относятся ко всем категориям злых существ и

годятся на все случаи жизни; всю свою жизнь индус проводит в чтении молитв и заклинаний, предназначенных для защиты от невидимых врагов, которые постоянно мучают его и мешают всем его предприятиям.

Прошло несколько минут, и, как бы под влиянием заклинаний, свет мгновенно исчез во дворце Семи Этажей; огромное здание погрузилось в полную темноту. Довольный своим успехом, который он приписывал мантрам, падиал успокоился и принялся раздумывать, что ему делать; он спрашивал себя, не лучше ли будет вместо того, чтобы придерживаться обычной формулы, ударить в следующий час в гонг гопарама и объявить всем о случившемся событии?.. Но в таком случае не подвергнется ли он мести тайных сил и проклятых ракшаса, избравших дворец Омра для своих посмертных заседаний?.. Раздумывая об этом, он громко говорил сам с собой, по обыкновению всех боязливых людей, черпающих мужество в звуках собственного голоса, как вдруг ему показалось, что какая-то неясная тень бесшумно проскользнула в соседнюю рощу. Живые меньше трогали его, чем мертвые; он спрятался позади одной из колонн, поддерживавших капитель минарета, и, затаив дыхание, решил наблюдать, желая удостовериться, не было ли все это лишь игрой воображения.

Этот падиал, по имени Дислад-Хамед, был во время великой войны за независимость шпионом на жалованье у англичан; будучи членом знаменитого тайного общества Духов Вод, он уведомлял губернатора Бомбея о всех решениях, принятых Нана-Сахибом, и следил за всеми раджами Декана, которых подозревали в желании примкнуть к защитникам народных прав. Теперь же, когда Нана-Сахиб был побежден и скрывался от врагов в тайном убежище Нухурмура, посреди пустынных гор Малабарского берега, падиал все еще продолжал доносить победителям о жителях провинции, которые втайне или открыто принимали сторону восстания. Много тысяч людей было убито по его доносам во время кровавых расправ, которыми англичане опозорили свою победу. Он был уверен в своей безнаказанности, поскольку слыл горячим патриотом, и умел так ловко вести свои темные дела, что никому не внушал ни малейшего подозрения.

Справедливости ради надо сказать, что до сих пор он тщательно избегал всяких доносов на Биджапур; таким образом этот город избежал военных судов, которые переезжали из провинции в провинцию, чтобы отыскивать и наказывать патриотов. Но и он не вполне избежал угрожавшей ему участи, так как сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, назначил военную комис-

сию, которая должна была действовать в Декане в связи с событиями, о которых достаточно будет упомянуто вкратце.

Мы знаем, что после окончательного подавления восстания Хейвлоком Сердар вместе с марсельцем Барбассоном и несколькими преданными ему индусами спас Нана-Сахиба при осаде Дели и что принц, скрывавшийся в пещерах Нухурмура, не был найден англичанами. Не испытывая больше беспокойства за судьбу Нана, Фредерик де Монмор-Монморен отправился во Францию, чтобы добиться оправдания перед военным судом, который в свое время обвинил его в тяжких преступлениях против своего отечества.

Во время его отсутствия Нана-Сахиб оставался в недоступных пещерах Нухурмура под охраной знаменитого Барбассона из Марселя и четырех туземцев: Рамы-Модели, заклинателя; Нариндры, маратхского воина, потомка древних властителей Декана; Рудры, следопыта, и Сами, доверенного слуги Сердара.

Фредерик де Монморен должен был после своего возвращения несмотря на тщательное выслеживание англичан помочь принцу бежать и доставить его на один из многочисленных островов Зондского пролива, где Нана мог бы спокойно жить вдали от мести британских властей.

Сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, совершенно потерял следы вождя восстания сипаев и несмотря на то, что несколько раз доносил в Лондон о неизбежном аресте Нана-Сахиба (в этом его уверяли шпионы, разосланные им по всей Индии), все же должен был сознаться самому себе, что так же мало продвинулся вперед, как и в первые дни. Последние известия, полученные им, указывали на полную неудачу всех поисков принца. Капитан Максвелл исчез месяц тому назад, и не было возможности узнать, что с ним случилось. О Кишнае, вожде тхугов, услугами которого не брезговал благородный лорд, говорили, что его повесили вместе с большей частью его приверженцев по приказанию офицеров 4-го шотландского полка; отряд захватил их в тот момент, когда они собирались приносить человеческие жертвы на алтаре Кали, богини убийства и крови.

Все соединилось для того, чтобы препятствовать намерениям вице-короля, а между тем ему необходимо было во что бы то ни стало завладеть Нана-Сахибом; речь шла об окончательном усмирении Индии, а это было невозможно до тех пор, пока в руках его не будет принц, осмелившийся поднять знамя независимости.

Недаром Индия считается классической страной тайных заговоров; это, пожалуй, единственная страна в мире, где возможен такой факт, что двести пятьдесят тысяч сипаев знали за целый

год вперед день и час, назначенные для восстания, и между ними не нашлось ни одного изменника!

Странная вещь: Нана-Сахиб не покидал Индии после своего поражения, а между тем вице-король, несмотря на могущественные средства, которыми он располагал, никак не мог узнать, где он скрывается. Он догадывался, что таинственный Декан со своими древними развалинами, бесчисленными пещерами, храмами, высеченными в недрах земли и соединенными с подземельями, тянувшимися на пятьдесят-шестьдесят миль, с мощными горами и непроходимыми лесами, мог предоставить беглецу прекрасное убежище. Но вице-король не знал, в какой части этой обширной местности спрятался принц. Последняя депеша Максвелла, посланная им из Бомбея, гласила: «Дня через три Нана будет нашим пленником». И вот прошло пять недель, а этот офицер не подавал о себе никаких вестей. Вице-король был почти уверен, что Максвелл погиб при исполнении своей миссии. Несчастный вице-король не мог придумать, что ему делать. Лондонская пресса начинала возмущаться постоянными неудачами этого сановника, поговаривали о его неспособности и даже об измене. На нескольких митингах уже требовали смещения сэра Джона, и лорд Расселл, председатель Верхней палаты, в последней официальной бумаге намекнул уже о возможности отозвания вице-короля, если по прошествии месяца это дело не будет завершено к полному удовлетворению правительства.

История, как мы полагаем, никогда еще не заносила на свои страницы факт бесследного исчезновения лица, игравшего столь важную роль, как Нана-Сахиб. Но неоспоримо, что труп последнего не был найден среди убитых во время осады Дели и что британские власти неоднократно получали доказательства пребывания принца в самой Индии. Власти судили по участи, постигавшей тех людей, которые рьяно преследовали принца (их никогда не видели больше и невозможно было даже узнать, что с ними случилось), а также по тому драматическому происшествию, которым закончилась эта необыкновенная эпопея; с ним-то мы и познакомим читателя.

Этот эпизод из истории Индии так искусно скомбинирован из самых невероятных событий, что нет даже надобности призывать на помощь воображение для придания ему большего интереса. Все факты, излагаемые нами, абсолютно точны; все лица, которые играют здесь роль, существовали в действительности; мы только изменили их имена, и историкам не придется пересдавать ни одного из важных событий, описанных здесь.

Даже и теперь, несмотря на несколько десятков лет, прошедших с тех пор, жизнь, приключения и смерть Нана-Сахиба по-

крыты непроницаемой тайной, и мы не смеем уверять читателя, будто нам удалось полностью снять этот таинственный покров. Все, описанное здесь, мы рассказываем со слов товарища принца по оружию, марсельца Барбассона. И все-таки кончина этой легендарной личности неизвестна... Никто не знает и никогда, быть может, не будет знать, в каком месте земного шара провел изгнанный принц последние дни и где он спит вечным сном, если только Рама-Модели, единственный индус, согласившийся покинуть Индию вместе с принцем, не оставит какого-нибудь документа, из которого мы узнаем, где Нана-Сахиб провел последние годы своей жизни.

Сэр Джон Лоуренс не знал, что ставит в этом приключении свою жизнь на карту; но свое вице-королевство он ставил на нее несомненно. А так как ему страстно хотелось сохранить за собой это великолепное наместничество, где он пользовался более обширной властью, чем королева Виктория в Британии, то решил отправиться в Декан, в самый Биджапур, желая лично распоряжаться последней попыткой, предпринимаемой для поимки Нана-Сахиба и его товарищей. Чтобы замаскировать свой план, он скрыл от всех, даже от близких к нему лиц, свои истинные намерения и объявил, что едет в древнюю столицу Декана для того, чтобы учредить верховное судилище над теми, кто действовал заодно с бунтовщиками, и призвать на суд раджей Майсура и Траванкора; последние обвинялись в том, что они предлагали губернатору Пондишери свергнуть британское иго и поднять восстание на юге во имя Франции. Биджапуру таким образом предстояло испытать те репрессии, которые залили кровью Бенхар, Бенгалию и Пенджаб.

Лоуренс открыл свой план начальнику полиции полковнику Джеймсу Уотсону и объяснил ему причину, вынуждавшую его действовать всеми способами, чтобы добиться успеха. Он просил полковника отправить туда нескольких лучших своих сыщиков и указать ему самого ловкого следопыта в Декане, которому он лично хотел передать свои инструкции. Полковник Уотсон немедленно указал вице-королю на уже знакомого нам падиала Дислад-Хамеда как на самого ловкого и верного шпиона из всех, согласившихся служить Англии. Негодяй действительно с поразительной точностью исполнял все приказания притеснителей своей страны.

В достопамятный вечер, когда он пришел в такой ужас при виде света и теней во дворце Семи Этажей, падиал и не подозревал еще, какую честь окажет ему скоро сэр Лоуренс, доверив деликатную и опасную миссию обнаружения следов Нана-Сахи-

ба. Но он и без того должен был скоро узнать или, по крайней мере, понять это.

Внимание падиала привлекла тень, проскользнувшая в соседнюю с минаретом рошу; не успел он спрятаться за колонну, откуда собирался наблюдать за всем происходящим, как услышал, что его зовут.

— Дислад! Дислад!

— Кто там? — спросил последний.

— Нанда-Сами, сын Канда-Сами, — отвечал незнакомец, — первый скороход его светлости сэра Лоуренса, вице-короля Индии, посланный от него к падиалу.

— Что нужно вице-королю от меня? — с удивлением спросил падиал. — Поднимись ко мне, Нанда-Сами, я не могу оставить свой пост раньше первого часа дня.

Через несколько минут скороход был уже на верхушке гопа-рама.

— Привет тебе, — сказал падиал. — Чего желает вице-король от своего недостойного слуги?

— Мой господин, — начал скороход без всяких предисловий, — приезжает сегодня в Биджапур и приказывает тебе явиться к нему вечером, как только покров бога ночи спустится на землю, незадолго до восхода луны.

— Повинуюсь! Я явлюсь к властителю властителей, как только покров бога ночи спустится на землю, незадолго до восхода луны. Но куда должен я явиться?

— Во дворец Омра.

Падиал едва не вскрикнул от удивления, но тут же вспомнил, что первый и второй этажи дворца вполне доступны, что они роскошно обставлены и предназначены для приема губернаторов и других знатных путешественников. Он не счел нужным сообщить своему собеседнику о ночном происшествии и ограничился тем, что ответил:

— В назначенный час я буду во дворце Омра. Но пропустит ли меня стража?

— Ты не должен обращаться к ним и ни к кому из служащих там людей... Я сам буду там и провожу тебя так, что никто не заметит твоего присутствия; вице-король хочет говорить с тобой втайне... вот все, что мне поручено сказать тебе... Салам, Дислад, да будут к тебе благосклонны боги-покровители!

— Салам, Нанда, да спасет тебя Шива от дурных встреч!

II

Сигнал посвященных. — Послы Духов Вод. — Ночное странствование. — Ужас шпиона. — Собрание заговорщиков. — Страшная клятва. — План начальника полиции. — Поручение к Нана-Сахибу. — Серьезное решение. — Честолюбие ночного сторожа.

АК ТОЛЬКО ПОСОЛ УДАЛИЛСЯ, ПАДИАЛ, исполняя свои обязанности, снова ударил в гонг и медленно произнес обычную фразу:

— «Три часа утра, люди высшей и низшей касты, спите мирным сном... Нового нет ничего!»

Нового нет ничего! Такова власть формул и вековых обычаев! «Нового нет ничего» — а дворец

Адил-шаха, необитаемый в течение трехсот лет, осветился в самых неприступных своих частях. «Нового нет ничего», а между тем должно было совершиться одно из крупнейших событий, происходивших в провинции, — приезд вице-короля. Но этим еще не исчерпывались все новости.

Прошло минут десять после того, как падиял лег на циновку, завернувшись в свою одежду, как вдруг его разбудило пение птицы на не большом расстоянии от гопарама. Оно доносилось как будто с высокого тамаринда, огромные ветви которого подымались над развалинами целым куполом. Дислад-Хамед вздрогнул; он не ошибся относительно происхождения этого пения, несмотря на все совершенство подражания, ибо певчая птичка, грустною мелодию которой он только что слышал, никогда не поет после захода солнца.

Это был сигнал.

Приподнявшись на своей циновке, ночной сторож стал прислушиваться, и почти в ту же минуту снова повторилось пение, на этот раз более громкое и продолжительное.

— Ну, это, конечно, они, — прошептал Дислад-Хамед, — надо повиноваться.

И он в свою очередь с необыкновенным искусством воспроизвел тот же сигнал; затем, не колеблясь ни минуты, сошел вниз и направился к тамаринду, росшему неподалеку оттуда среди развалин древнего храма Шивы. Два туземца с лицами, закрытыми волнами белого газа, ждали его там.

— Откуда держите путь? — спросил падиял.

— Из страны, где духи летают над водами, — ответил один из незнакомцев.

— Тень священных слонов падает на восток, — сказал падиял.

— И час правосудия пробил, — суровым голосом отвечал второй незнакомец. — Ты готов?

— Готов.

— Хорошо. Следуй за нами!

— Долго я буду отсутствовать?

— Это ведомо только тому, кто вышел из золотого яйца.

— В таком случае я скажу сыну, чтобы он заменил меня на гопараме.

И, отойдя на несколько шагов, падиал громко свистнул. На его зов тотчас же прибежал мальчик лет четырнадцати-пятнадцати.

— Ты будешь отбивать ночные часы, — сказал ему Дислад. — Если я не возвращусь ни сегодня вечером, ни в следующие дни, заменяй меня, пока не вернусь... Не забывай читать мантры против духов, которые буду мучить тебя каждую ночь, чтобы ты забыл о часах. Уведомь свою мать и отправляйся на гопарам.

Мальчик поклонился, не говоря ни слова, и так же быстро исчез, как и появился.

Один из незнакомцев приблизился к падиалу и надел ему на голову нечто вроде капюшона, предназначенного для того, чтобы он ничего не мог видеть; затем каждый из них взял его за одну руку, и оба повели его среди развалин. Их уверенная походка указывала на то, что они хорошо знакомы с этими местами. Все трое хранили полное молчание, но падиал все время думал о том, нельзя ли узнать, куда его ведут, следя за поворотами, которые его заставляли делать. Но спутники, как бы отгадав эти мысли, всеми силами старались сбить его с толку; каждую минуту они заставляли его возвращаться, поворачивали налево, направо, останавливались без всяких поводов и снова начинали идти, описывая незаметно для него круг, а затем приводили его к тому месту, которое только что оставили. Дислад-Хамед скоро понял, что ориентироваться в таких условиях невозможно. Он решил идти машинально, не заботясь больше о дороге, по которой его вели, и мысли его приняли другое направление. Он спрашивал себя: даст ли ему один из верховных вождей Духов Вод (которые никогда и никому, даже посвященным второй степени, не сообщали места, избранного ими для совещания) какое-нибудь поручение или, быть может, уведомленные о бесчисленном множестве случаев измены с его стороны, они собираются поставить его перед лицом тайного трибунала, состоящего из семи человек, которые никогда не выносили какого-либо иного приговора, кроме смертного... И в том, и в другом случае члены общества предупреждали и приводили к верховным вождям точно таким же образом. Только посвященный первый степени, то есть

жемедар, получал заранее сообщение о месте собрания и о часе, когда следовало туда явиться; но Дислад-Хамед был *субедар*, то есть посвященный второй степени.

Мысль, внезапно мелькнувшая у него в голове, что через несколько минут его ждет наказание за все его преступления, заставила его похолодеть от ужаса; он не мог удержать невольной дрожи, которую его спутники, вероятно, заметили, так как сильнее сжали его руки, как бы желая помешать ему бежать. Падиал слишком хорошо знал обычаи знаменитого тайного общества, а потому был уверен, что эта дрожь не останется неизвестной верховным вождям; понимая, какое важное значение это может иметь для него, он специально начал усиленно дрожать, чтобы заставить их подумать, что у него простой приступ болотной лихорадки, весьма распространенной среди индусов, живущих на равнине. Тогда один из проводников спросил его с видимым участием:

— Брат Хамед болен... Не желает ли он, чтобы мы шли медленнее?

— О, это ничего, — отвечал падиал, — легкая лихорадка... Я прихватил ее в болотах Траванкора.

И все трое снова замолчали. Но падиал с радостью заметил, что руки проводников сжимали его слабее. Он заключил из этого, что подозрение их не только бесследно прошло, но что он предстанет перед тайным судилищем не в качестве обвиняемого.

После получаса ходьбы проводники остановились, и Дислад получил приглашение сесть в паланкин, куда вместе с ним вошли и его спутники. Когда дверь закрылась, ночному сторожу Биджапура показалось, что экипаж, в котором он находился, отделился от земли, и затем он больше ничего не чувствовал... ни малейшего признака какого-либо движения... Так прошло десять минут, и даже человек с необыкновенно развитыми органами чувств не в состоянии был бы сказать, сдвинулся ли паланкин с того места, где он находился, или нет. Вдруг Хамед почувствовал, что экипаж его снова стоит на земле; дверцы открылись, и ему приказали следовать за проводниками, которые подали ему руку, чтобы помочь сойти на землю. Все трое прошли несколько шагов вперед, и ночному сторожу показалось, что подняли портьеру, которая затем опустилась позади него. Далее он почувствовал, что находится в душной атмосфере, какая бывает, когда большая толпа людей собирается в плохо проветренной комнате с наглухо закрытыми окнами. Он ясно слышал шум, неопределенный и смутный, который всегда бывает при многочисленном собрании, даже если они хранят полное молчание.

Проводники сняли с него капюшон, и он увидел себя посреди огромного зала в присутствии четырехсот или пятисот членов общества Духов Вод, которое собрались со всех концов Индии; все они, кроме него одного, принадлежали к сословию жемедаров. Он вздохнул свободнее. Вместо того, чтобы привести на судилище, ему сделали, напротив, честь, разрешив присутствовать на собрании посвященных первой степени. Он тотчас же понял, что ему хотят поручить исполнение какой-нибудь очень важной задачи.

На возвышении сидели семь членов Тайного Совета (Совета Семи), президентом которого был *брахматма*, или верховный вождь. Все они были замаскированы, потому никто не должен был видеть их лиц. Этот запрет соблюдается так строго, что в тех случаях, когда маска нечаянно падает с лица одного из семи, остальные тотчас же набрасываются на него и душат его; затем на экстренном собрании выбирают его заместителя. Никто из входящих в состав «Семи», которым известны были все тайны общества, не имели права отказаться от своего места, и только смерть освобождала его от этого почетного, но опасного поста. Члены Тайного Совета казались бессмертными, потому что они сами пополняли свои ряды, и никто никогда не замечал, как один заменялся другим.

При выборе нового члена не принималось во внимание ни его желания, ни его склонности. В один прекрасный день к нему подходил факир, который подавал ему листок голубого лотоса с начертанным на нем таинственным словом «Аум». С этого момента выбранный уже не принадлежал самому себе; он пользовался, правда, необыкновенной властью и распоряжался по своему усмотрению в том кругу, который находился в зависимости от него, но зато отказывался от личной жизни и в свою очередь слепо и пассивно повиновался Комитету Трех и брахматме. Он имел право отказаться от почетного поста; однако этот отказ был бы его смертным приговором. Мы скоро будем иметь случай пополнить эти краткие сведения о Духах Вод.

Никакие учреждения не могли по силе своего влияния сравняться с этим таинственным обществом; это было настоящее тайное правительство, которое в течение многих веков подряд существовало бок о бок с официальным политическим правительством страны, причем первому больше повиновались и больше уважали. Вся Индия разделена была на пять округов, которыми управляли четыре члена Тайного Совета, переходя ежегодно из одного округа в другой, дабы не связать себя особыми привязанностями. Три остальных члена составляли так называемый Комитет Трех, в обязанности которого входил надзор

за брахматмой, не знавшего никого из них. Этот комитет периодически возобновлялся и управлял пятой провинцией.

Несмотря на то, что эта организация была прекрасно известна англичанам, последние не могли наложить свою руку ни на одного из членов Тайного Совета; ни разу не удалось им также узнать, кто были верховные вожди этого страшного общества, которое уничтожало их декреты и отменяло их приговоры о лишении прав, если они были несправедливы.

Как это ни странно, но общество Духов Вод фактически признавало это правительство и обычно не ставило ему никаких преград и не доставляло никаких затруднений, ограничиваясь только тем, что запрещало индусам повиноваться актам, которые по мнению Совета Семи противоречили праву и справедливости. До великого восстания сипаев, которое неминуемо должно было бы освободить Индию, если бы Нана-Сахиб вместо того, чтобы играть в правителя и задавать празднества, двинул войска на Калькутту и Бомбей, общество Духов Вод лет двадцать подряд предупреждало Ост-Индскую компанию, какая участь ее ждет, если она не реформирует свою администрацию. Оно только тогда разрешило восстание в Бенгалии и северных провинциях, когда увидело, что все его советы отвергаются.

Даже и в настоящее время общество является единственным противником безграничной власти вице-короля и губернаторов. Оно преследует больше всего концессионеров, сборщиков налогов, бесцеремонно присваивая себе большую часть этих налогов. Влияние общества тем сильнее, что не было еще примера, чтобы оно поразило невинного или чтобы виновный сановник избежал кинжала Духов Вод иначе, чем покинув свой пост и вернувшись в Англию. По обычаю, укоренившемуся в течение нескольких веков, всякого, кто изменял долгу совести, предупреждали три раза, чтобы он изменил свое поведение, затем ему объявляли приговор письмом, которое попадало к нему неизвестным путем, и по прошествии семи дней этот приговор исполнялся, несмотря ни на какие принятые осужденным предосторожности. Мы должны еще прибавить, что не было ни одного приговора, который не оправдывался бы и общественным мнением.

Способы, посредством которых это общество получало сведения обо всем происходившем, были так искусны и разнообразны, что становится положительно непонятным, как могло оно не знать об измене Дислада: его уже раз двадцать могли бы схватить, не будь он членом общества; последнее давало ему возможность знать, как следует действовать, чтобы не навлечь на себя подозрений. Он переписывался только с одним лицом — директором полиции, и то при помощи шифрованных знаков, понят-

ных только тому, кто знал к ним ключ; а так как пост ночного сторожа вынуждал его иметь иногда сношения с полицией, то никто за это не предъявлял к нему претензий. Мы говорили уже, что в своих донесениях он никогда не касался Биджапура. Это оказывало до сих пор большую службу негодяю, но теперь ему приходилось удвоить свою осторожность: учреждение военного суда в древней столице Декана и роль, предназначенная ему при проведении репрессий, предоставляли много случаев, чтобы скомпрометировать низкого предателя.

Не успели ввести Дислад-Хамеда в огромный зал, где собрались посвященные первой степени и Совет Семи, как брахматма, занимавший председательское место, нарушил благоговейное молчание.

— Брат Хамед, — сказал он вновь пришедшему, — в силу власти, весьма редко употребляемой нашими присутствующими, призвали мы тебя в этот зал, чтобы ты мог присутствовать на собрании, в котором принимают участие одни только жемедары. Желая поручить тебе одно из самых трудных дел, могущественный и верховный Совет Семи решил, что мы можем дать тебе доказательство нашего доверия. Приблизься и произнеси нашу обычную клятву, что ты никому, даже своей тени, не скажешь того, что увидишь и услышишь сегодня ночью.

Падиял повиновался призыву брахматмы и, поблагодарив Совет за оказанную ему высокую честь, отвечал твердым голосом:

«Пусть тело мое, лишенное погребения и брошенное в пустынном месте, сделается добычей вонючих шакалов и ястребов с желтыми ногами, пусть во время пребывания на земле тысячи тысяч поколений людей душа моя пребудет в образе нечистых животных, пусть имя мое проклинается на всех собраниях Духов Вод, как имя клятвопреступника и изменника, если я скажу кому-нибудь и даже своей тени то, что я увижу и услышу сегодня ночью».

— Духи Вод слышали твою клятву, — сказал брахматма. — Ты знаешь, какая ужасная смерть ждет тебя, если ты изменишь?

Это мрачное общество не сразу предавало смерти изменников; их подвергали, смотря по степени виновности, целому ряду пыток, из которых многие были поистине ужасны. Падиял невольно вздрогнул при мысли о страшных пытках, которые он заслужил уже целым рядом своих изменнических поступков; но он ступил на путь, откуда уже не было возврата; решение его было непоколебимо и, чтобы избежать участи, которая рано или поздно должна была его постигнуть, ему необходимо было при первом же удобном случае выдать англичанам брахматму и Совет Семи.

Он давно уже сделал бы это, будь это в его власти; но он вынужден был ждать посвящения в члены первой степени, ибо как простой субедар не мог знать ни места, ни времени собраний. Когда его призывали, чтобы дать ему какое-нибудь приказание, он являлся только перед членом-администратором своей провинции, который окружал себя такими же предосторожностями, какие приняты были и сегодня, когда падиала вели на собрание. Не зная, когда его позовут, он не мог предупредить англичан, и дай он им даже возможность арестовать одного из Совета Семи, это нисколько не изменило бы его положения. Чтобы раз и навсегда обеспечить свою безопасность, ему необходимо было поразить одним ударом весь Тайный Совет и брахматму. Одного этого было достаточно, чтобы уничтожить все общество, которое не могло бы восстановиться вновь; предатель, следовательно, оставался бы безнаказанным.

Купив услуги падиала обещанием самой высокой награды, директор полиции, полковник Джеймс Уотсон сделал сильный ход; он с самого начала стремился к уничтожению общества Духов Вод, существование которого было ему известно. Вице-король и падиал знали, какую важную роль играло это общество во время восстаний, и мечтой сэра Джона Лоуренса было: добиться успеха там, где терпели неудачу все его предшественники, то есть уничтожить это неуловимое общество, всегда стоявшее на пути британского владычества в Индии. Это побудило полковника подкупить одного из самых низких членов общества и терпеливо ждать, пока предатель достигнет степени жемедара, которая разрешала присутствовать на собраниях Тайного Совета. Тогда, узнав от падиала место и час, когда назначено собрание, легко было завладеть не только Советом Семи и брахматмой, но почти всеми посвященными первой степени; это привело бы к полному крушению общества, которое в течение пяти веков заставляло трепетать всех властителей Индостана.

Лоуренс убаюкивал себя надеждой одновременно донести в Лондон не только о захвате Нана-Сахиба, но и об уничтожении общества Духов Вод. Надо сознаться, что заговор относительно последнего был задуман необыкновенно хитро и должен был неминуемо кончиться успехом, если бы только падиал продолжал вести дело со свойственной ему ловкостью.

Этот человек был слишком суеверен, чтобы не сдержать данной им клятвы; но наделенный в то же время весьма изворотливой совестью, которая сделала бы честь самым знаменитым казуистам, он сказал себе, что эта клятва обязывала его не оглашать только того, что он мог видеть и слышать в эту ночь;

впоследствии же он был совершенно свободен от данной клятвы и мог сдерживать обещание, данное англичанам.

Когда закончился прием падиала, брахматма дал слово администратору Декана, которому поручено было объяснить собранию причины его созыва и ознакомить его с важными решениями, принятыми тайным Комитетом Трех и одобренными Советом Семи и брахматмой.

— Братья и Духи Вод, вы, которые слышите нас! — начал администратор голосом, дребезжащим от старости, — мы, к несчастью, потерпели неудачу, сделав попытку изгнать чужеземцев из Страны Лотоса. Нет сомнения в том, что какой-то упущенный нами из виду поступок прогневил богов, ибо дав нам сначала победу, они покинули нас и дали нашим притеснителям возможность разбить достойных сынов Индостана. Что же случилось после того, как мы, не желая бесполезно проливать кровь, посоветовали прекратить повсюду сопротивление? Нарушив клятвенное обещание о прощении и забвении, англичане беспощадно избивают не только тех, кто сложил оружие, но и старцев, женщин, детей; не ограничившись такими зверствами в странах, восставших против них, они разорили огнем и залили кровью Бунделькханд и Мейвар, которые не поставили ни единого человека для армии Нана, а теперь хотят сделать то же самое и со всем Деканом. Мы знаем через наших тайных соглядатаев, что Джон Лоуренс собирается действовать с самой неумолимой строгостью; он хочет, по его словам, утопить в крови все мечты о свободе, произрастающие на почве Индии. Сотнями тысяч трупов усеяли англичане свой путь. Не лучше ли будет снова начать борьбу и умереть сражаясь? Раджи Майсура, Траванкора, Малайялама поняли теперь, какую они сделали ошибку, не присоединившись к своим северным братьям; они ждали слова Франции — слова, которого та не произнесла; за свою нерешительность они заплатились теперь своими тронами, ибо вице-король, который через несколько часов прибудет в Биджапур, приказал им явиться к нему без объяснений, и мы знаем из достоверных источников, что они не вернутся обратно в свои государства. Если бы они послушались наших советов, Индия теперь торжествовала бы победу. Но, быть может, не все еще потеряно: случилось великое событие, которое, как мы надеемся, изменит ход вещей, и мы приветствуем его как предвестника нашего освобождения. Великий друг индусов, герой нашей войны за свободу — тот, которого народ зовет Срахданой или Сердаром, вернувшись в свою страну, добился отмены постыдного приговора, некогда вынесенного ему, и чтобы вознаградить его

за несчастья, причиненные ему судебной ошибкой, его назначили губернатором Французской Индии!

Безумные крики восторга встретили эти слова администратора Декана, и вслед за этим со всех сторон послышались крики: «Война! Война! Смерть англичанам!».

Когда снова восстановилась тишина, член Совета Семи продолжал:

— Нет сомнения, что тот, кто менее года тому назад хотел заменить собой губернатора Пондишери, чтобы поднять весь Декан и доставить генералов и офицеров для южной армии вместе с французским гарнизоном этого города, не мог изменить своих чувства по отношению к нам. Если он занял пост, которым хотел завладеть раньше, то лишь для того, чтобы служить нашему делу. Мы решили поэтому по приезде нового губернатора начать общее восстание в Декане. Три раджи с Юга уже готовы и подадут сигнал, расстреляв резидентов, которых Англия держит возле каждого из них и которые постепенно отняли у них все вплоть до последнего призрака власти.

Они могут доставить пятьсот тысяч пехоты, не считая добровольцев, которые сбегутся со всех сторон. Север, несмотря на ужасное поражение и расправу победителей, возьмется за оружие одновременно с нами; вожди просят, чтобы Нана-Сахиб снова стал во главе их, и мы не сомневаемся, что последний потомок Аурангзеба с радостью воспользуется случаем оплатить за поражение. Мы еще не предупреждали его об этом, потому что его убежище окружено шпионами и мы опасаемся, слишком рано отправив ему посла, открыть врагам тайну пещер Нухурмура или побудить Нана к какой-нибудь неосторожности от нетерпения начать действовать, когда он получит от нас известие.

Граф де Монморен, как зовут теперь нашего друга, уже выехал, чтобы занять назначенный ему пост, но в Пондишери он прибудет не раньше чем через двадцать дней. Раджи, несмотря на официальный приказ вице-короля явиться к нему, попытаются выиграть время, чтобы подготовить восстание к приезду французского губернатора. Вот краткое обращение ко всем народам Индии, которое будет распространено во всех деревнях, не исключая даже самых маленьких поселений:

Во имя божественной Триады, которая совмещается в Брахме, бессмертном творце всех вещей. Во имя Магомета, его божественного Пророка, ибо Аллах в Брахме, как Брахма в Аллахе, вселенная знает только одного единого Бога, Истинного Бога!

Мы, Три и Семь, говорящие от имени Духов Вод!

Мы, Нана-Сахиб, принц Пенджаба и Бенгалии!

И мы, раджи Майсура, Траванкора и Малайялама, соединились для защиты Саптасиндхавы, страны семи рек (Индии).

Приказываем всем индусам, без различия происхождения и религии, забыть свои ссоры и взяться за оружие для защиты земли своих предков.

Да будет сие исполнено немедленно!

Народы Севера и Юга, вперед за веру и отечество!

Слова эти, трогательные по своей простоте, возбудили общее волнение в собрании, и пятьсот человек крикнули в один голос:

— Вперед за веру и отечество!

— Вернувшись в свои провинции, — продолжал оратор, — вы обязаны приготовить народ к этому великому делу. Вы соберете всех субедаров своего округа и объявите им нашу волю.

Что касается нас, Трех и Семи, а также верховного вождя, брахматмы, то мы остаемся в Биджапуре, который до великого дня будет центром действия; сюда вы должны будете доставлять нам все сведения.

Остается сообщить вам еще одно важное решение, принятое нами. Джон Лоуренс, которого мы предупреждали уже три раза, чтобы он прекратил свои гнусные зверства против женщин, детей и людей совершенно невиновных, не принял этого в расчет и словно решил удвоить свою жестокость. Мера терпения нашего переполнилась. Желая дать другим пример, мы решили сначала потребовать его к тайному трибуналу, чтобы он или защитил себя, или выслушал свой приговор. Ввиду высокого положения, занимаемого им, мы нашли необходимым отступить от правила, требующего, чтобы подсудимые были судимы после наведения долгих и тщательных справок. Наказание этого человека, занимающего почти королевское положение, докажет всем, что никто не может избежать нашего правосудия. Я сказал, — закончил администратор Декана, — и да хранят нас Духи Вод!

— Брат Хамед, — начал тогда брахматма, — вот поручение, которое мы хотим тебе доверить: ты отправишься в Велур, у подошвы гор Малабарского берега; там сын нашего брата Анандраена, присутствующего здесь, проведет тебя до Нухурмура, где скрывается Нана-Сахиб. Ты сообщишь принцу о событиях, которые готовятся, и передашь ему наше пожелание, чтобы он присоединился к нам как можно раньше и был готов к важным событиям; затем ты доставишь его сюда вместе с его товарищами, стараясь действовать так, чтобы англичане не захватили вас врасплох. Мы не скрываем от тебя всех трудностей этого дела: ты вынужден будешь избегать хоженных тропинок, днем прятаться, а ночью пролагать себе путь через джунгли по бесконечным болотам и непроходимым лесам. Но так как ты хорошо знаком со

страной, мы уверены, что ты успешно исполнишь это поручение и доставишь нам Нана-Сахиба здоровым и невредимым. В Биджапуре он найдет такое же надежное жилище, как и в Нухурмуре. Когда ты вернешься, мы посвятим тебя в первую степень в награду за твою преданность.

— Я согласен, брахматма! — отвечал падиал. — Я выполню дело, которое ты мне доверяешь, и думаю, что выполню его с успехом. Прежде чем занять после смерти отца место ночного сторожа в Биджапуре, я двадцать лет ходил вдоль и поперек по джунглям, заготавливая корицу и отыскивая следы, и мне знакомы все уголки этих джунглей.

Негодяй не чувствовал под собой ног от радости; Нана-Сахиб, которого никто не мог найти, будет в полной зависимости от него! Само общество Духов Вод предавало принца ему в руки. Он не знал еще, что вице-король также хотел поручить ему это опасное предприятие; зато он знал, что все усилия, прилагаемые до сих пор, чтобы завладеть вождем восстания, кончились неудачей, и предатель дал себе слово увеличить свои требования ввиду важности услуги, которую он мог оказать англичанам.

В каждом уезде находится туземец — сборщик налогов, известный под названием *серестада*; это самый высокий пост, которого может достигнуть индус, и многие добиваются его, так как он дает возможность обогатиться в весьма короткое время. На него назначаются только люди высокой касты, что еще более поднимает их значение в глазах местных жителей. Дислад-Хамед согласился быть шпионом притеснителей своей страны только с тем условием, что ему дадут место сборщика по окончании восстания. Когда он требовал исполнения этого условия, ему не давали формального отказа, но отвечали, что еще нуждаются в его услугах или же что нет вакантного места. На самом же деле его обманывали: ни один из податных инспекторов провинции не соглашался брать к себе на службу человека низкой касты, к которому относились с таким же презрением, как и к падиалу. Негодяй, которого сгубило его чрезмерное честолюбие, вынужден был по-прежнему играть свою гнусную роль; он так опозорил себя, что достаточно было одного слова со стороны агента высшей полиции, чтобы сограждане изрубили его.

«Ладно! Я возьму теперь свое, — закончил он свои размышления, — на этот раз они должны будут дать мне это место, и не в каком-нибудь уезде, а в самом Биджапуре».

Голос брахматмы неприятно вывел его из задумчивости и отвлек от сладостных мечтаний о богатстве.

III

Изменник — Приговорен к трем пыткам. — Брахматма. — Зловещие предчувствия. — Смерть обвинителя. — Комитет Трех и Совет Семи. — Дворец Омра. — Свидание в Башне Мертвых — Обморок.

ОЛЬКО ЧТО ВЫБРАЛИ ДЕПУТАЦИЮ ИЗ пяти человек, во главе которой находился Анандраен, близкий друг Сердара; эта депутация должна была отправиться в Пондишери, чтобы встретить нового губернатора при высадке на берег и для виду передать ему приветствие трех провинций Декана, но на самом деле предупредить его о решениях, принятых обществом Духов Вод. Передав депутации все необходимые инструкции, брахматма снова обратился к собранию:

— Братья, прежде чем расстаться, я должен исполнить еще одну грустную обязанность. Мы получили достоверное известие, могу сказать — доказательство, что среди нас есть изменник...

— Назови его! Назови! — крикнули сразу сто голосов. — Мы хотим сейчас же совершить над ним правосудие!

Падиал побледнел, и смущение, овладевшее им, выдало бы его присутствующим, если бы все взоры не были с жадностью устремлены на верховного вождя в ожидании, что сейчас с губ его сорвется имя изменника.

— К счастью, он не принадлежит к сословию жемедаров, — продолжал брахматма, — одновременно с известием об этом мы получили также и перечень всех его злодеяний. Это простой субедар, но лицо, которое знает его имя и имеет письменные доказательства его измены, соглашается выдать его не иначе, как за плату в целое озеро рупий — двадцать пять тысяч франков. Несмотря на то, что Совет Семи имеет полное право распоряжаться, не давая отчета, всеми богатствами общества, мы все же сочли нужным узнать ваше мнение прежде чем согласиться на выдачу такой большой суммы. Предложение это сделал нам один из агентов европейской полиции в Калькутте, которому случайно попала записная книжка директора полиции; там он нашел имя изменника и число жертв, казненных по его доносу, — их свыше тысячи пятисот человек!..

Ропот гнева и ужаса пробежал по всему собранию. Со всех сторон послышались многократные крики: Мщение! Мщение! Смерть клятвопреступнику! Да погибнет он! Подвергнуть его трем пыткам — водой, железом и огнем!..

— Хорошо, — продолжал брахматма, — через несколько минут мы узнаем имя негодяя, который решился изменить своим братьям, отечеству и богам...

При этих словах Дислад-Хамед, чувствуя, что сейчас потеряет сознание, вынужден был прислониться к одной из колонн зала, позади которой и спрятался... Но тут же понял, что малейшая неосторожность может привлечь к нему внимание всего собрания; сделав усилие над собой, он с необыкновенным присутствием духа принялся кричать вместе с другими: «Мщение, мщение!». Затем, чтобы придать себе беспечный вид, сел на корточки, как и все присутствующие.

Брахматма продолжал:

— Этот англичанин, который совершенно случайно вступил в контакт с одним из членов Тайного Совета, принадлежит к чинам личной охраны вице-короля и был послан в Биджапур по случаю приезда сюда сэра Лоуренса, чтобы заранее удостовериться в состоянии умов здешнего населения и подготовить, если возможно, манифестацию в честь своего господина. Он остановился в *белатти-бенгалоу* (караван-сарай для путешественников), где и ждет нас; нам достаточно привести его сюда, соблюдая необходимые предосторожности, и мы узнаем, кого должны наказать с примерной строгостью... Каково бы ни было общественное положение виновного и положение его семьи, он умрет после трех родов пыток, а тело его, лишенное погребения, будет брошено в джунгли на съедение нечистым животным!

Эти слова, сказанные суровым голосом, произвели на присутствующих глубокое впечатление. Чтобы понять всю важность этого приговора, павшего на человека еще неизвестного, надо знать, что индусы смотрят на такой приговор как на самое ужасное, что может постигнуть человека на земле, ввиду последствий его в будущей жизни. Религиозные верования их говорят, что для всякого существа, лишенного погребения, беспощадно закрываются после смерти врата Сварги; оно попадает в разряд вампиров и вынуждено в течение многих веков блуждать в пустынных местах и питаться мертвечиной. Отголосок этих индоазиатских традиций проник и в Германию и Галлию, где в средние века лишение погребения сопровождало всякий приговор к смертной казни, несмотря на то, что смысл этого наказания, имевший важное значение в древности, окончательно потерялся в христианском мире.

Индусы и до сих пор верят, что результатом такого наказания является лишение после смерти человеческого образа, поэтому самый несчастный из них не задумается над тем, чтобы

отказаться от богатства и счастливой жизни, если они связаны с лишением погребальных церемоний на могиле.

Дислад-Хамед чувствовал, что он погиб; охваченный невыразимым ужасом, он напрасно придумывал способ, как избежать ожидавшей его участи; ум, парализованный страхом, изобретал лишь самые безумные планы... Он думал сначала бежать — но как пройти через окружающую толпу, не возбудив ничего подозрения? Он находился у самого подножия возвышения, где заседал Совет Семи, почти касаясь крайнего из его членов, который с самого начала смотрел на него из-за маски с неприятным упорством, — так ему по крайней мере казалось; предатель был слишком на виду и не мог надеяться, что ему удастся проскользнуть, не будучи замеченным, к единственной двери в глубине огромного зала, куда его провели с такими предосторожностями. Да если бы это и удалось ему, все же было безумием думать, что ему позволят переступить порог этой двери без пароля, известного только посвященным первой степени.

Все эти мысли быстро промелькнули у него в голове, и он, несмотря на волнение, душившее его, спокойно отвернулся слегка в сторону, чтобы уклониться от упорного взгляда, который, казалось, был все время обращен на него. Вдруг он услышал легкий, едва уловимый шепот:

— Ни жеста, ни слова, чтобы не возбудить подозрение, иначе ты погиб.

Это предупреждение, предназначенное для успокоения несчастного, произвело совсем противоположное действие. Видя, что среди собрания есть лицо, — быть может, член Совета, все время путавший его своим взглядом, — которое знало его тайну, падиал испытал такой страх, что, не думая об опасности, вскочил на ноги, собираясь бежать. Но чья-то рука моментально опустилась ему на плечо и принудила его сесть на корточки. Он не противился, ибо в ту же минуту у него с быстротой молнии мелькнула мысль о важности совета, преподанного ему таинственным голосом.

Туземец, принудивший его сесть, принадлежал к числу факиров — индийских фанатиков, которым вековые предрассудки разрешают жить вне всяких религиозных и гражданских законов. Долгие годы поста, умерщвление плоти и благочестивые упражнения поставили их на такую ступень святости, что какую бы человеческую слабость они ни проявили, она не налагает на них пятна. Они могут совершить даже преступление и не отвечают за него перед другими людьми, которые не имеют права выражать ни малейшего осуждения их поведению. Отсюда понятно почему брахманы и раджи старались всеми силами, чтобы такое

отношение укоренилось среди людей: они сделали этих факиров исполнителями своей воли, своих капризов, своей мести, заставляя их делать все, чего не могли или не смели делать сами из боязни потерять свой престиж. Они всегда держали у себя на жалованье несколько факиров, слепо повиновавшихся им, как французские сеньоры и мелкие принцы средних веков держали при себе бравы и кондотьеров. Но так как в Индии всегда и ко всему примешивается таинственное, то факиры изучали тайные науки и показывали перед народом самые необыкновенные фокусы, пользуясь силой магнетизма, доведенной до совершенства продолжительными упражнениями в уединении.

Кроме факиров, обязанных исполнять приговоры тайного трибунала Комитета Трех, каждый из Совета Семи и брахматма имели собственного, лично им служившего факира. Тот, вмешательство которого помешало падиалу совершить большую неосторожность, звался Утами. Этот факир служил одному из Совета Семи и по едва заметному знаку своего господина пришел так кстати на помощь негодяю, который едва сам не выдал себя мщению Духов Вод.

Какие же побуждения заставляли это таинственное лицо откладывать час правосудия? Мы увидим это из последующих событий. Факир Утами и член Совета Семи, которому он служил, играют весьма важную роль в этой истории. Эпизод, едва не ставший роковым для падиала, длился не более двух секунд, а потому среди общего волнения никто его не заметил.

В ту минуту, когда брахматма, исполняя желание присутствующих, называл четырех лиц, которые должны были отправиться в белатти-бенгалу и принести англичанина в паланкине, Дислад-Хамед снова услышал таинственный голос, шептавший ему на ухо:

— Спокойствие, падиал, я спасу тебя.

Ночной сторож снова почувствовал невольное содрогание, но на этот раз сдержал себя. Он решил, что незнакомое ему лицо пришло ему на помощь для того, чтобы затем защитить его от неизбежной опасности, которая угрожает ему после сообщений англичанина. Вооружившись поэтому мужеством в надежде, что таинственный союзник будет подле него в критический момент, он продолжал слушать, не высказывая волновавших его чувств.

— Сегодня вечером, — продолжал голос, — между одиннадцатью и двенадцатью у подножия Башни Мертвых ты узнаешь, чего я хочу от тебя.

Голос этот, как ни странно, исходил, казалось, не из человеческой гортани... Он был глух и доносился откуда-то издалека, как пение, которое на уединенных песчаных берегах доносится

к вам откуда-то ветром, или как звуки, которые поднимаются из долины в сумерки и происхождения которых слух ваш не может понять.

В высшей степени заинтригованный необычным происшествием, падиал бросил быстрый взгляд на сидевших наверху... Член Совета Семи, упорный взгляд которого произвел на него в самом начале такое неприятное впечатление, говорил с брахматмой на каком-то непонятном ему языке; падиал заключил из этого, что, вероятно, не это лицо обратилось к нему только что со странными словами... Каково же было его удивление, когда он обернулся в другую сторону и увидел, что сосед его, факир Утами, куда-то исчез.

По окончании официальных сообщений и в ожидании прибытия англичанина все присутствующие разделились на группы, и каждый по-своему объяснял случившееся; присмотревшись к ним внимательно, падиал убедился, что факира нет между ними. Очевидно, Утами вышел из зала. Дислад-Хамед был так взволнован, что не заметил, как факир по знаку, данному членом Совета, осторожно проскользнул к выходу незадолго до ухода четырех послов, которым поручено было доставить англичанина, потребовавшего такую дорогую цену за свой донос.

Увидев, что факир Утами вдруг исчез куда-то, предатель с ужасом пришел к заключению, что факир посмеялся над ним, и, пробудив в душе его искру надежды, был настолько жесток, что предоставил его собственной судьбе.

Эти размышления, смутно толпившиеся у него в голове, довели его волнение до крайней степени... В эту минуту снова, как отдаленное эхо, послышался тот же странный, глухой голос:

— Не бойся ничего, — говорил он, — ты спасен до вечера... Не вздумай только уклоняться от свидания, которое я тебе назначаю; мщение мое будет ужасно!

Не успел голос договорить этих слов, как четыре посла, отправленные брахматмой, опрометью вбежали в зал, причем один из них держал в руке окровавленный кинжал; все четверо находились в невероятном возбуждении. Тревога охватила всех присутствующих, но никто не осмеливался говорить раньше верховного вождя:

— Что с вами?.. Что случилось?.. Где англичанин? — поспешил спросить брахматма.

— В ту минуту, когда мы подошли к белатти-бенгалу, — начал предводитель маленького отряда, — мы услышали громкий крик... Мы бросились вперед и вошли в комнату, занятую англичанином, в ту минуту, когда какой-то человек выпрыгнул

из окна и скрылся среди соседних развалин. Мы подошли к англичанину: кровь его текла ручьем из раны в сердце; он был мертв. Мы вынули кинжал из раны, и каково же было наше удивление, когда мы узнали в нем Кинжал Правосудия Духов Вод.

— Ты говоришь правду? — спросил брахматма.

— Вот он.

Верховный вождь осмотрел оружие, на одной стороне которого оказались вырезанными следующие священные слова: «Во имя славного, могущественного и справедливого», а на другой — кабалистический знак тайного трибунала.

Это был действительно Кинжал Правосудия Духов Вод.

Брахматма тотчас же понял, что здесь была какая-то тайна, которую не следует разьяснять при всем собрании, не рискуя затронуть достоинство Совета Семи в лице по крайней мере одного из его членов, а потому с необыкновенным присутствием духа воскликнул, увидев кинжал:

— Братья! Трибунал Трех произнес свой приговор. Нам остается лишь преклониться перед неопровержимым доказательством невинности нашего брата, несправедливо обвиненного английским шпионом. К счастью, англичанин получил наказание за свои преступления раньше, чем мы по его наущению совершили непоправимую несправедливость. Воздадим же должное предусмотрительности Трех и возблагодарим Шиву, давшего им свою бессмертную мудрость.

Глубокое молчание царило среди присутствующих; уважение, к которому примешивался ужас, внушаемый этим знаменитым трибуналом, члены которого были неизвестны даже брахматме, было таково, что самое ничтожное одобрение считалось уже как бы посягательством на достоинство и беспристрастие его решений.

Мы уже говорили, что тайный трибунал выбирался из Совета Семи, но выборы эти происходили таким образом, что не только брахматма, но даже Совет, взятый во всем своем составе, не знал, из кого он состоял. Трибунал действовал постоянно, но каждый месяц один из его членов, раньше других выбранный, заменялся по жребию новым; ежемесячная сессия таким образом никогда не бывала в одном и том же составе. Поэтому понятно, что при постоянной смене членов и абсолютной тайне, хранимой под страхом смертной казни как выходящими из состава членами, так и вновь избранными, никто не мог проникнуть в тайну этой организации.

Объяснение брахматмы было принято всем собранием с благоговейным почтением, и никому не пришло даже в голову сомне-

ваться в нем. Что касается падиала, то парализованный странностью целого ряда событий, которых он не понимал и которые спасли ему жизнь, он ждал с нетерпением конца собрания, чтобы без помехи предаться переполнявшей его радости. В первый момент он понял только одно: враг его умер и не в состоянии донести на него; равнодушный ко всему, что происходило вокруг него, он не видел, как факир Утами занял свое место во время волнения, произведенного известием о смерти английского полицейского, не заметил также и знака, которым тот обменялся с членом Совета Семи, игравшим, очевидно, первую роль во всем этом таинственном происшествии.

Успокоившись до некоторой степени во время речи брахматмы, он увидел вдруг факира, который стоял у колонны неподвижно, как сфинкс, устремив созерцательный взор вперед и машинально перебирая четки из янтаря и красного дерева. Он едва не вскрикнул от удивления, но, к счастью, сдержал себя; удивление его еще более возросло, когда он увидел, как этот странный человек поднял на него взор и медленно поднес к губам палец, как бы призывая его к осторожности.

Это движение в сочетании со всем, что падиал перед этим видел и слышал, сразу объяснило ему, чья рука нанесла удар Кинжалом Правосудия. Но в то время, как общее положение его дела прояснилось, мысли его все больше и больше путались. После бесчисленных случаев измены, в которых он был виноват перед обществом Духов Вод, он никак не мог убедить себя в том, что один из членов этого общества не остановился перед преступлением, чтобы спасти его. Даже брахматма, торжественно обещавший примерное наказание изменнику, примкнул в самую последнюю минуту к его неизвестным защитникам.

Все было до того таинственно и непонятно в этом приключении, что Дислад-Хамед почувствовал, как странный ужас снова охватывает его, и он спрашивал себя, чего, собственно, хотят от него эти люди, которые ни перед чем не останавливались, чтобы извлечь его от участи, сто раз уже им заслуженной.

Охваченный беспокойством, которое усиливалось еще невозможностью дать логическое объяснение всему, что случилось с ним в эту памятную ночь, падиал положительно не видел и не слышал того, что происходило кругом. Из этого состояния его вывели крики восторга, которыми собрание приветствовало слова брахматмы, приглашавшего всех через двадцать дней для нового совещания. После этого все стали расходиться, покаявшись в том, что посвятят свою жизнь защите священной земли Индии.

— Идите, — сказал брахматма жемедарам в знак прощального приветствия — идите и несите священный огонь в провинции, и пусть ни один человек, который в силах держать в руках оружие, не дрогнет в тот великий день, когда мы призовем его!

— Вперед за отечество и веру! Смерть англичанам! — отвечали ему.

Два человека, проводившие сюда падиала, уже находились подле него, чтобы вести его обратно.

— Да поможет тебе Шива, брат Хамед, — сказал ему верховный вождь. — Будь перед восходом солнца на пути к Малабарскому берегу. Передай принцу о результатах нашего совещания, а также о предстоящих великих событиях и в особенности посоветуй ему быть осторожным. Все погибнет, если англичане схватят его... Салам! Да устранят добрые духи все препятствия с твоего пути!

Это краткое напутствие и тон, которым оно было произнесено, повергли падиала в такое удивление, что он еле-еле пролепетал несколько слов о своей преданности... Машинально последовал он за своими проводниками, мучимый самыми противоречивыми предположениями: неужели брахматма ничего не знал, и его внезапное вмешательство явилось только следствием того, что он увидел Кинжал Правосудия, который открыл ему участие тайного трибунала в этом таинственном деле?..

Не в первый раз уже это ужасное судилище, перед которым все преклонялись, действовало против своего фиктивного вождя; последний всегда подчинялся, как дож Венеции подчинялся когда-то Совету Десяти; но ему никогда не приходилось объяснять перед всем собранием этого противоречия между волей Совета и волей брахматмы.

Нужна была весьма важная причина, значение которой выяснилось только в последнюю минуту, чтобы Совет решился поступить таким образом, тем более что брахматма не в первый уже раз вел переговоры с английским полицейским по распоряжению тайного трибунала. Было также вполне очевидно, что по крайней мере один из членов этого трибунала знал имя изменника, за открытие которого так дорого должен был заплатить Тайный Совет. Но удивительнее всего было то, что один из членов Совета, а быть может и весь тайный трибунал не только спас изменника от заслуженного им наказания, но подтвердил через брахматму миссию, которую решено было ему поручить в тот момент, когда его недостойное поведение не было еще известно.

Дислад-Хамед прекрасно понимал, что целый ряд таких непонятных поступков не был игрой случая; он слишком хорошо знал утонченные способы, которыми Духи Вод подготавливали

иногда свою месть, а потому не мог быть спокоен, пока находился в их власти.

Колеблясь весь вечер между страхом и надеждой и не допуская даже мысли, что ему могут вернуть свободу, негодяй ждал каждую минуту, что под ногами его развернется зияющая пропасть, ибо измена — такое преступление, которого тайное общество никогда не прощало, так как что она подвергала опасности каждого из его членов... Он старался, однако, сдержаться, и хотя уже едва не лишился своей жизни, у него все еще оставался слабый проблеск надежды.

В то время как проводники вели его через огромный зал, опустевший как бы по мановению волшебного жезла, они приблизились больше, чем следовало, к одному из окон. И хотя они тотчас же схватили падиала за руку и оттащили его назад, он все же успел взглянуть туда. Этого было ему достаточно, чтобы увидеть Башню Мертвых, черный силуэт которой виднелся в нескольких шагах отсюда. Развалины Биджапура так хорошо были ему знакомы, что он сразу сориентировался и не мог удержаться, чтобы не прошептать с удивлением:

— Дворец Омра!

Итак, свет и тень, замеченные им с гопарама пагоды, двигавшейся взад и вперед в верхних этажах древнего здания, — а следовательно, и вековая легенда о призраках предков, посещающих дворец, объяснялись самым естественным образом... Духи Вод нашли способ управлять гранитными подъемными мостами, которые закрывали разные этажи, и с незапамятных времен устраивали там свои торжественные заседания.

Чтобы не возбуждать ничьих подозрений, они не трогали те части дворца, которые оставались доступными после смерти последнего властителя династии Омра и располагались на первом этаже, роскошно меблированном англичанами на случай приезда сюда их губернаторов. Это было тем легче исполнить, что на каждом этаже, как мы уже объясняли, имелся на одной из сторон семиугольника отдельный и совершенно независимый от других вход.

Падиалу некогда, впрочем, было предаваться размышлениям по случаю неожиданного открытия; он подошел уже к двери, за которую не имел права выходить с лицом, не покрытым маской. Проводники надели ее ему на голову и, удостоверившись в том, что он ничего не видит, схватили его за руки и предложили идти одним шагом с ними.

За дверью все произошло так же, как раньше: падиал вошел в паланкин, а через несколько минут вышел из него и снова вынужден был принять руки своих проводников, которые после

целого ряда поворотов, бесполезных на этот раз, вернули ему свободу возле большой пагоды Биджапура, откуда все трое ушли два часа тому назад. В ту же минуту сын Дислад-Хамеда возвестил селению, что они могут спокойно продолжать свой сон, не опасаясь, что кто-нибудь нарушит его.

Служба ночного сторожа кончилась; минут через тридцать должно было взойти солнце.

Во время перехода, который на обратном пути был совершен с необыкновенной быстротой, сердце Дислад-Хамеда билось так сильно, что у него несколько раз захватывало дыхание и он едва не упал в обморок. В течение двух часов он вынес столько душевных мук, сколько может доставить человеку ощущение, что жизнь его висит на волоске, готовом оборваться каждую минуту.

Он не считал себя спасенным, даже когда проводники сняли с него непроницаемый капюшон; до этой минуты он чувствовал, что надежды его растут параллельно с его страхами, но затем, не будучи в состоянии поверить своему освобождению, он решил, что его проводникам поручено заколоть его кинжалом, а тело бросить в один из многочисленных колодцев, которые находились среди развалин и служили жителям во времена славы Биджапура.

Сняв с него капюшон, один из проводников поспешно шепнул на ухо слышанные им еще раньше слова:

— Сегодня вечером у Башни Мертвых... Горе тебе, если ты не явишься!

Освобожденный наконец падиал огляделся кругом... Трудно представить себе темноту ночей Индии в последний час перед рассветом; падиал поэтому еле различал белые силуэты двух незнакомых ему проводников, бесшумно исчезающих в тени апельсиновой рощи. Впереди него высилась черная масса древней пагоды Шивы... Он узнал, где находится: проводники привели его прямо к дому.

Только теперь почувствовал он себя спасенным!.. Реакция была так сильна, что он не в состоянии был ее вынести; кровь прилила ему к голове, что-то черное спустилось ему на глаза, ноги подкосились... Он упал у подошвы индийского фикуса, под тенью которого часто сидел во время дневного зноя, и остался без движения.

Падиал потерял сознание.

IV

Общество Духов Вод — Факиры-фанатики. — Тайный трибунал и брахматма. — Оживленные прения. — Смертельное оскорбление. — Факир Утсара. — Убийство. — Побег. — Спрятанные в колодце. — Избавление.

ОСЛЕ УХОДА ЖЕМЕДАРОВ, ИЛИ ПОСВЯЩЕННЫХ первой степени общества Духов Вод, в большом зале дворца Омра остались только семь замаскированных людей и с ними брахматма.

Никогда еще тайное общество, как мы уже заметили, не было организовано на таких иностранных началах. Основанное семь или восемь веков тому назад, во время нашествия мусульман, с целью оказывать им сопротивление и защищать индусов от пришельцев, оно внушало ужас монгольским князьям, разделившим между собой всю страну, и сдерживало до нельзя их безграничный деспотизм.

Никогда факиры, которых это общество воспитывало для исполнения своих решений, не отказывались от данных им поручений. Вооруженные Кинжалом Правосудия, они убивали осужденных навабов в то время, когда те сидели на тронах, окруженные своей стражей, а затем улыбались во время самых ужасных пыток, которые не могли вырвать у них ни одного слова признания.

Сначала раджи создали союз с целью уничтожить это могущественное общество; но они натолкнулись на удивительно стройную организацию, и все их усилия привели лишь к тому, что против них самих были приняты весьма решительные меры. Нужно знать особенности натуры восточных народов, всегда готовых ко всевозможным интригам и заговорам, чтобы учредить подобное общество.

Общество Духов Вод имело предводителя, брахматму, известного всем, действующего при дневном свете и грозящего раджам даже в их собственных дворцах, а между тем ни один из князей не смел наложить на него своей руки. Он находился под покровительством трибунала Трех, приговоры которого наводили на всех ужас, ибо не было такой власти в мире, которая могла бы помешать их исполнению.

Комитет Трех управлял самим обществом и администрацией одной из пяти провинций. Второе место после него занимал Совет Четырех, заведующий администрацией других провинций.

Затем следовали жемедары, или посвященные первой степени, субедары, или посвященные второй степени, и, наконец, сир-

кары, простые члены-единомышленники. Все это были индусы, которые уже с шестнадцати лет спешили получить листок лотоса в знак присоединения их к обществу.

Такова была по своему составу эта удивительная организация, которую никто из правителей, даже англичане, не мог никогда уничтожить. Последняя попытка относится к великому восстанию сипаев, и исторически достоверен тот факт, что сэр Джон Лоуренс, который был губернатором во время этого восстания, поплатился жизнью за такую попытку. Мрачные события, которые вызвали и подготовили это памятное убийство, привели Англию в страшное уныние и принудили ее покончить с гнусной политикой репрессий, о которых мы теперь рассказываем.

Чтобы уничтожить это общество, которое представляло настоящее национальное правительство, действующее бок о бок с правительством победителей, мусульманские навабы первое время поражали видимого вождя, и многие брахматмы поплатились жизнью за смелое предупреждение и угрозы князьям. Однако последние вскоре вынуждены были прекратить попытки такого рода, ибо за всякого казненного брахматму Комитет Трех немедленно приговаривал к смерти раджу, отдавшего приказание о смертной казни, а также всю его семью, — и в течение последующих за приговором девяти дней Кинжал Правосудия совершал свое дело...

Тогда навабы пытались уничтожить таинственный трибунал, но все их попытки разбились о чудесную организацию.

Добраться до Комитета Трех не было никакой возможности, ибо не только сам брахматма не знал их, но даже великий Совет Семи, состоящий из Трех и Четырех, сам не знал, кто были три члена Тайного Совета. Каждый месяц все члены Комитета Трех бросали жребий, кто из четырех должен занять место в тайном трибунале, а выходящий член трибунала заменял собой управлявшего перед этим провинцией. Выборы делались за месяц вперед, чтобы дать обоим членам время подготовиться к перемене своих занятий. «Три», как и «Семь», заседали всегда в масках на всех торжественных собраниях, вне которых они не поддерживали между собой никаких сношений, а потому никакие доносы не были возможны при подобной организации.

Каждый администратор находился под непосредственным началом Комитета Трех и все распоряжения получал от них. Брахматма был, таким образом, конституционным монархом, лишенным самодержавной власти; он исполнял роль посредника между тайным Комитетом Трех и членами всех трех категорий: посвященными двух первых степеней и единомышленниками. Он

также передавал царствующим государям и их сановникам три предостережения, предшествующих окончательному приговору.

После целого ряда попыток, кончавшихся смертью их виновников, навабы, видя, что не в состоянии уничтожить это общество, решили мало-помалу подчиниться предупреждениям, которые они получали от брахматмы, передававшего их с большими предосторожностями: в один прекрасный вечер они находили запечатанное письмо с гербом общества — Кинжалом Правосудия — в своем кабинете или же получали его под видом петиции от какого-нибудь нищего. Престиж их таким образом не падал в глазах их подданных, и они могли повиноваться, никому не внушая мысли, что делают это из страха.

Не может быть никакого сомнения в том, что кротость, с какой мусульманские князья управляли подданными индусами, была следствием всего вышесказанного. Общество Духов Вод до сих пор еще представляет собой единственную силу, внушающую страх и обуздывающую лихоимство английских чиновников, губернаторов и вице-короля.

Три члена тайного трибунала никогда не расставались. В каждой провинции они имели свою собственную резиденцию вроде Биджапура, куда допускались по заранее условленному паролю только посвященные первой степени и где в известное время и только раз в год назначались общие собрания членов общества.

Что касается их частного жилья, то оно представляло собой роскошный дворец, где в течение столетий собирались сокровища Индии, Китая и Японии, а также добровольные приношения местного населения. Стоимость этих сокровищ, состоящих из слитков золота и серебра и драгоценных камней, достигала, вероятно, баснословной величины, но никто не знал общей их суммы. Место, где находился этот дворец, было известно только Семи, которые по очереди входили в состав тайного трибунала, и в течение веков ни одно из следовавших друг за другом правительств не могло найти его, несмотря на самые тщательные поиски.

Причины, по которым брахматма не имел права знать этого таинственного убежища Трех, весьма понятны. Достаточно было его изменить, чтобы захватить этих лиц, а вслед за ними и других членов Совета Семи, что неминуемо привело бы к уничтожению всего общества, которое осталось бы таким образом без традиций, без организации, без вождей. Какова бы ни была осторожность при выборе видимого вождя, всегда можно было ожидать, что его подкупят; в течение прошлых столетий это, надо полагать, случалось не раз.

Связь и переписка между Комитетом Трех и брахматмой, жившим в Биджапуре, осуществлялась при посредстве факиров, которые, как мы увидим дальше, проявляли чудеса смелости и ловкости. Утами, Варуна и Рами, служащие исключительно тайному трибуналу, пользовались в этом отношении большой известностью. Такова была организация общества, с которым нам необходимо хорошенько познакомиться, прежде чем продолжать этот рассказ, где оно играет столь важную роль.

Все было здесь предусмотрено с такой поразительной заботливостью, что не было никакой возможности добраться до тайного Комитета Трех, в котором заключалась вся сила общества. Несмотря на многочисленные неудачи своих предшественников сэр Джон Лоуренс не побоялся, однако, завязать борьбу, ради которой на карту ставилась его жизнь, — это было ему хорошо известно. Захватить Нана-Сахиба и уничтожить общество Духов Вод — такова была смелая цель, которой он хотел добиться; путешествие в Биджапур указывало на то, что он хотел взять в свои руки ведение всего этого дела и был, по-видимому, уверен в успехе.

План подкупить одного из низших чинов общества и терпеливо ждать, пока он дойдет до первой степени посвящения и сможет предать сразу Совет Семи и брахматму, был задуман весьма ловко. Тем не менее мы теперь же должны сказать, что здесь невозможно было добиться успеха, ибо такой оборот дела давно уже был предусмотрен обществом и все необходимые меры были приняты заранее.

Накануне того дня, когда Комитет Трех собирался покинуть свое тайное убежище, чтобы отправиться на заседание, которое оно ежегодно устраивало, он выбирал между самыми старыми посвященными первой степени четырех администраторов для провинции, трех членов тайного трибунала и брахматму. Документ об их назначении и необходимые инструкции, запечатанные печатью общества, передавались факирам, которым вменялось в обязанность отнести их к заместителям и передать им немедленно после ареста действительных чинов. Результатом такого распоряжения, неизвестного Джону Лоуренсу, было то, что общество Духов Вод покоилось на несокрушимом основании: самые ловкие ухищрения не могли разрушить его. Весьма возможно, что на этот раз ему не пришлось даже прибегать к такому способу, так как только что произошедшие на наших глазах события достаточно показали, что тайному трибуналу были известны планы вице-короля и директора полиции, Джеймса Уотсона, а также измена Дислад-Хамеда.

Однако, одно обстоятельство не было выяснено на собрании, и мы разделяем удивление ночного сторожа Биджапура при виде того, что тайный Комитет Трех не остановился в последнюю минуту даже перед убийством, чтобы спасти человека, который готовился предать общество. Не следует ли заключить из этого, что настоящее имя изменника стало известно лишь в тот момент, когда вмешательство комитета оказалось почему-то необходимым, и свою месть он отложил, чтобы сделать ее еще более ужасной? Или он руководствовался совсем другими и несравненно более важными мотивами?.. Мы это скоро узнаем, без сомнения, ибо семь замаскированных членов, оставшихся в зале вместе с брахматмой после ухода жемедаров, не замедлят заняться рассмотрением этого важного вопроса.

Когда последний из присутствовавших покинул зал дворца Омра, факиры, состоящие в распоряжении Совета Семи и брахматмы, тотчас же стали на страже у единственной двери, чтобы ничто не помешало тайному совещанию.

Движение и шум толпы сменились тишиной и благоговейным молчанием. Неподвижно сидящие вокруг стола, за которым они заседали, и окруженные волнами белой кисеи, эти «Семь» походили своими очертаниями при тусклом свете лампы на тех смутных призраков, которыми воображение народа населяло древний дворец Омра.

Арджуна — так звали брахматму — ходил взволнованный взад и вперед мимо «Семи», взоры которых были со странным вниманием обращены на него: чувствовалось, что между вождем общества Духов Вод и семью членами Тайного Совета ощущается какое-то недовольство, готовое разразиться каждую минуту. Случай с падиалом неминуемо должен был вызвать его. Не зная важность событий, о которых Комитет Трех узнал только к концу заседания и которые были главной причиной его внезапного вмешательства, брахматма решился протестовать против вынужденной роли, сыгранной им сегодня вечером. С другой стороны, тайный трибунал не терпел никакого посягательства на свой престиж и не хотел никому объяснять свое поведение, которое никто не смел контролировать. Странно только, что он сам не объяснил положение дел, которое не было никакого смысла скрывать от брахматмы; весьма возможно, что причиной этого было вызывающее поведение последнего, неоднократно пытавшегося присвоить себе права Тайного Совета. Это заставило трибунал дать ему строгий урок, который должен был напомнить, чтобы он не переходил границ своих обязанностей. Уже одно присутствие его в зале, когда «Семь» не приглашали его остаться, было нарушением этикета; он никогда и ни при каких обстоя-

тельстввах не имел права присутствовать на совещании, и тот факт, что «Семь» остались в зале, указывал ему на необходимость удалиться вместе с жемедарами. Упорное стремление его остаться на собрании служило доказательством его желания вступить в борьбу с тайным трибуналом.

Арджуна воображал, что его спросят о причине его присутствия; это, конечно, облегчило бы ему начало спора, ибо ему было небезызвестно, что говорить в присутствии «Трех» без их разрешения запрещается. Однако Арджуна ошибся в своем ожидании; члены Тайного Совета отвечали полным молчанием на этот вызов с его стороны.

Но брахматма задумал опасную игру и после нескольких минут колебания решился первым нарушить молчание. Подойдя к столу, он по принятому обычаю отвесил, три поклона перед молчаливой группой.

— Высокие и могущественные вельможи, — начал он с видимым волнением, — простите, что я прерываю ваши мудрые размышления, но часы проходят быстро, скоро начнется день, и обязанности, лежащие на мне, заставят меня покинуть вас.

— Надо думать, сын мой — сказал самый старший из «Трех», — у тебя есть какая-нибудь важная причина, раз ты осмелился попать ногами самую священную твою обязанность — подчинение нашим правилам. Мы слушаем тебя, уверенные, что должны будем простить тебе это нарушение... Но почему голос твой дрожит, когда ты говоришь?

Председательское место Совета Семи принадлежало по праву тому, кто был раньше всех избран в члены тайного трибунала. Вот почему его называли Старшим-Из-Трех; он носил также титул Адитьи, или сына Адити, т.е. земли. Второй получал имя Двины, т.е. второго, а последний — Пейи, или младшего сына. Каждый член тайного трибунала проходил во время исполнения своих служебных обязанностей все три степени по очереди и исполнял обязанности, связанные с ними. Пейя передавал приказания, декреты и инструкции брахматме и факирам. Двина управлял пятой провинцией, а именно Биджалпуром, и руководил администраторами остальных четырех. Адитья председательствовал в Комитете Трех и Совете Семи, когда они собирались.

— Да! — продолжал Старший-Из-Трех, — мы желаем знать причины твоей тревоги.

— Я буду говорить, о Адитья, — отвечал Арджуна, — и, изволнованный твоим разрешением, открою сердце свое Трем и Семи и объясню им причины своей грусти.

— Пусть истина без страха выльется из твоей души; если слова твои верны, ты получишь удовлетворение.

— Возведенный вами в достоинство брахматмы, чтобы передавать вашу волю народам и королям, я всегда старался исполнять ваши предписания во славу общества и ради торжества правосудия, и вы всегда выражали мне свое удовлетворение. Почему же, высокие и могущественные вельможи и высокочтимые отцы, потерял я сегодня ваше доверие?.. Вот почему я нарушил установленное правило и не ждал вашего зова, чтобы излить перед вами свое горе.

— Объяснись лучше, о Арджуна: никто из нас не понял твоей мысли.

— Не по вашему ли приказанию, о светила истины, осквернился я прикосновением к нечистому *белати* — иностранцу, который предложил открыть нам измену одного из наших?

— Ты говоришь правду.

— Когда я сказал вам о цене, которую он требовал за оказанную им будто бы услугу, не вы ли решили, что предложение это должно быть принято и виновный будет наказан в присутствии всех жемедаров?

— Совершенно верно, Арджуна!

— Почему же, о Адитья, скрыли вы от меня ваши настоящие намерения? Почему же, если донос его был ложный, вы допустили, чтобы я обвинил одного из наших, и наказали клеветника помимо меня, как бы опасаясь, что я спасу его? Так ли поступили бы вы, не потеряй я, по неизвестным мне причинам, вашего доверия?

— Ты произнес слова, полные горечи, о Арджуна, забыв при этом, что решение Трех не подлежит твоему суждению... К чему было бы скрывать от тебя наши имена и наши лица и не позволять тебе присутствовать на совещаниях, если мы обязаны сообщать тебе о наших действиях и объявлять причины наших решений? Нас трое, а не четверо, нас семь, а не восемь, Арджуна, и помни, если ты дорожишь жизнью, что есть тайны, которые убивают. Та, в которой ты упрекаешь нас, принадлежит к числу таких... Достаточно и того, что ты заметил ее! Брахматма не голова, это — рука, которая повинуется, так же не сознавая того, что она делает, как дождь не сознает, почему он падает, гром — почему он гремит, ветер — почему он волнует море... В своей гордости ты дошел мало-помалу до того, что вообразил себя настоящим вождем общества Духов Вод, тогда как ты старший слуга его... Я скажу больше — раб! Благодарю Шиву, что он разрешил тебе задавать вопросы Старшему-Из-Трех и ты остался жив! Я сказал. Убирайся! Вон отсюда, собака!

Затем Адитья прибавил с мрачным видом:

— Еще один брахматма, который нуждается в покое!

Брахматма никогда не получали увольнения, они отдыхали только в могиле. Слова эти были сказаны Старшим-Из-Трех, чтобы оскорбить гордость Арджуны; брахматмы знали слишком много тайн общества, чтобы им позволяли вернуться к частной жизни. Последние слова Адитьи были ударом хлыста для брахматмы, и он страшно побледнел. Несмотря на это, он три раза преклонился перед тем, кто нанес смертельное оскорбление его тщеславию, и вышел, бросив на него украдкой взгляд, который ясно показывал, что этот человек не остановится теперь перед самой жестокой мстью.

Опустив за собой тяжелую кашемировую портьеру, закрывавшую вход в зал заседания, он прошептал еле слышно, ибо даже стены этого странного здания могли услышать его слова:

— О! Я докажу тебе, что гром иногда может сам выбирать голову, которую он хочет поразить!

И с горящим от волнения лицом, обуреваемый невыразимым гневом, он бросился вон из дворца Омра. Арджуна повернул уже к развалинам, собираясь идти к себе домой, когда заметил, что его факир, Утсара, не следует за ним. Он остановился и громко свистнул... Спустя несколько минут шум и треск кустарников показал ему, что его услышали:

— Это ты, Утсара? — спросил он.

— Да, господин! — отвечал факир.

Этот факир всегда служил Арджуне. С тех пор как брахматма лет пять тому назад получил свой титул, малопочетный для человека честолюбивого, он сам избрал себе этого факира среди послушников, которых общество держало в «аргхаре» Тривандерма. Этот человек, с которым он всегда хорошо обращался, любил его и был ему безгранично предан, а так как он самым бесспорным образом доказал это во многих весьма важных ситуациях, то Арджуна, забыв всякую осторожность под влиянием только что полученного им смертельного оскорбления, решил открыть ему задуманный им план мести.

— Утсара, — спросил брахматма, — могу я рассчитывать на твою преданность?

— До самой смерти, господин, — отвечал последний.

— Даже если бы я захотел отомстить врагу, который уже довольно долго осыпает меня оскорблениями и унижает?

— Скажи слово, господин, и завтра же этого человека не будет.

— Кто бы он ни был?

— Будь это даже Старший-Из-Трех, — отвечал факир.

Он произнес эти слова так тихо, что они как легкий шорох дошли до брахматмы; тем не менее последний невольно оглянулся.

— Тише! — сказал он. — Есть имена, которые никогда не должны срывать с твоего языка... Если тебя слышали... Видишь ты едва заметный беловатый свет, окаймляющий горизонт на востоке? Это предвестник дня... Ну так знай: мы не увидим восхода солнца...

— Знаю, господин!.. Каждый куст вокруг дворца...

Он не закончил своей фразы и, схватив кинжал, одним прыжком очутился в чаще кустов, росших в нескольких шагах оттуда.

Пронзительный крик огласил воздух... Послышалось падение тела на землю, в ту же минуту Арджуна услышал Утсара, говорившего ему вполголоса:

— Скорее, за мной! Негодяй успел крикнуть... Через десять-двадцать минут все сбегутся сюда.

Брахматма поспешно повиновался: Утсара с телом своей жертвы на спине бежал так легко впереди него, словно не нес на себе никакой тяжести. Он делал множество поворотов, стараясь запутать свои следы, и с необыкновенной быстротой находил дорогу среди множества развалин, через которые его спутник не смог бы пройти даже днем.

Вдруг Арджуна услышал шум тела, падающего в воду. Утсара, не замедляя шагов, бросил труп, от которого нужно было во что бы то ни стало избавиться, в один из бесчисленных колодцев древнего Биджапура.

— А теперь, — сказал он, ускоряя свой бег, — слушай: они бегут по нашим следам.

Крик факира, — тот, кого Утсара поразил кинжалом, был тоже факир, — поднял тревогу среди его товарищей, находившихся по соседству; все они бросились по следам беглецов. Это было нетрудно, так как последние уже мало думали о том, чтобы заглушить свои шаги... Факир брахматмы, все время внимательно прислушивавшийся, вскоре понял по раздававшимся кругом восклицаниям, что они окружены со всех сторон и неминуемо должны попасть в руки преследователей. Он остановился.

— Круг сжимается, — сказал он брахматме, — через три минуты они будут здесь... Надо спрятаться...

— Куда?

— О! — отвечал факир, ударяя себя по лбу. — Почему я не подумал об этом раньше!.. Еще одно усилие, и мы, быть может, добежим...

Они молча продолжали бежать по направлению к могиле Адил-шаха, под оглушительные крики преследователей, которые указывали друг другу направление, выбранное беглецами... Они не пробежали и пятидесяти шагов, как Утсара остановился.

— Скорее! — сказал он своему господину, — садись ко мне на плечи, крепко держись за мою шею руками... и не мешай мне...

Спрашивать было некогда, преследователи приближались... Брахматма повиновался. Утсара, наделенный геркулесовой силой, вскочил на край колодца, находившийся на высоте двадцать дюймов от земли, и, придерживаясь за выступы стен, исчез среди ползучих растений и лиан; последние росли из расщелин камней в таком изобилии, что плотно сомкнулись над головами беглецов, скрывая внутренность колодца. Факир остановился, наклонившись и упершись головой в стену, чтобы ни малейший шум не выдал их убежища. Он обнаружил широкий каменный выступ, какие устраивают в колодцах на известном расстоянии друг от друга для облегчения работ. Брахматма сел на него, крепко держась за растения.

В ту же минуту послышались поспешные шаги, приближавшиеся со всех сторон; к ним примешивались голоса преследователей, которые расспрашивали друг друга. Для беглецов наступила минута сильнейшей тревоги; их ждала неминуемая гибель, попади только их колодец в зону поисков, которая все более и более сужалась. Факиры, разыскивая следы, должны были прийти к заключению, что нужно самым тщательным образом осмотреть все предметы: невозможно было допустить, чтобы колодцы ускользнули от их внимания.

Они, конечно, не посмели бы поднять руку на брахматму, но кто мог помешать им донести обо всем Комитету Трех, а ввиду вражды Арджуны с трибуналом ему нечего было ждать снисхождения: он должен был приготовиться к участи своего предшественника, заживо замурованного в Башне Мертвых.

Уже многие брахматмы кончили свою жизнь таким насильственным образом. Пост этот могли занимать только люди вполне почтенные, но рабство, в котором их держал Комитет Трех, ревниво охранявший свою власть, представляло такой контраст с роскошью их дворцов, многочисленной свитой и атрибутами могущества, окружавшими их, что они редко удерживались от искушения посягнуть на власть тайного комитета. Эти попытки были их смертным приговором: в один прекрасный день они исчезали бесследно, убитые кинжалом их собственного факира, который был всегда преданным орудием комитета. Утсара был редким исключением, и его давно отправили бы на другую служ-

бу, если бы только комитет подозревал, как беспредельна преданность его своему господину.

Тяжкие опасения, сжимавшие сердца двух беглецов, продолжалось недолго. Преследователи двинулись дальше, не замедляя своих шагов; беглецы скоро услышали их голоса, кричавшие вокруг могилы Адил-шаха, — огромного здания, которое занимало около мили в окружности и содержало в себе так много подвалов и подземелий, что брахматме и его спутнику легко было бы скрыться там от всяких преследований.

— Они рассчитывают, что мы в мавзолее Наваба, господин, — сказал Утсара. — Воспользуемся еще несколькими минутами темноты, чтобы уйти отсюда, скоро будет поздно...

— Ты думаешь, нас отыщут здесь?

— Факиры думают, вероятно, что это ложная тревога, поднятая одним из шпионов английской полиции: ведь мне удалось скрыть труп. Но днем следы крови и отсутствие одного из их товарищей откроет им истину, и тогда они обыщут все колодцы... Нам тогда не убежать. Но я не об этой опасности хотел говорить с тобой.

— Что же еще случилось?

— Ты ничего не чувствуешь особенного, господин, с тех пор, как мы здесь?

— От трав, окружающих нас, исходит какой-то неприятный запах.

— И ты не знаешь, чему приписать его?

— Нет...

— Мы находимся над убежищем змей; они любят заброшенные колодцы, на дне которых находится приятные для них сырая и тенистая земля.

— Змеи! — воскликнул Арджуна, вздрогнув всем телом. — Малейший укус этих животных влечет за собой верную смерть... Что если они нападут на нас?

— Пока ночь, мы ничем не рискуем: эти животные не видят в темноте, но при первых лучах солнца они нападут на нас, а никто не знает, сколько их здесь. В заброшенных колодцах бывает много галерей, вырытых крысами; галереи выходят на землю в разных направлениях и в них встречаются сотни, тысячи змей, которые легко поднимаются по неровным стенам, наполовину разрушенным.

В эту минуту, как бы спеша подтвердить слова факира, под ногами беглецов послышался пронзительный свист.

— Скорее! — крикнул Утсара. — Ужасные животные проснулись от звука наших голосов... Иди первый, я поддержу тебя...

Один ложный шаг — и мы упадем на них... Мы раздавим несколько штук, но их еще достаточно останется на нашу долю...

— Тише! — приказал ему Арджуна, выглядывая поверх края колодца. — Слышишь шаги? Факиры возвращаются...

— Наклонись, высокая трава скроет тебя, — отвечал шепотом Утсара.

— Напротив, следуй за мной, — сказал ему брахматма, выскакивая из колодца. — Нам некого больше бояться.

Факир сначала подумал, что его господин, испуганный змеями, сам не знает, что делать; удивление его удвоилось, когда он повиновался и увидел вдруг, что тот совершенно спокойно и с улыбкой направляется к могиле великого властителя, высокий купол которой был уже освещен первыми лучами восходящего солнца.

Их преследователи возвращались обратно, не считая, вероятно, нужным продолжать дальнейшие поиски. И несчастный Утсара, отличавшийся простым и ограниченным умом, приготовился уже распрощаться с жизнью, не понимая ловкого маневра своего господина. Брахматма сначала бежал, видя невозможность объяснить убийство, совершенное его слугой; но теперь, когда труп исчез и следы их были потеряны, нечего было бояться... Кто осмелится обвинить верховного вождя в убийстве факира, служившего обществу? Это было одно из самых логичных рассуждений, сделанных Арджуной, и дальнейшее подтверждало, по-видимому, его предусмотрительность. Заметив своего начальника, высокочтимого брахматму, факиры все сразу пали ниц перед ним и три раза коснулись лбами земли.

— В чем дело, друзья мои, — спросил Арджуна, — что случилось? Я возвращался домой после заседания Тайного Совета, когда услышал крики и увидел, что все бросились к развалинам... Кого это вы преследовали?

Факиры рассказали ему, что они слышали крик о помощи, когда стояли на страже вокруг дворца Омра, но несмотря на самые тщательные поиски ничего не могли найти и заключили поэтому, что были жертвой шуток кого-нибудь из своих товарищей.

— Наверное, Утами сыграл с нами такую шутку, — сказал Варуна, — одного только его недостает между нами... Теперь он боится показаться нам.

Арджуна вздрогнул при этих словах. Утсара убил Утами, доверенного факира Старшего-Из-Трех!.. Президент тайного судилища перевернет вверх дном небо и землю, чтобы отыскать убийцу и отомстить ему!

— Идите скорее домой, — приказал факирам брахматма, желая прекратить неприятный разговор. — Вы знаете, что вице-король Индии приезжает сегодня во дворец Омра, а вы не должны попадаться на глаза ни одному англичанину.

Факиры снова преклонились перед своим главой и направились в сторону таинственного здания; дойдя до седьмой стороны семиугольника, они подали условный сигнал. Одна из гранитных плит в стене повернулась, как дверь, и надо рвом тотчас же опустился подъемный мост, по которому весь отряд двинулся к отверстию, ведущему к верхним этажам.

Брахматма удалился, довольный собой; за ним следовал Утсара, до сих пор еще не пришедший в себя от удивления. Верховный вождь Духов Вод был бы далеко не так спокоен, если бы знал, что факир Варуна заметил, уходя от него, несколько мелких капелек крови, осквернявших непорочную белизну его кашемировой туники.

V

Встреча падиала. — Показания изменника. — Нить найдена. — Декрет об уничтожении общества Духов Вод. — Переодевание. — Старый пандаром.

РОДОЛЖАЯ ИДТИ К СВОЕМУ ДВОРЦУ, — древняя столица Декана была всегда резиденцией брахматмы, — Арджуна придумывал самые мрачные планы мести, вспоминая разыгравшуюся ночью сцену с Старшим-Из-Трех. Он слишком хорошо знал освященные веками обычаи таинственного Совета, чтобы не понять значения презрительных слов: «Вон отсюда, собака!», которые были ничем иным, как кратким приговором к смерти; никакое соглашение не было больше возможно с людьми, нанесшими такое оскорбление.

— Дней через восемь, быть может, — говорил он себе, — Утсара получит приказание заколоть меня кинжалом, — если только не поручат сделать это кому-нибудь другому. С сегодняшнего дня я должен во всяком случае смотреть на себя как на человека, имеющего законное право принимать все меры для своей защиты.

Брахматма и факир подходили уже к концу необитаемой части развалин и приближались к старой пагоде, когда вдруг, проходя через рощу тамариндов, куда еле проникал дневной свет, Арджуна споткнулся о чье-то тело и едва не упал в высокую траву. Он наклонился, ожидая увидеть какого-нибудь бездомно-

го нищего, который спал под открытым небом, и вдруг вскрикнул от удивления:

— Дислад-Хамед, падиал!

— Не случилось ли с ним какого-нибудь несчастья? — сказал Утсара, подходя ближе.

— Он не ранен, — отвечал Арджуна, внимательно осмотрев падиала. — Странно! Совсем не слышно биения сердца, а между тем он дышит... Нельзя оставлять его умирать здесь без всякой помощи.

Роскошное жилище брахматмы находилось всего в нескольких шагах отсюда. Арджуна сделал знак факиру, который взвалил падиала себе на плечи, и оба направились в Джахара-Баут, или дворец Святых, — название, присвоенное жилищу брахматмы.

Отдавая приказ перенести к себе ночного сторожа Биджапура, Арджуна действовал под влиянием не только человеколюбия, но и какого-то инстинктивного любопытства; тайное чувство подсказывало ему, что здесь кроется что-то особенное и в высшей степени важное и интересное для него. Вместо того, чтобы войти через главный вход, охраняемый постоянно дюжиной сиркаров, он обошел сад, открыл маленькую дверь и провел Утсару с его ношей в свои частные апартаменты.

Падиала положили на кровать, и пока факир смачивал ему виски уксусом, Арджуна дал ему несколько капель укрепляющего средства, рецепт которого был известен только брахманам; прошло несколько минут, и негодяй очнулся от довольно продолжительного обморока. Он открыл глаза и, узнав брахматму, чуть снова не потерял сознания. Вид верховного вождя общества Духов Вод подтвердил его уверенность, что его спасли только для того, чтобы посмеяться над ним и затем подвергнуть ужаснейшим пыткам.

— Пощади! Пощади! — воскликнул он, складывая руки. — Клянусь служить вперед с верностью собаки.

— О! О! — подумал Арджуна, — что за преступление совершил он, чтобы так молить о пощаде? Будем осторожны, если хотим все узнать... Он, видимо, уверен, что мне известны все его злодеяния.

Затем он с необыкновенной проницательностью продолжал делать разные выводы, которые дали ему возможность угадать часть истины.

— Не меня просит он о пощаде, а брахматму, и, обещая верно служить мне, он в моем лице обращается также к обществу Духов Вод; а обещание, которое он дает на будущее, указывает на то, что он не был верен в прошлом. Так как я никогда не

пользовался услугами этого простого субедара, значит, он имел дело с Комитетом Трех.

Точно молния, радость осветила лицо Арджуны при мысли о том, что он, быть может, узнает сейчас важную тайну трибунала. Но для этого ему необходимо было сделать вид, что он все знает, и заставить падиала признаться во всем, что, по мнению последнего, уже известно брахматме. Одно только смущало его: если Комитет Трех знал виновность этого человека, как мог он не только отпустить его на свободу, но еще приказал брахматме доверить ему важное поручение относительно Нана-Сахиба? Он решил вести допрос с большой осторожностью.

— Видишь ли, — сказал он Дислад-Хамеду, который с невыразимой тревогой ждал его ответа, — я ничего лучшего не желал, как дать тебе пощаду, о которой ты просишь; но кто поручится мне, что ты снова не изменишь своему слову?

— Ты знаешь, о брахматма, что это невозможно теперь... Общество предупреждено, и при малейшем проступке с моей стороны наказание будет еще ужаснее.

— Но одного моего согласия мало, — продолжал Арджуна, — я могу действовать только с согласия Трех. А я получил очень строгие приказания и не смею противиться им.

— Увы! Что же ты сделаешь со мной? — воскликнул несчастный, который не мог понять, по какому стечению обстоятельств он очутился у брахматмы, и думал, что его арестовали по выходе из собрания. — Зачем было внушать мне надежду, чтобы потом разбить ее?

Арджуна молча покачал головой; он чувствовал, что малейшее неосторожно сказанное слово может показать падиалу, что тайна его еще не раскрыта.

— Сжался, господин! Сжался! Я презренный негодяй, я это знаю, но когда я понял, что мой обвинитель пал под ударом Кинжала Правосудия, мог ли я не подумать, что Комитет Трех хочет простить меня... А свидание, назначенное мне сегодня вечером у Башни Мертвых между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи?.. Неужели все это пустые хитрости?..

Услышав эти слова, сразу освещавшие положение вещей, Арджуна едва не вскрикнул от радости. Одаренный тонким умом, он сразу понял, какую выгоду мог извлечь из этого открытия.

Итак, изменник, имя которого хотел ему открыть англичанин, был Дислад-Хамед, и знаменитый трибунал, такой безжалостный и суровый, удалявший брахматму за малейшую ошибку, — этот трибунал не остановился перед убийством, чтобы спасти

изменника, по доносам которого англичане уничтожили более тысячи пятисот единомышленников общества!..

«Ага, мои милые, — подумал Арджуна, — на этот раз я поймал вас... Вы забыли, что в случае измены устав Духов Вод дает брахматме право призвать четырех членов Совета Семи и выдать им весь тайный трибунал... Но что я говорю? — остановил он себя сейчас же. — И наивен же я! Как будто Три и Четыре не составляют одно в Совете Семи... Нет, нет! Затронуть часть значит затронуть все... Таким путем мне не осуществить своей мести. Этих людей я должен предать общему суду жемедаров, и тогда увидим, имеет ли право Совет Семи спасти от нашего правосудия поставщика английских виселиц!»

Арджуна решил, что он близок к исполнению давно лелеемых им мечтаний: добиться реформы всего устава общества, доказав всем опасность, связанную с тайной и бесконтрольной властью, и уничтожить Комитет Трех и совет Семи, заменив его Советом из двенадцати сменяемых членов во главе с ним как с президентом этого Совета, которым он будет управлять по своему усмотрению. Власть будет тогда в его руках, а вместе с тем и все средства для проведения будущего восстания, которое навсегда освободит его родину, Индию, от гнусного ига Англии...

Надо только действовать быстро и с величайшей осторожностью, ибо ввиду положения, занимаемого им теперь по отношению к Совету Семи, достаточно малейшего подозрения, чтобы он присоединился к своему предшественнику в Башне Мертвых. Но прежде, чем начинать борьбу, необходимо быть в курсе всего дела и дальнейших планов своих врагов.

Падиал только и ждал, чтобы ему позволили говорить. Осторожно расспрашиваемый Арджуной, он рассказал все, что знал, между прочим и то, как во время собрания незнакомый голос обещал ему спасти его и приказал явиться на свидание вечером у Башни Мертвых, угрожая самой ужасной мстью, если он не сдержит своего слова.

Брахматма сразу понял, что вся разгадка дела кроется в этом: надо полагать, Старший-Из-Трех нуждался в очень большой услуге со стороны падиала, если приказал Утами убить англичанина; он не сомневался относительно роли, которую играл факир после его поспешного ухода из зала: от слуги он дошел до господина и увидел во всем этом руку президента Комитета Трех и Совета Семи, самого жестокого своего врага.

Необходимо было поэтому прежде всего узнать результат предстоящего разговора между членами Совета и падиалом; а до тех пор он не мог остановиться на каком бы то ни было плане. С этой целью он заставил ночного сторожа дать «страшную клят-

ву», что он передаст ему все, что произойдет во время этого свидания. Он потребовал от него под той же клятвой, чтобы он не открывал ни единой душе того, что решено между ними, и угрозил ему, — он заметил, что негодяй, как и все подлые люди, был трус, — в противном случае привязать его заживо возле гнезда красных муравьев, которые так мелки, что мучения несчастных, отданных им на съедение, длятся несколько дней.

Падиал, счастливый тем, что так дешево отделался, рассылался перед ним в уверениях безграничной преданности. Он так близко видел смерть, что решил воспользоваться первым благоприятным случаем и бежать в какую-нибудь отдаленную провинцию, где месть не в состоянии будет настичь его. Он понимал, что, служа англичанам и Духам Вод, он при такой двойной игре рано или поздно кончит веревкой или кинжалом. В ожидании же благоприятного случая к побегу он давал все обещания и клятвы, какие только от него требовали. Когда он вышел из дворца брахматмы, последний сказал Утсаре:

— Отправляйся за этим человеком и следи за ним, мне необходимо знать все, что он делает. Не забудь присутствовать сегодня вечером при разговоре со Старшим-Из-Трех. Свидание назначено среди развалин: постарайся же спрятаться поближе к ним, чтобы слышать все, что они будут говорить.

— Повеление твое будет исполнено, господин, — отвечал ему факир и поспешил по следам ночного сторожа.

Удалившись в комнату, служившую ему рабочим кабинетом, Арджуна долго думал о борьбе, которую он решил начать. Этот брахматма был человек выдающийся, и его способности равнялись его гордости. Чувство гордости появилось у него в результате осознания собственных достоинств, которые до сих пор настолько признавались всеми, что Совет Семи и даже тайный трибунал ничего не предпринимал не посоветовавшись с ним. Положение его изменилось всего несколько месяцев тому назад. Произошла странная, необъяснимая вещь: несмотря на ежемесячные выборы, изменявшие состав Комитета Трех и назначавшие нового президента, каждый новый член наследовал ту же ненависть и обращался к нему с тем же оскорбительным пренебрежением.

Устав, удалявший верховного вождя из заседаний Тайного Совета, в действительности никогда не применялся к нему; можно даже сказать, что он существовал лишь для того, чтобы Совет мог заседать без брахматмы в том случае, если последний будет заподозрен в измене. Эта исключительная мера никогда не применялась против Арджуны — и вот в один прекрасный день Старший-Из-Трех, воспользовавшись ежемесячными выборами,

уведомил его, что Совет Семи решил по-прежнему строго применять все правила устава, а потому с этого времени ему не только запрещается присутствовать на совещаниях Трех и Семи, но он кроме того не имеет права принимать сам никаких решений, так как Тайный Совет намерен принять на себя все решения и всякую ответственность за них.

С этого времени Арджуна очутился в роли простого исполнителя приказаний этих двух Советов, члены которого не вступали ни в какие личные отношения с ним, передавая ему свою волю через находившихся в их распоряжении факиров.

Сначала он думал, что в Совете Семи у него есть враг, которому удалось мало-помалу передать свою ненависть к нему всем остальным. Но этот Совет, который выбирался на трехлетие, возобновился в предыдущий месяц, — по крайней мере, он думал, что закон соблюдается точно, — а между тем поведение новых членов по отношению к нему было сколком с поведения прежних; мало того, они, по-видимому, усилили еще свое недоброжелательство, которое вылилось наконец в острую форму, вызвавшую разрыв, свидетелями которого мы были. Смутные подозрения зародились в душе его; эти подозрения еще более усилились после непонятной снисходительности Совета к падиалу.

В прошлом столетии все семь членов Совета, избираемые обычно на три года, установили по единодушному соглашению, чтобы власть оставалась за ними в течение пятнадцати лет. Устав этого Совета, требовавший, чтобы все решения его оставались втайне, способствовал тому, что Совет сам производил собственные выборы, облегчая таким образом подлог. Каждые три года они составляли протокол новых выборов и оставались на прежних местах, но под новыми именами. По неосторожности этот обман открыли во время одного из заседаний жемедаров, и все семеро были повешены.

Несмотря на такое примерное наказание, Арджуна подозревал, не происходит ли то же самое и в настоящее время; и чем больше он присматривался ко всему, что делалось в эти пять-шесть месяцев, тем больше согласовывалось это с его подозрением. Если же предположение такого рода было верно, то тайна, которой эти лица окружали себя, усиливая строгость устава и удаляя брахматму со своих собраний, объяснялась сама собой; было совершенно ясно, что узурпаторы не могли считать себя в безопасности, пока не возведут в сан верховного вождя брахматму по собственному выбору.

Арджуна не мог поверить в подобную дерзость. Но, став на этот путь, он решил идти по нему до конца, каковы бы ни были последствия начатой им борьбы. И чем больше он размышлял,

тем тверже становилось принятое им решение. Среди этих размышлений в голове его то и дело возникал вопрос о падиале Дислад-Хамеде. Зачем было спасать изменника, заслуживающего смертной казни, и убивать человека, принесшего доказательства его измены? Он инстинктивно чувствовал, что в этом собственно и кроется ключ ко всей тайне.

Во время, как он ломал себе над этим голову, строя гипотезы за гипотезами, на эспланаде, окружавшей его жилище, раздались вдруг звуки брахманской трубы. Правительство Индии не имело никаких официальных газет в провинции, а потому давало этим способом знать жителям каждого города и деревни о распоряжениях вице-короля и провинциальных губернаторов.

Сэр Джон Лоуренс приехал в Биджапур несколько часов тому назад, и Арджуна, уверенный в том, что это воззвание относится к прибытию генерала-губернатора, вышел на веранду, тянувшуюся с передней стороны дома, напротив сквера.

Спрятавшись позади соломенного мата, он слушал с большим вниманием и скоро понял всю важность этого документа, объявляемого во всеуслышание. Вице-король хотел ознаменовать свой приезд в Биджапур смелым ударом и объявлял войну обществу Духов Вод. Вот содержание указа, прочитанного *тотти* — общественным чтецом:

Всем жителям Бенгалии, Бихара, Бунделькханда, Мейвара, Пенджаба и Декана; всем людям, живущим по ту и по эту сторону Ганга, которые будут слушать здесь написанное, привет и благопожелание!

Мы, Уильям-Эдмунд-Джон Лоуренс, генерал-губернатор Индии, по воле нашей всемилостивейшей государыни Виктории, королевы Англии и Индии, и по данной ею нам власти решили и решаем следующее:

По согласию с нашим верховным совещательным советом ввиду постоянных смут, которые с незапамятных времен производит в этом государстве тайное общество Духов Вод, общество это считается и будет считаться упраздненным через три дня после обнаружения сего.

По прошествии этого срока всякий, считающий еще себя членом этого общества, будет призван на заседание военного суда, устроенного специально с этой целью, и судим по всей строгости законов.

А чтобы всем это было ведомо, обнаружение приказа будет повторяться в течение трех дней, следующих за нынешним...

Затем следовало чтение подписей вице-короля, а также чиновников министерства внутренних дел и полиции, обязанных наблюдать за исполнением этого указа.

По окончании чтения тотти громко протрубил несколько раз в трубу и продолжал свой путь, чтобы на некотором расстоянии повторить то же самое.

Индусы, собравшиеся вокруг тотти и выслушавшие его чтение, медленно разошлись по домам, не выражая ни одобрения, ни порицания и не делая никаких замечаний. Два полка артиллерии и один полк шотландцев сопровождали вице-короля; эти военные силы должны были дать понять жителям Биджапура, что в Декане начнутся обычные репрессии. Только сурово нахмуренные брови туземцев указывали на ненависть последних к своим притеснителям, но вместо того, чтобы предаваться бесполезным манифестациям, они с терпением, свойственным жителям Востока, ждали дня, назначенного для будущего восстания.

— О, о! — воскликнул Арджуна после нескольких минут размышления, — вот что важно и требует быстрого решения. Долг повелевает мне забыть собственные оскорбления и просить свидания у Совета Семи, чтобы совместно обсудить, как лучше действовать в подобном случае.

И не теряя ни минуты, он отправил посла, назначенного для исполнения тайных поручений, и указал ему, как проникнуть в дворец Омра, чтобы никто не заметил его. Посол вернулся через несколько минут и принес ответ на пальмовом листе:

Пусть брахматма не беспокоится: Тайный Совет бодрствует и уведомит его, когда наступит время действовать.

Та же система! Его решили держать в стороне от всех дел общества, даже в самых серьезных обстоятельствах, когда он с минуты на минуту мог поплатиться своей жизнью.

— Нет, тут настоящая измена, — прошептал он, — прекрасно, я буду действовать сам.

Вернувшись обратно в свои апартаменты, он открыл потайную дверь, скрытую за его кроватью, и вошел в комнату, заполненную множеством разных туземных костюмов, от простого костюма судьи до роскошного одеяния раджи.

Он быстро разделся, натер все тело ореховым маслом, чтобы придать коже коричневый цвет, надел на голову парик из длинных волос, заплетенных шнурочками, и вымазал лицо белыми и красными полосами. Надев затем вместо одежды пояс, составленный из трех полос бумажной материи, он накинул лангуту,

взял бамбуковую палку с семью узлами, длинные четки из зерен сандала и тыкву, превратившись таким образом в *пандарома*, то есть пилигрима, продающего множество мелких вещей, смоченных в священных водах Ганга. Выйдя через потайную дверь, он побежал по улице, громко восклицая:

— Шиваи! Шивайя! Аппа! Аппа! Вот, вот слуга Шивы, сын Шивы!

Потрясая затем четками, он прибавлял гнусавым голосом:

— Кто хочет, кто хочет зерен сандала, омоченных в священных водах Ганга?

И толпа теснилась вокруг него; одни из них покупали зерна четок, другие, еще более благочестивые, целовали следы ног пилигрима. Молодые матери приносили ему своих младенцев и просили его благословить их.

А он направлялся все дальше и дальше к дворцу Семи Этажей.

VI

Сэр Джон Лоуренс во дворце Омра. — Джеймс Уотсон и Эдуард Кемпбелл. — Рассказ начальника полиции. — Повешенный и воскресший Кишнаия. — Договор.

ОЧЬ СНОВА ОПУСТИЛА СВОЙ ПОКРОВ над древним городом, взбудораженным ненавистью, злобой и местью. Сэр Джон Лоуренс, который провел весь день в приемах, заявил по окончании обеда, что чувствует себя усталым; он отослал всех своих секретарей, адъютантов и посетителей и под предлогом отдыха прика-

зал строго-настрого никого не пускать к нему.

С ним остались только Уотсон — главный начальник полиции, и молодой офицер, говоривший на трех или четырех местных диалектах, — Эдуард Кемпбелл, сын полковника Кемпбелла, защитника Хардвар-Сикри, в настоящее время командир 4-го шотландского полка в Биджапуре. Молодой поручик был личным переводчиком губернатора во всех делах, которыми его милость занимался сам, без участия администрации и официальных переводчиков.

— Так как же, Уотсон, — спросил благородный лорд, — какое действие произвел наш декрет на туземное население.

— Мне кажется, сэр, эта мера должна была прежде всего ужаснуть его...

— Неужели вы сомневались, Уотсон?

— Я выражаюсь так, сэр, на том простом основании, что мы никогда не можем знать настоящих чувств индусов; касты, предрассудки, религия так разделяют нас с ними, что они нам гораздо более чужды, чем какой бы то ни было народ в мире, несмотря на то, что подвластны нам. Лукавые, хитрые, способные многие годы хранить тайны заговора, они искусно умеют скрывать свои чувства, и тем скорее нужно ждать взрыва, чем более спокойными

они кажутся. Я проехал весь Декан по вашему приказанию и ужаснулся при виде тишины, встреченной мной повсюду.

— Вы большой пессимист, Уотсон! Мы, напротив, убеждены, что нашего приезда в Биджапур и водворения военного суда достаточно, чтобы внушить им спасительный страх; наказав несколько безумных голов за преступный нейтралитет во время восстания на севере, мы надолго водворим спокойствие в этой стране.

— Да услышит вас Бог, сэр! Но вы знаете, что я всегда говорю с вами откровенно...

— Продолжайте, Уотсон! Мы потому и расположены так к вам.

— На вашем месте я ограничился бы лишь энергичным преследованием Нана-Сахиба. Он мусульманин и принадлежит к религии, нелюбимой индусами; это происхождение вождя восстания помешало всему Декану, то есть восьмидесяти с лишним миллионам людей, присоединиться к повстанцам Бенгалии; должно признаться, что только этому мы и обязаны своим торжеством. Продолжая травить Нана, который не всегда же будет ускользать от нас, — ибо мы имеем достоверные сведения, что он не покидал Индии, — было бы недурно отделить его от индусов, поклонников Брахмы, и отнять таким образом у последних всякий предлог к новому восстанию, результаты которого трудно предвидеть.

— У них нет ни вождей, ни оружия.

— Ошибаетесь, сэр! Они в избытке найдут все это в нужную минуту и, поверьте, на этот раз Север и Юг, Брахма и Пророк соединятся против нас. Удовольствовавшись эффектом, произведенным приездом военного суда и декретом об уничтожении общества Духов Вод, я оставил бы обе эти меры в виде угрозы, вечно висящей над головами индусов, не прибегая в данный момент ни к каким экзекуциям. Но зато я сделал бы все возможное и невозможное, чтобы захватить Нана. Поймав последнего, объявите полную амнистию; не принуждайте его затем унижаться перед вами, чтобы не унижить его перед своими подданными. Нанесите визит всем четырем раджам Юга. Осчастливленные вашим милосердием, они не пожелают больше восстать против вас, а, напротив, устроят в вашу честь царское пиршество, и мир водворится в Декане, а следовательно, и по всей Индии.

— Вы, быть может, правы, но не таково мнение уполномоченного министерства внутренних дел.

— Вполне естественно.

— Что вы хотите сказать?

— Ваше превосходительство будет вторым вице-королем, отозванным за то, что слушали его советы.

— Вы думаете, Уотсон?

— Разумеется!.. Нам он читает проповеди об энергичных репрессиях, а в своих тайных корреспонденциях в Лондон, которые он посылает членам парламента и кабинета, поддерживающих его, восхваляет, напротив, благодеяния политики прощения и умиротворения.

— Откуда вы это знаете?

— Это относится к моим служебным обязанностям, сэр!

— Что если он услышит вас! — сказал, улыбаясь, сэр Джон.

— Ваши уши, сэр, не его уши.

— Но какой ему интерес в этом? — спросил генерал-губернатор с видом полного, по-видимому, равнодушия.

— Эх, сэр! В индийских землях Британской империи есть только одна корона вице-короля.

— У вас злой язык, Уотсон, — отвечал сэр Лоуренс, закуривая сигару. — Не хотите ли?

— Если позволит ваше превосходительство...

— А вы, мадмуазель Кемпбелл? — продолжал, смеясь, вице-король.

Когда сэр Джон бывал в хорошем настроении духа, он всегда так называл своего адъютанта, свежее и розовое лицо которого невольно вызывало на эту шутку.

Эдуард покраснел при этом фамильярном обращении и смущенно ответил:

— Я не позволю себе курить в присутствии вашего превосходительства.

— Полно, Кемпбелл, — продолжал ласково вице-король, — один раз не в обычай, как говорят французы.

И он подал ему ящик с сигарами, а затем снова обратился к начальнику полиции:

— Я подумаю о том, что вы мне сказали, Уотсон!.. Я подумаю, будьте уверены!.. Но не буду больше посылать свои письма по почте, — прибавил он с лукавой улыбкой.

— О, сэр, — отвечал Уотсон с некоторым смущением.

— Исполняйте ваш долг, Уотсон!.. исполняйте ваш долг; мы читаем с удовольствием все сведения, которые вы присылаете нам утром...

— И которые известны только вам и мне, сэр!

— Кстати, Уотсон! Сегодня вечером, кажется, должен явиться знаменитый следопыт, который откроет убежище Нана-Сахиба?

— Да, сэр, он передал мне, что готов служить вашему превосходительству.

— Неужели вы думаете, что он преуспеет там, где погиб несчастный Кишнайя?

— Он, напротив, действовал весьма успешно, сэр! Вспомните последние депеши, полученные нами. Не попадись он так глупо, позволив повесить себя, когда овладел несколькими европейцами...

— В числе которых находился и я вместе с отцом и матерью, — прервал его молодой офицер.

— Ба! Я и не знал этого, — удивился вице-король.

— Он не знал, вероятно, какое положение в обществе занимают его пленники, — продолжал Уотсон, — а так как в награду за оказанные услуги мы разрешили ему тайно праздновать великую пуджу тхугов, то он нашел, что несравненно лучше будет предложить богине Кали кровь людей более высокого происхождения, чем первых встречаемых бродяг, пойманных в лесу.

— Расскажите мне всю эту историю, Уотсон, она очень интересует меня; всего девять часов, и мы имеем достаточно времени, чтобы поболтать за сигарой. Эти свободные часы досуга, когда я могу жить, как живут обыкновенные люди, и беседовать с друзьями, не обдумывая каждого слова, каждого поступка, бывают так редко...

— Участь всех властителей, сэр!

— К счастью, я буду им всего пять лет...

— Ваше правление может быть возобновлено, ваша милость!

— Не желаю, Уотсон! Мое самолюбие пострадает, разумеется, если меня отзовут отсюда до истечения срока, но верьте мне, мой друг, видеть вокруг себя пошлые лица, которые стараются проникнуть в ваши мысли, ваши намерения, дабы сообразовать с ними свои собственные поступки, — лица, которые всегда готовы на самые низкие поступки и с утра до вечера курят вам фимиам, а за спиной вашей строят козни, лгут, устраивают заговоры, надувают, — все это так грустно и дает вам в то же время такое жалкое представление о человечестве, что я решил по истечении пяти лет вернуться в свое родовое поместье в Шотландии и жить вдали от всех этих надрывающих душу мерзостей. А я еще временный властитель! Какое же зрелище должна представлять наследственная власть?... Ну, ваш рассказ, Уотсон! Каким образом сделались Кемпбеллы пленниками предводителя тхугов?

— Мне как начальнику полиции многое известно, сэр, а потому рассказ может быть длинным или коротким, смотря по вашему желанию.

— Пользуйтесь вашей сигарой, как хронометром, Уотсон... Курите ее спокойно, не торопясь... Затем пойдут серьезные дела, и мы примем вашего следопыта.

— Вы что-нибудь слышали о Сердаре?

— Как будто... Француз, кажется?

— Да, француз, бывший офицер при посольстве в Лондоне, который был лишен в своем отечестве чинов и орденов за то, что будто бы похитил секретные бумаги из английского адмиралтейства... Кстати! Газеты сообщают о восстановлении его имени; обвинение, взведенное на него, оказалось ложным, ибо он представил суду подлинное признание одного из воров, которое совершенно оправдало его.

— Ага! Их было несколько.

— Двое, сэр! Один из них сам себя обвинил в своей предсмертной исповеди, и ради его семьи военный совет умолчал об имени виноватого, который в настоящее время отдал уже отчет Верховному Судье.

— А второй?

— Второй, сэр, принадлежит, как я слышал, к самой высокой аристократии и заседает в палате лордов. Он не был упомянут в признании, подписанном его сообщником, а француз, которого зовут, кажется, граф Фредерик де Монмор-Монморен...

— Верно, — прервал его Эдуард.

— Вы знаете его? — удивился сэр Джон.

— Это мой дядя, — отвечал молодой человек.

— Вот как! Ваш рассказ, по-видимому, обещает быть очень интересным, но я не вижу, какое отношение имеет все это к Кишнаю, отъявленному негодяю и главарю тхугов.

— Вы спросили меня, каким образом могли Кемпбеллы сделаться пленником Кишнаи; я и начинаю поэтому с самого начала.

— Вы правы, не буду больше перебивать вас. Вам предстоит рассказывать целую сигару, вот и стройте на этом ваше повествование.

— Француз был настолько великодушен, что не назвал второго виновника, имя которого останется, вероятно, неизвестным. В вознаграждение за все перенесенные им страдания граф де Монморен назначен своим правительством на пост губернатора Французской Индии.

— Мой коллега, следовательно... И это, вы говорите, бывший Сердар... И дядя Кемпбелла?... Прекрасно! Однако я снова перебиваю вас, но все это так странно...

— Возвращаясь к Сердару. После предъявленного ему обвинения Фредерик де Монморен отправился в Индию, где совер-

шенно забытый своей семьей, в течение двадцати лет вел жизнь странствующего рыцаря и защитника угнетенных. Сестра его тем временем вышла замуж за Лайонела Кемпбелла, отца присутствующего здесь молодого Эдуарда. Когда разразилось восстание сипаев, Фредерик де Монморен, получивший благодаря своим подвигам прозвище Сердара, горячо принял к сердцу дело Нана-Сахиба и своей ловкостью и мужеством едва не способствовал отделению от нас Индии. В то время как в Европе вас считали уже погибшим, молодой Эдуард, которому тогда было лет двадцать, и его сестра Мэри поспешили в Индию, получив от лорда Ингрэма рекомендательное письмо на имя Сердара, чтобы просить его спасти их отца, находившегося в Хардвар-Сикри, осажденном войсками Наны-Сахиба. Встреча молодых людей, не знавших, что у них есть дядя в Индии, и Сердара, не знавшего, что у него есть племянники в Европе, была в высшей степени драматична... «Дядя! Племянник! Племянница!»

— Не шутите этим, сэр Уотсон! — грустно сказал ему Эдуард.

— Да и плакать незачем, мой молодой друг! Вы, впрочем, должны знать, как я вас люблю и далек от того, чтобы желать огорчить вас. Продолжаю. Сердар спас Лайонела Кемпбелла, который был тогда майором и комендантом Хардвара. Во время этой войны Сердар отправился на остров Цейлон с целью, вероятно, поднять там восстание, но был взят в плен губернатором острова, сэром Уильямом Брауном, благодаря чертовской ловкости Кишнаи, бывшего у него на службе. Приговоренный к смерти вместе со своими товарищами, Сердар бежал с места самой казни. В следующую за этим ночь Уильям Браун был тяжело ранен Фредериком де Монмореном, который был настолько смел, что проник во дворец своего врага. С этого момента между всеми этими лицами начинается настоящее состязание во всевозможных хитростях и засадах, о которых слишком долго рассказывать. Губернатор Цейлона так рьяно принялся за преследование Сердара и назначил такую высокую цену за его поимку, что я всегда думал, — мы люди полиции, по природе своей всегда несколько подозрительны, — что между этими двумя людьми существовали какие-то особые причины для ненависти, которая не могла явиться следствием одной только борьбы в Индии. Весьма возможно, что сэр Уильям был вторым сообщником в знаменитом деле о краже секретных планов, имя которого было скрыто Сердаром.

— О, сэр Уотсон! — воскликнул Эдуард Кемпбелл, — такое обвинение неблагородно. Простите, милорд, — продолжал он, отвечивая почтительный поклон вице-королю, — но дело идет о

честь моей семьи. Губернатор Цейлона женат на сестре моего отца.

— Успокойтесь, Эдуард! — ласково сказал ему сэр Джон. — Уотсон, вы зашли немного далеко.

— С вашего позволения, милорд, — продолжал молодой человек, — я попрошу сэра Уотсона взять обратно свое несколько опрометчивое обвинение.

— Ну же, Уотсон, не портите мне вечер.

— Если вам, угодно, милорд, — холодно отвечал начальник полиции, — предположим, что я ничего не сказал...

— Это не значит взять свое слово назад, — заметил Эдуард.

— Я сокращаю свой рассказ, — продолжал Уотсон, как бы не замечая слов молодого адъютанта. — Падение Дели и окончание восстания, подавленного Хейвлоком, не уменьшили озлобления противников, которым пришлось встретиться при совершенно других обстоятельствах. Нана-Сахиб, спасенный Сердаром, скрылся в убежище, давно уже, по-видимому, приготовленном для него стараниями общества Духов Вод, и с тех пор, как это уже известно вашей милости, он ускользнул от всех наших поисков. Кишнайя, взявшийся нам его доставить, нашел, я уверен, его убежище, когда желание отомстить Сердару, отыгравшись на его семье, внушило ему глупую мысль захватить Кемпбеллов, которые возвращались из Европы и ехали по Малабарскому берегу. Захваченный батальоном Четвертого шотландского полка, который явился на выручку своего полковника, Кишнайя был повешен вместе со своими товарищами. Вот и весь мой рассказ, милорд, а сигара моя еще не кончена... Я не растянул своего повествования, как видите.

— Напротив, Уотсон, вы с некоторого момента чересчур спешили закончить его.

— Последние факты почти известны вашей милости... Вы же дали Кишнаю поручение открыть убежище Нана-Сахиба...

— Это чрезвычайно ловкий и хитрый человек... Вы уверены, Уотсон, в том, что он повешен?

— Настолько, по крайней мере, насколько можно верить официальному донесению.

— Я могу подтвердить, сэр, что негодяй не избежал участи своих товарищей, хотя и был повешен последним. Я сам присутствовал при этом акте правосудия. Мы возвращались из Англии по окончании отпуска моего отца и отправились сопровождать мою мать, ехавшую на поиски брата, которого она не видела с самого детства.

— Почему же предводитель тхугов не обратился к офицеру, командовавшему отрядом? Он мог показать ему ордер, написанный моей рукой, и это спасло бы его.

— Сколько мне помнится, он о чем-то очень долго разговаривал с капитаном шотландского полка, и тем не менее его повесили.

— Это весьма неприятное дело для меня, господа! Я не хочу скрывать от вас, что несколько раз уже докладывал правительству королевы о неминуемой поимке Нана-Сахиба, и теперь риску быть отозванным обратно, если по прошествии этого месяца бывший вождь восстания не будет у меня в руках.

— Мы потому ничего не можем достигнуть, милорд, что нет ни одного индуса, способного открыть убежище, где скрывается Нана.

— Странно, Уотсон, очень странно! В Европе мы с несколькими фунтами стерлингов давно уже добрались бы до конца.

— Не тот народ, милорд! Вспоминаю, что еще за два года до восстания сипаев все знали о заговоре, кроме нас, и что среди населения в двести миллионов не нашлось ни одного изменника, чтобы предупредить нас! С тех пор, несмотря на все старания, я мог найти только двух человек, которые согласились служить нам против своего народа: Кишнаю, согласившегося на это по религиозным мотивам, — чтобы мы не мешали тхугам совершать их кровавые мистерии; — и Дислад-Хамеда, ночного сторожа Биджапура, которого я убедил, что он делает этим приятное Брахме, так как восстание задумано мусульманами.

— Не этого ли человека вы хотите представить мне, Уотсон?

— Да, милорд!

В то время как в одном углу огромного зала дворца Омра начальник полиции беседовал с вице-королем и Эдуардом, в другом, напротив того места, где находились все трое, слегка отодвинулась часть стены, пропуская какого-то человека, закутанного с ног до головы волнами белой кисеи, драпированной так же, как драпируют ее члены Комитета Трех. Стена бесшумно закрылась за незнакомцем, который стоял неподвижно и слушал.

— Так вот, — сказал сэр Джон, — вы можете распорядиться, Уотсон, чтобы его привели сюда, и дай Бог, чтобы он заменил нам бедного Кишнаю.

— Я сейчас распоряжусь, — отвечал директор полиции.

— Нет надобности, сэр Уотсон, — прервал его незнакомец и быстро придвинулся к месту, освещенному огнем.

Все вскрикнули от удивления и схватились за револьверы.

— Что это за человек?.. Откуда он? — вскрикнул вице-король.

— Откуда я? Это моя тайна, — отвечал призрак. — Кто я? Узнайте меня! — И с этими словами он откинул назад часть кисей, скрывавшей его лицо.

— Кишная!

Восклицание это вырвалось одновременно у всех троих.

— Да! Кишная повешенный, — отвечал предводитель тхугов, — Кишная воскресший к вашим услугам, милорд!

— Я так и знал, что он не даст повесить себя, — сказал вице-король, прежде других пришедший в себя от удивления.

— Простите меня, милорд, — отвечал, смеясь, мошенник, — я был повешен... повешен без долгих рассуждений, как говорится в приговорах вашего правосудия. Однако можно заставить себя повесить, а затем самому вылезти из петли — вот и все!

— Полно, не шути и объясни, в чем дело.

— Охотно, милорд... Когда нас взяли шотландцы, мне объявили, что мой титул предводителя тхугов дает мне право быть повешенным последним. Я спросил тогда разрешения поговорить с командиром и показал ему полученный мною ордер, который давал мне право требовать услуг этого офицера и всего его отряда, если найду нужным. У меня мелькнула было мысль воспользоваться этим, чтобы спасти своих товарищей, но солдаты были так раздражены, что я счел более благоразумным не подвергать их этому испытанию. «Ты свободен», — сказал мне командир после довольно продолжительного чтения моей бумаги. Затем он прибавил: «Не встречайся мне больше никогда на дороге, не то, даю тебе слово шотландца, я заставлю тебя вздернуть, несмотря на все твои бумаги». — Я тогда попросил его, если ему так уж хочется этого, повесить меня сейчас же и тем избавить себя от этого труда в будущем. Он решил, что я смеюсь над ним, а потому я, не желая, чтобы он слишком серьезно отнесся к моей просьбе, познакомил его с данным мне поручением и объяснил ему, что мне гораздо легче будет исполнить его, если распространится слух о моей смерти, так как Нана-Сахиб и его сторонники будут тогда менее осторожны; ведь из всех туземцев только я знаю его тайное убежище.

— Ты хочешь сказать, — прервал его Уотсон с презрением, — что ты один из всех туземцев согласился выдать их.

— Если хотите, господин, — отвечал наглец. — Офицер не очень охотно согласился на мою просьбу, но я все же добился желаемого результата, и меня повесили, причем я сам приладил веревку, как нужно, чтобы она не представляла никакой опасности. Меня повесили за левое плечо и голову, которая была сильно наклонена набок. Не успели меня вздернуть на дерево, которое я сам выбрал, потому что оно было покрыто густой лис-

твой, хорошо скрывавшей обман, как офицер по заключенному нами условию отдал приказ отряду идти вперед. Прыгнуть вниз с тамаринда, броситься к брату, который был повешен раньше меня, перерезать веревку и привести его в чувство было делом одной минуты. Мы попробовали спасти еще одного-двух, но это было невозможно. Вот вам и вся моя история. Для всех я умер, и это дало мне возможность, как вы сами видите, нанести сильный удар.

— Прежде чем продолжать свой рассказ, — сказал сэр Джон Лоуренс, — не можешь ли ты удовлетворить наше любопытство и сказать нам, каким образом ты вошел сюда, несмотря на то, что у каждого входа столько людей?

— Не спрашивайте меня об этом, мне нельзя отвечать на это, клянусь!

— Хорошо, я не настаиваю.

— В настоящее время, — продолжал негодай, — я должен сообщить тебе нечто до того важное...

— Говори!

— Я не хочу никого оскорблять, — сказал Кишная бросив взгляд на Эдуарда Кемпбелла, — но есть тайны...

— Ты хочешь, чтобы мой адъютант удалился? — спросил вице-король.

— Да, милорд! Я не могу говорить при нем, ты сам согласишься с этим.

Эдуард встал при этих словах, но сэр Лоуренс попросил его снова сесть на свое место.

— Не бойся, — сказал он Кишнайе, — у меня нет тайн от него.

— Понимаю, — отвечал Кишная, — у тебя нет тайн от него, я согласен; но у меня есть тайны, которые я не хочу открывать в его присутствии.

— Что это значит, господин Кишная?

— Милорд, — отвечал предводитель тхугов с такой твердостью, в которой не было видно никакого притворства, — мои тайны принадлежат мне, и если ты не согласен на то, о чем я тебя прошу, я не буду говорить ни при нем и ни при ком другом.

— Негодай! — воскликнул сэр Джон, — как смеешь ты так говорить? Не знаю, что удерживает меня от того, чтобы для укрощения твоего характера не приказать дать тебе хороших двадцать ударов ротангом по спине.

Глаза Кишнайи загорелись огнем; он быстро отскочил шага на три назад и, держась рукой за стену, крикнул дрожащим от волнения голосом:

— Ни слова больше, сэр Лоуренс, — я пришел оказать тебе большую услугу, а ты обращаешься со мной, как с низким парией... Людей моей касты не бьют палками, сэр Джон... Ни слова больше или я уйду, и ты за всю свою жизнь не увидишь меня больше...

Вице-король сделал знак Эдуарду Кемпбеллу, и тот немедленно вышел.

— В добрый час, — сказал Кишная, подходя ближе, — не сердись на меня за это, милорд... Хотя я не виноват в этом случае... Спроси сэра Уотсона.

— Довольно, вопрос исчерпан, — сухо отвечал ему Лоуренс, — мы слушаем тебя.

— Минут через пять дурное расположение духа твоей милости улетучится, и ты скажешь, что я прав. Я хочу дать тебе возможность одним ударом овладеть не только Нана-Сахибом, но и семью членами Тайного Совета общества Духов Вод.

— Быть не может! Ты шутишь?

— Ничего нет более серьезного, милорд, и я сейчас объясню тебе, что я сделал для этого... Позволь мне только предложить тебе сначала вопрос, который касается того, что сейчас произошло... Мог ли я, должен ли я был говорить о таких вещах в присутствии племянника Сердара, друга и защитника Нана-Сахиба, до сих пор еще поддерживающим самые близкие отношения с обществом Духов Вод?.. Ведь он скоро нагрянет сюда, милорд, а мы не настолько быстро действуем, чтобы покончить с Навабом и этим обществом до приезда Сердара в Индию.

— Неужели ты думаешь, что мой адъютант способен нас выдать?

— Нет, милорд, но его не следует ставить перед выбором между долгом и привязанностью; к тому же у меня старые счеты с Сердаром, и я не желаю, чтобы моего противника предупредили о моих намерениях.

— Кишнаяй прав, милорд, — сказал сэр Уотсон, — дела такого рода слишком важны и должны оставаться между нами... Что же касается возвращения графа де Монморена, то я могу успокоить тебя на этот счет.

— Он должен был сесть на последний пакетбот и дней через двадцать будет здесь, — прервал его предводитель тхугов.

— Сведения твои неверны, — отвечал директор полиции.

— Я прочел об этом в газете «Индиан Стар».

— Но вот последний номер французской официальной газеты: здесь пишут, что граф де Монморен получил отпуск по семейным обстоятельствам месяцев на шесть, а потому комиссар Пондишери назначается вместо него исполняющим обязанности по всем делам французских колоний в Индии.

— В таком случае, — сказал Кишнаяй, — мы можем быть уверены в успехе. Лишенный поддержки Сердара, Нана скоро попадет в наши руки. Теперь я изложу вам план, который я составил, чтобы добиться успеха, и часть которого уже исполнил. Я давно уже открыл убежище Нана-Сахиба; оно находится в неприступном месте, среди диких лесов Малабарского берега. Пришлось бы пожертвовать жизнью нескольких тысяч людей в бесполезной борьбе, но успех все равно не был бы гарантирован; оружия и патронов той горстке людей, которые остались верны-

ми принцу, хватит надолго. Ими командует соотечественник Сердара Барбассон, который поклялся скорее взорвать все убежище, чем сдать его. Поэтому я думаю, что лучше не проливать напрасно крови, а выдать его со всеми его приверженцами и членами Совета Семи здесь в Биджапуре, во дворце Омра, где вы живете.

— Что значит эта шутка? — воскликнул сэр Лоуренс.

Уотсон слушал с напряженным вниманием, ничем не выказывая своих чувств.

— Достаточно одного слова, чтобы убедить тебя, милорд!

И Кишнайя, став в гордую позу перед своими слушателями, сказал им напыщенным тоном:

— Ты видишь перед собой Старшего-Из-Трех, то есть президента страшного тайного трибунала, который управляет обществом Духов Вод!

Невозможно описать изумление двух англичан при этом признании; они понимали, что туземец не способен мистифицировать их, но это известие было так невероятно, так поразительно, что они спрашивали себя, не помешался ли тхуг? Последний понял, какое впечатление произвело на них его сообщение, и поспешил дать им настолько точные и подробные объяснения, что они вынуждены были поверить ему.

— После событий, только что рассказанных мною, — сказал он, — я остался один со своим братом, а потому мне нечего было и думать о данном мне тобою поручении; мы решили с ним отправиться в Биджапур и набрать здесь достаточное количество людей нашего племени, чтобы начать дело... Проходя ночью мимо одного из уединенных караван-сараев в лесу, служащих убежищем для путешественников, мы увидели, что он освещен. Пробраться ползком в высокой траве, без шума, чтобы осмотреть местность, — дело привычное для нас. Каково же было наше удивление, когда мы увидели там трех замаскированных людей, которые спокойно разговаривали между собой; из их слов мы узнали, что это три члена тайного судилища, которых только что выбрали по жребию в связи с окончанием трехлетней службы семи членов Тайного Совета общества Духов Вод. Они отправились в Биджапур для совещания с брахматмой, прежде чем занять роскошное жилище, которое служит резиденцией тайному судилищу и куда выбывающие из Совета члены должны были водворить их. Они были одни, так как лица, предназначенные служить им, находились еще с их предшественниками... Счастливая мысль мелькнула у меня в голове! Новые члены неизвестны прежним; обязательство носить маску постоянно до конца свое-

го трехлетия благоприятствовало моим планам. Почему не занять их места? У нас была веревка, какую хорошие тхуги всегда носят при себе. Чего легче задушить их ночью, а затем, взяв их костюмы и маски и заменив третьего одним из наших родственников уже по приезде в Биджапур, явиться с визитом к брахматме, который должен будет водворить нас на место, и мы — полные властители общества Духов Вод... Я сообщил свой план брату, который с восторгом принял его. Два часа спустя, — холодно прибавил душитель, — благодаря покровительству доброй богини Кали мы шли уже по дороге в Биджапур с имуществом тех, которых случай предал нам в руки.

Сэр Лоуренс и Уотсон не могли удержаться от невольной дрожи при этих словах мрачного злодея.

— К счастью, мы нашли у наших жертв, — продолжал тхуг, не обращая внимания на произведенное им впечатление, — золотые листья лотоса, знаки их титула, на которых были начертаны пароль и шифр. Пополнив «триаду» третьим лицом, выбранным среди наших, мы отправились к брахматме Арджуне; он в тот же день приказал факиру, предназначенному исключительно для этого, отвести нас к тем, кого мы должны были заменить и которые тотчас же водворили нас во дворец вместе с другими членами нашей группы, также вновь избранными и не подозревавшими нашего обмана.

— Это изумительно по своей ловкости и смелости! — прошептал вице-король.

— Я не кончил, милорд, — с гордостью отвечал ему тхуг. — Мы сделали властителями, но ежемесячные выборы должны были нас один за другим перемещать в менее деятельных членов Совета Семи. Надо было устроить так, чтобы факиры не успели раньше времени узнать наших четырех коллег, и в первую же ночь нашего пребывания во дворце четыре наших родственника заменили собой тех, которые мешали нам. Таким образом я очутился во главе Трех и Семи и мог распоряжаться Советом по своему усмотрению... Понимаешь теперь, как мне легко выдать тебе весь Тайный Совет, если только мы придем с тобой к соглашению? Ты сделаешь вид, что захватил нас врасплох, разыграешь великодушные, дав нам амнистию с условием уничтожить общество, повесив предварительно брахматму, если только он еще существует, и таким образом прославишься тем, что уничтожил знаменитое общество Духов Вод! А ведь этого не могли сделать никакие власти в мире... Без Совета Семи и брахматмы ничто больше не может восстановить его.

— Скаким удовольствием, с разрешения вашей милости, я бы повесил такого негодяя! — не то серьезно, не то шутливо заметил Уотсон.

— Полно, сэр Уотсон, — отвечал дерзкий мошенник, — не будь смешным! Подсчитай-ка число людей, которых вы, англичане, расстреляли или повесили во время ваших репрессий... Разве цивилизованные народы убивают своих пленников, жгут деревни, режут женщин, детей и стариков, как вы делали, когда весь народ сложил свое оружие!.. Два миллиона людей по вашим спискам исчезли во время этих жестоких преследований, и все по твоему распоряжению, сэр Джон Лоуренс, и по твоему, сэр Уотсон. И без всякого успеха! Вы и до сих пор еще продолжаете преследовать Нана-Сахиба и общество Духов Вод, которые сегодня, завтра, через две недели, быть может, подадут новый сигнал к восстанию, и на этот раз, могу вас заверить, вся Индия ответит на зов своих вождей, начиная от Кумари и до Гималаев... Когда же я, чтобы предупредить такую катастрофу, которая ближе, чем вы предполагаете, жертвую семью людьми, мешающими исполнению моих планов, вы не прочь обращаться со мной, как с обыкновенным убийцей... Ты смешишь меня, сэр Уотсон, с твоей британской совестью... Знайте оба, что мы нашли все уже подготовленным нашими предшественниками для будущего восстания и что, находясь под наблюдением брахматмы, мы вынуждены были продолжать начатое дело, чтобы не навлечь на себя подозрения. Сегодня ночью в самом Биджапуре состоялось собрание из пятисот субедаров общества, которым поручено проповедовать священную войну во всех провинциях, и даже назначен вполне определенный день для восстания. Дней через двадцать, сэр Джон Лоуренс, двести пятьдесят миллионов индусов выступят за свою независимость под командованием Нана-Сахиба, четырех раджей Юга и брахматмы Арджуны — не молитесь тогда своего бога, чтобы Сердар не присоединился к ним! Ты смеешься, сэр Джеймс Уотсон?

— Мы пошлем им Хейвлока, — отвечал начальник полиции. — Хоть вы и превосходные заговорщики, но и нам вот уже несколько месяцев известно, что Индия готовится возобновить борьбу.

— Хейвлок! — воскликнул тхуг. — Что сделает ваш лучший генерал против тысяч фанатиков, которые надеются получить Сваргу, защищая веру своих предков?

— Этот человек прав, Уотсон, — заметил вице-король. — Если бы я в течение этих шести месяцев не был так слаб, чтобы следовать вашим советам о милосердии, то Декан, терроризованный

казнями, не думал бы о восстании... Теперь поздно, и нам ничего не остается, как следовать советам Кишнаи. Только арест Нана-Сахиба и полное уничтожение общества Духов Вод могут спасти индо-британские владения.

— В добрый час, милорд! Ты верно понял положение: голова прочь — и организм становится бездеятельным.

— Каким образом ты доставишь нам Нана-Сахиба?

— Дислад-Хамед, ваш шпион...

— Как! Ты знаешь?

— Нет ничего неизвестного Духам Вод... Вашему шпиону, которого я прошлую ночь спас от наказания, заслуженного всеми изменниками, поручено передать о результате совещания жемедаров потомку навабов Дели и привести его с собой под предлогом, что нам необходимо посоветоваться вместе с ним о дальнейшем ходе дел. Он сегодня же ночью отправляется на Малабарский берег с моими инструкциями, и дней через десять Нана-Сахиб тайно прибудет в Биджапур... Как видите, план настолько искусно придуман, что ничего нельзя ждать, кроме успеха.

— А какую цену назначаешь ты за свое содействие? — спросил сэр Лоуренс.

— За поимку Нана-Сахиба — награду тростью с золотым набалдашником, какая дается раджам, а за поимку семи членов Тайного Совета — титул мирасдара с десятью тысячами райотов в придачу и не только мне, но всем моим потомкам мужского пола. Все Семь, в числе которых нахожусь и я, должны, разумеется, получить прощение в награду за уничтожение общества, и эта амнистия должна быть объявлена всей Индии, включая сюда Нана-Сахиба и четырех раджей Юга.

— Мы согласны, — отвечал сэр Джон Лоуренс после нескольких минут размышления, — с условием, что амнистией будет дарована жизнь Нана-Сахибу, но я буду иметь право, без нарушения данного слова, отправить его в Ботанибейскую колонию для преступников, которая находится в Австралии.

— Я прошу только пощадить жизнь Нана, дальше ты можешь делать с ним что хочешь. Я прошу также хранить в величайшей тайне все это дело. Я укажу вам в надлежащий момент место, где мы соберемся на совещание вместе с Нана-Сахибом, и ты наравне со всеми арестуешь нас. Когда я сделаюсь принцем, я не хочу, чтобы мое имя до скончания века считалось в Индии именем изменника.

Вся земля Индии принадлежит властителю, который разрешает пользоваться ею райотам, то есть земледельцам, за извест-

ную годовую плату. Когда раджи желали вознаградить своих любимцев, они давали им титул «мирасдара» и известное количество райотов — десять, двадцать, сто, тысячу.

Мирасдар платил радже определенную сумму за землю, которую обрабатывали райоты; все же, что получалось сверх этой суммы, принадлежало ему. Райоты не были рабами, приписанными к земле, и если находили требования мирасдара слишком тяжелыми, то могли отказаться от уплаты и идти жить в другое место. Но несчастным так трудно бывало отказаться от земли, которую с незапамятных времен обрабатывали их предки, и от дома, где они родились и где родились их дети, что они в большинстве случаев исполняли все требования мирасдаров.

Плата, установленная обычаем, составляла обычно десятую часть, отсюда «закон десятины», принесенный в Германию и Галлию нашими предками индоевропейцами. Английский крестьянин до сих пор еще живет под гнетом таких условий; он только пользуется доходами с земли, которую обрабатывает, и требования лордов, этих британских мирасдаров, бывают подчас таковы, что несчастному земледельцу приходится бросать землю, которую предки его обрабатывали в течение семи-восьми столетий.

Вот такого высокого положения мирасдара, или князя-землевладельца, добивался Кишнаия в награду за свою измену. Сэр Джон Лоуренс дал ему свое вице-королевское слово, что исполнит в точности все его условия, и тогда тхуг дал страшную клятву сдерживать свои обещания.

— А брахматма, — спросил сэр Джон, — почему ты не просишь для него амнистии?

— Брахматма! — отвечал душитель со зловещей улыбкой. — Я сам пристрелю его.

В эту минуту одна из тяжелых портьер, сделанных из непальских ковров и скрывавших амбразуры окон зала глубиной в два метра сообразно той же толщине стен, слегка приподнялась, и оттуда выглянуло испещренное каблистическими знаками лицо пандарома, который несколько минут тому назад продавал зерна сандала. Пандаром это окинул трех собеседников быстрым взглядом, сверкавшим мстительным огнем... Странное явление исчезло так же быстро, как и показалось, не обратив на себя внимание присутствующих. Сэр Джон Лоуренс не подозревал, что, заключая постыдный договор с душителем, он тем самым подписал свой смертный приговор...

VII

Падиял и вице-король. — Лев и лисица. — Зловещие предчувствия. — Старый пандаром. — Гадание. — Приятные предзнаменования. — Крик совы. — Посол смерти. — Не более трех часов жизни.

ОГДА КИШНАЙЯ СОБИРАЛСЯ ПРОСТИТЬСЯ с вице-королем, последний обратился к Уотсону со словами:

— Теперь мне кажется бесполезным принимать падияла, нам не нужны больше его услуги.

— Попрошу твою милость не изменять ничего из того, что ты решил, — сказал тхуг, — мне важно знать, насколько я могу доверять этому человеку, скроет ли он от меня это посещение и сообщит ли тебе о поручении, данному ему.

— Хорошо! Стань за портьеру одного из окон; ты все услышишь.

Уотсон приказал ввести Дислад-Хамеда.

Негодяй стал осторожнее за последние двадцать четыре часа; страх убил в нем честолюбие, и он думал только о том, чтобы спасти свою жизнь. Все усилия поэтому старание он употребил на то, чтобы не скомпрометировать себя. Узнав, что вице-король хочет отправить его по следам Нана-Сахиба он прикинулся робким и униженным, удивляясь, что его признали годным для такого дела, которое требовало человека более способного, чем он; он согласился на это поручение только после формального приказа вице-короля, не проронив ни одного слова, которое могло бы заставить предположить, что ему поручено передать принцу результат совещания жемедаров. Он дал слово употребить все свои усилия, чтобы открыть убежище Нана, не рассчитывая, однако, на успех. Вице-король, принявший его только для формы, удовольствовался этим ответом и отпустил его.

Уотсон положительно не узнал человека, которому он в течение стольких лет давал самые опасные поручения.

— Вот, — сказал он сэру Лоуренсу, — как терроризует их всех мрачное общество Духов Вод.

Обернувшись затем в сторону портьеры, позади которой скрывался Кишнайя, он спросил с некоторым разочарованием:

— Ты, надеюсь, доволен испытанием?

Слова его остались без ответа.

Начальник полиции бросился к окну и поднял портьеру. Кишнайя исчез.

— Удивительно! — воскликнул вице-король. — Можно подумать, что это средневековой замок с потайными ходами, подвальными колодцами, пустотами в стенах!

— Все древние замки Индии таковы, милорд. Древние раджи заботились о том, чтобы выстроить себе жилище, где в каждой комнате можно было спрятаться, войти и выйти так, чтобы никто этого не видел. Ведя постоянную борьбу с конкурентами из своей собственной семьи, которые не останавливались ни перед ядом, ни перед кинжалом, они, — как, например, Дора-Адил-шах, — ели пищу, приготовляемую только их любимой женой, принудив ее попробовать сначала, и никогда не спали две ночи подряд в одной и той же комнате. Вот почему Адил-шах, предок Доры, приказал выстроить этот таинственный дворец, названный дворцом Семи Этажей. Говорят, будто даже самые близкие друзья шаха никогда не знали, на каком этаже находится их властитель, и он переходил с одного на другой по никому не известным коридорам, до сих пор еще не открытым. Заметьте, что кроме этого этажа, где мы теперь находимся, ни на одном не видно наружного входа и, чтобы проникнуть туда, нам пришлось бы разрушить стену в десять метров толщины! Можно судить по этому, какое количество потайных коридоров и убежищ находится внутри. Нет ничего удивительного после этого, если такой хитрый, упорный и ловкий человек, как Кишнаия, открыл один из потайных ходов в апартаментах вашей милости.

— Знаете ли, Уотсон, мы здесь далеко не в безопасности, особенно при нынешнем состоянии умов. Достаточно кинжала фанатика...

— Кто же осмелится посягнуть на вашу жизнь, милорд? Одна вещь должна вас успокоить: как ни богата история Индии претендентами, ведущими между собой борьбу, в ней не упоминается ни об одном цареубийстве, совершенном подданными. Все ее властители, погибшие насильственной смертью, пали от руки членов собственной семьи; ни один не был убит своим подданным.

— Признаюсь вам, Уотсон, с некоторого времени меня одолевают самые мрачные, черные предчувствия; я не могу выбросить из головы мысли, что Индия будет для меня роковой и что я поплачусь жизнью за старания обеспечить владычество англичан в этой прекрасной стране.

Взрыв хохота прервал печальные мысли вице-короля. Этот припадок веселости донесся к ним со двора, окружающего дворец.

— Там люди забавляются, — сказал сэр Джон с бледной улыбкой, — они вполне счастливы, надо думать!..

Вошедший в комнату слуга объяснил, что это пришел пандаром и гадает солдатам шотландской стражи.

— Не позвать ли его сюда? — сказал Уотсон, у которого мелькнула мысль, что это может рассеять мрачные предчувствия вице-короля.

Сэр Джон улыбнулся в знак согласия, и спустя несколько минут пандарома ввели в гостиную. Последний, войдя, сделал перед сэром Лоуренсом *салактанг*, то есть прикосновение к полу шестью частями своего тела; встав затем, он только почтительно поклонился Уотсону, подчеркнув таким образом разницу, которая, по его мнению, существовала между этими двумя лицами.

— Чем ты занимаешься? — спросил его начальник полиции.

Пандаромы, как и факиры, занимаются не одним и тем же: одни из них, простые акробаты, показывают разные фокусы с помощью кинжалов или, чего не сделает ни один из наших фокусников, с помощью железных раскаленных докрасна шаров; другие занимаются магнетизмом и обладают замечательной гипнотической силой; третьи вызывают духов умерших; некоторые заклинают змей и хищных зверей или гадают; но каждый из них твердо держится традиций своего сословия.

— Я предсказываю будущее, господин, — отвечал пандаром.

Молодой Эдуард Кемпбелл к тому времени вернулся после ухода Кишнайи и также сидел в зале.

— Это для вас, Кемпбелл, — сказал ему вице-король. — Перед вами еще долгие годы жизни, и вам приятно будет знать, что случится с вами.

— Я не любопытен, милорд! Но, желая доставить вам удовольствие, охотно дам свою руку этому колдуну.

И Эдуард, улыбаясь, подошел к пандарому. Со времени прихода молодого человека старый пандаром не спускал с него глаз и смотрел на него с невыразимым волнением. Он взял его руку и долго рассматривал ее линии; медленно подняв затем глаза на молодого человека, он сказал ему, отчеканивая каждое слово, тем гортанным голосом, какой всегда используют эти странники, давая свои предсказания:

— Исания, присутствующий при рождении, осыпал тебя своими милостями; судьба не перекрещивает ни одной из твоих линий, ни одно облако не затемняет горизонта твоих дней; ты достигнешь крайней границы, определенной богами для существования человека, и будешь окружен сыновьями твоих сыновей.

— Принимаю твоё предсказание! — засмеялся Эдуард.

— Вот это счастливая будущность, — прибавил сэр Лоуренс. И с этими словами он бросил соверен, который покатился к ногам пандарома.

Глаза последнего блеснули мрачным огнем, по лицу его пробежала молнией ненависть, а руки поднялись к поясу, как бы отыскивая кинжал. Но прежде чем присутствующие заметили это, он снова принял почтительный и скромный вид; поклонившись вице-королю, чтобы лучше скрыть свои чувства, он поднял золотую монету и бросил ее в тыкву.

— Вот предсказание, — сказал Уотсон, смеясь, — которое не скомпрометирует своего автора, ибо его можно без опасений применить ко всем. Всякому приятно услышать, что он будет долго жить и что у него будет много детей.

— Вы страшный скептик, Уотсон, — отвечал сэр Лоуренс. — Хотелось бы услышать, что он скажет вам.

— Если ваша милость желает...

— Вы ведь сами приказали привести этого человека, Уотсон, и не можете отказать ему в возможности заработать соверен.

— Пожалуй, милорд! Могу заверить вас, что мне положительно безразлично, что он скажет.

Этот разговор происходил на английском языке, и все трое были уверены, что туземец не понял их. Последний стоял бесстрастный, неподвижный, и ни один мускул лица не выдавал его чувств.

Повинуясь желанию вице-короля, начальник полиции с насмешливым видом протянул руку пандарому. Туземец мрачно взглянул на него исподлобья и, окинув быстрым взглядом линии жизни, сказал:

— Чаша дней полна. Джуна, верховный судья, пустил уже черных послов смерти; прежде чем сома — луна — кончит свой обход, сахиб отправится в страну Питри; нет больше для него места на земле, глаза его не раскроются при свете приближающегося солнца. Мрачный Пуруша считает, сколько часов ему остается жить...

В эту минуту, как бы подтверждая слова пандарома, послышался среди ночной тишины жалобный троекратный крик совы, сидевшей на соседнем дереве.

Зловещее предсказание, сопровождаемое криком птицы, который, по народным верованиям, предвещает смерть, произвело на всех сильнейшее впечатление. Невольная дрожь пробежала по телу присутствующих; насмешливая улыбка Уотсона сразу исчезла, и лицо его покрылось смертельной бледностью; вице-король, находившийся еще раньше под влиянием грустных предчувствий, не мог удержать лихорадочной дрожи; даже молодой Кемпбелл, мало поддающийся суеверию, почувствовал, как сжимается его сердце под влиянием странного чувства. Уотсон сделал невероятное усилие, чтобы овладеть собой.

— Это сумасшедший, — засмеялся он, стараясь придать своему смеху саркастический тон.

— Птица Ионнера пропела три раза, — продолжал пандаром, — тебе осталось, сахиб, жить три часа.

— Шутки в сторону, старик, — сказал начальник полиции, сконфуженный тем, что выказал столько слабости, — ступай и показывай твои фокусы в другом месте; нам не нужны больше твои услуги...

В ответ на эти слова мнимый нищий, в котором читатель узнал, конечно, брахматму, поспешно направился к выходной двери, поднял портьеру и скрылся за нею.

— Ну-с, мой бедный, Уотсон, — сказал вице-король, — несчастная мысль пришла вам в голову: желая отвлечь меня от тяжелых предчувствий, вы навлекли на себя довольно странное предсказание...

— Негодяй хотел посмеяться надо мной, а главное напугать меня. Вам известно, что моя служба обрекает меня на вечную ненависть всех этих бродяг, против которых я принимаю всегда самые строгие меры... Он узнал меня, вероятно, а быть может, ему приходилось уже иметь столкновение с моими агентами. И вот ему захотелось сыграть со мною нечто вроде фокуса. Этим не возьмешь меня, нужно что-нибудь посильнее; я уже три раза получал предупреждение от тайного трибунала, который даже приговорил меня к смерти за то, что я не обращал внимания на его угрозы. Но, как видите, мне ничуть не хуже от этого...

— Признайтесь, однако, что вы испытали некоторое волнение.

— Я не отрицаю этого, милорд, но тут сыграла роль неожиданность, да и вся окружающая обстановка... Скоро полночь, час таинственных видений; в этой огромной комнате, еле освещенной, где все предметы принимают неясные формы, появляется вдруг старый пандаром с дьявольской физиономией и вызывает перед вами призрак смерти; затем, в довершение эффекта, к нему присоединяется проклятая сова... Признайтесь, милорд, есть от чего прийти в смущение!

— Вы были осуждены тайным трибуналом? — спросил сэр Лоуренс, видимо, озабоченный.

— Да, ваша милость, но это было еще до того, как управление обществом перешло в руки Кишнаи.

— И вам сообщили о приговоре?

— Дней восемь тому назад; простая формальность, исполненная кем-нибудь из низших членов общества помимо нового трибунала.

— Будьте осторожны, Уотсон, — сказал вице-король, — вам известно, что приговор исполняется брахматмой, а он не сообщник Кишнаи.

— О, я не боюсь, милорд! Они могли, конечно, захватить врасплох нескольких бедняг, которых и убили с целью поддержать ужас, внушаемый их таинственным обществом. Но никогда они не осуществляли своих приговоров над теми, которые способны защищаться или за смерть которых им могли отомстить. Разве осмелились они тронуть Хейвлока, победителя Нана-Сахиба, или сэра Уильяма Брауна, губернатора Цейлона, который на каждом шагу травит членов их общества и которого они еще несколько месяцев тому назад приговорили к смерти? На всякий случай я ношу тонкую кольчугу, которая предохраняет меня от кинжала, а ночью все выходы из моих апартаментов охраняются стражей... Впрочем, я намерен предупредить предводителя тхугов об этом предсказании...

— Только бы Кишнаия сдержал свое слово, и мы скоро избавимся от этих людей.

— Он сдержит его, милорд, и дней через десять вы дадите знать в Лондон об уничтожении общества Духов Вод, об аресте Нана и об окончательном умиротворении Индии.

— Готов верить вашему предсказанию... Пора, однако, господа, на покой; мы, я думаю, долго будем помнить первый вечер в Биджапуре... Пришлите мне ночного дежурного, Кемпбелл!

— Старший камердинер ждет ваших приказаний, милорд!

— Прекрасно!.. Не удерживаю вас больше.

Перед уходом оба почтительно поклонились сэру Лоуренсу.

— Спокойной ночи, господа, — приветливо сказал им вице-король.

Не успел директор полиции переступить порог комнаты, как сэр Джон знаком подозвал к себе адъютанта.

— Удвойте стражу вокруг замка, — приказал он, — поставьте часовых у всех дверей, ведущих в комнаты Уотсона, и возвращайтесь с дежурным адъютантом Пири... Проведите эту ночь со мной. Я предчувствую, что здесь произойдут странные вещи...

Минут через десять все приказания вице-короля были исполнены. Шум в древнем дворце Омра мало-помалу стихал, и ночная тишина не нарушалась ничем, кроме криков часовых, переключавшихся через равномерные промежутки: «Слушай!» — «Слушай!». И этот крик, удаляясь все дальше и дальше по мере того, как переходил от ближайшего часового к более отдаленному, производил странное впечатление среди таинственной и зловещей тишины этой ночи.

VIII

Странствование пандарома. — Тайное посещение дворца Омра. — Поразительное открытие. — Кинжал Правосудия вручен Судазе. — Быстрые приготовления. — План Арджуны.

РЕДВОДИТЕЛЬ «ДУХОВ ВОД», РЕЗИДЕНЦИЯ которого находилась в Биджапуре, прекрасно знал все потайные коридоры, которые проходили внутри толстых стен и сообщались со всеми комнатами огромного здания посредством целого ряда особых ходов. Копия плана этих ходов находилась у него в секретных бумагах, которые

достались ему от его предшественников; как и последние, он знал членов Совета Семи, обновлявшегося несколько раз со времени вступления его в должность, лишь с главной артерией этих сообщений, устроенных Адил-шахом, чтобы иметь возможность пройти по всему дворцу и не быть никем замеченным.

Благодаря этой предусмотрительности, сохраненной им по традиции, он мог в тот день, когда у него возникли серьезные подозрения относительно членов Совета Семи и Старшего-Из-Трех, присутствовать при их совещаниях, дабы убедиться в основательности своих опасений. Он прежде всего переоделся пандаромом и смешался с толпой, чтобы судить, насколько искусно он переоделся. Мы оставили его раздающим в ожидании ночи зерна сандала, омоченные в священных водах Ганга.

Когда наступил удобный по его мнению час, Арджуна медленно направился к дворцу, пробираясь среди развалин и стараясь никому не попадать на глаза. Придя на место, он немедленно прошел в коридор, неизвестный Семи; коридор вел к верхнему этажу здания, где жили в это время последние. Брахматма добрался туда без всяких затруднений, несмотря на то, что всего только один раз проходил здесь, знакомясь с тайным расположением здания. Он осторожно проскользнул к комнате, где в это время собрались все члены совета Семи. Через потайное окошечко, скрытое между балками потолка, которое он мог открывать и закрывать по желанию, он заглянул внутрь комнаты и едва не вскрикнул от удивления, но к счастью удержался. Только взглянув на зрелище, открывшееся перед глазами Арджуны, можно было понять, какую силу характера нужно было иметь последнему, чтобы побороть свое волнение.

Вокруг стола, на котором стояла амфора из черной глины, наполненная напитком аррек-нати, сидели все Семь и спокойно пили, разговаривая о событиях предыдущей ночи. Ни на одном

из них не было установленной правилами маски, что главным образом и вызвало удивление брахматмы, которое ему удалось подавить; сначала он принял это за нарушение строго устава, которое обычно наказывается смертью. Но когда, всмотревшись в каждого из членов Совета, он узнал Кишнайю-душителя в Старшем-Из-Трех, а в остальных членах Совета — родных и союзников знаменитого тхуга, принадлежащих к той же проклятой секте, он едва не забыл всякую предосторожность и чуть не позвал факиров, чтобы приказать им выгнать этих негодяев.

К счастью, он вовремя опомнился и понял, какой опасности едва не подверг себя. При малейшем шуме все Семь немедленно надели бы свои маски, и Арджуна, убитый на месте факирами, поплатился бы жизнью за свой неразумный поступок. Напрасно кричал бы он последним:

— Этот человек не кто иной, как тхут Кишнайя, которого вы все знаете; его товарищи принадлежат к самой низкой касте. Сорвите с их лиц маски — и вы увидите перед собой отребье населения Биджапура!

Никто из них не поверил бы ему и не посмел бы поднять руку на Старшего-Из-Трех и на других членов Совета Семи. Он вряд ли добился бы этого даже от собственных факиров; нечего было поэтому рассчитывать на помощь служащих Совету. Дрожа всем телом, Арджуна решил отложить месть до другого раза, чтобы лучше обдумать, какие средства употребить для захвата этой шайки разбойников. Он понял, что прежде всего нужно узнать их планы, и, приложившись ухом к потайному окошечку, стал слушать. С первых же слов он понял, что пришел слишком поздно; Кишнайя говорил своим сообщникам:

— Пусть будет по-вашему, миллион рупий за поимку Нана принадлежит вам; я отдам даже свою часть. Варуна только что уведомил меня, что вице-король находится в большом зале с одним из своих офицеров и Уотсоном, я сейчас же сговорюсь с ним... Подождите меня здесь, я вернусь и передам вам его ответ.

Затем Арджуна ничего больше не слышал. Догадавшись, что тот отправился к сэру Лоуренсу по одному из внутренних ходов, он стал осторожно пробираться по известным лишь ему одному коридорам, которые соединялись с главной артерией, где должен был проходить Кишнайя. Он выбрал самый короткий путь, чтобы опередить предателя, и, спрятавшись позади подвижной части стены, стал терпеливо ждать... Несколько минут спустя он по легкому шороху догадался, что тот прошел мимо этого пункта. Медленно, стараясь не производить ни малейшего шума, брахматма повернул пружину и направился по следам Кишнайи. Когда последний вошел к вице-королю, Арджуна воспользовал-

ся одним из разветвлений, ведущих к каждому окну, и подошел по возможности ближе к тому месту, где сидел сэр Лоуренс; отсюда он мог следить за вышеприведенным разговором. В тот момент, когда тхут произнес зловещие слова: «Брахматма! Я сам пристрелю его!», — Арджуна не устоял против желания взглянуть на это странное собрание, и вот тогда-то его негодующее лицо и показалось среди кашемировых портьер, закрывавших окно.

Из длинного рассказа душеителя Арджуна узнал все, что ему было нужно, потому что негодяй не скрыл ни одного из своих адских планов. Трудно описать волнение, с которым он слушал изложение дьявольского заговора; не приди ему в голову счастливая мысль переодеться пандаромом неминуемо погибли бы и Нана-Сахиб, и общество Духов Вод. Герой войны за независимость сгнил бы в английской тюрьме, а древнее общество, которое в течение стольких веков держало всех в страхе и защищало бедных индусов против целой армии чиновников, жаждавших наживы, распалось бы безвозвратно.

Он решил не ждать появления падиала и приступить к действию; при первых же словах вице-короля о падиале он, не зная, приведут Дислад-Хамеда или нет, поспешил скрыться. Предстоящий разговор с ночным сторожем Биджапура не мог сообщить ему ничего нового. Между тем необходимо было собрать по возможности скорее нескольких субедаров, к которым он питал доверие, и обсудить с ними, какие меры лучше всего принять. Но, проходя мимо дворца по направлению к своему жилищу, он очутился среди толпы шотландских солдат, находившихся в веселом настроении по случаю обильных возлияний; они тотчас же потащили его к надворным постройкам дворца, где они разместились, и, приняв его за настоящего пандарома, просили погадать им.

Оказать сопротивление этим развеселившимся грубым людям, для которых жизнь индуса в те смутные времена стояла на одной ступени с жизнью собаки, было бы безумием, и брахматма решил следовать за ними добровольно, надеясь этим обезоружить их. Но скрытое бешенство его дошло до крайних пределов, когда он вынужден был, по капризу Уотсона, повторить ту же комедию перед вице-королем. Мы присутствовали при том, что произошло, и слышали зловещее предсказание, которое он в раздражении бросил в лицо начальника полиции.

Индусы ненавидели последнего. Сторонник амнистии и мелких мер для умиротворения исключительно по политическим соображениям, он при исполнении своих служебных обязанностей отличался беспощадной и холодной жестокостью и опозорил себя самыми бесчеловечными поступками. Немилосердный

лихоимец, как и все высокие сановники Индии, которые смотрели на свои места как на источник дохода, он в короткое время обогатился за счет подвластных ему людей, против которых он придумывал все новые и новые козни с единственной целью вытянуть из них как можно больше.

Несколько лет подряд получал он предостережения и наконец был приговорен к смерти предшественниками Кишнаи; известие о приговоре передал ему факир, который исполнял обязанности палача и не должен был докладывать об этом Совету. Факир на этот раз опоздал из-за того, что все последние месяцы у него было много поручений на юге.

Что касается приведения приговора в исполнение, то приказ об этом мог исходить только от брахматмы, который сам должен был уведомить о том Старшего-Из-Трех. Среди тяжелых забот Арджуна совсем забыл об этом приговоре, но несчастная звезда Уотсона напомнила ему о нем. Когда брахматма вырвался наконец на свободу из дворца Омра, он остановился среди развалин и, протянув руку к окнам вице-короля, пробормотал:

— А, господа!.. Доносы, измена, подлые договоры с разбойниками, подкупы и низости — все кажется вам достойным средством, когда дело идет о нас! Я покажу вам, что древнее общество Духов Вод, которое заставило отступить Джахангира и капитулировать Аурангзеба, не находится еще в зависимости от горстки воров!

И брахматма пустился по направлению к Джахара-Баугу. Он вошел к себе, никем не замеченный, и тотчас же занялся уничтожением следов своего переодевания; при этом он заметил с некоторым беспокойством, что не принес с собой ни четок из зерен сандала, ни палки с семью узлами... Забыл ли он эти предметы в тайных ходах дворца или в гостиной вице-короля? Память ничего не подсказывала ему на этот счет, и он решил не терять времени на рассуждения о таком ничтожном предмете; надев свой официальный костюм, он прошел к себе в кабинет и дернул звонок, ведущий к факирам.

Один из них тотчас же появился.

— Утсара вернулся? — спросил брахматма.

— Нет, Сахиб!

— Скажи ему, когда он вернется, чтобы сейчас же пришел ко мне... Да пришли сюда Судаду.

Факир, совершив перед брахматмой селактанг, вышел из комнаты, пятясь назад со всеми знаками уважения, в которых проглядывали любовь и безграничная преданность.

Как только появился Судаза, брахматма передал ему пальмовый лист, на котором предварительно начертал несколько строк.

— Умеешь читать? — спросил он.

— Да, сахиб!

Факир бросил быстрый взгляд на олле и спрятал его, причем ни один мускул лица не выдал волновавших его чувств.

— Понял? — продолжал Арджуна.

— Да, сахиб!

— Приказание это должно быть исполнено до восхода солнца.

— Хорошо, сахиб!

Арджуна встал и, подойдя к конструкции, составленной из кинжалов в форме горящего пламени, известных под названием *канджары*, взял один из них и передал Судазе, говоря:

— Вот Кинжал Правосудия. Будь тверд, рази смело и не бойся ничего.

— Приказание брахматмы, — отвечал Судаза, — воля неба.

— И помни, — прибавил брахматма, — тот, кто гибнет при исполнении долга, избавляется навсегда от переселений низшего разряда и получает в Сварге вечную награду... Иди же, и пусть Шива управляет твоей рукой, достойный сын Страны Лотоса!

Факир вышел с соблюдением тех же церемоний, что и предыдущий, крепко сжимая в руке кинжал. Рука его не дрожала и сердце не билось сильнее обычного.

Тогда брахматма позвонил снова, но на этот раз несколько иначе. На зов явился факир Суакапа. Это был несравненный скороход, который перегонял даже лошадь; накануне битвы при Серампуре он сделал шестьдесят миль в двадцать четыре часа, чтобы предупредить Нана-Сахиба о прибытии армии.

— Суакапа, — сказал ему Арджуна, — ты знаешь, что Анандраену из Велура и четверем субедарам было приказано вчера отправиться с приветствием к новому губернатору Французской Индии; беги к дому, где он живет в Биджапуре, и, если он не отправился еще, привези его поскорее в этот дворец. Я должен видеть его сегодня же ночью.

— А если он покинул город, сахиб?

— Ты догонишь его по дороге в Пондишери, он не мог еще далеко уйти; в сумерки у него не были еще закончены приготовления к отъезду.

Суакапа повиновался.

Арджуна отправил еще несколько послов к разным членам общества, которое по своим годам и заслугам могли помочь ему справиться с ужасным положением. В ожидании прихода Утса-

ры он сел к столу; вынув из ящика шкатулочку, взял оттуда семь золотых листьев лотоса и начертал на них семь имен.

План, составленный Арджуной, был самый простой и обычно применялся в случае неожиданной измены членов Совета Семи; не имея времени созывать собрание из жемедаров, брахматма имел право, основываясь на правилах устава, заменить их семью членами общества, самыми старыми и самыми почтенными, какие только будут под рукой. Действуя таким образом на основании данной ему власти, Арджуна начертал на листьях лотоса имена избранных им семи лиц, начиная с Анандраена, старого друга Нана-Сахиба и Сердара, — того самого Анандраена, который из Велура, где он жил, отправлялся в Нухурмур, чтобы предупредить их об опасности; ему предназначал Арджуна титул Старшего-Из-Трех и президентское место в Совете.

При таком восстановлении общества уничтожение его становилось уже невозможным. Кишнае это было хорошо известно, и негодая, собираясь помешать исполнению плана Арджуны, сказал сэру Лоуренсу: «Брахматма... Я сам его пристрелю!» Раз не было верховного вождя, никто больше не имел права созывать собрание жемедаров и выбирать новый Совет Семи.

В ту минуту, когда Арджуна заканчивал надписи, сзади него послышался вдруг легкий шорох; он быстро обернулся и увидел у входа в свой кабинет Утсара и падиала Дислад-Хамеда: последний держал в одной руке пальмовый лист, похожий на тот, который брахматма передал Судазе, а в другой — Кинжал Правосудия.

— Что это значит? — спросил Арджуна, понявший все с первого взгляда.

— Господин, — отвечал Утсара, — падиал получил от Старшего-Из-Трех приказание убить тебя.

— Ну? — отвечал хладнокровно брахматма, — почему он не исполняет его?

Дислад-Хамед вместо всякого ответа бросил олле и Кинжал Правосудия под ноги верховному вождю и распростерся ниц перед ним.

— Хорошо! Очень хорошо! — отвечал Арджуна. — Ты спас свою жизнь, Дислад-Хамед, и искупил все твои измены.

— Неужели ты думаешь, господин, что без этого он переступил бы порог Джахара-Бауга? — сказал факир.

— Спасибо, мой честный Утсара, я знаю твою преданность. Старший-Из-Трех, или, вернее, душитель Кишнаея, желая дать тебе это поручение, спас тебя от наказания, заслуженного изменниками, и назначил тебе свидание сегодня вечером? — обратился он к падиалу.

— Как, ты знаешь? — спросил падиал.

— Я все знаю, от брахматмы ничего нельзя скрыть. Я знаю, что Кишнайя и его сообщники убили семь членов Тайного Совета и заменили их собой.

— О, Шива! Неужели все это правда? — прервал его Утсара, забывая даже, что он не имел права перебивать своего господина.

— Спроси своего спутника, — отвечал Арджуна, забыв указать любимому факиру на сделанную им ошибку.

— Правда, — пробормотал падиал, начиная дрожать под устремленным на него бешеным взглядом Утсары.

— Я знаю также, что семь негодяев поклялись предать англичанам Нана-Сахиба и общество Духов Вод.

— Клянусь тремя судьями ада, проклятый падиал, ты заслуживаешь смерти, — воскликнул Утсара, не будучи в состоянии сдерживать свой гнев.

— Господин, клянусь тебе, — воскликнул несчастный падиал, которому, казалось, суждено было дрожать до самого конца жизни, — я узнал обо всем только сегодня вечером во время свидания, и если я ничего не открыл Утсаре, то лишь потому, что считал эти события слишком важными и думал, что не вправе говорить кому-нибудь о них раньше, чем тебе.

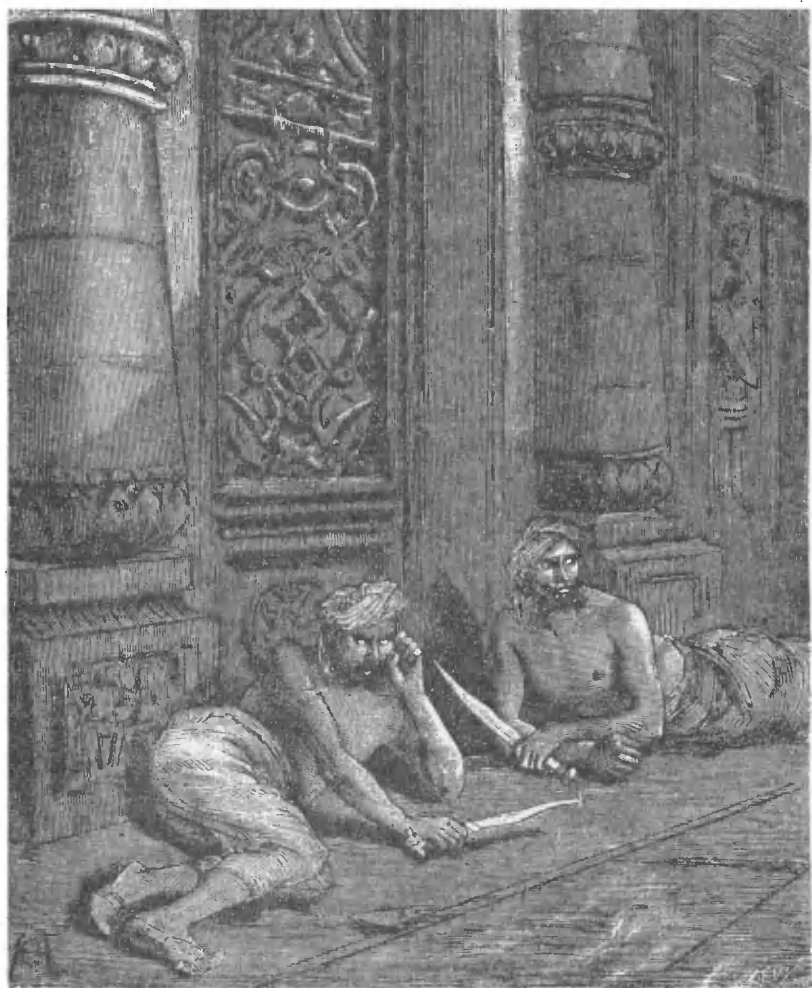
— И ты был прав... Я оставляю за тобой дарованное мною прощение за все прошлое потому, что поставленный между обещаниями вице-короля, страхом, который тебе внушает Кишнайя, и словом, данным мне, ты предпочел держаться последнего.

Падиал действительно вывернулся очень ловко в этой ситуации; он инстинктивно почувствовал, что ни вице-король, ни предводитель тхугов не спасут его от мести Арджуны, и потому решил изменить двум первым в пользу последнего. С Кишнайей он разговаривал на конаракском наречии, которого Утсара не понимал, и хотя факир, исполняя приказание, спрятался так близко от двух собеседников, что мог бы слышать каждое их слово, он ушел бы ни с чем, не показав ему сам падиал после ухода тхуга олле и Кинжал Правосудия, предназначенные для его господина и переданные ему Кишнайей.

— А теперь, — спросил падиал, обрадованный оборотом, какой принимали события, — что мне делать? Должен ли я ехать на Малабарский берег и исполнить поручение, данное мне к Нана-Сахибу?

— Я не знаю еще, что будет решено, — отвечал брахматма, — иди домой и никуда не выходи ни сегодня ночью, ни завтра, пока Утсара не придет передать тебе мою волю.

Падиал не заставил повторять себе два раза приглашение вернуться домой; после тех ужасных терзаний, какие ему при-

шлось перенести со времени своего ухода оттуда, он ничего больше не хотел, как спокойной и уединенной жизни. Больше всего желал он, чтобы о нем совсем забыли и оставили его спокойно нести службу ночного сторожа, как и раньше. Он клялся, что никакая честолюбивая мысль не заберется больше ему в голову; более чем когда-либо думал он о том, чтобы совсем улизнуть из этой местности, если ему не удастся отделаться от требований трех противников, из которых он не мог удовлетворить одного, не

разгневав других. Между вице-королем, Кишнаей и брахматмой он чувствовал себя несравненно несчастнее знаменитого ослы Буридана. Но судьба распорядилась, чтобы несчастный не так-то скоро добился страстно желаемого спокойствия... На повороте узенькой тропинки, ведущей к его жилью, на него набросились вдруг четыре человека, скрутили его так крепко, что он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и бегом понесли его среди развалин.

Он успел, однако, жалобно, пронзительно крикнуть, и крик этот услышали в Джахара-Бауге.

— Бегите! — сказал Арджуна двум своим факирам. — Кто-то напал на падиала, я узнал его голос... Негодяй Кишнаей, наверное, заставил кого-нибудь следить за ним... Бегите же к нему домой, посмотрите, вернулся ли он, и тотчас же сообщите мне об этом.

Брахматма не видел, отдавая это приказание, как чья-то тень скользнула среди кустов и метнулась в сторону более короткого пути к жилью Дислад-Хамеда, чтобы опередить двух слов.

Спустя несколько минут вернулись факиры и доложили своему господину, что падиал уже лег спать и на их вопрос ответил, что благодарит брахматму за участие к нему. Брахматма облегченно вздохнул.

— Похищение этого человека в такой момент, — сказал он Утсаре, — должно было бы иметь страшные последствия; негодяи не останутся перед пыткой, чтобы заставить его говорить, а Кишнаей, узнав о том, что мы вели про его козни, сделался бы в союзе с вице-королем непобедимым для нас врагом.

Издали донесся едва слышный звук брахманской трубы — сигнал, которым Суакапа возвещал, что он встретил Анандраена. Прошло несколько минут, и друг Сердара вошел в кабинет брахматмы, который встретил его с золотым листком-лотоса и маской в руках — знаками его нового титула, — и приветствовал его следующими словами:

— Салам Старшему-Из-Трех! Да пошлет тебе Индра могущество, Изавия — мудрость в совещаниях и Шива — непоколебимость в действиях!

— Почему ты встречаешь меня этим приветствием? — спросил Анандраен. — Титул этот не принадлежит мне.

— Ты все узнаешь сейчас, — отвечал ему брахматма.

Остальные шесть вошли друг за другом, и Арджуна встретил их всех тем же приветствием.

Все были, видимо, взволнованы, потому что в течение долгих лет они достигли только первой степени посвящения; они пре-

красно понимали, что брахматма пользовался данной ему властью заменять действующих членов Семи новыми и ждали очень важных сообщений.

Окончив все предписанные уставом формальности, Арджуна низко преклонился перед теми, кого он возвел выше себя, и сказал:

— Приветствую вас, Три и Семь! Пусть Брахма, который держит в руках своих судьбы мира, ниспошлет вам свою помощь в делах ваших, ибо дело идет о спасении общества Духов Вод. Пойдем в зал Джахара-Бауга, предназначенный для совещаний.

Все Семь молчаливо последовали за Арджуной.

Дверь закрылась за ними, и два факира с кинжалами в руках легли у нее, охраняя вход... Неподвижные, как бронзовые статуи в глубине мрачного хода какого-нибудь древнего памятника, они походили на задумчивых сфинксов, каких в земле фараонов ставили у входа в подземные храмы.

Утсара тем временем с самого ухода падиала ломал себе голову над исполнением задуманного им плана. Рассчитывая на то, что совещание продолжится долго, он направился к маленькой хижине, в глубине сада, где он жил. Сняв с себя всю одежду, он вымазал тело кокосовым маслом, взял в зубы кинжал, перелез через стену, чтобы не проходить мимо стражи, день и ночь охранявшей главный вход, и пустился к старому Биджапуру со всей скоростью, на какую только был способен, бормоча про себя:

— Только бы я пришел вовремя!

Проходя мимо хижины Дислад-Хамеда, он остановился в нерешительности, не зная, вызвать его или самому войти к нему; но опасаясь, что его услышит какой-нибудь шпион тхугов, он осторожно проскользнул в отделение хижины, предназначенное для мужчин, и скоро вышел оттуда, продолжая свой дальнейший путь с еще большим остервенением.

Он нашел хижину пустой...

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Колодец молчания

I

Недоумение Кишнаи. — Приготовления в Джахра-Бауге. — Что предпринять? — Варуна молчит. — Отчаянное решение.

РАГИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ВОСПОМИНА-ние о которых Индия хранит до сих пор, представляют, как мы уже сказали, не выдуманные нами эпизоды, а действительные события; они предшествовали печальному концу вице-короля Индии, сэра Джона Лоуренса, убитого фанатиком по распоряжению тайного общества

Духов Вод... Борьба, начатая Сердаром, ныне Фредериком де Монмореном, в защиту Нана-Сахиба и продолженная его единомышленниками после отъезда Сердара во Францию, достигла своего апогея... Не раз уже в тяжелые минуты мужественные индусы сожалели об отсутствии отважного француза, который в течение двух лет отражал все усилия англичан.

Его помощник, марселец Барбассон, заключенный в Нухур-муре вместе с Нана-Сахибом и горсткой туземцев, свято соблюдал данное ему приказание не покидать неприступного убежища до возвращения Сердара. Поэтому вся тяжесть ответственности в этой неравной борьбе легла на плечи нескольких мужественных людей, которые окружали брахматму Арджуну.

Нет сомнения в том, что если бы Сердару была известна опасность, которой подвергались Нана-Сахиб и его друзья, он поспешил бы уехать из Франции и прилетел бы к ним на помощь. Смерть Кишнаи, которого повесили на его глазах и о хитрой уловке которого он ничего не знал, способствовала его спокойствию; он был уверен, что раз исчез этот негодяй, то не найдется больше ни одного индуса, который выдал бы Нана-Сахиба... Уотсон подкупил Дислад-Хамеда, но этот трус своими доносами

добивался лишь того, что вешали несчастных туземцев, причастных к восстанию. Однако он не в силах был добраться до убежища Нана-Сахиба, и сэр Лоуренс мог бы целые столетия ждать поимки принца.

Между тем случаю угодно было устроить так, что Дислад-Хамед знал тайны двух партий; успех той или другой мог, поэтому зависеть и от него. Утсара все это прекрасно понял, когда брахматма, целиком поглощенный важностью событий, удовольствовался ответом своих послов, что падиал вернулся домой. Факир подозревал какую-то западню и, чувствуя, что все погибнет, если негодяй попадет в руки Кишнайи, решил даже пожертвовать своей жизнью, лишь бы только вырвать у тхугов падиала, прежде чем тот успеет что-либо открыть им.

Только бы прийти вовремя, говорил он себе. Он знал трусость падиала и был уверен, что нет тайны, которую тот не выдал бы под страхом пытки. Тем не менее мужественный факир не знал причины похищения, приписывая его исключительно неисполнению смертного приговора, произнесенного мнимым трибуналом Трех против брахматмы. Но это было не так. Несравненно более важная причина заставила Кишнайю поместить Дислад-Хамеда в надежное место.

Когда сэр Лоуренс приготовился принять ночного сторожа, Кишнайя, как вы помните, спрятался по приглашению вице-короля в амбразуре одного из окон, закрытой толстой портьерой, чтобы присутствовать, не будучи видимым, при приеме падиала. Вы помните также, что по окончании аудиенции Кишнайя исчез, но никто не видел, куда. Это место случайно оказалось тем же самым, куда брахматма, переодетый пандаромом, вышел из потайного коридора, чтобы присутствовать при разговоре предводителя тхугов с вице-королем. Уходя оттуда, Арджуна, взволнованный слышанным разоблачением, забыл закрыть подвижную часть стены. Когда Кишнайя, проходя мимо, заметил в стене зияющее отверстие, сходное с тем через которое он сам прошел, он тотчас же понял, что через это неизвестное ему отверстие проходил кто-то, желавший подслушать его разговор с Лоуренсом. Кто бы это ни был, он не мог быть другом.

Предводитель тхугов, обладавший несомненным мужеством, не колебался ни минуты и вошел в этот коридор, который неминуемо должен был привести его к главной артерии лабиринта. С первых же шагов он наткнулся на какой-то предмет, стоявший у стены, и к своему изумлению признал в нем палку с семью узлами и привязанными к ней четками неизвестного пандарома, который весь день бродил вокруг дворца, возбуждая в нем сильные подозрения. Ему даже показалось, что это брахматма, его

враг; он заметил одну подробность, которая ускользнула бы от всякого другого, кроме этого изощренного в хитростях и переодеваниях человека. Арджуна, родившийся на Коромандельском берегу в Мадрасском президентстве, хотя и говорил совершенно правильно и чисто на телингском наречии Биджапура, все же сохранил некоторый акцент, который слышен был в его криках, когда он обращался к толпе, предлагая купить зерна сандала.

Кишная сначала отверг это предположение, не понимая, какой интерес мог заставить брахматму ходить среди толпы в таком костюме, тогда как к его услугам была целая армия факиров и слуг, готовых в любое время собрать для него необходимые сведения. Но когда ему в руки попала палка и четки мнимого пандарома, он больше не сомневался в этом. Только один брахматма мог пробраться в тайные ходы дворца, которые были неизвестны Кишной. Брахматма и пандаром были, следовательно, одним и тем же лицом. Но в таком случае смертельный враг знал все его тайны! Он знал, что Совет Семи состоит из одних только тхугов, добившихся этого титула после убийства настоящих членов, и что Старший-Из-Трех был не кто иной, как Кишная, повешенный в Велуре.

Сопоставив все факты, предводитель тхугов, несмотря на всю свою смелость, не мог не прийти в ужас. Противник его был отважен, имел связи, был любим в обществе всеми жемедарами, а потому ему ничего не стоило не только прогнать самозванцев с занятого ими поста, но приказать их собственным факирам убить их, чтобы отомстить за смерть тех, чье место они заняли.

Вот тогда-то он и решил поспешить с развязкой и избавиться поскорее от брахматмы, смерть которого была решена с того самого дня, когда тхуги захватили свои места. Он не решался поручить это дело ни одному факиру, потому что Арджуну нравились все, даже те, которые находились на службе у Семи; Кишная боялся, что тот, кому он поручит это, предупредит брахматму и тем самым даст ему возможность бежать.

Одержимый желанием найти кого-нибудь, кто избавил бы его от этого человека, тхуг задумал спасти падиала от заслуженного им наказания, чтобы взамен поручить ему убийство брахматмы. Он хотел назначил день убийства на своем свидании с ночным сторожем, но события этого вечера вынуждали его уничтожить своего врага в ту же ночь. Тем временем он приказал стороной навести справки у *дорванов* (сторожей) и всех служителей Джахара-Бауга, выходил ли куда-нибудь их господин сегодня; все отвечали, что он целый день не отлучался из дворца.

Это единодушие несколько поколебало уверенность Кишнайи и, чтобы успокоиться, он сказал себе, что палка и четки

могли быть забыты в потайном коридоре много лет тому назад, так же как и подвижная часть стены могла отодвинуться сама собой вследствие постепенного высыхания здания. Это объяснение, ни в коем случае не должно было повлиять на его решение. Тхуг приказал шпионам дежурить вокруг дворца брахматмы, чтобы знать обо всем, что будет там происходить до того часа, когда падиал исполнит злодейское приказание.

Когда наступил час свидания, он был очень удивлен, не встретив никакого противодействия со стороны падиала, который соглашался на все, что ему предлагали, и просил только разрешения поразить брахматму на восходе солнца по причине, признанной Кишнойей вполне основательной. Дислад-Хамед не знал внутреннего устройства Джахара-Бауга и хотел, несмотря на поздний час, пойти к брахматме под каким-нибудь предлогом, а в это время присмотреться к расположению помещений дворца; за некоторое время до рассвета он вернется туда, уверенный, что все будут спать глубоким сном.

Дислад-Хамед, как видите, прекрасно играл свою роль: этот трус, чтобы лучше усыпить бдительность Кишнойи, вел себя развязно и тем самым внушил к себе доверие. Но, к несчастью, шпион подслушал разговор его с Утсарой; тхуг, видя себя одураченным, пришел в бешенство и приказал похитить падиала при выходе из Джахара-Бауга.

Он хотел тотчас же расправиться с несчастным, но, рассудив, что при отношениях, существующих, по-видимому, между Арджунной и падиалом, он может получить от последнего очень важные сведения, Кишная приказал опустить его до поры до времени в одно из потайных подземелий замка.

Но теперь он почти не сомневался в том, что брахматме были известны все его махинации; каждую минуту шпионы приходили и уведомляли его, что во дворце его врага происходит какое-то необычное движение, что туда входят люди, но оттуда никто не выходит... Надо было принимать решительные меры, иначе все погибло... Но какие меры? Одно только было возможно и давало надежду на успех: разбудить сэра Лоуренса, сообщить ему обо всем, попросить у него отряд шотландцев и, окружив Джахара-Бауг, захватить брахматму под предлогом неповиновения указу вице-короля об уничтожении общества... Но согласится ли он на это? Это спасало, само собой разумеется, жизнь Кишнойи и самозванных членов Совета Семи, но вместе с тем открывало их замыслы и делало поимку Нана-Сахиба невозможной... Если сэр Лоуренс поймет это, то он, откажется посылать своих солдат на защиту людей, которые не могли больше принести ему никакой пользы... Нет! К этому можно было прибегнуть лишь в крайнем

случае, когда не останется других средств, кроме побега. Бежать!.. После всего, что он сделал... Какой позор! Он станет посмешищем всей Индии. Пусть его позорят, боятся, пусть презирают — но быть посмешищем!.. Какой постыдный конец для отважного предводителя тхугов, который заключал договоры с вице-королем, как с равным себе! О! Кишнаяя ни за что не согласиться на это!

В невыразимом волнении ходил негодяй посреди развалин, окружавших древний дворец Омра... Неужели же он не найдет никого, кто согласится избавить его от проклятого брахматмы, который собирается разрушить самый смелый и ловкий план, какой он когда-либо составлял в своей жизни!

Вдруг он вспомнил Утами, преданного ему Утами, который по одному его знаку убил обвинителя падиала. Вот человек, который нужен ему!.. И как он не подумал о нем раньше!.. Он позвал Варуну, получившему приказ находиться всегда на расстоянии слышимости его голоса, и велел ему отыскать товарища... Но так как факир не двигался с места, Кишнаяя с гневом крикнул:

— Почему ты не повинешься мне? Не хочешь ли и ты изменить мне?

— Сахиб, — смущенно отвечал ему Варуна, — ты разве не знаешь, что Утами нет с самого утра?

— Что ты говоришь?

— Истину, сахиб! После утренней тревоги он еще не появлялся.

— Куда, как ты думаешь, он ушел?

— Не знаю, сахиб! Быть может, это его крик мы тогда слышали...

— Продолжай...

— И его убили из личной мести.

— Но тогда нашли бы его тело!

— Убийца мог бросить его в колодец среди развалин.

— Почему не отыскивали его тела?

— Среди развалин древнего Биджапура, сахиб, больше тысячи пятисот колодцев; отверстия большинства из них заросли кустарником и лианами. Понадобился бы целый месяц, чтобы осмотреть их. Заброшенные много веков тому назад, они служат теперь убежищем змеям.

— Хорошо, оставь меня... Нет, слушай!

— Я здесь, сахиб.

— Подойди ближе ко мне!.. Умеешь ты действовать Кинжалом Правосудия?

— Я только объявляю приговоры Совета, сахиб, но не исполняю их, — отвечал Варуна уклончиво.

— Кто из твоих товарищей исполняет эту обязанность?
— Никто из них, сахиб, никогда не исполнял..
— Что ты говоришь?
— Сахибу известно, что один только брахматма приказывает исполнять приговоры и вручает Кинжал Правосудия факирам Джахара-Бауга.

Несмотря на подозрение, внушенное Варуне пятнами крови на одежде брахматмы, он решил не выдавать его.

— Хорошо, ты мне больше не нужен.

Итак, все валилось из рук Кишнаи в последнюю минуту... Утами не дал бы ему такого ответа. «Кого поразить, господин?» — спросил бы он только. Вот почему его убили...

И тхуг, не знаяший, как все это произошло, приписал убийство брахматме, который пожелал отнять у него единственного преданного ему человека. О! Будь его повешенные в Велуре товарищи здесь, у него не было бы недостатка в выборе: двадцать рук поднялись бы на его защиту... Увы! Кости их, обглоданные ястребами, белеют в джунглях Малабара; все выходы закрыты для него. Но нет! Он не побежит постыдно от своего противника, он не сдастся так... Все увидят, легко ли овладеть Кишнаей!

А между тем голова его, готовая лопнуть от приступов бешенства, не могла ничего придумать... Он подумал уже о том, не объяснить ли положение дел своим сообщникам; быть может, какая-нибудь мысль блеснет в их мозгу? И к чему во всяком случае терять время на бесполезные терзания? Не лучше ли будет привлечь поскорее к допросу этого труса падиала, который отовсюду получает вознаграждение, служит и изменяет всем?

Было около часу ночи; брахматма не мог действовать раньше начала дня, чтобы извлечь пользу из народного движения, — а народ будет, без сомнения, на его стороне. Кишнаи имел в своем распоряжении еще пять часов для окончательного решения, и в голове его блеснула адская мысль; если до того времени он не придумает никакого выхода из своего положения, если вице-король, к которому он прибегнет в крайнем случае, откажется взять сторону его союзников в этой борьбе, тогда он, тхуг Кишнаи, мечтавший кончить свои дни мирасдаром и сравняться с раджами благодаря трости с золотым набалдашником, он, Кишнаи-душитель, устроит своему обманутому честолюбию и себе самому пышные похороны, о которых долго будут говорить в Индии и которые обессмертят имя его в летописях мира! В подземельях дворца находился ввиду предстоящего восстания запас в пятьдесят тонн пороху, спрятанного там обществом Духов Вод... Кишнаи-душитель погребет себя под развалинами

древнего дворца Омра вместе с брахматмой, вице-королем, его штабом и двумя батальонами шотландской гвардии!

Подбодрив себя этой мыслью, величие которой удовлетворяло его тщеславие, он вернулся во дворец и отдал приказание привести Дислад-Хамеда.

II

Таинственные дворцы Индии. — Колодец Молчания.
— Утсара и падиал — Подземелья. — Обреченные на
голодную смерть.

АМКИ СРЕДНИХ ВЕКОВ СО СВОИМИ ПОТАЙНЫМИ ПОДЗЕМЕЛЬЯМИ И ТЮРЬМАМИ, со своими подземными ходами дают лишь слабое понятие о подобных же сооружениях древней Индии.

Властители этой страны, окруженные со всех сторон заговорами, которые порождались честолюбием членов их семьи, и вынужденные не доверять даже собственным детям, жили обычно во дворцах, превращенных их архитекторами в настоящие чудеса по приспособленности для защиты. Мы уже имели случай упомянуть, что не было ни одного вестибюля, ни одной передней, ни одной комнаты без тайных сообщений, потайных дверей, подвижных стен, темных закоулков, неизвестных самым доверенным слугам, потайных трапов, которые при малейшем подозрении поглощали родственников, министров, офицеров, — подземелий и тюрем, где акустика доведена была до такого совершенства, что не слышны были жалобы заключенных. И в большинстве случаев несчастный архитектор, создавший такой дворец по приказанию своего властителя, становился первой жертвой своей изобретательности; раджи боялись, чтобы он не открыл тайн, которые должны были быть известны одному только навабу.

Древний дворец Омра представлял, как мы уже видели, законченный тип такого сооружения. Потайные части его были так хорошо устроены, что до сих пор еще оставались неизвестными, несмотря на то, что знаменитое общество Духов Вод занимало его в течение многих столетий подряд и все время производило в нем самые тщательные разыскания. Англичане удовлетворялись тем, что заняли первый этаж, помещения которого могли вместить в себя два или три полка. Остальные они предоставили всеразрушающему времени; так они поступили и с большинством других чудесных памятников древней Индии. А между тем вся древняя цивилизация была налицо в этих здани-

ях, дворцах, храмах, могилах, мечетях, пагодах, самые незначительные из которых хранились бы в Европе с благоговением.

Время от времени, однако, факирам, охранявшим дворец, удавалось открыть во время отсутствия Семи, — которые жили там только в периоды, когда собирались жемедары, — какое-нибудь новое сообщение, которое приводило их к темным комнатам или подвалам для пыток; там они находили орудия пыток в том же положении, в каком их оставили много веков тому назад. Последнее открытие в этом роде было сделано Утсарой. Заинтригованный плитой, издававшей менее глухой звук, чем остальные, и находившейся в одной из передних зал второго дворца, он поднял ее и под ней нашел вторую с вырезанной на ней надписью: «Палам-Адербам» — Колодец Молчания.

Подняв вторую плиту, он увидел нечто вроде колодца, стены которого расширялись книзу; он был до половины наполнен человеческими скелетами, кости и черепа которых перемешивались самым странным образом и представляли собой мрачное зрелище. Утсара спустился вниз, чтобы осмотреть этот мрачный подвал, уверенный, что найдет там сообщение с другими частями здания — комнатой для пыток, например, куда обычно, как спицы колеса, все подземелья. Но он ничего не открыл и пришел к выводу, что это обыкновенный подвал, куда сваливали после смерти трупы казненных. Вот в это-то мрачное убежище и бросили Дислад-Хамеда по приказанию Кишнаи.

Он пробыл там всего десять минут, когда Утсара пришел в замок. Войдя туда через один из потайных входов, указанный ему брахматмой и неизвестный ни Семи, ни их слугам, факир, задерживая дыхание и заглушая шум шагов, приблизился осторожно к комнате, где жили его товарищи, служившие Тайному Совету. Они тихо разговаривали между собой о последних событиях; самые старшие из них удивлялись тому обороту, какой принимали дела, и не скрывали друг от друга своих чувств при виде странного поведения Совета Семи.

— А вы еще не знаете всего, — сказал Кама своим товарищам, таинственно покачивая головой.

— Что же еще случилось? — спросил они, подсаживаясь к нему ближе.

В этот момент Утсара, несколько минут тому назад подошедший ко входу, приложился ближе ухом, чтобы не пропустить ни одного слова.

— Представьте себе, — продолжал Кама, сильнее прежнего понижая голос, — что сегодня ночью... Полчаса тому назад, не более, Старший-Из-Трех приказывал Дислад-Хамеду, падиалу, убить нашего брахматму!

Ропот ужаса и негодования послышался среди собравшихся факиров.

— А ночной сторож, — продолжал Кама, — вместо того чтобы исполнить приказание, передал брахматме олле и Кинжал Правосудия.

— Мы сделали бы то же самое, — сказали многие в один голос. Никто не возражал против этого смелого заявления.

— Не говори так громко, Аврита! Вспомни Притвиджа, которого мы никогда больше не видели после таких неосторожных слов.

— Я не боюсь их, — отвечал Аврита. — Охранять дворец меня назначило собрание жемедаров, я не служу Семи.

Дрожь ужаса пробежала по всем собравшимся, потому что такие слова никогда не оставались безнаказанными.

— Если ты хочешь присоединиться к Дислад-Хамеду, — сказал Кама, — можешь продолжать...

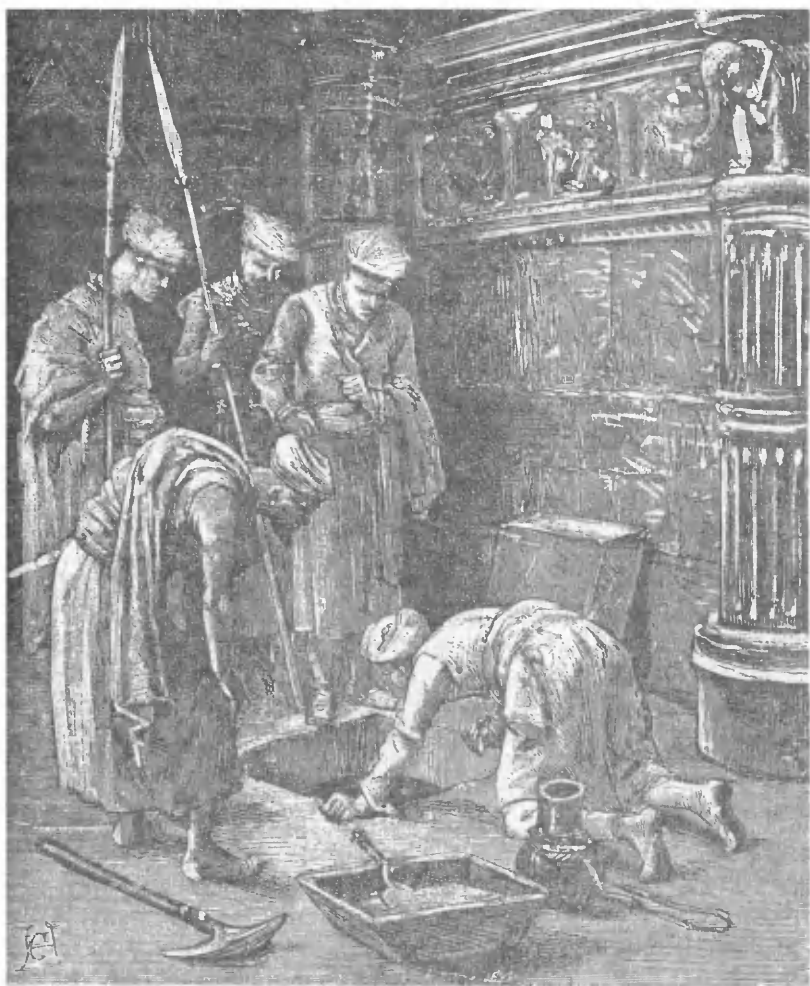
— А что с ним случилось?

— Старший-Из-Трех приказал бросить его в Колодец Молчания, пока...

Утсара не дослушал окончания фразы; он узнал, где находился несчастный, которого он хотел вырвать у Кишнайи. Для этого ему надо было действовать с неотложной поспешностью, а потому ему некогда было слушать дальше, несмотря на интерес, который мог представлять для него этот разговор. С теми же предосторожностями, с какими он шел сюда, направился он к месту, указанному Камой и известному ему самому, потому что он еще раньше открыл его.

Предводитель тхугов, принявший тем временем известное нам решение, возвратился в эту минуту во дворец, и факир слышал, как он приказал Варуне привести падиала в комнату для пыток... Несмотря, следовательно, на поспешность, с которой Утсара собирался похитить ночного сторожа, он все же опоздал... Тем не менее необходимость помешать тхугам заставить падиала говорить казалась верному слуге до того важной, что он решил попробовать, не удастся ли ему опередить посланных; это было тем труднее, что ему приходилось скрываться.

Он знал, что, в сущности, ему нечего бояться Варуны, но если его товарищ и не захочет лично, от себя, сделать ему что-нибудь неприятное, то, вместе с тем он ни за что не выпустит из рук своего пленника. Одно обстоятельство, на которое он совсем не рассчитывал, дало ему возможность выиграть несколько минут. Варуна, не доверявший своим собственным силам в случае сопротивления со стороны падиала, отправился в комнату факиров, чтобы попросить двух товарищей идти с ним и помочь ему.

Утсара, видя, что он направляется туда, понял его намерение и с новой надеждой поднялся поспешно по лестнице, ведущей в зал, где находился колодец. Придя туда, он, к своей радости, увидел, что первая плита не положена обратно на место. Факир немедленно бросился ко второй, приподнял ее с неимоверными усилиями и, сдвинув в сторону, крикнул в отверстие:

— Дислад, это я, Утсара... Я пришел к тебе на помощь... Скорее, нельзя терять ни минуты.

Он произнес эти слова, лежа на полу и опустив обе руки в отверстие, чтобы помочь падиалу выйти оттуда.

Ответа не было.

Точно молния блеснула в голове факира, и он вспомнил, что накануне утром они с брахматмой нашли падиала лежащим в кустах без сознания; он с ужасом подумал, что страх мог и теперь произвести то же действие на несчастного. Такое объяснение было тем вероятнее, что плита не была поднята, а потому невозможно было предположить, чтобы сторож бежал. Не теряя времени на размышления, Утсара ухватился руками за край отверстия и прыгнул вниз.

Падение его на скелеты вызвало странные звуки среди костей, заставившие его невольно вздрогнуть. В ту же минуту он услышал голоса факиров, шедших вместе с Варуной. Он замер на месте и внимательно прислушался, чтобы знать, какое пространство отделяет его от них, и тут же понял, что у него не хватит времени унести пленника из подземелья; вокруг него было так темно, что падиала пришлось искать ощупью, а это отняло бы у него и те немногие минуты, которые были в его распоряжении... Оставалось только бежать, если он хотел ускользнуть от мести тхугов. Одним прыжком достиг он отверстия и легко, как акробат, поднялся наверх с помощью рук; еще одно движение — и он вышел бы из колодца, когда в комнате мелькнул свет от фонаря факиров... Секунды через четыре появились и последние. С быстротой мысли опустился Утсара на дно и быстро пополз к одной из стен, где неподвижно притаился и затаил дыхание... В ту же минуту факиры были у входа в Колодец Молчания.

— Ого! — сказал Варуна, увидев зияющее отверстие. — Мы закрыли тогда плиту, я в этом уверен... А птица улетела! Тем лучше, неважная участь ждала ее.

Затем он крикнул для успокоения совести:

— Дислад! Дислад! Ты здесь?

Ответа, разумеется, он не получил.

— Ты думаешь, что он действительно убежал? — сказал один из помощников Варуны. — Быть может, он притворяется глухим, потому что ему не так уж приятно следовать за нами.

— Вот наивное рассуждение, мой бедный Крату, — ответил Варуна, — где ты найдешь такую птицу, которая оставалась бы в клетке, когда дверца открыта?..

— Но каким образом мог он поднять изнутри такую тяжелую плиту, если мы вдвоем еле-еле сдвинули ее с места?

— Нет, ты не напрасно носишь свое имя, Крату! — отвечал весело Варуна.

В Индии имя «Крату» обозначает тип дурачка, которому народ приписывает самые невероятные несообразности. Взрыв хохота встретил слова Варуны, и в комнату вошло еще несколько факиров, которые пришли посмотреть, как будут тащить падиала из колодца.

— Да, Крату, — продолжал Варуна, — неужели же ты не понимаешь, что раз он не мог сам поднять плиты изнутри, то, следовательно, кто-то другой оказал ему эту услугу. Если же этот «кто-то», о умнейший Крату, приходил сюда не для того, чтобы забавляться поднятием тяжелых камней, то, значит, он пришел с намерением спасти Дислад-Хамеда... Дело ясно!

Во время этого разговора Утсара, не проронивший ни одного слова, дрожал при мысли, что упрямство Крату может заставить Варуну осмотреть внутренность колодца. В таком случае его неминуемо должны были открыть и отвести к Старшему-Из-Трех вместе с падиалом, который, по его мнению, находился без сознания здесь же вблизи него.

Но заключение Варуны было так логично и неоспоримо, что Крату перестал протестовать против очевидности, а главное, против единодушного мнения своих товарищей.

— Бесполезно тратить здесь время, — продолжал Варуна, — помогите мне положить на место плиты и пойдем давать отчет.

Не успел еще Утсара обдумать, что может выйти из такого оборота дела, как обе плиты были уже положены на место, одна на другую; шаги факиров, звонко стучавшие по камню, стихли мало-помалу в отдалении, и снова водворилась глубокая тишина, обычно царившая под этими уединенными сводами.

Утсара вскочил на ноги и принялся кричать, как безумный... Напрасный труд! Голос его не был слышен снаружи; все жалобы, все крики поглощались стенами подземелья, устроенного именно с этой целью и названного поэтому Колодцем Молчания.

Факир понял, что он погиб безвозвратно... Никакая человеческая сила не могла поднять изнутри обе гранитные плиты, закрывавшие отверстие подземелья. Будь еще положена одна только нижняя, Утсара мог бы взобраться на плечи падиала и с помощью своей геркулесовой силы поднять ее своим плечом; но давление верхней, большей по размеру и толщине, делало невозможной всякую надежду на успех... Вот почему пленник без всяких колебаний начал звать на помощь, предпочитая опасность, которая явилась бы следствием этого, ужасной смерти от голода, ждавшей его в Колодце Молчания.

Крики его превратились мало-помалу в рев, в котором не было ничего человеческого; и — странная вещь — несчастному казалось при этом, что кричит не он: вследствие особенного уст-

ройства этого мрачного подземелья звуковые волны, ударяясь о стены полукруглого свода, возвращались обратно к центру, где находился Утсара, и оглушали его, точно звуки трубы, раздающиеся прямо над его ухом.

Факир подумал сначала, что падиал пришел в себя и кричит вместе с ним; но когда, выбившись из сил, он замолчал, то понял, что он один только зовет на помощь, которая не приходит и не придет никогда. Сколько криков уже заглушали эти мрачные стены!

Утсара поддался в первую минуту весьма понятному чувству страха, над которым скоро взяла верх его закаленная натура. К нему снова вернулось обычное хладнокровие, не покидавшее его ни при каких обстоятельствах.

— Невозможно, чтобы падиала не было здесь, — сказал он себе, — ведь я поднял вторую плиту, закрывавшую отверстие. Надо только отыскать его и привести в чувство от обморока, который, по-моему, длится слишком долго... А там увидим.

Предвидя возможность борьбы с кем-нибудь, Утсара, как помнят читатели, снял с себя всю одежду. Теперь он пожалел об этом; страстный курильщик, как все индусы, он, имея в одежде принадлежности для курения, мог бы зажечь огонь... Утсара решил воспользоваться единственным средством, которое ему оставалось, и придерживаясь, стены, приступил к обходу своей тюрьмы... Под ногами его трещали и стучали друг о друга кости скелетов, катились со всех сторон черепа и, заставляя его спотыкаться, напоминали ему каждую минуту, что ни один из тех, кто вошел сюда, не вышел живым. Тошнотворный запах, который душил его, еще более увеличивал непреодолимое отвращение, какое все индусы питают к останкам мертвых... Напрасно, однако, факир осматривал подземелье — он ничего не нашел! Он начал тот же осмотр второй раз, затем третий, но по-прежнему без всяких результатов.

— А между тем, — говорил он, сдерживая овладевшее им бешенство, — он не мог убежать. Ему не под силу было открыть отверстие; даже если бы падиал открыл его, он не мог бы выйти из коридора, который ведет в зал, где находится эта страшнейшая тюрьма. Попасть туда можно только через потайные сообщения, которые падиал не должен был и ни в коем случае не мог знать.

Суеверный, как и все его соотечественники, он готов был уже допустить чудесное вмешательство какого-нибудь духа, покровителя семьи Хамедов, когда вдруг ему пришла в голову мысль, что ночной сторож Биджапура, имея при себе, вероятно, средств

во для разжигания огня, нашел одно из боковых помещений, которое факир не заметил при осмотре Колодца Молчания.

Он снова принялся за исследование и, вспомнив вдруг, что в одном месте у стены он заметил довольно сильное понижение в куче костей, поспешил туда. На этот раз он не удовольствовался одним только поверхностным осмотром, а протянул руку, ощупывая стену и отстраняя кости, которые при малейшем прикосновении скользили вниз. Наконец, он нащупал верхушку отверстия, настолько большого, как ему показалось, что человек свободно мог пройти через него. Продолжая удалять препятствия, состоящие из остатков скелетов, которые в этом месте лежали более плотно, чем где-либо (факир объяснил это тем, что падал нарочно стащил сюда кости, чтобы в случае осмотра скрыть вход в найденное им убежище), он кончил тем, что совершенно очистил проход. Радость, овладевшая им, тотчас уменьшилась тем обстоятельством, что хотя отверстие прохода и было свободно, но в нем, по-видимому, никогда не было закрывавшей его створки; в этом он убедился с помощью рук. Приходилось заключить, что это подземелье предназначалось для заключенных, осужденных на голодную смерть: проход должен был кончаться тупиком и не иметь никакого сообщения с другими частями здания, чтобы не дать несчастному возможности убежать.

Тем не менее это не лишило факира последнего проблеска надежды. Зная все способы заборов, употребляемых здесь, он надеялся еще, что выберется на свободу. Кончив очистку отверстия, он осторожно протянул вперед ногу, придерживаясь за стену, так как отверстия в таких подземельях часто бывали лишь приманками, предназначенными для того, чтобы осужденные падали в отвесно вырытую пропасть.

Невыразимая тревога охватила его в тот момент, когда вытянутая вперед правая нога попала в пустое пространство... Никакого сомнения больше! Перед ним находилась ловушка, и ему стало понятно молчание несчастного Дислад-Хамеда, который свалился, вероятно, на дно пропасти... Но это оказалось ложной тревогой, так как нога его скоро уперлась в твердую поверхность и он, удостоверившись предварительно, так ли это, понял, что ступил на первую ступеньку лестницы. Прежде чем двигаться дальше, он сложил обе руки в виде трубы и крикнул во весь голос:

— О! Э! Хамед!.. Это я, факир Утсар!

Затем он внимательно прислушался. Ни звука голоса, ни малейшего шума не донеслось к нему из глубины...

После нескольких минут молчания он стал спускаться, считая ступеньки. Зная количество ступенек лестницы, шедшей из

залы, где находился, до земли, он мог приблизительно составить себе понятие о глубине ее нахождения. Он прошел шестьдесят две ступеньки и заключил из этого, что находится наравне с внешней почвой. Прежде чем продолжать спуск, он повторил свой зов делая ударение на своем имени, которое только одно и могло внушить доверие падиалу, если только тот был еще жив.

На этот раз его попытка увенчалась успехом; громкий крик удивления и невыразимой, безумной радости, раздался в ответ. Чтобы избежать пытки, угрожающей ему, падиал скрылся в этом длинном проходе, который он неожиданно нашел. Имя факира Утсары было для него символом спасения.

— Где ты? — крикнул ему факир.

— Внизу под тобой... погоди, я поднимусь.

— Нет, оставайся там, где стоишь; я сойду к тебе.

И факир продолжал считать ступени; он так хорошо знал внутреннюю и наружную топографию всего громадного здания, что надеялся установить положение, направление, глубину и назначение этой лестницы, ибо ничто в этом таинственном здании не было сделано без определенной цели.

Падиал с большим нетерпением ждал его, не зная, что в данный момент факир с неменьшим, чем он, нетерпением, ждал возможности выйти из этой мрачной тюрьмы. После сто двадцать пятой ступени Утсара был возле падиала.

Дислад-Хамед схватил его за руки и стал целовать их с восторгом, называя его спасителем, плакал, бормотал бессвязные слова, готовый каждую минуту снова упасть в обморок.

— Мужайся, мой бедный падиал! Я заперт здесь, как и ты, и не знаю еще, как мы выйдем отсюда.

И в нескольких словах он рассказал ему все, что случилось. В противоположность тому, чего можно было ожидать, Дислад-Хамед не был слишком поражен этой печальной новостью. Он глубоко верил в находчивость Утсары и был убежден, что последний вызовет их обоих из этого ужасного положения.

— Есть у тебя огонь? — был первый вопрос факира после рассказа.

— Да, — отвечал падиал, — у меня, к счастью, есть с собой небольшой ящик восковых свечей, которыми я пользовался, когда надо было взбираться по лестнице в башню пагоды.

— Хвала Шиве! — воскликнул Утсара, — мы можем познакомиться с расположением этих мест. Но почему ты сидел все время в темноте?

— Несколько минут я слышал какой-то шум наверху; я предположил, что факиры Кишнаи ищут меня, и боялся, чтобы свет не выдал моего присутствия.

— Хорошо! Давай сюда ящик; только смотри, не урони... От него зависит, быть может, наше спасение.

— Вот он, — сказал ночной сторож.

— Хорошо! Я держу его. Ты дошел до конца лестницы?

— Нет, я не посмел... Я боялся, что упаду в какую-нибудь пропасть.

Утсара зажег огонь и при его слабом, мерцающем свете бросил беглый взгляд вокруг себя... Он увидел перед собой черное, зияющее отверстие сечением в два квадратных метра, сделанное из камня и идущее в том же наклонном направлении; казалось, ему не было конца.

— Надо дойти до конца, — сказал факир после минутного размышления, — пусти меня вперед, я должен осмотреть каждый камень в стене. Во всем замке не знал я подобного места; да даст нам Брахма, бессмертный отец богов и людей, чтобы оно соединялось с подземельями... Мне это кажется возможным, а если это так, то мы выйдем отсюда еще до восхода солнца.

Одно обстоятельство, однако, крайне беспокоило факира: в этом проходе не чувствовалось ни малейшего сквозного ветерка — очевидное доказательство того, что ни с какой стороны не было с ним сообщения извне. Что мог он в таком случае найти в конце этого длинного спуска?

Ночной сторож шаг за шагом следовал за своим другом, с тревогой следя за малейшими его жестами; но лицо факира оставалось непроницаемым... Однако по мере того как он продвигался, его руки и губы все больше начинали нервно подергиваться... Неужели он прозревал ужасную истину?... Сырость, смешанная со смрадными испарениями, в течение нескольких минут подымалось к ним снизу и не предвещала ничего доброго Утсаре, который привык принимать во внимание даже самые ничтожные обстоятельства.

— Можно подумать, что мы приближаемся к какому-нибудь зачумленному болоту, — шепотом заметил ночной сторож.

Товарищ его оставил без ответа это замечание; он сам давно уже подозревал то же самое.

Вдруг впереди них послышался какой-то странный шум. Можно было подумать, что кто-то ударяет мокрым бельем по камням... Они увидели на ступеньках целый легион прыгающих, теснящих друг друга исполинских жаб Индии. Эти несчастные животные достигают тридцати трех сантиметров длины и двадцати пяти или тридцати вышины. Их было здесь так много, что тесно сплоченные ряды этих существ производили впечатление целой волны черной и жидкой грязи, медленно переливающейся

по ступенькам лестницы... Столь отвратительное зрелище могло привести в содрогание даже самого хладнокровного человека.

Этот шум сменился скоро другим, более резким и напоминающим шум множества тел, погружающихся в воду...

Таким омутом кончалась длинная галерея, целая треть которой была вырыта в земле.

Факир почувствовал, что надежда окончательно покидает его... Случилось то, чего он боялся.

Снаружи здания находился колодец, примыкающий непосредственно к стене дворца, из которого во время душных ночей часто выходили языки пламени и, дрожа, исчезали среди высоких трав. Суеверный народ был убежден в том, что этот колодец сообщается с адом, а потому ни один из жителей Биджапура не посмел бы набрать оттуда воды.

Утсара, который давно уже доискивался причин того, что таинственный колодец устроен был у самого замка, спрашивал себя, совершая теперь этот длинный спуск и сравнивая его расположение с направлением лестницы: не сообщаются ли оба колодца между собой и не служит ли наружный для удаления зловонных газов, скопляющихся в подземельях от разложения трупов?.. И чем дальше он продвигался, тем более убеждался, что расположение мест подтверждает правильность его предположения...

Газы, скопляясь в резервуаре, находившемся внизу у лестницы, насыщали воду, выходя затем через колодец; главная их составная часть, фосфористый водород, воспламенялась от соприкосновения с воздухом и разносилась по траве блуждающими огоньками... Это предположение объясняло также и отсутствие створки, служащей для закрытия двери, которая вела к подвалу над лестницей.

Несмотря на то, что эти мысли уже некоторое время мелькали в его голове, факир все еще пробовал пробудить в себе хотя бы какую-нибудь надежду; но встреча с целой армией жаб и звучное падение их в воду окончательно отняли у него и последнюю тень надежды... Скрывать от себя действительное положение дел было невозможно. Оба они погибли безвозвратно...

Когда они подошли к краю этой жидкой массы, последняя жаба уже скрылась на ее тинистом дне, и сотни воздушных пузырей на поверхности указывали, что гады медленно выпускали воздух, собранный ими в своих легких.

— Ну! — сказал падиал, тупо уставившись на поверхность воды.

— Ну, мой бедный Хамед! К чему скрывать от тебя, — отвечал ему Утсара, — вода эта представляет непроходимую преграду; нам ничего больше не остается, как поискать лучшего и наименее болезненного способа покончить с собой, — ибо я не думаю, чтобы ты имел намерение претерпевать ужасные страдания смерти от голода...

— Смерти! — воскликнул падиал с растерянным видом. — Смерти! Невозможно, Утсара, чтобы ты не нашел способа выйти отсюда.

— Не знаю такого... Нет его, — отвечал факир с едва слышным рыданием в голосе. Это было единственное проявление его слабости. Но затем он продолжал:

— Падиал, судьба каждого определена заранее, смотря по заслугам его в предыдущей жизни; надо полагать, что мы тогда совершили какие-нибудь преступления и должны искупить их, ибо с самого дня нашего рождения Исания написал в книге судеб все, что с нами случилось сегодня... Не будем же сопротивляться воле богов, падиал; божественный Ману говорил нам: «Вечная награда ждет того, кто без жалобы перенесет последнее искупление; для него не будет больше земных переселений, и душа его растворится в Великом Духе»...

— Утсара! Утсара! — прошептал вдруг падиал. — Слушай! Нас преследуют... Вот они идут. Спрячь меня... Защити меня...

— Ошибаешься, Хамед, никакого шума не слышно... Нам уже не дожидаться этого счастья. Там думают, что ты бежал, и плита навеки закрылась над нашей могилой.

— Да, я убежал, — прошептал падиал, напевая какой-то странный мотив, — смотри, как нам хорошо здесь, в тени пальм...

— Успокойся, Хамед, — сказал факир, думая, что это обыкновенное расстройство, причиненное страхом. Вдруг падиал вскочил с безумным взглядом, растрепанными волосами и судорожно сжатыми руками и крикнул наводящим ужас голосом:

— Прочь отсюда, факир... Уходи! Разве ты не знаешь, что я проклят... Руки мои запачканы кровью моих братьев... Прочь, ракшаса нечистый, прочь! Ко мне! Ко мне! Они идут грызть мои внутренности...

И прежде чем Утсара успел прийти в себя от удивления, несчастный одним прыжком бросился в цистерну и исчез в грязной воде, которая обрызгала факира с ног до головы и погасила огонь. Несчастный падиал помешался от страха...

— Так будет лучше! — воскликнул Утсара, когда волнение его несколько улеглось. — Этот человек сумел умереть... Теперь моя очередь.

Но он не хотел бросаться в эту грязную клоаку, а взял кинжал и поднял руку, чтобы нанести себе удар в сердце. Верный слуга, умиравший в эту минуту за великое и благородное дело, которое защищал его господин, не дрожал, принося эту жертву. Факир знал теперь, что Кишная не проникнет в планы брахматмы; он умирал даже с радостью, уверенный в том, что падиал не будет больше говорить...

Рука его была уже готова опуститься; еще две секунды — и он перестанет жить... Вдруг из цистерны послышалось бульканье, а затем донесся голос Дислад-Хамеда, хриплый и глухой, как у пловцов, которые долго оставались под водой... Ощущение холодной воды, видимо, успокоило волнение падиала. Превосходный пловец, как и большинство индусов, он инстинктивно задержал дыхание, когда почувствовал прикосновение воды, и пошел таким образом ко дну, не сознавая, что делает... Опомнившись, он мгновенно всплыл на поверхность... Он не помнил, что сам бросился в воду, и думал, что случайно упал туда, поскользнувшись на ступеньках. Первые слова его были:

— Ко мне, Утсара!.. Зачем ты погасил свет, я не знаю, куда пристать.

Факир колебался с минуту.

— Где ты? — воскликнул несчастный, и голос его снова начал дрожать от ужаса.

— Зачем помогать человеку, осужденному на смерть? — говорил себе Утсара.

Тут он понял, что не имеет права насильно заставлять падиала умирать, и, когда тот вторично обратился к нему, ответил:

— Сюда, Хамед... лестница должна продолжаться под водой.

Ночной сторож, плывший в противоположную сторону, вернулся к своему товарищу, руководствуясь его голосом; он вышел из воды с глубоким вздохом облегчения... Давно установлен тот факт, что если человек избежал смерти, то каково бы ни было его положение потом, он с удвоенной силой привязывается к жизни.

— Уф! — сказал он, сделав несколько глубоких вдохов. — Скверная смерть, когда тонешь!

— Ты предпочитаешь кинжал? — холодно спросил его факир.

— Я не хочу ни того, ни другого, Утсара! Что ни говори, а мы выйдем отсюда! Я чувствую это...

— В таком случае, так как я не разделяю твоей уверенности, ты останешься здесь один в ожидании чудесной помощи, на которую ты надеешься... Прощай, Хамед!

— Ради самого неба, остановись, Утсара! Послушай меня, я хочу только сказать тебе одно слово, а там делай что хочешь...

Прежде только дай мне ящик со свечами, я хочу засветить огонь и еще раз взглянуть на тебя.

Оба стояли снова друг против друга, освещенные слабым светом восковой свечи.

— Говори, чего ты хочешь от меня? — сказал факир. — Только предупреждаю тебя, что я не изменю своего решения.

— Выслушай меня, — продолжал падиал с такой важностью, какой факир никогда не замечал у него. — Ты знаешь, что боги запрещают посягать на свою жизнь; божественный Ману, которого ты, кажется, призывал всего только минуту тому назад, наказывает за это преступление тысячами переселений в тела нечистых животных, и только после этого ты получишь снова человеческий образ.

— Боги не могут осудить человека за желание избежать ужасных и унижающих его достоинство мук голода. Неужели ты хочешь дожидаться той минуты, когда мы, обезумев от страданий, дойдем до бешенства и один из нас бросится на другого, чтобы насытиться его мясом и кровью?..

— Боги не простят нам того, что мы с первого же дня выказали сомнение в их доброте и справедливости. Ты не подождешь ни дня, ни даже часа — и посмеешь сказать Джама, судье ада, что ты исполнил высшую волю? А если он ответит тебе: «Боги хотели только испытать твоё мужество; помощь пришла бы, если бы ты не отчаивался». Послушай, Утсара, что говорит священная книга, и трепещи, что ужасный приговор ее не исполнен на тебе: «Тот, кто посягнул на свою жизнь, будет присужден к следующим мукам. Тысячи раз побывает он в телах пауков, змей, хамелеонов, водяных птиц, зловредных вампиров; затем он перейдет в тело собаки, вепря, осла, верблюда, козла, быка и, наконец, в тело парии». Так говорит Ману... Где же ты тут видишь, чтобы человеку позволено было уничтожить себя во избежание страданий и испытаний, посланных ему богами?

Все образование, получаемое индусами, заключается в знании стихов Веды и Ману, которые их заставляют учить на память с самого раннего детства; факир, так же хорошо знавший эти стихи, как и падиал, глубоко задумался, когда последний напомнил ему о них. Слова священной книги всегда производят сильное впечатление на индусов. После нескольких минут размышления Утсара отвечал:

— Ты, быть может, прав; чего же ты хочешь от меня?

— Чтобы ты вместе со мной терпеливо ждал и обратился к духу — покровителю твоей семьи. Я поступлю так же. И если при первых муках голода к нам не явится никакой помощи ни с неба,

ни от людей, тогда, клянусь тебе страшной клятвой, я первый убью себя на твоих глазах, ибо не думаю, чтобы боги радовались, если два человека, точно хищные звери, набросятся друг на друга.

— Пусть так! Я согласен, — отвечал факир, пересиливая себя, — но когда наступит час, вспомни свою клятву.

Вера преобразила падиала; это был уже не тот человек. Как все слабые и суеверные люди, он не размышлял о безысходности своего положения. Нужно было чудо, чтобы спасти их, но он глубоко верил в такое чудо, и этого было достаточно, чтобы к нему вернулось мужество, на которое факир, привыкший к его трусости, не считал его способным.

Он хотел отвечать своему товарищу, что тот может рассчитывать на его слово, как вдруг остановился в самом начале своей фразы и так громко вскрикнул от удивления, что факир вздрогнул.

— Что с тобой еще? — спросил он.

— Смотри, смотри! — воскликнул падиал с невыразимой радостью.

— Куда? — спросил факир, который успел уже потушить свою свечу.

— Туда! Туда! В воду!

Факир взглянул на указанное ему место и не мог сдержать крика удивления. На глубине двадцать метров под водой виднелся на ровном месте светлый круг, окруженный лучами.

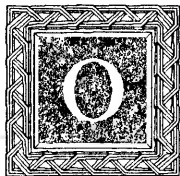
— Видишь, факир! Видишь! — кричал падиал вне себя от восторга. — Не сами ли боги посылают нам этот знак, чтобы показать нам, что они слышали и одобряют наше решение?

— Увы! Еще одна мечта, мой бедный Хамед! — отвечал факир, сразу понявший причину странного явления. — Это, напротив, уничтожает последнюю надежду, которая нам оставалась, ибо указывает на то, что длинная галерея, в которой мы находимся, устроена для проветривания, как я и предполагал. Солнце, проходя в эту минуту прямо над колодцем, бросает свое отражение, видимое нами на дне. Смотри! Вот круг меняет уже свою форму по мере того, как дневное светило дальше совершает свой путь... Он появится завтра и даст нам возможность — жалкое утешение! — точно определять дни, оставшиеся нам для жизни...

Был действительно полдень, и, как правильно сказал факир, светлый круг постепенно изменял свою форму. Затем он исчез, и они снова остались среди безмолвной и зловещей темноты...

III

Смертельная тоска. — Тяжелые сны. — План факира.
— Две минуты под водой. — Бегство. — Замурован-
ный в погреб. — Брахматма. — Спасение. — Отъезд.

СТАТОК ДНЯ ПРОШЕЛ БЕЗ КАКИХ-ЛИБО изменений в положении пленников; кроме уверенности в том, что им нечего ждать помощи не придет к ним извне, их воображение поражала еще зловещая тишина, царившая вокруг. Тишина эта в конце концов привела их в состояние, близкое к помешательству.

Им чудилось, что они слышат странный шум и жужжание и видят перед собой фантастические призраки; казалось, к их лицам и полуобнаженным телам прикасаются холодные, костлявые руки скелетов. Они пробовали кричать, но голос, парализованный страхом, застревал у них в горле; покрытые холодным потом, еще более увеличивающим муки голода, которые начинали терзать их, несчастные впали в полное физическое изнеможение, перешедшее, к их счастью, в глубокий сон.

Утсара проснулся первый. Он не мог дать себе отчета, сколько времени он спал. Он чувствовал только, что этот отдых подкрепил его силы. Ровное и спокойное дыхание товарища указывало на то, что тот еще спит, а потому, оставив его в этом счастливом забвении своего положения, факир стал в сотый раз обдумывать способ выйти из этой адской тюрьмы. Он приступил к этому без особой надежды, ибо ему казалось, что им исчерпаны уже все разумные средства, и в сотый раз он уже приходил к сознанию своей полной беспомощности. Число трупов, скопившихся в верхнем подземелье, ясно говорило ему, что подземелье не возвращало жертв, доверенных ему.

Вдруг в голове его, более спокойной и ясной, чем накануне, возникла мысль, которую он с первого раза отверг, как совершенно неприменимую. Однако, как это всегда бывает, когда долго ломаешь себе голову над одним и тем же вопросом, который сначала вызывал одни только затруднения, последние мало-помалу стали казаться менее ужасными, а шансы на успех — более возможными. Результатом такого размышления у факира явилось желание попытаться привести в исполнение задуманный им план, хотя бы даже с опасностью жизни. Не лучше ли умереть, пробуя спастись, чем терпеливо ждать неизбежного конца?

Придя к такому заключению, он решил разбудить Дислад-Хамеда и сообщить ему о задуманном; он не знал, обладает ли падлал необходимыми качествами, чтобы следовать за ним в осуществлении смелого плана, на который он решился. Он уже

протянул руку, чтобы пошевелить спящего, и вдруг остановился... Бедный падиал видел какой-то сон и громко говорил... Ему снилось, что он находится на башне и исполняет обязанности ночного сторожа; только что он пробил последние часы ночи, объявив о появлении первых проблесков зари. И тут Утсара услышал, что он шепчет чудное воззвание к солнцу, молитву из «Ригведы», которое все индусы читают утром при восходе солнца, когда совершают свои омовения:

Дитя златого дня, мать радостной Авроры,
Ночь, в усыпальницу проникни божества,
Чтоб лучезарный царь из огненных чертогов
Восстал, сверкающий в молитвах бытия.

О, солнце! Восходя, ты озаряешь жнитво,
И лотоса несешь тончайший аромат.
Чисты в лучах твоих рожденные молитвы,
Сменяет времена твой светоносный взгляд.

Минувшие века! Да обновит вас Шива,
Дыханьем вечности в эфире возродив.
Скажите, сколько раз бессмертное светило
Ласкало бренный прах в лобзаниях немых?

Восстанем, смертные!. Вот Дух, огонь несущий,
От лона вечности пред нами восстает.
И «Все Великое» дыханьем вездесущим
Малейшим атомам жизнь мощную несет...

Факир при первых же словах падиала вспомнил, что первый раз в своей жизни здесь, в Колодце Молчания, он забыл исполнить религиозные предписания, которые каждый индус должен исполнять ежедневно на восходе и заходе солнца. Сон товарища он принял поэтому за предупреждение богов и, простершись ниц, прочел громким голосом молитвенное воззвание, первую половину которого произнес во сне Дислад-Хамед. Потом, спустившись по ступенькам до самой воды, омывающей конец лестницы, он совершил предписанное правилом омовение и прочитал обычный речитатив, которым заканчивается утренний церемониал:

Божественный зародыш, Дух Великий,
Сваямбхува, златого сын яйца.
Что озираешь вечно хаос многоликий
И смертному даруешь благодати творца.
Не отвергай молитв наших смиренных!
Источник благодостный и светлый жизни сей.
Прими твоих рабов надежды, гимны тленных
У каменных, священных алтарей.

Подкрепив себя этой молитвой, которая должна была уми-
лостивить богов, факир почувствовал прилив новой энергии и
уверенность, что не пройдет еще этот день, как они выйдут из
ужасной тюрьмы. Он поднялся к своему товарищу, продолжав-
шему спать, разбудил его и сказал:

— Падиал, во время твоего сна мысль Вишну посетила меня
и внушила мне план, от которого зависит наше спасение.

— Кто говорит со мной? Где я? — спросил сторож, унесенный
сном далеко от печальной действительности.

— Это я, Утсара, твой друг... Приди в себя, — отвечал факир.

— О! Зачем ты нарушил мой покой? Я находился в своей
хижине, в кругу своей семьи, приносил богам возлияния и читал
священные молитвы.

— Падиал, теперь не время снов, надо действовать, если ты
хочешь видеть свою семью наяву.

— Ты сам знаешь, что у нас нет никакой надежды выйти из
этого ужасного подземелья, мы столько раз пытались... А спать
было так приятно. Сон это — забвение...

— В том состоянии, в котором мы находимся, без пищи для
подкрепления сил, сон — это смерть, падиал! А я не хочу умирать
здесь.

— Что же ты хочешь сделать?

— Я уже говорил тебе, что получил внушение свыше. Слушай
меня и не перебивай! Время не терпит, и если мы пропустим
благоприятную минуту, то нам придется ждать завтрашнего дня
для исполнения моего плана. А кто знает, хватит ли у нас сил на
это...

— Говори, ни одно слово не сорвется у меня с языка.

— Ты заметил вчера светлый круг; он показался на дне ко-
лодца в тот момент, когда солнце проходило над его отверстием.
Нет сомнения, что существует сообщение между водой, омываю-
щей лестницу, на которой мы стоим, и колодцем на поверхности
земли. Так вот, когда сегодня снова появится этот круг, мы дол-
жны воспользоваться несколькими минутами, в течение кото-
рых он освещает точку сообщения двух резервуаров: нырнув под
воду, мы доберемся до светлого круга; а попав туда, нам ничего
не будет стоить добраться до выходного отверстия по внутрен-
ним выступам стен и выйти на свободу... Что ты скажешь о таком
внушении? Не само ли небо послало мне его?... Ты не отвечаешь!

— Увы, мой бедный Утсара! Весьма возможно, что твой план
удастся, но...

— Ты не умеешь плавать? — прервал его факир.

— Плавать я умею, — грустно отвечал Дислад-Хамед, — но я никогда не нырял и не в силах буду следовать за тобой.

— Хорошо, — отвечал факир, — я попробую один. А результатом воспользуемся мы оба; тебе даже легче будет, чем мне...

— Как! Ты хочешь меня покинуть и еще смеешься над моей несчастной участью...

— Клянусь Шивой, падиал! Ты еще не совсем проснулся... Ребенок понял бы, что я говорю. Неужели ты не знаешь, что мне известны все тайные входы во дворце Омра; чтобы не возбуждать подозрения, я вернусь к тебе ночью через верхнее подzemелье, как я это сделал, когда два дня тому назад пришел к тебе.

— Прости меня, — сказал бедняга, начинавший дрожать всем телом при мысли, что останется один в этом мрачном убежище, — но я так ослаб без пищи, что не понял тебя.

— Знай, падиал: Утсара не принадлежит к тем, что бросает своих товарищей в несчастье; хотя во всем, что произошло есть и твоя вина, но ты будешь спасен, клянусь тебе тенями предков, если только план мой удастся. Об одном только я попрошу тебя, когда вернусь, — помочь мне отомстить злодею Кишнае.

— О! В этом охотно поклянусь тебе, — отвечал падиал вполне искренним тоном, не дававшим возможности усомниться в его правдивости.

— Хорошо, Дислад!.. Теперь позволь мне подготовиться... Мне нельзя терять ни минуты времени, когда появится светлый круг.

Когда факир собирался похитить ночного сторожа у тхугов, он снял с себя всю одежду, и на нем оставалась только повязка, обмотанный вокруг чресл. Он снял ее и передал товарищу, чтобы ничто не мешало ему, когда он отправится вплавь по узкой трубе, служившей сообщением для двух резервуаров. Какой-нибудь самый незначительный выступ мог зацепить за полотно и помешать его движениям.

Сделав это, он набрал рукой воды и принялся растирать ею все суставы на ногах и руках, чтобы предотвратить возникновение судорог в самый критический момент отважного плавания.

— Как жаль, что вчера я из-за тебя потерял свой кинжал, — сказал он падиалу, продолжая размягчать свои члены, — я выйду отсюда без всяких средств к защите.

— Я нашел его, — отвечал сторож, — но не говорил тебе об этом, чтобы ты снова не обратил его против себя... Вот он!

— Благодарю... Он пригодится.

Затем он заплел длинные волосы, падавшие ему на плечи, и укрепил их узлом на макушке головы.

— Вот я и готов, — сказал он, — остается подождать. Главное — не пропустить надлежащей минуты и воспользоваться коротким

промежутком времени, когда будет освещено место сообщения. Никогда еще время не было так дорого для меня.

Стоя на последней ступеньке и устремив пристальный взгляд в черную глубину, оба с лихорадочным волнением ждали появления светлого круга, который должен был принести им освобождение или смерть... Они с нетерпением ждали какого бы то ни было конца; они боялись, что не успеют обменяться впечатлениями до появления солнечного луча, и минуты казались им вечно-стью...

Готовясь прыгнуть в воду при первом появлении света, Утсара сказал своему товарищу:

— Как только я скроюсь, поднимись по лестнице до того места, где кости: если вокруг дворца все пусто и если можно будет войти в него днем, я сейчас же приду освободить тебя.

— А если ты не придешь? — спросил падиал, вздрагивая.

— Неужели ты считаешь меня способным забыть свое обещание?

— Нет, но мне пришла в голову мысль, которая заставляет меня бояться за тебя.

— Какая?.. Ты колеблешься; не бойся, я готов на все.

— Не может ли случиться, — продолжал нерешительно падиал, — что сообщение между этим резервуаром и колодцем окажется настолько узким, что ты, попав туда, не будешь в состоянии двинуться ни назад, ни вперед; в таком случае...

— Я погибну от удушья! Ты это хотел сказать?

— Да, я думал именно об этом.

— Так что ж, мой бедный Дислад-Хамед; я также думал об этом, но ни ты, ни я ничем здесь помочь не можем, а потому лучше не ломать себе голову над подобными случайностями... Я добьюсь успеха или погибну... Если ты не увидишь меня через несколько часов, то напрасно будешь смотреть завтра в эту точку: свет не покажется на дне резервуара, если мое тело закроет собой трубу сообщения.

При этих словах, которые факир произнес с беззаботным видом, несмотря на то, что готовился пожертвовать своей жизнью, сторож Биджапура почувствовал, как к нему снова возвращается прежний страх... И какая действительно ужасная смерть ждала его — медленная, беспощадная, и к тому же в таком месте, которое его воображение населяло уже призраками и фантастическими существами!

— Я присоединюсь к тебе под водой, — прошептал он факиру, — лучше кончить таким способом, чем умереть от голода...

Снова тишина воцарилась под сырыми сводами погребца, и только у ступенек лестницы слышался время от времени дряб-

лый звук как бы от падающего в жидкую грязь камня: шум производила какая-нибудь из исполинских жаб, которая, прыгнув к виду двух неподвижно стоящих людей, решалась выйти из воды и принималась ползть по ступенькам грязных лестниц.

Так прошел целый час, но свет не показывался. Пленники, не имевшие при себе указателя времени, вообразили уже, что они во время сна пропустили благоприятный момент, и с ужасом начинали думать, что попытку факира пожертвовать собой для общей пользы придется отложить до завтра. Но вдруг в глубине воды показалось едва заметное беловатое пятнышко — отблеск солнечного света, лучи которого падали еще в косом направлении на отверстие колодца. Из груди пленников вырвался общий крик, в который они вложили всю силу своей души. Факир не ждал больше: схватив в зубы кинжал, он сложил руки и отважно бросился в липкую и грязную воду резервуара, сказав на прощание только два слова Дислад-Хамеду:

— Жди и надейся!

В течение одной минуты падиал мог следить только за различными движениями, происходившими под водой. Но светлый круг, увеличиваясь в размерах, вместе с тем становился и светлее, и Дислад в продолжение нескольких секунд видел, как к этому кругу приближалась черная масса: вот она остановилась, как бы исследуя место, вот снова двинулась дальше, затем вытянулась, а вместе с ней стало уменьшаться и светлое пространство. Затем все исчезло: факир проник в проход.

Дислад-Хамед упал на колени и вознес молитвы за своего товарища, обращаясь к добрым духам, которые покровительствуют людям во всех делах. Но не успел он произнести и нескольких слов своего воззвания, как с криком радости вскочил на ноги и принялся танцевать, как безумный, рискуя потерять равновесие на скользкой лестнице и упасть в воду... Все страхи его сразу исчезли. Не прошло и минуты — наибольший промежуток времени, в течение которого самый здоровый человек может оставаться под водой, — как светлый круг снова предстал перед восторженными взорами ночного сторожа... Сомнений нет! Факир преуспел в своем отчаянном предприятии, и при этом с большою легкостью, насколько мог судить падиал... Теперь он мог спокойно ждать прихода своего друга; освобождение становилось вопросом минут или часов, смотря по тому, когда факир проникнет в замок... Когда прошли первые минуты упоения, падиал поднялся по ступенькам подземной лестницы, вошел в подвал, куда Кишная приказал его залереть, и ждал там, чтобы быть готовым ответить на первый же зов своего товарища.

Утсара провел часть своей жизни в Сальсете и, как все индусы, живущие вблизи океана и больших рек, был превосходным пловцом и водолазом; тем не менее он мог бы потерпеть полную неудачу в своем предприятии, встретить он хотя бы малейшее препятствие в подводном сообщении между мрачной тюрьмой и колодцем. Это сообщение было устроено на глубине тридцать метров от поверхности воды. Самый искусный ловец жемчуга может нырнуть на глубину не более шестнадцати-восемнадцати метров, а потому Утсара мог только со сверхчеловеческими усилиями, цепляясь за камни промежуточной стены, добраться до сообщения между двумя резервуарами воды... В ту минуту, когда у него не хватало уже дыхания и сдавленная грудь, несмотря на все его усилия, требовала нового запаса воздуха, невообразимое чувство отвращения едва не заставило его открыть рот, и он с трудом поборол это судорожное движение... Он увидел вокруг себя массу огромных отвратительных водяных саламандр; дрожа всем телом и понимая, что малейшая капля воды, попавшая в бронхи, может вызвать обморок и погубит его, он собрал свои последние силы и благополучно проплыл сообщение между двумя массами воды. Отверстие, сделанное в стене колодца, было настолько широко, что через него могли сразу пройти четыре-пять человек; только благодаря такому расположению лучи солнца проникали сверху и, падая перпендикулярно на дно колодца, отражались во втором резервуаре.

Это сообщение, как мы уже сказали, было устроено, для того, чтобы дать выход зловонным газам — продуктам разложения трупов, брошенных в подземелье, иначе они заразили бы весь замок. Никто, конечно, не думал, чтобы при такой глубине всего устройства и той массы воды, которая находилась там, возможно было бегство из подземелья. Как только Утсара очутился в колодце, он тотчас же с помощью рук и ног вскарабкался по стене и очутился на поверхности.

Вздохнув наконец полной грудью, он едва не потерял сознание и вынужден был ухватиться за один из каменных выступов, которые устраиваются каменщиками в колодцах для облегчения ремонта. После непродолжительного отдыха он начал карабкаться вверх над водой и, достигнув верхнего края колодца, внимательно прислушался, прежде чем высунуть наружу голову; он хотел убедиться сначала, не рискует ли он жизнью, покидая убежище, предоставляемое колодцем. Жгучие лучи солнца заливали всю равнину у подошвы древнего дворца Омра, и земля пылала, раскаленная зноем, при котором даже туземцы не выходят из своих домов без настоящей необходимости.

Было около полудня — час, когда лучи солнца, достигнув зенита, падают в колодец, производя тот странный феномен, которому Утсара был обязан своим спасением. Жар в это время становится в Индии удручающим, и все кругом бездействует; люди и животные отдыхают в тени густых тамариндов, на тропинках джунглей, под листовыми крышами шалашей, внутри дворцов; всякая работа останавливается, всякая деятельность замирает. Легкие вдыхают огонь, а по жилам течет вялая, бледная кровь; все ждет, чтобы в зависимости от местности, морской бриз или северный ветер принес свежесть и жизнь.

Видя, что все безмолвно кругом, Утсара решил покинуть свое убежище и, как змея, пополз в соседнюю рощу молодых пальм, покрытых ползучими лианами, куда не было доступа жгучим лучам солнца. Он оставался там лишь до тех пор, пока не убедился, что никто его не видел; дворец Адил-шаха находился в нескольких шагах и был обращен к нему одной из наименее посещаемых сторон. Вокруг дворца шел ров, и в этой его части находился один из потайных ходов, известный только посвященным; факир проскользнул в высокую траву, которая скрывала доступ к ходу, и исчез внутри... Он спешил вернуть падиалу свободу и затем бежать в Джахара-Бауг, чтобы успокоить брахмату относительно своего исчезновения.

Мертвое молчание царило в этой части дворца, куда редко кто ходил и где находились потайные тюрьмы, подвалы и подземелья, предназначенные для сотен жертв, которых преследовали раджи; зал, куда выходил Колодец Молчания, был также недалеко. Утсара поспешил туда, задерживая дыхание и заглушая шум босых ног по каменным ступеням.

Факир не знал, что произошло, но инстинктивно чувствовал, что для него было бы опасно встретить одного из своих коллег, служащих тайному трибуналу; он не знал, входит ли в намерения его начальника, брахматмы, чтобы факиры замка Омра знали настоящее имя того, кого они принимали за главу Тайного Совета. Так как факиры бросили падиалу в Колодец Молчания по приказанию тхуга, то ясно, что пойманный ими в тот момент, когда он будет освобождать Дислад-Хамеда, Утсара для объяснения своего поступка должен будет открыть им тайну. Но, может быть, это пока не согласуется с планами брахматмы? Надо быть во всяком случае осторожным.

Утсара без всяких препятствий дошел до зала, где находилось отверстие в подземелье, и считал уже успех обеспеченным, когда, наклонившись, чтобы приподнять плиту, он к своему ужасу увидел, что она заделана цементом.

Невыразимое волнение сжало ему сердце, и он вынужден был прислониться к стене, чтобы не упасть... Что делать теперь, чтобы спасти падиала?.. Снять плиту, очистив ее предварительно от цемента с помощью долота, невозможно. На это, во-первых, потребовалось бы несколько часов, а во-вторых при стуках молотка о долото бесчисленное эхо каменных сводов разнеслось бы по всем направлениям огромного здания, и тогда Утсара попал бы в руки тайного трибунала, не доведя до конца начатого дела... А несчастный падиал ждал его там, конечно, дрожа от радости и полный доверия к слову факира.

— Что делать? Что делать? — шептал Утсара, уверенный, что другого сообщения с Колодцем Молчания не существует. И он стоял неподвижно, не будучи в состоянии привести в порядок свои мысли... Наконец он вспомнил того, о ком должен был подумать с самого начала.

— Один только брахматма, — сказал он себе, — может решить эту задачу... И он должен решить; я не изменю своей клятве; скорее я вернусь к падиалу, чтобы умереть вместе с ним или чтобы спасти его тем же путем, каким я сам вышел... — И он сделал бы это, ибо индус согласится скорее умереть какой угодно смертью, чем нарушить клятву. Нет ни одного народа, который был бы в такой мере рабом своей клятвы.

В ту минуту, когда он собирался уже идти в Джахара-Бауг, где рассчитывал найти верховного вождя общества Духов Вод, на лестнице, ведущей в зал, где он находился, послышался какой-то шум... Чтобы не быть захваченным врасплох, он поспешил в потайной ход внутри стены, который соединял две части замка и который, как ему было известно, вел к террасе седьмого этажа дворца. Машинально стал он подниматься по ступенькам с единственной целью добраться до такого места, где он был бы в безопасности и мог дожидаться ночи; решил, что днем ему трудно будет пройти во дворец брахматмы, не обратив на себя внимания... Но в ту минуту, когда факир хотел войти в комнату, предшествовавшую террасе, он остановился и едва не вскрикнул... Там был брахматма... Он, казалось, спал, опираясь локтем о стол и поддерживая руками голову; восклицание факира вывело его из дремотного состояния. Он обернулся и увидел своего верного слугу.

— Ты здесь, Утсара? — сказал он с удивлением. — Где ты был? Что ты делал в течение этих двадцати четырех часов?

— Господин, — отвечал индус, — где я был? В Колодце Молчания. Что я делал? Я вышел оттуда.

— В Колодце Молчания?! — воскликнул брахматма. — Ты вышел из Колодца Молчания?

— Да, господин! Узнав из разговора факиров Тайного Совета, что Кишнаия приказал запереть падиала в подвале для пыток, я решил похитить его, дабы он не выдал наших тайн главарию душителей. Но едва я попал в Колодец Молчания, как пришли факиры, чтобы вести падиала на допрос по приказанию Кишнаии. Увидев отверстие подвала открытым, они подумали, что кто то приходил на помощь Дислад-Хамеду и что тот убежал. Позвав его два или три раза и не получив ответа, — я лежал в самом темном углу подвала, — они положили плиты на место, убежденные в том, что, их по словам, «птица улетела». Не имея надежды на помощь извне, мы думали с падиалом, что уже погибли. Но мы искали и нашли...

— Другое сообщение, которое ведет туда? — перебил его брахматма.

— Нет, — отвечал факир, — мы нашли лестницу, которая идет чуть ли не в самые недра земли.

— Я знаю ее, она ведет в резервуар, воды которого сообщаются с колодцем у рвов северной части дворца.

— Да, господин! Через этот колодец я и вышел.

— Быть не может! — воскликнул Арджуна.

— Клянусь, господин!

— Но как ты это сделал?

— Ведь этот вытяжной колодец сообщается с внутренним резервуаром. Ну, я нырнул в резервуар и, пройдя соединяющую трубу, вынырнул на свежий воздух в колодце.

— Удивительно! — воскликнул брахматма. — Не думаю, что бы кто-нибудь другой, кроме тебя, мог совершить такой сверхчеловеческий подвиг; я знаю глубину этих двух резервуаров. Но ты здоров и невредим, а это главное.

— Верно, господин, но падиал не мог следовать за мной.

— Тем лучше! Случай избавляет нас от этого человека и мы должны радоваться этому. Это предатель, всегда готовый предложить свои услуги тому, кто ему больше даст — англичанам, душителям или нам — и я не верю искренности его слов, хотя в последнюю минуту он перешел на нашу сторону. Он неминуемо должен был получить наказание за свои измены.

— Господин, я обещал спасти его.

— Так что ж! Не можешь же ты идти за ним, взваливать его себе на спину и пронести его тем путем, которым ты пришел. Когда невозможно сдержать данное слово, оно ни к чему тебя не обязывает ни перед богами, ни перед людьми.

— А между тем, господин, я вернусь к нему через колодец.

— Ты не сделаешь такого безумства, вы погибнете там оба.

— Я должен сделать это.

— Я запрещаю тебе... Ты мне нужен, и притом сегодня.
— Господин, — отвечал факир, — я дал страшную клятву.
— Зачем же ты не сказал этого сразу? — сказал Арджуна, быстро вскакивая с места. — Следуй за мной... Через пять минут я верну тебе падиала.

— Неужели?

— Да! Так же легко, как и сам я вышел оттуда всего два часа тому назад, со всеми членами нового Тайного Совета, который я создал третьего дня.

— Что ты говоришь, господин!

— Истинную правду... Сегодня ночью Джахара-Баут окружил батальон англичан под предводительством Кишнаи и всех нас взяли в плен. О! Он хороший игрок, этот Кишнаи, он ловко перехитрил нас! Он сделал только маленький промах, бросив нас в Колодец Молчания и приказав заделать цементом плиту подвала, который предназначался нам вместо могилы; он не знал, что там есть три тайных прохода, как в подвале, так и на лестницах, а потому через пять минут мы уже были свободны. Теперь мы готовы отплатить ему тем же... Иди за мной, мы освободим Дислад-Хамеда, но если впредь он будет вести себя также — ему не остаться в живых! Мы пришли... Нажми рукой на эту каменную резьбу.

— Что это! — воскликнул Утсара. — Стена поддается.

— Она укреплена на стержне... Зови своего друга.

— Дислад-Хамед! Дислад-Хамед! — крикнул факир.

— Это ты, Утсара? — отвечал голос изнутри.

— Да, я пришел с нашим брахматмой освободить тебя; иди сюда на мой голос, мы пришли совсем с другой стороны, а не с той, где ты ждал.

Факир сделал несколько шагов и, протянув руку, взял руку падиала, чтобы помочь ему выйти из мрачной темницы.

— Вот ты и спасен, — сказал он, — я сдержал свою клятву; постарайся не забыть своей, ибо при малейшей измене...

— Я поклялся никому не служить, кроме тебя, Утсара, если ты спасешь мне жизнь. Ты можешь рассчитывать на мою верность, я твой до самой смерти; я разделю с тобой труды и опасности. Мой сын уже вырос и может заменить меня, а я не уйду от тебя.

— И ты не будешь в этом раскаиваться! — с важностью отвечал ему факир.

Ему чрезвычайно льстило, что он мог так распоряжаться другим человеком и что его в свою очередь будут называть господином. В этот день честный Утсара, привыкший только повиноваться, узнал, что такое власть.

Отношения такого рода не редкость в Индии, когда один туземец спасает жизнь другому. Последний в порыве благодарности клянется быть преданным своему спасителю и служить ему до конца своих дней. Он делается членом семьи господина, которому отдает себя, а тот взамен обязан заботиться о нем, кормить, одевать; если слуга женится, жена его также живет в доме патрона. Это нечто вроде добровольного рабства, которое не признается законом, но освящено обычаями.

Утсара был в восторге, что у него есть человек, которому он может покровительствовать, несмотря на то, что это был такой трус, как Дислад-Хамед; видя, что его честолюбивые планы потерпели неудачу, падиал не прочь был обеспечить себя пищей и кровом на остаток своих дней. Условие, заключенное им, давало ему возможность жить во дворце Джахара-Баут, а он знал, что людям, служащим у брахматмы, жилось хорошо во всех отношениях.

Когда все трое вернулись на террасу дворца, брахматма сказал факиру без всяких предисловий:

— Ты знаешь, что я отправил нашего друга Анандраена в Пондишери, передав через него поручение сановнику, который управляет французской территорией во время отсутствия Сердара, а затем вернул его сюда в Биджапур. Ты отправишься туда теперь с твоим помощником и передашь то же поручение. На обратном пути вы будете, по всей вероятности, проводниками полка морской пехоты... Постарайтесь устроить все побыстрее, чтобы вернуться сюда дней через десять, не позже. Для обратного пути ты выберешь самую пустынную дорогу; когда вы будете у лесов Повуара, в шести милях отсюда, ты скроешь там нашу маленькую армию, затем пошлешь падиала предупредить меня, чтобы я мог принять необходимые меры и в следующую ночь без боя захватить Джона Лоуренса со всем его штабом и свитой. Я не скрываю от тебя своих планов, чтобы ты понял всю важность поручения и не терял ни минуты в дороге. Я знаю, Утсара, что могу рассчитывать на твою верность, но если падиал вздумает изменить нам, самой ужасной смерти будет мало, чтобы наказать его за это преступление.

— Не бойся, господин, мы теперь можем довериться ему; ты знаешь, что ни один индус не нарушает «страшной клятвы». Дислад-Хамед два раза произнес ее, а он не захочет подвергнуть себя двойному наказанию в будущей жизни, не считая того, какое ждет его в этой.

Падиал, как и надо было ожидать, рассыпался в уверениях преданности; на него действительно можно было теперь вполне полагаться, ибо будучи суеверным, как и все люди его племени,

он не способен был пренебречь ужасными наказаниями, которые ждали клятвопреступника.

Для того чтобы это путешествие совершилось без затруднений, брахматма разрешил им взять Тамби, великолепного слона из Джахара-Бауга, и затем отпустил их. Факир и падиал поспешили к самой отдаленной части дворца, которая выходила в сторону необитаемых развалин древнего Биджапура, и, выйдя оттуда незамеченными, направились к дворцу брахматмы.

Путь их проходил мимо хижины падиала, который зашел туда, чтобы торжественно передать свои обязанности сыну, так как должность ночного сторожа считается в туземных городах наследственной. Спустя нескольких минут оба входили в пустой дворец верховного вождя общества Духов Вод. Когда затем падиал привел свою жену и водворил ее в новое жилище, Утсара доверил ей от имени Арджуны надзор за дворцом Джахара-Баут до тех пор, пока обстоятельства не позволят верховному вождю вернуться обратно.

Странная вещь, но в соответствии со старыми традициями Востока самое роскошное жилище может считаться в безопасности от воров до тех пор, пока находится под защитой женщины. Если вы должны отлучиться куда-нибудь, вам достаточно оставить в своем доме женщину с ребенком, чтобы бродяги не тронули его, даже в том случае, если он открыт. Таковы нравы Декана.

После довольно плотного обеда, в котором освобожденные пленники нуждались после своего длительного голодания, Утсара и Дислад-Хамед отправились в загон слона Тамби; к своему удивлению они, нашли там карнака, не оставившего своего поста. В ту ночь, когда англичане арестовали не только брахматму и всех членов Совета Семи, но и всех слуг, они вынуждены были оставить карнака Синнасами ввиду беспокойного поведения слона. Пять минут спустя на спине Тамби поместили хаудах, а затем его подвели к амбарам и кладовым дворца, где нагрузили всякой провизией, чтобы путникам не приходилось останавливаться в дороге.

Они двинулись в путь с наступлением ночи, потому что брахматма приказал им ждать захода солнца, чтобы не обратить на себя внимания. Но, несмотря на эту предосторожность, их заметили. Когда они выехали из развалин Биджапура и направились по старой брахманской дороге, третья часть которой тянется вдоль тенистых берегов Кришны, из развалин вышел скороход-туземец из касты бегунов и бросился по их следам ровным и легким бегом; такой аллюр они могут поддерживать целые месяцы, утомляя самых сильных лошадей; недаром бегунов считают самыми знаменитыми скороходами в мире.

IV

Оправданное подозрение. — Шпион. — Остановка в лесу. — Отдых. — Волшебный куст. — Парализованный страхом. — Призрак. — Кража.

ТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ? КТО МОГ ОТПРАВИТЬ бегуна по следам послов?

Несмотря на все старания Сердара скрыть свой приезд в Индию, повсюду разнесся слух, что он инкогнито высадился на берег и снова сделался душой готовившегося восстания. Кто мог распространить этот слух? Фредерика де

Монморена видели только двое-трое из его близких друзей, которые позволили бы скорее четвертовать себя, чем кому-либо открыть эту тайну. Самые тщательные розыски не могли бы указать источник этих слухов. Но есть вещи, которые носятся в воздухе и которые никто не может объяснить. Весьма возможно, что в данном случае сами индусы, у которых мысль о восстании была всегда неразрывно связана с именем их любимого героя, решили, что общее восстание немыслимо без Сердара... Как бы там ни было, но этот слух распространялся с таким упорством, что Кишная предупредил своих приверженцев о необходимости иметь этот факт в виду, ибо в одно прекрасное утро они могут проснуться в пламени пожара, которое пожрет их в первую очередь. Предводитель тхугов сообщил также о своих подозрениях сэру Лоуренсу, который согласился с ним, что такими слухами не следует пренебрегать, и предоставил ему со своей стороны полную свободу действий.

Но как открыть убежище знаменитого авантюриста? Было почти достоверно известно, что он скрывался не в Нухурмуре, потому что оттуда он не мог бы отдавать свои приказы. Шпионы главаря душителей, которых последний постоянно держал в Велуре, не замечали никакого особенного движения в горах, — а они не могли бы не заметить частого появления и исчезновения послов, что указывало бы на присутствие Сердара. Не было его также и в Пондишери, ибо во французском городе он не мог оставаться неизвестным даже и в течение двадцати четырех часов. Не мог он скрываться и у раджей Юга, ибо резиденты, от которых ничто не ускользало, официально объявили бы об этом. Даже сам губернатор Бомбея, которому поручено было осторожно навести справки, не нашел ли Сердар приюта у своего зятя полковника Кемпбелла, отвечал, что хорошо всем известные патристические чувства полковника ставят его выше всяких подо-

зрений и он ручается за то, что последний никогда не приютит у себя бунтовщика.

И действительно, когда губернатор спросил прямо полковника, как он поступит, если когда-нибудь зять его попросит у него приюта, тот отвечал ему:

— Как англичанин я запретил бы ему вход в свой дом; как офицер я знаю свой долг и никому не поручил бы арестовать его.

Фредерик де Монморен второй раз подвергал опасности британское владычество в Индии, а потому полковник Кемпбелл не мог дать другого ответа.

Проследив таким образом все места, где мог быть Сердар и где его не оказалось, Кишнайя пришел к весьма логическому заключению, что в том случае, если Сердар находится в Индии, он может быть только в Биджапуре, где ему легко скрыться благодаря внутреннему расположению дворцов Омра и Джахара-Баут.

Главарь душителей, несмотря на всю свою хитрость, не смог получить от брахматмы Арджуны точного плана внутреннего устройства обеих резиденций, и в древнем замке Адил-шаха последний из факиров лучше его знал все потайные ходы. При таком положении дел ему ничего не оставалось, как поручить наблюдение за дворцами своим людям, которым он доверял гораздо больше, чем факирам общества Духов Вод.

В день бегства Утсара Кишнайя сообщили, что любимый факир брахматмы вышел около голудня из колодца, где он неизвестно почему прятался, и затем исчез в кустах на дне рва, который окружает дворец, однако следов его нигде не нашли. При этом известии Кишнайя, который боялся, что факир будет содействовать бегству его пленников, отправился немедленно в зал, где находился вход в Колодец Молчания, и пришел туда через несколько минут после того, как Утсара оттуда вышел. Он успокоился, видя плиту нетронутой, но прежде чем уйти, оставил одного из своих слуг, приказав ему немедленно уведомить его, если произойдет что-нибудь особенное.

Факира, как видите, могли застать в самый момент освобождения им падиала: он находился еще в зале, когда шум шагов одного из людей Кишнайи привлек его внимание и заставил броситься в один из потайных ходов. В этой борьбе хитростей и уловок большую роль играл случай, роль которого в делах человеческих ни в коей мере нельзя отвергать. Появись только на лестнице в известный момент кто-либо из людей Кишнайи — и дела приняли бы совсем другой оборот. Утсара был бы захвачен во время своих размышлений и убит на месте при попытке оказать сопротивление. Последствия же были бы таковы: падиал

умер бы от голода в мрачной тюрьме, а сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, был бы спасен, в чем вы убедитесь в свое время. В жизни нередко случается, что самые ничтожные события становятся необычайно важными по своим неожиданным результатам.

Спустя несколько минут после того, как Кишнайя вернулся к себе, ему доложили, что Утсара и падиал отправились в Джахара-Бауг, остановившись по дороге на несколько минут в хижи-не падиала.

На этот раз главарь душителей отказался верить сделанному донесению, пока не убедился в этом собственными глазами... Каким образом падиал, всего два дня тому назад бежавший из Колодца Молчания, — по крайней мере, судя по донесению факиров, которые нашли колодец открытым, — осмелился свободно ходить по улицам Биджапура? Это так мало согласовывалось с известной трусостью Дислад-Хамеда, что недоверие Кишнайя было вполне понятно. Убедиться в верности донесения было нетрудно — стоило только спрятаться в развалинах, находившихся ближе к дворцу. Так и сделал душитель, убедившись самолично, что с доверенным человеком брахматмы ходит его пленник во плоти и крови. Шпион, скрытый в роще, подслушал несколько слов из разговора и донес ему, что оба отправляются в Пондишери; он видел даже, как Утсара бережно нес в руке белый конверт, не зная, куда лучше его спрятать, чтобы не смять, и положил его наконец в ящик хаудаха.

Нет сомнения! Сердар скрывался или в Джахара-Бауге, или во дворце Омра. Отсюда он ведет переписку со своими друзьями на французской территории и отправляет, быть может, приказ прислать ему подкрепление... А потому в данный момент важнее всего было завладеть письмом, которое оба посла везли на французскую территорию. Там должно скрываться объяснение многих непонятных фактов.

На минуту Кишнайе пришла в голову мысль арестовать послов. Однако слух об этом немедленно дошел бы до ушей Сердара, если послание исходит от него; Кишнайя же выигрывал несравненно больше, сразу удостоверившись и в присутствии своего врага, и в его намерениях. Он решил поэтому предоставить послам ехать своей дорогой и постараться похитить у них конверт, который они везли с собой. Он обратился к одному из самых ловких бегунов в городе, который согласился за весьма хорошую плату исполнить для него это деликатное поручение. Мы видели уже, как этот туземец бросился по следам маленького каравана, ехавшего вдоль Кришны, по старинной мощеной дороге, которая ведет из Биджапура в Мадрас, а одна из ее ветвей поворачивает

к французскому городу Пондишери, или просто Понди, как зовут его туземцы.

Слон Тамби бежал хорошо, но скороход не поддавался усталости; караван шел целую ночь, не останавливаясь, и до одиннадцати часов следующего дня не случилось ничего особенного ни с той, ни с другой стороны. Но тут голод и жара заставили путешественников остановиться. В это время они ехали по обширному лесу, который еще не кончился. Утсара выбрал для остановки одно из самых тенистых и прохладных мест леса, где они намерены были остаться до четырех часов дня, когда несколько спадет удушливый зной. Каждый день они должны были идти по девятнадцать-двадцать часов, а отдыхать — не более четырех-пяти, включая сюда еду и сон. При такой езде они должны были прибыть в Пондишери дней через семь.

Тамби освободили от хаудаха, который поставили под огромным баньяном, приютившим под своей тенью и туземцев, и пустили слона пастись в лесу на свободе, пока хозяева готовили национальное блюдо индусов — *керри*.

Тамби, однако, не занимался восстановлением своих сил; он был, видимо, чем-то озабочен, смотрел далеко в лес и время времени он наполнял воздух мелодичными звуками, которыми природа наделила его и которые имели отдаленное сходство со звуками тромбона в руках человека, только что познакомившегося, как справляться с его мундштуком.

— Что случилось с Тамби? — удивился карнак. — Я никогда еще не видел его в таком состоянии.

— Ба! — отвечал факир. — Не стоит беспокоиться. Мы находимся в самой чаще леса, и ветер приносит ему время от времени испарения хищников — вот он и тревожится. Это не должно мешать нам заниматься своим делом.

Это замечание показалось вполне благоразумным, и все трое вернулись к своим занятиям: один разводил огонь, другой готовил рис, третий с помощью гранитной скалки растирал на камне «*mossabes*», род смеси из кориандра, корней куркумы, или индийского шафрана, индийского перца и мякоти кокосового ореха, предназначенной для приправ керри.

Видя, что спутники не обращают внимания на его крики, слон успокоился и ни о чем больше не заботился, кроме пищи.

Когда керри был готов и съеден с аппетитом, на который способны лишь люди, не евшие целые сутки, все трое растянулись на циновках, собираясь уснуть, но так, чтобы не терять из виду хаудаха, где находилось драгоценное письмо. Карнак и Утсара скоро заснули, но падиал не мог последовать их примеру; крики слона и его пристальный взгляд, устремленный в глубину леса,

крайне беспокоили его, и он невольно спрашивал себя, не предвещает ли это более или менее близкой опасности, которой напрасно пренебрегали его спутники... Несмотря на это, сон мало-помалу начал овладевать им, что усиливалось еще деятельностью пищеварения; он уже собирался поддаться искушению, когда ему показалось, что в двадцати шагах от хаудаха появился вдруг куст, которого он как будто раньше не замечал. Это показалось ему не особенно важным, и он закрыл глаза, твердо решив на этот раз уступить сну. Над его ухом пискливо зажуужжал москит; он небрежно отогнал его рукой, и тогда ему захотелось еще раз взглянуть на кустарник... Было ли то странное влияние сна, только ему показалось, что куст переменял место и продвинулся еще дальше.

— Клянусь Шивой! — подумал падиал и невольно вздрогнул. — Вот странный лес, где кустарники сами по себе двигаются с места. Буду спать... Это, верно, от усталости.

И на этот раз он закрыл глаза с твердым намерением не открывать их больше. Но он не учел непобедимого чувства страха, который овладел им и которого он никак не мог отогнать. Медленно, точно стыдясь своего чувства, приподнял он веки, чтобы только взглянуть сквозь ресницы... Он едва не вскрикнул от изумления и испуга, увидев, что куст почти совсем приблизился к хаудаху. Бледный от ужаса, он хотел протянуть руку и разбудить своего товарища или, вернее, своего господина Утсару, как рослый человек, голый, как червяк, и черный, как туземцы Малабарского берега, выскочил из-за куста с громадным кинжалом в руке и, приложив палец к губам, сделал ему знак молчать, не то... Ту же руку он приложил затем к сердцу, что падиал понял как угрозу вонзить ему в сердце ужасный кинжал.

Бедняга сразу сообразил, что он погибнет прежде, чем его спутники проснутся, а так как от него требовали одного только молчания, то он опустил руку и лежал неподвижно с растерянным взглядом. Призрак был, по-видимому, доволен его повиновением и, не теряя ни минуты на дальнейшую жестикуляцию, склонился над хаудахом, протянул руку, поспешно схватил находившийся там конверт и исчез за кустом, который с поразительной быстротой стал двигаться обратно и скоро потерялся в соседней роще. Только по прошествии получаса, не видя ничего и не слыша, падиал пришел в себя и... заснул.

Сон его был непродолжителен; ему снились самые фантастические сны, смешанные со всеми событиями, которые произошли за эти несколько дней. Он проходил через разнообразные испытания, подвергался странным приключениям и наконец проснулся, еле переводя дыхание и весь покрытый потом... Товарищи

его еще спали, и он решил умолчать о том, что видел, во избежание упреков и чтобы уйти от ответственности, значение которой он понимал. Узнав об ужасе, с которым он не мог справиться и который точно пригвоздил его к земле, Утсара, наверное, возразил бы ему, что он ничем не рисковал, разбудив его в тот момент, когда фантастический куст уже удалялся от хаудаха. Факир мог бы броситься за похитителем и догнать его с помощью Тамби.

Умолчав о случившемся, он избегал всякого риска, а факир, не находя письма, никого не будет обвинять и подумает, что оно потерялось в дороге.

Эта кража между тем привела к таким последствиям, которых никто не мог ожидать. Как только Кишнаия получил это письмо, он немедленно приказал перевести, так как оно было написано по-французски. Отправитель не подписал его, и ни одно из употребленных в нем выражений не указывало на него как на автора. Предвидя случайную потерю этого послания, он рекомендовал Утсару исполняющему должность губернатора как человека, на которого можно положиться, и посылал его от лица брахматмы. Одна только последняя фраза могла показаться важной, ибо в ней говорилось следующее:

*Полковник, командующий полком морской пехоты,
на нашей стороне; вы можете быть с ним откровенны.*

Кишнаия немедленно передал это письмо сэру Лоуренсу, который, не теряя времени, телеграфировал английскому посланнику в Париж, а последний, поняв важность этого дела, бросил все, и отправился к министру иностранных дел и передал ему телеграмму.

Провожая его, министр сказал ему:

— Теперь девять часов, а заседание министров начинается в десять; я доложу на нем об этом деле. Даю честное слово, что в одиннадцать часов в Индию уже будет послана депеша.

Мы скоро увидим, какие последствия принесло малодушие Дислад-Хамеда и как повлияло оно на ход всех дел и успех восстания.

Утсара проснулся, ничего не подозревая; ему не пришло даже в голову заглянуть в хаудах и убедиться, там ли еще положенное им письмо. В четыре часа Тамби, призванный свистком своего карнака, был снова нагружен, и все трое продолжали со свежими силами дальнейший путь.

Дней через шесть они без всяких приключений прибыли в столицу французских владений в Индии.

МЫ НЕ ЗНАЕМ НИЧЕГО ПРЕЛЕСТНЕЕ ГРА-
циозного города Пондишери, который спокой-
но греется на солнышке Коромандельского
берега за тройным поясом морских волн. Со
своими домами самой разнообразной архитек-
туры, украшенными верандами и окруженны-
ми чудными садами, с широкими и чистыми

улицами, обширной правительственной площадью, Шаброль-
ской набережной, усаженной огромными деревьями, с живопис-
ным и оживленным базаром, туземными окраинами, которые
точно пояс из зелени и хижин индусов окаймляют его с севера на
юг, со своими фонтанами хрустальной воды и бульварами он
представляет собой поистине самый восхитительный город Вос-
тока. Все дома его изящно выстроены и выкрашены в нежные
цвета, которые прекрасно сочетаются с вечно чистой лазурью
неба; своей архитектурой они напоминают дворцы. Невозможно
смотреть на этот город, не любуясь им, жить в нем, не любя его,
уезжать из него и не желать вернуться, чтобы кончить в нем свои
дни...

В этот день был бал у губернатора; оркестр музыкантов-си-
паев играл на веранде, устроенной в виде аллеи из пальм, лимон-
ных и апельсиновых деревьев и лиан, вьющихся вокруг колонн, а
в бальной зале царил необыкновенное оживление. Де Марси,
исполняющий должность губернатора, встречал всех посетите-
лей необыкновенно любезно; каждый из них, представившись
ему, присоединялся по своему желанию к группам танцующих,
играющих в карты или разговаривающих между собой.

Несмотря на любезность, с какой де Марси исполнял обяза-
ности хозяина, брови его хмурились, а губы судорожно подерги-
вались, что ясно указывало на то, как ему хотелось скорее
отделаться от этой пытки, налагаемой этикетом. Только когда
последние из приглашенных откланялись ему, он мог воспользо-
ваться той же свободой, какую предоставлял всем посетителям
своего салона, то есть мог делать, что ему было угодно.

Он привык окружать себя двумя-тремя близкими друзьями,
с которыми беседовал о местных делах, о слухах, циркулирую-
щих в городе, о новостях из Европы; в эти часы они видели перед
собой блестящего собеседника и безупречно светского человека,
всегда умевшего поддержать разговор... В этот вечер, однако,
несмотря на все усилия побороть себя, он рассеянно слушал

своих собеседников и отвечал односложными словами, часто сказанными некстати. Прокурор судебной палаты и военный комиссар скоро поняли, что он озабочен какими-то крайне важными делами, а потому решили не тревожить его дум и ограничиться только своим присутствием в его доме.

Часы во дворце наконец пробили одиннадцать; де Марси встал с видимой поспешностью и, простившись со своими друзьями, направился прямо к офицеру в мундире полковника, который находился на веранде его собственных апартаментов, неосвещенной и потому пустынной.

— Ну, мой милый де Лотрек; — сказал сановник, беря под руку офицера, — вы меня ждали?

— С нетерпением, господин губернатор, должен признаться, — отвечал тот.

Полковник де Лотрек, близкий друг семьи де Монморен, был человек лет тридцати пяти, среднего роста, стройный в своем мундире, который как нельзя лучше шел к его фигуре. Он был олицетворением человека военного и светского — часто встречающийся тип во французской армии. Окончив семнадцати лет Сен-Сирскую военную школу, он прошел постепенно все степени повышения благодаря своему мужеству, проявленному во время войны в Крыму, где он служил в отряде морской пехоты, и в Сенегале. Он был известен среди моряков своею ненавистью к англичанам и не стеснялся говорить во всеуслышание, что в тот день, когда Франция объявит войну своему смертельному врагу, ему ничего больше не останется желать в этом мире. Вот почему он с такой радостью слушал все проекты Фредерика де Монморена, говоря, что готов пожертвовать и своим положением, и карьерой, чтобы поддержать его предприятие.

Де Монморен, занявший пост губернатора французской Индии, назначил его командиром 4-го полка морской пехоты, и между ними было условлено, что по первому сигналу он перейдет на сторону восставших вместе со своим полком, который должен был образовать ядро туземной армии. Сигнал этот был передан Утсарой, который не беспокоился о потере письма и исполнил словесно данное ему поручение, тем более что знал пароль, условленный между Сердаром, де Марси и полковником де Лотреком. Никто решительно не подозревал о причине его появления, а так как он получил приказание поторопить отправку войска, то последняя по общему согласию была назначена в тот же день на исходе бала, который губернатор затеял исключительно с целью отвлечь внимание колонии и в особенности английского консула. Выступление полка назначено было на два часа утра.

Все было готово: офицеры, ободренные губернатором и полковником, не желали ничего другого, как выступить в поход; все они жертвовали своим положением в случае неудачи, но все эти храбрецы желали только одного: вернуть Индию Франции. Солдаты были в восторге, ни один из них не отказывался следовать за своими командирами.

Все шло благополучно, когда в девять часов вечера, в момент открытия бала, были получены три шифрованных депеши на имя губернатора, полковника де Лотрека и командира Бертье — офицера, служащего в батальоне туземных сипаев. Первая из них разрешала согласно прошению бессрочный отпуск исполняющему должность губернатора и предписывала отплыть на первом же пакетботе, отправляющемся во Францию, передав свои полномочия военному комиссару, а в случае его отсутствия — прокурору судебной палаты.

Вторая назначала полковника де Лотрека командиром 2-го полка морской пехоты в Кохинхине, где адмирал Риго де Жёнульи только что взял Пехио, и приказывал ему оставить командование 4-м полком немедленно по получении депеши.

Третья назначала Бертье командиром 4-го полка с приказанием дать знать о своем назначении войскам и вступить в должность сейчас же по получении депеши.

Вторая часть этой депеши строжайше предписывала ему при малейшем сопротивлении со стороны губернатора и полковника де Лотрека арестовать их, немедленно отправить во Францию на авизо «Сюркуф», который находился на рейде Пондишери, принять управление колонией и исполнять должность губернатора.

Эти депеши сразили де Марси и полковника де Лотрека и привели в отчаяние все войско, ибо полковник Бертье, скрыв вторую часть депеши, которую он должен был показать только в случае сопротивления, немедленно отправился к губернатору и полковнику де Лотреку и сообщил им первую часть.

Все произошло тихо и мирно, и в четверть десятого полковник Бертье, буквально следуя приказу, принял командование полком.

Губернатор не желал портить удовольствие приглашенным, и вечер шел своим порядком, но, как мы уже видели, хозяин с нетерпением ждал окончания скучной церемонии приема гостей и затем отправился на веранду к ждавшему его там полковнику.

— И я разделяю ваше нетерпение, мой милый друг, — сказал де Марси. — Прошу вас, когда мы беседуем наедине, откиньте в сторону мой титул губернатора; к тому же он лишь наполовину принадлежит мне, ибо я заменяю вашего друга де Монморена, а через несколько дней и совсем не будет принадлежать мне, когда

я вернусь во Францию «согласно прошению». Странное смягчение формулировки, которая становится грубой, принимая во внимание сухой приказ вернуться.

Молодой губернатор — ему было не более тридцати двух лет — произнес эти слова тоном, полным горечи, и через несколько минут продолжал:

— Не будете ли любезны пройти ко мне в кабинет, мы там можем побеседовать на свободе.

— Охотно, мой друг, — отвечал полковник.

И он последовал за губернатором в его любимую комнату, служившую курительной и кабинетом.

— Да, — начал де Марси, как только дверь плотно закрылась за ними, — какой удар для нас и особенно для бедного де Монморена!

— Здесь наверняка кроется предательство!

— Мне пришла в голову та же мысль.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Нет! Не Бертье ли, хитрая лиса, замешан тут?

— Я не считаю его способным на это... Такой образ действий не достоин мундира.

— Чего не сделаешь, чтобы получить чин полковника?.. Вы знаете, он никогда не добрался бы до него. Если это он, то вовремя догадался.

— Я стою на своем и уверен, что он не причастен к этой подлости; это хороший служака и честный человек. Такие качества не мирятся с изворотливыми и лъстивыми речами доносчиков.

— Простите, что я подозревал его, я слишком мало его знаю. Чтобы там ни было, все это случилось не иначе, как по доносу, и тот, кто взялся за это, во всяком случае хорошо осведомлен... Нам ничего не остается, как повиноваться.

— А я еще так радовался случаю отплатить англичанам за все зло, которое они нам сделали!.. Вы сказали, надо повиноваться... а между тем... если пожелать...

— Объясните вашу мысль...

— Если бы поддержать друг друга... Можно было бы сказать, что депеша была получена через час после ухода войска... Такой прекрасный случай ведь не повторится больше!

— Я готов со своей стороны сделать все, чего вы желаете... Но надо убедить Бертье. Считаете ли вы это возможным?

— Ни в коем случае!.. Бертье, как вы знаете, прошел все степени. Это один из тех старых педантов, рабов приказа, которых ничем не убедить, ничем не сломить, особенно если результатом такого приказа является чин полковника, который он не мог

надеяться получить. Не ждите от него никаких уступок... Но можно обойтись и без него.

— Не понимаю вас.

— Четыре капитана полка приходили ко мне час тому назад и сказали мне, что ничто не изменилось в намерениях офицеров и солдат, и если я соглашусь стать во главе полка, все последуют за мной при звуке труб и барабанов.

— А вы что ответили?

— Я попросил разрешения подумать до полуночи... Что вы посоветуете мне?

— Так как вы уже заранее готовы были пожертвовать своей служебной карьерой, то я согласился бы на вашем месте.

— В добрый час! Сказано хорошо. В тот день, когда мы вернем Франции не только старые ее владения, но еще и протекторат над Бенгалией и Лахорским королевством, которое мы оставим Нана-Сахибу, — какую славу мы пожнем!.. Надо только занять чем-нибудь Бертье до утра, чтобы он не помешал нам. Я знаю его... Если он захватит нас, когда мы будем уходить, и его новый полк откажется повиноваться ему, он способен прострелить мне голову...

— Если только вы допустите его до этого.

— Само собой разумеется! Но какой шум поднимется! Лучше не доводить до скандала, займите его здесь до двух часов; этого достаточно, а там уже казармы будут пусты.

— Постараюсь.

— Посмотрим, господа англичане! Судя по тому, что мне сказал посланный де Монморена, мы должны будем прежде всего взять в плен генерал-губернатора Лоуренса, который находится в Биджапуре с весьма небольшим отрядом. Недурное начало компании!

— Любезный полковник, скоро полночь и время дорого. Если вы хотите захватить двенадцать пушек из казарм и двадцать чегыре с набережной, не теряйте времени.

— Ухожу, милый друг! Дай бог мне успеха! Я отдал бы свою жизнь, чтобы только видеть, как будет развеваться французский флаг в Мадрасе, Бомбее и Калькутте.

— Обними меня, Лотрек! Бог знает, увидимся ли мы когда-нибудь...

Они крепко обнялись и затем расстались. Полковник вышел в сад, где его ждали капитаны.

Де Марси после ухода де Лотрека отправился искать по всем салонам нового полковника; он нашел его на веранде, где тот беседовал с таким же, как и он, старым служакой, комендантом

города, и попросил его зайти к нему в кабинет перед окончанием бала.

— К вашим услугам, господин губернатор, — отвечал старый солдат.

Он точно явился на свидание. Было уже около половины второго утра, и все уже разошлись; это был один из тех семейных вечеров, которые устраивались каждую неделю и где участвовали одни только служащие. Настоящие балы, устраиваемые для всей колонии, продолжались обычно до утра.

Губернатор был один, и Бертье увидел на столе шахматы, самые лучшие сигары и бутылку шартреза. Все три его слабые струнки его были затронуты: ликер изерских монахов, тончайшие продукты Гаваны и шахматы, детище Индии.

— Милейший полковник, — сказал де Марси, — мне захотелось попросить вас посидеть немного со мной. Я давно уже собираюсь обыграть вас в шахматы... Вы, говорят, большой мастер на этот счет... И весьма естественно — ведь это прообраз воинского искусства.

Старый солдат был польщен вниманием, приправленным такой тонкой лестью, и партия началась. Де Марси был столь же искусным игроком, как и полковник, и скоро оба так углубились в свои ходы, что стали безразличны ко всему, что происходило извне. Губернатор забыл в конце концов, что это западня, расставленная им полковнику, и играл с полным увлечением. Ставка стояла того: обладание Индией!..

— Шах королю! — сказал вдруг полковник после целого ряда блистательных ходов, потеряв при этом ладью и двух коней, но загнав зато короля своего противника в угол вместе с его дамой, ладьей, оставшимся еще у него слоном и целой армией пешек. Удар нанесен был так ловко, что достаточно было трех ходов, чтобы де Марси получил мат. Он сжал голову руками и задумался, как бы лучше исправить свою ошибку. Можно было в эту минуту стрелять вокруг него из пушек, и он не услышал бы ничего.

Играющим прислуживал все время вестовой сипай. Видя, как глубоко задумался губернатор, солдат-туземец воспользовался этой минутой и сделал едва заметный знак своему командиру, а затем, приложив палец к губам, показал ему свернутый клочок бумаги.

Полковник понял и, как ни в чем не бывало, заложил руки за спину; сипай прошел мимо него и опустил в его руку записку.

— Мат! — говорил губернатор. — Я получу мат! Ну, нет! Я не согласен на такое поражение и должен найти какой-нибудь выход.

И он снова погрузился в разные соображения и исчисления. Полковник тем временем развернул записку, которая была не больше ладони его руки. Держа правую руку под столом, он прочел, не выказав при этом ни малейшего волнения:

Полковник! Губернатор и де Лотрек хотят вас обурчать; ваш полк собирается дезертировать со всем оружием и амуницией.

Капитан де Монтале

Эта записка была прислана капитаном, командовавшим 2-м батальоном сипаев, который четыре часа тому назад находился еще под начальством Бертье; возмущенный таким поступком, который компрометировал его бывшего командира, он придумал этот способ, чтобы предупредить его. Бертье, такой же невозмутимый, каким он был до этого, положил записку себе в карман. Теперь он все понял.

Губернатор сделал ход; Бертье преднамеренно сделал грубую ошибку, и де Марси взял у него ферзя, воскликнув с восторгом:

— Ваша очередь, полковник! Шах королю!

— Я проиграл, — отвечал полковник, вставая.

— Куда же вы? — спросил удивленный губернатор. — А ваш реванш?

— Если вам так уж хочется, я могу дать вам его через час, — холодно отвечал ему Бертье. — Но я должен прежде всего обуздать маркиза де Лотрека, который принимает меня, по-видимому, за круглого идиота.

— Что вы говорите, мой милый Бертье? — спросил губернатор, лицо которого сделалось сразу багровым.

Старый полковник повторил свою фразу, резко отчеканивая каждое слово, и, направившись к дверям, быстро распахнул их. Сипай штыком преградил ему дальнейший путь.

— Что это значит, Сами? — спросил старик, дрожа от гнева.

— Приказ моего капитана! — отвечал бедняга, не изменяя своей позы.

— По приказу, написанному губернатором, — отвечал капитан де Монтале, появляясь в коридоре.

Что еще могли сказать эти исполнители своей службы? Авторитет губернатора безграничен, и собственноручно написанный им приказ заставлял всех повиноваться. Бертье обернулся.

— Итак, господин губернатор, вам мало того, что вы насмеялись надо мной, — вы хотите еще обесчестить меня? Смотрите, вот... Читайте! — И он бросил губернатору вторую часть депеши.

— Какое мне дело до этого! — отвечал де Марси, затронутый за живое словами старого солдата. — Пока вы не приняли официально власть и не поселились во дворце, здесь, кроме меня, нет другого губернатора.

— Вы правы, сударь, — отвечал Бертье, — но слушайте меня внимательно, — и он вынул из кармана револьвер. — Не бойтесь, я не убийца... Да, слушайте меня хорошенько. Если вы сейчас же не прикажете пропустить меня, я разможжу себе череп на ваших глазах и на глазах де Монтале. Франция узнает, что я лишил себя жизни у вас, потому что вы мешали мне исполнить свой долг.

И он поднес дуло револьвера к своему лбу*.

— Остановитесь! — крикнул де Марси, восхищенный таким героизмом.

Затем, обратившись к де Монтале, он произнес:

— Господин капитан, я беру назад отданное мною приказание; пропустите полковника.

Полковник, как безумный, бросился к выходу и направился прямо в казармы...

Спустя несколько часов после этого Утсара, падиал и карнак спешили в Биджапур с вестью о новой неудаче.

VI

Счастливая мысль. — Тайное совещание тхугов. — Кишнайя у вице-короля. — Экспедиция в Джахара-Бауг. — Арест брахматмы и его товарищей.

АМ НЕОБХОДИМО ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД И рассказать о целом ряде событий, произошедших в течение тех суток, которые факир и падиал провели в Колодце Молчания.

В конце первой главы этой части мы оставили Кишнайю в глубоком раздумье. Придя к своим приверженцам, которые ждали его с нетерпением, он поделился с ними своими опасениями. Он был почти уверен, что брахматма присутствовал при его разговоре с вице-королем и знал поэтому все их махинации. Необычайное движение, замеченное шпионами в Джахара-Бауге, указывало на то, что вождь общества готовит какую-то экспедицию, на-

* Эта сцена — исторический факт. — *Примеч. автора.*

правленную, конечно, против них. Необходимо действовать немедленно, и Кишнаяя поспешил вернуться к ним, чтобы вместе обсудить, какие принять меры. Им незачем было скрывать от себя, что они не могут положиться на окружающих слуг; ни один из факиров не согласится идти против брахматмы, как только последний откроет им всю истину. Весьма возможно, что они и теперь уже все знают; он заметил, например, у Варуны недоверчивый тон, чего раньше тот никогда не смел показывать; при таких обстоятельствах весьма легко может случиться, что весь самозванный Совет Семи в пять минут попадет в мышеловку, не имея возможности оказать какое-либо сопротивление.

В эту минуту вошел Варуна с докладом, что падиал бежал; факир нашел обе плиты открытыми, а потому не может быть и тени сомнения в том, что помощь пришла к заключенному извне.

— В таком случае мы ничего не узнаем, — сказал Кишнаяя, когда факир вышел. — Я нарочно приказал похитить падиала, чтобы выяснить у него, в каких отношениях он находится с брахматмой. Я узнал недавно, что он изменяет нам в пользу последнего, и возможность убедиться в этом теперь ускользнула от нас... Заметили вы равнодушие, с каким Варуна сообщил нам эту новость? Я едва сдержал свой гнев... Не следует принимать резкие меры в данный момент, но мне бы очень хотелось отправить его туда, откуда только что улизнул ночной сторож.

— И ты хорошо поступил, Кишнаяя! — сказал Тамаза, старый, опытный и хитрый тхуг, который вместе со своим главарем был душой Совета Семи. — Это послужило бы только тому, чтобы они скорее приступили к исполнению задуманных против нас планов. Мое мнение, что этот побег подтверждает все твои подозрения и показывает, как важно было не допустить допрос падиала.

— А Утами, единственный, кому я доверял, исчез с самого утра...

— Если его не убили, чему я расположен верить, — продолжал Тамаза, — то он перешел на сторону врага. Верь мне или не верь, Кишнаяя, но сейчас некогда терять время на бесполезные слова; надо перехитрить наших врагов и действовать.

— Что можно сделать с одними нашими силами?

— Ты ли, Кишнаяя, с твоим изворотливым умом, задаешь мне такой вопрос? Неужели ум спит у тебя и ты не видишь, что предпринять?

— Мой план уже давно готов, я хотел лишь узнать твое мнение, прежде чем приступить к его исполнению... Каков твой план?

— Между нами нет сторонников постыдного бегства. Отправляйся к своему союзнику, английскому вице-королю; расскажи

ему обо всем, и он даст тебе батальон, чтобы окружить Джахра-Баут. Через десять минут нам нечего будет опасаться наших врагов.

— Об этом думал и я, Тамаза! Но ты не боишься, что англичанин отклонит мою просьбу?

— Почему?

— Слух об этом аресте распространится не в одном только Биджапуре; Нана-Сахиб, пребывающий теперь в состоянии обманчивого спокойствия, также узнает об этом, и тогда его не взять. Сэр Лоуренс знает это, и потому он до сих пор не хотел захватить брахматму. Для него несравненно важнее поимка Нана-Сахиба, чем уничтожение общества Духов Вод.

— Вопрос серьезный, действительно! Но поимка вождя восстания делается совершенно невозможной, если мы будем побеждены.

Кишнаяй не успел ответить старому тхугу — портьеры, закрывавшие дверь, раздвинулись, и на пороге показался дежурный факир.

— Что случилось? — спросил с тревогой Старший-Из-Трех.

— Во дворце англичан сильное волнение; мы отправились навести справки к слугам-туземцам и узнали, что полковник Уотсон, начальник полиции, найден умирающим в своей постели с Кинжалом Правосудия в груди... Вице-король в страшном гневе. Мы слышали, проходя мимо открытых окон дворца, как он кричал своим людям: «Сто долларов тому, кто приведет мне Кишнаяй».

— Чему ты улыбаешься? — спросил предводитель тхугов; он принял это за намек на себя и покраснел под своей маской.

— Английский сахиб может предложить еще больше и не разорится.

— Я не понимаю тебя.

— Как, сахиб, ты не знаешь Кишнаяй?

«Если ты его знаешь, ты умрешь», — подумал тхуг, судорожно сжимая рукоятку своего кинжала.

— Кишнаяй, — продолжал факир, — был предводителем злодеев-душителей, которые наводили ужас на всю провинцию; но месяцев шесть тому назад его повесили с двумястами его товарищей.

— Ага! — воскликнул тхуг, успокоенный этими словами, — а какое отношение может иметь Кишнаяй к смерти полковника Уотсона?

— Я знаю об этом не больше твоего, сахиб; я только повторил слова великого вождя англичан.

— Хорошо, можешь идти к своим товарищам. Скажи им, чтобы они не уходили из караульного зала.

Не успел факир выйти, как Кишная воскликнул с мрачной радостью:

— Брахматма сделал неосмотрительную глупость, отдав приказание исполнить приговор, произнесенный прежним Советом против Уотсона; теперь месть в наших руках. Подождите меня здесь, я иду к вице-королю.

И не дожидаясь ответа своих товарищей, Кишная бросился в потайной ход, который вел к Лоуренсу. Пройдя через потайное отверстие, он снова закрыл его и с минуту не показывался из-за портьеры.

Зал был пуст. Вице-король находился, вероятно, у кровати умирающего. Это обстоятельство благоприятствовало намерению тхуга. Он подошел к письменному столу, покрытому книгами и бумагами, и нажал звонок.

Появился сиркар.

— Предупреди своего господина, — сказал главарь душеителей, — что Кишная к его услугам; пусть приходит один, иначе он не найдет меня.

Туземец поклонился и вышел.

Осторожный тхуг скрылся за портьерами окна, положив руку на тайный механизм, чтобы моментально исчезнуть, если сэр Лоуренс не исполнит его требования.

Спустя несколько минут в зал вошел вице-король. Он был один, а окно, где скрывался тхуг, было за его спиной; последний вышел из-за портьеры, сделал несколько шагов и остановился. Удивленный тем, что никого нет, вице-король быстро обернулся и увидел того, кого искал. На лице его было выражение человека, доведенного до высшего предела гнева.

— Негодяй! — крикнул он дрожащим голосом, — тебе не пройдет даром, что ты осмелился посмеяться надо мной... Как, после всего, о чем мы условились с тобой, ты осмелился убить одного из самых верных и преданных мне друзей!

— Милорд, — отвечал Кишная серьезно и торжественно, — горе помutilo твой рассудок. Я оправдаю себя одним словом...

— Тебе это трудно будет после разыгранной вчера вечером смешной и странной сцены.

— О какой смешной и странной сцене говорит милорд? Мне не помнится, чтобы наш разговор заслуживал этого названия.

— Зачем ты притворяешься, что не понимаешь? Не ты разве, чтобы выставить напоказ свое могущество, прислал вчера пандарома, который заявил бедному Уотсону, что ему остается три часа жизни? Только посмей отрицать это!

Слова эти были лучом света для Кишнаи; он все понял. Мнимый пандаром был не кто иной, как брахматма, и успех его плана был теперь обеспечен.

— Не только осмелюсь отрицать это, милорд, но через пять минут докажу тебе, что я не мог быть виновен в этом бесполезном и вредном для моего дела поступке... Как ты можешь думать, чтобы я приказал исполнить приговор, произнесенный теми, которых мы задушили с единственной целью быть тебе полезным?.. И против кого был произнесен этот приговор? Против человека, который преследовал одну цель с нами и травил наших врагов... Признайся, что это было бы большой ошибкой с нашей стороны и показало бы, что мы потеряли рассудок.

— Верно, — отвечал вице-король, смягченный логичностью этого аргумента, — я положительно ничего не понимаю... Но кто такой этот пандаром, так надсмеявшийся надо мною!

— Я говорил уже, что одно слово объяснит тебе все... Пандаром — не кто иной, как брахматма, действительный вождь общества Духов Вод, и убийство полковника Уотсона — дерзкий ответ на твой указ об уничтожении этого общества, изданный тобой в день приезда в Биджапур.

Объяснение это было так логично и ясно, что больше не могло быть сомнений. Сэр Лоуренс тотчас же переменял тон и объявил, что он вполне удовлетворен. Но Кишнаия должен немедленно помочь ему в примерном наказании за преступление, наглость которого превосходит все, что он видел до сих пор.

— Я готов помочь тебе, — отвечал Кишнаия, ликовавший в душе при виде того, что Лоуренс идет к намеченной им цели. — Могу заверить тебя, что быстрота, с которой ты будешь действовать, произведет хорошее впечатление на все население. Надо, чтобы оно узнало о наказании вслед за известием о преступлении.

— Таково и мое намерение.

— Не позволит ли мне твоя милость, милорд, — хотя я и не смею надеяться на твое доверие к моим советам, — не позволишь ли сообщить тебе одну мысль?

— Я слушаю.

— Брахматма не ограничится этим преступлением, а потому надо скорее остановить его. Ночью он собрал в своем дворце самых главных членов общества Духов Вод, чтобы подготовить еще нескольких новых преступлений, которые не пощадят самых высоких сановников. На Совете было решено вызвать тебя на допрос к этому странному трибуналу; он будет судить тебя за все преступления, какие он тебе приписывает.

— Какая дерзость! — воскликнул вице-король.

Тхуг промолчал о том, что сам присутствовал на совещании, принявшем это решение.

— Если твоя милость, милорд, верит мне, то сию же минуту отправь батальон твоих шотландцев, чтобы он без всякого шума оцепил Джахара-Бауг и тут сразу же арестовал брахматму и его товарищей.

— Мысль превосходная... Но мне говорили, что в этом дворце, как и во всех древних зданиях Биджапура, много тайных выходов, которые могут облегчить побег, а тебе лучше моего известен характер индусов. Мы сделаемся всеобщим посмешищем, если предприятие не удастся.

— А потому я хочу просить твою милость позволить и мне присоединиться к этой экспедиции; я укажу места, где следует расставить часовых.

— Я сделаю лучше: прикажу офицеру, командующему отрядом, выполнять все твои предписания.

И с этими словами сэр Джон позвал дежурного адъютанта.

— Предупредите поручика Кемпбелла, чтобы он приказал стать под ружье первому батальону шотландцев, — но как можно тише, — а затем пусть явится сюда.

Солдаты, сопровождавшие вице-короля во время путешествий, спали всегда в полной амуниции, чтобы быть готовыми на всякий случай; достаточно было поэтому нескольких минут, чтобы выстроить их в боевом порядке в главном дворе дворца, и Эдуард Кемпбелл вскоре явился к своему начальнику.

— Поручик Кемпбелл, — сказал сэр Джон Лоуренс, и голос его представлял теперь разительную противоположность тому, каким он говорил обычно с молодым офицером вне служебных обязанностей, — отправляйтесь с вашими людьми, оцепите Джахара-Бауг, следуя указаниям, которые вам даст этот индус, и приведите сюда всех, кого вы найдете внутри и на кого вам укажет этот туземец.

— Будет исполнено согласно вашему приказанию, милорд, — отвечал Эдуард Кемпбелл, отдавая честь.

— Идите же! Прикажите вашим не стучать ногами и сохранять полное молчание, чтобы не возбудить ничьих подозрений.

— Это очень важно, милорд, — осмелился заметить тхуг, — мы выберем самый короткий путь среди развалин; может выйти какой-нибудь туземец и, увидев нас, предупредить тех, что в Джахара-Бауге; тогда мы там никого не найдем.

— Слышите, Кемпбелл? — спросил сэр Лоуренс.

— Ваша милость может быть спокойна, наши люди привыкли к таким ночным экспедициям.

Вице-король указал движением руки, что ему нечего больше сказать, и молодой офицер, отдав снова честь шпагой, вышел в сопровождении Кишнаи, сердце которого было переполнено восторгом... Наконец-то все его старания увенчаются успехом; первая часть его программы, и довольно трудная, была исполнена.

Страшное общество Духов Вод перестанет существовать через несколько минут и — кто бы мог поверить — в этом помогает ему собственный племянник Сердара, друга Нана-Сахиба, брахматмы, Анандраена из Велура и большинства влиятельных членов общества.

Теперь оставалась только поимка Нана-Сахиба, без которой он не мог получить трость с золотым набалдашником и титул мирасдара. Но если общество Духов Вод будет уничтожено, а Сердара задерживают в Европе его собственные интересы или удовольствия, то похищение принца было вопросом нескольких дней. И тхуг своих в мечтах видел себя уже в другой обстановке, среди своего мирасдарата, господином своих рабов, и окруженным почестями, подобающими раджам. Он решил, что примет одно из имен своей семьи, а так как официально он считается умершим, то никто не узнает повешенного в Велуре душиателя Кишнаю в лице мирасдара Граджапати.

В своей радости тхуг совсем упустил из виду, что он был прекрасно известен молодому офицеру, сопровождавшему его, так как Эдуард Кемпбелл был его пленником, и что похищение молодого офицера и его семьи было главной причиной казни тхугов, которой Кишнаи избежал благодаря ордеру сэра Лоуренса, служившему ему до некоторой степени пропуском.

Эдуард Кемпбелл, подчиняющийся военной дисциплине, повиновался приказанию своего начальника, не позволив себе ни малейшего замечания, но дальнейшие события покажут, что для Кишнаи было бы несравненно лучше, если бы молодой офицер остался в этот день в покоях сэра Лоуренса.

Роковому случаю было угодно, чтобы ни один запоздалый туземец не повстречался на пути шотландцев, и поэтому некому было предупредить скрывшихся в Джахара-Бауге; шотландский батальон таким образом смог окружить жилище брахматмы, и ни один из присутствующих не догадался об этом. К своему несчастью Арджуна, который первое время не имел никаких оснований подозревать Совет Семи, указал Старшему-Из-Трех все потайные комнаты, все скрытые выходы, которых было несравненно меньше, чем во дворце Семи Этажей. Кишнаи ничего не стоило расставить часовых таким образом, чтобы не выпустить никого.

Когда все приготовления были кончены, Эдуард Кемпбелл вошел во дворец, а с ним и его шотландцы со штыками наперевес. Сопротивление оказалось невозможным; брахматма, Анандраен, шесть членов нового Совета Семи, четыре факира, состоящих при Арджуне, и два дорвана, или сторожа, — все были схвачены и скручены веревками. Все они признали бесполезность борьбы и отвечали солдатам молчанием, полным достоинства.

Только в тот момент, когда их уводили, Арджуна вдруг заметил самозваного члена Совета, который прятался позади солдат, и крикнул:

— Все вы — индусы, мои братья, и вы, солдаты Европы, — должны знать, кто этот подлый человек, который явился в маске и прячется среди вас. Этот человек присвоил себе высокое положение в нашем обществе, убив наших братьев и надев на себя их одежду. Этот человек, добившийся того, чтобы нас арестовали сегодня, не кто иной, как душитель Кишнайн; он выдавал себя за умершего, дабы ему было легче исполнить задуманные им злодеяния.

Крик негодования и бессильной злобы вырвался из груди индусов, а шотландцы с отвращением отступили от человека, о котором только что говорил брахматма.

— Это неправда! — отвечал тхуг, который понял, какой опасности подвергает он себя, если оставит без протеста такое обвинение и все в Биджапуре узнают его настоящее имя. — Я Старший-Из-Трех, старейшина Совета Семи общества Духов Вод.

— Ложь! — не мог не воскликнуть Эдуард Кемпбелл.

— Ты дашь отчет в этих словах сэру Лоуренсу, — отвечал Кишнайн офицеру и затем обратился к Арджуне, как бы думая, что оскорбление исходит от него.

— Ложь? Ты осмелился это сказать, убийца полковника Уотсона! Да, друзья мои, — продолжал наглый тхуг, обращаясь к шотландцам, — человек, арестованный вами, — тот самый, который приказал убить сегодня ночью несчастного полковника в двух шагах от комнаты вице-короля. И сэру Лоуренсу он предназначил ту же участь, не успей мы предупредить его, упросив вице-короля дать нам возможность арестовать этого человека, позорящего общество Духов Вод.

Ропот гнева пробежал по рядам английских солдат.

— Ты говоришь правду? — спросил старый сержант, обращаясь к тхугу.

Эдуард Кемпбелл закусил губы, заметив, какую ошибку он сделал, вмешавшись в разговор. Смерть Уотсона давала все преимущества Кишнайн, но и поручик в свою очередь нарушил пра-

вила дисциплины своим вмешательством в дело, которое его не касалось. Чтобы положить конец этой сцене, которая угрожала принять весьма неприятный оборот, Кемпбелл крикнул:

— Молчать! Берите пленников и вперед... Марш!

— Ты не прикажешь вставить кляп этим людям, сахиб? — спросил Кишнайя.

— Я исполняю лишь то, что мне сказано, и ничего больше, — отвечал офицер, бросив на тхуга презрительный взгляд.

— Не думаю, чтобы вице-король позволил арестованным шуметь, когда запретил это твоим людям. И если хочешь, сахиб, я скажу тебе желание твоего начальника; мне известно, по крайней мере, что у него есть весьма важные причины, чтобы аресты такого рода держались втайне.

Молодой офицер колебался... Он боялся порицания вице-короля, но, с другой стороны, как честный воин, чувствовал отвращение к приемам, применяемым к каторжникам.

— Мы будем счастливы, сахиб, — вмешался в разговор брахматма, — если нам удастся примирить твое чувство долга с чувствами благородного человека; а потому даю тебе слово сдерживать себя во время перехода по городу. Даю слово и за своих товарищей.

— Верю твоему слову, — отвечал Эдуард Кемпбелл, довольный счастливым окончанием инцидента.

И он стал во главе своих солдат, чтобы избежать соприкосновения с душителем.

Возвращение во дворец Семи Этажей совершилось без всяких затруднений, и ни один из жителей Биджапура не подозревал, какой удар нанес им вице-король. Пленников поместили в одной из комнат, предназначенных для шотландцев, где они должны были ждать решения своей участи. Убийство полковника Уотсона придавало всему этому делу исключительную важность, и сэр Джон хотел созвать совещание, чтобы решить, какие меры следует принять в этом случае.

Мнение Кишнайи взяло верх над остальными, и решено было скрыть это событие от туземцев, чтобы облегчить успех экспедиции для поимки Нана-Сахиба; предполагали, что экспедиция удастся, если никто не предупредит принца об аресте брахматмы и его верных товарищей.

До сих пор принца, несмотря на отсутствие его верного защитника Сердара, всегда уведомляли обо всех опасностях, которые угрожали обществу Духов Вод. Если же он ничего не будет знать о случившемся, то Кишнайя и его приверженцы будут занимать свое прежнее место и играть перед жемедарами роль Комитета Трех и Совета Семи, распространив слух, что брахмат-

ма послан ими с тайным поручением. Общество таким образом будет продолжать действовать, как будто бы ничего не случилось, и маленький отряд людей под видом посольства, отправленного Старшим-Из-Трех и брахматмой к Нана-Сахибу, проберется в пещеры Нухурмура, где скрывается принц, которого и арестует вместе с его защитниками. Решено было, что Кишнайя в этот же вечер отправится туда вместе с несколькими членами своей касты — настоящими висельниками, которые ни перед чем не отступали и давно уже были известны ему своей смелостью.

Суд над убийцами Уотсона и торжественное уничтожение общества Духов Вод были отложены до поимки Нана-Сахиба. Долгая борьба вождя восстания против английских властей приходила к концу, ибо ничто не предвещало неудачи столь искусно задуманного плана.

Английские солдаты получили строгое приказание хранить втайне события ночи; решено было даже не допускать их до общения с туземцами. Но что делать с пленниками? В городе не было тюрьмы, настолько хорошо охраняемой, чтобы сообщение с ними извне было невозможно.

Сэр Лоуренс думал в течение нескольких минут, как уладить это затруднение, и Кишнайя, глядя на него, вдруг злобно улыбнулся: он вспомнил о Колодце Молчания.

— Доверь мне твоих пленников, — сказал он вице-королю, — я верну тебе их по возвращении из экспедиции. Клянусь тебе, что во время моего отсутствия они не в состоянии будут никому дать знать о своем положении.

— Ты своей головой отвечаешь мне за них, — сказал сэр Лоуренс. — Подумай о том, каким посмешищем я сделаюсь, когда после своего донесения Сент-Джеймскому кабинету об открытии и аресте убийц Уотсона я вынужден буду признаться, что мы не сумели их удержать под стражей.

— Головой ручаюсь за них! — воскликнул тхуг. — Место, предназначенное мною для них, никогда не отдавало тех, кого доверяли ему.

В тот же день под покровом ночи Кишнайя и его приверженцы отвели брахматму вместе с товарищами в подвал, известный под мрачным названием Колодца Молчания.

Вторую плиту заделали цементом и замазали известкой.

— Это их надгробная плита, — сказал тхуг, — одни только мертвые не мстят за себя.

Потом он прибавил со смехом, который казался еще более ужасным, разносясь эхом под этими мрачными сводами:

— Я ведь не обещал вернуть их живыми!.. А теперь идем, — сказал он своим спутникам. — Через пять дней Нана-Сахиб будет в нашей власти.

Кишнайя старался произнести эти слова погромче, чтобы их слышали в подвале.

— Через пять дней! — пробормотал брахматма на языке, неизвестном другим пленникам. — Через пять дней тебя повесят, и на этот раз по-настоящему.

VII

Странное сходство. — Кто этот человек? — Спасенные брахматмой. — Необходимый отдых. — Трогательное признание.

ВУК ГОЛОСА АРДЖУНЫ, ГОВОРИВШЕГО на иностранном языке, глубоко взволновал Анандраена; уже второй раз он встречался с брахматмой и второй раз отмечал странное сходство с кем-то, ему знакомым, — сходство, которое сильно взволновало его... Но как и тогда, на собрании жемедаров, так и теперь он

отогнал от себя эти мысли, осаждавшие его, тем более, что среди этого многочисленного собрания он не нашел никого, кто мог бы помочь ему проверить себя. Общество за два или три года до восстановления, не желая обращать на себя внимание англичан, избегало назначать общие собрания, которые происходили обычно каждый год; а потому никто из приглашенных не знал брахматму настолько, чтобы сообщить Анандраену сведения на этот счет... И вот здесь, в темном подвале, где зрение не могло играть никакой роли, слух подтвердил то же впечатление... Затем этот иностранный язык, звуки которого тождественны были с теми, которые он слышал так часто... И мысли начальника поста Велура полетели на крыльях фантазии...

Когда шум шагов душителее замер в отдалении, брахматма обратился к своим товарищам:

— Братья, — сказал он, — вы, вероятно, спрашиваете, куда этот негодяй, продавший себя англичанам, запер нас? Вы слушали, не издав ни единой жалобы, как замазывали над нашей головой плиту, которую Кишнайя назвал нашим надгробным памятником, — и молебны наши не порождали сердце этого чудовища в образе человеческом!.. Вы мужественны и сильны — и я был прав, когда выбрал вас, чтобы спасти общество Духов Вод и отомстить за Индию... А между тем вы думаете, вероятно, что жизнь ваша, которую заранее принесли в жертву, уже кончена?

Да, человеческие останки, которые вы попираете ногами, говорят вам, что мы находимся в подвале дворца Омра, куда прежние раджи бросали жертв своей мести. Мертвецы, предшествовавшие нам, указывают, какая участь ждет и вас. Скажите, кто из вас согласился бы сохранить свою жизнь, изменив и древнему обществу, которое всегда защищало слабого от сильного, и изгнанному принцу, который там, в неведомом уголке Малабарского берега, хранить знамя независимости? Есть ли между вами хоть один, который согласился бы отказаться от того и другого, чтобы вернуть себе свободу и выйти из этой могилы?

Единодушные восклицания встретили эти слова брахматмы.

— Нет! Нет! Скорее смерть, и пусть наши кости присоединятся к костям мучеников, спящих здесь! — сказал Анандраен от имени всех.

И в ту же минуту раздался общий крик, повторенный три раза:

— Да здравствует Нана-Сахиб! Смерть англичанам! Да здравствует брахматма!

Старый Анандраен, схвативший Арджуну за руку, судорожно сжал ее, и вдруг, как бы пораженный какой-то внезапной мыслью, громко крикнул:

— Друзья, мы забыли благородного чужеземца, который двадцать лет посвятил себя нашему делу. Если его нет здесь, чтобы руководить нами, то покажем по крайней мере, что он всегда занимает должное место в наших сердцах... Да здравствует Сердар!

Все присутствующие с восторгом подхватили этот крик. Анандраен почувствовал при этом, что рука брахматмы, которую он держал в своих, начала судорожно подергиваться.

— Кто ты такой, ради самого неба? — шепотом спросил его Анандраен.

— Темнота мешает тебе узнать того, чью руку ты пожимаешь, мой милый Анандраен!.. Это я, Арджуна-Велайя, сын Дамары-Велайи... Я все дни радуюсь счастливому случаю, давшему мне возможность встретить тебя.

— И мое счастье велико, — отвечал начальник поста Велура, — ибо боги, желая, вероятно, увеличить мою привязанность к тебе, дали тебе черты и голос самого дорогого из моих друзей; не будь лицо твое бронзового цвета, как у сыновей страны Лотоса, я подумал бы, что какие-нибудь важные причины не позволяют тебе признаться тому, кто любит тебя, как своего сына.

— Боги посылают иногда сходство лиц тем, кто сходен сердцами, — отвечал Арджуна.

Анандраен вздохнул и замолчал.

— Друзья! — начал снова Арджуна, обращаясь ко всем. — Тхут осмелился нас назвать убийцами за исполнение приговора над Уотсоном, который с сигарой во рту присутствовал при избиении в Серампуре. Более двух тысяч человек пало под ударами его солдат, а в деревне не было ни единого человека, который в состоянии был бы держать в руках оружие; желая избежать мести красных мундиров, индусы без боязни оставили дома детей, матерей и седовласых старцев, думая, что слабость и невинность — лучшая защита для них... Нет, никогда еще не было столь справедливого приговора и исполнение его не было так законно!.. Теперь очередь сэра Лоуренса... Более миллиона человеческих существ было хладнокровно убито по приказанию этого тигра, жаждавшего крови, — хотя борьба была уже прекращена... Он должен отправиться туда же, чтобы отдать отчет Богу! Три раза уже предупреждали его, чтобы он остановил потоки крови, наводнившей всю Индию, но он не принимал этого к сведению... Бросим же Англии, как вызов, голову ее вице-короля! Вы спрашиваете, как могу я говорить такие слова, пока мы находимся во власти нашего жестокого врага? Изменник Кишнаия думал, что устанавливает над нами надгробный памятник, когда замазывал цементом верхние плиты. Но это подземелье принадлежит к числу тех, в которых имеется несколько потайных сообщений; некогда они служили палачам для того, чтобы приходить сюда тайком и наслаждаться криками своих жертв или подслушивать тайны, которыми те делились между собой, мучимые голодом и жаждой. Следуйте же за мной! Через несколько минут мы выйдем отсюда.

Несмотря на окружающую тьму, брахматма твердым шагом направился в сторону подвала, противоположную той, где падал и Утсара нашли отверстие и ход к вытяжному колодцу. Он нажал рукой часть стены, которая тотчас повернулась и открыла проход, куда через бойницу лился слабый свет, достаточный для того, чтобы идти по узкому коридору. Арджуна шел впереди и легко справлялся с разными механизмами, которые встречались им на пути; достаточно было видеть его уверенность, чтобы понять, как обстоятельно составлен план потайных ходов, который брахматмы передавали друг другу. Арджуна привел своих товарищей в большой круглый зал, устроенный во внутренней башне, которая была совершенно скрыта стенами дворца. Этот зал, превосходно освещенный сверху, остался таким же, каким был во времена Дора-Адил-шаха: широкий диван шел вдоль всей стены зала, посередине которого стоял большой стол из красного дерева, покрытый лаком; стол на некотором расстоянии друг от друга были вделаны шахматные доски, состоящие из белых и

черных квадратиков — слоновая кость и черное дерево. Всего было девять досок, и все они были расположены таким образом, чтобы у каждой могли сидеть два игрока в шахматы.

Это был зал Адил-шаха, куда он удалялся вместе со своими друзьями, чтобы отдохнуть от государственных дел.

— Вот чудный зал для совета, — сказал Арджуна, — и несмотря на указ, уничтожающий общество Духов Вод, мы можем показать нашим врагам, что оно по-прежнему грозно и могущественно.

Когда факир и дорваны удалились через ходы, указанные им Арджуной, последний предложил Совету Семи немедленно устроить заседание для обсуждения серьезных обстоятельств данного момента.

Согласно решению, принятому на общем собрании жемеда-ров, последним были даны новые инструкции, которые относились к дню, назначенному для восстания. В этот же день сэр Лоуренс, на котором лежит ответственность за самые бесчеловечные и жестокие указы, Хейвлок, который ознаменовал себя самыми кровавыми экзекуциями, и пять членов Совета, способствовавших вице-королю в гнусных репрессиях, должны были пасть под ударами Кинжала Правосудия. Пусть мир узнает об их смерти в одно время с известием о пробуждении Индии, которая вторично взялась за оружие, чтобы отомстить за умерших и вернуть себе независимость.

Был также обсужден вопрос о том, следует ли потребовать вице-короля к ответу перед Советом Семи, и решен утвердительно. Ввиду отсутствия Утсары, исчезновение которого брахматма никак не мог себе объяснить, это требование поручено было передать Судазе, исполнителю приговора над Уотсоном, доказавшему свою необыкновенную ловкость в этом деле.

Покончив со всеми неотложными делами, брахматма, желая остаться один, предложил членам Совета пойти отдохнуть. Большинство из них достигли довольно пожилого возраста и чувствовали себя разбитыми после пережитых в течение последней ночи волнений. На Совете, устроенном брахматмой, они несколько раз переглядывались с улыбкой: последний говорил так, как будто он не был в заключении, а только что вышел из Джахара-Бауга. Все они не прочь были отдохнуть, но для этого не хватало, по-видимому, места. Арджуна понял их мысли и улыбнулся в свою очередь... Он открыл нечто вроде шкафа, вделанного в стену, где спрятаны были еще шахматы, служившие свите раджи, нажал пружину — и стенка шкафа вместе со всеми полочками отодвинулась в сторону, открыв перед глазами Семи маленькую винтовую лестницу.

— На каждом этаже, — сказал Арджуна, — находится такая же комната, как и эта, но только разделенная на четыре спальни с широкими диванами; они ничем не освещаются, так как башня устроена в месте пересечения четырех внутренних стен. В темноте сон ваш будет еще крепче, и вы без всяких опасений можете отдыхать; нигде нет ни малейшего сообщения с нижним этажом, и пройти к вам можно только через этот зал.

Все Семь удалились, и брахматма остался один.

— Наконец, — сказал он, — наступает тот день, когда я приму участие в борьбе, о которой мечтаю в течение двадцати лет. Юг Индии восстанет, как один человек, под управлением четырех раджей, которых я склонил на свою сторону, а север, хотя и истекающий кровью, с тем же неистовством возьмется за оружие по призыву Нана-Сахиба. Полк морской пехоты, расположенный в Пондишери и управляемый одним из моих друзей, доставит нам три тысячи человек, которые дадут нам возможность снабдить туземные войска достаточным количеством офицеров. «Диана», «Раджа» и четыре других судна Ковинда-Шетти только что прибыли в Гоа, снабженные пушками, ружьями нового образца и всеми необходимыми снарядами. Недели через две мы двинемся против красных мундиров с двумя миллионами хорошо вооруженных людей — и тогда конец Индийской империи и британскому владычеству... Честь моя восстановлена, но я не могу забыть, что двадцать лет тому назад англичане несправедливыми обвинениями разбили мою жизнь. К моей ненависти человека прибавляется еще ненависть француза, ибо я не могу забыть, что Англия в течение нескольких столетий всегда пользовалась самыми тяжелыми моментами нашей истории, чтобы разорить Францию, вырвав лучшие жемчужины из ее колоний... Теперь я вырву у нее Индию! Все идет по моему желанию, и в этот час я вознагражден за все мои страдания. О! Сэр Джон Лоуренс, ты думаешь, что я нахожусь во Франции и спокойно наслаждаюсь шестимесчным отпуском?.. Какое тяжелое пробуждение готовлю я тебе, и ты не знаешь, что близок уже час возмездия за все твои преступления...

Подумать только, что не приди мне в голову мысль воспользоваться этим странным сходством и просить Арджуну позволить мне присутствовать на последнем собрании жемедаров, чтобы узнать настроение умов, — все принятые мной меры потерпели бы полную неудачу! Этот проклятый Кишнайя нашел способ взять в свои руки даже управление обществом Духов Вод! Хорошо еще, что я переписывался с одним только Арджуной, — иначе все мои тайны, все проекты были бы известны этому негодю. Кроме часа, назначенного для восстания, Кишнайя ничего

не знает о наших союзниках, о действительных наших силах, не знает, наконец, о моем пребывании в Индии. А последнее его покушение на нас, которое он считает необыкновенно ловким ударом, совсем отдаст его в наши руки. Слишком понадеялся он на толщину плит, заделанных над нашей головой! Я затеял рискованную игру, допустив арест, которого мог избежать, но бывают случаи, когда смелость полезнее осторожности. Это было единственное средство усыпить бдительность наших противников, дав им возможность наслаждаться своим триумфом. Без этого события могли бы развиваться так, что пришлось бы начинать борьбу, не будучи еще к ней подготовленными. Недели две необходимы нам для того, чтобы вооружить наших людей, а в это время Кишнайн, совершенно успокоенный на наш счет, устроит экспедицию в Нухурмур, где все уже подготовлено Барбассоном к его приему. Вице-король будет терпеливо ждать взятия в плен Нана-Сахиба, в котором он теперь вполне уверен. И только после этого он собирается начать действия против раджей Декана.

Пока брахматма говорил вполголоса, делая обзор всего положения вещей, чтобы проверить, приняты ли все предосторожности и не упущено ли чего-нибудь из виду, в зал неслышно вошел Анандраен и остановился позади кресла мнимого Арджуны, рискуя выдать свое присутствие охватившем его волнением.

Сердар — читатель, конечно, узнал его — сидел несколько минут молча, подперев голову руками и погрузившись в глубокие размышления. Затем продолжал:

— Я так прекрасно замаскировался, что никто меня не узнал, за исключением Анандраена... Честный друг! Неуверенность, вызванная моими словами, заставила его страдать, я уверен в этом... А между тем мои старания уклончиво отвечать на все его вопросы должны были показать ему, что он не ошибается!.. Мое недоверие в этом случае огорчило его, конечно, но он должен был понять, что я не мог признаться при факирах и дорванах; я не хотел открывать своего инкогнито и другим членам Совета. Тайна, известная стольким лицам, — уже не тайна... Что касается старого Анандраена, то сегодня же вечером я предупрежу его...

— Ты, следовательно, прощаешь мою нескромность, — сказал Анандраен, который не в состоянии был больше удержаться от душившего его волнения...

— Ты здесь! — воскликнул Сердар, оборачиваясь к нему.

— Это так же верно, как то, что в течение двадцати лет ни одно облачко не омрачило моей привязанности к тебе; верно и то, что я пришел сюда не для того, чтобы подслушивать твои мысли... Когда ты появился на собрании жемедаров, я узнал тебя глазами и сердцем, несмотря на твою туземную одежду и бронзовый

цвет кожи, натертой куркумой... Напрасно старался я заснуть в комнате над тобой, которую я сам себе выбрал, я решил прийти и сказать тебе: «Сердар, это ты! Зачем ты скрываешься от своего верного друга?»

— А я отвечаю тебе: «Да, это я, и у меня нет тайн от моего самого преданного и старинного друга»... Ты первый человек, с которым я познакомился в Индии, Анандраен...

— И ты прощаешь меня?

— Нужно ли это?

— Какое счастье видеть тебя снова!

Оба крепко пожали друг другу руку.

— Что ты слышал? — спросил Сердар.

— Все или почти все, — отвечал Анандраен.

— Одобряешь ты меня?

— Совершенно.

— Как я играл свою роль, по-твоему?

— Превосходно! Ты обманул даже Кишнайю... Никогда Арджуне, который вот уже несколько месяцев ведет с ним борьбу, не удалось бы проникнуть во все его хитрые планы.

— Его странное поведение и пробудило во мне подозрение...

Мне нечего больше прибавить тебе.

— Есть еще один пункт, оставшийся непонятным для меня.

— Какой?

— То, что ты говорил о солдатах Пондишери.

— Все это очень просто... В качестве губернатора владений моей родины в Индии я назначил одного из моих друзей полковником тамошнего гарнизона; он предан делу, которое я защищаю, и в одну прекрасную безлунную ночь, недели через две, в тот час, когда вся Индия будет вооружена, этот полк покинет французскую территорию и присоединится к нам. Индийской армии не хватает командиров, к которым она питала бы доверие; всех офицеров полка мы произведем в генералы, унтер-офицеров — в полковники, а солдат — в капитаны. Полковник де Лотрек будет назначен командующим армией, которая отправится в Бенгалию против Хейвлока; командир батальона Картье де Ла Шене направится в Мадрас, тогда как Нана-Сахиб и я двинемся во главе западной армии на Бомбей. Четыре раджи во главе двухсот тысяч маратхских всадников под начальством Нариндры займутся очисткой центра, не давая англичанам соединиться и отрезая их от всех пунктов, откуда доставляются съестные припасы... Если все удастся, как я рассчитываю, недель через шесть в Индии не будет ни одного красного мундира.

— Да услышит тебя Шива! — сказал Анандраен. — Это прекрасный сон, и я боюсь, чтобы он, как и все сны, не был далек от действительности.

— Откуда у тебя такие мрачные предчувствия?

— Я боюсь, что раджи Юга лишатся решительности и смелости в последнюю минуту.

— Они слишком скомпрометированы, чтобы колебаться. Не сами ли они, впрочем, всеми силами старались побудить народ к этому восстанию?

— Да, я знаю. Пока речь идет о заговорах, о героических решениях, они всегда впереди других, но как только от слов нужно перейти к делу, так никого нет. Один за другим все изнеженные потомки наших древних королей позволили англичанам ограбить себя и лишиться трона, и ни один из них не сел на коня, чтобы защитить наследие своих предков, ни один из них не предпочел славную смерть на поле битвы сомнительной чести украшать собой придворный кортеж вице-короля Калькутты.

— Я это знаю, Анандраен! Но в то время древняя Индия не дошла еще до того состояния, чтобы с дрожью нетерпения ждать свержения чужеземного ига. Соперничество между провинциями, между навабами и раджами были главной причиной торжества наших врагов. Но последние увидят теперь перед собой настоящее народное движение, в котором мусульмане севера соединятся с брахманистами юга для достижения одной и той же цели. И поверь мне, трудно бороться с народом, состоящим из двухсот пятидесяти миллионов человек! Но оставим это, мой старый друг, теперь время не разговаривать, а действовать... Пойди и отдохни несколько часов; я должен быть один, мне нужно отправить важное письмо Барбассону и закончить еще несколько неотложных дел... Не забудь, что для всех здесь я по-прежнему Арджуна.

— Не беспокойся, я не выдам твоей тайны... Еще одно слово, и я покину тебя: где скрывается тот, которого ты так удачно заметил собой?

— Настоящий Арджуна? Я послал его в Нухурмур к Нана-Сахибу, чтобы он на словах передал ему обо всем, что происходит в Биджапуре; я жду его возвращения с нетерпением, чтобы вернуть ему его титул, а себе — свободу действий.

После ухода Анандраена Сердар несколько часов подряд работал один.

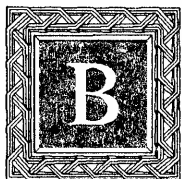
Но всякая энергия имеет свои границы. Вот уже несколько дней, как этот железный человек не отдыхал ни минуты; глаза его закрылись помимо его воли, а голова начала медленно клониться над столом, пока не встретила точки опоры, после чего он заснул глубоким сном.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Конец заговора

I

Цель сэра Джона Лоуренса. — Пиетисты и политика. — Радость вице-короля. — Эдуард Кемпбелл назначен капитаном. — Мрачное беспокойство. — В путь!

ВЕЧЕРОМ ЭТОГО ПАМЯТНОГО ДНЯ СЭР Джон Лоуренс удалился в свою спальню с чувством такого удовлетворения, какого он давно не испытывал. Смерть Уотсона, который был всегда предан ему, правда, сильно омрачила его настроение, но печальное это событие компенсировалось столь счастливыми обстоятельствами, что он забыл о нем. Эгоист, как все люди, пользующиеся властью, он видел только, что его положение вице-короля, сильно пошатнувшееся вследствие его неспособности умиротворить Индию, снова должно было укрепиться; общество Духов Вод уже почти уничтожено; близится и поимка Нана-Сахиба, которого Кишнайя обещал доставить через пять дней.

Лоуренс был тем более доволен, что не знал о присутствии Сердара в Индии и поэтому думал, что заговор — не более и не менее как предлог, выдуманный Кишнайей и его приверженцами для привлечения Нана-Сахиба в Биджапур. Он не боялся больше и за свою жизнь, потому что не было тех, кому повиновался Кинжал Правосудия.

— Бедный Уотсон! — говорил он себе. — Он поплатился жизнью из-за борьбы, которую я предпринял. Но это последняя жертва страшной банды, с которой до сего дня не в силах были справиться никакие власти, управлявшие Индией... Какая слава выйдет на мою долю! Ведь я преуспел там, где деспот Аурангзеб и такие железные губернаторы, как Клайв и Гастингс, вынуждены были капитулировать из боязни, чтобы кинжал общества

Духов Вод не коснулся их самих. Смерть Уотсона будет иметь важные последствия. Не случись этого, я, быть может, из опасения неудачной поимки Нана-Сахиба не решился бы так скоро привести в исполнение свой декрет об уничтожении общества. А кто знает, не вздумали бы в этот промежуток времени фанатик брахматма погубить и меня!.. Теперь этот бесноватый заперт со всей своей бандой в подземелье замка. Напрасно только Кишная велел заделать отверстие; если бы он посоветовался со мной, я не согласился бы на это... Впрочем это, пожалуй, лучший способ навсегда отделаться от опасного общества! Они исчезнут бесшумно, и никто не узнает, куда они делись.

Этот властитель так же смешивал интересы государства с интересами своего мелочного и эгоистичного честолюбия, как и все его собратья. Двенадцать человек были обречены им на голодную смерть и могли дойти до того, что начали бы пожирать друг друга, а сэр Джон умывал себе руки...

Управляя одной из самых обширных в мире стран, этот человек думал только о собственных интересах. Раз двадцать уже он подвергал вверенную ему страну самым ужасным бедствиям, не желая прекратить ни на минуту своей политики борьбы с предрассудками, верованиями, нравами восточного народа, которым, в сущности, управлять было легче, чем кем бы то ни было в мире. Несколько веков подряд выносил этот народ иго Моголов, которые грабили его, требуя лишь уважения к своей религии, нравам, традициям, семейным устоям; ему было безразлично, кому он платит налог, лишь бы он мог поклоняться своим богам и жить спокойно в деревне, обрабатывая рисовое поле своих предков.

Получив назначение на пост вице-короля, сэр Лоуренс, уезжая, обещал обратить всю Индию в лоно английской церкви. Несмотря на то, что по прошествии некоторого времени он убедился в тщетности такого рода попыток, он для поддержания престижа власти продолжал ту же политику, которая, вызвав восстание сипаев, едва не лишила Англию ее лучших колониальных владений; эта политика поддерживала Индию в состоянии постоянного заговора, который мог кончиться вторым восстанием, еще более грозным, чем первое.

Вице-король часто получал сведения о том, что все кругом состоит в заговоре. Его собственные слуги были на стороне заговора и почти открыто изменяли ему; все его секреты, все решения его Совета становились известными еще до того, как были опубликованы; Нана-Сахиб ускользал от всех его преследований благодаря упорному и единодушному молчанию всего индусского народа; даже большинство английских чиновников были на

стороне индусов, ибо не желали пасть под ударами кинжала... Сэр Лоуренс не желал ничего понимать и не переставал вступать в сделки с людьми самого низкого происхождения; он составил из них особую туземную полицию, издавая самые нелепые декреты против религиозных обычаев пытаясь насильно ввести Библию вместо Вед.

Моголы после нескольких слабых попыток борьбы кончили тем, что примирились с брахматмой, как это сделали во Франции с Великим Магистром масонов, с той только разницей, что последний сохранил меньше власти за собой, чем брахматма. Но Франция — не Индия, где обычаи укореняются тем сильнее, чем они древнее.

Даже сами английские губернаторы скоро пришли к тому убеждению, что тайная власть Духов Вод, — власть, которая никогда не вмешивалась в гражданские и политические дела и преследовала только постыдное взяточничество и, — была властью исключительно моральной; она даже помогала администрации, обуздывая сдерживая лихоимцев. Поэтому они оказывали брахматме самое высокое уважение, предоставляя ему в полное распоряжение его древнюю резиденцию Биджапур, который сделался оплотом древних традиций Индии.

Политика такого рода была весьма успешной, и Англия почти сто лет мирно и спокойно владела Индией. Но в Великобритании существовала партия «пиетистов», или «святых», как их иронически называли в Лондоне, с убеждениями которых не мирились такие послабления; с самого начала они проповедовали обращение Индии в христианство и обвиняли правительство в том, что оно не исполняло своего назначения в мире. Так же хорошо организованная, как иезуиты, но более могущественная, эта партия настояла на том, чтобы вице-королем Индии назначили одну из ее креатур — человека низкого происхождения, который добился высокого положения в Индии благодаря необыкновенной ловкости, неутомимому терпению, а главное — своему присоединению к могущественной партии «святых». Этим человеком и был Джон Лоуренс.

Превратившись в «сэра» Джона Лоуренса, он предоставил Индию во власть миссионеров, которые буквально наводнили ее. Авскоре можно было видеть, как частью по убеждению, а частью из желания получить повышение, все чиновники гражданской службы, офицеры армии и даже генералы ходили не иначе, как с библией в руках; всеми в стране, с одного конца ее и до другого, овладела мания обращения в христианство; все проповедовали и раздавали целые груды библий на перекрестках дорог, на площадях деревень и городов, во дворах казарм...

Прошло два года такой ревностной проповеди — и ни один индус не обратился в иную веру, ибо обратиться значило отказаться от семьи, потерять социальное положение среди своих, другими словами, опуститься до уровня парии.

Надо отдать справедливость обществу Духов Вод: первые предупреждения исходили от него; брахматма, бывший тогда верховным вождем, отправляя к вице-королю посла за послом, умоляя его положить конец этой мании обращения, если он не хочет вызвать самых страшных бедствий. Ничто не помогало. Вот тогда-то и восстали двести пятьдесят тысяч мусульман, служащих в армии. А так как туземные войска Индии состояли почти исключительно из людей этой религии, то правительство осталось только со своими европейскими солдатами, которых было всего семь-восемь тысяч человек. Все индусы брахманской религии, то есть весь Декан, ждали первых результатов борьбы, чтобы присоединиться к восставшим. Но Хейвлок задушил восстание, а сэр Джон Лоуренс, чтобы терроризировать страну, буквально утопил Бенгалию в крови.

Именно француз, известный под именем Сердара, присоединился к Нана-Сахибу, затем спас его после взятия Дели и скрыл от англичан. Мы не вернемся больше к этим событиям; мы не можем открыть настоящие имена их участников, так как некоторые из этих лиц еще живы и могут пострадать от мести англичан.

Этот француз, оставшийся верным Нана, до сих пор еще живет с принцем в маленьком уголке земного шара, неизвестном его врагам. Только после их смерти мы напишем историю последних дней жизни Нана-Сахиба и его верного защитника*.

Первое восстание, вместо того чтобы послужить уроком сэру Лоуренсу, вызвало у него еще более сильное раздражение, и он затеял борьбу с Деканом, который не участвовал в восстании. Все это должно было привести к тем же результатам, что и в Бенгалии. Не ограничившись разосланными им декретами, запрещающими индусам исполнение их религиозных обрядов, Лоуренс сам явился в Биджапур — этот таинственный оплот всех древних традиций.

В этот вечер, несмотря на предупреждения, получаемые им со всех сторон, сэр Джон Лоуренс был счастлив. Он верил в

* Эти строки написаны в 1889 г.; Л. Жаколио умер в 1894 году. — *Примеч. перев.*

упрочение своего положения и надеялся, что его могущественные покровители добьются продления его полномочий по крайней мере еще на целое пятилетие.

Некоторое время он сидел, предаваясь всевозможным размышлениям по поводу событий, которые только что разыгрались, а затем мало-помалу впал в то дремотное состояние, когда дух освобождается от власти материальной оболочки и улетает куда-то на волшебных крыльях воображения... В таком полусонном состоянии, находясь еще под впечатлением трагического конца своего друга, вице-король увидел вдруг словно призрак Уотсона, который протягивает к нему руки, желая прижать его к своей груди... Волнение лорда было так сильно, что он не смог удержать крик испуга и, откинувшись назад, конвульсивно замахал руками, как бы желая оттолкнуть от себя ужасное видение... Когда он наконец убедился, что это был лишь плод расстроенного воображения, то пришел в себя.

— Какое счастье, что это был сон! — сказал он со вздохом облегчения.

Вид громадных развалин, выглядывающих ночью из-за темной растительности, которая окружала дворец Омра, невольно возбуждал в нем какое-то жуткое чувство. Чтобы отделаться от него, он закрыл окно и позвал дежурного слугу.

Камердинер появился со своими помощниками, чтобы приготовить комнату и постель. В то же время вошел и Эдуард Кемпбелл за получением приказаний на ночь. Он был, по-видимому, чем-то удручен и делал неимоверные усилия, чтобы не выказать этого.

— Не удвоить ли часовых, ваша светлость? — спросил он, когда слуги вышли по знаку своего господина.

— Всякая предосторожность хороша, Эдуард, — отвечал, улыбаясь, сэр Джон, не замечая тревожного состояния своего адъютанта. — Возьмите стул, Эдуард, я хочу сообщить вам хорошую новость.

— Я к услугам вашей светлости, — отвечал молодой офицер, кланяясь.

— Оставим на минуту дела службы, Кемпбелл, — сказал вице-король, — хотя то, что я хочу сообщить вам, косвенно относится к ней... Я уже выражал вам свое удовольствие по поводу аккуратного исполнения вами своих обязанностей и давно ищу случая вознаградить вас, не оскорбляя самолюбия ваших товарищей, которые старше вас чином.

— Назначив меня в штаб вашего превосходительства, вы исполнили все мои желания; в данную минуту я ничего большего не смею желать.

— Скромность — похвальное чувство, молодой друг, но будущее человека почти всегда зависит от первого шага, который дает ему возможность выдвинуться раньше других; такой шаг не пропадает даром... Я, например, приписываю свое назначение на пост вице-короля Индии не тем заслугам, которые у меня были перед страной в то время когда я занимал разные служебные посты, а тому, что в начале своей карьеры мне посчастливилось оказать большую услугу губернатору Мадраса, — я спас его утопающего сына. За это я был назначен «ассистентом» в Каддолуре на десять лет раньше того, чем обычно назначают на такой высокий пост... Ни один из моих конкурентов не мог потом догнать меня. Благоприятные обстоятельства возвысили меня, и с того дня уже можно было предвидеть, что я буду управлять одним из четырех президентств — Бомбея, Мадраса, Агры или Лахора, — чего редко кто достигает из гражданских чиновников. Я хочу оказать вам ту же услугу, возвысив вас на много лет раньше обычного до чина капитана. Вы будете продолжать исполнять ваши обязанности поручика, но властью, данной мне королевой, я назначаю вас капитаном свиты в 4-м шотландском полку, где вы уже числитесь.

— Я — капитан? — пробормотал молодой человек, который не мог поверить своим ушам. — Но ведь для этого надо прослужить пять лет поручиком, а я служу всего год.

— Вы забываете, — прервал его сэр Джон Лоуренс, — что этот параграф воинского устава отменяется в экстренных случаях... А ловкость, с которой вы арестовали вождей ужасного общества, столько веков заставлявшего мириться с ним все правительства, дает право на отличие. Вот и патент на чин.

— Ах, ваша светлость! — воскликнул молодой офицер, тронутый этим до слез. — Если представится когда-нибудь случай отдать свою жизнь за вас... — При этих словах он бросился к сэру Джону и покрыл его руки поцелуями.

— Я видел вашего отца в деле, Эдуард, и знаю, что вы принадлежите к семье, на которую можно рассчитывать.

Несмотря на свою радость, Эдуард Кемпбелл был, видимо, чем-то встревожен; но всякий, кто не знал причин этой тревоги, мог, как и вице-король, принять это за волнение по случаю повышения.

— На патенте недостает только, — сказал сэр Джон, — печати королевы; я сейчас приложу ее.

Когда он встал, чтобы взять из золотого ящика печать королевы, молодой человек сжал руки и пробормотал:

— Что делать, Боже мой! Что делать? Если я буду молчать, то совершу двойную измену против своей страны и своего благодетеля... А если скажу...

Вдруг он ударил себя по лбу.

— Да, — сказал он, — само небо внушает мне эту мысль... Только моя мать может помешать непоправимому несчастью...

— Вот и сделано, — сказал вице-король, кладя печать обратно на место. — Желаю, мой милый Эдуард, чтобы открывшаяся вакансия дала вам возможность скоро занять ваше место.

— Ваша светлость, — отвечал Эдуард, принявший решение, — если бы я не боялся злоупотребить вашей добротой...

— Вы имеете ко мне просьбу? Говорите, не бойтесь, мой милый капитан, я заранее согласен на нее.

— У нас теперь военное положение, и я не смею...

— Я читаю ваши мысли, — прервал его сэр Джон Лоуренс, — вы желаете получить отпуск на неделю, чтобы лично передать новость полковнику и леди Кемпбелл.

— Неделю! — воскликнул Эдуард, невольно вздрагивая. — О нет! Это слишком много, достаточно половины.

— Ваша рука дрожит, Кемпбелл, вы нездоровы?

— Это ничего... избыток счастья... удивление... нервный приступ, которого я не могу преодолеть...

— Полно, успокойтесь, дитя мое, — ласково сказал ему вице-король. — Поезжайте в Бомбей к вашим милым родителям, я не назначаю вам срок вашего отпуска, вы возвратитесь, когда пожелаете. Мы теперь переживаем период относительного спокойствия, и я надеюсь, что мне долго не придется прибегать к вашей помощи, а когда вы вернетесь, срок вашего пребывания в Декане будет близиться к концу.

— Прошу вас, ваша светлость, не убаюкивайте себя видом обманчивого спокойствия... С таким фанатичным народом нельзя быть никогда уверенным в завтрашнем дне.

— Поезжайте, мой молодой друг, и без всяких задних мыслей пользуйтесь отпуском, который я разрешил вам: вы не знакомы с положением дел так хорошо, как я, иначе перестали бы тревожиться. Можно сказать, что общество Духов Вод всегда было душой и головой всех заговоров, всех восстаний... Оно исчезло — и теперь ни один индус не тронется с места. Сам Нана-Сахиб, предоставленный лишь собственным силам, утратит свое влияние на юге Индии, где ненавидят мусульман, а дней через пять он будет у меня в руках.

«Боже мой! Я не могу убедить его, — подумал молодой человек, — остается только одно средство: ехать в Бомбей».

— Берегите себя, ваше превосходительство, — продолжал он громко. — Я дрожу при мысли, что ваши драгоценные дни зависят от кинжала какого-нибудь презренного факира.

— Благодаря вам, Эдуард, те, которые вкладывали оружие в руки этих фанатиков, не в состоянии больше вредить нам...

— Вы в этом уверены, ваша светлость?

Странная улыбка пробежала по лицу вице-короля.

— Колодец Молчания, — отвечал он, — никогда не отдавал своих жертв... И потом, верьте мне, они не посмеют так высоко занести свой кинжал.

— Я во всяком случае прикажу удвоить часовых и поставить по одному у всех выходов, которые ведут в ваши апартаменты.

— Хорошо! Предосторожности никогда не излишни... Когда вы рассчитываете выехать?

— Мое дежурство кончается сегодня вечером, и я тотчас же двинусь в путь.

— Счастливого пути... Привет полковнику!

II

Эдуард Кемпбелл в Джахара-Бауге. — Слишком поздно. — Эхо выдало. — След в развалинах. — Ради Бога, остановись! — На пути в Бомбей.

ВЫЙДЯ ИЗ ПОКОЕВ ВИЦЕ-КОРОЛЯ, ЭДУАРД Кемпбелл осмотрел все караулы дворца, которые зависели непосредственно от него, поставил часовых во всех коридорах и у всех дверей и, приняв таким образом все необходимые при настоящем положении дел предосторожности, передал дежурство офицеру, сменяющему его; затем он вышел из дворца, не заходя в свою комнату.

— Наконец-то я свободен! — сказал он с глубоким вздохом облегчения.

Перед ним тянулась узкая тропинка, которая извивалась дальше среди развалин и шла по направлению к древнему Биджапуру, где находились пагода Шивы, Джахара-Бауг и другие здания, устоявшие в борьбе со временем. Молодой офицер пошел по этой тропинке, стараясь по возможности больше заглушать свои шаги.

После двадцати минут ходьбы он наконец добрался до дворца Джахара-Бауг, который казался совсем пустым после экспедиции, предпринятой сюда Кишнаией. Он ловко проскользнул мимо небольшого павильона, который служил жилищем дорванам, арестованным вместе со своим господином... В эту минуту на

верхушке старой пагоды раздался удар гонга молодой офицер насчитал двенадцать, за которыми последовала обычная фраза, сказанная свежим и молодым голосом:

«Полночь, люди высшей и низшей касты, спите спокойно, нового ничего нет!»

Это был голос сына падиала, заменявшего своего отца, который в эту минуту находился вместе с Утсарой в Колодце Молчания.

— Полночь! — повторил Кемпбелл с глубоким разочарованием. — Я опоздал на целый час!

Тем не менее он подошел к павильону, задерживая дыхание, которого было достаточно, чтобы выдать его присутствие среди ночной тишины, и, приложившись ухом к циновке, закрывавшей вход, внимательно прислушался... Несколько секунд было достаточно, чтобы убедиться, что внутри никого нет. Сильный запах коринги, надушенной жасмином, исходил из павильона, указывая на то, что курившие этот острый табак не так давно ушли оттуда.

— Да, верно, — сказал Эдуард Кемпбелл про себя, — здесь у них было свидание... Но ведь оно было назначено на одиннадцать часов...

Он не успел закончить своей мысли; со стороны дворца донесся легкий шум, и молодой человек поспешил скрыться в кустах, чтобы не быть застигнутым врасплох. Глаза его свыклись с темнотой, и он увидел двух туземцев, которые медленно шли к выходной двери, разговаривая шепотом между собой. Каково же было его удивление, когда в одном из них он узнал старого пандарома, который два дня тому назад был у вице-короля и сказал Уотсону, что ему остается жить всего три часа.

В голове Эдуарда сразу промелькнула мысль, что перед ним находится убийца полковника или, по крайней мере, один из его сообщников. Что нужно было в этот час старому нищему и его спутнику в Джахара-Бауге? Не их ожидал он встретить здесь.

Странное происшествие случилось сегодня при заходе солнца с молодым офицером. С тех пор как он находился в Биджапуре, он каждый вечер отправлялся на террасу дворца, где жил вице-король, и любовался чудными переливами света заходящего светила среди грандиозных развалин древнего города. Это зрелище умиротворяло его поэтическую и мечтательную душу, и ночь часто заставляла его в созерцании останков другого века, которых ничто не могло спасти от разрушения.

С одной стороны у конца террасы возвышалась средняя стена второго дворца; в ней устроен был ряд отверстий, которыми

заканчивались, вероятно, ходы в толще стен для проветривания потайных частей дворца.

Эдуард Кемпбелл стоял, прислонившись к стене, и с тихой, безотчетной грустью любовался прелестным мавзолеем из белого мрамора, воздвигнутым в честь царицы Нухурмаль. Вдруг он невольно вздрогнул... Странные слова, как бы выходившие из глубины камня, поразили его слух... Он отскочил от стены, и странный феномен прекратился... Он принял прежнее положение — и до него снова долетели звуки, которые он мог приписать только человеческому голосу, но они раздавались не так громко, как в первый раз, когда он ясно расслышал: «Весь Декан по первому сигналу»...

Одно из отверстий находилось почти на высоте его лица; он инстинктивно приложился к нему ухом и с этой минуты мог с возрастающим интересом следить за разговором, который, по видимому, начался уже некоторое время тому назад и теперь подходил к концу.

— Ты ручаешься за четырех раджей Юга? — спросил первый голос.

— Как за себя, — отвечал второй, — они знают, что сэр Лоуренс приехал в Биджапур с целью низвергнуть их, и предпочитает борьбу унижительному рабству.

— Особенно, если народ узнает, что Сердар вернулся в Индию инкогнито, чтобы стать во главе движения. Тогда за оружие возьмутся все, и общий поток увлечет за собой и навабов.

Сердар, Фредерик де Монморен, его дядя — в Индии!.. При этих словах Эдуарда Кемпбелла охватило такое сильное волнение, что у него кровь прилила к голове, в ушах зазвенело, голова закружилась и он вынужден был прислониться к стене... Это помешало ему слышать ответ второго собеседника, из которого он узнал бы, что это был именно Сердар.

— Ты придаешь слишком большое значение моему влиянию, Анандраен, — сказал Сердар своему другу.

Оба продолжали свой секретный утренний разговор в комнате Анандраена, куда тот удалился для отдыха. Не подозревая, кто были эти собеседники, Эдуард Кемпбелл все же узнал из их разговора все подробности заговора, силы, на которые рассчитывали его руководители, и день, назначенный для восстания. Он слышал также, что незнакомцы назначили вечером свидание в Джахара-Бауге, в павильоне дорванов, но о цели свидания он не расслышал; говорившие понизили голос, как поступают обычно при сообщении какой-нибудь важной тайны.

Не заботясь о том, чтобы обнаружить убежище, где скрывались заговорщики, молодой офицер погрузился в тяжелые раз-

мышления... Как должен он вести себя после такого серьезного открытия? Донести? Но ведь вождь предполагаемого восстания — брат его матери, спаситель полковника Кемпбелла в Хардвар-Сикри, Фредерик де Монморен, его дядя... Англичане начнут преследовать его; они, быть может, даже пошлют его, Эдуарда Кемпбелла, во главе отряда и затем повесят несчастного, как разбойника с большой дороги... Молчать? Но ведь своим молчанием он будет способствовать восстанию, которое может навсегда уничтожит британское владычество в Индии.

В этот момент он и решил отправиться в Бомбей, чтобы рассказать обо всем леди Кемпбелл и полковнику и получить от них совет, как поступить. Но прежде чем отправиться в большой город Малабарского берега, он решил присутствовать на свидании двух таинственных лиц в Джахара-Бауге, надеясь получить еще более драгоценные сведения... Задержанный вице-королем, он пришел во дворец брахматмы лишь для того, чтобы увидеть, как уходили незнакомцы. Единственное, чего он добился в этом ночном путешествии, — он узнал виновников или сообщников убийства Уотсона. Никто другой, кроме брахматмы, не мог вложить оружие в руку убийцы.

Молодой офицер принял наконец решение; конечно, он один не мог арестовать двух заговорщиков, которые были несомненно вооружены и достаточно сильны, чтобы защищаться; но он нашел нужным следовать за ними, чтобы узнать место, которое служило им убежищем, а также путь, каким они попадали в потайные части дворца Омра. Когда они прошли мимо рощи карликовых пальм, он еще раз прислушался, надеясь поймать на лету обрывки их разговора. Но он заметил, что имеет дело с людьми осторожными: понизив голос так, что они могли слышать только друг друга, индусы для большей предосторожности говорили еще на наречии, которое было неизвестно в Декане.

Разочарованный Кемпбелл последовал за ними на некотором расстоянии, чтобы не обратить на себя их внимания. Дорога делала постоянные повороты среди развалин, и он иногда терял индусов из виду на несколько минут. Но затем снова показывались их силуэты, казавшиеся еще более мрачными на фоне темного ночного неба.

Индусы шли прямо к дворцу Адил-шаха. У Кемпбелла блеснула тогда мысль, что их легко будет арестовать с помощью шотландцев, посты которых были расставлены в разных местах вокруг дворца. Причастность этих людей к убийству Уотсона была вполне установлена и оправдывала задуманную им крайнюю меру; все указывало также на то, что перед глазами его

находились два заговорщика, разговор которых он нечаянно подслушал.

Впрочем, чтобы не компрометировать Сердара, он решил пока молчать о том, что слышал случайно, и объяснить свой поступок тем, что он считал пандарома причастным к убийству Уотсона.

Кемпбелл продолжал следовать на незнакомцами, рассчитывая, что в наиболее удобный момент он набросится на пандарома и вызовет находившийся поблизости шотландский караул. План молодого офицера был задуман очень хорошо и, может быть, удался бы, имей он дело с обыкновенными противниками; но Кемпбелл не знал, какую тонкость органов чувств развивает жизнь, полная всевозможных засад, у тех людей, которым приходится ее вести. Не прошло и пяти минут с тех пор, как он шел по следам незнакомцев, как последние уже поняли, что их слеживают.

— Чего нужно от нас этому человеку? — спросил Анандраена Сердар (это и был знаменитый авантюрист, который вместе со своим другом приходил в Джахара-Баут, чтобы переодеться).

— Быть может, он случайно идет по одной дороге с нами; во всяком случае это англичанин из свиты вице-короля, мало привыкший к такого рода экспедициям, потому что совсем не умеет заглушать свои шаги, — отвечал Анандраен.

— Это один из шпионов, поставленных у дворца Джахара-Баут, который со времени нашего ареста превратился в настоящую мышеловку. Следя за дворцом, они надеются захватить самых влиятельных членов общества и помешать его восстановлению.

— Нам непременно нужно убедиться в его намерениях, ибо, если это обычный прохожий...

— Обычный прохожий, Анандраен, не будет стараться скрыть свое присутствие... Можно, впрочем, очень легко узнать, чего нам держаться: вернемся назад, как ни в чем не бывало, и тогда увидим, будет ли он продолжать свой путь, не обращая на нас внимания... Это детский маневр, но, по-моему, мы имеем дело с не особенно опытным шпионом.

Увидев, что два таинственных незнакомца повернули обратно, Эдуард Кемпбелл тотчас же подтвердил все предположения Сердара; настоящий шпион спокойно продолжал бы свой путь, приняв вид мечтателя, вышедшего подышать чистым воздухом ночи. Но молодой офицер ничего лучше не придумал, как броситься в кусты.

— Опыт удался, Сердар, — шепотом сказал Анандраен.

— Тем хуже для него! — отвечал последний. — Борьба начата, и законная защита на нашей стороне. Не первый труп получают колодцы Биджапура!..

Оба друга повернули обратно к дворцу и прошли, как бы не подозревая ничего присутствия, мимо того места, где скрывался молодой человек. Адъютант пропустил их мимо себя и спустя несколько минут снова принялся за преследование, на этот раз с большим увлечением, так как надеялся на успех. Он не сомневался больше, что видит перед собой двух самых важных руководителей заговора. Он ускорил свои шаги, забыв в нетерпении все предосторожности и удивляясь в то же время, что не видит двух туземцев, когда вдруг на том самом месте, где тропинка поворачивала мимо знаменитых развалин Джамма-Маешд, какой-то человек схватил его за горло и повалил на землю прежде, чем он успел принять оборонительное положение... Кинжал блеснул среди ночной тьмы и готов был уже вонзиться грудь молодого офицера, когда последний крикнул по-английски:

— Презренный убийца!

При звуках этого голоса, которые сразу поразили слух Сердара, последний понял, кто должен был пасть под ударом Анандраена.

— Эдуард Кемпбелл! — воскликнул он с раздирающим душу отчаянием. — Остановись, ради Бога!

И, не дожидаясь результата своей просьбы, Сердар набросился на своего товарища и вырвал у него кинжал; затем он так сильно оттолкнул индуса от его жертвы, что тот упал...

— Его племянник! — воскликнул Анандраен, с быстротой молнии вскакивая на ноги. — Его племянник! Я едва не убил его племянника...

По знаку Сердара он бросился за ним, и оба, свернув с дороги, скоро скрылись среди развалин.

Эдуард Кемпбелл еле поднялся на ноги. Начальник поста Велура был колоссом необычайной силы, и удар его был еще сильнее вследствие овладевшей им ярости. Несмотря, однако, на потрясение, причиненное неожиданным нападением, молодой офицер ясно расслышал свое имя и понял, что только неожиданная помощь спасла его от смерти. Он смутно рассмотрел лицо пандарома в ту минуту, когда последний вырвал кинжал из рук его врага.

Очевидно, незнакомцы сговорились убить его за то, что он следил за ними, и напавший на него действовал, конечно, с согласия товарища. Своей жизнью Кемпбелл обязан был вырвавшемуся у него на английском языке восклицанию — это дало возможность фокуснику узнать его. Но выражение испуга и отчаяния, с которым его спаситель произнес слова «Эдуард Кемп-

белл! Остановись, ради Бога!», показывали, как глубоко интересуется им этот человек, не объясняя в то же время ни причин, ни происхождения такого интереса к его личности.

Но тут он вспомнил странное сходство, замеченное им еще во время первой встречи; затем ему пришло на память известие о возвращении Сердара в Индию, о котором он так неожиданно услышал несколько часов тому назад. Молодой человек пришел мало-помалу к убеждению, что старый пандаром не кто иной, как его переодетый дядя, Фредерик де Монморен, приехавший в Биджапур с целью организовать восстание... Невыразимое волнение овладело его душой при мысли о безвыходном положении, в которое он попал и которое мучило его еще больше прежнего. Перед ним стояла ужасная дилемма: изменить вице-королю и своей стране или предать своего дядю, который только что спас ему жизнь.

— Да, ничего не остается больше делать, как то, что я уже решил, — сказал он, — надо ехать. Одна лишь мать моя способна заставить его отказаться от своих намерений...

Не имея больше надобности принимать какие бы то ни было предосторожности, он бросился ко дворцу. Когда он входил на эспланаду со стороны, противоположной той, где жил сэр Лоуренс со своей свитой, он вздрогнул и остановился; две тени, в которых он узнал мнимого пандарома и его спутника, скользили вдоль необитаемой части замка.

— Они непременно набредут на один из наших постов, — сказал он, задыхаясь при мысли об участи, которая их ожидала.

«Всякий индус, который ночью приблизится к замку, должен быть немедленно расстрелян» — вот приказ, данный им самим по распоряжению сэра Лоуренса после смерти Уотсона.

Но видение продолжалось недолго... Обе тени вдруг слились со стеной. Кемпбелл подумал, что он был жертвой галлюцинации вследствие лихорадочного возбуждения, в котором находился. Почти в один прыжок очутился он в казарме и разбудил своего слугу — саиса.

— Скорей, Гопал-Шудор, — сказал он ему, — оседлай мигом двух лошадей. Ты едешь со мной. Завтра к вечеру мы должны быть в Бомбее.

Две минуты спустя два прекрасных заводских жеребца белой масти нетерпеливо били о землю копытами. В ту минуту, когда молодой человек вскочил на лошадь, среди развалин раздался три раза монотонный и зловещий крик сахавы — крупной индийской совы.

— Сахава пропела о смерти, — сказал саис, вздрагивая, — ты считал, сколько раз она крикнула, сахиб?

— Зачем ты задаешь мне этот вопрос? — спросил Эдуард Кемпбелл, подбирая вожжи.

— Потому, сахиб, — отвечал бедняга, дрожа всем телом, — что эта птица всегда предвещает людям конец их судьбы и своим криком дает знать, сколько дней осталось им провести на земле. Сахава пропела три раза, значит в замке есть, кто-то, кому осталось три дня жизни.

— Так что ж! — сказал молодой офицер, который не мог не улыбнуться, несмотря на свое мрачное расположение духа. — Тебе нечего бояться, мы уезжаем.

— О, сахиб, не шути, — шепотом сказал индус, — дух смерти царит теперь над дворцом Омра... Вспомни сэра Уотсона. В тот вечер сахава крикнула только раз.

В ту же минуту мимо них тяжело и медленно пролетела зловещая птица и опустилась на выступ террасы, прямо над покоями вице-короля.

— О, Боже мой! — воскликнул саис. — Да сохранит Шива владыку владык! Если страшный посол запоем над его головой, он погиб.

И тут, как бы подтверждая суеверные слова, мрачная птица захлопала крыльями и снова огласила воздух тремя зловещими криками.

— Ах, сахиб! Мы не увидим больше великого сахиба, — сказал саис со слезами на глазах.

Эдуард Кемпбелл видел столько трагических событий за эти несколько дней, что не мог удержаться от легкой дрожи.

— Вперед! — крикнул он, усаживаясь в седло.

И оба во весь опор помчались по дороге на Бомбей.

III

Таинственная ночь. — Внушение во сне. — Совет Семи и тайный трибунал. — Обвинительная речь пандарома. — Вице-король приговорен к смерти.

ПОСЛЕ УХОДА ЭДУАРДА КЕМПБЕЛЛА вице-король уселся в одно из тех индийских кресел, которые так хорошо принорованы к человеческому телу, что в них очень удобно дремать, принимая какое угодно положение, можно даже растянуться, как в постели. В тропических широтах европейцы проводят в таких креслах большую часть ночи.

Весь этот день был невыносимо душливым, а северный ветер, который дует каждую ночь и освежает раскаленную атмосферу,

еще не появился. Сэр Лоуренс попробовал сначала заснуть; но напрасно он старался прогнать от себя всевозможные заботы, мешавшие его отдыху, — сон не приходил, и он мысленно принялся следить за своим адъютантом, ехавшим по дороге в Бомбей. Он представлял себе его приезд и чувствовал приятное удовлетворение, думая о той радости, какую доставит полковнику Кемпбеллу внезапное повышение его сына. Потом он перешел мало-помалу к предмету, который был теперь ближе всего его сердцу, спрашивая себя, удалось ли Кишнае захватить Нана-Сахиба... С принцем находилась лишь незначительная горстка людей, но все это были люди преданные, а на Малабарском берегу столько неприступных убежищ. Да, но предводитель тхугов мог пробраться к нему, не возбуждая недоверия. Он явится как посланец общества Духов Вод...

Едва слышный шум прервал размышления вице-короля... Он открыл глаза — как все люди, привыкшие к размышлениям, он думал всегда с закрытыми глазами. Удивленный тем, что он увидел перед собой, он подумал сначала, что это сон, и остался неподвижно устремленным вперед взглядом... В трех шагах от него, с протянутыми к нему руками, слегка наклонившись вперед, со сверкающим взором стоял старый пандаром, который третьего дня предсказал смерть Уотсона.

Ни малейший шум не предшествовал этому появлению. У всех дверей стояли часовые, защищавшие вход, — и сэр Джон Лоуренс думал в течение нескольких секунд, что он не совсем еще проснулся.

— Опять этот зловещий нищий, — пробормотал он.

Он инстинктивно закрыл глаза, надеясь прогнать наваждение... Но тотчас же выпрямился в кресле и устремил испуганный взгляд на это странное явление. Произнесенные слова, поразившие его слух, показали, что он не спит.

— Сэр Джон Лоуренс! Приказываю тебе следовать за мной.

Сказав, пандаром протянул руки над головой вице-короля и из его глаз и рук потекли таинственные магнетические токи, против которых Лоуренс напрасно старался бороться.

Он не спал, прекрасно сознавая все окружающее, а между тем чувствовал, что воля мало-помалу покидает его; несмотря на сверхчеловеческие усилия, которые он употреблял, чтобы не поддаться овладевающему им гипнозу, он никак не мог схватить направление своих мыслей. К невыразимому и все увеличивающемуся своему ужасу он сознавал, что становится простым отражением другой личности, и вскоре под влиянием проходивших по нему токов сохранил лишь одну способность — повиноваться. Всего несколько минут тому назад он мог приказать своим лаке-

ям прогнать этого человека ударами плети, а теперь он, сэр Джон Лоуренс, вице-король Индии, в чьих руках находится жизнь двухсот пятидесяти миллионов человеческих существ, покорно смотрел на него, готовый валяться у его ног, как собака, и исполнять самые безумные требования по одному его знаку.

Пандаром пожелал в эту минуту убедиться, какой степени внушения достиг его пациент.

— Кто ты? — спросил он его резко.

И так как тот колебался, не зная, что ответить, он приказал ему повелительным тоном:

— Вспомни!.. Я тебе приказываю.

— Я... я... сэр Джон Лоуренс... вице-король... Индии, — пролепетал вице-король.

— Неправда! — продолжал пандаром. — Зачем ты присваиваешь себе этот титул? Ты гадкий пария по имени Рангин. Я хочу этого! Приказываю! Слышишь? Говори же правду! Ну, отвечай!

— Да! Это правда, я гадкий пария по имени Рангин.

— В добрый час, ты послушен... А я кто?

— Фредерик де Монморен, — вздохнул несчастный, к которому как будто вернулся слабый луч сознания, — Фредерик де Монморен, которого зовут в этой стране Сердаром, другом правосудия.

— Да, другом правосудия, я люблю это имя, — сказал пандаром, как бы говоря сам с собой, — особенно сегодня, когда близится час правосудия.

— Рангин! Рангин! Гадкий пария! — бормотал сэр Джон с тупоумным видом.

— Встань и следуй за мной! Я тебе приказываю!

Несчастный повиновался; с неподвижным, безжизненным взглядом подошел он к пандарому.

— Спи! — сказал последний, протягивая указательный палец в сторону вице-короля.

Веки последнего опустились, и Сердар направился к тайному ходу, по которому он проник к вице-королю. Сэр Джон Лоуренс повиновался без малейшего колебания, и спустя несколько минут оба вошли в круглую комнату на верхушке внутренней башни, куда брахматма и его товарищи скрылись после побега из Колодца Молчания.

Вокруг стола, имевшего форму подковы, сидели три неподвижных и безмолвных человека в масках. Это были члены тайного трибунала, собравшиеся судить сэра Джона Лоуренса.

Они ждали с напряженным вниманием, пока Сердар, все еще одетый пандаромом, приготовился разбудить сэра Джона и вернуть ему обычное состояние рассудка. Что скажет этот гордый

человек, когда увидит себя во власти тех, кого он считал своими пленниками?

Несколько пассов, два или три дуновения на лоб, повелительное приказание прийти в себя — и сэр Джон Лоуренс очнулся понемногу от сонного состояния, в которое привел его мнимый пандаром.

Он протер себе глаза, потянулся, как человек, который просыпается, и огляделся кругом... Он думал, вероятно, что находится под влиянием все еще продолжающегося кошмара, потому что вид факиров, сидящих на корточках у дверей, и трех лиц в масках, хотя и удивили его, но не заставили говорить; но когда взор его остановился на пандароме, он вздрогнул.

— Опять это видение! — пробормотал он.

Но чей-то голос нарушил торжественное молчание и окончательно привел его в себя.

— Сэр Джон Лоуренс, — сказал Старший-Из-Трех, — приходи в себя. Все, что происходит теперь, уже не сон. Ты стоишь перед тайным судилищем, которое призвало тебя, чтобы выслушать твои объяснения, а затем произнести приговор.

При этих словах вице-король выпрямился и снова принял надменный вид.

— Что означает эта комедия?.. Где я?.. Кто привел меня сюда? — спросил он.

— Никто не играет здесь никакой комедии, сэр Джон Лоуренс, — отвечал Старший-Из-Трех.

— Тогда маскарад, если предпочитаете, — сказал насмешливым тоном вице-король, вернувший себе свою гордую осанку, несмотря на то, что был поражен и не мог объяснить себе своего пребывания здесь.

— Сэр Джон, — отвечал Старший-Из-Трех тем же сухим тоном, — мы имеем средства заставить тебя уважать своих судей, не вынуждай нас воспользоваться ими.

По знаку президента два факира стали по обе стороны вице-короля.

— Как, вы осмелились поднять руку на меня? Вы дорого заплатите за эту дерзость!..

— Брось эти смешные угрозы, — прервал его Анандраен, который был Старшим-Из-Трех, — они ничем не помогут тебе. Нет такой власти в мире, которая вырвала бы тебя сейчас из наших рук... Здесь нет вице-короля, но есть подсудимый, призванный дать отчет в своих деяниях, а если ты хочешь знать, насколько серьезно твое положение, я скажу тебе, что тебе придется защищать свою жизнь...

— Западня, следовательно, а затем убийство, — сказал сэр Джон, невольно вздрагивая.

— Нет, не западня; ты выйдешь отсюда свободным, но каков бы ни был приговор, произнесенный над тобой, он будет исполнен через три дня, несмотря на твоих сборов, полицейских и телохранителей. Не рассчитывай убежать от нас и не пренебрегай своей защитой. Клянусь тебе именем вечного бога, единого для всех людей, — ты будешь судим без всякого пристрастия. Я в нескольких словах расскажу все, что есть еще темного для тебя.

— Этот негодяй Кишная изменил мне! — сказал вице-король с едва сдерживаемой яростью.

— Нет, сэр Джон, твой союзник не изменил тебе; знай только, что ни одно человеческое существо не в состоянии бороться с обществом Духов Вод. Пожелай мы только — и ни один из солдат, посланных тобой против нас, не вернулся бы, чтобы принести тебе известие о своей неудаче; но мы дали тебе возможность минуту наслаждаться своим успехом, чтобы затем еще сильнее показать тебе наше могущество... Что касается твоего присутствия здесь, то наш брахматма, переодетый пандаромом, не употреблял никакого насилия, чтобы привести тебя сюда. Ты знаешь, ты сам видел на наших факирах, что мы обладаем способностью усыплять всякую волю одной силой взгляда, и ты сам, по своей воле...

— Бесполезно продолжать, — прервал его сэр Джон, который понял наконец способ, употребленный против него. — Я в вашей власти. Что вам нужно от меня?

— Ты сейчас услышишь обвинение, которое мы поручили произнести нашему брахматме.

— Я не признаю этого шутовского подobia суда. Ни один суд в Индии не может существовать без разрешения королевы. По какому праву присвоили вы себе эту власть?

— Наше право выше права твоей королевы, сэр Джон Лоуренс, — отвечал Старший-Из-Трех. — За него говорят восемь столетий существования... Оно возникло из недр отечества в тот день, когда Страна Лотоса пала под игом грубого чужеземца. Не тому, кто властвует силой, говорить здесь о праве и справедливости! Покажи мне написанный в истории добровольный договор, по которому Индия отдала себя в руки людей Запада? Они пришли, сначала скромные и робкие, привлеченные сюда нашими богатствами, умоляя наших навабов дать им небольшой уголок земли, чтобы устроить там свои колонии; они посеяли везде рознь и ненависть и, пользуясь нашими раздорами, которые сами же вызвали, мало-помалу завладели всей страной. Подкуп, грабеж, грубый захват, — вот основы вашего права! Итак, если ты

управляешь нами по праву сильного, то мы, сэр Лоуренс, мы защищаемся по праву более почетному — по праву слабого... Да, вот уже восемь столетий, не изменяя ни разу своему назначению, мы защищали слабого против сильного, угнетенного против притеснителя, мы не изменим и теперь этой священной обязанности.

Старший-Из-Трех произнес эту речь голосом, в котором слышалось столько власти и убеждения, что сэр Лоуренс не решился возобновлять свои протесты.

— Я нахожусь здесь, — отвечал он твердо, — не для того, чтобы спорить с вами об исторических судьбах народов. Я получил от королевы управление Индией, и пока у меня остается хоть капля жизни, не допущу уничтожения власти, данной мне королевой.

— Я и не думаю обвинять тебя в захвате власти, — сказал брахматма. — Каково бы ни было происхождение этой власти, она тут ни при чем; вся ответственность за это не касается тебя. Я требую у тебя отчета за невинную кровь, пролитую тобой. В тот час, когда не было уже ни одного человека с оружием в руках, ты хладнокровно, без всякого повода, вопреки даже интересам своей страны, залил две трети Индии кровью и покрыл развалинами. В Серампуре, Агре, Бенаресе, Дели, Лакхнау, Хардвард-Сикри и в сотне других мест твои пьяные солдаты убивали женщин, детей, стариков и мирных людей, которые, поверив твоим лживым заверениями, спокойно вернулись в свои жилища. По статистическим сводкам газет в Бомбее и Калькутте, более миллиона человеческих существ погибли в результате кровавых расправ, которые ты устроил, чтобы терроризовать Индию.

Когда тигр в человеческом образе, которого звали Максвеллом, — он заплатил уже свой долг, — пришел спросить, как поступить с жителями Хардвара, не отвечал ли ты ему, чтобы их собрали на эспланаде и до тех пор стреляли в это человеческое стадо, пока не останется никого в живых? А когда негодяй спросил тебя: «А как быть с грудными детьми?» — «Ах! — ответил ты с улыбкой, от которой вздрогнуло даже это чудовище. — Слишком жестоко будет разлучать их с матерями»* — и приказание твое было исполнено... Поищи между знаменитыми убийцами, которые искупили свои грехи на эшафоте, согласится ли хотя один бы из них подать тебе руку? Поступив таким образом с Бенгалией, ты вздумал приняться за Декан! Но этого не будет, чаша страданий переполнилась и час правосудия пробил. Мы могли

* Исторический факт. — *Примеч. авт.*

казнить тебя, как обыкновенного злодея, но мы хотели узнать от тебя, не найдешь ли ты хотя бы малейшего оправдания своим преступлениям!.. Во имя Индии и ее матерей, надевших траур, я прошу трибунал Трех присудить этого человека к Кинжалу Правосудия.

— Сэр Джон Лоуренс, что ты ответишь на это? — спросил Старший-Из-Трех.

— Ничего! — ответил обвиняемый твердо и с презрением. — Отвечать — значит признать вас судьями.

— Хорошо! Ты сам этого захотел.

И, обращаясь к своим товарищам, Старший-Из-Трех сказал:

— Во имя того, таинственное имя которого никто не смеет произнести, во имя всего человечества, права которого мы осуществляем, — какого наказания заслуживает этот человек?

— Смерти! Смерти! — отвечали ему два его товарища.

— Справедливо! — сказал Старший-Из-Трех. — Мне остается только произнести приговор... Во имя Вечного Сваямбхувы! Во имя высших Духов, парящих над водами, невидимых воздей нашего правосудия... мы, Три...

— Остановись, Старший-Из-Трех! — сказал мнимый пандаром. — Позволь мне употребить последнее средство, чтобы спасти этого человека против его воли.

— Мысль твоя похвальна, о сын мой. Мы слушаем тебя.

— Сэр Джон Лоуренс, несмотря на твои преступления, несмотря на все зло, сделанное тобой, я первый буду просить о твоём помиловании, если ты дашь честное слово исполнить все, о чем я попрошу тебя.

— Я не свободен, и в таком положении отказываюсь принимать на себя какое бы то ни было обязательство, будь оно даже вполне справедливым и почетным.

Сэр Джон знал, что члены Тайного Совета никогда не нарушают данное слово; они обещали отпустить его на свободу после произнесения приговора, и это вернуло ему смелость. Он полагал, что его день и ночь будет окружать шотландская стража, и тогда ему нечего бояться Кинжала Правосудия. Вот почему он решил не идти ни на какие компромиссы.

— Выслушай меня, сэр Джон! Будь уверен, что раз приговор произнесен, он будет исполнен, несмотря ни на какие принятые тобой предосторожности. Но это не все: знай, что ужасное восстание, в котором на этот раз примет участие вся Индия, уже подготовлено, и силы, которыми ты располагаешь, будут уничтожены громадным потоком в два-три миллиона людей, которые все сметут на своем пути.

— Благодарю, что уведомили, — отвечал вице-король с язвительным смехом.

— Подожди радоваться, — продолжал мнимый пандаром. — Владычество Англии рухнет, но сколько крови будет пролито... Но это еще можно предотвратить. Поспособствуй тому, чтобы твое правительство дало Индии такую же автономию, как и своим колониям в Австралии и Канаде; чтобы оно признало права Нана-Сахиба на трон Ауда, объявило общую амнистию — и тогда Индия согласится навсегда быть под покровительством английского знамени. Я обещал раджам Юга и Нана-Сахибу сделать тебе это предложение и считаю нужным сдержать свое слово. Если ты согласишься, то спасешь свою жизнь и дашь мир этой несчастной стране, сохранив в то же время для Англии самый драгоценный бриллиант в ее колониальной короне... Если бы ты знал, кто я, то понял бы, как тяжело мне способствовать добровольному признанию власти британского знамени над землей Брахмы.

— Кто ты такой? — спросил сэр Джон, любопытство которого было в высшей степени возбуждено этими словами.

— Я в данный момент исполняю обязанности брахматмы; но я не Арджуна, как думали Кишнайн и ты. Я тот, кого народ зовет Сердаром и другом правосудия.

— Фредерик де Монморен! Ты Фредерик де Монморен? — воскликнул вице-король, с жадным любопытством рассматривая авантюриста. — И ты не боишься раскрывать мне свои планы и свое инкогнито?

— Я могу это сделать, не подвергая опасности ни дело, которое я защищаю, ни себя, сэр Лоуренс! Жду твоего последнего слова.

— Я сказал его... Мне нечего больше ответить, и вы напрасно будете настаивать...

— Хорошо, — сказал Сердар с плохо скрываемой радостью. — Старший-Из-Трех, исполняй свою обязанность!

— Сэр Джон Лоуренс, — сказал Анандраен, — не желаешь ли ты сделать еще какое-нибудь замечание?

— Я протестую против всей этой судебной комедии!

— Во имя вечного Сваямбхуви! — отвечал Старший-Из-Трех торжественным голосом. — Во имя высших Духов, парящих над водами, невидимых вождей нашего общества правосудия. Мы, Трое, вдохновленные ясным светом того, кого зовут Нараяна и кто вышел из золотого яйца, произносим следующий приговор:

Сахиб Джон Лоуренс, называющий себя господином и генерал-губернатором Индии, во искупление бесчисленных преступ-

лений против человечества, которое он осквернил, осуждается на смертную казнь.

Приговор будет исполнен Кинжалом Правосудия в четырнадцатый, считая с сегодняшнего числа, день, о чем позаботится наш брахматма.

Мы говорили во имя истины и правосудия!

Приговор наш утвержден!

— Благодарю, — отвечал подсудимый насмешливым тоном, — против своего обыкновения вы даете мне лишних одиннадцать дней... Постараюсь употребить их как можно лучше.

— Смерть твоя будет сигналом к народному движению, которое навсегда изгонит британского льва из Индостана. Мы будем готовы к этому только через четырнадцать, а потому ты напрасно благодаришь, — отвечал Анандраен.

— Не знаю, право, сплю я или нет... И вы вернете мне свободу?

— Сию минуту.

— Каков бы ни был мой ответ на ваш приговор?

— Каков бы ни был твой ответ на наш приговор, — как эхо повторил Старший-Из-Трех.

— Так вот, откровенность за откровенность. Теперь моя очередь, господа, объяснить вам, что выйдет из этого. Вы будете готовы только через четырнадцать дней, а я готов уже сейчас, и прежде чем наступит завтрашний день, я разошлю телеграммы по всем направлениям и уведомя губернаторов Бомбея, Мадраса, Лахора, Агры, чтобы они двинули к югу все войска, которыми они располагают; губернатор Бенгалии, заменяющий меня в Калькутте, поступит точно так же. По первому моему приказу губернатор Цейлона переплывет Манарский залив и приведет нам на помощь тридцать тысяч человек. Часа через два раджи Декана будут арестованы в своих постелях британскими резидентами и отправлены в Тричинополи; затем, по данной мною же телеграмме, английский посланник в Париже сообщит французскому правительству о поведении авантюриста, которого оно по ошибке назначило губернатором Пондишери. В дополнение к этим мерам и для окончательного уничтожения логовища вашего общества несколько бочек пороха превратят древний дворец Омра в груды развалин. Я сказал. Я также говорил во имя истины и правосудия!

К великому своему удивлению, сэр Джон заметил, что его слова не произвели ожидаемого им действия, а вызвали только насмешливую улыбку на губах его противников.

— К сожалению, я должен разбить твои иллюзии, сэр Джон, — сказал Сердар. — Было бы слишком наивно с нашей стороны открыть тебе наши планы и дать возможность бороться с ними.

— Стало быть, ваше обещание — обман!

— Нисколько! Через несколько минут ты спокойно будешь спать в своей постели; когда же ты проснешься утром, то не отдашь ни одного из перечисленных тобой приказов.

— Кто помешает этому?

— Никто, но тебе и в голову не придет этой мысли.

— Я ничего не понимаю...

— Еще бы, сэр Джон! Снедаемый честолубием, озабоченный исключительно личными интересами, ты не снизошел до того, чтобы изучить в Индии любопытные проявления силы факиров и проследить в Европе за ходом науки о явлениях гипноза. Изучение этих явлений перешло теперь из рук шарлатанов в руки истинных людей науки. Ученые Англии, Франции и Германии достигли в этой области поразительных результатов. К числу таких фактов принадлежит следующий: у пациента, который находится под влиянием внушения, может сохраниться сознание собственного «я», способность говорить о каком угодно предмете со всеми признаками ясного сознания, как ты это делаешь сейчас, сэр Джон; а между тем у него, незаметно для него самого, отсутствует какое-нибудь чувство или какая-нибудь из умственных способностей, например, память. Пока длится внушение, пациент свободно рассуждает о разных фактах, логически связывает мысли и считает, что он вполне владеет собой; но с того часа, как кончилось внушение, память ничего не напоминает ему о том, что случилось во время этого внушения, и он даже забывает о том, что подвергался ему. Таким образом, сэр Джон, ты все время находишься под моим влиянием; я дал возможность свободно действовать твоему уму, вычеркнув из него память, а потому после пробуждения ты не вспомнишь даже, что выходил ночью из своей комнаты.

Вице-король слушал эти объяснения с недоверчивой улыбкой, не стараясь скрыть свой скепсис, и хотел даже позволить себе по этому поводу несколько колких замечаний, но Сердар, находивший, что сеанс длится слишком долго, пристально взглянул на него и сказал повелительно:

— Спи! Приказываю тебе!

Действие его слов было мгновенно. Сэр Джон повиновался без малейшего сопротивления, устремив пристальный взгляд на Сердара, и с этой минуты все мозговые центры его сосредоточились на подчинении своей воли воле последнего.

— Следуй за мной, — сказал Сердар, и сэр Джон двинулся за ним, как автомат, соразмеряя свой шаг с его шагом и не спуская с него взгляда. В ту минуту, когда они выходили из комнаты, Фредерик де Монморен обернулся и сказал Комитету Трех:

— Сзовите своих товарищей, я сейчас возвращусь. Мы поговорим о важном деле; Анандраен расскажет, как мы сегодня вечером натолкнулись на Эдуарда Кемпбелла, моего племянника, который следил за нами; кто знает, быть может, он скрывался в Джахара-Бауге еще в то время, когда мы были там с начальником поста Велура, и подслушал важный разговор, который мы вели в хижине дорванов... Дело серьезное, и надо его обсудить.

После этих слов мнимый пандаром скрылся в сопровождении вице-короля, который следовал за Сердаром, как тень.

Лучи солнца заливали широким потоком комнату, когда сэра Лоуренса проснулся... Он забыл накануне опустить шторы на окне, и в глаза ему бил ослепительный свет. Дневное светило стояло уже высоко, указывая ему на то, что он долго проспал сегодня, но он не жаловался на это, потому что был в очень хорошем расположении духа.

— Прекрасный день! Счастливая судьба! — сказал он, нажимая на кнопку звонка, — я уверен, что получу сегодня хорошие вести. Как хорошо снимают крепкий сон физическую усталость и заботы!

В комнату вошел дежурный адъютант.

— Который час, Перси? — спросил вице-король.

— Около десяти часов утра, ваше превосходительство, — отвечал молодой офицер, — вы, вероятно, долго не ложились вчера вечером?

— Не дольше обычного, Перси! Почему вы спросили меня об этом?

— Потому что сегодня ночью, часа в два, я вошел, думая, что вы позвали меня, — вас не было в комнате, но дверь на террасу была открыта, и я подумал, что вы вышли подышать свежим воздухом.

— В два часа утра? Вы шутите.

— Нет, ваше превосходительство, спросите Нолана, он сопроводил меня.

— Странно, — сказал вице-король, — я не помню.

Потом он прибавил задумчиво:

— Лунатик я, что ли?

В комнату вошел Нолан в сопровождении индуса-скорохода, покрытого пылью.

— Курьер, которого посылали на Малабарский берег.

— Я был уверен, предчувствие не обмануло меня, — сказал сэра Лоуренс.

Туземец встал на колени и подал ему пальмовый лист, покрытый условными знаками. Не успел вице-король взглянуть на него, как вскрикнул от радости и, не заботясь об этикете, который он всегда тщательно соблюдал, захопал в ладоши и, чуть не танцуя, крикнул молодым офицерам:

— Господа! Господа! Трижды ура в честь королевы, Нана-Сахиб взят в плен!..

При этой неожиданной новости оба островитянина, лица которых, и без того красные, окруженные рыжеватою растительностью, характерной для сыновей Альбиона, приняли вдруг цвет вареного рака, присоединившись к радости своего начальника, запрокинули назад голову и три раза с энтузиазмом крикнули так громко, что все стекла в окнах задрожали:

— Ура! Ура! Ура! Да здравствует королева Виктория!

Излив таким образом свою патриотическую радость, сэр Лоуренс снова взял пальмовый лист и еще раз прочел его. Кишная с помощью знаков, условленных между ним и вице-королем, писал следующее:

Нухурмур, Малабар.

Мы на месте. Нана ничего не подозревает и принял нас с восторгом как послов общества Духов Вод. Мы едем сегодня вечером в Биджапур, и я надеюсь привезти всю банду, которая не подозревает ожидающего ее приема.

Только один из них опасен — француз по имени Барбассон, он внушает мне меньше доверия, чем остальные, но я слежу за ним.

Если ничто не помешает, то завтра вечером мы будем во дворце Омра.

Прикажи, чтобы по приезде в Биджапур нам не попался навстречу ни один шотландский солдат.

Нельзя до последней минуты вызывать ни малейшего подозрения.

Нана-Сахиба мы только тогда можем считать своим пленником, когда за ним закроются двери дворца.

Сэр Лоуренс несколько раз прочел это послание.

— Гм! — сказал он после нескольких минут размышления. — Я, быть может, слишком поспешил праздновать свою победу... Но никогда еще моя звезда не сверкала так ярко; и я верю, что она не изменит мне, когда я так близок к цели.

Сердар не ошибся. Память сэра Лоуренса так же мало сохранила следы о событиях ночи, как вода не сохраняет изображение отразившихся в ней предметов.

IV

Кишная в Нухурмуре. — Старый друг. — Идеи Барбассона-миллионера. — Рыбная ловля. — Тревога. — Сообщение Эдуарда. — Побег. — Отъезд. — Никогда!

ТО ВРЕМЯ, КАК В ДЕКАНЕ ПОЛНЫМ ХОДОМ шла подготовка к восстанию, которым искусно руководило общество Духов Вод и Сердар, специально для этого приехавший из Европы, — в Нухурмуре, тайном убежище Нана-Сахиба и его верных друзей, все было тихо и спокойно.

Среди друзей были маратхский воин Нариндра, старый товарищ Сердара, который томился праздной жизнью и с нетерпением ждал возвращения Фредерика де Монморена; Рама-Модели, заклинатель, проводивший все дни в дрессировке Неры и Ситы, двух пантер, оставшихся ему в наследство от Рам-Шудора; молодой и верный Сами и Рудра, следопыт, который открыл логовище тхугов. Все четверо находились по-прежнему под начальством Шейх-Тоффеля, адмирала флота маскатского султана, иначе говоря, Мариуса Барбассона из Марселя, который до сих пор еще не утешился после трагического конца своего друга Боба Барнета, умершего от укуса кобры и съеденного шакалами.

Для Барбассона это была невосполнимая потеря, ибо, как он сам говорил, во всем мире не найти двух столь сходных людей, если не считать небольшой разницы вследствие того, что один был провансалец, а другой янки. И действительно, оба они еще с детства протестовали против той бесплодной потери времени, к которой принуждали под предлогом обучения.

— И кому это нужно? — с видом философа говаривал Барбассон, когда они беседовали на эту тему.

— Никому — отвечал Барнет.

Оба в возрасте шестнадцати лет были выгнаны своими отцами с помощью пучка веревок; оба изъездили весь свет и испробовали все ремесла и профессии; обоим улыбнулась удача после того, как Барбассон в Маскате без боли выдернул зубы султану и был за это назначен адмиралом, а Барнет в Ауде исполнил роль паяца, рассмешив наваба, который не смеялся двадцать лет, и получил чин артиллерийского генерала. Случай соединил этих двух людей, созданных друг для друга, но смерть, бессмысленная смерть, которая всегда поражает лучших людей, разъединила их.

Печальный конец Барнета спас Барбассона, и пламенное южное воображение последнего внушило ему мысль, что смерть была добровольным самопожертвованием для спасения друга.

Надо было послушать, когда он рассказывал эту печальную историю.

— Так, друзья, мы оба попали в тесный желоб с поперечным сечением в тридцать три квадратных сантиметра; ни вперед тебе не двинуться, ни назад, и даже не пошевелинуться... Мы уже чувствовали запах кобр, которые приближались к нам. «Пусти меня вперед, — говорит мне тогда Барнет, — пусть смерть моя спасет тебя». И он сделал то, что сказал, бедняга! И вот теперь я здесь...

В конце рассказа слезы начинали капать из глаз Барбассона. Это воспоминание стало настолько священным для Барбассона, что он ничего не говорил и не делал, не подумав о том, как поступил бы Барнет при подобных обстоятельствах. Барнет стал его пророком, что было тем более странно, что при жизни янки оба неразлучника вечно спорили друг с другом... Правда, после смерти Барнета Барбассон приписывал все свои мысли последнему, так что все шло у него хорошо, в согласии с самим собой.

Барбассон начинал скучать в Нухурмуре; провансалец утверждал, что Барнет после отъезда Сердара не остался бы и двадцати четырех часов в пещерах, и не проходило дня, чтобы Барбассон не заявлял, что напишет Фредерику де Монморену и будет просить прислать заместителя на свое место.

Увы! Это был уже не тот бесстрашный Барбассон, которого мы знали, всегда готовый принять участие в заговорах, сражениях и в героических похождениях; вот почему Сердар, заметивший эту перемену из писем, которые получал в Европе, не нашел возможным призвать его к себе по приезду и дать ему какую-нибудь роль в большом заговоре.

Барбассон думал теперь о благах земных, говорил, что англичане прекрасно делают, желая сохранить Индию, словом, он сделался консерватором с тех пор, как Нана-Сахиб подарил ему в награду за услуги целый миллион звонким бенгальским золотом.

История свидетельствует, что благосостояние и богатство изнеживают народы, и Барбассон подтверждал это правило. Его тянуло вернуться в Марсель, прогуливаться по Канебьере и слушать, как говорят:

— Смотри-ка, ведь это наш Мариус, сын дядюшки Барбассона, продавца блоков... Он, видно, нажил денег у турок!

Ему хотелось поглядеть, как будут лопаться с досады его двоюродные и троюродные братцы, любимцы коллежа, которые сделали карьеру по судебной части и получают всего две тысячи четыреста франков жалованья... Нет, Барнет на его месте давно бы махнул домой, а он, Барбассон, будет очень наивен, если не

поступит, как Барнет. Но — терпение! Следующая почта принесет ему отставку.

Он был настолько осторожен, что перевел свой миллион во Францию через посредство банковской конторы в Бомбее и поручил своему нотариусу купить прелестную виллу по соседству с Бланкардом, где он воспитывался у кормилицы. Он предполагал кончить свой дни мирным землевладельцем, предаваясь воспоминаниям о Барнете и пользуясь услугами искусной кухарки, которая будет полностью угождать его гастрономическим вкусам.

В ожидании часа своего освобождения он заботился о хорошем столе в Нухурмуре и пристрастился к рыбной ловле на озере, где он совершал чудеса. Хотя он был новичком в этом виде спорта, но ввиду того, что имел дело с рыбами, которые не умеют защищаться против хитрых измышлений человека, легко ловил их на приманку.

Нана-Сахиб, который ничего больше не боялся после трагического конца Максвелла и исчезновения Кишнаи, чувствовал себя настолько уверенно под охраной своего отряда, что начал выходить из своего убежища и, находя общество Барбассона очень приятным, также сделался страстным рыболовом. Вот уже несколько дней, как они сидели каждый день, молчаливые и неподвижные, на берегу озера, терпеливо ожидая, когда Сердар пришлет им известие о себе.

Фредерик де Монморен давно уже знал, что Нана-Сахиб, несмотря на замечательное мужество, с каким он вел свои войска, подвергая опасности свою жизнь, не имел качеств, необходимых для заговорщика. Поэтому он тщательно скрывал свое возвращение от принца, решив предупредить его только в самую последнюю минуту, чтобы обезопасить себя от какой-либо неосторожности с его стороны.

— На коня, Нана! — скажет он ему в один прекрасный день. — Вся Индия восстала, и мы начинаем снова!

Он был уверен, что найдет в нем героя знаменитой битвы на равнине Джуммы.

Молчание друга очень удивляло Нана-Сахиба; сдержанный, как все люди Востока, он никогда не выказывал беспокойства. Но вот в один прекрасный день он получил тайное сообщение общества Духов Вод, приглашавшее его быть готовым на всякий случай, не говоря ничего окружающим, так как Декан готовится сбросить с себя иго; оно уведомляло его также, что делегация от Тайного Совета явится за ним, когда наступит время стать во главе восстания.

Это Кишнаи готовил свои сети. Однако спустя некоторое время, Арджуна, настоящий брахматма, прибыл в Нухурмур,

куда его проводил сын Анандраена; он подтвердил это, прибавив также, что ждет возвращения Сердара. В этот день все торжествовало в Нухурмуре, и Барбассон, посоветовавшись по своему обыкновению с памятью Барнета, объявил, что лучше сто раз начать борьбу, чем продолжать вести уединенную жизнь, на которую их обрекли. А про себя провансалец говорил: «Я уверен, что Барнет, став миллионером, направился бы в сторону французской территории, чтобы отплыть на первом пароходе, отходящем в Европу, — единственное место, где можно спокойно наслаждаться своим состоянием. А если бы Барнет сделал так, то почему и мне не поступить так же? Ведь Барнет был олицетворением честности. К тому же Нана дал мне этот миллион в награду за мои услуги, — значит мы, квиты, и я свободен».

Составив мысленно этот план, Барбассон с нетерпением ждал случая покинуть гроты Нухурмура. Послушай только его — так все бы сейчас отправились в Биджапур, чтобы присоединиться к Сердару.

Ах, Барбассон! Ты хочешь запятнать бегством свою жизнь, полную упорной борьбы, мужества, энергии и самых опасных предприятий! К счастью, судьба в память о твоих прежних заслугах решила иначе, и в минуту опасности в тебе снова проснулось сознание долга.

Как только Сердар узнал тайну перевоплощения Кишнайи и его смелые маневры, он тотчас же послал факира в Нухурмур, чтобы предупредить Барбассона и Нана о возможности прибытия к ним предателя. Но по роковой случайности, весьма обычной для Индии, посла укусила ядовитая змея; он умер, и труп его спустя несколько минут сделался добычей шакалов. В Нухурмуре поэтому ничего не знали о том, что случилось в Биджапуре, когда в один прекрасный вечер явился Кишнайя с депутатией от общества Духов Вод; все были в масках, согласно уставу Совета Семи, и, в довершение несчастья, Арджуна, которого Сердар не мог ни о чем известить, занимая его место, признал их за членов Совета.

Кишнайя к тому же привез брахматме, Нана-Сахибу и Барбассону вести о Сердаре. Он настолько хорошо был осведомлен обо всем, что ему не составило труда сыграть свою роль и обмануть принца и его свиту. Поэтому решено было на следующий же день присоединиться к Сердару. Вечером, перед тем как ложиться спать, тхуг отправил посла к сэру Джону Лоуренсу.

В этом послании, полном уверенности в успехе, был намек на Барбассона, потому что провансалец почти весь день не спускал пытливого взгляда с главаря тхугов.

По мнению тхуга, все шло к лучшему, но он все же постарался внушить некоторые опасения сэру Лоуренсу с целью придать себе больше веса в глазах вице-короля. Барбассон, однако, не без причины смотрел на тхуга с таким упорством. Провансалец не говорил на телингском наречии Малабарского берега, которым преимущественно пользовался Кишная. Как все люди, не знающие какого-нибудь языка, он легко удерживал в памяти только те звуки, сочетания которых больше всего поражали его ухо. Слушая, как Кишная говорил о Сердаре, Барбассон обратил внимание на произношение им этого имени. Предводитель тхугов обладал совсем другой интонацией, которая не походила на интонацию живущих в Нухурмуре, что особенно было заметно при произношении имени Сердара. И чем больше вслушивался провансалец, тем больше ему казалось, что он уже не в первый раз слышит эту характерную интонацию.

Барбассон отличался прекрасной памятью, хотя это не помешало ему сказать: «Будь жив бедный Барнет, он сообщил бы мне кое-что на этот счет».

Напрасно ломал он себе голову над тем, где он слышал этот голос, — память отказывалась служить ему. Но он не отчаивался, ибо чем больше думал, тем больше приходил к убеждению, что с этим связано что-то весьма важное.

День прошел в этих размышлениях, и его бесплодные старания не увенчались успехом; он не мог свободно заняться этим, так как вынужден был ежеминутно отвечать на просьбы своих товарищей и вопросы вновь прибывших. Ночь, дав ему возможность удалиться, должна была облегчить и его изыскания. Он занимал прежнее помещение Сердара — место, которое он занял в качестве старшего коменданта крепости. Удалившись на покой, Барбассон тотчас же занялся приведением в порядок своих мыслей.

— Ну-с, — сказал он, — будем рассуждать логично, как всегда делал бедный Барнет, ибо Барнет был олицетворением логики. Я поражен знакомым произношением этого замаскированного члена общества Духов Вод и нахожу, что уже слышал его. Это важно лишь в том случае, если я могу приписать знакомые интонации одному и тому же лицу; если же это сходство в тоне и разговоре принадлежит двум разным лицам, то я напрасно ломаю себе голову. Но если, как я имею основание думать, это одно и то же лицо, которое я уже слышал, то таинственный субъект начинает казаться мне подозрительным. Я не могу его узнать под маской, зато он может прекрасно видеть, кто мы, и если он не напоминает мне, при каких обстоятельствах мы с ним виделись, значит, он имеет важные причины скрывать свою личность. Исходя из этого, я должен узнать, где я видел это лицо

вместе со своим другом. Прибегнем же к исключению неизвестных из нескольких уравнений.

Барбассон исключил все места, где они не бывали вместе с Барнетом, все приключения, в которых янки не участвовал с ним, и в результате убедился, что он не встречал это таинственное лицо ни на Цейлоне, ни в Нухурмуре; затем он мало-помалу до того сузил поле своих догадок, что ему ничего больше не оставалось, как перейти к анализу той ужасной ночной экспедиции в лагерь тхугов, где Барнет умер. Вместе с тем он вспомнил, что в ту самую ночь, когда он был пленником в подземелье храма, он узнал о западне, которую тхуги устроили Сердару.

Радость при этом открытии была до того велика, что Барбассон, подобно Архимеду, едва не соскочил со своей постели и не принялся кричать: «Нашел! Нашел!»

Скоро он заметил, однако, что несколько поспешил праздновать свою победу. Он вспомнил, что главарь тхугов, Кишна́йя, говорил один, объясняя своим приверженцам, какую западню он придумал для Сердара... Но Кишна́йя был повешен в Велуре, а потому нечего было и думать о возможности видеть его во плоти и крови в Нухурмуре.

— Нет, судьба решила, что я не открою эту тайну, — вздохнул бедный Барбассон. — Ах! Барнет, Барнет! Как недостает мне в эту минуту твоего высокого ума.

Не падая, однако, духом и проявлял присущее ему упорство, провансалец снова принялся выстраивать целый ряд умозаключений, и этот вторичный обзор привел его к тому же решению: в ночь, проведенную в развалинах храма, он слышал имя Сердара, произнесенное именно таким странным образом, и произносил его тхуг Кишна́йя. И вот теперь в Нухурмуре он слышит совершенно ту же интонацию, тот же тембр, тот же голос. Итак, человек в развалинах и замаскированный посетитель Нухурмура — одно и то же лицо, то есть Кишна́йя! Но ведь это невозможно, ибо Кишна́йя повешен... Таков был крут, из которого Барбассон никак не мог выбраться.

— А между тем, — рассуждал он, — логика может быть ошибочной только тогда, когда выводы построены на ложных основаниях; в настоящем же случае все основания вполне точны: такое сочетание оттенков, ударения, тональности не может принадлежать двум разным голосам... Факт, следовательно, неверен...

Добравшись до этого пункта, Барбассон не останавливался больше. Кто может доказать, что тхуг был повешен! Негодяй слишком хитер и мог нарочно распространить этот слух, чтобы обмануть своих противников. Он, Барбассон, не присутствовал при повешении, он не может утверждать этого, потому что не

видел факта собственными глазами. А раз он не может утверждать, то не может и делать этот факт основанием безошибочного рассуждения... И разве у него нет способа проверить этот факт? Если незнакомец — Кишнаия, Барбассон сумеет это узнать.

Сделав такое предположение, Барбассон не мог уже оставаться на месте.

Если Кишнаия был жив и пробрался в Нухурмур, под чужим именем, то погибли все — и принц, и его товарищи, и он сам, ибо тхут не мог иметь никакой иной цели как выдачи их англичанам... Почему знать, быть может, красные мундиры уже оцепили пещеры! Невозможно было прожить и пяти минут с таким предположением, а потому Барбассон решил немедленно проверить свои подозрения.

План, составленный им, был очень прост; для исполнения его требовалась только ловкость. Принц предоставил свой большой салон членам Совета Семи, которые буквально падали от усталости, после быстрой и продолжительной ходьбы и без всяких церемоний расположились спать на мягких коврах, разостланных на полу этой комнаты. Ночная лампа, спускавшаяся с потолка, освещала спящих бледным и тусклым светом. Барбассон вошел босиком в комнату гостей; все спали глубоким и спокойным сном. Заметив место, где находится Кишнаия, он погасил лампу и осторожно лег около него; ободренный этим первым успехом, он подождал несколько минут, чтобы дать время пройти легкой дрожи, вызванной волнением. Затем он взял правую руку незнакомца и несколько раз пошевелил ею, как человек, который желает привлечь к себе внимание только того, с кем он хочет говорить; потом, чтобы тот не заговорил сразу громко, он шепнул ему на ухо:

— Кишнаия! Кишнаия! Ты спишь?

Сдержанный, таинственный тон этих слов должен был предупредить вопрошающего, что нужно отвечать осторожно. Барбассон с томительной тревогой ждал пробуждения спящего. Если он ошибался, у него готов был выход: он спросит незнакомца, не желает ли он, чтобы снова зажгли лампу, а последний, ничего не понимая со сна, не придаст значения другим словам, которые слышал. Все это было, впрочем, неважно, если спящий — не Кишнаия. Провансалец спросил вторично:

— Кишнаия, ты спишь?

Вслед за этим он услышал слова, сказанные еще более глухим тоном:

— Кто меня зовет?... Это ты, Дамара?

Волнение Барбассона было так сильно, что он не в состоянии был отвечать сразу; сдавленное горло отказывалось ему слу-

жить; понимая опасность молчания, он призвал на помощь всю свою энергию и сказал: «Да!», на что получил немедленный ответ:

— Неосторожный! Не произноси здесь моего имени... Все они считают меня повешенным; если они узнают, кто мы такие, — мы не выйдем живыми из Нухурмура... Что тебе нужно?

— Видишь, — сказал Барбассон с большей на этот раз уверенностью, — они погасили лампу... Ты не боишься западни?

— Только-то!.. Спи спокойно и дай мне также покой, я нуждаюсь в отдыхе... Никто ничего не подозревает.

— Ты отвечаешь за нас... Я не особенно спокойно чувствую себя здесь.

— Да, я отвечаю за всех вас... Спокойной ночи, трус, и не буди меня больше.

И Кишная повернулся в противоположную сторону от мнимого Дамары, а несколько минут спустя его спокойное и ровное дыхание показало, что он опять заснул глубоким сном. Видя, что нет больше никакой опасности, Барбассон тихонько вышел из комнаты и поспешил к себе, где прежде всего погрузил лицо в воду. Он задыхался... Кровь прилила ему к голове с такой силой, что он опасался апоплексического удара. После того он успокоился, насколько это было возможно при данных обстоятельствах.

— Ага! Господин Кишная! — сказал он, когда к нему опять вернулась способность говорить. — Вы недовольны, что вас не повесили, и имеете смелость положить голову прямо в пасть волку, как говорил Барнет, обожавший эту метафору... Ну, теперь вы будете иметь дело со мной, и на этот раз я вас не выпущу.

Барбассон решил ничего не говорить ни Нана, ни своим товарищам — он готовил им сюрприз.

На рассвете он вышел прогуляться по берегу озера и вернулся прежде, чем кто-либо заметил его отсутствие. Затем он принялся готовить удочки; в то время как он занимался этим во внутреннем саду Нухурмура, туда пришел тхуг, который только что проснулся. У последнего также были свои планы: ему очень хотелось знать, почему европеец так странно вел себя по отношению к нему, и тхуг был доволен, что встретил его одного. К великому своему удивлению, он нашел в нем большую перемену. Барбассон, которому нечего было больше узнавать о нем, был в прекрасном настроении духа и очень любезен.

— Салам, бабу! — сказал он туземцу, как только увидел его еще издали. — Как ты провел ночь?

Титул «бабу» дается всегда богатым индусам высокой касты, а потому тхуг был этим польщен.

— Салам, сахиб! — отвечал он. — Всегда отдыхаешь хорошо под крышей добрых людей... Ты рано встаешь, сахиб, солнце еще не взошло.

— Это самое лучшее время для рыбной ловли, а так как мы уезжаем сегодня, то я в последний раз хочу половить рыбки. Ты когда-нибудь увлекался этой забавой?

— Нет; она совсем мне незнакома.

— Ты удивляешь меня, бабу! Это самое приятное препровождение времени, которое любят мыслители и философы; рука занята, ум же свободно предается самым возвышенным мечтам... Не хочешь ли пройтись со мной к озеру?

«Я ошибся на его счет, — подумал Кишная, — он просто дурак. Как я не догадался раньше! Рыболов! А еще говорили, будто европейцы в Нухурмуре — серьезные противники!»

— Принимаешь мое предложение? — спросил Барбассон.

— Я рад быть полезным тебе, сахиб! — отвечал тхут, недоволье которого совершенно исчезло.

— Так идем... Самое время, когда рыба клует охотно. Обещаю тебе к завтраку блюдо по твоему вкусу.

— А ты разве занимаешься стряпней? — спросил Кишная снисходительным тоном. — «Рыболов и повар, — думал он, — бедный человек! И таким людям поручают охрану Нана-Сахиба... Нет, право, не составляет никакого труда завладеть героем воспитания после отъезда Сердара... Знай я это...»

— Кухня, бабу, не имеет тайн для меня, — продолжал провансалец, — каждый день я сам готовлю принцу разные кушанья... Это престель, уверяю тебя.

И он щелкнул языком с видимым наслаждением.

— Он напрасно уезжает... Вместо того, чтобы начинать свои игры с англичанами, оставался бы лучше здесь, где я забочусь о нем, холю его... Впрочем, это его дело; есть люди, которые по-своему понимают, что такое счастье.

Все подозрения тхуга мало-помалу улетучивались. Вначале он боялся какой-нибудь ловушки; исполняя такое опасное поручение, он все время должен был держаться настороже и ни за что не согласился бы на такую раннюю прогулку ни с одним туземцем, а тем более с европейцем из свиты Нана-Сахиба. Прогулка на озеро показалась бы ему еще опаснее, не играй Барбассон так прекрасно свою роль. Вид у него был такой добродушный и безобидный!

— Следовательно, — сказал тхут, желавший окончательно покончить с сомнениями относительно своего спутника, — ты думаешь, что Нана не прав, желая попытать счастья?

— Имей я возможность помешать этому, он не поехал бы сегодня вечером с тобой... Уезжать, чтобы рисковать жизнью, когда можно жить спокойно, — безумие, которого я не понимаю. Да и потом, если правду говорить, — продолжал Барбассон тоном доверия и понижая голос, — моя служба при нем кончится, и я потеряю хорошее место. Сердар поместил меня в Нухурмур, чтобы я после его отъезда занимал принца и рассеивал его черные мысли; теперь я не буду больше ему нужен, а чтобы ехать за ним на войну — благодарю покорно! Пусть на меня не рассчитывают... Я доеду с ним до Биджапура, чтобы получить отставку у Сердара... А там до свидания, милая компания, — я еду во Францию!

Эти слова Барбассон мог сказать тем более естественным тоном, что подобные мысли давно уже бродили в его голове после того, как он получил королевский подарок от Нана-Сахиба. Но в эту минуту Барбассон думал о другом; вид старого врага, которому он приписывал смерть Барнета, вернул ему всю его энергию, и ради мести он превратился в авантюристов прежних дней.

Тхуг не верил своим ушам.

— Как, — сказал он с удивлением, — ты разве не был комендантом Нухурмура во время отсутствия Сердара?

Барбассон чувствовал, что от его ответа будет зависеть решение Кишнай, потому что хитрый туземец не делал ни шагу, чтобы двинуться к выходу.

— Я — комендант! — воскликнул он с самым добродушным видом. — А кем бы я командовал? Бог мой! Я никогда не держал ружья в руках; так меня зовут здесь ради шутки... Командовал тот, другой.

— Кто другой?

— Да Барнет, твердый, как сталь! Плохо приходилось от него душителям и англичанам. Ты разве не знал Барнета, правую руку Сердара?

— Он с ним, конечно?

— Нет, он умер! — отвечал провансалец с волнением.

Последние сомнения тхуга исчезли; чем рисковал он с таким безобидным человеком? С другой стороны, его можно будет заставить разговариваться и разузнать от него кое-что о Нана-Сахибе и Нухурмуре.

— Идем, сахиб, — сказал Кишнайя, решившийся наконец выйти.

Молния мелькнула в глазах Барбассона, но он шел впереди и тхуг, к счастью, не заметил этого. Через несколько минут они пришли к озеру, и наступил критический момент. В маленьком заливе стояла та самая шляпка, с помощью которой Кишнайя

год тому назад захватил в плен своего нынешнего спутника и Барнета; Барбассон боялся, как бы тхуг, при виде шлюпки, не вспомнил о том, что было, и не узнал бы его. Но за это время Барбассон так растолстел, что стал неузнаваем, и к тому же еще больше прежнего оброс бородой... Кишная подошел к тому месту, где стояла шлюпка, не выказав ничего такого, что могло бы оправдать опасения его спутника. Барбассон прыгнул в шлюпку, и тхуг после небольшого колебания последовал за ним.

— Я думал, мы будем ловить рыбу с берега, — сказал он.

— О, мы далеко не уедем, — отвечал провансалец, — мы найдем здесь рыбу получше, вот у того островка, который ты видишь, в ста ярдах отсюда.

Не прошло и пяти минут, как шлюпка пристала к островку и остановилась под единственным деревом, как будто нарочно выросшим тут, чтобы рыболовы могли укрыться под его тенью. Барбассон приготовил удочку своему спутнику и показал, как надо ею пользоваться. Теперь, когда добыча была у него в руках, ему захотелось поиграть с ней, как кошка с мышью. Кроме того, Барбассону очень хотелось приготовить кушанье из рыбы, пойманной главарем тхугов.

Когда Барбассон вспоминал ужасную смерть Барнета, он не уступал канибалам в жестокости.

Несмотря на то, что тхуг был новичком в этом деле, рыбы было так много и приманка — бобы, полусваренные в воде с терпентиновой эссенцией, — так хорошо приготовлена, что каждая заброшенная удочка приносила рыбу. Кишная объявил, что он наслаждается, как король, и скоро, пожалуй, сделается страстным поклонником рыбной ловли.

— Ладно! Скоро ты будешь ловить рыбу в Ахероне*, — сказал по-французски провансалец.

Рыбная ловля шла прекрасно, и радость наполняла их сердца, хотя и по различным причинам. Они беседовали, как старые друзья. Кишная расспрашивал своего спутника о Сердаре и Нана-Сахибе, об их подвигах, о жизни, которую они вели в Нухурмуре, о борьбе, которую им приходилось выдерживать. Любопытство его было неистощимо; Барбассон со своей стороны очень любезно отвечал на его вопросы.

* А х е р о н — река в Греции, протекавшая в мрачной и гористой местности и считавшаяся в греческой мифологии одной из рек преисподней, через которую должны переплывать души умерших.

«Осужденному на смерть ни в чем не отказывают», — думал он про себя.

И он рассказывал о разных приключениях, о которых будто бы слышал и в которых Кишнайя также играл немаловажную роль. По прошествии целого часа проведенного таких разговорах, Барбассон подумал, что пора кончать; тхуг наполнил уже половину корзины, предназначенной для рыбы. Они говорили в это время о Барнете, и провансалец, бросив взгляд в сторону тени от дерева, чтобы убедиться, не испортились ли его приготовления, решил воспользоваться этим разговором.

— Ты все время рассказываешь мне о Барнете необыкновенные вещи, — сказал тхуг.

— О, это еще ничего — отвечал Барбассон, он был очень добр и отправлял на тот свет самых жестоких врагов таким образом, что они даже не подозревали, в то время как... а сами наверное замучили бы его.

— Ты удивляешь меня.

— Все было так, как я говорю... Хочешь, в доказательство расскажу тебе одну историю?

— Хорошо... Это очень интересует меня, а ты так хорошо рассказываешь.

— Это еще больше тебе понравится.

— Я уверен.

— Представь себе, — начал Барбассон, привязывая удочку, чтобы ничто не мешало его движениям, — один из самых ожесточенных врагов его попал ему в руки; негодяй считал себя погибшим и дрожал всем телом; убить человека в таком состоянии было не в характере Барнета; сердце у него было нежное. «Попади я к тебе в руки, — сказал он пленнику, — ты резал бы меня на мелкие кусочки и заставил бы страдать два-три дня, а я тебя прощаю».

— Какое величие души!

— Дослушай конца! Тот не верил ушам. «Помиримся и будем друзьями, — продолжал Барнет, — и чтобы скрепить этот разговор, пойдем позавтракаем вместе». За завтраком царил самое сердечная веселье; негодяй, считавший себя спасенным, обнимал колени своего великодушного врага. Барнет, одним словом, обращался с ним так хорошо, что тот сказал, будто лучше этого дня у него не было еще в жизни. За десертом и после кофе, — о, Барнет умел угощать, — оба отправились покататься в лодке; во время катанья Барнет, объясняя своему новому другу, каким образом моряки обращаются с парусами и как перевязывают их, взял веревку из кармана и соединил обе руки друга вот так...

Барбассон взял небрежно руки Кишная и положил их одна на другую, как бы демонстрируя свои слова.

— Он обвязал их веревкой, — продолжал он свой рассказ, — и сделал узел, называемый «мертвой петлей», потому что его нельзя развязать.

И провансалец проделал эту операцию над руками тхуга, который доверчиво подставил их ему.

— Попробуй сам, легко ли его развязать.

— Твоя правда, — сказал Кишная после тщетных усилий освободить руки. — Трудно придумать более надежный узел. Ты научишь потом меня?

— Разумеется. Слушай конец. Лодка остановилась у берега под деревом, почти как здесь; Барнет взял веревку с мертвой петлей, которая висела на дереве, и накинул на шею новому другу...

Барбассон взял спрятанную среди листьев веревку, кончавшуюся мертвой петлей, и накинул ее на шею тхуга.

— Что ты делаешь, — сказал Кишная, начинавший пугаться, — мне не нужно этого показывать, я пойму и без того.

— Подожди конца, — продолжал невозмутимо Барбассон.

— Сними сначала эту петлю, она может задушить меня при малейшем движении.

— Не двигайся с места и ты ничем не рискуешь; дай мне кончить рассказ... Как только Барнет накинул петлю, как я тебя показал, он оттолкнул лодку от берега, и враг его, само собой разумеется, повис, не подозревая близкого конца. И неужели, по-твоему, Барнет поступил бы человечнее, если бы заставил страдать своего пленника, подвергая его пыткам или принуждая смотреть, как он будет готовить все для повешения?

— Поведение его, конечно, удивительное, — отвечал Кишная, который все еще не хотел понять, в чем дело. — Но развяжи меня, ведь твой рассказ окончен.

Вместо ответа Барбассон откинулся на планшир шлюпки и разразился безудержно веселым смехом. Тхуг все еще смотрел на это, как на шутку, но тем не менее побледнел и боялся двинуться с места.

— Полно, — сказал он, — шутка забавная, но она слишком долго длится; развяжи меня. Пора домой, мы достаточно наловили рыбы.

— Этой рыбы ты не отведаешь, Кишная, душитель, разбойник, убийца Барнета! — крикнул Барбассон.

Услышав свое имя, Кишная вскрикнул от ужаса. Он понял, что погиб. Но финал разговора был столь неожидан, что он употребил все силы, чтобы не упасть. Неужели у него была еще на-

дежда смягчить Барбассона? Последний не дал ему времени просить себя.

— Счастливого пути, Кишнайя, проклятый душитель женщин и детей, шпион англичан, подлый убийца. Счастливого пути! Убирайся к черту!

При этих словах лицо тхуга приняло выражение невероятного ужаса. Какие страдания вынес он в течение нескольких секунд, когда понял допущенную им неосторожность!

Барбассон положил конец этой пытке, оттолкнул шлюпку от берега... Тело тхуга повисло над водой.

— Эта смерть слишком легка для такого негодяя, — сказал провансалец, бросив последний взгляд на подергиваемое судорогами тело своей жертвы, — правосудие людей удовлетворено, да будет правосудие Бога милостивее к нему!

Ночью в долине внутри Нухурмура раздавались страшные человеческие крики, смешанные с ревом диких зверей... Это кричали шесть товарищей Кишнайя, которых по приказанию Нана-Сахиба отдали на съедение Нере и Сите, пантерам заклинателя Рамы-Модели.

Так закончили свое существование последние представители касты тхугов в Биджапуре. Нана-Сахиб еще раз ускользнул от англичан.

Эта последняя попытка, обещавшая полный успех, заставила принца принять решение покинуть Индию. Думая, что известие о новом восстании было вымышлено тхугами, чтобы пробраться в Нухурмур, соскучившись от долгого ожидания и однообразной жизни, которую он вел, он сказал себе, что рано или поздно все равно попадет в руки англичан, и уехать решил навсегда из Индии. Чтобы не изменять этого решения, он поклялся теньями своих предков не уступать никаким убеждениям и просьбам.

Но что случилось в Биджапуре и не был ли Сердар убит тхугами перед отъездом их в Нухурмур? Арджуна боялся этого; он припоминал теперь, что еще до прибытия его в Малабар Кишнайя уже присвоил себе высшую власть общества Духов Вод. Было решено в тот же день отправить посла в Биджапур, и Нана-Сахиб одновременно стал готовиться к отъезду. Он принял решение и не мог успокоиться, пока не приведет его в исполнение.

Наступила ночь... Все спокойно спали в Нухурмуре, когда слон Ауджали вдруг огласил воздух громкими криками, и обитатели подземелья, знавшие его привычки, сейчас же поняли, что

в горах случилось что-нибудь особенное. Ласковые слова Сами, даже угрозы не могли его успокоить, а потому жители пещер вышли во главе с Нана-Сахибом на нечто вроде бельведера, чтобы осмотреть долину через подзорную трубу. Они увидели странное зрелище, за всеми перипетиями которого начали следить с возрастающим интересом. Три всадника, пригнувшись к седлам, взбирались по голым скалам и неслись во весь опор по направлению к Нухурмуру. А вдали, на равнине, извивалась черная лента и тянулась в том же направлении... Это была многочисленная кавалерия, которая, по-видимому, преследовала всадников.

Нана-Сахиб и его товарищи не успели еще поделиться своими впечатлениями, как три всадника были уже у пещер и один, не соскакивая даже с лошади, крикнул им:

— Живо! На коней! Три полка кавалерии мчатся по нашим следам. Один из них стараются отрезать нам путь к Гоа, другие загоняют нас в горы. У нас в распоряжении всего десять минут... Живо! Скорее! Ради Бога, ни слова... или мы погибли!.. — Это был Сердар.

В Нухурмуре всегда стояли на всякий случай полдюжины породистых жеребцов. Через пять минут все были уже в седле. Барбассон, слишком толстый, чтобы усидеть на лошади, поместился в хаудахе Ауджали, которого пустили вперед отряда с целью подзадорить чистокровных, ибо нет ни одной лошади в мире, которая могла бы соперничать со слоном, пущенным во весь опор.

Только теперь, когда все было готово, жители Нухурмура заметили, что среди трех всадников была одна женщина.

— Вперед, и да хранит нас Бог! — крикнул Сердар.

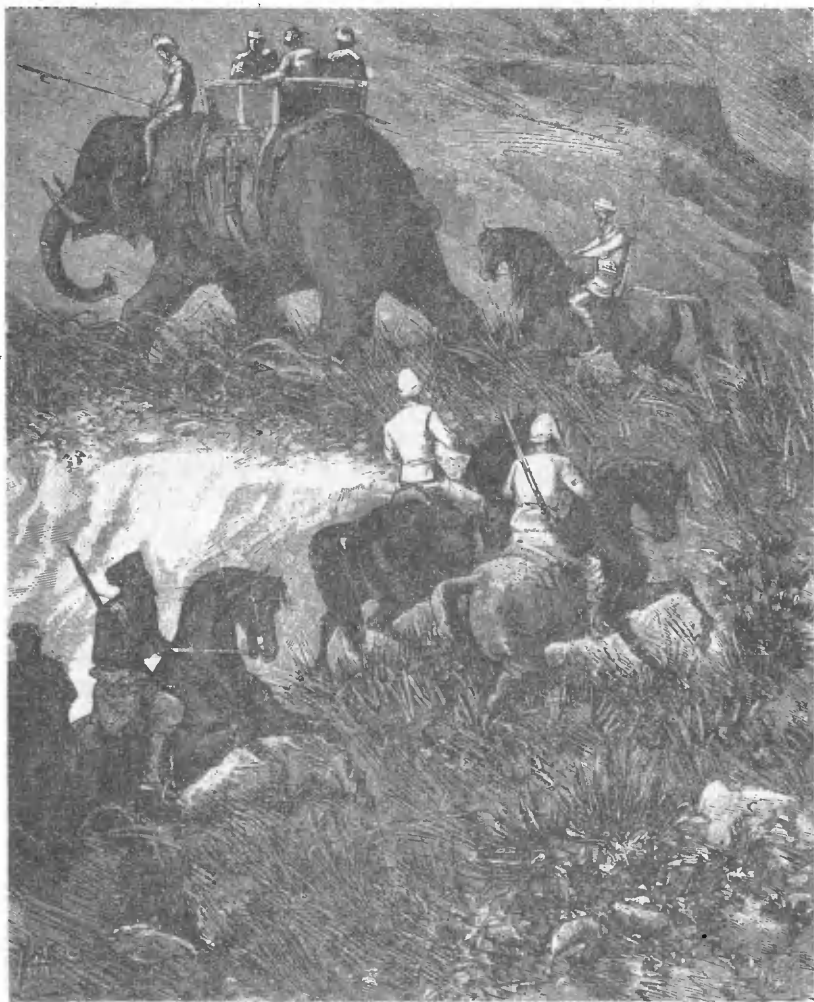
И весь отряд, как один человек, понесся вверх по склонам Нухурмура. Это было как нельзя более своевременное! На противоположном берегу озера уже показались преследователи.

Час спустя Нана и его спутники оказались на вершине гор. Прокричав три раза «ура», весь отряд понесся вниз по противоположному склону Нухурмура в сторону Гоа.

Нана-Сахиб был спасен, так не было сомнения, что он раньше своих преследователей вступит на португальскую территорию, где он был вне опасности...

Что же случилось в Биджапуре?

Последующие события развернулись с головокружительной быстротой. Как только полковник Кемпбелл узнал от своего сына о большом заговоре, задуманном его зятем, он не колебался ни

единой минуты... Что значат узы семьи, когда речь идет о счастье отечества?

Жена его, героическая Диана де Монморен, смогла выпросить у него всего только один день отсрочки, чтобы спасти своего брата. «Он спас жизнь тебе, спас жизнь Эдуарду, — сказала она, уезжая, — я заплачу свой долг и исполню свою обязанность, а ты исполняй свою!»

Кемпбелл сообщил обо всем губернатору Бомбея, который немедленно телеграфировал губернаторам Мадраса, Лахора, Агры, Калькутты и вице-королю в Биджапуре. Все они немедленно приняли самые энергичные меры для подавления готовящегося восстания. Четверо раджей Декана были арестованы, а вместе с ними и те, кого считали причастными к заговору; остановить движение было нетрудно, поскольку оно еще не было готово.

Узнав о том, что случилось, Сердар склонил голову с покорностью отчаяния.

— Бог против меня! — сказал он сестре. — Кто знает, какую судьбу он готовит Индии? Я прекращаю борьбу, но спасу Нана-Сахиба или погибну!

— Я не покину тебя, — отвечала мужественная женщина, — пока не увижу, что ты в безопасности.

Оба пустились в путь в сопровождении Анандраена. Два часа спустя вице-король отправил за ними вдогонку всю кавалерию, бывшую в его распоряжении.

* * *

Через день после этих событий, когда Нана-Сахиб, Сердар и несколько индусов, оставшихся им верными, садились на борт «Дианы», которая стояла на рейде Гоа, по городу разнесся слух, что сэра Лоуренса нашли утром убитым в постели.

— Какое счастье, — сказала Диана, прощаясь со своим братом, — что ты не был в это время в Биджапуре. Никто, по крайней мере, не будет обвинять тебя в этом гнусном преступлении.

— Преступление ли это, Диана? — сказал Сердар торжественным голосом. — Вспомни о потоках крови, которые пролил этот человек и которые собирался еще пролить.

— О, Фредерик!

— Диана! Правосудие Бога ничего не имеет общего с кривыми путями человеческого правосудия... Оно карает виновного, когда найдет это нужным... Прощай!

— Когда я увижу тебя, Фредерик?

— Никогда, Диана! Я не хочу иметь никаких связей с обществом, которое разбило мою жизнь и доказывает мне каждый день, что в мире торжествуют только интриги и подлость... Прощай, Диана, будь счастлива.

— Вперед! — крикнул капитан «Дианы».

Грациозное судно быстро отчалило от пристани и, постепенно увеличивая скорость, понеслось на всех парах в открытое море.

Диана стояла на берегу, опираясь на руку Барбассона, и тихо плакала.

— Хорошо, — говорил провансалец, прикладывая кулаки к глазам, чтобы удержать слезы, — хорошо, черт возьми, что Барнета нет здесь... С таким сердцем, как у него... Бедняга! Он так страдал бы!

Перед отъездом во Францию Барбассон узнал из газет подробности смерти сэра Джона Лоуренса.

После двадцати четырех бесполезных попыток проникнуть во дворец Лоуренса Утсара и Дислад-Хамед, чья экзальтация дошла до безумия, обманули наконец бдительность стражи и слуг; проникнув в древнее жилище Омра, они бросились, как сумасшедшие, по коридору, ведущему в комнату вице-короля... Была ночь... Несчастный спал — и фанатики искромсали его чуть ли не на куски...

Неделю спустя пакетбот «Даная» уносил Барбассона к благородному городу Марселю, откуда он уехал двадцать пять лет тому назад.

Если вы случайно будете проезжать Бланкард, станцию железной дороги из Марселя в Ниццу, и увидите красивую виллу, выстроенную в индоазиатском стиле с куполом, минаретами, гопарамом, украшенными полумесяцами в честь Пророка, — не спрашивайте, кому она принадлежит.

Барбассон, бывший адмирал флота султана маскатского, безутешный друг Боба Барнета, достиг заветной мечты: это он живет там, предаваясь воспоминаниям и развлекаясь рыбной ловлей. Пусть Магомет, веру которого он сохранил, пошлет ему благоденствие и долгие дни!

Он намеревается совершить еще одно путешествие в Индию, чтобы привезти оттуда останки своего друга. В преддверии этого он строит мавзолей, куда уединяется ежедневно, чтобы совершить омовение и молитвы по правилам, предписанным Кораном.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *Озеро Пантер*

I

Адамов пик. — Прибытие парохода. — Озеро Пантер. — Сердар. — Восстание сипаев. 7

II

Ауджали. — Серьезные известия. — Боб Барнет. — Рама-Модели — заклинатель. — Долина Трупов. 26

III

Башня Раджей. — Тайственный посланник. — Эдуард Кемпбелл. — Резня в Хардвар-Сикри. — Просьба о спасении. — Сын Дианы де Монморен. 39

IV

Судьба Барнета. — Охота в джунглях. — Грот. — Нападение носорога. — Бесполезные призывы. — Битва Ауджали в джунглях. — Спасен! . . . 47

V

Ночное видение. — Ужас Сами. — Засада. — Английский шпион. — Пленники. — Военный суд. — Тайственное предупреждение. — Приговорены к повешению. — Последние часы Барнета. — Общество Духов Вод. — Завещание янки. 57

VI

Планы побега. — Последняя сигара. — Шествие на казнь. — Сожаление Барнета. — Спасены слоном. 66

VII

Сэр Уильям Браун и Кишная-душитель. — Зловещий союз. — Цена крови. — Тайственное предостережение. — Два старых врага. — Отъезд в Пондишери Эдуарда и Мэри. 72

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *Долина Трупов*

I

Отъезд. — Ночи в джунглях. — Грот носорога. — Видение Барнета. — Совет. — Поиски проходов. 85

II

Экскурсия в долину Трупов. — Разведка. — Сердар один в лесу. — Мечты о прошлом. — Настороже. — Тайственные звуки. — Тревога. — В западне. — Напрасный призыв. — Кобры. — Ужасное положение. — Рассуждения Барнета. — Опять Ауджали. — Спасение. 97

III

- Возвращение Сердара в грот. — Планы мести. — Преследование шпиона. — Ночное бдение в горах. — Покушение. — Кишная и Веллаен. — Месть. 116

IV

- Пуант-де-Галль. — Вечер у губернатора. — Смелый визит. — Тайнственное письмо. — Сэр Уильям Браун. — Труп. — Дуэль без свидетелей. — Смертельно раненый. 123

V

- Возвращение Сердара. — Исчезновение Барнета. — Поиски генерала. — Болота Каллоо. — Лес, залитый водой. — Крокодилы. — Преследование. — Прошлое Барнета. — Странное убежище. — Ночь на верхушке кокосовой пальмы. — Опять Кишная. — «Диана». 131

VI

- Адмирал флота султана маскатского. — Мариус Барбассон из Марселя, прозванный Шейх-Тоффелем. — Странствования провансальца. — На пути в Пондишери. 144

VII

- Франция в Индии и восстание сипаев. — План Сердара. — Распределение ролей. — На рейде в Пондишери. — Прием. — Комическое положение. — Узнали. — Страшная неудача. — Покушение на самоубийство. — Поддельная депеша. — Королевский отъезд. 148

VIII

- Потерянные надежды. — Отъезд в Хардвар-Сикри. — Воспоминания детства. — Английская эскадра. — Преследование. — Подвиги «Дианы». — Ко дну. 163

IX

- Осада Хардвар-Сикри. — Окруженные со всех сторон. — Майор Кемпбелл. — Все средства исчерпаны. — Надо сдаваться. — Похищение майора. — На рейде Бомбея. — Отъезд парохода. — Фредерик де Монморен. — Брат Дианы. 171

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Нухурмурские леса

I

- Гатские горы Малабарского берега. — Жители девственного леса: тхуги, хищные звери и тотта-ведды. — Английские шпионы. — Исчезновение Нана-Сахиба. — Сердар и Барбассон. — На озере Нухурмур. — Сюрприз. 183

II

- Раненый. — Тотта-ведда. — Открытие Нухурмура. — Тайнственные подземелья. — Покинут на берегу. — Преследование на озере. — Ури! Ури! — Возвращение в подземелья. 190

III

- Нана-Сахиб и Сердар. — Серьезный разговор. — Жизнь Барнета в Нухурмура. — Барбассон-Орест и Барнет-Пилад. — Честолюбивые планы. — Слава Барнета не дает спать обоим друзьям. — Отсутствие Нариндры. — Грустные мысли. — Барбассон-лингвист. 202

IV

- Ночь в Нухурмура. — Странное рычание. — Танец пантер. — Ури — заклинатель. — Минута страха. — Заслуженное наказание. — Ури — спаситель. — Попытка бежать. — Бегство Ури. — Сон Нана-Сахиба. — Крик силена. —

Ночная экскурсия по озеру. — Сигнал Нариндры. — Почта из Франции. — Душевное волнение. — Приезд Дианы. — Новости извне.	210
---	-----

V

Торжественный час. — Совещание. — Комическое появление Барнета и Барбассона. — Клятва. — Планы защиты. — Донесение Барбассона. — Ури говорит. — Шпион Кишнаи, предводителя тхугов. — Факир попал в свою западню. — Ловкая защита. — Рам-Шудор. — Разговор между Рамой и Нариндрой.	226
--	-----

VI

Свидание Нариндры и Рамы с Нана-Сахибом. — Бурный разговор. — Страшная клятва. — Нана освобождает Сердара от данного им слова. — Приготовление к отъезду. — Появление Кишнаи.	243
---	-----

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Развалины храмов Карли

I

Идеи Барбассона и мечты Барнета. — Рыбная ловля. — Тайнственное движение шляпки. — Зловещие предчувствия. — Отпечаток человеческой ноги. — Непонятный арест. — Неизбежная смерть. — Заколдованная шляпка.	250
---	-----

II

Пленники тхугов. — Развалины Карли. — Предложение Кишнаи. — Попытки к бегству. — Подземный ход. — Невозможность двинуться вперед и вернуться назад. — Безнадежно погибшие. — Барнет съеден шакалами. — Бегство Барбассона. — Отъезд на Цейлон.	264
--	-----

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Тайны подземелий

I

Последние уловки Рам-Шудора. — Прибытие «Дианы» на Цейлон. — Барбассон замечен на яхте. — Хитрость факира. — Уильям Браун предупрежден. — План Барбассона. — Смертный приговор факиру. — Заклинатель и пантеры. — Повешен.	283
--	-----

II

Вход яхты в порт Пуант-де-Галль. — «Королева Виктория» преследует «Диану». — Дон Хосе-Эммануэль-Энрике-Хоакино-Васко де Барбассонто Карвахал, герцог де Лас Мартигас. — Ловкая мистификация. — Приглашение на праздник. Приезд заговорщиков в Канди. — Ужин. — Барбассон играет роль джентльмена.	300
---	-----

III

Фокусники. — Танец хищников. — Барбассон-дипломат. — Покупка пантер. — Блестящая мысль. — Ночь праздника во дворце Канди. — Похищение губернатора. — Отъезд из Цейлона.	307
---	-----

IV

Суд чести. — Сэр Уильям Браун перед судом. — Обвинительный акт. — Ловкая защита. — Важное показание. — Хитрость Барбассона. — Бумажник сэра Уильяма Брауна.	319
---	-----

V

Приезд в Нухурмур. — Зловещее предчувствие. — Анандраен. — Что случилось? — Исчезновение Дианы и ее семьи. — Пленники тхугов.	334
---	-----

VI

Последнее совещание. — Где тхуги. — Совет Барбассона. — Каста душителей. — Жертвы, предназначенные для великой пуджи. — Следы похитителей. — Подвиги Рудры. — Барбассон и изменник Максвелл. — Засада. — Поимка тхугов. — Диана спасена. — Правосудие и месть. — Съеден пантерами. — Восстановление чести. 341

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Духи вод

I

Ночной сторож. — Тайнственный дворец. — Шпион англичан. — Фантастические видения. — Посланец от губернатора. 361

II

Сигнал посвященных. — Послы Духов Вод. — Ночное странствование. — Ужас шпиона. — Собрание заговорщиков. — Страшная клятва. — План начальника полиции. — Поручение к Нана-Сахибу. — Серьезное решение. — Честолюбие ночного сторожа. 371

III

Изменник. — Приговорен к трем пыткам. — Брахматма. — Зловещие предчувствия. — Смерть обвинителя. — Комитет Трех и Совет Семи. — Дворец Омра. — Свидание в Башне Мертвых. — Обморок. 382

IV

Общество Духов Вод. — Факиры-фанатики. — Тайный трибунал и брахматма. — Оживленные прения. — Смертельное оскорбление. — Факир Утсара. — Убийство. — Побег. — Спрятанные в колодце. — Избавление. 392

V

Встреча падиала. — Показания изменника. — Нить найдена. — Декрет об уничтожении общества Духов Вод. — Переодевание. — Старый пандаром. 404

VI

Сэр Джон Лоуренс во дворце Омра. — Джеймс Уотсон и Эдуард Кемпбелл. — Рассказ начальника полиции. — Повешенный и воскресший Кишнайн. — Договор. 413

VII

Падиал и вице-король. — Лев и лисица. — Зловещие предчувствия. — Старый пандаром. — Гадание. — Приятные предзнаменования. — Крик совы. — Посол смерти. — Не более трех часов жизни. 430

VIII

Странствование пандарома. — Тайное посещение дворца Омра. — Поразительное открытие. — Кинжал Правосудия вручен Судазе. — Быстрые приготовления. — План Арджуны. 436

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Колодец молчания

I

Недоумение Кишнайн. — Приготовления в Джахара-Бауге. — Что предпринять? — Варуна молчит. — Отчаянное решение. 446

II

Тайнственные дворцы Индии. — Колодец Молчания. — Утсара и падиал. — Подземелья. — Обреченные на голодную смерть. 452

III

Смертельная тоска. — Тяжелые сны. — План факира. — Две минуты под водой. — Бегство. — Замурованный в погреб. — Брахматма. — Спасение. — Отъезд. 467

IV

Оправданное подозрение. — Шпион. — Остановка в лесу. — Отдых. — Волшебный куст. — Парализованный страхом. — Призрак. — Кража. . . 480

V

Пондишери. — Бал. — Удивительные депеши. — Западня. — Шах и мат. 486

VI

Счастливая мысль. — Тайное совещание тхугов. — Кишная у вице-короля. — Экспедиция в Джахара-Бауг. — Арест брахматмы и его товарищей. 493

VII

Странное сходство. — Кто этот человек? — Спасенные брахматмой. — Необходимый отдых. — Трогательное признание. 503

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Конец заговора

I

Цель сэра Джона Лоуренса. — Пиетисты и политика. — Радость вице-короля. — Эдуард Кемпбелл назначен капитаном. — Мрачное беспокойство. — В путь! 511

II

Эдуард Кемпбелл в Джахара-Бауге. — Слишком поздно. — Эхо выдало. — След в развалинах. — Ради Бога, остановись! — На пути в Бомбей. . . . 518

III

Таинственная ночь. — Внушение во сне. — Совет Семи и тайный трибунал. — Обвинительная речь пандарома. — Вице-король приговорен к смерти. 525

IV

Кишная в Нухурмуре. — Старый друг. — Идеи Барбассона-миллионера. — Рыбная ловля. — Тревога. — Сообщение Эдуарда. — Побег. — Отъезд. — Никогда! 537

Л. Жаколио

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том I

Редактор
Т. Рютина

Художественные редакторы
И. Сайко, С. Шалимов

Технический редактор
Е. Серегина

Корректор
В. Лизунова

Подписано в печать 01.01.93. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 35,0. Усл. кр.-отт. 35,0. Уч.-изд. л. 36,2. Тираж 160 000 экз. Заказ 267.

Издательский центр «ТЕРРА». 109280, Москва, Автозаводская ул., 10, а/я 73.

**Отпечатано с оригинал-макета на Ярославском полиграфкомбинате
Министерства печати и информации Российской Федерации,
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.**

Пучи
ЖАКОЛИО

